

П. А. К у л и ш ъ.

ОТПАДЕНИЕ МАЛОРОССИИ

о тъ

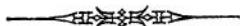
П О Л Ь Ш И

(1340 — 1654).

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

М О С К В А.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1888.

Изъ „Чтеній“ Императорскаго Общества Исторіи и Древно-
стей Российскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Г л а в а XI.

Страхъ соединенія козаковъ съ азіатскими сосѣдями.—Связь между Московскимъ и Польскимъ разореніями.—Главные дѣйствующія лица въ ускореніи Польской Руины.—Спасительный планъ великаго полководца и гражданина.

У нашихъ днѣпровскихъ козаковъ, по ихъ инстинктамъ, было больше общаго съ Татарами, нежели съ какою-либо частью польско-русского населенія Малороссіи.

Мы видѣли, что польскіе короли поступали съ козаками такъ, какъ поступали древніе русскіе князья съ дикими обитателями пустынь, лежавшихъ за рѣкой Росью съ правой стороны Днѣпра и за рѣкой Сулой—съ лѣвой; именно: привлекали ихъ себѣ на службу, какъ и другихъ иноzemенныхъ ордынцевъ.

Страхъ соединенія козаковъ съ азіатами противъ европейской гражданственности заставилъ польское правительство ухаживать за двумя измѣнниками своими, Евстафиемъ Дацковичемъ и Димитриемъ Бишневецкимъ. Тотъ же страхъ принуждалъ Польшу платить Татарамъ *тарачъ* и вооружать хана противъ низовой вольницы для очистки отъ нея запорожскихъ пустынь.

Съ своей стороны козаки, называя пановъ неблагодарными, старались ладить съ Крымцами, и чуть было не поступили на службу къ хану подъ предводительствомъ Самуила Зборовскаго, назвавшагося ханскимъ *сыномъ*. Разраженные намѣреніемъ польско-русскихъ властей взять ихъ въ крѣпкія руки, и обманувшись въ расчетахъ на Татаръ, они пытаются нисровергнуть пановъ собственными силами, съ помощью накопившагося въ безглавомъ обществѣ разбойного элемента. Но, когда домашнія средства оказались недостаточными, козаки служить крымскимъ ханамъ въ ихъ борьбѣ съ турецкимъ господствомъ, и по-старому приглашаютъ Крымцевъ для опустошенія панскихъ владѣній. Паны бываютъ козаковъ на уроцищѣ Медвѣжьи Лозы и задабриваютъ подарками Татаръ. Козаки снова служить хану, подъ предводительствомъ Дорошенка. Снова паны бываютъ ихъ, въ Переяславль, и разлучаютъ съ Крымцами посредствомъ подарковъ. Въ

1637 и 1638 годахъ со стороны козаковъ повторяется та же попытка привлечь Татаръ въ совмѣстному набѣгу на панскія имѣнія, а со стороны пановъ отправляются къ хану возы кожуховъ, жупановъ, сапоговъ и денежной дани.

Тяжелые вздохи, съ которыми козаки слушали на Масляномъ Ставу евангельскія внушенія проповѣдника, присланного Петромъ Могиллою, не замедлили сдѣлаться у нихъ волчимъ воемъ и медвѣжьимъ ревомъ, а когда ярость побѣжденныхъ панскимъ оружіемъ стихла, они вернулись къ той мысли, которая поддерживала ихъ бунты со временемъ Косинского: стали въ десятый разъ искать своего торжества надъ панами въ татарской помощи. Долго выжидали они благопріятныхъ для того обстоятельствъ. Но Польша жила въ согласіи съ Москвою; Конецпольскій отражалъ козацкіе набѣги могущественно, и въ 1644 году поразилъ Крымцевъ подъ Охматовымъ такъ сильно, какъ будто воскресъ памятный имъ панскій козакъ, Стефанъ Хмелецкій.

Наконецъ „перекопскимъ царемъ“ сдѣлался Исламъ-Гирей, про-ведшій всю молодость въ польскомъ и турецкомъ плѣну. Это былъ дикий фанатикъ магометанства, надменный своимъ родомъ, который, по его взглѣду, былъ выше султанскаго. Козаки, вращаясь по своимъ интересамъ въ магометанскомъ сосѣдствѣ, знали его съ той стороны, которая была имъ на-руку, и обратились къ нему съ предложеніемъ своего подданства, лишь бы онъ помогъ имъ одолѣть „Ляховъ“. Но Исламъ-Гирей презиралъ христіянъ вообще, смотрѣлъ на нихъ, какъ на существа низшія, и если входилъ съ ними въ договоры, то лишь для того, чтобы ихъ обмануть, какъ человѣкъ обманываетъ животныхъ. Предложеніе днѣпровскихъ джауровъ было имъ гордо отвергнуто. Это козаковъ не остановило. Они, съ своей стороны, презирали мусульманъ, и называли ихъ поганцами, невѣрными псами. Они Татаръ и Турокъ ненавидѣли почти столько же, какъ своихъ пановъ; если же, въ послѣдствіи величались дружбой и братствомъ Крымцевъ, то дѣлали это въ опьяненіи торжества надъ панами и на досаду Москальямъ, которые долго взвѣшивали, можно ли принять ихъ „подъ высокую царскую руку“. Отвергнутые въ десятый разъ, козаки терпѣливо ждали времени, когда интересы „невѣрныхъ псовъ“ соединятся съ ихъ благовѣрными интересами для опустошенія „Христіянской Земли“ *),

*) Кобзарскія думы называютъ Христіянскою Землею, иначе Святорусскимъ Берегомъ, безразлично и Востокъ и Юговостокъ польскихъ владѣній, когда говорить о возвращеніи пленниковъ изъ татарской и турецкой неволи.

Междуд тѣмъ колонизація малорусскихъ пустынь, по усмиренію козаковъ и Татаръ, пошла такъ успѣшно, что у Конецпольскаго явилась мысль — вымѣстить Кипчакскую Орду совсѣмъ изъ „Таврики“ и заселить Крымъ христіянами. Эту мысль Конецпольскій давно уже оборачивалъ въ умѣ своемъ и совѣщался о способахъ къ ея осуществлѣнію съ преданными ему людьми. Въ 1645 году изложилъ онъ свой проектъ на бумагѣ, но не рѣшался покамѣстъ публиковать, въ виду всеобщаго стремлѣнія землевладѣльцевъ къ мирнымъ занятіямъ, которымъ больше всего мѣшали минувавшіе съ 1638 годомъ козацкіе бунты.

Проектъ Станислава Конецпольскаго замѣчательнѣе всего тѣмъ, что въ немъ польско-русской республикѣ указывалась необходимость искренно-тѣснаго союза съ Московскими Царствомъ. Колонизаторъ малорусскихъ пустынь призывалъ въ московскомъ правительству та-кія способности къ заселенію новопріобрѣтенныхъ земель, что онъ былъ готовъ предоставить въ его распоряженіе Крымъ по изгнаніи изъ него Татаръ. Онъ призывалъ за „Москалями“ также и умѣніе удержать навсегда въ своемъ обладаніи „Таврику“, къ чему, очевидно, считалъ не способными своихъ единоплеменниковъ, Поляковъ. Дѣло это представлялось ему опаснымъ съ одной только стороны, именно съ той, что Москва, занявъ Крымъ, и жива въ такомъ близкомъ со-сѣдствѣ съ козаками, можетъ, пожалуй, отторгнуть отъ Польши и козаковъ, и „всю Русь“; но всѣ-таки приходилъ онъ къ заключенію, что для Польши лучше было бы имѣть въ „Таврикѣ“ со-сѣдями подозрительныхъ пріятелей, „Москалей“, нежели явныхъ непріятелей „язычниковъ“.

Планъ этотъ, столь же человѣчный, какъ и дальновидный, занималъ знаменитаго охранителя Польши такъ серьезно, что осенью 1645 года послалъ онъ въ Крымъ искуснаго геометра и рисовальщика Себастіана Адерса, родомъ изъ Мазовіи, подъ видомъ купца, для снятія на планъ и изображенія тамошнихъ городовъ и крѣпостей. Но черезъ годъ съ небольшимъ Конецпольскаго не стало, и его внезапная смерть открыла свободный ходъ роковымъ событиямъ, которыхъ, повидимому, одинъ онъ могъ бы остановить.

Эти события возымѣли свое начало въ тѣхъ обстоятельствахъ, которые сопровождали Московское разореніе. Изъ Московского разоренія вытекало разореніе Польское.

Однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ на сценѣ смуты, послѣдовавшихъ за прекращеніемъ династіи Рюриковичей, явился малолѣтній польскій королевичъ, Владиславъ. Его царствованіе въ Москвѣ про-

вогласилъ величайшій полководецъ своего времени, Станиславъ Жовковскій: значить, не было оно мечтой личностей мелкихъ. Все десятилѣтнее царствованіе талантливаго короля Стефана было исполненою кипучей дѣятельности пропагандою подчиненія Москвы Польшѣ и введенія обоихъ государствъ въ широкій планъ христіянской войны съ невѣрными. Эта пропаганда не осталась безъ послѣдствій и по его смерти. Однимъ изъ нихъ было унаслѣдованіе мысли Стефана Владиславомъ. Скучая дома подъ опекой клерикаловъ наставниковъ, живой и мечтательный королевичъ неожиданно увидѣлъ себя самодержцемъ народа, готоваго, повидимому, посвятить себя тому дѣлу, которое тогда и въ героическихъ понятіяхъ рыцарства, и въ набожныхъ внушеніяхъ духовенства было величайшею славою государей и государствъ,— освобожденію христіянского свѣта отъ мусульманъ. Король Сигизмундъ, оттѣснія сына отъ московскаго престола, только усиливалъ въ его воображеніи сіяніе полновластной царственности. Въ то же самое время, въ умѣ отрова напечатѣвалось и обладаніе шведскою короною, которой домогался по-своему мечтательный отецъ. Походы въ Москвию, продолжавшіеся, съ промежутками, отъ 1604 до 1618 года, еще больше развили отроческія и потомъ юношескія грэзы Владислава. Не мало способствовало возрастанію истинно польскаго высокомѣрія и его путешествіе по Европѣ, гдѣ всюду принимали его, какъ будущаго носителя трехъ коронъ, польской, шведской, московской и, по духу панегирическаго вѣка, на каждомъ шагу высказывали, что провидѣть въ немъ совершилъ подвиговъ могущественной царственности. Наконецъ, его воцареніе въ Польшѣ, привѣтствуемое единодушными восторгами всего народа и блестательная побѣда надъ воеводою Шеиннымъ у Смоленска, по его самомнѣнию, какъ будто рукою самой судьбы, вели его къ престоламъ и завоеваніямъ, точно другаго Александра Македонскаго.

Въ виду крестового похода на Турукъ и преподанного ему отцовскими клерикалами освобожденія Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ, король Владиславъ, наперекоръ самому папѣ, сдѣлался сторонникомъ польскихъ протестантовъ и покровителемъ нашихъ противниковъ церковной уніи. Но, готовясь къ своимъ великимъ подвигамъ, онъ, и при жизни отца, и по своемъ вступленіи на престолъ, содѣствовалъ развитію въ Польшѣ той разрушительной силы, которая, по его смерти, подавила строительную.

Козаки, стучавшіе въ московскія ворота булавой Сагайдачнаго, приводившіе Турукъ въ отчаяніе подъ Хотиномъ и на Черномъ морѣ, ратовавшіе за сочиненное ими „ломанье вѣры“ на Трубежѣ и на

Альтѣ, ложившіеся одни на другихъ въ Медвѣжьихъ Лозахъ и подъ Кумейками, истреблявшіе цвѣтъ польского рыцарства на Сулѣ и оказавшіеся неодолимыми въ своихъ окопахъ на Старцѣ,—были, можно сказать, его созданіемъ, его тайной отрадою въ борьбѣ съ панскимъ полновластіемъ, его великою надеждою въ будущемъ. Ростъ ихъ увеличивался съ каждой потерей изъ козацкаго дѣла. Они, въ неудачахъ своихъ, проходили курсъ науки крушенія, основанія которой преподавалъ имъ обиженный панами шляхтичъ Косинскій, и, падая подъ ударами культурниковъ, подвергались только новому и новому искусу въ своемъ руинномъ ремеслѣ. Козацкая энергія въ подвигахъ опустошенія соотвѣтствовала энегріи старшихъ козацкихъ братій, колонизовавшихъ малорусскія пустыни съ быстротой изумительною. Смерть величайшаго изъ польскорусскихъ колонизаторовъ и могущественнѣйшаго изъ обуздателей козачини, Станислава Конецпольскаго, обозначила въ судьбахъ Польши поворотъ, послѣ котораго началось торжество разрушительной силы надъ строительною,—началась победаnomadovъ надъ культурниками...

Но возвратимся нѣсколько назадъ.

1645 и 1646 годы были моментомъ послѣдняго благоденствія, возможнаго для Польши. Европу оглушалъ не прерывавшійся третіе десятилѣтіе уже боевой гулъ; Европу потрясали кровавыя войны, а въ Польшѣ царствовала тишина, тѣмъ драгоценнѣйшая для шляхты, что кругомъ ревѣла буря,—для шляхты, но не для ея короля. Она его томила. Великіе замыслы Владислава IV ограничивались, покамѣстъ, заключеніемъ славнаго мира съ Москвой, Турціей и Швеціей, а было ему уже 50 лѣтъ отъ рода, и онъ всѣ еще стоялъ при началѣ своего дѣла, такъ точно, какъ и въ легкомысленномъ отрочествѣ. Вотъ что его томило въ побѣдительной Польшѣ среди счастливой тишины!

Владиславъ не принадлежалъ къ тѣмъ сильнымъ характерамъ, которые упорною работою преодолѣваютъ встрѣчаемыя затрудненія и постепенно достигаютъ предположенной цѣли. Не обладаетъ онъ способностью созидать средства для войны и выбирать людей, которые бы умѣли и желали содѣйствовать ему въ великому предпріятіи; проживалъ такъ или иначе все, чтѣ было у него въ рукахъ, и попадалъ въ зависимость отъ сеймующей шляхты, въ то время, когда надобно было ею повелѣвать; выпрашивалъ у нея денегъ, угождалъ влиятельнымъ сановникамъ, дѣлалъ уступки, и этимъ унижалъ царственное достоинство свое. Всякій разъ, когда приступалъ онъ къ дѣлу (пишутъ о немъ Поляки), не доставало у него средствъ для

исполненія; то разомъ начинать нѣсколько предпріятій, то впадалъ въ упылое бездѣйствіе. И какъ было ему не унывать, когда вся Европа воевала, а онъ, который сознавалъ себя рожденнымъ для блестательныхъ побѣдъ, сидѣлъ сиднемъ на своемъ прославленномъ престолѣ? Любили и хвалили его въ Польшѣ за спокойное царствованіе; называли даже великимъ, но за что? за то, что онъ умѣлъ преодолѣть жажду славы, и побѣдилъ не только Москву, Турцію, Швецію, но — и самого себя. Такимъ образомъ ставили его выше Александра Македонскаго; но это была горькая иронія. Побѣдитель терзался громкою хвалою молча, и готовъ былъ на самые отчаянные планы. Мысль о Турсѣцкой войнѣ сдѣлалась наконецъ его манією.

Нѣсколько лѣтъ уже, не объявляя сейму, пропускалъ онъ сроки посылки Татарамъ обычныхъ подарковъ, а отъ ихъ мстительныхъ набѣговъ заслонялся бдительнымъ стражемъ границъ, Конецпольскимъ. Когда донскіе козаки, съ помощью днѣпровскихъ выписчиковъ, овладѣли Азовомъ, торжествуя разомъ надъ Портой и надъ Крымцами,— онъ порывался къ нимъ на помощь, соглашалъ къ тому же и московскаго царя. Его уносливое воображеніе озарилось картиной завоеванной Таврики, картиной заселенія днѣстро-буго-днѣпровскаго Низу, богатства черноморской торговли и обращенія убогихъ неучей козаковъ къ обильной и просвѣщенной мѣщанской жизни въ приморскихъ городахъ. Но расхояйничавшіе землевладѣльцы не желали воевовать съ Татарами, опасаясь войны съ Турцией, требовали удовлетворенія Крымцевъ подарками, а Турокъ — надлежащимъ посольствомъ. Въ 1643 году султанъ подтвердилъ миръ съ Польшею, и запретилъ Татарамъ вторгаться въ ея владѣнія. Татары, однакожъ, продолжали вторженія, какъ были наконецъ страшно поражены Конецпольскимъ, съ помощью князя Вишневецкаго, подъ Охматовымъ, въ 1644 году.

Тогда король выступилъ опять съ проектомъ Крымской войны. Время было благопріятное. Въ Крыму происходили замѣшательства. Недовольный ханомъ Мехметъ-Гиреемъ турецкій султанъ, Ибрагимъ, вскорѣ послѣ Охматовскаго пораженія, свергнулъ его съ престола, велѣлъ выпустить изъ заточенія брата его, Исламъ-Гирея, и наименовалъ ханомъ. Въ Ордѣ открылась усобица между сторонниками братьевъ Гиреевъ. Въ это время Турція и Венеция готовились взаимно къ войнѣ, которая обѣщала быть долголѣтнею и для Турціи гибельною, такъ какъ султанъ Ибрагимъ былъ „не въ полномъ умѣ“, а государство его терзали междуусобныя войны. Король возымѣлъ надежду подавить Крымцевъ безпрепятственно со стороны Турціи.

Послѣ побѣды подъ Охматовыми, созвалъ Владиславъ сенаторскую раду и провелъ въ ней постановленіе, чтобы съ этого времени подарковъ Татарамъ не давать. Постановленіе состоялось въ концѣ февраля 1645 года. Ближайшій сеймъ долженъ былъ подтвердить его, а между тѣмъ король сталъ готовиться къ войнѣ, которая долженствовала возгорѣться одновременно съ Турко-Венецианской: велѣлъ строить арсеналы въ Краковѣ, во Львовѣ, въ Варшавѣ, вызывалъ инженеровъ и ремесленниковъ изъ-за границы, запасался военными снарядами. Ханъ Исламъ-Гирей прислалъ пословъ, домогаясь подарковъ. Король задержалъ ихъ до сейма, а на сеймики выслалъ универсалы, предрасполагавшіе шляхту къ подтвержденію постановленія о подаркахъ Татарамъ, состоявшагося въ сенаторской радѣ.

Главнымъ помощникомъ его былъ канцлеръ Оссолинскій. Въ блестящей и златогорной дѣятельности этого сановника исторія видѣтъ воплощеніе общественныхъ и государственныхъ недуговъ, которыми неисцѣлимо уже разболѣлся тогда разслабленный организмъ Королевской Республики. Я представлю только выразительнѣйшія черты зловѣщей личности.

Родъ Оссолинскихъ принадлежалъ къ древнѣйшимъ, но не мажновладческимъ домамъ старой Польши. Отецъ канцлера первый возвысился до сана воеводы, слѣдовательно и сенатора. Онъ отличался такимъ умомъ, гражданскимъ мужествомъ и даромъ слова, что пользовался равнымъ уваженіемъ со стороны противоположныхъ и враждебныхъ между собою партій: явленіе рѣдкое въ жизни политическихъ обществъ. О матери канцлера почтенный биографъ его, докторъ Кубаля, говоритъ, что это была одна изъ тѣхъ великихъ матронъ, которыхъ возвышенная жизнь протекала въ тишинѣ и спокойствіи. Надѣя гробомъ, по его мнѣнію, можно было бы повторить слова, сказанныя Замойскими о ея братѣ, Фирлеѣ: „Собраны сливки съ нашего молока“.

Но на вопросъ апостола: „течеть ли мутная вода изъ чистаго источника?“ приходится отвѣтить здѣсь утвердительно. Чистѣйшіе источники старопольской жизни были повсемѣстно возмущаемы іезуитами у самаго жерла ихъ. До того умѣли эти ревностные служители папы поддѣлаться подъ самые благородные характеры простосердечныхъ Полонусовъ, что пагубное воспитаніе, даваемое ими панскимъ дѣтямъ, прославлялось, какъ наиболѣшее. Такъ было и съ домомъ Оссолинскихъ.

Юрій Оссолинскій, будущій канцлеръ, лишился добродѣтельной матери на пятомъ году жизни, а добродѣтельный отецъ, на девятомъ

году, отдалъ его въ іезуитскую гимназію въ Пултускѣ, считавшуюся наилучшею въ Польшѣ. Здѣсь оставался онъ три года, которые со-впадали съ тѣмъ временемъ, когда польскіе іезуиты, съ королемъ Сигизмундомъ III во главѣ, обработали дѣло первого Лжедимитрія. Насажденное ими въ польскихъ сердцахъ лукавство приносило уже свои плоды, и заражало атмосферу общественной жизни на широкомъ пространствѣ. Подъ вліяніемъ общаго извращенія чувства правды, честный Полонустъ довѣрчиво погрузилъ сына въ самое жерло религіозной и политической фальши.

Передъ воцареніемъ Сигизмунда Вазы, онъ оказалъ императорскому австрійскому дому памятное для этого дома усердіе, и теперь послалъ сына въ іезуитскую академію въ Грацѣ, состоявшую подъ главнымъ заѣдствіемъ эрцгерцога Фердинанда, будущаго императора, который любилъ и чтилъ орденъ іезуитовъ „какъ мать“, сохраняя его „какъ зѣницу ока“ и объявляяль во всеуслышаніе, что „лучше желалъ бы, чтобъ его собственный домъ исчезъ, нежели іезуиты“.

Біографъ Оссолинскаго говоритъ, что „никогда бы въ Польшѣ не могъ усвоить онъ такихъ католическихъ воззрѣній“, какія усвоилъ на всю жизнь въ тѣсномъ общеніи съ семействомъ Фердинанда и съ іезуитами. Четыре года провелъ онъ въ грацкой аптекѣ ядовъ, отравлявшихъ умы и сердца католического міра, а эти годы соответствовали тому краупенію нравственности въ москворусскомъ и польско-русскомъ народѣ, посредствомъ котораго іезуиты едва не погубили Московскаго Царства заодно съ будущимъ его приростомъ, возсоединеною Малороссіею.

По тогданней общественной оцѣнкѣ, установленной, какъ въ Австріи, такъ и въ Польшѣ, іезуитами, Юрій Оссолинскій получилъ воспитаніе блестящее. По оцѣнкѣ нашего современника, его біографа, монастырь и монаршій дворъ было все, что онъ видѣлъ; людей такихъ, какими они есть, Оссолинскій не зналъ и не понималъ,—можно сказать, что въ теченіе четырехъ лѣтъ не развился онъ вовсе... Въ этомъ-то и состояла суть іезуитскаго воспитанія.

Господствовавшая тогда въ Польшѣ мода велѣла образованному юношѣ, передъ вступленіемъ въ государственную службу, совершить путешествіе по Европѣ. Въ этомъ Полякоруссы опередили Москворуссовъ тремя столѣтіями; но іезуиты обратили преимущество ихъ въ ничто.

Молодой Оссолинскій прежде всего посѣтилъ Голландію, которую такъ великодушно силился вырвать изъ католическихъ рукъ Вильгельмъ Оранскій, и которая ввѣрила ему власть на все время

войны за свободу совѣсти. Прошло уже 24 года послѣ того, какъ вооруженный іезуитами фанатикъ своимъ выстрѣломъ положилъ конецъ человѣколюбивымъ подвигамъ Вильгельма,—и представитель „вольнаго Шляхетскаго Народа“, путешествуя по мѣстамъ, которыхъ Вильгельмъ Оранскій прославилъ въ исторіи борьбы съ деспотизмомъ, не находилъ для себя другаго дѣла, какъ богоомольничать въ католическихъ церквяхъ. Блѣдный и худой отъ прилежнаго ученія, едва вышедшій изъ отрочества, юноша „былъ похожъ на клерика“. Онъ состоялъ уже членомъ церковнаго братства Маріи Панны и такого же братства Св. Духа, а въ Краковѣ вписался у бернардиновъ членомъ братства Св. Михаила. Сохранились его записки, проливающія безотрадный свѣтъ на людей, которые считались лучшими и даже великими въ Польшѣ. Въ нихъ Оссолинскій разсказываетъ о характеристической продѣлкѣ, которую онъ сочинилъ самостоително, па шестнадцатомъ году жизни, по случаю болѣзни сопровождавшаго его, въ качествѣ тѣлохранителя, Далмата Посседари. Вотъ его собственные слова: „Посседари заболѣлъ такъ, что три недѣли, отъ тяжкихъ страданій, находился почти въ безпамятствѣ. Онасаясь, чтобы меня, mojego chлorsa, не ограбили, или не умертвили, я выдалъ себя за его слугу, одѣвшись въ лакейское платье и говоря, что это убогій воинъ Ѣдетъ изъ Москвы въ Нидерланды на службу, а меня, какъ знающаго нѣмецкій языкъ, уговорилъ въ Сilesiѣ Ѣхать съ собою“.

Въ Лувенѣ, славившемся своею разновѣрческою академіей, Оссолинскій слушалъ весьма прилежно цѣлый годъ философію, право, исторію, политику, блистательно защитилъ диссертацио „De optimo reipublicae statu“, посѣтилъ Фландрію, Англію, оттуда перебѣхаль во Францію, провелъ опять цѣлый годъ въ Парижѣ, усовершенствовался во французскомъ языкѣ, въ математикѣ и въ краснорѣчіи. Кромѣ того бралъ уроки верховой Ѣзды, игры на лютнѣ и танцевъ, изучая въ то же время всякия публичныя церемоніи и торжества. Послѣ того отправился на годъ въ Падую, гдѣ учился итальянскому языку, стилистикѣ и декламаціи. Изъ Падуи Ѣздилъ въ Римъ, чтобы изучать церковныя дѣла. Здѣсь онъ погрузился въ омутъ клерикальной казуистики, подъ руководствомъ честуемаго при папскомъ дворѣ доминиканца, Авраама Бзовскаго, славнаго автора *Церковной Лѣтописи*: какъ отецъ вызывалъ его домой по случаю предпринимаемаго королевичемъ Владиславомъ похода въ Московію, на который онъ смотрѣлъ, какъ на дорогой для молодаго человѣка случай проложить себѣ дорогу къ дигнитарствамъ и пожалованіямъ.

Теперь Юрий Оссолинский не былъ уже похожъ блѣдною худощавостью на клерика. Теперь онъ чаровалъ всѣмъ глаза прекрасною наружностью и тѣмъ, что называлось тогда *grandezza*, — тѣмъ искусствомъ лицедѣйствовать въ роли публичнаго оратора и общественнаго дѣятеля, которое онъ усвоилъ себѣ въ высокой степени, какъ самое важное достоинство молодаго аристократа. Только смѣхъ былъ на его выразительныхъ устахъ „слишкомъ рѣдкимъ гостемъ“. Но что наше поражало бы непрѣтно въ молодомъ человѣкѣ, то еще больше возышало его во мнѣніи общества польскорусскихъ магнатовъ, болѣе или менѣе одураченныхъ іезуитскимъ взглядомъ на вещи. Во всѣхъ положеніяхъ жизни онъ былъ все тѣмъ же клерикомъ, являвшимся въ разнообразныхъ роляхъ,—до того, что, когда ему пришлось соперничать за невѣжу съ богатѣйшимъ изъ польскорусскихъ паповъ, кляземъ Янушемъ Острожскимъ, и Янушъ внезапно скончался, онъ устранилъ соперника съ его дороги приписывая Господу Богу, и „благодарилъ святой маестать Божій за его великое прovidѣніе (za wielką opa艂szno艂 Bo艂a Jego 聖emtu Majestatowi dzie艂owa艂)“. Это его собственные слова.

„Во всемъ его повѣствованіи“ „(говорить о запискахъ Оссолинскаго его біографа)“ „видимъ его постоянно въ (ксензовскомъ) орнатѣ, и дурно ли, хорошо ли онъ поступаетъ, всегда у него Господь Богъ на устахъ“.

Перлъ іезуитскаго воспитанія не могъ оставаться въ Польшѣ безъ соотвѣтственной оправы. Въ виду угрозъ Османа II завоевать Польшу по Балтийскому морю, чтобы, окруживъ Европу своимъ флотомъ въ соединеніи съ голландскими и вѣмецкими протестантами, начать борьбу съ австрійскимъ домомъ,—надобно было согласить Англію къ противодѣйствію магометанамъ. Органомъ этого соглашенія былъ избранъ блестящій пітомецъ іезуитовъ, и, чтобы его несравненная *grandezza* дѣлала надлежащее впечатлѣніе, дали ему какимъ-то выражуясь по-польски—*roka艂tunym* способомъ громкій тигуль графа Тенчинскаго. Въ своей сияющей оправѣ, поражающей высокимъ, по мнѣнію современниковъ, просвѣщеніемъ, 26-лѣтній посолъ оправдалъ передъ Іаковомъ I англійскимъ и его парламентомъ составившееся въ Польшѣ мнѣніе о его краснорѣчії. Какъ отецъ графа Тенчинскаго своимъ честнымъ вмѣшательствомъ примирялъ враждебныя партіи даже во времена конференціи, такъ наружность, ораторскія позы и декламація сына его производили на польскихъ верховодовъ такое впечатлѣніе, что когда, въ позднѣйшее время, поднимался онъ съ мѣста въ законодательномъ собраніи, самые сварливые люди умолкали ради одного

удовольствія слушать его. „Онъ царствуетъ словомъ (ille regit dictis)“, говорили о немъ приверженцы. „Обезоруживаетъ умы и сердца (anipos et pectora truces)“, прибавляли враги его... Такъ было и въ Англіи. При всемъ разномыслѣ своемъ, и торіи и биги заслушались цицероновской латыни посла красавца. Рѣчь, произнесенную Оссолинскимъ передъ королевскимъ трономъ, восхищенный Яковъ повелѣлъ напечатать на латинскомъ, англійскомъ, французскомъ, испанскомъ и пѣмѣцкомъ изыскахъ.

Такъ и должно было быть. Оссолинскій владѣлъ въ совершенствѣ искусствомъ лести, и постигаль истинно іезуитски слабыя стороны тѣхъ, къ кому обращалъ свое уладительное и вмѣстѣ грандиозное слово, въ декламаціи же превзошелъ онъ всѣхъ своихъ учителей. Но грустное впечатлѣніе дѣлаеть иныи та часть рѣчи польского посла, въ которой онъ изобразилъ, какая предстоитъ опасность всей Европѣ, и напаче Англіи, въ случаѣ паденія Польши. Эти слова, внушенныя блестящему оратору его национальнымъ высокомѣрiemъ, выслушивались въ то время, какъ иѣчто разумнос, людьми, державшими въ своихъ рукахъ богатства и судьбы вселенной. Такое же впечатлѣніе производить и торжественный, пышный, исполненный почтенія къ Польшѣ приемъ посла са съ самаго появленія его на англійской территории. То была горькая пронія такъ называемаго рока, возвышающаго и низвергающаго гражданскія общества въ видахъ потребностей человѣчества.

Торжество политического витія польского въ Англіи было полное. Но Яковъ I относительно недалекой уже англійской революціи былъ то, что Сигизмундъ III относительно приближающейся Польской Руины. Будущіе кромвелісты, пуритане, озабочивали его не меныше, какъ и будущіе хмельністы, козаки, тревожили современного ему короля польскаго. Посольство Оссолинскаго и его продолжительное пребываніе въ Англіи не имѣли никакихъ результатовъ.

Къ чести польскорусскихъ правительственныхъ людей, сенаторовъ и земскихъ пословъ, созданный іезуитами государственный человѣкъ не имѣлъ большаго между ними хода до конца жизни Сигизмунда Вазы. Изъ панской добычи, которую львы польской олигархіи дѣлились яростно между собою, Оссолинскій добился только трехъ староствъ. Этого было бы достаточно для многихъ другихъ пановъ, но слишкомъ мало для человѣка съ его завоевательными средствами. Только передъ смертью старого короля благопріятели сдѣлали его надворнымъ подскарбіемъ, чтѣ, при его выработанной въ іезуитскихъ

школахъ дѣятельности и ловкости, дало ему возможность держать въ рукахъ и Коронный Скарбъ.

Къ чести ума и сердца Владиславова надобно также сказать, что, будучи королевичемъ, Владиславъ держаль Оссолинскаго въ почтительномъ отдаленіи. Но Оссолинскій, возвышаясь медленно, заставилъ новаго короля, оцѣнить свои способности выше, нежели цѣнило ихъ олигархическое правительство. Въ качествѣ надворнаго подскарбя, то есть ministra двора, принималъ онъ важное участіе въ избраніи на престоль сына почившаго короля, и сдѣлался его ораторомъ, его приватнымъ министромъ. Новый король осипалъ его вдругъ такими дарами, что одну только пожалованную ему саблю цѣнили въ 10.000 злотыхъ. Но Владиславъ IV сверхъ того подарилъ ему собственный дворецъ въ Варшавѣ, шестерню дорогихъ лошадей, 60.000 наличными деньгами, богатые обои, которыми были украшены хоры краковскаго собора, и бидгоское старство, одно изъ богатѣйшихъ въ Польшѣ. Сколько эта чрезмѣрная щедрость озлила нѣкоторыхъ олигарховъ, столько привлекла она къ восходящему свѣтилу можновладства другихъ, заинтересованныхъ по-своему въ королевскихъ пожалованіяхъ. Результатомъ умноженія благопріятелей новаго вѣльможи было то, что коронаціонный сеймъ согласился на замѣну его дѣдичныхъ добръ королевскими добрами, называвшимися Смердиною и находившимися въ его „державѣ“. Подобная мѣна всегда составляла выгоду частнаго лица, и была для Оссолинскаго своего рода наградою, которая опять привлекла къ нему многихъ, видѣвшихъ въ этомъ собственный интересъ.

Оссолинскій началъ играть въ одно и то же время двѣ роли, повидимому несовмѣстимыя: католическая партія видѣла въ немъ своего представителя, такъ точно какъ и протестантская, или что въ сущности было одно и то же, разновѣрческая. Питая противоположныя надежды однихъ и другихъ, подвизался онъ для себя лично, вовсе не для короля, и въ то время, когда казалось, что католичество для него всего дороже, или, что для разновѣрцевъ онъ рискуетъ своею репутацией въ католическомъ свѣтѣ,—на днѣ его души таилась польская привата, поддерживаемая брачниками Іезуса въ польскихъ можно владицахъ весьма старательно.

Новый глава олигархической республики, король Владиславъ, избралъ политику, противоположную политикѣ минувшаго царствованія. Но его мнѣнію, другъ и наставникъ отца его, императоръ Фердинандъ II, въ своей ревности къ церкви, обнаруживалъ нелюбовь къ своему народу. Владиславъ заявлялъ не только религиозную терпимость, но и религиозное согласие. Предполагалось привлечь къ дѣя-

тельному участію въ предпріятіяхъ короля и протестантовъ, и державшихся съ ними за руки православниковъ важными уступками въ ихъ домогательствахъ, только эти уступки надлежало сдѣлать такимъ способомъ, который бы успокоилъ негодованіе католической партіи и самого папы. Въ проведеніи такого неудобопонятнаго для нацъ церковно-политического проекта Оссолинскій выросъ во всю высоту своего злоторнаго генія, въ которомъ проявился оіезуїтъ членъ самой Польши.

Желая возвратить своему дому протестантскую Швецію, новый король обѣщалъ не ограничивать свободы польскихъ диссидентовъ никакими мѣрами; а намѣреваясь объявить свои права на московскій престолъ, привлекалъ онъ къ себѣ дизунитовъ. Между тѣмъ первенецъ новой династіи московскихъ государей, пользуясь промежуткомъ безкоролевья въ Польшѣ, вознамѣрился отнять у нея старыя ворота своего царства, Смоленскъ. Польскихъ патріотовъ тревожило опасение, какъ бы Москва не привлекла къ себѣ малорусскихъ православниковъ, которыхъ они воображали солидарными въ ихъ національныхъ и общественныхъ интересахъ. Перемиріе со Шведами истекло уже. Въ случай новой войны, боялись, какъ бы Шведы не нашли себѣ доброжелателей въ Королевской Республікѣ. При такихъ обстоятельствахъ, правительственные паны-католики, въ безкоролевное время, были принуждены къ уступкамъ диссидентамъ и совершили предоставили новому королю успокоеніе „схизматиковъ“, какъ называются Поляки православныхъ и нынѣ.

Въ качествѣ воина, король дѣйствовалъ искренно, но совѣтники и руководители его, во главѣ которыхъ стоялъ Оссолинскій, основывались на іезуїтскомъ правилѣ, по которому въ присягѣ слова и намѣренія могутъ быть и не одинаковы, такъ что, кто передъ Богомъ обѣщаетъ исполнить данное слово, но въ то самое время вознамѣрился не исполнить его, того присяга не обязываетъ ни къ чему. Когда Владиславъ произносилъ торжественную присягу—ввести въ самую жизнь тѣ, чтѣ обѣщалъ диссидентамъ и православникамъ ревностный католикъ, литовскій канцлеръ, Альбрехтъ Станиславъ Радивилъ, *) присутствуя при этомъ официально, шепнуулъ ему на ухо: „Не могите ваша королевская милость имѣть этого въ *намѣреніи*“; па чтѣ король

*) Это древнерусское имя писали еще по-русски въ XVI-мъ столѣтіи (авторъ Боркулабовской Хроники) и въ XVII-мъ (Кулаковъ, Самовидецъ). Я пишу его по-русски въ XIX-мъ.

отвѣчалъ честно: „Кому присягаю устами, тому присягаю и намѣрѣемъ“.

Слова Радивіла служать историку ключемъ къ объясненію дальнѣйшихъ дѣйствій католической партіи, представляемой въ своемъ лицѣ Оссолинскимъ.

Зная обнаруженное этими словами правило, папскій нунцій тотчасъ успокоился на счетъ сдѣланныхъ схизматикамъ уступокъ, лишь только ему сказали, что уступки вынуждены временною необходимости, въ видахъ войны съ Москвою; что король обѣщаль вести унію инымъ, болѣе прочнымъ способомъ; что отправить къ папѣ посольство для объясненія своихъ дѣйствій, и не только обѣщаетъ ему привести на лоно католической церкви польскихъ схизматиковъ, но и Шведовъ, и Москву, противъ которой идетъ воевать, повергнуть къ ногамъ святаго отца. Собственно королю нужно было не позволеніе, а молчаніе Римской Куріи, потому что католическая партія была довольно сильна для того, чтобы всѣ планы его рушились, еслибы папа объявилъ свое несогласіе на тѣ пункты перемирія съ иновѣрцами, въ которыхъ присягнулъ король.

Существовалъ въ Польшѣ обычай—по восшествії на престоль новаго короля, посыпать въ Римъ посольство для засвидѣтельствованія Апостольскому престолу государственной подчиненности, которою Поляки гордились, какъ ревностнѣйшіе изъ всѣхъ воителей подъ знаменемъ Св. Креста. Теперь надобно было спарадить посольство, какъ для оправданія сдѣланныхъ иновѣрцамъ уступокъ, такъ и для другихъ, менѣе важныхъ для короля дѣлъ, изъ которыхъ особенное вниманіе русскаго историка обращаетъ на себя ходатайство шляхты передъ святымъ отцомъ о пріостановленіи перехода панскихъ, пначе земскихъ, имуществъ въ руки духовенства.

Уже четыре короля старались пріостановить это зло, угрожавшее Польшѣ, по словамъ самихъ католиковъ польскихъ, обратить ее въ „духовное государство“. Въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда III особенно усилился зловѣштій переходъ свѣтскихъ имуществъ къ духовенству; на другихъ же имѣніяхъ отяготѣли такие долги, что много богатыхъ землевладѣльцевъ было вытѣснено духовными людьми изъ имѣній, а сыновья ихъ „принуждены были жить среди козаковъ“. Папскимъ нунціямъ, резидовавшимъ въ Польшѣ, представлялась уже возможность — „въ короткое время обратить въ католичество всю русскую шляхту, а за нею мѣщанъ и мужиковъ, безъ всякихъ увѣщаній, однимъ тѣмъ, чтобы всѣ 23.000 дигнитарствъ и бенефицій, находившихся въ распоряженіи короля, раздавать однимъ только духовнымъ“.

Посломъ въ Римъ былъ избранъ человекъ, пользовавшійся довѣріемъ не только такихъ пановъ, какіе воззвали на митрополію Петра Могилу, но и такихъ, какіе стояли за спицой у литовскаго канцлера, когда онъ испыталъ королю достопамятное слово о *наміренії*. Самые іезуиты надѣялись, что имъ, какъ ордену полусвѣтскому, Тенчинскій графъ, помимо орденовъ монашескихъ, походатайствуетъ разрѣшеніе святаго отца на обращеніе шляхетскаго сословія въ безземельниковъ. Но у нихъ, сверхъ того, была еще тяжба съ Краковской Академіей, которую они тѣспили своими школами. Они и здѣсь возлагали надежду на своего питомца, такъ точно какъ надѣялись на него и академики.

Въ качествѣ великаго посла, Оссолинскій воспользовался выведенными изъ Москвы сокровищами короннаго скарба, для того чтобы явиться передъ Западною Европой представителемъ „величайшаго изъ монарховъ Сѣвера, короля польскаго, шведскаго и царя московскаго“. Нагляднымъ представленіемъ могущества своего монарха и своею собственою пышностью ему подобно было облегчить себѣ достиженіе предположенной цѣли въ томъ городѣ, „гдѣ“ (по замѣчанію самихъ Поляковъ) „богатымъ и сильнымъ рѣдко въ чемъ отказывали“. Но, такъ какъ богачемъ опять-таки не былъ и „денегъ напрасно тратить не любилъ“, то въ приготовленіяхъ къ своему посольству долженъ былъ прибегнуть къ соображеніямъ, свойственнымъ его изворотливости.

Прежде всего подобралъ опять себѣ „дворянъ“, отличавшихъся мужественною красотой, богатствомъ и образованностью, изъ которыхъ бы каждый представлялъ съ такимъ достоинствомъ особу посла, своего пана, съ какимъ онъ самъ—особу короля, и чтобы, видя ихъ, можно было сдѣлать выгодное заключеніе обо всей шляхтѣ. Зная, съ какимъ великолѣпіемъ появлялись въ Римѣ посольства французскія, постановилъ онъ: „чтобы то, что у нихъ было изъ серебра, у него было изъ чистаго золота,—что у нихъ изъ золота, то у него изъ драгоценныхъ камней,—что у нихъ изъ драгоценныхъ камней, то у него изъ діамантовъ“. А для того стѣнило только взять изъ короннаго скарба на показъ все блестящее да истратить соотвѣтственно незначительную сумму на выставку,—и глаза Римлянъ будуть ослѣплены. Кортежъ его состоялъ изъ 300 людей, 20 экипажей, 30 верховыхъ лошадей, 10 выночныхъ верблудовъ и соотвѣтственного количества нагруженныхъ всякимъ добромъ брикъ. Все это было распределено и построено съ такой глубокой обдуманностью, для пораженія Римлянъ изумлениемъ, съ какимъ геніальныи воинъ ведеть въ огонь свои побѣдносныи колонны. Въ довершеніе дешеваго эффекта, Оссолинскій везъ

папъ подлинную грамоту Константина Великаго, которою Константинъ подарилъ церкви городъ Римъ. Грамота эта, по завоеваніи Турками Константиополя, сдѣлалась достояніемъ казны московскихъ царей, а по взятіи Москвы великимъ Русиномъ Жуковскимъ, попала въ польскія руки: „драгоценный подарокъ для папы и славный для Польской націи“, какъ пишутъ Поляки.

Въ то самое время, когда Оссолинскій дивилъ представителей католической Европы театральнымъ великолѣпіемъ своей обстановки, получено было въ Римѣ извѣстіе о торжествѣ короля Владислава надъ московскою ратью подъ Смоленскомъ. Это событие вдохновило польского оратора такою громозвучностью, хвалебною для короля и папы, а порицательною для Москвы, что святой отецъ тутъ же сказалъ своему камерленго:^{*)} „И Цицеронъ не говорилъ бы лучше“.

Слушали латинскую рѣчь Оссолинскаго послы французскій и другихъ католическихъ государствъ. Было чтѣ слушать имъ. Представитель могущественнѣйшаго монарха Сѣвера привѣтствовалъ главу западной церкви такими напримѣръ словами:

„Сколько ни есть народовъ, покрывающихъ Сѣверъ Европы на широкомъ пространствѣ отъ Карпатъ до Каспійскаго моря и отъ Ледовитаго океана до моря Чернаго, всѣ они, въ лицѣ моего монарха Владислава, преклоняются нынѣ предъ престоломъ твоимъ, святый отче: ибо всѣ тамошніе народы—или принадлежать его маестату по праву наслѣдственному, или же, покоренные оружіемъ, признаютъ его повелителемъ своимъ“.

Национальное самохвальство польского посла находило въ Римѣ полное сочувствіе, когда онъ говорилъ: „Оttomanский полумѣсяцъ, разрушившій столько городовъ укрѣпленныхъ, перешагнувшій столько непроходимыхъ пропастей и быстрыхъ рѣкъ, истребившій столько христіянскихъ поселеній, останавливаютъ Поляки голою грудью. Что татарская свирѣпость не разлилась по всей Европѣ, этимъ обязана Европа одной Рѣчи Посполитой. Многократно побѣдили мы Москалей, христіанъ только именемъ, самимъ же дѣломъ и обычаемъ горшихъ изъ всѣхъ варваровъ,—побѣдили, и наконецъ прекраснѣйшую часть ихъ областей обратили въ нашу провинцію... Узриши еще, съ помощью Божіей, передъ своею столицею и одичалыхъ скандинавскихъ львовъ, присмирѣвшихъ подъ могучей рукою Владислава; узриши

^{*)} Это званіе носить при дворѣ папы кардиналь, управляющій юстиціей и финансами. Послѣ смерти папы до избрания новаго, камерленго управляетъ папскимъ царствомъ.

передъ собой отступниковъ общаго пастыря, и затвориши ихъ въ овчарнѣ своей", etc. etc.

Чтобы заручитъся помощью самовластной олигархіи въ великихъ предпріятіяхъ короля своего, проектировалъ Оссолинскій еще прежде союзъ католическихъ магнатовъ подъ фирмой рыцарскаго братства Безпорочнаго Зачатія. Это братство должноствовало состоять изъ 48 членовъ, возвышенныхъ папою въ княжеское достоинство и обязаннныхъ повиноваться въ войнѣ съ первыми великому магистру, польскому королю. Папа, чрезъ своего пупція, обѣщалъ дать санкцію проекту Оссолинскаго, который, служа мечтательнымъ впданью Владислава, въ то же самое время представлялъ Римской Куріи новый способъ обладанія Польшею въ лицѣ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ ея олигарховъ. Теперь, восхищенный послемъ и посольствомъ, памѣстникъ Христа утвердилъ Братство Безпорочнаго Зачатія, и дать Оссолинскому титулъ римскаго кназа. Зато же и римскій кназъ увѣрилъ Христова памѣстника, что въ Польшѣ „весь сеймъ, сенатъ и народъ больше заняты борбою за религію съ согражданами своими, нежели безопасностью и цѣлостью общаго отечества“.

Но тутъ Оссолинскій зашелъ уже слишкомъ далеко въ обольщении властителей земли: основавшись на его увѣреніи, папа не поступилъ иначе иначе епископствомъ и иподиумъ храмомъ изъ той добычи, какую получила въ польской Руси чрезъ посредство измышенной іезуитами унії. Наруженная имъ конгрегація изъ 4 кардиналовъ, 4 прелатовъ и 4 ученыихъ теологовъ, послѣ пятинедѣльного взвѣшиванья этого вопроса на католическихъ вѣсахъ, не могла найти никакого способа, которымъ бы Апостольская Столица могла принять самомаѣтіе участіе въ возвращеніи схизматикамъ ихъ предковской собственности. Оссолинскій добился того, что папа запретилъ монашескимъ орденамъ въ Польшѣ приобрѣтать земскія имущество (однакооже фактически оказалось это невозможнымъ), добился своими истинно іезуитскими уловками, черезъ самихъ же іезуитовъ, и того, что іезуитскія школы, основанныя въ Краковѣ вопреки привилегированной королами Краковской Академіи, были закрыты; но вопросъ уніатскій *de jure* остался въ томъ же положеніи, въ какомъ быть при Сигизмундѣ III.

Такимъ образомъ то, для чего собственно бѣдилъ Оссолинскій въ Римъ, послужило только къ его славѣ среди толпы, стекавшейся со всего свѣта въ столицу католичества, и къ его возвышению въ глазахъ людей, цѣнившихъ заслуги по титуламъ. Возвращаясь въ отчество черезъ Флоренцію, Венецию и Вѣну, онъ былъ принимаемъ

точно владѣтельный постентарь, и осыпаемъ безпрімѣрными подарками, а Фердинандъ II австрійскій вручилъ ему на прощанье дипломъ, которымъ княжеское титло, присвоенное имѣшіемъ Оссолинскаго, сдѣлалось принадлежастью, какъ его особы, такъ и его потомковъ; Фердинандъ пріименовалъ его княземъ Римской Имперіи. Латинскимъ языкомъ различіе между двумя титулами выражалось такъ: *Princeps Ossolinski, Dux in Ossolin.*

Возвратясь въ отечество, Оссолинскій получилъ въ награду обширныя имѣнія въ завоеванной королемъ Съверіемъ, къ которымъ прикупилъ еще Батуриль съ его окрестностями и Конотопъ. Теперь онъ былъ вполнѣ магнатъ, или то, что Полякоруссы называли *на всю юбу панъ.*^{*)} Но король имѣлъ недоволеніе; іезуиты обидѣлись; духовные и свѣтскіе можновладники завидовали; шляхта видѣла свои надежды обманутыми, а его титулами была разогорчена.

Всего досадиѣ шляхты было то, что Оссолинскій не привезъ изъ Рима запрещенія *всему* духовенству приобрѣтать земскія имущества. Уже давно ходили въ Польшѣ тревожные толки, что духовенству прінадлежитъ въ Коронѣ больше имѣній, нежели королю и дворянству. Въ недавнее время некоторые монашескіе ордена, путемъ судебныхъ обазательствъ, получили въ Великой Польшѣ по 15, 20 и 30 селъ, а подъ нашимъ Львовомъ католическое поповство и монашество пріобрѣло покупкой столько имѣній, что „еслибы надобно было выбрать подсудка, то пришлось бы выбирать монаха или монахиню“. Лучше изъ католиковъ были такого мнѣнія, что „безмѣрие расширение церковныхъ имуществъ загрудняетъ согласіе между сословіями свѣтскими и духовными, помогаетъ возрастанию еретичества, подкапываетъ рыцарство и грозитъ католической церкви презрѣніемъ, а отечеству руиною... Могутъ наступить такія времена“ (говорили многие), „когда шляхта не будетъ въ состояніи и даже не захочетъ оборонять духовенство: тогда еретики возьмутъ себѣ все“.

Но, впustивши козла въ огородъ еще тогда, когда невѣжество мѣшало знать его свойства, шляхта не знала теперь, какъ положить предѣль его вредоносности. Въ облегченіе „сословія рыцарскаго“, хотѣли стѣснить церковную собственность разными обязательствами. „Рѣчь Посполитаг“ (твердили поумнѣвшіе вотще люди) „окружена со всѣхъ сторонъ грозными непріятелями. Нѣть у нея другихъ крѣпостей, кроме шляхетскихъ пороговъ. Шляхтичъ долженъ приготвлять сыновей

^{*)} Взято съпольского рана *cała gęba* (*gęba*—рать).

къ военной службѣ, покупать вооруженіе, держать на готовъ коня, отбывать военную службу на собственномъ содержаніи, идти на по-сполистое рушение и почти всегда впутываться въ долги, при этомъ оставлять хозяйство, во время похода нести значительные траты, издерживаться па воспитаніе дѣтей, давать приданое дочерямъ. На его головѣ лежать пожертвованія, монашескіе ордена, записи костеламъ, содержаніе каплицъ и гробовищъ, церковные расходы, десятина, літургійная плата (*meszne*), зерновая десятина (*małdrały*), выкупъ плѣнниковъ, сеймикованье, трибуналъные расходы, военные смотры. Духовные же никакихъ издержекъ не несутъ, и потому обростаютъ пе-ремъ, скопляютъ деньги и скапаютъ шляхетскія имѣнія. Было бы справедливѣе, чтобы они отъ своего достатка удѣляли шляхѣ, а не отъ шляхты приобрѣтали добра, которыхъ должны ненаружимо переходить изъ рыцарскихъ рукъ въ рыцарскія, чтобы и Рѣчь Посполитая, и костели оставались цѣлыми... Республика—хозяйка у себя: *можетъ* она воспретить всензамъ и монахамъ приобрѣтеніе шляхетскихъ имуществъ".

Много было всяческихъ пререканій со стороны противниковъ и защитниковъ духовенства. Защитники успокаивали шляхту закономъ 1607 года, по которому духовнымъ нельзя ни приобрѣтать свѣтскихъ мастиостей, ни держать ихъ за собой пожизненно. Противники отвѣчали, — что „этого закона невозможно привести въ исполненіе по причинѣ могущества духовенства, которое не признается его. Да его легко и обойти, потому что, хотя бы законъ и ангелы писали, а дьяволъ въ немъ лазейку найдетъ. Вотъ папа запретилъ монахамъ приобрѣтать имущества, а монахи твердятъ, что подъ предлогомъ милостины (*jałmużny*) приобрѣтать дозволено“.

Дѣло кончилось тѣмъ, что на сеймѣ 1635 года было запрещено всему духовенству приобрѣтать земскія имущества. Но сеймовые постановленія часто оставались въ Польшѣ мертвою буквою. Духовные органы Сейма, епископы, отстаивали сильно свое полное обладаніе жалкимъ Шляхетскимъ Народомъ, и только юридически не устояли противъ соединенныхъ усилий шляхты.

Король, будучи въ согласіи съ антиклерикалами, настоялъ и на томъ, чтобы сеймъ, не взирая на напу, подтвердилъ его примиреніе съ малорусскими противниками унії.

Въ этомъ случаѣ безсиліе общественного мнѣнія въ Польшѣ, колеблемаго во всѣ стороны, выразилось тѣмъ, что маршаломъ Посольской Избы выбранъ былъ не кто другой, какъ тотъ же, недавно всѣхъ огорчившій Оссолинскій, и онъ-то, главнымъ образомъ, содѣйствовалъ

сеймовому постановлению относительно юридического спасения шляхты отъ стажательности духовенства.

Но зато его великолѣпный проектъ о титулахъ, сопровождаемыхъ ношениемъ орденского креста на золотой цѣнѣ, подложенной лентою,— проектъ, за который ухватился Владиславъ для подкрѣпленія своего ничтожнаго монархизма, сеймующая шляхта отвергла рѣшительпо, для сохраненія своего гражданскаго равенства, надобно помнить, только номинального.

Съ тѣмъ же упорствомъ стояло законодательное собраніе и противъ войны, которой жаждалъ король, мечтая возвратить отчину предковъ своихъ, Шведское Королевство, и достояніе козаконанскаго оружія, престолъ нашихъ Рюриковичей, занимаемый уже 23 года Романовыми,—возвратить съ тѣмъ, чтобы соединенные силы трехъ монархій обратить противъ Туровъ, а въ концѣ концовъ — обезсмертить себя завоеваніемъ Гроба Господня.

Добивалась высшаго и вышшаго положенія въ государствѣ, Оссолинскій поддерживалъ рыцарскую мечтательность короля, и въ то же самое время комбинировалъ всевозможныя событія въ пользу всемирнаго владычества римскаго папы. Въ 1638 году онъ былъ наименованъ короннымъ подканцлеромъ, а въ 1645-мъ—короннымъ великимъ канцлеромъ. Восходя со ступени на ступень, онъ, подобно многимъ счастливцамъ того времени, вѣровалъ въ свою звѣзду, ворочалъ всѣмъ законодательнымъ собраніемъ, смотрѣлъ на него сверху внизъ, и дошелъ до того, что произносилъ передъ соединенными Посольскою и Сенаторскою Избами такія слова, которыя, по выражению его бiографа, были „дерзкимъ пренебреженіемъ всего законодательнаго собранія“. Но этимъ-то и бралъ онъ у короля, который постоянно боролся за монархическія права свои съ сеймовыми представителями панской республики. Въ 1639 году, изъ-за его открытой наглости противъ маршала Посольской Избы, государственный сеймъ бытъ что называется сорванъ. По собственнымъ словамъ Оссолинскаго, онъ „карабкался выше и выше по скаламъ, и преодолѣть самую фортуну“. Не мудрено, что такой фаталистъ политической интриги бытъ вдохновеніемъ рыцаря-короля, и держать его до конца подъ своимъ патубинымъ влияніемъ.

Едва ли не самымъ лукавымъ, иначе—самымъ глубокимъ, дипломатическимъ замысломъ Оссолинскаго было созданіе въ Польшѣ малорусскаго патрiархата, напрасно приписываемое Владиславу. По пословицѣ *ex ungue leonem* *), оно похоже больше на изворотливаго

*) По когтямъ узнаютъ льва.

выскочку-магната, нежели на простодушного воина-короля. Если бы удалось Оссолинскому облечь Петра Mogилу патріаршимъ саномъ, то этимъ самимъ была бы расторгнута историческая связь польской Руси съ Востокомъ, следовательно и съ Русью московскою, упія съ западною церковью совершилась бы сама собою, и тогда бы оправдалось таинственное обѣцаніе короля, что отъ устропить новую упію, болѣе прочную и могущественную, нежели Брестская, которую нарушилъ онъ ради того же Петра Mogилы. Одигъ папа, но не піевскій митрополитъ, какъ у насъ думаютъ, былъ препятствиемъ къ созданію малорусского патріархата, который разлучилъ бы навсегда двѣ русскія народности, и сдѣлалъ бы въ исторіи римской церкви имена Оссолинскаго и Петра Mogилы однаково величими. Для сохраненія церковной традиції во всей непарушимости, святой отецъ неумышленно потубилъ Польшу и, на вѣчное горе своихъ поклонниковъ, спасъ отъ исчезновенія въ польскомъ элементѣ Малороссію.

Кстати замѣчу здѣсь, что въ Римѣ вовсе не понимали, какъ стоять у насъ уніятское дѣло. Находя немыслимымъ утвердить малорусский патріархатъ, папа находилъ возможнымъ для Петра Mogилы и его пріятели, Адама Кисѣля, среди тогдашняго смятенія малорусскихъ умовъ, объявить себя католиками. Въ 1643 году онъ звалъ своими письмами того и другаго на лоно римской церкви.

Да, король былъ воинъ, а не политикъ. Вопреки пріемамъ Оссолинскаго, который, съ именемъ Господа Бога на устахъ въ добрыхъ и злыхъ поступкахъ, всегда дѣйствовалъ такъ, что и козы были сыты, и сѣно дѣло, онъ прослылъ въ Римѣ „главнымъ опекуномъ еретиковъ и схизматиковъ“; онъ поссорился изъ-за упіи съ папой Урбаномъ VIII, и вооружилъ его противъ себя такъ, что святой отецъ велѣлъ іезуитамъ сдѣлать королевскаго брата, Яна Казимира, членомъ своего ордена, и собственноручно увѣдомилъ о томъ короля. Владиславъ былъ задѣтъ этимъ за живое, и не могъ удержаться отъ слезъ. Надѣло ему наконецъ возиться съ церковными дѣлами. Онъ предоставилъ поповское посамъ, и погрузился въ комбинацію борьбы съ мусульманами во славу своего, можно сказать козацкаго, имени.

Съ осени 1644 года па папскомъ престолѣ, вмѣсто Урбана VIII, сидѣлъ Иппокентій X, отличавшійся дружелюбиемъ къ польскому воинственному королю. Подъ его ласковымъ вліяніемъ, у Владислава ожила съ новою силою мысль объ изгнаніи непріятелей Св. Креста изъ Европы. Осуществленіемъ этой мысли король, очевидно, надѣлся дать иной оборотъ церковнымъ дѣламъ въ Польшѣ. Притомъ же онъ имѣлъ въ виду виспровергнуть имперію Оттомановъ чрезъ посредство

христіянскихъ подданихъ султана: мечта, сдѣлавшаяся популярною и въ козацкой республикѣ со временемъ пребыванія въ ней Александра Оттомануса, назвавшаго себя крещенымъ султаничемъ. Поэтому не следовало ему огорчать константинопольского патріарха и его Гревковъ малорусскимъ патріархатомъ, который нашу церковную іерархію привелъ бы прямой дорогой къ „единости“ съ церковью римскою. Да и папу надобно было по возможности ласкать уваженiemъ церковныхъ традицій, разсчитывая на его денежную помощь...

Григорій XV помогалъ Сигизмунду III деньгами во все времена войны съ Османомъ II и платилъ ему 10.000 скуди *) ежемѣсячно до конца жизни, для содержанія военной силы противъ Турокъ, не считая щедраго пожертвованія, сдѣланаго кардиналомъ Бамбергомъ. Такой же помощи ожидалъ и Владиславъ IV отъ папы Иннокентія X. На письмо свое о пособії получилъ онъ отвѣтъ благопріятный. Папа обѣщалъ помочь Полякамъ, очевидно, въ видѣ подкупа ихъ относительно унії, которая была, какъ сознается польская исторіографія, — „зѣницей ока католической церкви“. Посылая въ Польшу нунція Торреса, архіепископа адрианопольского *in partibus infidelium*, то-есть титуларного или будущаго, папа велѣлъ ему дѣйствовать по предмету соединенія церквей тайно даже отъ короля и примаса **), открываясь во всемъ только тремъ лицамъ, Оссолинскому, Селявѣ и Терлецкому, которые должны были наставлять его, какъ поступать съ примасомъ, чтобы онъ помогъ у короля и стоялъ за Брестскую унію на сеймѣ.

Этотъ наказъ обнаруживаетъ самъ по себѣ, какого двуличнаго человѣка сдѣлалъ своимъ наперсникомъ Владиславъ IV въ особѣ канцлера, и чего надобно было ждать отъ королевскаго любимца въ рѣшительные моменты внутренней и внѣшней политики.

Оссолинскій придумалъ способъ для открытия военныхъ дѣйствій противъ Турциі безъ согласія польской палаты депутатовъ, называвшейся Посольскою Избою и польской палаты первовъ, называвшейся Избою Сенаторскою. Король былъ отъ него въ восхищеніи. По плану канцлера, известное уже намъ постановленіе сената обѣ отказъ Татарамъ въ подаркахъ должно было оставаться во всей силѣ до полнаго собранія на сеймѣ обѣихъ законодательныхъ палатъ. Раздосадованные отказомъ Татары не замедлятъ вторгнуться въ польскія границы. Тогда король воспользуется предоставленнымъ ему правомъ

*) Итальянская монета scudo цѣнилась въ 5 франковъ 35 сантимовъ.

**) Вспомнимъ, что и въ Наливайково время примасъ чуждался церковной унії. (См. выше стр. 108 первого тома).

„отвращать отъ государства опасность собственными средствами“, изъ оборонной войны перейдетъ въ наступательную и займетъ Крымъ. Турки станутъ оборонять свою Татарію. Панамъ, домогавшимся отъ короля мира, по-неволѣ придется поддержать честь польского оружія и вторженіемъ въ Турцію предупредить повтореніе Хотинской войны. Обычайная папою деньги, вмѣстѣ съ его вліяніемъ на католическую партію, устроитъ остальное. Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, планъ Оссолинскаго.

Шляхта, въ своемъ вѣчномъ разладѣ съ *панами*, желала Турецкой войны, подобно ея родственникамъ, козакамъ, которые постоянно расходились въ своихъ интересахъ съ богатою и мирною частью населенія Рѣчи Посполитой. Оссолинскій умѣлъ и дома не хуже, какъ за-границей, направлять умы къ предположенной цѣли; по его задуманной цѣль всегда и для всѣхъ оставалась тайною. Въ качествѣ великаго, то-есть коронпаго, канцлера, онъ, въ сеймовой пропозиціи 1645 года, высказался такъ:

„Въ обезпеченіе украинныхъ земель мы основывались на платежѣ Татарамъ подарковъ, которые они попросту зовутъ гарачемъ. Этотъ всюду ославленный стыдъ нашего народа сносили мы еще, пока наша душа утоляла въ Ордѣ жажду грабежа и плѣненія въ Польшѣ. Теперь же, когда весь Крымъ едва не обратился въ разбойничій вертѣль тѣхъ, которые увозятъ наши подарки, король предполагаетъ вамъ на размышленіе: хотите ли оставаться въ такомъ посрамленіи, платя за собственные утраты, или же, уповая на милость Божію, на до-запашное счастье и доблѣсть нашего монарха, на пламенную готовность вождей служить отечеству и на мужество войска, желаете поступить, какъ велиять памъ — неизвращенная слава нашихъ народовъ, безопасность нашихъ братій, достоинство шляхетской крови и, наконецъ, свобода столькихъ душъ, кровью Спасителя нашего искупленыхъ, прокованная къ языческимъ галерамъ на гибель христіанства. Не хочеть его милость король отдавать на страшномъ Божіемъ судѣ отчетъ въ такомъ множествѣ своихъ поддалныхъ, отуреченныхъ, Божіе имя ругающихъ; не желаетъ онъ также кровавыхъ слезъ, взывающихъ къ Богу о миценіи и прошибающихъ небеса. Готовъ онъ взвѣренныхъ ему людей заслонить отъ ихъ несчастья собственою грудью и тамъ искать свободы, откуда приходитъ неволя“.

Польско-руssкіе магнаты, при всей своей гордости, можно сказать царственной, издавна привыкли продавать королямъ свои услуги за дигнитарства и пожалованія. Владиславъ задобрилъ представителя когда-то православныхъ Острожскихъ, Доминика, князя на Острогѣ

Заславского, литовского подканцлера Льва Сопіту, Юрія Скумпіна Тишковича, Іеремію князя Вишневецкого, Януша Радивила, а въ томъ числѣ и фактора продажи, Юрія Оссолинского, раздачею—кому воеводства, кому гетманства, кому города, кому богатаго староства. Проче „дуки“ польской олигархіи должны были ждать и дослуживаться такой же раздачи. Но кромъ дигнитарствъ и королевщинъ, у Владислава въ рукахъ были еще римскіе скуды, которые было предположено дѣлить между пособниками Турецкой войны. Побѣдитель московской рати покупалъ у пановъ, подъ видомъ помощи, косвенное позволеніе выступить на новое поприще военной славы, и фактические государи Польши обѣщали явиться къ титуларному королю своему съ контингентами, какъ союзники. Когда Татары будутъ отражены и прогнаны, въ чёмъ, послѣ Охматовскаго пораженія, не сомнѣвался никто, побѣдители „на ихъ шеяхъ“ вѣдуть въ Крымъ; но то будетъ уже не войско Рѣчи Посполитой, а *хоругви польскихъ пановъ*: различие, съ польской точки зрѣнія, существенное. Всѣмъ будетъ казаться, что воюетъ не король, не Королевская Республика, а Заславский, Радивиль, Вишневецкий и другіе по собственной волѣ (*na swoja gękę*), безъ вѣдома и дозвolenія короля въ отмщеніе за татарскій побѣгъ на *ихъ владынія*. Этимъ де способомъ крымскіе ханы не разъ высыпали въ Польшу своихъ мурзъ; не однъ разъ и Порта, повелѣвъ хану вторгнуться въ Украину, оправдывалась потомъ, что случилось это безъ ея вѣдома. А чтобы Турки не помогли Татарамъ, козаки, съ позволеніемъ короннаго гетмана, пойдутъ на Черное море и не допустятъ галеръ турецкихъ въ Крымъ.

Въ ожиданіи папскаго отвѣта касательно 500.000 скудовъ ежегодно на два года, король поставилъ отдать Москвѣ городъ Трубчевскъ и звать ее къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Татаръ, а изъ Турціи прійдетъ къ нему извѣстіе, лишь только загорится война съ Венецией.

Ведя свои дѣла по обдуманному такимъ образомъ плану, король могъ обойтись безъ постановленія сейма. Довольно было для него—согласія обоихъ канцлеровъ, короннаго великаго гетмана да нѣсколькихъ первенствующихъ пановъ.

Весною 1645 года ожидаемая Турко-Венецианская война всыхнула, и въ концѣ апрѣля турецкій флотъ въ 348 кораблей везъ уже сильное войско, сухопутное и морское, для завоеванія острова Крита, считавшагося оборонными воротами Венециі.

Съ другой стороны ханъ Исламъ-Гирей, не получивъ гарача и съѣдавъ объ универсалахъ, которыми король побуждалъ свою Республику къ войнѣ съ Татарами, просили у турецкаго султана такъ-назы-

ваемаго эмира, то-есть дозволенія вторгнуться въ Польшу со всѣми крымскими, ногайскими и буджацкими ордами.

Султанъ подозрѣвалъ волошскаго господаря въ невѣрности, боялся, чтобъ король не поддержалъ его и не соединился съ Москвою противъ Татаръ, какъ обѣ этомъ носился уже слухъ въ Турціи. Въ іюль прислали онъ хану просимый эмиръ.

Король спокойно вызывалъ татарскій набѣгъ, такъ какъ недавно получилъ извѣстіе, что новый ханъ не совладаетъ съ собственными подданными. Трудно было предвидѣть, что султанскій узникъ, освобожденный по прихоти полуපомѣшаннаго деспота, разыграетъ вмѣстѣ съ завзятымъ козакомъ столь важную роль въ пользу московской царственности, какую готовился разыграть интриганъ канцлеръ съ послушнымъ ему королемъ въ пользу всемирного владычества римскаго папы. Но Исламъ-Гирей былъ не таковъ, какимъ воображали его въ Польшѣ.

Ориенталистъ Гаммеръ-Шургшталь разсказываетъ, что, привезенный изъ заточенія на островъ Родосъ въ Стамбуль, не зналъ онъ, чтѣ его ждетъ, и бытъ принять грозныи въ своемъ полуизступленіи султаномъ надъ купальней (въ іюнь 1644). „Смотри, Исламъ“, (сказалъ полураздѣтый Ибрагимъ) „я сдѣлалъ тебя ханомъ. Отныне будь другомъ друзей моихъ и врагомъ враговъ моихъ. Кромѣ моего слова, не слушай никакого другаго. Сколько тебѣ лѣтъ?—„Сорокъ“ (отвѣчаль новонареченный ханъ). Но хотя только-что началъ я садиться на сѣдло, надѣюсь править моимъ боевымъ конемъ хорошо на службѣ падишаха“. Тутъ на него накинули соболию шубу, опоясали дорогой саблею, и царственный Гирей, гордый внушенiemъ султана, обратился къ великому визирю съ такими словами: „Такъ какъ вы сдѣлали меня ханомъ, то надѣюсь, что будете поступать по моимъ просьбамъ и не станете давать мнѣ наказовъ, обращаться съ певѣрными. Между мной и ими сабля“.—„Да править Аллахъ тобою! мы не будемъ въ это вмѣшиваться“, отвѣчалъ визирь.

Прибывши въ Крымъ, Исламъ-Гирей обезглавилъ своихъ враговъ, отправилъ въ Польшу пословъ за гарачемъ, а часть мятежной Орды послалъ въ Московію, подъ предводительствомъ своихъ приверженцевъ. Въ числѣ ихъ находился и Полякъ Свидерскій, котораго Татары звали Сяусъ. Но спокойствія въ Крыму новый ханъ возстановить не могъ. Сторонники бывшаго хана ушли на Буджаки, и ждали возвращенія своихъ изъ похода, чтобы низвергнуть Исламъ-Гирея. Видя грозящую опасность, испросилъ онъ у султана эмиръ, по которому всѣ орды должны были идти подъ его буничукомъ въ Польшу.

Ізвѣстіе объ этомъ могло прійти въ Варшаву не раньше половины юля 1645 года. Орда обыкновенно набѣгала въ начать января, если не по первой травѣ: оставалось полгода на приготовленія къ отпору.

Король тотчасъ послалъ повелѣніе строить чайки, чтобы весною 1646 года, въ отмѣніе за „неожиданный“ набѣгъ Татаръ, онъ могли появиться на морѣ; коронному великому гетману велѣлъ (въ августѣ) написать къ визирю, что если Татары осмѣлятся вторгнуться въ Польшу, то онъ покроетъ Черное море козацкими чайками; воеводѣ Мстиславскому приказалъ отдать немедленно Трубчевскъ царю, а послу своему въ Москвѣ велѣлъ предложить ему союзъ для соединенія вооруженныхъ силъ обѣихъ державъ противъ Татаръ.

Недавно наследовавшій своему отцу молодой царь, Алексѣй Михайловичъ, назначилъ въ Варшаву великихъ пословъ съ наказомъ трактовать съ королемъ о войнѣ съ Татарами.

Одновременно съ вѣстью о близкомъ вторженіи Орды прибылъ въ Польшу венецианскій посолъ Джюованни Тьеполо съ просьбой о помощи Венеції. Именно просилъ онъ, чтобы король, для разведненія турецкихъ силъ, повелѣлъ козакамъ идти на море и выжечь на побережьяхъ заготовленный лѣсъ и галеры, которыхъ строили изъ него Турки.

Владиславъ зналъ этого венецианца, какъ пріятнаго человѣка, еще во время своего путешествія по Европѣ. Потомъ Тьеполо пріѣзжалъ въ Польшу посломъ и ознакомился съ этимъ государствомъ. Джюованни Тьеполо былъ представитель одной изъ древнихъ и знатѣйшихъ венецианскихъ фамилій: предокъ его былъ дожемъ; а знатность рода Поляки цѣнили выше всего.

Владиславъ слушалъ посла весьма благосклонно; обѣщалъ употребить всю свою власть и „повѣгу“ для того, чтобы какъ можно скорѣе угодить Венеції; сожалѣлъ, что наступающая зима не позволитъ козакамъ идти на море, и при этомъ сказалъ, что долженъ еще пословѣтваться съ короннымъ гетманомъ и съ канцлеромъ.

Оссолинскій также выразилъ свое усердіе: секретно уведомилъ посла, что король готовитъ войну противъ Татаръ; что можетъ предпринять ее, не созывая сейма; что послалъ къ папѣ съ просьбой о денежнѣйшей помощи, и теперь ожидаетъ нетерпѣливо прибытія пунція; наконецъ спросилъ дружески: не можетъ ли и Венеція въ предстоящей войнѣ помочь какою-нибудь суммою? Татарская война (говорилъ онъ) принесла бы ей не малыя выгоды. Но Тьеполо отвѣталъ, что не

имѣеть отъ своего правительства порученія трактовать объ этомъ предметѣ.

Между тѣмъ султанъ Ибрагимъ, испуганный письмомъ Конецпольскаго, послалъ (въ концѣ сентября) къ хану гонца съ повелѣніемъ не вторгаться въ Польшу. Вмѣсто того, позволяя ему воевать Московскіе Царство.

Папа денегъ не прислалъ, потому что не имѣлъ, а тутъ пришли вѣсти о претерпѣнныхъ Венецианцами пораженіяхъ и неожиданныхъ турецкихъ побѣдахъ. Венецианская крѣпость Канея была взята, а съ нею и весь островъ Кандія, древній Критъ, передовой редутъ Венеции со стороны Турокъ, очутился у нихъ въ рукахъ. Опасность грозила всей Италии.

Это подало канцлеру мысль, чтобы 500,000 скуди, которыхъ король просилъ у папы, заплатили итальянскіе князья вмѣстѣ съ папою, въ видѣ благодарности за помощь Италии въ ея опасномъ положеніи. И потому, когда пунцій и Тиеполо просили его о немедленной отправкѣ козаковъ на море, Оссолинскій объявилъ, что король, глядя на дѣло Венеции, какъ на свое собственное, предполагаетъ подать ей болѣе дѣйствительную помощь, нежели козацкій морской походъ, и открыть имъ замыселъ Владислава воевать съ Турцией. Но, такъ какъ наступательной войны король, безъ согласія сейма, предпринять не можетъ, то будетъ вести войну оборонительную, подъ предлогомъ освобожденія государства отъ татарскихъ набѣговъ, изъ чего, очевидно, возникнетъ война наступательная: либо Турки, будучи вынуждены помочь Ордѣ, тѣмъ самымъ заставятъ Поляковъ дать имъ отпоръ на Черномъ морѣ. Этакъ незамѣтно начнется открытая война, не подвергая короля со стороны сейма упрекамъ въ нарушеніи мира и ломанѣ присяги. Но на войну съ Ордой и на вооруженіе многочисленнаго войска козацкаго королю нужны деньги, а потому желаетъ онъ, чтобы папа, Венеция и князья итальянскіе въ теченіе двухъ лѣтъ заплатили миллионъ скуди, „съ тѣмъ чтобы подѣлить эти деньги между мѣжду возможнѣадниками“. Рѣчь свою канцлеръ завершилъ просьбою обдумать королевское предложеніе и представить его своимъ дворамъ, такъ чтобы это дѣло получило твердое рѣшеніе и конецъ. Съ своей стороны король написалъ въ Венецию и еще однажды къ папѣ.

Тиеполо увѣдомилъ венецианскій сенатъ о планѣ канцлера, но, должно быть, не очень поддерживалъ его, такъ какъ объявилъ немедленно, что война съ Татарами не подлежитъ рѣшенію Венеции.

Между тѣмъ пришли въ Варшаву несомнѣнныя извѣстія,—что оба господаря, волошскій (молдавскій) и мультианскій (валахскій) по-

становили воспользоваться Турецко-Венецианской войною для того чтобы свергнуть съ себя мусульманское иго; что они послали съ этою цѣлью къ королю пословъ; что Греки, Болгары и другие завоеванные Турками народы замышляютъ возстать, и, наконецъ, что московскій царь отправляетъ посольство въ Польшу для заключенія союза противъ Татаръ.

Эти извѣстія подвинули Владислава на дальнѣйшій шагъ. Въ началѣ октября, черезъ нѣсколько дней послѣ послѣдняго совѣщанія, увѣдомилъ Оссолинскій венецианскаго послы и папскаго нунція,— что султанъ запретилъ хану вторгаться въ Польшу, и потому предлогъ къ войнѣ съ Ордой отмѣняется, но что на то мѣсто вскорѣ прибудетъ отъ московскаго царя посолъ, уполномоченный заключить съ Польшею союзъ и предложить ей великую вооруженную силу; что Волохи и Мультины постановили свергнуть турецкое иго, и что, при такихъ обстоятельствахъ, появление короля на границахъ Турціи вызвало бы въ ней великое смятение, которое было бы сигналомъ широкой войны съ Портою, лишь бы Венеція безъ отлагательства дала потребныя на то средства... „Тогда мы“ (говорилъ кандлеръ) „оставимъ царское войско съ горстью нашихъ противъ Татаръ, а сами съ союзниками приблизимся къ Дунаю, а въ то же время пихнемъ толпы козаковъ къ Царьграду“.

Эти слова воспламенили Венецианца. Тотчасъ пишеть опь въ своему сенату, чтобы безотлагательно рѣшались дѣйствовать въ интересѣ столь великой важности; самъ же, не теряя времени, на собственный рискъ, договаривается съ Оссолинскимъ, и предлагаетъ отъ имени Венециіи ежегодно по 500.000 талеровъ на два года. Польша и по истеченіи двухъ лѣтъ будетъ нуждаться въ помощи; поэому желалъ Оссолинскій знать: можетъ ли дожеская республика заключить съ королевской республикой наступательно-оборонительный союзъ? что же касается похода на Черное море, совѣтовалъ послу, чтобы постарался снабдить короннаго гетмана деньгами для поощренія козаковъ.

Это были предварительные переговоры, въ которыхъ король не желалъ принимать участіе, дабы не открывать своихъ мыслей и не связывать себя какимъ-либо объщаніемъ до полученія отвѣта изъ Венециіи. Нѣсколько разъ повторялъ онъ венецианскому послу, что было бы очень хорошо, когда бы королевская власть въ Польшѣ соотвѣтствовала его добрымъ желаніямъ; что все зависитъ отъ рѣшенія Рима, Венециіи и князей итальянскихъ; что не имѣть права объявить наступательную войну, и что указанный предлогъ войны съ Татарами

былъ единственнымъ способомъ открыть ее; козацкій же походъ откладывалъ онъ до совѣщеній съ короннымъ гетманомъ.

Все вниманіе короля, повидимому, было сосредоточено на Москвѣ. Свѣдѣавъ, что ханъ получилъ дозволеніе вторгнуться въ ея предѣлы, немедленно уведомилъ онъ о томъ царя, а брацлавскій капитянъ-Стемпковскій, королевскій посолъ при царѣ, заключилъ съ нимъ оборонительный союзъ, которымъ король обязался, по первому извѣстію отъ московскихъ воеводъ о вторженіи Татаръ, выслать войска свои на помощь Москвѣ, чтобъ для нея было бы важной услугою въ тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Исламъ-Гирей, успокоивъ мятежи въ Крыму, отправилъ въ декабрѣ 1645 года въ Московію 30.000 отборной Орды, подъ предводительствомъ брата своего, Нурадинъ-султана (втораго соправителя), „чтобы онъ поздравилъ новаго цара“. Нурадинъ побилъ, какъ было слышно, московскихъ воеводъ въ Рыльскомъ уѣздѣ, разбилъ царскую рать и три недѣли опустошалъ пограничныя области между Путивлемъ, Рыльскомъ и Курскомъ, гоня безчисленное множество скота передъ своими чамбулами. Коронный полевой гетманъ, Николай Потоцкій, по повелѣнію короля, выступилъ съ 15.000 войска въ помощь Москвѣ: но, по причинѣ страшныхъ морозовъ, польское войско съ трудомъ добралось до рѣки Мерла; оттуда не могло двинуться дальше и съ большими потерями въ людяхъ и лошадяхъ вернулось печально домой. Такъ пишутъ Поляки. Но страшные морозы не помѣшили Нурадину-султану сдѣлать удачный набѣгъ и прійти въ Крымъ съ ясыромъ и скотомъ. Онъ отправилъ къ царю гонца (говорили въ Польшѣ) съ требованіемъ десятилѣтней дани; въ противномъ случаѣ грозилъ, давъ отдохнуть конямъ, черезъ 40 дней вновь опустошать Московское Царство.

Когда полевой гетманъ вступилъ на помощь Москвѣ, великій гетманъ прибылъ въ Варшаву. Онъ былъ уже старикъ, но разсудилъ за благо жениться вторично, иѣхалъ для того въ имѣліе Опалинскаго, Рытвины. Однако же, постоянно думая о войнѣ съ Татарами и завоеваніи Крыма, хотѣлъ утвердить короля въ его предпріятіи, представить свой проектъ и запищать его лично, такъ что этотъ проектъ былъ регуляторомъ переговоровъ съ московскими послами, которыхъ вскорѣ ожидали. Кромѣ того, везъ онъ королю важныя извѣстія, которыя могли дать замысламъ его другое направлѣніе.

О проектѣ Конецпольского было говорено у меня поверхности. Здѣсь представляю его въ полномъ видѣ, какъ документъ великой важности въ оцѣнкѣ польско-московской взаимности.

Коронный великий гетманъ, въ присутствіи польскихъ дружественныхъ сенаторовъ, прочелъ королю и кашцлеру своей „*Dyskursъ объ уничтоженіи Крымскыхъ Татаръ и о союзѣ съ Москвою*“, состоявший въ слѣдующемъ:

„Относительно вооруженного союза съ Москвою противъ Татаръ, кто не видитъ, какъ этотъ союзъ нуженъ ей и пріятелъ, особенно теперь, когда Орда уничтожила *почти половину царства?* (Это было написано по-польски и для Поляковъ, которыхъ надобно было предрасположить въ пользу проекта) Счастливыя бы пастали времена, когда бы Таврику заселили христіяне, прогнавъ язычниковъ, что совершенно непрудно.

„Давно я оборачивалъ въ своей головѣ это дѣло: но, глядя на его легкость, тотчасъ вижу и трудность, зная, какъ мы привыкли относиться къ общественному благу. Намъ жаль и этого малаго гарнизона въ Украинѣ, а, пожалуй, и на Кодакѣ: еще болѣе было бы жаль того, чѣмъ бы надобно было удержать Крымъ.

„Поэтому было бы лучше предоставить Таврику Москвѣ, получивъ отъ нея за то помощь и вознагражденіе изъ сосѣднихъ областей. Москва съумѣла бы навѣрное заселить и держать ее, основавъ, по своему обычая, колоніи. Тогда вернулся бы къ нимъ Азовъ, а турецкія войска не могли бы къ нимъ ходить сухимъ путемъ, а хоть бы моремъ и пришли, то Москали, снабдивъ гарнизономъ четыре порта, были бы безопасны, чего не было бы съ пами, потому что, еслибы мы взяли и держали Крымъ, тогда бы война велась не въ Крыму, а въ Польшѣ.

„Но когда примемъ въ соображеніе врожденную зависть Москвы къ нашему пароду и дознанную скользкость ея вѣрности, то это дѣло представляется весьма опаснымъ (*res periculi plena*). Ибо, заселивъ это мѣсто, Москва привлекла бы къ себѣ все христіянство, прileжащее къ Эвксинскому Понту и Азовскому морю; потянула бы она и Татарскія Орды, которая бы отдѣлились уже отъ Туровъ, и могла бы ими быть намъ тяжелою. А что еще больше, живя въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ козаками, кто знаетъ, не оторвала ли бы ихъ отъ нась и вѣрою, и надеждой добычи (*spre praedae*), а потомъ — и всей Руси.

„Думая потому нѣсколько лѣтъ, какимъ бы способомъ обезопасить себя съ этой страны, напалъ было я въ мысляхъ на одинъ спосѣбъ: женить королевича (Яна) Казимира въ Москвѣ, подъ условіемъ, чтобъ ему Москва отдала, въ видѣ приданаго (*ratione dotis*), пѣкоторыясосѣднія съ той страной области, дала бы помощь для завое-

ванія Таврики, и до тѣхъ поръ ее держала, пока бы онъ тамъ не утвердился (rókiu sobie nie ugruntował sedem), въ чемъ приняла бы участіе и наша Рѣчь Посполитая. Часто бесѣдовалъ я объ этомъ съ моими пріятелями, не желая о томъ заводить рѣчь выше, такъ какъ у пасъ все считается невозможнымъ. Теперь же, когда королевичъ (Янъ Казимиръ) принялъ другое положеніе *), а королевичъ Карль **) вѣрно бы на такой бракъ не согласился, особенно тамъ, гдѣ такъ трактуютъ жениховъ, другихъ же особъ не представляется,—едва ли не лучше (*satis*) было бы имѣть въ Крыму подозрительнаго пріятеля Москаля, нежели явнаго непріятеля язычника.

„Ибо, чтѣ касается усиленія Москвы новозавоевательными народами, то и нынѣ эти народы находятся во власти язычниковъ, и однакожъ Господь Богъ Рѣчь Посполитую держитъ, а сильнейшіе должны быть (въ союзѣ) съ сильнейшими (*fortiores cum fortioribus*). Москва же волей и неволей распиряется, и ихъ непремѣнно бы за собой потянула. Къ тому же, будучи съ нами въ союзѣ, имѣя также что дѣлать и съ Турками, которые бы такую яктуру не оставили безъ вниманія, уповаю, пребывала бы въ пріязни съ нами, которые бы ей въ томъ помогли.

„Намъ же легче было бы имѣть дѣло съ Турками: потому что, когда бы Татары были отъ нихъ отѣлены, тогда бы, безъ всякаго затрудненія, сдѣлали мы своею границей Дунай, шагнули бы и дальше. Къ этому же есть у насъ способы. За Крымъ вознаградили бы насъ Волошская и Мультианская земли, а то, пожалуй, и Седмиградская, провинціи столь же богатыя, которыя бы могли сами собою вести войну съ Турками, въ сїѣствіе чего отечество наше было бы и безопасно извѣять отъ непріятеля, и свободно внутри (*in visceribus*) отъ контрибуцій и отъ своихъ войскъ (подразумѣвается, столь же вредоносныхъ, какъ и непріятельскія).

„Всѣ-таки надобно бы осторожно предлагать это Москалямъ. Они по природѣ горделивы (*ryszní*), упорны и въ каждый предметъ привыкли вникать основательно (*w ka dej rzeczy zwykli si  zasadza *). Поэтому было бы невыгодно предоставлять имъ въ обладаніе Крымъ тотчасъ съначала, а надобно только требовать отъ нихъ помощи. Потомъ, когда бъ они держались (въ Крыму) крѣпко, уступить имъ (Крымъ) такимъ способомъ, чтобы они дали Рѣчи Посполитой за по-

*). Т. е. поступилъ въ орденъ іезуитовъ.

**). Другой братъ Владислава, Карль Фердинандъ.

мощь какую-либо сильную область, чтобы обязались спасать (*ratować*) насъ отъ Туровъ, *квсякій разъ* когда въ томъ будеть надобность, и договоръ съ нами сохраняли ненарушимо. Я не теряю надежды, что когда бъ это дѣло повели искусно и достойнымъ образомъ (*decenter*), то они, въ нынѣшней *кручинѣ* своей, глядя на свои обширныя области, дымящіяся послѣ пожаровъ, и на плѣненіе такого множества душъ христіянскихъ, ухватились бы за случай къ отмщенію“.

Такова была мысль, которою Конецпольскій, можно сказать, завершилъ свою достопамятную дѣятельность. „*Dyskurs*“ его можно назвать духовнымъ завѣщаніемъ глубокомысленного и честнаго гражданина, оставляющаго свое отечество въ рукахъ людей легкомысленныхъ и любящихъ только себя. Какъ бы предчувствуя, что послѣ него будетъ коронный поистинѣ „великій гетманъ“, какъ и его предшественникъ, увѣрялъ въ счастливомъ окончаніи задуманного имъ дѣла подъ условиемъ, что къ войнѣ съ Татарами приступять не такъ, какъ ухитился оіезуиченный канцлеръ съ подчинившимся ему королемъ, а „искусно, законно, соотвѣтственнымъ способомъ и порядкомъ“, то есть съ вѣдома, согласія и одобренія Королевской Республики.

Вслѣдъ за этими словами, обезпечивающими будущность Польши, изъ его усть излилась похожая на грозящія письмена Валтасарова пира вѣсть,— что козаки, „раздосадованные невозможностью ходить на Черное море, откуда они бывало привозятъ много добычи, и убѣдясь въ своемъ бессиліи восторжествовать надъ панами“, стали недавно трактовать съ Татарами, обѣщаю поддаться хану, лишь бы онъ искренно помогалъ имъ воевать „Ляховѣ“. Имя Богдана Хмельницкаго, какъ творца нового бунта, долго не было еще произнесено. Это показываетъ, что онъ воспользовался многолѣтнею работой другихъ и могучимъ теченіемъ событий.

Г л а в а XII.

Два различные плана войны съ Турцией.—Смерть великаго воина и патріота.—Секретныя сношения короля съ козаками.—Лады у Москвы съ Польшею.—Мечты короля о завоеваніяхъ.—Сношения съ иностранными дворами по предположенной войнѣ.—Вооруженія короля.—Опозиція сторонниковъ мира.

Реляція Конецпольского о козакахъ не испугала короля; напротивъ, она послужила ему новымъ доказательствомъ необходимости Турецкой войны. Добиваясь поприща для великой славы, Владиславъ созвалъ сенаторскую раду. Нунцій и венецианскій посолъ объявили на ней свою готовность доставить часть суммы, потребной для козацкаго похода на море. Конецпольский не одобрялъ трактатовъ съ Венецией, Римомъ, итальянскими князьями, а чтобы воевать одновременно и съ Турками, и съ Татарами при такихъ субсидіяхъ, какихъ желалъ канцлеръ, объ этомъ не хотѣлъ и слышать.

Онъ совѣтовалъ отмѣнить условія, предложенные Оссолинскимъ, и настаивалъ, чтобы заинтересованные князья доставили съ разу миллионъ скуди, а кромѣ того платили по 500,000 скуди ежегодно въ теченіе трехъ лѣтъ, такъ какъ оттоманская сила вся обратится на Польшу. Только па такихъ условіяхъ соглашался Конецпольский держать совѣтъ о войнѣ съ Турцией. Относительно же козацкаго похода отвѣчалъ венецианскому послу, что скучь 200 турецкихъ кораблей въ самихъ верфяхъ значило бы покушаться на дѣло трудное и чрезвычайно опасное. Но противъ козацкаго похода не возражалъ, и кончилъ свою рѣчь тѣмъ, что король и канцлеръ дадутъ ему окончательный отвѣтъ сообразно теченію дѣла. Съ этимъ онъ и уѣхалъ изъ Варшавы къ своей невѣстѣ, паниѣ Опалинской, съ которой обвѣнился въ январѣ 1646 года.

Теперь король настойчивѣе прежняго сталъ торопить богиню случайностей, которой одной поклонялся. Теперь онъ согласился на козацкій походъ, о которомъ Тыеполо просилъ его до сихъ поръ безуспѣшно. Въ началѣ января состоялся договоръ, по которому, съ открытиемъ весны, козаки должны были выйти въ море на 40 чай-

кахъ. Тьеполо обязался уплатить имъ 20,000 талеровъ тотчасъ, а остальные 40,000 въ теченіе двухъ лѣтъ, ежегодно по 20,000. Король обѣщалъ привести въ движение всѣ пружины, чтобы уничтожить лѣсъ, галеры и даже верфи въ Стамбулѣ.

Не зналъ Владиславъ IV во чѣдѣ игратьть. Опредѣленнаго плана дѣйствій у него не было. Во всемъ онъ полагался на фортуну, которая вскружила ему голову еще въ дѣтствѣ. Канцлеръ надувалъ его парусъ то съ одной, то съ другой стороны, но думалъ всего больше о томъ, чтобы, въ случаѣ крушенія, обезопасить лично себя. Различіе между его внушеніями и совѣтами Конецпольскаго состояло въ томъ, что онъ разсчитывалъ на итальянскій союзъ и на придунайскихъ князьковъ; а коронный гетманъ желалъ опираться на собственные силы и соединиться съ Москалиами. Коронный гетманъ совѣтовалъ завоевать сперва Крымъ и подѣлиться имъ съ сѣверными сосѣдями, какъ будто зналъ, что безъ этого Крымъ сдѣлается жерломъ пожаровъ и руинъ для страны, которую предки его, Конецпольскіе, начали колонизовать съ XIV столѣтія. Не прочь бытъ онъ служить королю и въ войнѣ Турецкой; но происходившіе до тѣхъ поръ переговоры по этому предмету не удовлетворяли его.

Онъ былъ противъ какого бы то ни было оборонительно-наступательного союза; не довѣрилъ Итальянцамъ; боялся, чтобы, при обстоятельствахъ, для нихъ благопріятныхъ, не помирились они съ Турками и не оставили Королевской Республики безъ помощи. Но его мнѣнію, дѣйствительнымъ обезпеченнемъ польского рыцарства отъ купеческаго вѣроломства была бы только уплата впередъ миллиона дукатовъ и по полумилліону въ теченіе трехъ лѣтъ.

Но самимъ выразительнымъ различіемъ между планами короннаго гетмана и короннаго канцлера было то, что гетманъ предлагалъ войну законную, предпринятую съ согласія Рѣчи Посполитой, а канцлеръ не обращалъ вниманія на средства, лишь бы достигнуть цѣли. Оссолинскій зналъ, что на войну съ Турками Рѣчь Посполитая не согласится ни въ какомъ случаѣ, а на войну съ Татарами согласилась бы безъ затрудненія.

Это различіе во взглядахъ сдѣлалось причиной непріязни между канцлеромъ и гетманомъ, выразившейся въ колкомъ письмѣ Оссолинскаго Конецпольскому.

1645 годъ еще не вполнѣ благопріятствовалъ замысламъ короля; зато въ первые мѣсяцы 1646-го приходили одна за другою вѣсты, побуждавшія его къ окончательной рѣшимости.

По утратѣ Канеи, Венеція показала столько энержіи, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, къ удивленію всего свѣта, выставила для борьбы съ Турцией 53 галеры, 6 галотовъ для бомбъ, 40 большихъ вооруженныхъ кораблей, 4 бандера и значительное число мелкихъ судовъ. Венеціанская синьорія постановила — не дать турецкому флоту вернуться для обеспеченія своего завоеванія въ Кандіи, гдѣ турецкій гарнизонъ въ Канеѣ начиналъ уже бороться съ недостаткомъ сѣйстныхъ припасовъ.

Тыеполо получилъ благопріятный отвѣтъ на предложеніе короля. Синьорія назначила для Польши 600,000 талеровъ на два года, по 300,000 ежегодно, вмѣсто ежегодныхъ 500,000, которыхъ домогался король отъ папы и князей итальянскихъ. Но Тыеполо, на собственную отвѣтственность, уменьшилъ эту сумму, и сказалъ королю, будто сенатъ назначилъ только 400,000 скуди, по 200,000 ежегодно, послѣ чего прекратить платежъ, и синьорія будетъ свободна отъ всякихъ обязательствъ.

Король согласился въ принципіѣ и на эти условія, въ надеждѣ, что недостающую сумму пополнить папа съ итальянскими князьями, въ виду страшныхъ приготовленій Туровъ на сушѣ и на морѣ.

Съ дѣлами внѣшней политики тѣсно вязались у Владислава домашнія дѣла, которыхъ печальная сторона для настѣ виднѣе, чѣмъ для современниковъ.

Французскіе придворные дипломаты, въ соединеніи съ польскими хотѣли сперва женить его на французской принцессѣ Маріи Людовикѣ Гонзага, княжнѣ мантуюанской, превознося до небесъ ея небывалую красоту и преувеличивая до миллионовъ ея довольно скромные доходы. Но вліятельный при французскомъ дворѣ калуцинъ, Валеріанъ Магни, при дѣятельномъ участії Оссолинскаго, повернуль дѣломъ такъ, что Владиславъ избралъ въ подруги жизни Щецилію Ренату, dochь Фердинанда II австрійскаго. Отъ этого брака родился у него сынъ, которому, какъ думалъ отецъ, было предназначено воспользоваться новыми завоеваніями Полякоруссовъ. Не долго жила на свѣтѣ королева, и едва разнеслась вѣсть о ея смерти, какъ передъ царственнымъ вдовцомъ явились агенты европейскихъ дворовъ съ портретами принцессъ, предлагая на выборъ любую. Король по политическимъ соображеніямъ, предпочелъ всѣмъ ту самую Марію Людовику Гонзага, отъ которой отвлекли его усердные совѣтники. Важную роль въ этихъ соображеніяхъ играло то обстоятельство, что княжна мантуюанская производила свой родъ отъ Палеологовъ, и что астрологи, по сочетанію планетъ, предсказывали ей престолъ Восточной Имперіи.

Тотъ же самый Оссолинскій, который въ 1637 году женилъ его на Цецилії Ренатѣ, называя себя „простою глиною, изъ которой король могъ лѣпить что-угодно“,—въ 1646-мъ помогъ сдѣлаться польскою королевой Маріи Людвикѣ, все-таки прославляемой красавицею. Незадолго передъ ея прибытиемъ въ Польшу, до короля дошель слухъ о ея тайномъ романѣ, въ которомъ она компрометировала себя открывшимся случайно перешкодою. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ ея 34 годами и увядшей красотою, такъ поразило Владислава, что онъ не могъ скрыть своего отвращенія и въ торжественной встрѣчѣ парченной королевы польской. Однакожъ заставилъ себя доиграть роль осчастливленнаго паладина, и мужественно выслушать рѣчь своего Мефистофеля-канцлера, который привѣтствовалъ королеву, какъ цѣлую лилю Франціи, чудесно пересаженную Владиславомъ въ свой вертоградъ среди морозной зимы; какъ вѣнецъ, украшающій собачные имъ отовсюду лавры; какъ залогъ возвращенія могущества Палеологовъ; какъ сочетаніе богоицъ, оправдывающее сочетаніе планетъ; какъ надежду рожденія новыхъ побѣдителей отъ побѣдительницы защитника всего христіянства.

Въ марта прибыли въ Варшаву послы волошскіе и мультианскіе, подъ тѣмъ предлогомъ, что поздравляютъ короля со вторымъ бракомъ, во въ сущности для того, чтобы трактовать о Турецкой войнѣ. Всѣдѣ за ними прибыло иаконецъ и посольство московское, для договора о войнѣ съ Татарами.

Свадебныя празднества заставили отложить на некоторое время всѣ политическія дѣла. Варшава закружилась въ танцахъ. Женихъ бѣ единственнаго сына Оссолинскаго совпалъ съ ишрѣствами королевскими, и увеличилъ національную мапю гостепріимства, въ которомъ Поляки не дали превзойти себя ниодному народу. Но когда онишли до забвенія всего на свѣтѣ дѣйствующія лица приближающейся трагедіи,—ихъ отрезвила неожиданная вѣсть о смерти великаго воина и патріота. Станиславъ Конецпольскій скончался, едва переживъ свой медовый мѣсяцъ.

Безпощадная въ своей проницательности судьба Польши соединила не разъ великое со смѣшнымъ нераздѣльно: новый Александръ Македонскій, счастливый супругъ прелестной, какъ цѣлую лилію, принцессы, не вставалъ съ брачнаго ложа отъ подагры, и плакалъ о смерти своего Гефестіона въ подушкахъ.

Плакало въ Польшѣ о смерти Конецпольскаго многое множество людей и получше короля Владислава. Въ наше время, когда панегирики стоявшимъ на политическихъ высотахъ людямъ вышли совсѣмъ

изъ моды, и когда Поляки нерѣдко изрекаютъ суровый приговоръ надъ знаменитыми своими предками, польская исторіографія слѣдующими словами характеризуетъ почившаго на вѣки строителя Королевской Республики:

„Это былъ великий гражданинъ, счастливый воитель и знаменитый хозяинъ. Щедрый отъ благоразумія, благотворительный отъ состраданія, полный огня и таланта, дѣятельный, мужественный и слову своему вѣрный, въ сохраненіи тайны точный, въ дружбѣ непогрѣшительный. Гнулся онъ лестью, уважалъ отечественные законы и обычаи, а своимъ доблестямъ придавалъ еще больше блеска великою ученостью и остроумiemъ“ *).

Общественное мнѣніе о немъ выразилось въ глубокой горести множества людей, которые въ смерти его, даже въ составѣ его имени *Конецъ-Польскій* сувѣрно видѣли конецъ Польши **). Но изъ всѣхъ предвѣщателей страшныхъ бѣдствій, которая чуяло собирательное сердце націи по заходѣ свѣтила польской чести и доблести, никто не предсказалъ грядущаго такъ вѣрно, какъ волошкій господарь, будущій сватъ и жертва кроваваго Хмельницкаго.

„Я считаю смерть его за величайшую для христіянства утрату“ (сказалъ онъ) „и могу только оплакивать его со всѣмъ моимъ народомъ. Вы, Поляки, еще не знаете, что вы утратили, но не пройдетъ двухъ, а наидалъше трехъ лѣтъ, когда не только вы, но и все христіянство будетъ горевать о потерѣ столь великаго сенатора и полководца“.

Король вѣровалъ, что одинъ Конецпольскій могъ отвлечь козаковъ отъ ихъ руинныхъ подвиговъ и направить эту дикую силу въ государственной пользѣ. Лишь только миновалъ въ немъ первый припадокъ горя о потерѣ друга, котораго только теперь оцѣнилъ онъ по достоинству, и военачальника, котораго замѣнить кѣмъ-либо было немыслимо,—онъ отправилъ гонца къ Днѣпру, разузнать, чтѣ дѣлаютъ козаки. Тыеполо писалъ въ Венецію, что Владиславъ „оставался между страхомъ и надеждою, что теперь будетъ, и признался ему, что боится (козацкаго) бунта, который все уничтожить“.

Королевскимъ гонцомъ былъ Иеронимъ Радзѣвскій, въ послѣдствіи польскій эмигрантъ и предатель, рассказывавшій въ Парижѣ о своей поѣздкѣ въ Украину Французу Линажу, автору извѣстныхъ за-

*) Слова Д-ра Бубани.

**) Имя Koniecpolski, раздѣленное пополамъ, буквально значитъ по-русски *Конецъ Польши*.

писоѣль о бунтѣ Хмельницкаго. Это былъ honus novus между польскою знатью, какъ и Оссолинскій; но разницу между ними составляло то, что источникъ, изъ котораго вытекла его пройдошеская душа, былъ мутенъ. Главными заслугами, поднявшими его отца изъ средней шляхты на степень воеводы и сенатора, были подвиги старопольского гостепріимства. Въ его имѣніи Радзѣвичахъ, въ семи миляхъ отъ столицы, стояла знаменитая корчма на 200 лошадей, съ дворовыми строеніями на 1000 гостей, съ десяткомъ или болѣе пушекъ, сопровождавшихъ своимъ громомъ панскіе виваты, съ неисчерпаемымъ виннымъ погребомъ и съ отличною кухнею. Тамъ сановитый панъ Радзѣвскій предлагалъ усадительный отдыхъ заграничнымъ и земскимъ посламъ, равно какъ и членамъ Сенаторской Избы. Тамъ Сигизмундъ III и Владиславъ IV гостили по нѣсколько днѣй съ ряду. Не было во всей Польшѣ такихъ веселыхъ, обильныхъ и свободныхъ пировъ, какъ въ Радзѣвичахъ, и вотъ почему сынъ достойнаго родителя, Иеронимъ, сдѣлался любимцемъ короля Владислава. Впрочемъ онъ получилъ изысканное воспитаніе, владѣлъ нѣсколькоими иностранными языками, говорилъ смѣло и плавно, зналъ то, что называли тогда исторіей, зналъ польскіе законы, вѣрнѣе сказать—казуистику, и при этомъ—теорію военного искусства. Но всего глубже изучилъ онъ при дворѣ важную въ панской жизни науку интриги, и въ 1615 году былъ избранъ маршаломъ Посольской Избы, то-есть умѣлъ показать себя достойнѣйшимъ представителемъ палаты депутатовъ. Въ этомъ званіи выступалъ онъ противъ королевскаго правительства; но самъ король руководился такими сбивчивыми правилами въ выборѣ людей, что отправилъ его въ Украину по секретному дѣлу величайшей важности.

Иеронимъ Радзѣвскій уѣхалъ изъ Варшавы подъ предлогомъ осмотра имѣній жены своей. Оставшись молодымъ вдовцомъ послѣ первого, весьма выгоднаго брака, стѣмѣль онъ жениться на княжнѣ Евфросиніи Вишневецкой и, что еще замѣчательнѣе, отбить ее у пана Денгофа, съ которымъ она была обручена. Ея-то ею поѣхалъ онъ осматривать въ Украинѣ.

Былъ у него тамъ старый знакомый, войсковой асаулъ, Иванъ Барабашъ, сынъ Димитрія, гетманншаго козаками въ 1617 году. Этому Барабашу отдалъ онъ „королевскіе листы“, въ которыхъ король увѣрялъ, что козакамъ будутъ возвращены ихъ „прежнія права“. Барабашъ увѣдомилъ о томъ дружественныхъ козаковъ, и въ томъ числѣ кума своего, Богдана Хмельницкаго, войскового писаря, пользо- вавшагося большою популярностью въ козацкой средѣ. Четверо вой-

сковыхъ старшинъ отправились немедленно въ Варшаву, именно: Иванъ Барабашъ, Илья или Ильянъ, известный между козаками подъ именемъ Вірмена (Армянина), а между панами—подъ именемъ Вадовскаго *), Нестеренко и Богданъ Хмель, котораго паны, для польского благозвучія, именовали Хмельницкимъ. Радзѣевскій рекомендовалъ Хмельницкаго особенному вниманію короля, какъ бы оправдывая дрернюю пословицу: „подобный подобному нравится“.

Съ этими представителями Запорожскаго войска Владиславъ соѣщался почкою, гдѣ присутствіи только семи лицъ, которыхъ козаки, въ своихъ показаніяхъ, называли сепаторами, принимая за польскаго сепатора и самого Тынѣполо. Онъ повелѣлъ козакамъ быть готовыми къ сухопутному и къ морскому походу, по противѣ какого непріятеля, не обозначилъ. Козаки предлагали ему къ услугамъ 50.000 войска, „а повелитъ король“ (говорили они), „то, по его мановенію, станеть насть и 100.000“. За это король обѣщалъ имъ вернуть „старыя привилегіи“, увеличить число реестровиковъ до 20.000 и не дозволять польскимъ хоругвямъ „лежать на лѣжахъ“ дальше Бѣлої Церкви.

Говорили въ Польши послѣ катастрофы, что король, давая козакамъ обѣщанія, утаилъ это отъ своего канцлера, а Радзѣевскій (по словамъ Липажа) разсказываетъ въ Парижѣ, что роковую тайну знали только четыре сенатора. (Это напоминаетъ памъ Стефана Баторія, довѣрившаго свой замыселъ о Турецкой войнѣ только четыремъ панамъ). Какъ бы то ни было, по совѣщанію польскаго короля съ козаками представляются видъ заговора противъ республиканскаго государства. Въ позднейшей обвинительной запискѣ, известной подъ заглавиемъ: „Польза Капцлерскихъ Совѣтовъ (Compendium Rad Kanclerzâ)“, этотъ заговоръ взваливали на Оссолинскаго; писали даже, будто козакамъ тогда шепнули, чтобъ они свергнули свое иго (*excusant jugum*). Но мудрый послѣдователь апостоловъ Лойолы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ чувствовалась личная ответственность, не оставлялъ явныхъ слѣдовъ своей прикосновенности къ дѣлу. Онъ могъ и руководить заговоромъ, и въ то же время держаться въ сторонѣ отъ заговорщиковъ. Сигизмундъ III и его совѣтники, іезуиты, поступали не въ одномъ случаѣ по правилу; въ случаѣ успѣха свою вину воспользоваться успѣхомъ; въ случаѣ неуспѣха, являясь передъ свѣтомъ съ омовенными руками. Этому правилу въ настоящемъ случаѣ могъ слѣдовать и Оссолинскій.

*) Шляхетская фамилія Вадовскихъ существуетъ въ Варшавѣ и нынѣ.

Одновременно съ таинственнымъ пребываніемъ Хмельницкаго въ Варшавѣ велись переговоры и съ послами того государства, которое, по праву возмездія за свое разореніе, воспользовалось результатами готовящейся въ Польшѣ усобицы. Московскихъ пословъ было четверо, и во главѣ ихъ стоялъ царскій дядя, бояринъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ. Онъ отличался прекрасною наружностью и такими же „обычаями“. Литовскій канцлеръ говорить въ своемъ дневнике, что „не видалъ еще у Москалей большаго рационалиста и политика“. Попсольство это приѣхало для подтвержденія Поляновскаго договора съ молодымъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и, какъ доносилъ королю Стемпковскому изъ Москвы, имѣло наказъ трактовать секретно о союзѣ противъ Татаръ.

Московские саповники не захотѣли принять участіе въ свадебныхъ пиршествахъ, чтобы не сидѣть на послѣднихъ мѣстахъ въ ущербъ чести своего государя, поэтому заболѣли все четверо, и явились только на аудіенцію 24 (14) мая.

Король назначилъ пять сенаторовъ, подъ управлѣніемъ обоихъ канцлеровъ, для гозговога съ пими. Но представители Москвы не упоминали о союзѣ и не домогались аудіенціи секретной, очевидно выжидая почина отъ сенаторовъ, или отъ короля.

Не дождавшись этого отъ польскихъ дипломатовъ, Стрѣшневъ заговорилъ о необходимости согласія между христіянскими государями, и объявилъ царскую волю заключить съ королемъ договоръ противъ Татаръ, которые набѣгаютъ ежегодно на оба сосѣднія государства и тысячами уводятъ христіянъ въ неволю. Рѣчь свою закончилъ онъ такими словами:

„Вѣдомо учинилось нашему великому государю, что турецкій султанъ, Ибрагимъ, побѣженъ отъ Венетовъ, и что турецкія войска обсадили критскую Канею, а теперь осада ихъ погибаетъ отъ голода: затѣмъ что султанъ помочи послать не можетъ. Тотъ же султанъ, желая построить сто новыхъ галеръ, не имѣеть способныхъ людей, и для того послалъ къ крымскому хану, чтобы шель тотчасъ на Московскіе Царство да на Польскіе королевство и набралъ бы польниковъ на новые галеры. И теперь самое время, чтобы оба великия государи соединились для обороны вѣры. Нашъ государь крѣпко мыслить о томъ, чтобы соединиться съ вашимъ государемъ. Послалъ онъ войско для обороны своихъ украинъ, подъ начальствомъ бояръ, князя Никиты Ивановича Одоевскаго да Василія Петровича Шерemetева. Если Татары пойдутъ на королевскую украину, то великий нашъ государь желаетъ помочь королю своимъ войскомъ соединенно

съ войсками королевскими. И вамъ бы, радные паны, надлежало мыслить о томъ, и короля вашего приводить къ тому, чтобы онъ, для избавленья Христіянства въ это столь удобное время, благоволилъ отворить Днѣпръ и повелѣлъ днѣпровскимъ козакамъ съ донскими козаками воевать Крымцевъ, а гетману своему повелѣлъ бы, чтобъ онъ стоялъ на Українѣ въ готовности и съ царскими воеводами ссыпался бы, какъ обоюдно становиться противъ Татаръ и въ какихъ мѣстахъ соединяться".

Сенаторы отвѣчали: „Мы отъ всей души тому рады, и молимъ Бога, чтобы благословилъ десницы обоихъ монарховъ, поднятыхъ надъ головами язычниковъ“.

Когда, послѣ засѣданія, доложили королю, онъ обрадовался чрезвычайно. Но созванный на другой день совѣтъ министровъ постановилъ, выѣдьдать сперва у пословъ, имѣютъ ли они полномочіе трактовать объ этомъ предметѣ.

Послы объявили, что имъ данъ только словесный наказъ. Тогда коронный канцлеръ сказалъ имъ,—что сенаторская рада откладываетъ это дѣло до посольства, которое король и Рѣчь Посполитая отправятъ въ Москву.

Послы понесли головами и, вернувшись въ свое жилище, тотчасъ послали къ царю гонца.

Московскій царь желалъ того самаго, что и польскій король желалъ воспользоваться Венеціанскою войной и завоевать Крымъ. Когда Струйнцевъ ѿхалъ въ Польшу, война съ Татарами была въ Москвѣ дѣломъ рѣшенымъ. Князь Семенъ Михайловичъ Пожарскій получилъ приказаніе созвать въ Астрахань, въ видѣ охотниковъ, ногайскихъ мурзъ да Черкесовъ и привести ихъ на Донъ. Воеводѣ Кондыреву было наказано собрать въ Воронежѣ 3.000 царской рати изъ украинныхъ городовъ, соединиться съ Пожарскимъ и двинуться къ Азову, въ помощь донцамъ, которые между тѣмъ должны были начать съ Татарами войну. Въ арріергардѣ стояло 80.000 войска подъ начальствомъ Одоевскаго и Шереметева.

Стрѣшневъ держалъ все это въ секрѣтѣ. Онъ желалъ, чтобы король позволилъ запорожскимъ козакамъ соединиться съ донцами и вторгнуться въ Крымъ, какъ это не разъ уже они дѣлали, а когда бъ Орда вторгнулась въ Московское Царство, въ такомъ случаѣ оба союзныхъ государства должны были помочь другъ другу, какъ въ прошломъ году. Еслибъ его желаніе исполнилось, то царь воспользовался бы козацкой помощью и, въ случаѣ надобности, обороню со стороны польского войска, а Москва не была бы ни къ чему обязана, такъ

какъ было известно, что Менгли-Гирей замышляется идти не на Польшу, а на Московское Царство. Данный ему отвѣтъ разрушалъ его планъ и грозилъ царю опасностью.

Не теряя времени, Стрѣшневъ началъ секретно трактовать съ королемъ, высказалъ царскія предположенія и объявилъ, что царь, „довѣряя королю, какъ брагу, желаетъ, чтобы союзною христіанской рукой общий непріятель былъ обузданъ и уничтоженъ“.

Готовность Москвы ускорила окончательную рѣшимость короля. Настало наконецъ время ударить соединенными польскомосковскими силами на Татаръ, о чмъ такъ страстно мечтать, чего такъ энергически добивался еще Стефанъ Баторій. Но главный совѣтникъ и дѣятель Татарской войны уже не существовать. Король постановилъ предоставить войну съ Татарами Москвѣ, самъ же онъ, имѣя свободныя руки, ударить на Турцію.

Послѣ совѣщанія съ панамъ, Стрѣшневу дань такой отвѣтъ:

„Король извелъ коронному полевому гетману сноситься съ царскими воеводами по предмету отраженія татарскаго набѣга, какъ и въ прошломъ году гетманъ былъ готовъ прійти въ помощь царскимъ войскамъ, только морозы помѣшили. Король желаетъ, чтобы въ настоящемъ году войска обоихъ монарховъ стояли на готовѣ для обороны обоихъ государствъ отъ набѣга, дальнѣйшее же, большее дѣло хотѣль бы отложить на будущее время, такъ какъ запорожскіе козаки не могутъ скоро выйтти на море: ибо всѣ ихъ члены сожжены, а новыхъ нынѣ дѣлать нельзя. Король думаетъ, что Татаръ наиболѣе восвать тогда, когда султанъ разомпѣтъ Орду на свою службу. Дозволить козакамъ восвать Крымъ совмѣстно съ доцами король не можетъ: ибо между Польшей и Турціей вѣчный міръ“.

Къ такому отвѣту привели сенаторовъ отчасти извѣстія изъ Крыма и прїѣздъ татарскаго посла, который привезъ королю „все направленіе къ миру“. Дѣло въ томъ, что ханъ поссорился съ султаномъ, и можно было надѣяться, что не вторгнется въ Польшу, хотя бы король и нарушилъ міръ съ Турціей. Этимъ способомъ еще по крайней мѣрѣ на одинъ годъ освобождалась Польша отъ набѣга Татаръ, которые сами искали мира и должны были отражать Москву. Въ наихудшемъ случаѣ, то есть, когда бы ханъ, во времія войны съ Турціей, вторгнулся въ Польшу, король обеспечилъ себѣ московскую помощь.

Такъ стоили въ Польшѣ вещи по отношенію къ тому государству, которому вскорѣ сами Поляки, споткнувшись на Баторіевскомъ вопросѣ о всемірномъ господствѣ папы подъ эгидою польского рыцарства, дали

возможность возвратить съ лихвою потери, понесенные въ отрицаніи такого господства. Мечтательный король и мечтательный по своему канцлеръ были только стимулами многовѣковой борьбы между великими силами — католичествомъ и православіемъ.

Со времени таинственныхъ переговоровъ съ козаками, Владиславъ не переставалъ обдумывать планъ Турецкой войны, которая должна была кончиться изгнаніемъ Турокъ изъ Европы, возсозданіе Восточной Имперіи и, безъ сомнѣнія, введеніемъ обѣихъ нашихъ Россій въ систему единой вселенской церкви.

Происшествія, случившіяся въ послѣдніе мѣсяцы, благопріятствовали его замысламъ. Все вокругъ него устраивалось такъ, чтобы вовлечь Польшу въ эту войну. Вооруженія Венеціи, предлагаемыя ему субсидіи, посольство московское, обоихъ придунайскихъ княжествъ и татарское, все побуждало его къ дѣйствію. Турція была развлечена внутренними волненіями: ей угрожала междоусобная война. Въ азіатскихъ и европейскихъ провинціахъ готовились восстанія, которыхъ Венеціанцы поджигали. Можно было надѣяться, что, съ приближеніемъ польского войска, всѣ турецкіе христіяне встанутъ и увеличатъ силы короля въ десять разъ. Владиславъ надѣялся также, что папа, императоръ, князья итальянскіе и пѣмѣцкіе, Франція, Испанія, даже Швеція — поддержать его предпріятіе. Онъ хотѣлъ склонить къ войнѣ съ султаномъ Перею и Морокко, разсчитывая и на Москву, что она, завоевавши Крымъ, дастъ ему помощь. Словомъ, замышляль привести въ движение весь міръ и, во главѣ Христіанства, уничтожить могущество магометанъ, а потомъ дѣла пойдутъ сами собою къ устройству всемірной имперіи съ такой основою, которой бы позавидовалъ и самъ Александръ Великій, съ основой всеобъемлющаго и всепросвѣщающаго католичества.

Воображеніе короля-мечтателя, работая день и ночь надъ одной мыслью, питалось постоянно новыми впечатлѣніями. Онъ былъ суевѣренъ; онъ думалъ, что его будущность предопределена въ ходѣ небесныхъ свѣтилъ, и вѣрилъ предсказаніямъ астрологовъ. Онъ и свою жалкую женитьбу считалъ счастливымъ предзнаменованіемъ, такъ какъ Марія Гонзага была послѣдняя наслѣдница Палеолюговъ, и льстцы, еще до замужества, предсказывали ей греческую корону. „Въ ея происхожденіи“ (говорить ея брачный контрактъ) „видѣли соединенными имя, надежду и святость Восточной Имперіи“. Каждый день приносилъ Владиславу какое-нибудь счастливое извѣстіе; все, какъ бы какимъ чудомъ, какъ бы чародѣйскою силою приведенное въ движение, соединялось для осуществленія плановъ его.

Окружавшие короля ласкатели поддерживали его рыцарскую фантазию. Кроме Оссолинского, то были большею частью иностранцы, люди характера отважного, какъ разъ подъ стать козакопольскому характеру Владислава.

Впереди всѣхъ стояли два брата Магни, родомъ Миланцы, ко торыхъ отецъ заслужилъ у императора помѣстья въ Чехіи. Пзвѣстный уже памъ капуцинъ, Валеріанъ Магни, молчаливый, видомъ смиренный старикъ, былъ теологъ, астрологъ и философъ, прославившійся множествомъ суевѣрныхъ сочинений, изданныхъ въ Вѣнѣ, Антверпенѣ, Болоніи, Краковѣ и Варшавѣ. Подъ монашеской расой скрывалъ онъ такое же честолюбіе, какимъ пыталъ титуларный польский король среди фактическихъ королей польскихъ. Онъ мѣтилъ попасть въ римскіе папы на землѣ и въ прославленные Божіи святые на небѣ. Его-то внушеніямъ Владиславъ былъ обязанъ мыслью о крестовомъ походѣ еще въ званіи королевича. Глубокою вѣрою въ свои католическая утопіи, поражающею ученостью, пропырливымъ умомъ и суро вою монашескою жизнью Валеріанъ Магни внушалъ всѣмъ, кто съ нимъ сближался,увѣренность въ его будущности, но больше всѣхъ своему брату, графу Магни. Тотъ желалъ быть королемъ, и падалъ взойти на какой-нибудь престолъ, когда старший братъ возсядетъ на Святомъ Сѣдалищѣ въ Римѣ, а Владиславъ—на тронѣ Историографъ въ Константинополѣ. Графъ Магни появился въ Польшу еще въ 1637 году, въ качествѣ агента своего брата, капуцина, по сватовству короля за Цецилію Ренату, и съ того времени пользовался чрезвычайною благосклонностью Владислава за свою говорливость обо всѣхъ европейскихъ дворахъ, которыхъ тайны были ему извѣстны въ подробнотахъ, а въ особенности за свою преданность идеѣ абсолютнаго монархизма и критику республиканскихъ учрежденій.

Послѣ этихъ двухъ ближайшихъ къ королю иностранцевъ, пользовался его благосклонностью Фантони Итальянецъ, простонароднаго происхожденія, поэтъ и музыкантъ. Видя, что въ Польшу пренебрегаютъ простолюдинами, не взирая на ихъ таланты,—онъ сдѣлался ксензомъ каноникомъ и королевскимъ секретаремъ. За это Поляки непавидѣли его столько же, какъ графа Магни за порицаніе республиканскихъ обычашъ. Но король вѣрнулъ перу Итальянца то, чего не смѣлъ вѣрить ни одному Поляку,—и тѣ изъ кичливыхъ Половунсовъ, которые подъ безмолвиемъ секретаря видѣли вліятельнаго советника,сыпали его подарками.

Далѣе слѣдовала Джованни Бантиста Тьеполо. Этого Венецианецъ былъ приставомъ у Владислава, когда онъ, въ званіи польского

королевича, гостила въ Республике Святаго Марка. Владиславъ полюбилъ его и приглашалъ въ Польшу; но Тыеполо обѣщалъ явиться къ нему не прежде, какъ онъ будетъ королемъ,—и въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ къ Владиславу IV въ Гродно. Онъ былъ принять какъ нельзя ласковѣе, и съ того времени Венеціянцы стали видѣть въ немъ „пріятеля польского короля“. Такъ онъ попалъ въ посланники, когда синьорія обратилась ко всѣмъ дворамъ съ просьбами о помощи. Этотъ въ сущности такой же пустой малый, какъ и всѣ приближенные къ особѣ короля иностранцы, не сдѣлалъ въ Польшѣ ничего путнаго ни для Владислава, ни для своего отечества. Играя роль глубокаго политика, онъ вѣровалъ въ счастливую звѣзду польского короля, и былъ готовъ рисковать своимъ имуществомъ для войны съ Турками. Предокъ его, Джакоббо Тыеполь, былъ первымъ венеціянскимъ княземъ въ Кандіи (1212) и привелъ Венецію къ обладанію этимъ островомъ, гдѣ домъ нобилей Тыеполо владѣлъ значительными имѣніями. Естественно, что король, въ своей страсти къ войнѣ, подчинялся странности, съ которою венеціянскій посолъ проповѣдывалъ козакопольскій походъ на Черное море.

Но на первомъ мѣстѣ въ числѣ тѣхъ, которые совѣтовали королю воевать съ Турцией, стоялъ талантливый пройдоха, Оссолинскій. Правда, планъ его состоялъ только въ томъ, чтобы принять подъ королевское верховенство господарей, очистить отъ Татаръ Буджаки, занять турецкія крѣпости надъ Чернымъ моремъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ, поселить по нижнему Днѣпру и черноморскому берегу козаковъ. Правда и то, что для выполненія этого плана не надобно было вербовать большаго войска и собирать громадныхъ суммъ, такъ какъ пигдѣ въ этихъ мѣстахъ не было турецкихъ гарнизоновъ, которые сultантъ постаягивалъ для войны съ Венеціей. Достаточно было вооруженныхъ силъ двухъ господарей, обыкновеннаго квартного войска, козаковъ и венеціянскихъ субсидій, раздѣленныхъ между мѣжду можно владниками. Въ случаѣ же, когда бы Турки, по истечениіи двухлѣтнаго договора съ Венеціей, захотѣли возвратить утраченныя провинціи,—господари и козаки могли бы сами себя оборонять, безо всякихъ издержекъ со стороны Рѣчи Посполитой. Но, хотя капитлеръ и не переходилъ, въ своемъ планѣ, черезъ Дунай, тѣмъ не менѣе плать этотъ былъ первымъ шагомъ Польши въ Турецкой войнѣ, вторженiemъ въ предѣлы Турціи, и потому король слѣдовалъ довѣрчиво совсѣмъ своего капитлера. Съ своей стороны Оссолинскій не видѣлъ законной или казуистической необходимости отступать отъ своихъ предназначений изъ-за того, что король замышляетъ идти дальше. Занять приду-

найскія княжества было не трудно, а дальнѣйшій походъ зависѣлъ отъ столькихъ обстоятельствъ и требовалъ такихъ приготовлений, что на него можно было смотрѣть, какъ на созданіе фантазіи, которое исчезнетъ само собою, лишь только столкнется съ дѣйствительностью и съ оппозиціей всего Шляхетскаго Народа; изолировать же явно короля съ его великколѣпными планами значило бы—отказаться отъ опоры своего могущества не только въ Польшѣ, но и за-границею. А въ тотъ вѣкъ, когда Валленштейнъ читалъ въ созвѣздіяхъ свою великколѣпную будущность, чего не могъ вообразить о себѣ польскій выскочка, которому казалось, что онъ побѣжалъ и самую фортуну? И король и королевская республика—по всему видно—были только орудіями и, если понадобится, жертвами его махинацій, такъ точно, какъ и въ глазахъ его создателей—іезуитовъ.

Канцлеръ стоялъ тогда въ зенитѣ своего значенія и вліянія. Великія и малыя земли искали его благосклонности. Дворы его падать, его переднія и залы были переполнены шляхтою. Когда онъ шествовалъ въ королевскій замокъ, или возвращался отъ короля, ему сопутствовала дѣлая группа сенаторовъ. Родные канцлера, пріятели, слуги—все сіяло лучами монаршаго благоволенія.

И не былъ антуражъ Оссолинскаго мелкимъ ласкателствомъ людей, добившихся кой-какъ „сенаторской лавицы“. Вся Польша, претворенная іезуитами во что-то совсѣмъ непохожее на грубую, но честную и благородно гордую Сарматію временъ доіезуитскихъ, видѣла въ коронномъ канцлерѣ то, чтѣ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ, желали бы Поляки видѣть въ своихъ сыновьяхъ и внукахъ. Когда великий канцлеръ выдавалъ дочь свою, Терезу, за Сигизмунда Денгофа, сокальского старосту, сѣрадзскаго воеводича и племянника по сестрѣ коронному великому гетману Конецпольскому (а было это въ февралѣ 1645 года),—во второй день свадебныхъ церемоній *panna molla* получила 70 дорогихъ подарковъ изъ разныхъ сторонъ Польши; въ третій день опять поднесли ей 50 подарковъ, въ числѣ которыхъ были приношенія отъ седмиградскаго князя, Ракочія, отъ князя курляндскаго и почти отъ всѣхъ польскихъ городовъ; а подарки въ тотъ вѣкъ считались не посулами, предосудительными для честнаго дома: они были выражениемъ вниманія и почтанія; они у знатныхъ и богатыхъ людей составляли предметъ особенного честолюбія. Въ этомъ смыслѣ сосчитано, что молодая пани Денгофъ получила свадебныхъ подарковъ на 150.000 золотыхъ.

Король отличалъ канцлера отъ всѣхъ своихъ подданныхъ, и дѣлалъ ему почести, подобающія принцамъ крови; а самый гордый,

знатный и вліятельный изъ можновладниковъ, глава католической партии въ Польшѣ, князь Альбрехтъ Радивилль, передавая певѣсту изъ родительскихъ рукъ въ руки жениха, счѣль достойнымъ своего сана и характера превозносить заслуги Оссолинскаго. Послѣ краткаго изложенія исторіи дома его, повѣствовалъ онъ широковѣщательно о жизни и дѣлахъ самого канцлера: какъ Оссолинскій съ юныхъ лѣтъ, подобно пчелѣ, бралъ и усматривалъ то, чѣмъ было услугою королямъ, опорою отечеству и утѣшениемъ собственному дому; какъ онъ, будучи посломъ и маршаломъ Польской Избы, улаживалъ величайшія затрудненія; какъ счастливо выполнилъ посольство въ Англію; какъ своимъ красорѣчиемъ и пышностью возвѣщалъ въ Римѣ славу и величіе своего короля; какъ убѣдилъ Апостольскую Столицу къ соизволенію по предметамъ величайшей для Рѣчи Пополитой важности; какъ въ Регенсбургѣ содѣствовалъ злекціи императора Фердинанда III, и устроилъ бракосочетаніе императорской дочери съ королемъ; какъ строилъ замки, костелы, семинарии; какъ изъ чужихъ краевъ привлекалъ въ Польшу монаховъ небывалыхъ дотолѣ въ ней орденовъ; современныя же заслуги короннаго канцлера, его труды и попеченія литовскій канцлеръ оставилъ „похваламъ вѣковъ грядущихъ“.

И такъ вотъ они, тѣ люди, которые устраивали всякое зазрѣніе себѣ и всѣ сомнѣнія короля, которые утверждали его въ опасномъ замыслѣ и окружили туманомъ общихъ въ Польшѣ понятій о долгѣ и честности, сквозь который онъ смотрѣлъ на свѣтъ. Капуцинъ Валеріанъ и графъ Магні, каноникъ Фантони, венеціянскій посолъ Тыеполо и коронный канцлеръ Оссолинскій замѣняли для него людей дальновидныхъ, одаренныхъ умомъ и сердцемъ Конецпольскаго. Владиславу казалось, что всѣ того жаждутъ, чего жаждетъ онъ. Король только съ тѣми проводилъ пріятно время, съ кѣмъ говорилъ свободно о своихъ планахъ, и потому сдѣгался для прочихъ недоступнымъ. „Только эти люди имѣютъ свободный доступъ къ королю“ (писалъ современникъ). „Королевские слуги сторожатъ каждую дверь; не отайдутъ и не поднимутъ портьеры ни для кого, пока имъ кто-нибудь изъ этихъ великихъ не прикажеть“.

При такихъ-то обстоятельствахъ образовался широкій планъ Владислава IV, и такъ сросся съ его душою, что никакія затрудненія, никакія препятствія не могли потомъ прогнать его изъ королевской головы. Владиславъ стоялъ на своемъ до самой смерти, не взирая на то, что всѣ отъ него отшатнулись.

Въ апрѣль 1646 года, пока еще московскіе послы не выѣхали изъ Варшавы, Турецкая война была у него дѣломъ рѣшеннымъ, какъ т. н.

у московского царя — Татарская. Въ этомъ мѣсяцѣ были кончены его договоры съ Москвою, съ козаками, съ послами господарей и съ Венецианской Республикой.

Тѣполо увѣдомилъ свою синьорію, что волошскій господарь пойдетъ къ Дунаю съ 30.000 войска, которое будетъ служить авантгардомъ королевской арміи. То же самое сдѣласть мультианскій господарь съ 20.000 войска. Къ нему де посланъ литовскій полевой гетманъ, князь Янушъ Радивиль, для попущенія къ скорѣйшему выполненію заключеннаго съ королемъ договора. Князя седмиградскаго увѣдомилъ король чрезъ нарочнаго топца о своемъ предпріятіи. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль вознамѣрился онъ собрать болѣе 20.000 козацкой милиціи, кромѣ 6.000 регулярнаго войска, обыкновенной своей гвардіи. Далѣе писалъ Тѣполо, что король повелѣлъ полевому гетману, чтобы, въ соединеніи съ московскими полководцами, готовился вызвать войну съ Татарами, а когда въ іюнѣ и въ іюлѣ будетъ отворенъ Днѣпъ, козаки выйдутъ на море; на конецъ, что онъ призвалъ къ себѣ пупція и отдалъ ему собственноручное письмо къ папѣ, въ которомъ просилъ о скорой, столь необходимой помощи.

Тѣполо, какъ сказали выше, уменьшилъ сумму 600.000 талеровъ, которые Венеция ассигновала для Польши, и предложилъ королю отъ синьоріи только 400.000. По смерти Конецпольскаго, „для воспламененія и пробужденія ума короля“, пробавилъ еще 100.000, говоря, что дѣласть это сверхъ даннаго ему паказа. Въ счетъ своей пробавки, онъ тотчасъ отсчиталъ 20.000.

Въ то же время Владиславъ далъ аудіенцію двумъ греческимъ монахамъ. Они уже четыре мѣсяца ждали ея съ письмами отъ восточныхъ архіереевъ, которые молили короля о помощи польскимъ войскамъ, клятвенно уѣзжая, что оно будетъ сильно поддержано ими и всюю Грецію.

На бѣду Польши, тутъ же выплырнуль изъ забвенія извѣстный уже намъ Александръ Оттоманустъ, иначе султанъ Ахія, если не кто-нибудь другой подъ его именемъ. Теперь это поворожденное чадо самозванцыны, выработанной папскими приверженцами на бѣду Россія, называли султаномъ Захію Оттоманію, иначе Александромъ графомъ Монтенегри. Въ концѣ прошлаго года, следовательно черезъ десять лѣтъ послѣ напрасныхъ подступовъ къ царскому правительству, проявился онъ во Львовѣ и обратился къ королю съ увѣреніями, подобными тѣмъ, которыя Москва извела уже къ ихъ истинному значенію. Владиславъ не сомнѣвался, какъ и его любопытны козаки въ 1625 году, что на Турокъ встанутъ всѣ Греки и турецкіе Славяне.

Венецианская Республика предполагала выслать войска въ Фрулли и Далмацию, и поддержать восстание въ Боснии, которое действительно всыхнуло въ изъсканныхъ мѣстахъ. Къ Стемниковскому, своему послу въ Москвѣ, король послалъ наказъ, чтобы, узнавъ хорошо намѣреніе царя, составилъ прелимпартные пункты наступательно-оборошительного союза.

Владиславъ постановилъ — увеличить силы свои въ первомъ году войны до 50.000, именно до 20.000 козацкой милиціи и 30.000 регулярнаго войска различныхъ вооруженій, которое повелѣлъ вербовать и въ Польшу и въ Германию. Нѣмецкою конницею долженъ быть предводить генераль-лейтенантъ, графъ Баудисенъ, пѣхотою — генераль-маиоръ фонъ Видель, артиллеріей — Криштофъ Артишевскій.

Кромѣ того король разсчитывалъ на помощь польскихъ пановъ и надѣялся, что, въ случаѣ надобности, они предоставятъ въ его распоряженіе свои падворныя хоругви, состоявшія почти изъ одной конницы.

По ревнивому исчислению Шляхетскаго Народа, боявшагося воинскихъ подвиговъ своего короля, Владиславъ падѣлся, въ случаѣ, когда бы султанъ перенесъ войну въ Польшу, противопоставить ему 100.000 козацкой пѣхоты сверхъ 6.000 реестровиковъ, 52.000 панской конницы, 30.000 регулярнаго войска и 50.000 войска господарскаго всего до 250.000, къ которымъ, по окончаніи Крымской войны, должно было присоединиться 100.000 московской рати.

Войну было предположено начать безотлагательно. Въ концѣ іюля Владиславъ намѣревался выступить во Львовъ, 4 августа — соединиться съ полевымъ гетманомъ и двинуться къ Подольскому Каменцу. Оттуда гетманъ долженъ былъ, съ частью войска и съ панскими ополченіями, идти къ Даѣпру и тамъ, въ соединеніи съ московской ратью, стоять противъ Татаръ; король же, съ сорока слишкомъ тысячами, предположилъ направиться между Даѣпромъ, Бугомъ и Даѣстромъ на Очаковъ, Бѣлгородъ и другіе ближайшіе приморскіе города, выѣхать изъ Буджаковъ Татару и овладѣть турецкими крѣпостями. А чтобы Турки не препятствовали съ сухаго пути, волоцкій и мультянскій господари обѣщали обороňять переходы черезъ Дунай, лишь бы только имъ было послано въ помощь сколько-нибудь польского войска.

Такою бытъ илацъ кампаніи 1646 года, фантастический на взглядъ пановъ домосѣдовъ и хозяйственной пляхты, но сравнительно съ ничтожными ополченіями будущей безгосударной Польши — грандиозный. Оставалось только найти предлогъ къ нарушенію мира съ Турцией и сочинить законное въ глазахъ Рѣчи Посполитой основаніе

для веденія войны; ибо королевская присяга не давала Владиславу, безъ соизволенія сейма, ни собирать войско, ни заключать союзы, ни вести наступательную войну.

Оссолинскій изыскалъ на то способы. Всіи дѣйствія короля должны бытъ обращены противъ Татаръ, по противъ Татаръ будацкихъ.

Турецкое названіе *Буджакъ* по-русски значитъ *кутья*. Буджаки, или куты, обнимали край между Чернымъ моремъ, Днѣстровъмъ и Дунаемъ, съ городами: Бендери (Тегинь), Измаилъ, Акерманъ (Бѣлогородъ), Килия и Рени. Тамъ, въ XVI столѣтіи, поселились ногайцы, крымскіе бунтовщики, подобные утікачамъ изъ Запорожья, и распространили свои кочевья за Днѣстръ. Жили они, какъ и наши запорожскіе казаки, почти исключительно добычою, а добычныи по прищемъ служили имъ Подолія, Украины и Волыни.

Первымъ и главнымъ условиемъ мира, заключеннаго между Рѣчью Посполитою и Турцией въ 1634 году, было: „чтобы Татары были выселены изъ Буджаковъ и кочевья ихъ сожжены“. Это была *conditio sine qua non* со стороны Польши. Но Турция не выполнила своего обязательства. Хотя король безпрестанно настаивалъ на разгнаніи этой орды, она, какъ бы на зло ему, позволяла усиливаться Буджакскимъ Татарамъ, такъ что число ихъ въ 1645 году возросло до 20.000 наездниковъ. Это были Татары самые воинственные, самые дикие, наилучше вооруженные и наибольше чуждые ислама мирыми. Если на Крымъ смотрѣть, какъ на Украину Турцію, то они для крымскаго хана были то, что для колонизаторовъ польской Украины были запорожцы, а для турецкаго султана — то, чѣмъ запорожцевъ желалъ и, при другихъ условіяхъ, могъ бы сдѣлать польский король.

Цѣлые области между Буджаками и Малороссіей были заняты кочевьями сбродныхъ Татаръ. Въ широкихъ промежуткахъ между ихъ кочевьями, миляхъ на десяти и больше, не было никому возможности ни поселиться, ни проѣхать безопасно за ихъ разбоями и хищничествомъ. Враги крымскаго хана и слуги турецкаго султана, буджакскіе наездники безпрестанно вторгались въ польскіе предѣлы, не входи глубже шести или семи миль, и, послѣ нѣсколькихъ дній грабежа, возвращались обремененные добычей. Турція, повидимому, смотрѣла съ удовольствиемъ на то, что южная окраина Польши вѣчно терпѣли беспокойства и утраты, вѣчно находились въ оборонительномъ положеніи.

И вотъ эти-то Татары должны были сдѣлаться главнымъ по-водомъ къ нарушению мира. Въ случаѣ упрековъ со стороны сеймо-

выхъ представителей Рѣчи Посполитой, король могъ заслониться постановлениемъ, обзывающимъ его „отвращать опасности, грозящія государству, каковы суть набѣги Татаръ“. На этомъ основаніи могъ онъ, подъ видомъ войны оборонительной, начать войну наступательную. Очистивъ Буджакъ и стоя съ войскомъ надъ Дунаемъ, даль бы онъ сигналъ общаго возстанія христіанъ Турціи, а принимая господарей подъ свое покровительство, на что имѣлъ всяческое право, этимъ самымъ началъ бы войну съ Турціей. Волей и неволей должна была бы тогда Рѣчь Посполитая помочь ему, еслибы не хотѣла ждать сграпнаго возмездія.

Начертавъ мысленно планъ великой войны въ строжайшей тайнѣ, такъ что и ближайшіе ко двору саповники не догадывались, въ чёмъ дѣло, король повелѣлъ призвать въ Варшаву пажныхъ ремесленниковъ, инженеровъ и вербовщиковъ, а самъ, позабавившись якобы беззаботно въ замкѣ комедій, отплылъ по Вислѣ вмѣстѣ съ королевой на охоту въ Стембовъ. Но тамтъ, подъ влияніемъ венеціянскаго посла, измѣнилъ планъ дѣйствія и рѣшился выступить съ своимъ замысломъ открыто. Вернувшись въ маѣ съ охоты, Владиславъ объявилъ публично Турецкую войну, и съ лихорадочной поспѣшностью началъ приготовленія, точно какъ будто совершившимся фактомъ, энергией своихъ движений и моловой о приготовленіяхъ хотелъ увлечь за собой республиканское государство и подавить въ немъ оппозицію.

Это былъ такой взрывъ долго сдерживаемой страсти къ славѣ и величію, несчастнѣйшей изъ польскихъ страстей, что послѣдовательно идущій къ своей цѣли канцлеръ долженъ былъ ужаснуться орудія собственной мечты своей.

Варшава вдругъ начала наполняться войскомъ. Предводитель королевскихъ трабантовъ, Янъ Денгофъ, получивъ повелѣніе вербовать гвардию, устроилъ въ самой Варшавѣ контору вербовки. Капитаны Плайтеръ и Корфъ, произведенные теперь въ подполковники, вербовали шляхту въ Мазовецкомъ воеводствѣ. Коронная хоругвь была отдана Антонію Пацу, съ повелѣніемъ набрать нѣсколько полковъ конницы. Оговенду звали на войну. Арсеналь наполнялся рабочими, замокъ — новобранцами.

Королевский дворецъ въ Уяздовѣ стоялъ какъ бы посреди лагеря, окруженный палатками, возами, торговками и шумно толкающимися жолнерами. Осадданные кони, поминутно выбѣгающіе въ стовые, наплывъ разнообразно вооруженныхъ офицеровъ, муштрующіеся на площади отряды пѣхоты, свѣканье оружія и толпащіеся караулы,— все это характеризовало главную квартиру полководца, а не резиденцію короля

Самъ Владиславъ, помолодѣвшій, возбуждено дѣятельный, назначалъ полковниковъ и капитановъ, отправлялъ вербовщиковъ за-границу, пѣхоту вербовалъ лично, приказывалъ объѣзжать лошадей, ревизовать ежедневно арсеналъ. При немъ изготовлено 36 пушекъ, огромный запасъ пороху, ядеръ, бомбъ и гранатъ: все это 18 (8) мая должно было идти во Львовъ.

Съ началомъ августа кампанія должна была открыться. Въ Яссахъ была назначена главная квартира короля. Тамъ господари должны были собирать сѣйстные припасы, фуражъ и материалы для постройки мостовъ.

Всѣ приготовленія дѣлали король открыто, передъ глазами всего свѣта. На поверхностный взглядъ, ему оставалось только выступить въ поле. Но это были дѣйствія или человѣка сумасшедшаго, или же короля, задумавшаго рѣшительнымъ движеніемъ спасти государство свое отъ олигарховъ, рискуя семейными жертвами и личными опасностями.

Возможности такого замысла не допускали фактическіе короли Польши, которымъ и во снѣ не снилось, что даже козакъ скоро будетъ нагибать ихъ подъ свою дикую волю. Оссолинскій испугался ответственности передъ соправителями своими за поддержку титуларного короля. Взвѣшивая двѣ соперничающія силы, канцлеръ зналъ, что король неспособенъ восторжествовать надъ оппозиціей и увлечетъ его своимъ паденiemъ, если онъ останется явно на сторонѣ государя, возмущившагося противъ подданныхъ. „Если же провидѣнію святаго масстата Божія“ (могъ думать на своемъ языкѣ Оссолинскій) „будеть угодно восстановить такъ впസапио Восточную Имперію, какъ виезапно устранинъ имъ съ моего жизненнаго пути непреодолимый соперникъ, Янушъ Острожскій, то новый императоръ безъ такого канцлера не обойдется, и, при его слабомъ характерѣ, не трудно будетъ мнѣ стать одесную всемирнаго властителя“.

Оссолинскій рѣшился дѣйствовать патріотически. Когда Владиславъ просилъ его приложить канцлерскую печать къ такъ называемымъ *приповѣднымъ листамъ*, которыми ротмистры уполномочивались вербовать въ Польшѣ и за-границею войско, канцлеръ отказалъ королю въ просьбѣ. Того мало: онъ сдѣлался противникомъ войны, которую двѣ недѣли назадъ, вмѣстѣ съ королемъ, обдумывалъ.

Отказать въ печати со стороны канцлера былъ дѣломъ законодательной предусмотрительности Шляхетскаго Народа, вѣчино боявшагося самовластія не только въ государѣ своемъ, но и въ его сановникахъ. Канцлеръ обыкновенно присягать не печатать приповѣдныхъ

листовъ противъ общественнаго права, дабы король не могъ собрать войско безъ позволенія своей республики.

Но противникъ Турецкой войны Оссолинскій сдѣлался изъ опасенія междуусобія, которое могло бы вспыхнуть въ Польшѣ ради подавленія королевскаго самовластія. Въ то же самое время Турція могла бъ обратить всѣ силы на Польшу, помирившись съ Венецией. Въ этомъ Оссолинскій, какъ человѣкъ государственный, былъ тоже правъ. И турецкое могущество, и венецианское торгашество понималъ онъ вѣрнѣе своего короля. Турція въ самомъ дѣлѣ, видя, что ей грозитъ война съ сѣверомъ, готова была заключить миръ съ Венецией; а синьорія, какъ видно, на то и разсчитывала: ибо, въ то самое время, когда Тьеполо такъ ревностно хлопоталъ въ Варшавѣ о Турецкой войнѣ, она въ Стамбулѣ, при посредствѣ французскаго посла, старалась о мирѣ. Синьорія рѣшилась купить миръ съ Турками громадными суммами, и продолжала войну такъ, „какъ будто не хотѣла раздражить султана“. Ей было нужно, чтобы Владиславъ IV выступилъ открыто съ Турецкой войною, чтобы онъ обнаружилъ свои замыслы, и чтобы Турція узнала, что дѣлается въ Варшавѣ. Самъ Тьеполо служилъ ей безсознательнымъ орудіемъ для ослѣпленія размечтавшагося вонтиеля: онъ обѣщалъ королю три миллиона скуди субсидіи, въ вѣ случаѣ когда бы Турція перенесла войну въ Польшу, но, по своимъ инструкціямъ, не подавалъ никакой надежды, чтобы Венеция захотѣла заключить оборонительно-наступательный договоръ съ Польшей и обязалась не заключать съ Турціей мира безъ согласія короля; а король до того увлекся погонею за славой, что принималъ, зажмуря глаза, всѣ условія синьоріи, не называя Венециіи ни къ чему съ ея стороны.

Къ этимъ двумъ извинительнымъ причинаамъ отступничества канцлера присоединился еще и недостатокъ денегъ, необходимыхъ для веденія войны, которая требовала издержекъ громадныхъ. Здѣсь неспособность короля къ великимъ предпріятіямъ выказалась поразительно. Онъ твердилъ, что у него довольно средствъ, и уже въ первые дни приготовленій долженъ быть запятъ у своей нелюбимой королевы 80.000 золотыхъ, которые раздалъ полковникамъ и капитанамъ. Это само по себѣ гнусно, по вѣ героѣ Христіанства еще гнуснѣе данное Маріи Гонзага обѣщаніе, что за этотъ заемъ онъ будетъ раздавать всѣ должности не иначе, какъ черезъ ея руки. Суммы, которыя обѣщалъ Тьеполо отъ папы и отъ князя тосканскаго, оказались весьма сомнительными. 250.000 талеровъ, которые венецианскій посолъ занялъ подъ собственное обязательство по 7% у королевы, не были достаточны для войны, которую король постановилъ вести приватно, безъ

помощи Рѣчи Посполитой. На однѣ работы въ арсеналѣ шло у него ежедневно по 1.000 дукатовъ, а какъ приготовленія были разсчитаны на три мѣсяца, то одинъ арсеналъ требовалъ 180.000 талеровъ. Желая навербовать 30.000 войска, надобно было по крайней мѣрѣ „дать на руку“ простымъ жолнерамъ столько, что это составляло до миллиона флориновъ, не считая покупки лошадей, мундировъ, возовъ и платы офицерамъ. Сколько же надо было припасти денегъ, чтобы выступить въ поле?

Неудивительно, что Оссолинскій, видя, какъ отступилъ король отъ первоначального плана войны, или вѣрнѣе сказать—отъ ея таинственности, неудивительно, что опѣ подчинился общему негодованію, и не только сдѣлался противникомъ короля, выѣхавшаго себѣмагната изъ „простой глины“, но увлекъ за собой и всю свою партію. Поляки полагаютъ, что Оссолинскій, обязанный, яко канцлеръ и сенаторъ, предостерегать Рѣчъ Посполитую отъ угрожающей ей опасности, увѣдомилъ и вѣкоторыхъ сенаторовъ о королевскихъ замыслахъ. Во всякомъ случаѣ король, какъ личность, былъ почтеніемъ своего канцлера. Онъ входилъ въ положеніе Оссолинскаго, и въ послѣдствіи жаловался передъ венеціянскимъ посломъ такъ: „Измѣнилъ мнѣ канцлеръ, какъ Иуда Христу, не изъ злости и ненависти“. Два польскіе ротмистра, вербовавши жолнеровъ отъ имени короля, бросились къ Оссолинскому съ обнаженными саблями, называя его врагомъ отечества, за что были наказаны инфаміей. Но король, по невозможности замѣнить канцлера другимъ союзникомъ, или же по недостатку твердости характера, продолжалъ довѣрять ему, какъ и Радзѣвскому.

Получивъ отказъ отъ канцлера короннаго, Владиславъ надѣялся, что не откажеть ему въ печати по крайней мѣрѣ канцлеръ литовскій Но Альбрехтъ Радивилъ, пріѣхавши въ Варшаву, писалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

„12 мая прибылъ я въ Уяздовъ, и слышу изо всѣхъ усть о войнѣ. Удивляюсь, разсправляю, доискиваюсь причинъ. Я думалъ, что Шведы ударили па пась, какъ прибылъ ко мнѣ коронный канцлеръ отъ короля съ увѣдомлениемъ, что, вмѣсто зайца, поймали па охотѣ войну... Я спросилъ: пачечатаны ли уже листы для ротмистровъ?— Еще нѣтъ.—Тогда я сказалъ, что скорѣе позволю отрубить себѣ руку, нежели приложу къ нимъ литовскую печать. Коронный канцлеръ былъ того же мнѣнія“.

Король почувствовалъ необходимость сдѣлать первый легальный шагъ для того, чтобы втянуть Рѣчъ Посполитую въ пойманную на охотѣ войну. Сеймовое постановленіе 1613 года гласило,—что въ

случаѣ какой-нибудь внезапной опасности, король обязанъ предупредить ее „по докладу радныхъ панамъ, какихъ скорѣе можетъ увидѣть“. Владиславъ призвалъ въ Варшаву самыхъ приверженныхъ къ нему членовъ Сенаторской Избы, чтобы убѣдить ихъ въ грозящей Польшѣ опасности и склонить къ войнѣ. Постановленіе пановъ рады узаконило бы его поступки и — что всего важнѣе — подскарбій, то-есть государственный казначай, могъ бы тогда выдать ему сумму, которую Рѣчь Посполитая собирала уже четыре года на случай войны съ Турцией.

Оба канцлера опасались этой сенаторской рады, и потому условились видѣться наканунѣ въ саду монаховъ реформатовъ для совѣщенія.

„Я совѣтовалъ“ (пишетъ литовскій канцлеръ), „чтобы рады не было, по той причинѣ, что постановленія секретныхъ сенаторскихъ радъ всегда зависѣли отъ рѣшенія короля. Завтрашняя рада не сопротивлялась бы его мнѣнію, и мы должны были бы взять его вины на себя, а пока оправдались бы на сеймѣ, общая ненависть задушила бы насъ. Вотъ почему совѣтовалъ я отложить раду до коронаціи королевы, чтобы дать обществу время ознакомиться съ этимъ дѣломъ.“

Такъ и было поступлено. Оссолинскій убѣдилъ короля, точно учитель школьнаго, отложить безотлагательное въ его революціонныхъ интересахъ дѣло, и такъ какъ оба канцлера не согласились печатать приповѣдныхъ листовъ, то король велѣлъ печатать ихъ комнатною (pokojawa) печатью. О комнатной печати въ сеймовыхъ постановленіяхъ вовсе не упоминалось, и каждому гражданину представлялся полный произволъ „респектовать“ эту печать, или неѣть.

Когда происходила въ Варшавѣ такая путаница королевскаго и панскаго двоевластія, пришло официальное извѣстіе о событиї, которое говорило ясно, что и на русской почвѣ Польша стоитъ неурядицей: козаки вышли на Черное море. Это извѣстіе произвело въ средѣ можновладниковъ чрезвычайное волненіе, точно какъ будто съ ихъ стороны было сдѣлано все, чтѣ могъ бы сдѣлать, въ качествѣ панскаго диктатора, Конецпольскій для предотвращенія подобныхъ событий.

Одновременно съ одной революціонной новостью поразила пановъ и другая: къ Люблину двинулось 40 пушекъ, а передъ арсеналомъ стояло уже 20 новыхъ, готовыхъ для похода. Венеціянскій посолъ, получивъ часть занятыхъ у королевы денегъ, дѣлилъ ихъ между офицерами, давая себѣ такой видъ, какъ будто онъ управлялъ войною. Тыполо обращался съ рѣчью къ жолнерамъ, обѣщая награды,

надзиралъ въ арсеналѣ за работами, объявлялъ даже, что король выступить въ походъ.

Въ то же самое время заграничныя газеты говорили о королевскихъ планахъ, неизвѣстныхъ правителямъ Польши, о договорахъ съ иностранными державами, игнорировавшихъ права Рѣчи Посполитой.

Все это возбуждало въ сенаторахъ негодованіе; а тутъ еще было получено извѣстіе о приближеніи турецкаго посла. Надобно было дѣйствовать.

Въ нѣсколько дней всѣ можновладники пришли въ движение и соединились противъ короля. Революція королевская вызвала въ Польшѣ революцію шляхетскую. Быстро вскипѣла оппозиція, и уже литовскія „сословія“ требовали отъ короля созванія сейма, въ противномъ случаѣ, грозили прибыть въ Варшаву и держать рады, хотя бы и въ его присутствіи. Сенаторы, резиденты и прибывшіе по ихъ зову члены Сенаторской Избы, истощивъ напрасно просьбы и убѣжденія, стали обходитьсь съ королемъ дерзко даже въ гостяхъ у Оссолинскаго. За обѣдомъ коронный подканцлеръ, Андрей Лещинскій, указывая пальцемъ на пословъ французскаго и венецианскаго, спросилъ вслухъ: „Что это за послы? по какому праву сидятъ они за королевскимъ столомъ? Королевская свадьба кончилась: зачѣмъ они остаются у настѣ?“

Этой наглости даже и Владиславъ IV не вынесъ: онъ уѣхалъ поспѣшно съ королевой и со своей свитой. Гости Оссолинскаго остались въ великомъ волненіи. Сенаторы принялись разбирать поступки короля: упрекали, что онъ руководился совѣтами своихъ иностранцевъ, которые разносили по всему свѣту секреты Рѣчи Посполитой; что сдѣлался орудіемъ чужой политики въ рукахъ венецианскаго посла; что своимъ образомъ дѣйствій хочетъ вызвать междуусобіе; указывали на его болѣзнь и на лѣта, на склонность съ сосѣдними государствами по поводу вооруженій, и всѣ приходили къ тому заключенію, чтобы не позволить ему вербовать войско и не поддерживать войны, которую задумалъ онъ противозаконно, вопреки присягѣ и безъ вниманія къ возможнымъ послѣдствіямъ.

Канцлеръ говорилъ сдержанно, не хотѣлъ выступить противъ короля открыто, и представлялъ, что Рѣчь Посполитая имѣла бы достаточно поводовъ къ нарушенію мира съ Турцией. Этимъ онъ утверждалъ многихъ во мнѣніи, что и самъ былъ участникомъ замысловъ короля.

Паны группировались вокругъ литовскаго канцлера, который дѣялъ королю самыя непріятныя представления въ самыхъ почтительныхъ словахъ, и Оссолинскій уступилъ наконецъ просьбамъ своего

панегириста, чтобы къ его напраснымъ убѣжденіямъ присоединитъ и свои. Король оставался при своей рѣшимости, однажды задержалъ въ Варшавѣ пушки, приготовленныя къ отправкѣ.

Владиславъ сдѣлался раздражителъ, чего съ нимъ до тѣхъ поръ не бывало. На непрошенный совѣтъ Якова Собіскаго, относительно Турецкой войны онъ отвѣчалъ съ такимъ язвительнымъ презрѣніемъ, что гордый магнатъ „впалъ въ меланхолію, заболѣлъ и вскорѣ умеръ“.

Къ увеличенію досады, терзавшей короля, со всѣхъ сторонъ посыпались къ нему письма отъ бискуповъ и свѣтскихъ сенаторовъ. Особенно горько ему было письмо князя Іереміи Вишневецкаго, товарища Конецпольскаго въ Охматовской побѣдѣ и самого воинственнаго изъ магнатовъ, который, будучи въ это время опекуномъ малолѣтняго наслѣдника Фомы Замойскаго, располагалъ значительною силою. Этотъ объявилъ королю безъ обиняковъ, что Турецкой войны предпринимать безъ вѣдома Рѣчи Посполитой не слѣдуетъ.

Но громче всѣхъ былъ голосъ краковскаго воеводы, Станислава Любомирскаго, считавшагося „великимъ и первенствующимъ въ государствѣ мужемъ“. Онъ обратился къ королю съ письмомъ по просьбѣ малопольскихъ сенаторовъ, и его письмо разошлось во многочисленныхъ копіяхъ и въ Польшѣ, и за-границей. Любомирскій говорилъ, что король нарушилъ права и вольности шляхетскія, ломаетъ свою присягу, совѣты иностранцевъ предпочитаетъ отечественнымъ, искреннимъ, опытнымъ, и поступаетъ такъ, какъ будто Поляки утратили свою вѣрность, или не понимали подобныхъ предпріятій и не имѣли сердца для смѣлага дѣла. Онъ просилъ не таить отъ Поляковъ войны, въ которой дѣло идетъ объ ихъ собственной шкурѣ, и заключилъ свое длинное посланіе надеждою, что настанетъ время, когда король уразумѣеть разницу между тѣми, которые хотятъ ему только полюбиться, и между вѣрными, преданными своими подданными.

Письмо краковскаго воеводы было сигналомъ ко всеобщему ропоту. Короля называли „творцомъ вредоносныхъ смутъ“, дразнили подметными письмами, похожими на пасквили, грозили, что сеймъ разгонитъ навербованныхъ жолнеровъ и привлечетъ вербовщиковъ къ ответственности.

Король нашелся вынужденнымъ вернуться къ первоначальному плану, къ походу на Буджаки, тѣмъ болѣе, что въ это время папа и князья итальянскіе обнадеживали его своею помощью. Владиславъ началъ объявлять публично, что никогда не имѣлъ намѣренія начинать войну съ Турками; что всѣ его приготовленія были направлены къ

войнѣ противъ Татаръ; что никакихъ договоровъ противъ Турокъ не заключалъ, и вообще ничего безъ согласія Рѣчи Посполитой предпринимать не замышлялъ, такъ какъ все зависить отъ сенаторской рады, которая вскорѣ должна состояться.

Этимъ способомъ успокоилъ онъ бурю, которая собралась нацъ его головою. Правда, сенаторы не вѣрили, что никогда онъ о войнѣ съ Турками не думалъ, но были убѣждены, что король уступилъ имъ просьбамъ и желаетъ идти путемъ законнымъ.

По пословицѣ: „каковъ приходъ, таковъ и попъ“, польскіе можно-владники до тѣхъ поръ вертѣли своими королями, вымаливая и вынуждая уступку за уступкою, пока наконецъ, въ лицѣ Владислава IV, увидѣли лукаваго дѣльца по предмету царственности, вмѣсто государя,—увидѣли не вершителя общественныхъ дѣлъ, а школьнаго, котораго отъ времени до времени надобно страшать. Не имѣя сами гражданскаго самоотверженія, требовали его отъ короля; присягая сами словомъ и противнымъ слову намѣреніемъ воображали, что избирательный король будетъ вѣренъ своей присягѣ. Рано или поздно должны были они проиграть въ эгоистическую игру государство и раскаяться въ своемъ іезуитствѣ.

Поступки Владислава, повидимому, подтверждало то, что онъ говорилъ... 29 (19) мая онъ рѣшительно разорвалъ договоръ съ Венеціей, и объявилъ пораженному изумленіемъ послу ея, что при такихъ обстоятельствахъ, какъ безденежье папы и князей итальянскихъ, войны для обороны Италии вести не думаетъ; вслѣдъ ему вернуть данное королевъ обязательство и принялъ заемъ на себя. Согласно просьбѣ Великопольянъ повелѣлъ изготовить и подписалъ универсалы подъ коронною печатью о прекращеніи вербовокъ и распущеніи навербованнаго войска. Запасы пороху, ядеръ, пушки и всю аммуницію приказалъ спрятать, лошадей и возовую прислугу отослать, въ Стамбуль обѣщалъ послать гонца для успокоенія султана, а самъ предался праздности и забавамъ, точно какъ будто голова его не была ничѣмъ озабочена.

И однакожъ, въ то самое время, когда отпирался отъ всякой мысли о Турецкой войнѣ, писалъ онъ къ папѣ, къ итальянскимъ князьямъ и въ Венецію, обеспечивая себя дальнѣйшою помощью. Графа Магни послалъ, въ половинѣ іюня, къ нѣмецкимъ князьямъ, приглашая ихъ къ войнѣ съ Турцией, а побѣдоноснаго шведскаго полководца, Торстенсона, просилъ уступить ему свое войско. Князь Янушъ Радивиль выѣхалъ въ началѣ іюня изъ Варшавы съ инструкціями къ волошскому господарю. Универсалы о распущеніи новобранцевъ ле-

жали нераспечатанные. Вместо нихъ, новонабранныя дружины получили знамена съ надписью: „Во славу Креста (Pro gloria Crucis)“.

Военные приготовленія не прекращались, только дѣлались подъ предлогомъ войны съ Татарами. Въ арсеналѣ работы шли день и ночь. На эти работы король ежедневно тратилъ по 1.000 дукатовъ. Изъ королевской канцеляріи было послано приказаніе къ прусскимъ оберратамъ, чтобы содѣйствовали вербовкѣ пяти компаний драгунъ по 200 всадниковъ, подъ начальствомъ Крейца и Фабіана фонъ Кенигсекъ. Можновладники получили воззваніе о доставкѣ для королевской службы соотвѣтственнаго числа жолнеровъ. Приповѣдные листы выдавались подъ комнатною печатью.

Варшава наполнилась офицерами различныхъ вооруженій и ранговъ. Король ограничивался только сообществомъ военныхъ людей: съ ними проводилъ время, охотился, пилъ, веселился, и такъ какъ обладалъ рѣдкою способностью привлекать къ себѣ и убѣждать людей, то въ короткое время такую возбудилъ къ себѣ преданность, что всѣ были готовы лѣзть въ огонь по его мановенію. Чтобы привлечь къ себѣ военные таланты, наименовалъ Николая Потоцкаго краковскімъ каштеляномъ и короннымъ гетманомъ. Потоцкій былъ противникомъ Турецкой войны, но Татарь воевать былъ готовъ, и обѣщалъ выполнять королевскія повелѣнія.

Имѣя вождя и войско на своей сторонѣ, король надѣялся, что въ августѣ можно будетъ начать военные дѣйствія и, подъ видомъ войны съ Татарами, втянуть Рѣчь Посполитую въ войну съ Турцией.

Подъ конецъ іюня разослалъ онъ письма ко всѣмъ сенаторамъ съ приглашеніемъ въ Краковъ на коронацію королевы и на совѣтъ. Въ письмахъ жаловался на распущенныя вѣсти, якобы онъ, безъ вѣдома сейма, предпринималъ войну съ Турцией, просилъ этимъ вѣстямъ не вѣрить и успокоить шляхту, такъ какъ онъ готовить войну противъ Татаръ, на которыхъ московскій царь уже наступилъ, пока султанъ, занятый войною, не можетъ ихъ оборонять.

„.... Предоставляемъ это разсудку вашей преданности, iргzejmo si waszej“ (писалъ онъ къ популярному краковскому воеводѣ, Любомирскому), „столь достойное и съ дѣломъ короля согласное намѣреніе заслуживаетъ ли такого превратнаго истолкованія, для того, чтобы встревожить довѣріе преданныхъ намъ подданныхъ, которое мы столькими благодѣяніями такъ утвердили въ ихъ сердцахъ, что не опасаемся, чтобы его поколебали порывистыя разсужденія и представления нашего намѣренія. Требуемъ, однакожъ, отъ вашего усердія, дабы, по вашей сенаторской обязанности, вы содѣйствовали пренес-

бреженію этими, неосновательными слухами и довѣрчивому мнѣнію о нашей опекѣ гражданскихъ правъ и вольностей. Впрочемъ близокъ уже наступающій сеймъ, который, если, по совѣту пановъ сенаторовъ, не ускоритъ, то на время, опредѣленное закономъ, созвать не замедлимъ, и тогда обѣ этомъ предметѣ откровенно побесѣдуемъ съ вашею преданностю...“.

Этимъ способомъ король, въ теченіе одного мѣсяца, такъ обработалъ общественное мнѣніе, что въ Варшавѣ никто не подозрѣвалъ упорства, съ которымъ онъ держался своего замысла. Написались даже такие, которые готовы были присягать, что король о Турецкой войнѣ никогда и не думалъ. Но въ провинціи не удалось ему такъ легко отвратить подозрѣніе: ибо вербунки, происходившія тамъ у всѣхъ передъ глазами, и новые припovѣдны листы подъ комнатною печатью,—опровергали увѣренія, что король оставилъ мысль о Турецкой войнѣ. Не хотѣли вѣрить, чтобы противъ Татарь надобно было вербовать вооруженную тяжело пѣхоту. Война съ Татарами также не была очень популярна. Появились многочисленны сатиры, летучія сочиненія и колкія шутки противъ короля и его гетмана. Распускали слухъ, что Москалей Татары разбили на голову.

Зато приверженцы двора разглашали, будто коронный гетманъ прислалъ извѣстіе о завоеваніи Венеціянцами Дарданелль, а для возбужденія религіозной ревности католиковъ было распущенено въ то же время пророчество о погибели Туровъ въ 1646 году, вмѣстѣ съ поддѣльнымъ письмомъ султана Ибрагима къ королю. Султанъ грозилъ, что возьметъ Краковъ, ксензовъ и ихъ распятаго Бога безъ милосердія поточтеть, вѣру искоренить, монаховъ будетъ разрывать лошадьми. „Цускай де на меня досадуетъ Богъ твой: имѣя за собой Магомета, я совершу все“...

Уклоненія отъ долга, чести и національного достоинства со стороны короля, которого панское общество выработало по образу своему и по подобію, для русскаго читателя могутъ казаться посторонними предмету книги. Но я напомню ему, что въ отпаденіи Малороссіи отъ Польши совершилось отпаденіе верхнихъ слоевъ народа отъ самой Малороссіи, вмѣстѣ съ тою землей, которую наши отступники предали *ipso facto* въ обладаніе иновѣрцевъ и иночлененниковъ. Клерикалы обѣдали свое дѣло въ пользу польщины давнѣмъ давно. Мы забываемъ уже, какъ звали тѣхъ, которые были представителями странной метаморфозы, и пишемъ въ русской исторіи имена Радивиловъ, Сонігъ и пр. и пр. въ ополченной формѣ. Но, повѣствую о чертогахъ польской жизни со словъ самихъ Поляковъ, и часто подлинными сло-

вами Шоляковъ, не должны забывать, что въ этомъ чертой кру-
жились, тонули и утонули наконецъ, можетъ быть, лучшіе изъ нашихъ
малорусскихъ людей вмѣстъ съ худшими, и что поэтому на исторію
польской неурядицы, почти во всѣхъ случаяхъ, можно смотрѣть какъ
на горестныя воспоминанія о нашихъ собственныхъ предкахъ.

Оссолинскій—съ того времени какъ склонилъ короля отказаться отъ
войны съ Турцией, повернулъ его къ первоначальному плану похода
и уничтожилъ преобладающее вліяніе венеціянского посла,—сдѣлался
вновь горячимъ приверженцемъ королевскихъ замысловъ, и сталъ во
главѣ дѣйствія. Онъ умѣлъ изгладить въ умахъ мысль о заговорѣ съ
королемъ противъ шляхетскихъ вольностей, и разгласилъ по всей
Польшѣ, будто бы король отказался отъ войны съ Турцией по его
убѣжденію. Великопольские сенаторы благодарили его за королевское
письмо, „въ которомъ де насть его королевская милость увѣряеть, что
ничего такого не замышляль, чтѣ причинило бы ущербъ нашимъ
правамъ, и такъ какъ ваша милость былъ и есть причиною того, за
это вашей милости много благодарны“.

Перемѣна въ образѣ дѣйствій Оссолинскаго очевидна. Черезъ
девять дней по разрывѣ съ Венеціей, канцлеръ явился у венеціянскаго
посла и, между прочимъ, сказалъ ему, что „можно бы и не оставлять
начатаго дѣла, еслибы только король былъ увѣренъ, что не будетъ
оставленъ“, а черезъ нѣсколько недѣль увѣдомилъ Тыеполо, что се-
наторская рада собирается въ Краковѣ и что король нуждается въ
помощи.

Король дѣйствительно нуждался въ помощи, то-есть въ деньгахъ,
такъ какъ послѣ краковской рады намѣревался двинуться во Львовъ
и начать кампанію.

27 (17) іюня выѣхалъ онъ изъ Варшавы въ Краковъ, и въ день
его выѣзда выступило ко Львову 3.000 пѣхоты. Повелѣніе вывозить
остальные пушки было пріостановлено, дабы не возбудить подозрѣнія.

Въ Ченстоховѣ король снялъ съ себя саблю, положилъ на алтарь
Богоматери и велѣлъ освятить хоругви новосформированныхъ гусаръ.
Въ этомъ актѣ Поляки видѣть его возвращеніе къ мысли объ учре-
женіи ордена и рыцарства Безпорочнаго Зачатія: тѣмъ и другимъ
онъ могъ надѣяться привлечь охотниковъ къ войнѣ сть невѣрными.

17 (7) іюля послѣ коронаціи королевы, въ Краковѣ состоялось
первое засѣданіе сенаторской рады. Король представилъ ей то самое,
что повторялъ уже цѣлый мѣсяцъ: увѣряль, что никогда ничего про-
тивнаго праву дѣлать не намѣревался; что о войнѣ съ Турками не
думалъ; что желалъ только предупреждать ордынскіе набѣги, но и

войны съ Татарами не имѣлъ намѣренія начинать безъ дозвolenія Рѣчи Посполитой, чemu де доказательствомъ служить созванная рада; приготовленія же и договоры съ христіянскими державами дѣлались въ надеждѣ, что Рѣчь Посполитая, несомнѣнно, согласится на эту войну. Потомъ представилъ сенаторамъ причины, которыя склонили его мысли къ Татарской войнѣ. Эти причины были: готовность Москвы воевать заодно съ Польшей и ослабленіе Турціи, которымъ надлежитъ воспользоваться. Но совсѣмъ умолчалъ о козацкомъ союзѣ съ Татарами, изъ опасенія, чтобы этотъ секретъ не сдѣлался предметомъ толковъ. Наконецъ, просилъ присутствующихъ, чтобы не только сами согласились на Турецкую войну, да и Рѣчь Посполитую искренно къ тому приводили.

Сенаторовъ было въ радѣ 19; предводительствовали ими 5 бискуповъ. Всѣ они знали уже о задуманномъ открытии кампаніи, усиливались отвлечь короля отъ войны и склоняли къ созванію чрезвычайного сейма; наконецъ объявили, что безъ третьаго, то есть „рыцарского сословія, второе сословіе, (состоявшее изъ сенаторовъ) и первое (представляемое особою короля) не имѣютъ права решать вопросъ о предполагаемой королемъ войнѣ.

Такую же декларацию получилъ король письменно и отъ сенаторовъ отсутствующихъ. Такъ называемый *гриміальныи* (задушевный) *листъ* великопольскихъ сенаторовъ и шляхты, адресованный къ королю и коронному канцлеру, признавалъ, какъ отеческую попечительность монарха, такъ и пользу войны съ Ордою; „но поелику“ (писали Великопольяне) „рѣчь идетъ здѣсь о войнѣ наступательной, которой безъ согласія всѣхъ трехъ сословій начать нельзя“, то они просили Владислава—свои королевскія преднарочтанія приспособить къ общественному праву и пріостановиться съ военными дѣйствіями, доколѣ сеймъ не согласится на Татарскую войну, которая де можетъ навлечь на государство войну Турецкую: ибо и турецкій „императоръ“ долженъ за своихъ подданныхъ, и король не на Татарь, а на Турукъ готовится.

Краковская рада продолжалась три дня. Оссолинскій поддерживалъ мнѣнія сенаторовъ, какъ объявилъ объ этомъ самъ въ отвѣтѣ Великопольянамъ. Согласились наконецъ въ томъ, что король созвать 23 (13) октября сеймъ и уведомить всѣ державы, съ которыми начались договоры, чтобы прислали на сеймъ пословъ съ определеннымъ и твердымъ объясненіемъ, чего Рѣчь Посполитая можетъ отъ нихъ надѣяться въ случаѣ войны. Наконецъ, сенаторы признали войну съ Татарами необходимою, обѣщали склонять къ ней шляхту, просили

только „униженно“, чтобы король не выѣзжалъ во Львовъ и не возбуждалъ этимъ Туровъ, а лучше употребилъ то время на поправленіе своего здоровья. Король отвѣчалъ, что долженъ посовѣтоваться съ короннымъ гетманомъ, а когда ему совѣтовали лучше вызвать къ себѣ гетмана, или черезъ вѣрнаго человѣка объявить ему свою волю, онъ оставилъ этотъ совѣтъ безъ отвѣта и удалился.

Пытались еще однажды, вечеромъ, сдѣлать ему представление объ этомъ дѣлѣ, но король, произнося нѣсколько непонятныхъ словъ, вѣрѣлъ прислугѣ нести себя въ спальню, откуда тайкомъ уѣхалъ въ Неполомицы на охоту.

Гнѣвъ бискуповъ-сенаторовъ обратился на венеціянскаго посла. Едва король уѣхалъ, ему вѣдѣли, въ два часа ночи, выѣхать за 4 мили отъ городскаго округа. Тѣполо побѣжалъ жаловаться къ королю, и засталъ у него графа Магни, который вернулся изъ своего посольства съ допесепіемъ, что, какъ нѣмецкіе князья, такъ и Торстенсонъ отказали въ своей помощи.

„Мы сдѣлали все“ (сказалъ король венеціянскому послу), „что были въ сплахъ. Всѣ князья отказали намъ въ помощи; весь народъ намъ воспротивился; мы подвергли опасности наше королевское достоинство... Но не сожалѣемъ о томъ; попрежнему стоимъ на своемъ предпріятіи, и когда бъ имѣли достаточно помощи, могли бы теперь дѣйствовать еще успѣшиѣ“.

Къ этому прибавилъ онъ, что выѣзжаетъ во Львовъ; что значительныя силы стоятъ уже на границѣ; но если рѣшительный отвѣтъ итальянскихъ князей придетъ поздно, тогда—все кончено.

Графъ Магни получилъ тотчасъ повелѣніеѣхать въ Италию. Король отправилъ гонцовъ къ московскому царю и въ Персію, а самъ выѣхалъ во Львовъ, повелѣвъ остальныя пушки везти за собою.

Поѣздка во Львовъ открыла глаза всѣмъ, кто до сихъ поръ вѣрилъ королю, что онъ съ Турцией воевать не думаетъ. Вспомнили, что еще въ маѣ говорили въ Варшавѣ публично; что военные приготовленія окончатся въ юлѣ; что тогда же король выѣдетъ во Львовъ; что въ первыхъ числахъ августа выступить въ поле... Поэтому выѣздъ его во Львовъ считали началомъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи.

5 августа прибыль король въ городъ нашего Льва Даниловича. Его сопровождала королева, вмѣстѣ съ нунціемъ, французскимъ посломъ, Оссолинскимъ и нѣсколькими надежными пріятелями. Едва прїѣхалъ онъ въ столицу Червонной Руси, какъ его засыпали письмами можновладниковъ. Шляхта слѣдила за своимъ королемъ, какъ за

опаснымъ врагомъ. Знали, кто входилъ въ архіепископскія палаты, гдѣ онъ остановился, кто выходилъ. Знали, у кого король былъ и съ кѣмъ говорилъ. Ловили на лету слова его дворянъ. Но не было возможности проникнуть въ окружавшую его тайну.

Король сдѣлалъ смотръ войску. Но видя, что вербовка пila вяло, по недостатку денегъ, что шляхта сторопится отъ военной службы, а можновладники проникнуты духомъ оппозиціи, рѣшился, вмѣсто дальнѣйшаго пути къ Подольскому Каменецу, вернуться въ Варшаву. Съ этимъ намѣреніемъ созвалъ онъ, подъ величайшимъ секретомъ, военный совѣтъ, и повелѣлъ гетману Потоцкому, ставши съ обозомъ подъ Каменцемъ, ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Въ то же время козаки вышли вновь на Черное море, а король отправилъ изо Львова къ султану письмо, обвинявшее Турцію въ нарушеніи мира, такъ какъ Буджацкіе Татары не переселены въ Крымъ. Это письмо было вызовомъ на войну. Король, очевидно, надѣялся, что Порта потребуетъ объясненій и пойдетъ на уступки, или же станетъ грозить войною. Въ случаѣ благопріятнаго отвѣта со стороны венеціанской синьоріи и князей итальянскихъ, какъ опасенія, такъ и угрозы Порты могли только помочь королю на сеймѣ для начатія войны. Но еслибы Венеція отвѣтила отрицательно, тогда вооруженія короля и уступки, ожидаемыя отъ Порты, принесли бы по крайней мѣрѣ ту пользу Польшѣ, что Буджацкіе Татары были бы переселены въ Крымъ. Во всякомъ случаѣ, можно было бы, на основаніи этого письма, начать переговоры и доказать Портѣ ясно, что вооруженія короля были направлены не противъ нея, а противъ Буджацкихъ Татаръ.

Междудѣйствіе гетмана Потоцкаго, вмѣсто того, чтобы повиноваться королевскимъ повелѣніямъ, донесъ обо всемъ сенаторамъ, а они соѣтствовали ему, съ предостереженіями и внушеніями, чтобы медленностью уклонялся отъ исполненія королевскихъ распоряженій. Согласно съ папскими внушеніями, Потоцкій изыскивалъ различныя препятствія къ немедленному перенесенію лагеря подъ Каменецъ, пока король, не догадываясь о его махинаціи, вернулся наконецъ въ Варшаву ни съ чѣмъ.

„Былъ я у короля“ (писалъ въ Венецію Тьеполо), „лишь только онъ вернулся изо Львова, и папель его непоколебимъ въ своихъ преднаречаніяхъ. Король говорилъ мнѣ, что его пребываніе во Львовѣ встревожитъ Порту; что бата силистрійскій прислалъ во Львовъ соглядатая съ увѣреніемъ, будто Буджацкіе Татары получили строгое повелѣніе не появляться въ Польшѣ, а быть въ готовности противъ Москвы. Сказалъ мнѣ также, что нетерпѣливо ждетъ возвращенія

графа Магни и сейма, и что получилъ вѣрное извѣстіе о козакахъ: они ободрены удачою въ морскомъ походѣ и двинулись дальше.

Поѣзда во Львовъ и смотръ войска дали шляхтѣ новый поводъ къ нареканіямъ. Даже придворные говорили о королѣ дурно, называли его нарушителемъ вольностей, угнетателемъ народа. Не только словомъ, но и письменно подрывали они славу его и подстрекали общество къ бунту.

Двусмысленное въ глазахъ двухъ государственныхъ сословій по-веденіе Оссолинскаго и его секретныя совѣщанія съ королемъ во Львовѣ возбудили противъ него не меньшія подозрѣнія и досаду, какъ и противъ короля,—тѣмъ болѣе, что въ этомъ городѣ, по его всемогущему вліянію, рѣшеніѣ было важный для магнатскихъ партій вопросъ о томъ: кому, послѣ возвышенія Николая Потоцкаго до „великой булавы“, король ввѣрить „булаву малую“, то есть полевое гетманство. Наибольшее право на этотъ высокій постъ, по военнымъ заслугамъ, имѣть сподвижникъ Николая Потоцкаго въ постѣднемъ, опасномъ для пановъ усмирѣніи козацкаго бунта, Станиславъ Потоцкій, воевода подольскій. За пимъ стѣдовалъ не менѣе извѣстный воинскими подвигами воевода русскій, князь Іеремія Вишневецкій. Наконецъ, по обычной въ Рѣчи Посполитой наслѣдственности дигнитарствъ, стѣдовало бы малую булаву предоставить сыну великаго Конецпольскаго, Александру, коронному хорунжему. На ходатайство Оссолинскаго въ пользу свекра его любимой дочери, Урсулы, черниговскаго воеводы, Мартина Калиновскаго, перевѣсило все, чѣмъ эти три кандидата возвышались во мнѣніи Шляхетскаго Народа.

По горестной для Польши случайности, новыи коронный полевой гетманъ былъ внукъ того Калиновскаго, который „переломалъ ребра отцу Северию Наливайко и котораго Наливайко называлъ, въ письмѣ къ королю, счастливымъ, что не захватилъ его дома, когда нападѣль на его мѣстечко Гусатинъ съ венгерскихъ горъ, сжегъ замокъ и разорилъ мѣстечко. Теперь потомство самовластнаго магната глухимъ еще покамѣсть гуломъ нового козацкаго бунта вызывалось на боевой судъ, по-козацки на судъ Божій, съ наслѣдниками и учениками дикаго Царя Наливая.

Но Божій судъ совершился уже падь вѣми олигархами польско-русской республики за ихъ презрѣнія,—совершился въ томъ смыслѣ, какой выраженъ въ русской и польской пословицѣ: „кого Богъ захочеть покарать, у того отнимастъ разумъ“. Не предвидя, въ гордости многовѣковыхъ успѣховъ, какое униженіе готовится имъ въ наслѣдственныхъ приватахъ ихъ, они устами многочисленныхъ своихъ прія-

телей и клиентовъ ревѣли противъ нарушения политического равновѣсія панскихъ партій и наконецъ свой ревъ сосредоточили въ бензименномъ „дискурсѣ“^{*)} обвинившемъ канцлера въ томъ, что, подъ предлогомъ Турецкой войны, намѣревался онъ уничтожить шляхетскія вольности и реорганизовать Рѣчь Посполитую.

„Это давнишняя мысль канцлера“ (писалъ безыменникъ) „уничтожить шляхту и ввести въ Польшѣ правленіе оптиматовъ (аристократовъ). Не такъ онъ приверженъ къ монарху, чтобы желать ему правленія наследственнаго; нѣтъ, онъ хочетъ ввести такое положеніе, чтобы у нась не было ни полной вольности, ни полной неволи. Онъ хочетъ быть не министромъ, а товарищемъ короля. Къ этому, послѣ всѣхъ его подвиговъ, были направлены его широковѣщательные дискурсы о Правахъ Посольской и Сенаторской Избы. Съ этой цѣлью сочинилъ онъ кавалерію, которой сломили голову, и которую теперь поднимаютъ за хвостъ. Для того же искалъ онъ въ Имперіи княжескихъ титуловъ, и наследственныхъ князей въ Польшѣ уничтожалъ. То же самое обнаружилось въ благодарности, вымученной у шляхты, въ контрибуціи, выжатой у ксенозовъ, въ складкахъ, выманиенныхъ у городовъ. То же самое и въ вопросѣ, какъ повалить Посольскую Избу. То же высказалось и въ гвардіи для развода схватокъ на сеймахъ. Вотъ почему не рѣшался онъ привыкшій къ вольности народъ привести къ строгому повиновенію, а довольствовался постепеннымъ увеличеніемъ королевской власти. Не имѣть онъ и теперь намѣренія выступить съ насилиемъ; но когда его захватили врасплохъ королевские замыслы, захотѣлось ему воспользоваться случаемъ и испровергнуть существующее правленіе въ Польшѣ. Давно уже сказалъ о немъ варваръ, что это польскій Ришелье, только что не попалъ на такого государя, котораго могъ бы сдѣлать статуею, а себя—королемъ.“

---

^{*)} Dyskurs jednego Dworskiego per medium Listu pisany we Lwowie.

Глава XIII.

Польские сеймики и сеймы.—Возмущение втораго и третьаго государственныхъ сословий противъ перваго.—Король отдается въ руки своихъ подданныхъ.—Недовѣрчивость Шляхетскаго Народа къ королю.—Новый сеймъ.—Религіозныя дѣла вмѣсто политическихъ.—Сеймовая неурадица развязываетъ королю руки.

Я показывать русскому читателю государственную и общественную жизнь былой Польши со стороны ея олигархическихъ и охлократическихъ краиностей, сопоставляя въ ней двѣ родственныя национальности, руководимыя и охраняемыя представителями двухъ противоположныхъ церквей. Читатель мой былъ зрителемъ и цивилизованаго, и дикаго геройства ея воиновъ, зрителемъ соперничества различныхъ сословий и состояний. Дивный по своей оригинальности конгломератъ, называемый Польскимъ Королевствомъ, Рѣчью Посполитою Польскою, по-козацки Королевскою Республикой и Королевскою землей, по пански Шляхетскимъ Народомъ,—готовъ теперь, силою своихъ историческихъ судебъ, перейти въ новую формацию, къ гордости однихъ, къ досадѣ другихъ и къ отчаянью третьихъ. Радуясь тихо паденюю погибшихъ „отъ своихъ беззаконий“ и наслаждаясь торжествомъ истинной гражданственности подъ ся призракомъ, мы съ русскимъ читателемъ не можемъ отказать себѣ въ удовольствии вызвать изъ глубины прошедшаго кажущееся польское величие въ истинномъ его видѣ,—въ видѣ государственного ничтожества, и представлять национальные доблести польскихъ тѣмъ, чѣмъ опѣ были дѣйствительно.

Зрѣлище того и другаго открывается передъ нами всего поразительнѣе на тщеславной выставкѣ общественной свободы,—на томъ пресловутомъ съездѣ польскихъ первовъ и депутатовъ, который носилъ прискорбнос подобіе нашихъ старинныхъ русскихъ вѣчъ.

Всѣ польские сеймы были интересны въ смыслѣ представительства польской государственности,—какъ тѣ, на которыхъ народно и величаво появлялся нашъ „святопамятный“ съ тысячами разнородно вооруженнаго войска, — этотъ прототипъ можно владной „приваты“,

такъ и тѣ, на которыхъ оскорбленая гордость великаго папа готова была превратить Сенаторскую Избу въ дикую сцену кулачного права. Но чтобы видѣть полный раззвѣтъ всего химерического въ Королевской Республики наканунѣ того *пополнта*, которымъ угрожалъ ему выдѣлившійся изъ шляхты разбойный элементъ, надобно было присутствовать на двухъ сеймахъ, которые непосредственно предшествовали паденію самоувѣренной силы, измѣрившей славолюбивыми взорами громадное пространство между Ледовитымъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ, между Атлантикою и моремъ Каспийскимъ.

Я посвящу цѣлую главу пересказу того, что на этихъ двухъ сеймахъ видѣли глаза и слышали слухъ нашихъ малорусскихъ предковъ, кто бы они ни были,—пересказу со словъ самихъ Поляковъ. Съ какими бы чувствами и мыслями ни описывали они свое прошедшее, ихъ вѣрныя фактамъ описанія рождаются въ русскомъ сердцѣ другія чувства, въ русскомъ умѣ—другія мысли.

Каждому сейму въ Польшѣ предшествовали повѣтовые сеймики, посредствомъ которыхъ высказывались общественные желанія, и каждый сейминкъ отправлялся на центральный сеймъ своего представителя, подъ позваниемъ земскаго посла. Но теоріи польского самоуправлія,—теоріи, надоѣло сказать, прекрасной,—земскими посломъ могъ быть не только крупный, но и мелкій землевладѣлецъ-шляхтичъ, преобладающій умомъ и нравственными достоинствами надъ прочими „братьями шляхтою“; но на практикѣ выборъ падалъ всегда на богатаго и сильнаго вслическими связями. Такимъ образомъ прославляемое демократическое правленіе шляхты въ сущности было аристократическимъ.

На провинціальныхъ сеймикахъ 1646 года всѣ высказались противъ короля. Шляхта южныхъ воеводствъ опасалась, чтобы король Турецкою войною не обратилъ ся подданныхъ въ козаки и не разстроилъ этимъ ся хозяйства. Литовскіе паны боялись вторженія Шведовъ, которымъ казалось, что Владиславъ собирается воевать за свое право на шведскую корону. Но и война Турецкая могла дать случай Шведамъ продолжать военные дѣйствія, пріостановленныя Густавомъ Адольфомъ. Всего же больше были вооружены противъ короля Великополье. Свѣженавербованные иностранцы причиняли имъ великое разореніе. Мѣстные старожилы запали на опытъ пештоваства польского жолпера, но такой разнуданости, какую представляла военщина, навербованная за-границей, никто изъ нихъ не запомнилъ.

Такъ оно и должно было быть. Тридцатилѣтняя война довела истощенныя государства Западной Европы до необходимости положить конецъ убийствамъ, совершившимся ради однихъ, или другихъ

прятаній. Война, извѣстная подъ именемъ Тридцатилѣтней, была, собственно говоря, продолженіемъ той войны, которая началась возстаніемъ Нидерландовъ противъ испанского владычества. Съ промежутками трактатовъ, контрибуцій, набора новыхъ войскъ и отыха старыхъ, военный разбой, освященный возваніями за вѣру, честь и свободу, тянулся не тридцать, а восемидесять лѣтъ. Искусство нападать и обороняться, при пособіи возродившихся точныхъ наукъ, достигло высокой степени въ этотъ горестный періодъ жизни западныхъ народовъ, и породило массу специалистовъ человѣкоубийства, отъ которыхъ безоружные классы страдали, точно въ баснѣ глиняные горшки отъ мѣдныхъ, плывущихъ съ ними по одной и той же рекѣ. Когда наслѣдники и питомцы восемидесятилѣтнихъ пеистовствъ пришли къ Великопольянамъ па указанные имъ сборные пункты, ихъ жестокое прикосновеніе было почувствовано всѣми до такой степени, что по всей Польшѣ раздался громкій вопль, и успокоенная въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ Королевская Республика узнала съ ужасомъ, что ей предстоитъ новая всегда опасная война съ Турцией.

По офиціальному заявлению мѣстного воеводы, въ Великой Польшѣ было полно обидъ и плача убогихъ людей. „Ихъ слезы“ (писаль онъ) „иностранные жолперы отсылаютъ къ небесамъ, насыщаясь надъ вольностью и правами гражданъ и грозя публично, что хлоповъ обратятъ въ пляхту, а пляхту — въ хлоповъ“. Но протесты, угрозы и жалобы пляхты не помогали. Польскія высшія вѣдомства привыкли къ подобнымъ представленіямъ. Въ Королевской Республики, за отсутствіемъ исполнительной власти, ся мѣсто занимало самоуправство. Еще въ 1590 году коронный полевой гетманъ писалъ величайшему, что его жолнеры будутъ тяжелы мѣстнымъ жителямъ. „Но я“ (говорилъ онъ) „отъ вашей милости научился быть контемпторомъ подобныхъ вещей. Надобно угождать совѣсти дѣлать, чтѣ разумѣ и пужда Рѣчи Посполитой указываютъ. Пускай горланитъ чтѣ кто хочетъ: большій и справедливѣшій былъ бы крѣпъ, когда бы настъ упредилъ непріятель“. Если такъ думали Станиславъ Жовковскій и Янъ Замойскій, тѣмъ естественнѣе было такъ думать Владиславу IV и Юрию Оссолинскому. Они молчали на получаемую допесенія, и, въ надеждѣ предотвратить гораздо большее зло, продолжали готовиться къ войнѣ.

Прусскія сословія протестовали не менѣе великopolѣскихъ и передъ канцлеромъ, и передъ королевскими полковниками; но все было напрасно. Только провинціальные сеймики были отолоскомъ такихъ протестовъ. Подобно паступающей со всѣхъ сторонъ грозѣ, ихъ вѣчевія взыянія готовы были разразиться громомъ на центральномъ,

столичномъ сеймѣ. Всюду носился слухъ, что король намѣренъ отнять у шляхты свободу и ввести наследственный монархизмъ. Одни вошли, что, вербя безъ согласія сейма войско, онъ этимъ самимъ уже вводить самодержавіе въ Польшѣ; другіе твердили, что договоръ съ Венецій и война съ Татарами были только предлогомъ къ этому. „Король не надѣется долго жить и, не видя обезпеченія семилѣтнему королевичу, со стороны сейма, прибѣгаешь къ насилиству въ его пользу“, говорили некоторые; а одинъ изъ шведскихъ саповниковъ высказалъ публично, что король посыпалъ за помоцю къ Торстенсону, съ цѣлью ввести въ Польшѣ неограниченное правленіе; что уже Густавъ Адольфъ обѣщалъ ему свою помощь въ этомъ дѣлѣ за отреченіе отъ правъ на шведскую корону, и что король теперь слова искалъ помощи у Швеціи, а Швеція обѣщала ее. Всего больше было между шляхтой такихъ, которые проповѣдывали, что чѣмъ бы Турецкая война ни кончилась, она грозитъ Полякамъ утратою свободы. „Если одолѣсть короля Турція“ (говорили они), „Рѣчь Посполитую ожидаетъ рабство; если Турокъ побѣсть король, шляхту ожидаетъ рабство; если война не разрѣшится ничѣмъ, тогда нашъ край сдѣлается добычкою жолнеровъ“.

Подобные толки заняли всѣхъ до такой степени, что ни о чѣмъ не желали трактовать па центральномъ сеймѣ, какъ о распущеніи иностранного и королевской гвардіи, которая выросла уже до 5.000. Всѣ сеймиковые инструкціи вмѣняли въ обязанность земскому посланцу: не соглашаться на Турецкую войну, открыть ся двигателей, домогаться распущенія вербовокъ, отправить посла въ Турцию для подтвержденія мира, заплатить Татарамъ недоплаченный гарачъ, называемый подарками. А чтобы король какою-нибудь хитростью не обманулъ двухъ сословій, былъ принять предложенный краковскими воеводою сигналъ: *противоречие всему!* Если же король не согласится съ желаніемъ Шляхетскаго Народа, шляхта постановила: сѣть на коней и разогнать вербунки.

Королю было известно постановленіе каждого сеймика: онъ зналъ, что сеймики грозили отказать ему въ повиловскіи; что сенаторы вписывали свои постановленія въ гродскія книги; зналъ, какіе выбраны послы и какія даны имъ инструкціи. Но при всемъ томъ не только не оставилъ своихъ замысловъ, а еще больше, нежели когда-либо, жаждалъ войны. „Такой жаръ пылаетъ въ сердцѣ короля“ (писалъ современникъ), „что надоено опасаться, какъ бы онъ не сгорѣлъ“.

Послѣ краковской рады Владиславъ разослалъ ко всѣмъ християнскимъ королямъ и князьямъ, даже къ ихъ старшимъ полководцамъ, приглашенія къ участію въ войнѣ противъ язычниковъ, а 3 октября

отправилъ посла въ Персію. Послали и въ Парижъ посла, дабы увѣрить Швецію въ своихъ мирныхънамѣреніяхъ и просить у Франціи помощи.

Со всѣхъ сторонъ получались благопріятныя извѣстія. Венеція, не дождавшись Польско-Турецкой войны для заключенія съ Турцией мира, начала воевать съ нею серьозно. Изъ Москвы увѣдомляли короля о начавшейся войнѣ съ Татарами. Султанъ повелѣлъ башамъ помогать хану. Персы облегли Вавилонъ. Въ Палестинѣ и въ другихъ турецкихъ провинціяхъ вспыхнули бунты. Князь Янушъ Радивиль вернулся изъ Яссъ и Мункача и привезъ увѣдомленіе, что Ракочій обязался не пускать Турокъ, черезъ венгерскія границы въ Польшу, а оба господаря обѣщали поставить по 25.000 войска, дать значительныя субсидіи и прислать пословъ на сеймъ.

Король былъ въ наилучшемъ расположениіи духа. Онъ отправилъ во Львовъ другія 24 пушки, 4 большія мортиры и 25 бочекъ амуниції съ повелѣніемъ коронному гетману—двинуться въ Волощину съ 22.000 войска. Владиславъ надѣялся, что если приближающійся сеймъ не одобрить войны съ Татарами, то по крайней мѣрѣ опредѣлить налоги и прибавку войска на оборону Рѣчи Посполитой; а этого было довольно, чтобы изъ войны оборонительной втянуть шляхту въ войну наступательную.

При такихъ обстоятельствахъ, среди общей тревоги по всему государству, начался въ Варшавѣ, 25 (15) октября, достопамятный сеймъ 1646 года.

Маршаломъ Посольской Избы былъ избранъ Николай Станкевичъ, писарь жмудскій, сдѣлавшійся на этомъ сеймѣ лицомъ историческімъ. Шляхта, представляемая земскими послами, распорядилась на сей разъ, чтобы такъ называемая презентація состоялась не въ Сенаторской, а въ Посольской Избѣ. И вотъ внесли кресла для сенаторовъ. При королѣ всегда находилось человѣка три-четыре сенаторовъ-резидентовъ, радныхъ пановъ, а всѣхъ сановниковъ, заставшихъ въ сенаторскихъ креслахъ, было 140. Изъ этого числа, для спасенія отечества отъ угрожавшаго ему лишенія гражданской свободы, прибыло на сеймъ, чреватый событиями величайшой важности, только семь. Боясь огорчить—или короля, или шляхту, отцы отечества выжидали вѣчеваго результата дома. Земскіе послы, сидя кругомъ Избы на скамьяхъ, обитыхъ краснымъ сукномъ, встрѣтили входящихъ сенаторовъ громкимъ смѣхомъ.

Въ половинѣ первого часа вошелъ королевскій канцлеръ, а за нимъ—король. По выражению польского историка, они вошли, какъ двое обвиняемыхъ. Привѣтствовали ихъ молчаниемъ.

Маршалъ Посольской Избы обратился къ королю съ пожеланіемъ доброго здоровья, и выразилъ надежду, что онъ здоровыми своими совѣтами благоволить утѣшить Рѣчь Посполитую, которую изображали собою земскіе послы.

Ему отвѣталъ коронный подканцлеръ, бискупъ Андрей Лепинскій, но съ такими намеками на короля, что скорѣе казался главой оппозиції, нежели министромъ короля и Рѣчи Посполитой.

Послѣ его язвительной рѣчи маршалъ Посольской Избы читалъ имена земскихъ пословъ, которые одинъ за другимъ приближались для цѣлованія королевской руки. Въ числѣ ихъ оказалось много враговъ его польского величества: они цѣловали королевскую руку на воздухѣ. Этимъ актомъ публичнагоуваженія монаршаго достоинства кончилась презентациѣ.

На другой день, въ первомъ засѣданіи сейма, надобно было ждать бури. Но коронный канцлеръ Оссолинскій, стоя по обычаю на первой ступени трона, произнесъ „королевскую пропозицію“ съ такимъ благодушіемъ, какъ будто его только и занимали ложные слухи на счетъ короля, которые онъ тутъ же унижалъ своимъ плѣнительнымъ для Поляковъ словомъ. У соотечественниковъ Оссолинскаго эта пропозиція считается самою знаменитою изъ его рѣчей, сказанныхъ имъ по-польски. Пасторій переложилъ ее на латинскій языкъ и помѣстилъ въ свой *Historiae Polonae plenioris partes duae*, на вѣчную, какъ онъ писалъ, память потомству. Коронный канцлеръ такъ ублажилъ представителей Шляхетскаго Народа восхваленіемъ созданной имъ Рѣчи Посполитой, что одинъ изъ самыхъ завзятыхъ земскихъ пословъ назвалъ его слово „благотворнымъ слесмъ“, а подъ конецъ пропозиціи представилъ въ такомъ ласкательномъ видѣ просьбы короля о многочисленныхъ нуждахъ, какъ его собственныхъ, такъ и всего королевскаго дома, что слушателямъ показалось неправдоподобнымъ, чтобы король, находясь въ такой зависимости отъ Рѣчи Посполитой, могъ питать замыслы, противные желаніямъ ея. Сохраненная на вѣчную память потомству рѣчь много способствовала тому, что сеймъ, настроенный весьма враждебно, прошелъ гораздо тише, нежели можно было надѣяться.

Для русскаго читателя интересно пытное начало ея, точно медомъ помазавшее по сердцу польскую шляхту, отъ природы довѣрчивую и добродушную.

„Населили доблестные Поляки въ открытыхъ поляхъ свободное королевство, окруженнное только стѣною любви и единодушнаго между сословіями довѣрія. Поставили среди него сторожевую башню коро-

левского маестата, дабы съ ея высоты во время слышать предостереженія единаго повелителя, усматривающаго отдаленѣйшія бури. Возль башни отъ имени Сената воздвигли курю (то есть Посольскую Избу), дабы, вмѣстѣ съ верховными предостереженіями, во всѣ стороны растекался зрѣлый и непорывистый совѣтъ о потребностяхъ Рѣчи Посполитой. На себя же, неразлучные съ боевымъ оружіемъ, взяли функцию добровольной, ревностной обороны общественной безопасности.

„Такъ установленная стояла и, дастъ Богъ, будеть стоять непоколебимо дѣлость, слава и краса нашего милаго отечества, усиленнаго братскими присоединеніемъ къ нашимъ предкамъ великихъ народовъ, возвеличеннаго безстрашными подвигами королей, повелителей нашихъ, особенно же расширеннаго въ своихъ границахъ отважными дѣлами его королевской милости, нашего всемилостивѣйшаго государя.

„И однакожъ“ (продолжалъ исполненный гражданскаго самоутвержденія канцлеръ) „безчестная жадность приватныхъ выгодъ силится при всакомъ удобномъ случаѣ порицать и путать столь хорошо обдуманную форму правленія. Въ стачкѣ съ самомнѣніемъ, она всего неистовѣе штурмуетъ это главное передовое укрѣпленіе взаимнаго довѣрія, дабы, откѣзывъ непріятелю и его хитростямъ общественное благо, тѣмъ легче обезпечить свою ненасытную привату. Вотъ откуда проходитъ уклончивость отъ должностнаго довѣрія къ предостереженіямъ бдительнаго и благодѣтельнаго государя и въ высшей степени легкомысленное увѣреніе, что ни откуда не грозить намъ никакая опасность; вотъ откуда превратное истолкованіе горячей его заботливости; вотъ откуда пренебреженіе къ братской радѣ сената, а что горше всего— потрясеніе дѣлаго состава Рѣчи Посполитой“, и т. д. и т. д.

Исчисливъ подвиги короля и жертвы, принесенные подданнымъ для освобожденія отечества, коронный канцлеръ, въ числѣ такихъ жертвъ, упомянулъ и „усмирение казаковъ безцѣнною кровью рыцарства“, а потомъ перешель къ татарскимъ опустошеніямъ края, которыя де сопровождаются наполненіемъ Крыма и Буджаковъ христіанскими пленниками. „И до того уже дошла“ (говорилъ онъ) „языческая самоувѣренность, что и подъ самый бокъ его королевской милости, несметно мѣсяцевъ тому назадъ, посолъ татарскій привель въ тяжкихъ оковахъ польскаго шляхтича, пана Замойскаго, заполоненнаго въ Сѣверіи, и тутъ же устроилъ позорный базаръ для торга свободною шляхетскою кровью, къ несмыываемому стыду нашихъ народовъ и къ неутѣшной горести его королевской милости и всего двора, бывшаго тому свидѣтелемъ“.

Но напрасно сторожевая башня, олицетворяемая славнымъ ораторомъ въ особѣ короля, давала сигналы объ угрожающей польскимъ гражданиамъ опасности. Краснорѣчивую пропозицію приняліе обсуждать сенаторы, встрѣченные на презентації громкимъ смѣхомъ со стороны земскихъ пословъ. Первый изъ нихъ, архіепископъ гнѣзенскій, Матвій Лубенскій, будучи старъ, говорилъ такимъ тихимъ голосомъ, что видно было только, какъ шевелились его губы, но и ближайшіе къ нему послы „не могли сказать, произносилъ ли онъ хоть что-нибудь“. Всльдъ за нимъ бискупъ хелмскій, Станиславъ Петровонскій, говорилъ „сухо и холодно“, наступательной войны не совсѣтовалъ, но и подарковъ Татарамъ не одобрялъ. Далѣе воевода разскій, Андрей Грудзинскій, не соглашался па войну, и подъ конецъ наловорилъ такого, „что никто его и самъ себя онъ не понималъ“. Каштеляна сѣрадскаго, Предислава Быковскаго, „никто не слушалъ и не слышалъ“. Каштелянъ данцигскій, Станиславъ Коббржицкій, въ „прекрасно рѣчи“, хвалилъ королевскія предначертанія, но настоящей войны съ Татарами не одобрялъ, боясь Турці; совсѣтовалъ, однакожъ, быть на готовѣ и не желалъ распускать вербовокъ, а только полковниковъ поставить польскихъ. Каштелянъ бжезинскій, Хабрицкій, войны не одобрялъ. Каштелянъ перемышльскій, Тарло, „совѣтовалъ быть черепахою, сидѣть тихо и головы не выставлять“. Еще два каштеляна сопротивлялись войнѣ. Жарче и смѣльѣ всѣхъ говорилъ подканцлеръ, бискупъ хелминскій, Андрей Лещинскій. Онъ угодилъ шляхтѣ дерзостями противъ короля, но совсѣтовалъ не посыпать въ Турцію послы, а лучше думать объ оборонѣ. Вообще всѣ сенаторы соглашались въ томъ, что Рѣчь Посполитая должна быть готова къ войнѣ, но каждый изъ нихъ „боился королевской немилости“, и не высказался вполнѣ.

Голосование двѣнадцати сенаторовъ тянулось четыре дня. Оссолинскій былъ раздраженъ нѣкоторыми рѣчами, какъ публичными, такъ и домашними, которыя тогда произносились въ провинціальныхъ крughахъ, гдѣ его называли открыто сочинителемъ королевскихъ замысловъ. Въ заключительной капцлерской рѣчи, онъ излилъ свою досаду на короннаго подканцлера, Лещинскаго.

„И у меня“ (говорилъ онъ) „скорѣе не хватить жизни, нежели свободы слова. Но пользоваться свободой мысли въ царствованіе благодѣтельного монарха, любящаго права, вольности и счастье подданныхъ,—въ этомъ еще мало славы, заслуги никакой... Надобно только благодарить Бога, что въ нашъ вѣкъ мы наслаждаемся такимъ счастьемъ, истекающимъ отъ благотворнаго царствованія его королевской милости... Я подаю мой голосъ только въ пользу сохраненія

неразрывной связи королевского маестата съ общественнымъ благомъ. Тотъ бытъ бы общий измѣнникъ, кто бы смѣлъ маестать монарха разлучать со свободой народа тайнымъ поджигательствомъ, или публичною декламацией..."

Такое вступленіе слушали „съ великимъ смущенiemъ“. Глаза всѣхъ обратились на подканцлера, которого Оссолинскій назвалъ измѣнникомъ и декламаторомъ. Лепцинскій „сидѣлъ блѣдный, какъ стѣна“. Но краснорѣчію Оссолинскаго не доставало той побѣдительной силы, которая заключается въ чистотѣ побужденій и возвышенности духа. Не одинъ изъ его слушателей всjomиналь о другомъ „великомъ“, какъ называли Оссолинскаго, государственномъ мужѣ,— недавно утраченномъ Станиславѣ Конецпольскомъ, который „скорѣе дѣлалъ, чѣмъ высказывался“, и котораго каждое слово, произносимое съ природнымъ заиканіемъ, растекалось по всей Польшѣ. Коронный канцлеръ, желая помѣстить примасу, Лубенскому, неожиданно кончилъ свою рѣчь ссылкою на его мнѣніе, „котораго никто не слышалъ“. Тогда „поднялся шумъ, шепотъ, смѣхъ. Послы не обращали вниманія на остальную часть рѣчи, и выпесли убѣжденіе, что канцлеръ не хотѣлъ высказать собственнаго мнѣнія относительно распущенія войска, ссылаясь въ дѣлѣ воиномъ на отзывъ архиепископа“.

Со стороны короля дѣлались всяческія замѣскиванья у третьаго сословія въ пользу Турецкой войны. Недавно были имъ получены отъ гетмана Погоцкаго желанныя извѣстія о грозномъ для Поляковъ движениіи Турокъ. Король надѣялся, что подъ впечатлѣніемъ этихъ извѣстій, послы озаботятся безопасностью государства, утвердить и войско, и налоги, вслѣдствіе чего ненадобно будетъ ни распускать вербунокъ, ни платить имъ: ибо въ такомъ случаѣ Рѣчъ Посполитая приняла бы ихъ на собственный счетъ и вернула бы ему издергки.

Первая рѣчь Оссолинскаго при открытии сейма ублажила земскихъ пословъ, успокоила опасенія, придала надежды сторонникамъ двора. Да и между послами было много приверженцевъ Турецкой войны. Таковы были: Янушъ Радивиль, Александръ Конецпольскій, Иеронимъ Радзѣвскій. Прочие бѣлорусскіе, червонорусскіе и украинскіе мажновладники, засѣдавшіе въ Посольской Избѣ, при всемъ своемъ возбужденіи къ оппозиції, готовы были стать на сторонѣ короля, еслибы представители третьаго сословія запали слишкомъ далеко. По признанію Поляковъ, „многихъ можно было, какъ это дѣлалось обыкновенно, угомонить просьбами, убѣжденіями, подкупомъ и обѣщаніями, а въ наихудшемъ случаѣ—создать сильную фракцію и парализовать дѣятельность Посольской Избы“. Таланты Оссолинскаго и его

канцлерское достоинство могли сдѣлать много и даже все, когда бъ онъ былъ искренно преданъ королю и его грандіозной политикѣ. Но для этого недоставало одного, — чтобы король, выпивъ себѣ канцлера изъ простой глины, вдохнулъ въ него самоотверженную душу. Такой души природа не дала ему самому. При всей готовности своей служить Христіанству и при всемъ своемъ геройствѣ, онъ былъ своего рода эгоистъ и своего рода трусь. Усвоенная имъ съ дѣтства лживость, свойственная ему по его природѣ оплошность, недостатокъ опредѣленнаго начертаннаго плана дѣйствія, впезанныя затѣи по вдохновенію минуты и школьніческія увертки передъ судьями гражданскаго долга, — все это ослабило достоинство его царственности, раздражало дерзость оппонентовъ и придавало имъ необыкновъ силы.

31 (21) октября, по выслушаніи сенаторскихъ заявлений, земскіе послы вернулись въ свою Избу, недовольные тѣмъ, что Сенатъ страшаетъ ихъ татарскимъ и турецкимъ набѣгомъ, совѣтуясь готовить войско и требуетъ отъ нихъ налоговъ. Они не вѣрили, чтобы Турція думала о войнѣ съ Рѣчию Посполитою, гремѣли противъ королевскихъ замысловъ, противъ совѣтниковъ войны, а когда одинъ посолъ изъ Сеномирского воеводства, разсыпаясь въ похвалахъ канцлеру, подалъ голосъ въ пользу вооруженія, — это возбудило такое негодованіе, что нѣсколько человѣкъ ухватилось за сабли. Въ первомъ же засѣданіи Посольской Избы, состоялось постановленіе: отправить къ королю посольство съ объясненіемъ, что послы не приступятъ ни къ чѣму, пока противозаконно навербованное войско не будетъ распущенено.

Король отговорился нездоровьемъ, и едва 5 ноября принялъ земскихъ пословъ, да и то въ постели. Онъ отвѣчалъ имъ чрезъ посредство Оссолинскаго, между прочимъ, что распущенное войско не преминеть грабить и угнетать ихъ согражданъ. Если земскіе послы и сенаторы не заботятся объ оборонѣ Рѣчи Посполитой и рѣшать, что набранное войско не нужно, король готовъ распустить его, лишь бы Рѣч Посполитая указала способъ распущенія.

Изба послала вновь къ королю посольство, съ требованіемъ, чтобы онъ выдалъ главнаго совѣтника Турецкой войны и разослалъ универсалы на распущеніе жолнеровъ. Рѣч Посполитая не нуждается де въ нихъ, такъ какъ, въ случаѣ надобности, собственною грудью готова отражать непріателя.

Король опять откладывалъ со дня на-день аудіенцію, сказываясь больнымъ, и только 10 ноября принялъ маршала Посольской Избы Яна Николая Станкевича. Отвѣчалъ ему Оссолинскій, совѣтуя вновь, отъ имени короля, чтобы Посольская Изба, относительно распущенія

войска, держала раду съ Избой Сенаторской, такъ какъ дѣло здѣсь идетъ о королевскомъ достоинствѣ и безопасности отечества.

Коронные послы соглашались на эту пропозицію, но литовскіе за рѣшенiemъ другого, важнаго собственно для нихъ вопроса, протянули, дѣло до 15 ноября.

Въ этотъ незабвенный для польскихъ либераловъ день выступили на сцену дѣйствія познанскіе послы, именно Болеславъ Лещинскій, Лукашъ Оржельскій, Леонъ Шлихтингъ и Андрей Твардовскій, съ инструкціями отъ своего сеймика, и потребовали „братской бесѣды съ сенаторами въ отсутствіи короля“.

Предложенная ими братская бесѣда, называвшаяся *collegium vel colloquium*, это былъ древній парламентскій обычай, къ которому прибѣгали только тогда, когда поведеніе Короля, или Сената возбуждало опасенія. Въ такомъ случаѣ два государственныхъ сословія, въ лицѣ своихъ представителей, соединялись въ одно тѣло, въ отсутствіи короля совершенно независимое, и совѣщались объ устраненіи зла. Диктатура братской бесѣды надъ верховною властью предпринималась въ моменты важные, когда всѣ легальные способы оказывались недѣйствительными.

Оссолинскій, какъ мы видѣли, предлагалъ уже посламъ совмѣстную съ сенаторами раду и надѣялся отъ нея великой пользы; но эта бесѣда была нѣчто совсѣмъ иное. „Если бы совмѣстная рада проходила въ присутствіи короля, то сенаторы могли бы отвергнуть постановленіе Посольской Избы отосительно распущенія войска; въ отсутствіи же короля они этого сдѣлать не смѣли“.

Посольская Изба одобрила пропозицію познанскихъ пословъ и постановила: отправить въ третій разъ посольство къ королю съ требованіемъ, чтобъ онъ разослалъ универсалы на распущеніе жолнеровъ; чтобы выдалъ сочинителя Турецкой войны, и согласился на братскую бесѣду въ своемъ отсутствіи.

Это было постановленіе опасное для короля, для сенаторовъ и министровъ. Нельзя было па него согласиться, но страшно было и отказать въ согласіи, именно потому, что, послѣ каждого отказа, требованія Посольской Избы росли, опасность увеличивалась. Варшава кипѣла петербургивостью вооруженной шляхты, которая наполняла столицу и была готова, съ оружіемъ въ рукахъ, поддержать постановленіе земскихъ пословъ.

Король рѣшился обѣщаніями успокоить оппонентовъ. Когда 16 ноября герой безплодной и злотворной революціи, Станкевичъ, потребовалъ аудіенціи, ему отвѣчали, что король самъ пошлетъ къ третьему

сословію посольство. Дѣйствительно въ Посольскую Избу прибыли: познанскій и жмудскій бискупъ, Андрей Шолдрскій, брестскій, мстиславскій и померанскій воеводы, сѣрадскій и данцигскій каштеляны. Бискупъ Шолдрскій, обнаживъ покорно голову, объявилъ земскимъ посламъ, что не кто иной, какъ самъ король, безъ всякаго внушенія, изъ побужденій важныхъ и изъ любви къ отечеству, вербовалъ войско, и что готовъ распустить вербунокъ добровольно, лишь только его намѣренія представляются противными праву, если Посольская Изба, съ своей стороны, изыщетъ способъ для обороны государства, возвратить королю издережки, а королеву, которая растратила свои скарбы, снабдить приличнымъ содержаніемъ.

Въ отвѣтъ на это посольство, третье сословіе потребовало, чтобы тотчась были изготовлены универсалы, и чтобы копіи были ему прочитаны. Король, желая угодить земскимъ посламъ, немедленно прислалъ проектъ универсаловъ; но его нашли слишкомъ мягкимъ, и потребовали болѣе строгаго, съ прибавкой инфаміи на непослушныхъ и писемъ къ гетманамъ и старостамъ, повелѣвающихъ карать преступныхъ иностранцевъ. Король велѣлъ изготовить новый проектъ универсаловъ, съ объявлениемъ, что жолнеровъ, которые не подчинятся комиссарамъ и разойтись не захотятъ, повелѣваетъ считать *галастрою* (сволочью), лишенную покровительства законовъ. Эти универсалы объяштали онъ разослать немедленно.

Неожиданная уступчивость короля показалась подозрительною. Увѣряли, что король, нѣсколько дней назадъ, разослалъ полковникамъ приказъ, чтобы на универсалы, еслибы къ нимъ пришли, не обращали вниманія. Твердили, что король выдастъ новые патенты; что въ Польшу стѣзжаются иностранцы-полковники и ждутъ указанія, где имъ представиться. Нѣкоторые изъ земскихъ пословъ предсказывали, что король въ случаѣ крайности, причислитъ упраздненные хоругви къ своей гвардіи, количество которой не определено закономъ. Другие были готовы присягать, что король играетъ комедію, и ни универсаловъ, ни комиссаровъ къ войску не пошлетъ.

Чтобы успокоить шляхту, король нѣсколько разъ призывалъ сенаторовъ къ себѣ, и увѣряль ихъ дружески, что сдѣлаетъ все, чего государство отъ него домогается.

Междуда тѣмъ ноября 27 пришло въ Посольскую Избу извѣстіе, что распущеніе войска секретно проіостановлено. Въ страшномъ волненіи умовъ, начались объ этомъ совѣщанія, и когда одинъ изъ пословъ намекнулъ слегка, что все сдѣланное до сихъ поръ ни къ чему не приведеть, Посольская Изба вдругъ постановила нѣсколько

пунктовъ, и съ этимъ постановленіемъ двинулась „наверхъ“ въ Сенатъ, гдѣ король отправлялъ правосудіе.

Станкевичъ представилъ Владиславу слѣдующія требованія: чтобы дѣйствіе универсаловъ о распущеніи жолнеровъ наступило немедленно; чтобы король назначилъ комиссаровъ для распущенія войска; чтобы козаковъ пріuderжать, дабы они не давали повода къ войнѣ съ Турцией; чтобы гвардію уменьшилъ, новыхъ патентовъ на вербунки не выдавалъ, и согласился на братскую бесѣду съ Сенатомъ въ своемъ отсутствіи, съ цѣлью выговора сенаторамъ за недосмотръ и небреженіе.

На это требованіе Оссолинскій вовсе неожиданно отвѣчалъ коротко, жестко и неучтиво (*niedyskretne*), не пригласивъ даже, какъ велѣлъ обычай, сенаторовъ къ аудіенціи; что универсалы посланы; что гвардіи будетъ король держать столько, сколько ему понадобится; относительно козаковъ снесется съ гетманомъ; новыхъ патентовъ не выдастъ, а на бесѣду не согласенъ.

Дѣло въ томъ, что король всѣ еще полагается на свое личное вліяніе, поддерживаемое раздачею дигнитарствъ, надѣялся склонить на свою сторону паловъ, располагавшихъ значительными боевыми средствами, и, съ помощью сторонниковъ войны, подавить партію мира. Но въ Шляхетскомъ Народѣ распространились уже опасенія на счетъ его автократическихъ замысловъ. Боялись не однихъ военныхъ тягостей, перазлучныхъ съ войной утратъ и бѣдствій, боялись, и самого торжества надъ непріятелемъ.

„Теперь мы свободны въ нашемъ отечествѣ“ (разсуждали республиканцы); „теперь мы знаемъ принадлежащія намъ права и имѣемъ всѣ средства ихъ отстаивать. Но предположимъ, что король, съ помощью чужеземцевъ, завоюетъ себѣ Константинополь. Чья это будетъ собственность? самого ли короля и его союзниковъ, или же Рѣчи Посполитой? Если это будетъ королевская собственность, будемъ ли мы довольны тѣмъ, что нашъ король усилится? А еслибы король подѣлился добычей съ народомъ, то какая бы разница между Поляками и народами присоединенными къ Польшѣ? Новые подданные, привычные къ рабству, повиновались бы королю во всемъ, а намъ достался бы жребій тѣхъ Македонянъ, которые, бывши свободными, пошли за Александромъ Македонскимъ на войну, и вернулись бы рабами, еслибы Александръ не умеръ“.

Въ то время побѣдителямъ на Солоницѣ, въ Медвѣжьихъ Лозахъ, подъ Переяславомъ, Кумейками, на Сулѣ и на Старцѣ—не могло прійти въ голову, что своимъ терроромъ надъ благодушнымъ

хоть и беспутнымъ, королемъ они напоминали ему тѣ счастливые моменты жизни, когда козаки, въ широковладычной Московії, бросались передъ его глазами въ быстрыя рѣки, обращали въ забаву страшные морозы, играли смертью и жизнью безразлично, и своимъ боевымъ энтузіазмомъ увлекали въ опаснія сраженія рыцарскую шляхту. Польское самомнѣніе, польская кичливость не давали сеймующимъ Станкевичамъ приписать побѣды подъ Москвой и подъ Смоленскомъ тѣмъ „хлопамъ козакамъ“, которые, по признанію одного изъ участниковъ голодной Хотинской войны, помогли шляхтѣ отразить Кесеркса Османа, и сдѣлались „розовымъ вѣнкомъ“ на ея головѣ. Но король Владиславъ былъ выше шляхетской надменности. Лѣнивая, мечтательная и беспорядочная жизнь, часто весьма скучная, ставила иногда его самого въ положеніе бездомовнаго козака. Любилъ онъ бивуакъ, охоту, отсутствіе царственной обстановки, и часто проводилъ запросто время въ мужицкой хатѣ съ простолюдинами гораздо веселѣе, чѣмъ у себя во дворцѣ съ магнатами. Въ его глазахъ, какъ и въ глазахъ Станислава Конецпольскаго, козаки были такие же рыцари, какъ и паны, съ важнымъ преимуществомъ беззаботной преданности, которой отсутствіе сеймовые паны давали ему теперь такъ горько чувствовать; и если онъ мечталъ о возстановленіи Восточной Имперіи, то 100.000 „козаковъ-сыромахъ“ въ его надеждахъ играли весьма важную роль,— быть можетъ, гораздо важнѣйшую, нежели всѣ „королята“ съ ихъ многочисленными хоругвями. Самое имя *хлопи*, даваемое козакамъ въ смыслѣ юридическомъ, никло въ умѣ короля, отъ котораго зависѣло снять баницю и инфамію съ преступной шляхты, ворочавшей козацкими дѣлами, и наградить помѣстьями тѣхъ, которыхъ нужда и беспомощность прогоняли изъ общества *кармазинной* шляхты въ *стрыя козацкія* купы. Не принимали Станкевичи въ разсчетъ „дикой милиціи днѣпровской“ и на сердцѣ своего короля, поражаемомъ безпощадно, какъ наковалня, патріотически выковывали близкую къ нимъ уже Хмельнитчину...

Получивъ неожиданно гордый и полный рѣшиности отвѣтъ, земскіе послы вернулись въ свою революціонную Избу смущенными. Брацлавскій подсудокъ Николай Косаковскій затормозилъ законность дальнѣйшихъ совѣщаній своимъ *veto* (nie pozwalam), посредствомъ котораго каждый земскій посолъ дѣлался могущественнымъ пароднымъ трибуномъ. Въ устахъ Косаковскаго *veto* состояло въ заявлениіи, что не приступить ни къ чему, доколѣ войско не будетъ распущено. Краковскій подсудокъ Хрипютовскій и Малорусъ Обуховичъ предложили братию бесѣду хоть бы и въ присутствіи короля. Они со-

вѣтвовали идти къ королю еще однажды и, въ случаѣ отказа въ бѣсѣдѣ, оставить сеймъ. Краковскій стольникъ, Корицинскій, предложилъ послать къ примасу, чтобы назначить бесѣду съ Сенатомъ. Нѣкоторые совѣтовали отправить бесѣду въ жилищѣ самого примаса. Понентовскій пошелъ дальше всѣхъ: онъ выступилъ съ постановленіемъ о неоказаніи повиновенія (*de non praestanda obedientia*). По его мнѣнію, надобно было взять съ собой избирательныя условія (*ratio conventa*) и, ставши передъ примасомъ, призвать его въ свидѣтели нарушенія королемъ правъ и пактовъ, а потомъ—отказать клятвопреступнику въ повиновеніи. Большинство пословъ рукоплескали его словамъ. Обороняли короля Шумскій, Яблоновскій, Остророгъ (имена почтенные въ польской анархіи, которая вызвала торжество руиниковъ надъ строителями). Къ нимъ присоединилось много и другихъ земскихъ пословъ, совѣтуя просить еще разъ о бесѣдѣ, тѣмъ больше, что приближался уже конецъ сейма. Не согласились на это земские послы. „Не просить больше! переговорить съ примасомъ“! горделивъ Шлихтингъ. Корицинскій сравнивалъ Владислава съ Ксерксомъ. Понентовскій кричалъ, потрасая надъ головой рукою: „Кто отвергаетъ лекарства, тотъ готовить гибель (*qui negat remedia, procurat interitum*)“... Вообще, не было ниодного посла, который бы не сказалъ какого-нибудь сарказма противъ короля, а всѣ королевскіе замыслы толковали самымъ злобнымъ образомъ. Проклинали не только сенаторовъ и министровъ, секретарей, резидентовъ королевскихъ, князей итальянскихъ, но „и самого папу“; а одинъ староста грозилъ публично, что убьетъ графа Магни, хоть за это положить головою. Бѣшенство душило разъяренныхъ. Отворяли двери, разбивали окна для воздуха; терзали заподозрѣнныхъ; грозили разсѣкать противниковъ... Маршалъ отложилъ засѣданіе до утра.

А въ это самое время Хмельницкій, не зная, что дѣлается съ королемъ, открылъ реестръ для 20.000 казаковъ, за которыми стояло еще 80.000 готовыхъ на все доброе и на все злое для Польши, смотря по тому, кто будетъ ими гетманить: самъ ли король Владиславъ, или настѣбникъ Царя Наливай.

Вечеромъ того же зловѣщаго 15 ноября шляхта совѣщалась обѣ отказѣ въ повиновеніи. Послы грозили, что, если король не распустить войска, они не разѣдутся до тѣхъ поръ, пока ихъ собратія и избиратели не прибудутъ въ столицу съ оружиемъ въ рукахъ, чтобы изгнать изъ государства непрошенныхъ гостей. Королю грозилъ шляхетскій *рόкошъ*.

„Если домашняя война не вспыхнула, и потомъ не раздвоилъ насть на нашу гибель какой-нибудь посредникъ“ (писалъ Обуховъ), „то за это мы должны хвалить милосердіе Божіє“.

„Чтобы въ короткихъ словахъ“ (писалъ прусскій резидентъ) „пред-
ставить образъ того, что здѣсь дѣлается, довольно сказать, что ни
1618 годъ въ Чехіи, ни начало англійского парламента не посѣяли
столько вражды, какъ нынѣ посѣяно здѣсь. Обѣ стороны были готовы
броситься въ драку, когдабъ у одной были деньги, а у другой голова“.

„Все въ великому лабиринту“ (писалъ Тьеполо), „изъ котораго,
безъ домашней войны, а можетъ быть—и потери свободы, не выйдутъ.
Король, невыразимо смущенный, не знаетъ, чтѣ дѣлать“.

Кареты сенаторовъ летали изъ Уяздова въ замокъ и обратно.
Одни молили короля уступить, другіе королеву—подѣйствовать на
мужа, чтѣ она и дѣлала. Были и такие, что совѣтовали королю лучше
разорвать сеймъ, но сохранить королевское достоинство. Король тагъ
и сдѣлалъ бы, но боялся за будущность сына... Въ любви къ идеѣ
государства и въ готовности жертвовать ради этой идеи всѣмъ поль-
скому Владиславу было такъ далеко до нашего Петра, „какъ до не-
бесной звѣзды“.

Онъ созвалъ сепаратскую раду и, получивъ почти отъ всѣхъ
удостовѣреніе, что „Рѣчь Посполитая сама должна почувствовать
долгъ свой относительно общей обороны и безопасности своей“,
рѣшилъ „отдаться въ руки шляхты“.

Когда, на другой день, собрались посты въ своей Избѣ, и одни
побуждали собраніе идти къ примасу, а другіе—вмѣстѣ съ сенаторами
къ королю, выступилъ Подкоморій Великаго княжества Литовскаго,
Пацъ, любимецъ короля, и сообщилъ посламъ его рѣшеніе, подъ
видомъ увѣреція, что его королевская милость теперь дастъ болѣе
благосклонный отвѣтъ. Законодательное собраніе шляхты, въ лицѣ
своихъ революціонныхъ вождей, отправилось въ „послѣдній разъ“
просить у короля—отреченія отъ верховной власти.

Маршалъ Посольской Избы, знаменитый Станкевичъ, произнесъ
къ нему рѣчъ, въ которой прежде всего настаивалъ на томъ, чтобы
жолнеры были „дѣйствительно распущены“. Потомъ говорилъ объ
универсалахъ, которыми король повелѣвалъ содѣржать его гвардію въ
Великомъ Княжествѣ Литовскомъ; о козакахъ, которымъ онъ дозволилъ
идти на море; о братской бесѣдѣ съ Сенатомъ въ отсутствіи короля;
объ уменьшениі гвардіи и прекращенії вооруженій.

Король, какъ бы въ вознагражденіе за прежнюю ошибку свою,
что, безъ соглашенія съ папами рады, далъ такой жесткій отвѣтъ,

пупстіль представлєніе Посольской Избы на голосованіе сенаторовъ, послѣ чего, устами канцлера, произнесъ требуемое отреченіе въ слѣдующихъ словахъ, записанныхъ Альбрехтомъ Радивиломъ:

„Украсилъ Богъ дивными тріумфами правленіе его королевской милости, сегодня же возложилъ на главу его новый вѣнецъ, когда онъ, послѣ столькихъ побѣдъ, побѣдилъ самого себя и отдалъ во власть и въ руки своимъ подданнымъ. Однакоже не безъ горести принимаетъ король эти слова маршала, чтобы жолнеры дѣйствительно были распущены: ибо не разъ показалъ свою дѣйствительность, когда подвергалъ свою голову и грудь столь великой опасности. Чтò же касается жолнеровъ, онъ повелѣлъ ихъ распустить, отправилъ листы къ гетманамъ и старостамъ, отправилъ еще и комиссаровъ. Универсалы Великому Княжеству Литовскому онъ отрицаєтъ: онъ писаль только частнымъ образомъ къ литовскому подскарбю, чтобы не отказывали по экономіямъ въ прокормлениі королевской гвардіи, которая прибыла уже къ королю. Чтò до козаковъ, то это правда, что они готовили чайки съ вѣдома Сената: ибо въ пактахъ съ султаномъ написало, чтобы онъ не держался за руки съ Буджацкими Татарами, а какъ онъ это нарушилъ, то представлялось необходимымъ постращать его козаками. Теперь, удовлетворяя вашимъ желаніямъ, король пошлетъ къ гетману листы, чтобы козаки оставили эти чайки и вели себя спокойно, не давая повода къ нарушенію мира. О бесѣдѣ съ Сенатомъ король повелѣлъ сказать, что въ какой формѣ нашель онъ Рѣчъ Посполитую, въ такой желаетъ сохранить ее и оставить потомкамъ. Если въ этой бесѣдѣ будутъ совѣщаться о дѣлахъ королевскихъ, какъ тому существуютъ примѣры, то король согласится на то охотно. Наконецъ гвардіи держитъ король больше ради достоинства и величія королевства. Если обезпечить общественную безопасность, король готовъ отъ него отказаться“.

Такова была сцена зловѣщей разлуки государя съ его верховною властью. Оссолинскій, желая уладить ее своимъ „новымъ вѣнцомъ“, еще увеличилъ ея горечь. Зато послы вернулись домой въ восторгѣ отъ своего подвига. Теперь многіе изъ нихъ объявляли публично, что не видятъ уже надобности въ братской бесѣдѣ. Но предводители оппозиціи хорошо знали, что только посредствомъ бесѣды достигнутъ полной законности и непреложности своего постановленія, для чего было необходимо согласіе всѣхъ трехъ сословій, то есть короля, Сенаторской Избы и Избы Посольской. Казуистъ канцлеръ, говоря отъ имени короля, ограничилъ эту бесѣду совѣщаніемъ о предметахъ, касающихся исключительно его особы, а не общественныхъ дѣлъ.

Посольская Изба не могла отступать отъ состоявшагося своего постановленія, хотя бы дѣло шло только о выполненіи формальности. На основаніи такого уваженія къ народному праву, начали толковать о недостаткѣ послѣдовательности короля, и достигли наконецъ того, что король, умиротворяя Шляхетскій Народъ свой, велѣлъ увѣдомить Станкевича частнымъ образомъ, точно товарища товарищъ, что соглашается па братнюю бесѣду въ своемъ отсутствіи безо всякаго ограничения. Это былъ карточный король, котораго побивалъ даже и такой тузъ, какъ Станкевичъ.

Славное colloquium состоялось 1 декабря 1646 года, въ присутствіи министровъ и сенаторовъ, которыхъ подѣхало въ Варшаву столько, что набралось теперь 36, и которыхъ имѣла лучшіе люди того злополучнаго времени записали, какъ бы для „вѣчной памяти“ о томъ, что дома выжидало конца бури всѣ-таки больше сотни представителей втораго сословія. Здѣсь-то наконецъ правительствующая шляхта связала своего короля по рукамъ и по ногамъ такъ, что онъ очутился „во власти и въ рукахъ подданныхъ“. Фактъ совѣщенія о дѣлахъ общественныхъ въ отсутствіи короля считали новою добычей, которой обогатилась пресловутая свобода Шляхетскаго Народа. Въ ближайшемъ засѣданіи Посольской Избы главнымъ вопросомъ для было исполненіе братской бесѣды, то есть представление королю пунктовъ, принятыхъ въ ней Сенатомъ. Всѣ поняли необходимость этого акта, приняли его единогласно, поспѣшили изложили постановленные пункты, и велѣли увѣдомить Сенатъ и короля, что вся Посольская Изба тотчасъ прибудетъ „наверхъ“. Всѣ сознавали, что побѣда зависитъ отъ поспѣшности. Оба королевские маршала, великий коронный и литовский, находили невозможнымъ ввести въ Сенатъ земскихъ пословъ, говоря, что король теперь занимается дѣломъ великой важности.

„Нѣть важнѣйшаго дѣла, какъ дѣло всей Рѣчи Посполитой!“ закричали земскіе послы, и тотчасъ двинулись шумно (trzaskiem) наверхъ.

Станкевичъ побѣдоносно подалъ пункты братской бесѣды примасу. Сенаторы встали съ креселъ, и примасъ, исчисливъ требованія Посольской Избы, просилъ короля отъ имени Сената—удовлетворить законнымъ желаніямъ „Народа“.

Всѣдѣ за нимъ обратился къ Владиславу „свободнымъ голосомъ (glosem wolnym)“ брестокуявскій воевода, Щавинскій. Стоя у своего сенаторскаго кресла, онъ говорилъ, что свѣтскіе сенаторы не должны всего бремени своей службы взваливать на духовныхъ, а всѣ вмѣсть склонять короля къ устраниенію причинъ зла. Восхваливъ потомъ

общими мѣстами отеческую попечительность польского государя, онъ перешелъ къ слѣдующимъ внушеніямъ: „До сихъ поръ мы и по церквамъ, и по частнымъ домамъ не иной слышали голосъ, какъ только такой: „Вивать, король Владиславъ“! Но теперь наша радость измѣнилась въ печаль и въ огорченіе по причинѣ бѣдствія убогихъ, воздыханія злополучныхъ. Теперь только и слышимъ, что жалобы, проклятія и вздохи убогихъ людей. Первая тому причина—рада иностранцевъ, которыхъ полонъ дворъ. Они даютъ вашей королевской милости дурные совѣты, лишь бы только жить чужимъ добромъ. Невозможное дѣло, чтобы они любили наше отчество, не имѣя съ нимъ ничего общаго. Это вы можете видѣть изъ того, что мы скорѣе получаемъ извѣстія о томъ, чтѣдѣлается у васъ, изъ Гамбурга, Любека, или Данцига, нежели изъ Варшавы. Вѣрьте, государь, что они причина всего зла, такъ какъ подъ видомъ услугъ вашей королевской милости, ищутъ своихъ приватныхъ интересовъ. Обращаю мое слово къ венеціянскому послу. Исполнивъ свое посольство, живетъ онъ здѣсь такъ долго для того, чтобы сдѣлаться началомъ всего зла, своими стараніями всю тягость войны съ венеціянскихъ плечъ взвалить на наши. Слѣдовало бы напомнить ему сентенцію венеціянского сенатора, который, въ отвѣтъ Чехамъ на ихъ призывъ къ союзу противъ императора, сказалъ: „Не хотимъ зажигать своего дома, чтобы дымомъ нашимъ устрашить императора“! Поэтому покорнѣйше просимъ вашу королевскую милость отдалить отъ себя иностранцевъ, такъ какъ ихъ совѣты производятъ у насъ великое замѣшательство. Умоляемъ также распустить иностранное войско, введенное во внутренности отечества въ противность правамъ и пактамъ. Оно такъ намъ надоѣло, что словомъ невозможно выразить. Угнетенія, претерпѣваемыя отъ этихъ жолнеровъ, превосходятъ шведскія и мансфельдовскія жестокости: ибо рана отъ руки друга болитъ сильнѣе. Рука вашей королевской милости, предназначенная для защиты отечества, такъ тяжко на насъ падаетъ! Причиняетъ намъ боль и злословіе жолнеровъ, которые смѣются хвалиться публично, что насъ усмирять, и дивною алхиміей обѣщаютъ превратить хлопа въ шляхтича, а шляхтича—въ хлопа“.

Послѣднія слова дерзостнаго олигарха были вѣщими. Скоро настало время такого превращенія; но дивными алхимиками явились не иноземные жолнеры, а русскіе попы да монахи вмѣстѣ съ запорожскими крамольниками, питомцами цѣлаго ряда самозванщинъ,—вмѣстѣ съ банитами да инфамисами, руководившими козацкою вольницей со временемъ Самуила Зборовскаго.

Коронный канцлеръ, именемъ короля, отвѣчалъ всѣмъ „кротко“¹ что онъ тѣмъ больше склоняется къ желанію Рѣчи Посполитой, чѣмъ тѣснѣйшее видѣтъ согласіе всѣхъ сословій въ пунктахъ ихъ просьбы, и, перечисливши всѣ пункты, заключилъ желаніемъ короля, чтобы они были довольны деклараціей, и приступили къ дальнѣйшимъ постановленіямъ, причемъ предостерегалъ, чтобы не слишкомъ полагались на спокойствіе Рѣчи Посполитой, ничѣмъ не обеспеченное.

Заручившись теперь согласіемъ и Сената, и Короля, третьему сословію оставалось только обеспечить оборонительное постановленіе (*warowna kostytucyę*), дабы въ будущемъ не случилось чего-либо подобнаго. Король этому не сопротивлялся, и тѣмъ самимъ изъявилъ согласіе на изложеніе такого постановленія. Цѣлыхъ два дня трудилась Посольская Изба, эта спасительная *курія* Оссолинскаго, надъ сочиненiemъ акта, по словамъ самихъ Поляковъ, нашихъ современниковъ, „уничижающаго славу, достоинство и власть короля“,—наканунѣ событій, въ которыхъ только государь, облеченный всѣми принадлежностями верховенства, могъ бы спасти шляхту отъ погибельной несостоятельности присвоенного ею правленія.

Актъ былъ прочитанъ 6 декабря, въ заключеніе достославнаго, по мнѣнию шляхты, сейма и занялъ почетное мѣсто въ польскомъ сводѣ законовъ (*Volumina Legum*). Этимъ оборонительнымъ на будущее время постановленіемъ, отъ имени связанныго по рукамъ и по ногамъ короля, повелѣвалось: навербованное войско распустить не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли послѣ настоящаго сейма; а которые изъ навербованныхъ людей не разойдутся, противъ тѣхъ вооружатся коронные гетманы, старости и городскія власти, какъ противъ свое-вольныхъ, не ожидая королевскихъ упиверсаловъ. Кто изъ польскихъ гражданъ принадлежитъ къ навербованному войску, тѣмъ король за непослушаніе грозилъ карой инфаміи и конфискаціи имущества. Онъ обѣщалъ за себя и за потомковъ своихъ никогда впредь подобныхъ вербунковъ не дѣлать, приповѣдныхъ листовъ подъ комнатной печатью не выдавать, никакихъ войнъ безъ вѣдома и совѣта Рѣчи Посполитой не предпринимать, и никакихъ договоровъ съ соѣдними державами не заключать, а заключенныхъ не нарушать; а кто бы осмѣялся по такимъ приповѣднымъ листамъ дѣлать вербунки, того имущество король будетъ раздавать кадуковымъ (выморочнымъ) правомъ. Обѣщалъ также иностранцевъ при себѣ не держать, и къ совѣтамъ ихъ не обращаться, гвардію же ограничить шестью стами человѣкъ изъ гражданъ Рѣчи Посполитой.

Король выслушалъ актъ своего уничоженія съ веселымъ видомъ и подтвердилъ безъ колебанія, прося только увеличить гвардію до 1.200 человѣкъ, чѣмъ тотчасъ и сдѣлано.

Этой сговорчивостью онъ такъ задобрилъ шляхту, что она назна-
чила королевѣ 250.000 французскихъ ливровъ ежегоднаго дохода.

Всякій общественный и государственный переворотъ имѣть свое оправданіе въ нравственныхъ успѣхахъ и въ благосостояніи граж-
данъ. Созданный задолго до христіянской эры, во времена быстраго развитія Грековъ, идеаль республиканскаго правленія занимаетъ, яко идеалъ, высокое мѣсто въ исторіи культуры; но приближаются къ нему народы не своевольствомъ и дерзостью, а благодѣствіемъ обществен-
ныхъ понятій о долгѣ и чести, съ которыми граждане совершаютъ
всякую форму правленія, и безъ которыхъ самая либеральная форма дѣлается лишь видоизмѣненіемъ гражданскаго рабства. Со сто-
роны шляхты было бы и разумно и доблестно взять въ свои руки
государственное управление во всѣхъ его частяхъ, когда бы шляхта
стояла на высотѣ гражданственнаго развитія, когда бы она была спо-
собна защищать отечество отъ всяческихъ враговъ единствою убѣждѣній своихъ въ томъ, что надобно дѣлать, и господствомъ лучшихъ
людей надъ худшими. Но польско-русская шляхта была только само-
мнительна, и относительно государственности вовсе не отличалась
той способностью, которую Конецпольскій признавалъ въ презира-
емыхъ ею Москальяхъ, привыкшихъ, по его словамъ, „въ каждый пред-
метъ вникать основательно“. Это доказала она слишкомъ скоро, когда
ни высокая образованность нѣсколькихъ изъ ея представителей, ни
воинскіе таланты другихъ, ни громадный богатства третьихъ, ни ве-
ликія жертвы остальныхъ—не могли остановить наплыва двухъ раз-
ноплеменныхъ ордъ, соединенныхъ только жадностью и добычѣ.

Даже и теперь, въ сладостномъ упоеніи революціоннымъ успѣхомъ,
котораго никто не предначертывалъ и не ожидалъ, многіе либералы
были недовольны своимъ завоеваніемъ и не знали, чѣмъ съ нимъ дѣ-
лать. Одни роптали, что опрометчиво ослабили власть и достоинство
короля; другіе находили оборонительное постановленіе мѣрою без-
сильною; наконецъ, были и такие, что не довѣряли королю даже въ
его уничоженіи. Всасавши съ матернимъ молокомъ совмѣстимость
обѣщанія и клятвы съ противнымъ намѣреніемъ, шляхта ждала отъ
короля новаго посягательства на ея свободу. „Никто не можетъ по-
нять“ (писалъ въ это время прусскій резидентъ), „какія намѣренія у
короля, который собралъ столько войска, предпринялъ такое дѣло,
увѣдомилъ о немъ всѣхъ государей, и теперь вдругъ выпустилъ вой-

ско изъ рукъ. Это возбуждаетъ подозрѣніе во всѣхъ сословіяхъ. Не довѣряютъ королю, готовятся воевать навербованныхъ жолнеровъ, и назначили новый сеймъ черезъ четыре мѣсяца“.

Въ самомъ дѣлѣ, было постановлено созвать новый сеймъ на 2 мая 1647 года, собственно для того, чтобы всякую мысль о войнѣ и всевозможныя недоразумѣнія устранить. Опозоренный, но тѣмъ не менѣе упрямый въ своихъ замыслахъ, король, съ своей стороны, надѣялся, что въ маѣ будущаго года ему удастся склонить Рѣчь Посполитую исполнять его предначертанія, и потому далъ свое согласіе на созваніе новаго сейма.

Но едва земскіе послы успѣли разгласить въ провинціи о своемъ республиканскомъ торжествѣ, какъ онъ, 10 декабря, объявилъ, что не увольнитъ ниодного жолнера. Онъ представлялъ сенаторамъ резидентамъ грозную опасность со стороны Турціи; и въ самомъ дѣлѣ Порта думала тогда о примиреніи съ Венеціей и о войнѣ съ Польшей.

Король сдѣлался крайне раздражительнымъ. Сенаторы боялись говорить съ нимъ официально, и не знали, что дѣлать. Наконецъ прибегнули къ хитрости: королю была подана просьба объ увольненіи отъ полковниковъ гвардіи, Денгофа, Осинскаго, Лессевана. Король сдѣлался прямымъ казуистомъ: началъ ссылаться на законоположенія, по смыслу которыхъ (говорилъ онъ) сеймовое постановленіе относится къ будущимъ вербовкамъ, но не къ настоящимъ. Тогда нѣсколько духовныхъ сенаторовъ погрозило ему закономъ *de non praestanda obedientia*, и онъ обѣщалъ оставить на службѣ только 1.200 человѣкъ. Однакожъ, далъ полковникамъ гвардіи приказъ—для вида, распустить немногого войска, но лучшихъ жолнеровъ оставить. 13 декабря онъ снова перемѣнилъ свое рѣшеніе: оставилъ гвардію въ полномъ составѣ и выслалъ ее въ Прусы, чтобы спрятать отъ сенаторовъ, а войска, подъ предлогомъ опасности со стороны Турціи, велѣлъ не распускать. Потомъ разославъ по полкамъ нарочитыхъ посланцовъ для возвращенія универсаловъ разосланныхъ Оссолинскимъ, а 14 декабря началъ снова вербовать жолнеровъ. Изъ Силезіи нѣсколькоими дорогами вступили въ Польшу навербованныя прежде хоругви, грабя и насилиствуя по пути, къ неописанному негодованію пляхты, которая, при этомъ извѣстіи, начала стѣзжаться для принятія своихъ мѣръ.

Пляхетскій пародъ чуялъ давно уже, что стоитъ на вулканѣ; наконецъ додумался, гдѣ находится кратеръ вулкана, и сталъ опасаться своего короля всего больше со стороны украинскихъ бунтовъ. Еще во время сейма король повелѣлъ запорожскимъ козакамъ соединиться съ донцами и грабить морскія побережья, а къ султану отправилъ

тогда же посла, въ надеждѣ, что онъ вернется съ угрозами. Жолнеры между тѣмъ бушевали. Шляхта начала сильно вооружаться противъ бунтовъ. Все говорило о враждѣ двухъ партій, изъ которыхъ одну поддержать козаки. Но готовую начаться въ Польшѣ усобицу остановили сами жолнеры. Видя грозу со стороны шляхты, они „поблагодарили за службу“, и во многихъ мѣстахъ, не дождавшись даже уплаты заслуженного жалду, разошлись. Только тогда король, съ крайней досадой, постановилъ распустить войско.

Но тѣмъ не менѣе мечталъ онъ о Турецкой войнѣ, надѣясь на иностранную помощь со стороны Швеціи и Франціи. Опять начались у него сношенія по этому предмету съ папой и съ итальянскими князьями.

Между тѣмъ Россія, разсчитывая на обѣщанную королемъ помощь, начала воевать съ Татарами и задѣла Турцію. Царь просилъ у него помощи. Но король не могъ ни послать ему войска, ни одновременно съ нимъ начать войну; не могъ даже отправить къ нему посланца для заключенія договора. Бездѣйственное дѣлѣніе было онъ ждать сейма, въ страшной тревогѣ, какъ бы не потерять этого драгоценнаго случая для соединенія польскихъ силъ съ московскими, какъ бы союзники Польши, Москви, не обратились въ непріятелей.

Съ этой стороны бѣда грозила Полякамъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ со стороны Дикихъ Полей. Будучи покамѣсть не въ силахъ мѣриться съ Польшею боевыми людьми, Москва превосходила ее государственнымъ строеніемъ. У республиканца Поляка все валилось изъ рукъ, и даже военные средства его были опаснѣе для него самого, нежели для сосѣдей. Монархистъ Москаль держалъ добытое пѣтомъ и кровью крѣпко, не такъ какъ его сосѣдъ, легко ему доставшуюся Малороссію. Для насыть, потомковъ тогдашнихъ русскихъ дѣятелей въ Польшѣ, очевидно, чѣмъ были способны Москви воспреобразить надъ эхозяевами южнорусской земли, Поляками. Современники не видѣли того ни съ польской, ни съ московской стороны. Москва не управлялась еще съ остатками покоренной ею Кипчакской Орды, Крымцами, которые подъ управлениемъ Исламъ-Гирея, сдѣлались похожи на своихъ предковъ, батыевцевъ. Но изъ посольства „раціоналиста и политика“ Стрѣшнева мы видимъ, что завоеваніе Крыма было у нея на очереди. Смерть Конецпольского и бунтъ Хмельницкаго съ его руинными послѣдствіями отодвинули это важное дѣло больше, чѣмъ на столѣtie. Русская жизнь давно уже заявила потребность подавленія иноземной политики Ляхи. Питомцы и пособники Ляховъ, днѣпров-

скіе козаки, сдѣлались новымъ тормазомъ русскаго торжества надъ ордынциной.

Въ прошломъ году, какъ мы уже знаемъ, донцы и подвластные Москвѣ Татары готовились какъ бы своевольно, бѣзъ вѣдома царя, начать войну съ Татарами. Татары, узнавъ объ ихъ замыслѣ, предупредили ихъ вторженіемъ въ московскіе предѣлы, но были отражены. Осмѣленные этимъ донцы облегли Азовъ со стороны моря, въ то время когда Кондратовъ и князь Черкасскій заперли Азовъ со стороны суши съ черкесскими, калмыцкими и астраханскими Татарами. Но тутъ явился на выручку Азова крымскій ханъ и оттеснилъ осаждавшихъ. Ханъ доносилъ султану, что донцы готовятъ 150 новыхъ чаекъ, съ цѣлью воевать Крымъ, и просилъ о позволеніи вторгнуться въ Московское Царство. Ханскіе послы прибыли въ Стамбулъ, когда Гурки одержали побѣду надъ Венецианцами. Въ ноябрѣ Турки взяли крѣпость Реттимо, и султанъ, закончивъ кампанію текущаго года этой побѣдою, могъ располагать свободно своими силами. Поэтому великий визирь, какъ было слышно въ Польшѣ, посадилъ московскаго послы въ тюрьму, и послалъ хану повелѣніе вторгнуться въ Московское Царство. Исламъ-Гирей бросился на добычу и, какъ разсказывали за московскимъ рубежемъ, увелъ въ Крымъ 40.000 ясыра. Въ возмездіе за это, царь повелѣлъ донцамъ идти на Черное море грабить турецкіе города, а самъ, собравъ 100.000 войска, намѣревался воевать Крымъ и просилъ у короля Владислава помощи.

Можно вообразить, съ какою горечью принялъ эту просьбу Владиславъ. Ему были готовы повиноваться одни козаки, какъ бы предчувствуя, что покараютъ за него сбороище пановъ своекорыстниковъ и, въ концѣ концовъ, нагнутъ ихъ гордыя выи подъ Москвой еще ниже, нежели Посольская Изба нагнула подъ свою волю королевскую власть.

Все теперь зависѣло въ Польшѣ отъ одобренія сейма, который долженъ былъ собраться въ маѣ 1647 года. Король ждалъ его съ терпѣніемъ, воображая, что достаточно раздражилъ мусульманъ, и что два враждебныхъ ему сословія поневолѣ должны будуть выполнять его планы. Но и въ этомъ ошибся.

Въ Стамбулѣ хорошо знали, что дѣжалось въ Варшавѣ. У Порты были въ Польшѣ шпіоны между купцами Армянами. Она получала точныя вѣсти изъ Крыма и Буджаковъ, изъ Мултанъ и Волошини отъ пограничныхъ воеводъ-башей своихъ, а еще больше отъ европейскихъ резидентовъ при султанѣ, которые считали своею обязанностью уведомлять его визира о взаимныхъ отношеніяхъ християн-

сихъ дворовъ. На сей разъ Венеція доставила Портѣ наилучшія известія о королевскихъ намѣреніяхъ. Она была болѣе вреднымъ другомъ для Польши, нежели врагомъ для Турціи. Съ самаго начала Порта знала, что задумать Владиславъ, и бракъ его съ Маріей Гонзага подтвердилъ ея опасенія.

Поляки, по проторснной ими дорогѣ самозванщины, еще въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія заявили мысль о покушеніи на оттоманское владычество посредствомъ самозваннаго турецкаго царевича, крещенаго тайно въ христіянскую вѣру. Москва, съ достоинствомъ державы степенной, безъ шума столкнула претендента съ его ходуль, устроенныхъ шляхтой да козаками, очевидно, подъ руководствомъ все той же таинственной интриги, которая создала и ея Лжедимитрія. Но въ 30-хъ годахъ появился передъ Оттоманами призракъ Палеологовъ изъ Франціи. Князь Нервесь, отецъ Маріи Гонзага, вмѣстѣ съ княземъ тосканскимъ (который поощрялъ и чествуемаго козаками „Турецкаго Царя Ахію“) стали готовить восстание Грековъ и другихъ подвластныхъ Турціи христіянскихъ народовъ. Англія, Испанія и Франція обѣщали имъ свою помощь. Хотя замыслы князя Нервеса, наследника Палеологовъ, оказались такою жъ несостоятельною затѣй, какъ и претензіи Александра Оттомануса, но имя его постоянно пугало Турокъ, бывшихъ свидѣтелями потрясенія Московскаго Царства польскими героями самозванщины. Бракъ польского короля съ наследницей претендента, котораго права католическая Европа лукаво признала серьезными, былъ для турецкихъ правителей событиемъ тревожнымъ. Владиславъ слыть счастливымъ полководцемъ и казался издали грознымъ.

Были известны Портѣ, хотя бы только изъ газетъ, и сношенія короля съ Москвою, Персіею, Венеціей, Римомъ, Тосканой и другими державами. Она подозрѣвала обоихъ господарей въ невѣрности и боялась волненія христіянскихъ народовъ, ненавидѣвшихъ турецкое подданство. Если взять во вниманіе, какъ легко было захотить къ войнѣ Персовъ и всѣхъ христіянскія національности въ Азіи и въ Африкѣ къ возстанію, то легко понять опасенія Порты, чтобы, въ случаѣ войны съ Польщею, не загорѣлся у нея пожаръ, котораго не могли погасить ея силы. И однакоожъ, въ виду столь грозной опасности, не могла Порта рѣшиться на заключеніе мира съ Венеціей.

Еще въ 1619 году писаль испанскій посолъ, что Турки видѣть въ Венеціи единственное препятствіе своимъ стремленіямъ къ господству на моряхъ, и лишь только раздѣлаются съ Персіей, немедленно стануть воевать за Кандію. Обладаніе этимъ богатымъ островомъ, по

его взгляду, обезпечить Портъ Архипелагъ и отворить дорогу въ Средиземное море; поэтому и Венеціянамъ (писалъ онъ) не остается ничего иного, какъ покупать временный миръ дорогою цѣною; но лишь только явится визирь неподкупный, ничто ихъ не избавитъ отъ войны.

Вотъ почему Турки, начавши воевать съ Венеціей, не хотѣли кончить войны безъ пріобрѣтенія Кандіи. Тѣмъ пе менѣе, однакожъ, былъ моментъ, когда Порта колебалась въ выборѣ непріятеля между Польшой и Венеціей,—именно въ 1646 году, когда король объявилъ въ Варшавѣ Турецкую войну, и особенно, когда выѣхалъ во Львовъ, чтобы начать военныя дѣйствія, и послалъ оттуда ультиматумъ, требующій переселенія Буджацкихъ Татаръ въ Крымъ. Султанъ повелѣлъ было стянуть часть войска къ Силистрѣ, другую послалъ на Буджаки, а съ третьей готовился двинуться самъ визирь. Все это дѣжалось подъ покровомъ увѣреній въ мирѣ; но король узналъ изъ вѣрнаго источника, уже послѣ сейма, что великій визирь убѣждалъ султана къ примиренію съ Венеціей и совѣтовалъ перенести войну въ Польшу. Такъ близко было осуществленіе падежды короля втянуть Рѣчь Посполитую въ Турецкую войну; такъ возможно было соединеніе Россіи съ Польшой безъ козацкой руины!

Не получая никакого отвѣта на свой ультиматумъ, король вѣлья наконецъ Оссолинскому послать гонца въ Стамбуль, чтобы освѣдомиться о положеніи сейма до начала майскаго сейма.

Оссолинскій послалъ къ визиру письма отъ себя и отъ гетмана Потоцкаго. Канцлеръ вступался за волошскаго государя Лупула; гетманъ же обвинялъ хана, что набѣгааетъ на Москву, и требовалъ переселенія Буджацкихъ Татаръ въ Крымъ.

Король ожидалъ и желалъ суроваго отвѣта,—пожалуй, даже заключенія гонца въ тюрьму. Но визирь обошелся съ нимъ ласково и представилъ его султану. Ему дозволили повторить жалобу на хана и дали такой отвѣтъ, какимъ польскіе короли не разъ отдѣльвались отъ Турокъ, когда тѣ настаивали на уничтоженіи козаковъ, именно,—что „падишаху вѣть никакого дѣла до этихъ людей“, чего никогда прежде отъ нихъ не слыхали, и тутъ же былъ отправленъ съ письмомъ къ королю султанскій чаушъ, Согаемъ-баша.

Прибытие чауша, о которомъ увѣдомляли съ каждаго ночлега, ожидалось въ Варшавѣ со страхомъ и надеждою. Шляхта боялась объявленія войны; король надѣялся, что ему развязнутъ наконецъ руки и позволять козаковать, въ роли новаго Ахія Оттомануса.

Султанскій чаушъ прибылъ въ концѣ января 1647 года, и немедленно получилъ аудіенцію. Церемоніаль его приема замѣчателенъ

въ томъ отношеніи, что Стамбуль чествовалъ еще Варшаву, какъ соперницу своего могущества. Съ высоты утвержденного всячески въ политическомъ мірѣ мнѣнія о Рѣчи Посполитой Польской правительство ея было суждено спуститься, точно съ ломбихъ подмостокъ, на самую низкую ступень, на ступень господъ, подчиняющихся требованію рабовъ.

Чаушъ Согаемъ-баша выѣхалъ изъ отведенной ему квартиры верхомъ, въ сопровожденіи 20 конныхъ королевскихъ дворянъ. Ему предшествовалъ слуга, неся сultанскую грамоту въ мѣшѣ изъ золотой парчи, на подушкѣ, вышитой жемчугомъ. Надворный маршалъ, Казановскій, ввелъ его къ королю, окруженному радою сенаторовъ. Чаушъ приблизился къ трону медленно и съ важной осанкою; вдругъ онъ остановился шагахъ въ десяти и потомъ быстро подошелъ къ ступенямъ трона, упалъ на колѣни, поцѣловалъ королевскую руку и край планца у короля, ударилъ челомъ, потомъ вернулся на то мѣсто, где было пріостановилъся, взялъ отъ своего слуги подушку съ грамотой, подошелъ къ Оссолинскому и, когда канцлеръ принялъ грамоту, чаушъ быстро вернулся на прежнее мѣсто, и оттуда произнесъ рѣчь, которую толмачъ повторялъ попольски.

Султанская грамота была дружелюбная, и сверхъ титуловъ, заключалась только въ слѣдующихъ словахъ, разбавленныхъ повтореніями:

„Въ пактахъ между нами написано, чтобы ты удерживалъ отъ набѣговъ разбойниковъ и воровъ, называемыхъ козаками донскими и запорожскими, а я татарского хана и буджакія орды буду крѣпко держать. Но ты другой годъ уже не отдаешь хану дань, да еще и пословъ его задерживаешь; а я повелѣлъ хану ни подъ какимъ видомъ не нарушать нашего мира, лишь бы ты, помня достоинство святаго примиренія, отдавалъ ему обычную дань и держалъ козаковъ, да бы они не осмѣливались выходить Днѣпромъ на Дунай подъ названиемъ донцовъ“.

Эта миролюбивая грамота раздражила короля до такой степени, что онъ, какъ доносилъ въ Венецію посолъ, „имѣлъ на особу чауша известные виды“. Однакожъ, Владиславъ отправилъ Согаемъ-башу спокойно, съ письмомъ къ султапу слѣдующаго содержанія:

„Не понялъ ты моего письма, отправленного въ августѣ прошлаго года. Я требовалъ, чтобы ты, согласно пактамъ, прогналъ Татаръ изъ Буджаковъ и переселилъ въ Крымъ. Теперь, вида изъ твоего письма, что ты этихъ Татаръ хочешь обуздать, вновь требую, чтобы переселилъ ихъ въ Крымъ, и тогда зацвѣтѣтъ между нами миръ.“

Отдать подарки хану соглашусь охотно, но подъ условиемъ, что Татары перестанутъ набѣдничать, плѣнниковъ возвратить, изъ Буджаковъ прогнаны будуть, и когда ихъ позовутъ на военную службу, обязательства свои будутъ выполнять вѣрно. Но поелику сіе дѣло откладывается до слѣдующаго сейма, то ожидаю твоего посла съ отвѣтомъ на нынѣшнее письмо».

Вслѣдъ за чаушемъ прибыло въ Варшаву отъ хана пять посланцовъ, которые объявляли по дорогѣ миръ, и опровергали королевскія извѣстія о враждебномъ настроеніи мусульманъ. У каждого изъ нихъ было особое письмо, обѣщающее ничѣмъ не нарушать мира и вмѣстѣ просащее подарковъ. Король былъ взбѣшенъ миролюбіемъ азіатцевъ, велѣлъ ихъ остановить и помѣстить въ пяти миляхъ отъ столицы.

Но вѣсть о томъ и другомъ посольствѣ разнеслась по Польшѣ, и вдругъ всѣ страхи, которыми король побуждалъ Шляхетскій Народъ къ Турецкой войнѣ, изчезли. Отъ нихъ осталось только подозрѣніе, что не султанъ короля, а король султана вызываетъ на войну.

Съ своей стороны, король, видя, что не удалось ему закрыть свои замыслы мнимою Татарскою войною, рѣшился вторично сбросить маску и выступить съ Турецкою войной открыто. Онъ просилъ папу выслать въ Польшу бѣгева,зывающее шляхту на войну съ Турцией, а самъ старался, черезъ холмскаго бискупу, Станислава Петроконскаго, склонить къ этой войнѣ прочихъ бискуповъ. Это ему не удалось. Бискупъ куявскій, Гнѣвошъ, выступилъ съ полной твердостью противъ короля, а прочіе сенаторы, сознавая себя, въ виду султанскаго и ханскаго посольства, освобожденными отъ обѣщанія, даннаго королю на прошломъ сеймѣ, распространили по государству вѣсть о его новыхъ военныхъ замыслахъ.

Владиславъ былъ принужденъ опровергнуть эту вѣсть, имѣя въ виду приближающіеся сеймики, но не умѣлъ скрыть своего неудовольствія: разослалъ къ остальнымъ сенаторамъ собственноручныя письма, въ которыхъ жаловался на амбицію многихъ изъ нихъ и недовѣріе къ нему, говорилъ, что постановленіе прошлаго сейма ослабило королевское достоинство и просилъ—или перемѣнить его, или уничтожить, съ вознагражденіемъ его за причиненный ему вредъ.

Онъ сдѣлалъ еще худшее: вслѣдъ за этими письмами, королевская канцелярія, а потомъ и Оссолинскій, разослали инструкціи на сеймики и делибераторіи къ сенаторамъ, переполненные жалобами на оппонентовъ.

„Въ прошломъ году“ (сказано было, между прочимъ, въ инструкціяхъ) „было предпринято королемъ дѣло, которое обеспечило бы все-

му христіянству и Рѣчи Посполитой миръ и безопасность... Но святые помыслы, вмѣсто благодарности, были осмѣшаны злостью идовитыхъ языковъ, которая дерзнула броситься на репутацію и достоинство самого маестата королевскаго, представляя, будто бы его предпріятія насиловали свободу и безопасность подданныхъ, и т. д. Король, однакожъ, изъ-за злости пѣсколькихъ языковъ не утратилъ любви къ подданнымъ, и теперь представляетъ имъ опасность Рѣчи Посполитой по причинѣ ненадежной вѣрности язычниковъ и т. д. и т. д. Для предотвращенія этой опасности, хотя бы король могъ предложить дѣйствительныя средства, давши всей Европѣ доказательства своего мужества, счастья и воинской опытности, но желая показать, что свои совѣты думаетъ согласовать съ намѣреніями сословій, требуетъ отъ сеймиковъ, чтобы поручили посламъ своимъ совѣщаться о дѣйствительныхъ средствахъ и опредѣлить оныя".

Делибераторіи также выступали жестоко противъ оппонентовъ. Король упрекалъ ихъ въ исканіи популярности наступленіемъ на его репутацію, и утверждалъ, будто бы потому распустилъ войско, что Рѣчь Посполитая, по увѣренію сенаторовъ, сама почувствовала обязанность позаботиться обѣ общей оборонѣ и безопасности государства.

По повелѣнію короля, и коронный гетманъ разослалъ письма на всѣ сеймики о враждебномъ намѣреніи Турціи, внушая земскимъ посламъ, чтобъ они, имѣя передъ глазами грозящія отечеству опасности, не полагались на слабыя силы квартянаго войска и готовили такую оборону, которая была бы достаточна для сохраненія безопасности Рѣчи Посполитой и отраженія непріятелей.

Все было не впопадъ. И духовные, и свѣтскіе можновладчики, обиженные королевскою инструкціей, которая представляла ихъ злоязычными клеветниками, писали на сеймики, якобы король оскорбляется весь Шляхетскій Народъ. Въ это же время кто-то распубликовалъ поддѣльную грамоту султана, объявляющую королю войну. Шляхта твердила, что это сдѣлалъ самъ король, и хоть обманщикъ былъ открытъ и наказанъ, но королевская репутація пострадала тѣмъ не менѣе.

Трехнедѣльный сеймъ 1647 года начался при самыхъ неблагоприятныхъ для короля обстоятельствахъ. Между сеймовыми папами было решено—всѧчески устранить мысль о войнѣ, а чтобы занять умы—покончить съ тѣми религіозными вопросами, надъ которыми такъ долго трудился король. Диссиденты и дизуниты постановили добиться собственными силами равноправія, котораго король, очевидно, не могъ уже имъ доставить, а католики грозили лишить и протестан-

товъ, и православниковъ всякихъ вольностей, соединяя религиозные интересы тѣхъ и другихъ съ замыслами короля противъ Швеціи и Турціи.

Были и другія причины необычайной религиозной ревности со стороны католической партии. Она боялась, чтобы Польша не обратилась въ духовное государство, и вооружила уже пятаго короля противъ обогащенія пастырей на счетъ пасомыхъ. Легкя въ душѣ житейскую мысль о самозащите отъ господствующей въ Польшѣ церкви, паны, забитые съ дѣтства духовными наставниками своими, не могли придумать иного средства къ освобожденію земскихъ имуществъ отъ набожнаго расхищенія, какъ угодить папѣ подавленіемъ его отступниковъ и схизматиковъ у себя дома, въ свободной, теперь, можно сказать, уже и безкоролевной республикѣ.

Въ первые дни сейма нунцій роздалъ всѣмъ бискупамъ письма, которыми папа, по просьбѣ короля, возбуждалъ Поляковъ къ войнѣ съ Турціей, обѣщаючи своей сторонѣ всякую помощь. Король отвѣчалъ папѣ на это breve 4 мая, что готовъ двинуться на освобожденіе Гроба Господня, если ему помогутъ другие государи, и объявилъ при открытии сейма, крестовый походъ устами придворнаго Петра Чустыпника, ксендза Выдгги. Королевскій проповѣдникъ съ великимъ жаромъ гремѣлъ противъ тѣхъ, которые осмѣлятся сопротивляться христолюбивымъ предначертаніямъ великаго воителя. Но и папа, и его варшавскій апостоль только повредили королю. Какъ бискупы, такъ и вся шляхта вознамѣрились явить главѣ вселенской церкви тѣмъ еще большее рвение сеймовымъ угнетеніемъ домашнихъ его противниковъ. Можетъ быть, святый отецъ, не имѣя денегъ для Турецкой войны, на то и разсчитывалъ, чтобы, вместо невѣрной затраты круглыхъ суммъ скуды, увеличить, безъ всякаго риска, свои доходы въ разновѣрномъ покамѣстъ польскомъ стадѣ своемъ. А Поляки, съ своей стороны, угождая намѣстнику Христа дешевою ревностью къ его владычеству, старались освободить земскія имущества отъ чужеядныхъ порожденій римской ехидны.

На новомъ сеймѣ Оссолинскій явился министромъ холоднымъ и нелицепріятнымъ. Повторивши въ королевской пропозиціи инструкціи на сеймики, выразилъ онъ желаніе, чтобы, вмѣстѣ съ весеннимъ про- бужденіемъ природы, пробудилось довѣріе между трономъ и народомъ; увѣдомилъ, что на сеймѣ прибудетъ коронный гетманъ Потоцкій и поставитъ сословія въ извѣстность объ опасностяхъ со стороны язычниковъ; объявилъ волю короля, чтобы Рѣчь Посполитая свергнула съ себя постыдный татарскій гарачъ, въ виду того, что московскій царь

Такъ горячо и безпрестанно домогается союза; а такъ какъ посолъ за болѣзнью еще не уѣхалъ въ Москву, то спрашивалъ, какую декларацию долженъ дать король царю, и какъ поступить, когда посолъ возвратится изъ Москвы.

Въ этой же пропозиціи, наряду съ необходимостью починить и снабдить обороною пограничные замки Каменецъ, Кольмакъ, Владиславъ, указана была необходимость ограничить закономъ излишество въ драгоцѣнныхъ одеждахъ, всюду вошедшее въ обычай,—точно какъ бы самъ канцлеръ сознавалъ, что Поляки не способны обронять грудью того, чѣмъ они дорожили.

На пункты пропозиціи, среди напряженного вниманія обѣихъ законодательныхъ Избъ, говорилъ извѣстный уже намъ Гнѣвошъ, куявскій бискупъ. Громозвучный и ровный голосъ его досягалъ до самыхъ дальнихъ галлерей Сенаторской Избы, гдѣ королева, окруженнага дворомъ, сидѣла въ сообществѣ венеціанскаго посла. Ораторъ, по разсказу польского историка, вырасталъ гигантомъ съ каждымъ отдельломъ рѣчи своей; глаза его свѣтились огнемъ зловѣщимъ; лицо выражало маестатъ Рѣчи Посполитой, а говорилъ онъ съ такимъ сознаніемъ своего превосходства, какъ будто всѣ замыслы и все поведеніе короля считалъ фантазіями безпокойнаго и высокомѣрнаго недоросля, кото-раго надо было проучить. Подобно тому, какъ король, въ инструкціяхъ на сеймики исчислялъ свои благодѣянія, оказанныя Рѣчи Посполитой, громовержецъ бискупъ началъ свою рѣчь исчисленіемъ всѣхъ благодѣяній, оказанныхъ королю Рѣчью Посполитою. „Воспитаніе, снабженіе средствами, единогласное избраніе на престолъ, уплата долговъ, обеспеченіе всего семейства, безпрестанные налоги, любовь и довѣріе, оказываемые королю во все время его царствованія: вотъ наши доказательства (гримъль сеймовой витія), что въ Польшѣ нѣть у короля ни злозычныхъ, ни злонамѣренныхъ людей, и было бы лучше, если бы королевская канцелярія назвала тѣхъ, на кого она мѣтила. Такихъ людей нѣть въ Польскомъ народѣ. Ихъ надо искать между иностранцами, которыми полонъ дворъ и которые королевское сердце отправляютъ злобою противъ народа. Поэтому покорнѣйше прошу его королевскую милость отослать отъ себя графа Магни, ксендза капуцина, Фальтона и Бильбони, какъ людей, вредныхъ для Рѣчи Посполитой. Надобно также, чтобы канцелярія отправляла скоро иностранныхъ пословъ, которые у насъ обратились въ постоянныхъ резидентовъ, выдаютъ секреты Рѣчи Посполитой, и дошли чаконецъ до такого любопытства, что на этой самой галлереѣ, въ Сенаторской Избѣ, подслушиваются наши совѣщанія. Хотѣлъ бы я спросить венеці-

анского посла, позволила ли бы ми^и Венецианская Республика такъ подслушивать свои рады"...

Когда Гнѣвощь говорилъ это, обращаясь къ галлереѣ, королева спросила великаго конюшаго Платемберга, о чёмъ ораторъ такъ разглагольствуетъ. Узнавъ, что бискупъ требуетъ отсылки всѣхъ иностранцевъ, она воскликнула: „О, какое порабощеніе (O che servit!)!" и удалилась со всѣмъ дворомъ.

Гнѣвощь говорилъ далѣе: горевалъ о несбывшейся надеждѣ государства, что король оставить военные затѣи; критиковалъ инструкціи и пропозиціи канцлера; выражалъ недовѣrie къ опасеніямъ со стороны Турціи. „Не могу согласиться на наступательную войну" (гудѣль онъ, точно церковный колоколь): „ибо вижу, что нашихъ силъ ни въ какомъ случаѣ недостаточно, и потому совѣтую отправить посла къ Портѣ, склонить шляхту, въ случаѣ надобности, къ послопитому рушенію, козакамъ строго запретить морскіе походы и постановить двухнедѣльный сеймъ единственно на случай опасности со стороны Турціи. А чтобы Турція обратила въ провинцію Мультаны и Волощину, это напрасныя опасенія. Султанъ этихъ земель ни Татарами не населить, ни башамъ не отдастъ: ибо земли эти снабжаютъ сѣбѣстными припасами его кухню, визирямъ приносятъ великие доходы, и за такимъ распоряженіемъ тотчасъ бы въ Седмиградіи вспыхнулъ бунтъ, а волошкіе и мультанскіе мужики разбрѣжались бы въ Венгрію и въ Польшу".

Долго въ такомъ смыслѣ ратовалъ противъ короля бискупъ. Король слушалъ его наморщивъ лобъ, наконецъ всталъ и вышелъ изъ законодательной толпы, а по окончаніи засѣданія выразилъ всему сенату свое безсильное неудовольствіе.

Это происходило 4 мая. На другой день, въ числѣ многихъ другихъ пановъ, прибыли въ Варшаву два магната, соперничавшіе на сеймовомъ судѣ за Хороль и Гадячъ въ нашей Малороссіи. Для обычныхъ въ Польшѣ доводовъ своего права, обратившихся въ поговорку *железные доводы* (żelazne gasye), они привели съ собой 5.000 такъ называемой ассистенціи. Одинъ изъ нихъ, князь Іеремія Вишневецкій, заявилъ, что на прошломъ сеймѣ кто-то, въ его отсутствіе, „сдѣлавшись ревизоромъ имѣній, лежащихъ на татарскомъ пограничье", жаловался передъ королемъ, якобы онъ (Вишневецкій) грозилъ ему (самозваному ревизору) кіями. „Еслибы я думалъ объ этомъ" (сказалъ представитель общественной свободы среди Пляхетскаго народа), „то навѣрное онъ бы почувствовалъ это на своей спинѣ". Таково было

преду́млєніе полновластнаго магната о томъ, какъ независимые отъ короля паны должны рѣшить его тяжбу.

Междудѣло Турецкой войны совѣтъ упало, а вмѣсто него католическая партія подняла два вопроса и, поставивъ ихъ выше прочихъ государственныхъ интересовъ, заняла ими всѣхъ сеймующихъ пановъ. Наканунѣ паденіе Рѣчи Посполитой (она пала въ Хмельницкому), оправдались ласкателныя слова Оссолинскаго къ папѣ, что Поляки больше заняты религіозною борьбою съ согражданами, нежели безопасностью и цѣлостью отечества.

Первый вопросъ касался аріанина Шлихtinga. Его обвинили въ изданіи богохульныхъ книгъ, отрицающихъ божественность Христа, и 11 мая, за таковое возмущеніе противъ Божескаго и королевскаго маестата, онъ былъ заочно приговоренъ къ инфаміи и конфискаціи имущества. Изданія имъ книги сожжены чрезъ палача; всѣ аріанска сочиненія воспрещены, новыхъ не дозволено печатать, подъ смертною казнью, и аріанска школы уничтожены. При семъ Оссолинскій выразилъ удивленіе, какъ эта новая секта, будучи пришельцемъ и гостемъ въ Польшѣ, усиливается притѣснить старинную въ ней хоziйку — вѣру католической!

Второй вопросъ касался полеваго гетмана литовскаго, Януша Радивила, потомка двухъ Радивиловъ, на которыхъ опирались даже и такие православники, какъ Іовъ Борецкій. Виленскій бискупъ обвинялъ этого кальвиниста въ низверженіи придорожныхъ крестовъ, поставленныхъ мѣщанами въ его имѣніи. Дѣло это пошло двѣ недѣли сеймового времени, „среди страшнаго крику однихъ, которые были воспламенены религіозною ревностью, другихъ, которые, подъ этимъ предлогомъ, хлопотали о своихъ приватахъ, и третьихъ, которые желали показать свой умъ въ орацияхъ“ (пишетъ современный памъ Полякъ-историкъ). Замѣчательнѣе всѣхъ показались тѣ орации, въ которыхъ, съ одной стороны, взвѣшивалась оскорбленая „честь Бога“, а съ другой — „великое имя“ обвиняемаго. Когда одинъ ораторъ заявилъ, что здѣсь надобно стоять больше за „кривду Божию“, нежели за „посполитое право“, ошманскій подстаростій, „одноглазый еретикъ“ (какъ называлъ его въ дневнике литовскій канцлеръ) замѣтилъ, что не пристойно сравнивать Божіе право съ человѣческимъ. На это коронный подчашій, ученый Остророгъ, тотчасъ отвѣтилъ ему, что рѣчь идетъ не о сравненіи, часто „одноглазомъ и хромомъ“, и этотъ „жартъ“ записалъ въ свою дневникъ литовскій канцлеръ, обыкновенно чуждый того, что называлъ бы онъ празднословиемъ.

Оставалась уже только недѣля для сеймованья. Тогда Носольская Изба назначила однихъ депутатовъ для комиссіи Шведской, другихъ—для комиссіи Московской по предмету союза противъ Татаръ, и наконецъ—озабочилась уплатою установленному войску, въ числѣ которыхъ и реестровые козаки уже пять лѣтъ не получали жолду. Дальнѣйшимъ совѣщаніемъ помѣшала жалоба пословъ Мазовецкаго воеводства на воеводу поморскаго, Денгофа, и каштеляна хелминскаго, Горайскаго, совершившихъ лютеранскоѣ богослуженіе въ Варшавѣ во время сейма, на который должна была призываться благодать исключительно бога католическаго. Мазуры выступили съ такимъ „бѣшенствомъ“, что хотѣли отказать въ повиновеніи познанскому бискупу за то, что, какъ онъ, такъ и другіе ксендзы и даже іезуиты не достаточно ревностно обороняли вѣру. Превзошедшіе самихъ учителей ученики ссылались на декреть мазовецкихъ князей 1525 года, воспрещающій, подъ смертною казнью, произносить какія-либо проповѣди, кроме католическихъ, и повторяли премудрое мнѣніе ломжинскаго ста-росты,—что людскія кривды Богъ предоставилъ своему суду, но свои собственные поручиль намъ. Изъ-за придорожныхъ крестовъ (которые, какъ видимъ, не напрасно ставилъ въ Малороссіи Петъ Могила) едва не былъ сорванъ чрезвычайный сеймъ; наконецъ это важное дѣло удалось отложить до слѣдующаго сейма (а слѣдующій сеймъ 1648 года собрался уже по паденію свободной Польши). Достойны замѣчанія слова заблудовскаго плебана, по свидѣтельству литовскаго канцлера, успокоившія земскихъ пословъ: „Князь Радивиль—мой благодѣтель, и часто приглашаетъ меня къ своему столу“.

Если засѣданія королевскихъ законодателей поставить рядомъ съ государственными думами царскихъ бояръ и дьяковъ, то можетъ показаться, что здѣсь умствовали дѣти, а тамъ—зрѣлые мужи. И дѣйствительно, католичество, котораго самымъ выразительнымъ проявленіемъ были іезуиты, направляло все нравственное вліяніе своей церкви на то, чтобы держать и общество, и государство въ дѣтской отъ себя зависимости; а Поляки превзошли всѣ народы въ дѣтской покорности папѣ, и на ней основывали славу свою.

При концѣ сейма, когда и такой вопросъ, какъ запоздалая уплата жолду жолнерамъ и козакамъ, оставался еще нерѣшеннымъ, теченіе совѣщаній прервало прибытие двухъ коронныхъ гетмановъ: „ибо многіе послы выѣхали имъ навстрѣчу“, говорить очевидецъ. Это напоминаетъ русскому читателю 1589 годъ, когда татарскій набѣгъ увель въ неволю множество панскихъ женъ и дѣтей, а сеймующе паны прекратили спѣшныя дѣла, и цѣлый день глядѣли на великолѣпный

въездъ князя Василія, который прибылъ на сеймъ ради фамильныхъ интересовъ своихъ и привелъ такое войско съ богатымъ обозомъ и артиллеріей, котораго было бы достаточно для устрашенія Татаръ, набѣжавшихъ почти безоружно.

Наконецъ сеймовое время совсѣмъ истекло среди волненій и скорь изъ-за Божихъ кривдъ. Посольская Изба не утвердила еще ни-одного постановленія, не взирая на просьбы литовскихъ пановъ и канцлеровъ, отъ которыхъ земскіе послы отдѣливались воскликами и испристойными выраженіями, забывая даже о присутствіи короля. По просьбѣ сенаторовъ, согласились наконецъ на продленіе сейма до 27 мая. Обѣ законодательныя палаты соединились немедленно, и сами „дивились, что сеймъ начинается въ тотъ день, въ который слѣдовало бы ему кончиться“. Но и тутъ былъ поднятъ злополучный вопросъ о господствѣ католиковъ надъ прочими религіантами.

Евангелики выступили противъ него сильнѣе, нежели когда-либо, жалуясь, что всѣ исповѣданія вѣры, кромѣ католического, только терпятъ въ Польшѣ: ибо, по мнѣнію католиковъ, велюнскій декретъ противъ иновѣрцевъ можетъ быть осуществленъ во всякое время. Протестанты представляли несправедливости и притѣсненія со стороны католической партіи, а королю припоминали права, конфедерациіи и его присягу. Съ своей стороны бискупы вооружались противъ диссидентовъ, представляя несправедливости и притѣсненія, терпимия католиками. Оссолинскій былъ умѣреніе всѣхъ и говорилъ противъ католиковъ за безчинства, которыхъ они себѣ позволяли, но и онъ не признавалъ за иновѣрцами, кромѣ спокойствія и безопасности, сохранимыхъ терпимостью, никакихъ правъ, не только равенства. „Въ государственныхъ дѣлахъ“ (говорилъ онъ) „вы равны съ католиками на основаніи конфедерациіи, и не имѣете причины жаловаться, ибо занимаете высшія должности наравнѣ съ католиками, но занимаете лишь потому, что вы шляхта, а не потому, что вы разновѣрцы. Ради вашей религіи никто не сталъ бы входить съ вами въ конфедерацию“. Наконецъ король объявилъ, что желаетъ оставить Рѣчъ Посполитую въ томъ же положеніи, въ какомъ ее нашелъ, и не видѣть надобности въ новыхъ постановленіяхъ.

На другой день выступили съ своими претензіями наши православники, какъ арріергардъ протестантовъ, которыхъ авангардомъ были арияне. Здѣсь важную роль играли освободившіяся вакансіи. Въ самомъ началѣ 1647 года умеръ кіевскій митрополітъ и печерскій архимандритъ, Петръ Могила. Король, по желанію участковавшихъ въ сеймованіи пановъ православниковъ, въ концѣ сейма, отдалъ кіевскую

митрополію Сильвестру Косову, илаче Косу, воспитанику Петра Могилы, а печерскую архимандрію, Іосифу Тризнь, происходившему изъ знатной белорусской фамиліи и состоявшему въ родствѣ съ Сошіагами. Такъ какъ право „подаванія“ этихъ „духовныхъ хлѣбовъ“ (*Jus patronatus*) принадлежало королю, и панамъ не за что было съ этой стороны спорить на сеймѣ, то православниковъ нашихъ успокоили обѣщаніемъ — права греческой религії безотлагательно привести въ исполненіе согласно пунктамъ, изложеннымъ на избирательномъ сеймѣ, и съ этого цѣлью назначили тотчасъ изъ сейма комиссаровъ.

Здѣсь я припомню моему читателю, что литовскій канцлеръ Левъ Сошіа, предшественникъ Альбрехта Радивила, еще до витебской трагедіи, пугалъ уніятскаго фанатика, Іосафата Кунцевича, петицію, „поданную королю отъ всего Запорожскаго Войска“, говоря, что „ко-
заки ждутъ въ Кieвѣ rѣшенія назначенной по сему предмету комиссіи“. Но козаки оставили безъ вниманія витебскую трагедію, не смотря на то, что изъ-подъ бунчука Сагайдачного перешли подъ бунчукъ Жмайла. Мало того: спустя два года, не могли они въ Медвѣжьихъ Лозахъ, сказать военносудной комиссіи и ея президенту, Конецпольскому, ничего о своемъ вмѣшательствѣ, при Сагайдачномъ, въ дѣла церковной іерархіи, кроме того, что объ этомъ „духовные старшии имѣли переговоры съ коронными властями“. Въ „Пактахъ съ Козаками“ послѣ осады ихъ въ Переяславѣ Конецпольскій упрекалъ ихъ зловредною выдумкой о ломанѣ греческой вѣры, „которой никто не ломаль“, но козаки не отвѣтили ему ни слова на этотъ упрекъ. Въ петиціи, которую запасся, будучи на избирательный сеймъ, Петро Могила, козаки снова фигурируютъ подъ покровомъ панской политики. Ихъ даже научили просить объ участіи въ избраніи короля и о томъ, чтобы „греческая религія была успокоена, и чтобы ее не беспокоили уніаты“. Но отвѣтъ имъ отложенъ до другаго времени, а между тѣмъ протестанты, „подъ видомъ“ православниковъ, или, какъ называли ихъ католики, схизматиковъ, представили на сеймѣ свои еретическія требования и грозили, въ случаѣ отказа, противодѣйствовать предстоящему избранію. Протестанты домогались, чтобы русская митрополія была отдана православникамъ и подчинялась константинопольскому патріарху; чтобы владыки, архимандриты и другіе члены іерархіи были его ставленниками; чтобы уніаты, оставивъ свои мѣста, отдали православнымъ семинаріи, типографіи и иныя мѣста. *) etc. etc.

---

*) Не любя братства, могилинская фракція назвала ихъ здѣсь иными мѣстами.

Это даетъ намъ понять, почему на послѣднемъ передъ Польскимъ Разореніемъ сеймъ 1647 года постарались разъединить православниковъ съ ихъ покровителями, или-- другими словами--отдѣлить отъ протестантовъ ихъ арріергардъ. Чѣмъ касается козацкихъ пословъ на избирательномъ сеймѣ, то, по словамъ литовскаго канцлера, князя Радивила, имъ сдѣлали строгій выговоръ за дерзостную просьбу объ участіи въ избраніи короля, и Сенатъ сурово наказалъ имъ, чтобы они не смѣли больше говорить о томъ.

По воцаренію Петра Могилы на митрополіи, козаки сдѣлались не нужными арріергарду протестантскаго движенія противъ католиковъ. Интересовались греческою вѣрою такіе люди, какъ Адамъ Кисель и Лаврентій Древинській, въ качествѣ представителей оппозиціи католикамъ; но козаки, въ лицѣ своего героя, Сулимы, чествовали папу въ самомъ Римѣ, не чуждались даже перехода въ католичество, а ихъ свирѣпые бунты противъ паповъ 1637 и 1638 годовъ не представляютъ намъ никакого съ ихъ стороны упоминанія о томъ, чтобы права греческой религії, взятая Владиславомъ на свою отвѣтственность, были введены въ самую жизнь. Теперь на сеймѣ, непосредственно предшествовавшемъ козакотатарскому нашествію, о козакахъ, какъ православникахъ, не было и помину. Образцомъ возстанія за вѣру творцу этого нашествія могла служить одна Переяславщина, иначе Тарасовщина.

Сеймовые папы, „дивясь“, что убили все время сеймованныхъ своего въ религіозныхъ треволненіяхъ, начали читать свои постановленія „въ неслыханномъ замѣшательствѣ“. Такъ какъ Посольская Изба не утвердила до сихъ поръ ниодного закона, то теперь „все разомъ, совмѣстно съ Сенатомъ, формулировали, писали, рассматривали и решали“... При этомъ разныя фракціи и даже единичные послы подавали свои проекты постановленій маршалу для чтенія, вмѣстѣ съ заявлениемъ, что, въ случаѣ непрочтенія, сеймъ будетъ сорванъ, а ихъ единомышленники вторили угрозѣ неистовыми криками. Было такимъ образомъ прочитано и принято 134 пункта, и большая часть безъ всякой обдуманности, посреди воскликновъ, воззваній и протестовъ.

Шляхетскій народъ, въ послѣдній моментъ своей политической цѣлости, показалъ вполнѣ свою государственную и общественную несостоительность. Благо личной свободы, драгоценнѣйшее изъ благъ жизни, путемъ самоуправства, превратилось у него въ такое зло, которое могла устранить одна диктатура. Первымъ на нее претендентомъ явился король Владиславъ IV, но, по его неспособности, завладѣла диктатурою шляхта. Присвоивъ себѣ верховенство, она явила

несостоятельнѣе самого короля въ управлениі государствомъ. За отсутствіемъ въ этомъ безглавомъ политическомъ тѣлѣ единомыслія и самопожертвованія, рѣшающая всѣ споры диктатура вскорѣ должна была перейти къ человѣку, который наругался падьпольскимъ раздѣленіемъ свирѣпыми словами своихъ кобзарей:

Тимъ и сталася по всѣмъ свѣту
Страшнна козацька сила,
Що у васъ, пандве молодці,
Була вдля и дума едина...

Но возвратимся къ сейму. Среди описанной суматохи, была подана маршалу Посольской Избы, (которымъ на сей разъ былъ избранъ грабовецкій староста, Сарбѣвскій), состоящее изъ иѣсколькихъ словъ постановленіе „объ удержанії (на службѣ) квартирнаго войска соотвѣтственно скрипту 1643 года, поданному въ архивъ“. Лаконичное постановленіе было прочитано и утверждено безъ оппозиціи, къ великому удовольствію короля и его канцлера, которые послѣ того немнго уже заботились о дальнѣйшемъ сеймованіѣ. Однакожъ, канцлеръ воспользовался случаемъ расположить къ себѣ раздраженную споромъ католическую партію. Когда, въ послѣдніе часы сейма, протестанты еще однажды возобновили свои притязанія, надѣясь вынудить у католиковъ равноправіе угрозою сорвать сеймъ, Оссолинскій поднялся съ своего мѣста и, въ тонъ прочимъ ревнителямъ католичества, заговорилъ языкомъ своего наставника, Фердинанда II, и его приверженца, Сигизмунда III:

„Очень удивляетъ меня, что иновѣрцы, обнадеженные вполнѣ отеческою деклараціей короля, желаютъ чего-то новаго, готовые уничтожить состоявшіяся постановленія ради своихъ претензій. Опидумаютъ, видно, что мы больше стоимъ за какую-нибудь привату, нежели за вѣру. Я, не внеся на сеймъ никакого приватнаго дѣла, предпочитаю, чтобы погибъ и сеймъ, и оборона отечества не состоялась, чтобы даже королевство и весь міръ пропали, нежели чтобы Богъ и вѣра были оскорблены“.

Пораженные такими словами, присмирились протестанты, и потомъ была прочитана декларація воеводствъ о налогѣ для регулярнаго войска. Наступившая ночь побуждала къ заключенію сейма, когда Оссолинскій внесъ мнѣніе короля объ уплатѣ долга, сдѣланнаго имъ на регулярное войско. Не соглашались на это Познанское и Русское воеводства, совѣтуя королю требовать возврата своихъ денегъ отъ тѣхъ,

кто убѣдилъ его воевать съ Турцией; и король, опасаясь, чтобы они не испортили ему всего дѣла, послалъ маршалу Посольской Избы повелѣніе—какъ можно скорѣе приступить къ распущенію сейма.

„Постановлѣніе о квартаномъ войскѣ развязало королю въ извѣстной степени руки. Этимъ постановленіемъ сеймъ возвратился къ закопу 1643 года, который заключался въ слѣдующемъ:

„Опредѣляя средства для общественной безопасности, поданный о томъ *ad archivum*, за подписью примаса и посольского маршала, скрипта властю нынѣшняго сейма одобляемъ. Наши печатари (канцлеры), подскарбій и гетманы обязаны будутъ поступать согласно съ опытмъ скриптомъ, который будетъ дѣйствителенъ только до слѣдующаго сейма.“.

Общественной безопасности въ настоящее время угрожали Татары вмѣстѣ съ турецкимъ султаномъ, домогавшимся для нихъ дани, которой сословія не постановили давать. Насколько велика была отсюда опасность, это зависѣло отъ усмотрѣнія короля, королеваго гетмана и сенаторской рады, которая, съ 1 іюля, состояла изъ однихъ королевскихъ приверженцевъ: киевскаго бискупа, Станислава изъ Калинова, воеводы—мстиславскаго, Николая Абрамовича, мальборскаго, Якова Вейгера, каштеляновъ—каменецкаго, Петра Фирлея, волынскаго, Казимира Бѣнѣвскаго, и еще двухъ менѣе важныхъ. Съ согласія этой рады, король могъ, на основаніи упомянутаго постановленія, готовиться къ оборонительной войнѣ и, какъ того домогался, перейти къ паступательной.

Ближайшимъ слѣдствиемъ сейма 1647 года была аудіенція, данная 20 іюна ханскому послу, въ тронной залѣ, въ присутствіи сенаторовъ. Переступивъ порогъ залы въ сопровожденіи своихъ товарищѣй, посолъ будущаго властителя Польши, Иссламъ-Гирея, упалъ на колѣни и ударилъ о землю челомъ; потомъ, сидя, представилъ черезъ толмача желанія хана. Отказали въ нихъ рѣшительно, и вслѣди послу выѣхать безъ всякаго отвѣта на ханскую грамоту. Посолъ просилъ дозвolenія поцѣловать королевскую руку; но ему дозволили только коснуться края королевскаго плаща. Поцѣловалъ онъ съ товарищами своими край королевской одежды, ударивши сперва трижды челомъ о землю; но, вышедъ изъ залы, сказалъ, что эту аудіенцію считаетъ объявленіемъ войны, и грозилъ, что ханъ, съ помощью султана, самъ приѣдетъ за гарачемъ въ Варшаву. Ему отвѣчали, что Поляки пріймутъ его, какъ подобаетъ, и потому не посыпаютъ подарковъ, которыхъ онъ требуетъ.

Трагикомическое явленіе представляла величавая Польша, порываясь, наканунѣ своего паденія, къ обладанію имперіей Палеологовъ. Признаки Польского Разоренія, далеко превзошедшаго Московское, памѣтились тогда уже выразительно. Обыкновенно думаютъ, что если бы кто-нибудь изъ полновластныхъ пановъ догадался убить „страшаго человѣка“, Хмельницкаго, передовые въ Европѣ борцы за подавленіе свободной совѣсти и процвѣтаніе свободы личной, Поляки, благоденствовали бы въ своей республикѣ донынѣ. Но между козаками, кроме Хмельницкаго, были Цари Наливаи, были дивные воины Сагайдачные, были непостижимые въ воинскомъ искусствѣ Гуны. Русскіе таланты, не имѣя простора въ іезуитскомъ государствѣ для его строепія, должны были проявить себя въ дѣятельности разрушительной.... Да и кромѣ козацкихъ буйтуровъ, Польша была полна буйтуровъ панскихъ, все-таки нашихъ Русичей, втанутныхъ такъ или иначе въ составъ этого „духовнаго“, ксендзовскаго государства. Гиганты сильной воли и боевой энергіи, они проявляли свое бурное величие въ борьбѣ съ разрушительнымъ разливомъ russkotatarskаго козачества; по сами были готовы разрушить Польшу изъ-за той дикой свободы, которую Поляки считали верхомъ человѣческаго благополучія, и которую они вѣдрили съ одной стороны въ жолнерахъ, съ другой—въ козакахъ.

Это могъ видѣть каждый, у кого были бы глаза, и на послѣднемъ, едва не разстроившемся сеймѣ. По разсказу покойнаго Шайнохи, самаго талантливаго изъ польскихъ историковъ, одно событіе кончившееся на этомъ сеймѣ благополучно,—подобно пролетѣвшій таинственно бурѣ, бросило на польскую будущность такой же кровавый свѣтъ, какъ и глухо ревущая покамѣсть въ отдаленіи бури козацкая, дававшая о себѣ знать переговорами орды днѣпровской съ ордою крымскою. Въ сравненіи съ этимъ зловѣщимъ эпизодомъ, всѣ перипетіи двухъ послѣднихъ сеймовъ теряютъ свою антигосударственную выразительность, и я перескажу его со словъ Шайнохи, давая, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, предпочтеніе органу тѣхъ, которые заинтересованы въ характеристицѣ событія ближе настѣнь, Русичей.

Былъ у короля Владислава IV извѣстный любимецъ, Казановский, связанный съ пимъ тѣсною дружбою съ самого раннаго возраста. Когда еще при Сигизмундѣ III, была завоевана московская Сѣверія, королевичъ Владиславъ выпросилъ у отца для Казановскаго обширныя добра, называвшіяся Ромномъ. Лѣтъ пятнадцать пользовался Казановскій спокойно королевскимъ пожалованіемъ; но въ эти годы возмужалъ князь Іеремія Вишневецкій, и предъявилъ старинное право свое на Іоменскія добра, опиравшесся на такія даннныя, что на нихъ во время

оно не обратили никакого вниманія. Вишневецкій былъ уже славнымъ воиномъ. Въ битвахъ съ козаками на Сулѣ и Старцѣ въ 1638 году онъ былъ правой рукою Николая Потоцкаго, а въ пораженіи Татаръ подъ Охматовымъ помогъ Станиславу Копецпольскому настолько, на сколько Сагайдачный Ходковичу—подъ Москвою. Слава означала въ Шляхетскомъ народѣ силу, и славный воинъ повелѣлъ своимъ слугамъ запить Роменъ. Способъ, къ какому прибѣгнулъ князь Вишневецкій для овладѣнія королевскимъ пожалованіемъ, могъ выработаться только въ Польшѣ, которой паны унаследовали кулачное право нашихъ удѣльныхъ князей.

Въ одинъ прекрасный мѣсяцъ (рассказываетъ Шайноха), лѣтомъ 1644 года, къ „губернатору“ роменскихъ добрѣ явился, въ видѣ гостя, пріятель, принадлежавшій къ партіи Вишневецкаго. Панъ губернаторъ угощалъ его ужиномъ, къ которому, по счастливой случайности, подоспѣлъ другой, третій, четвертый гость, все старые знакомые губернатора. Но когда встали изъ-за стола, гости просятъ пана губернатора *остаться ночевать у нихъ*, и въ то же самое время столовую наполнили княжеские жолнеры. Многочисленной дружинѣ непрошенныхъ гостей мудрено было дать отпоръ, и губернаторъ считалъ себя еще счастливымъ, что и импровизированные обладатели замка выпустили его за ворота живымъ и здоровымъ. Ему былъ данъ торжественный наказъ—объявить своему пану, что князь Іеремія Вишневецкій занялъ Роменъ по праву наслѣдства.

Весь королевскій дворъ пришелъ въ волненіе отъ самоуправства пограничного магната. Вся Польша наполнилась рассказами о сеймовыхъ замѣшательствахъ по поводу вражды королевскаго любимца съ великимъ воиномъ. Съ 1644 года не переставала эта вражда занимать законодательную власть и обнаруживать ничтожество власти исполнительной. Вишневецкій былъ объявленъ банитомъ, но, какъ ни въ чёмъ не бывало, появлялся въ Варшавѣ и даже въ королевскомъ дворцѣ. Король только тѣмъ и могъ явить свое неудовольствие, что не захотѣлъ съ нимъ видѣться. Дѣло въ томъ, что если одна половина Польши стояла за королевское пожалованіе, то другая рукоплескала презрѣнію воинственнаго магната къ власти закона. Это засвидѣтельствовали провинціальные сеймики, заговорившіе въ пользу Вишневецкаго, лишь только разослали онъ по всему государству письма. Наконецъ король, съ большими трудомъ, примирилъ враговъ, присудивъ Роменъ Вишневецкому, съ тѣмъ чтобы онъ уплатилъ Казановскому 100.000 золотыхъ. Это было сдѣлано въ силу рѣшенія луцкаго сейміка, который далъ строгій наказъ посламъ своимъ, „чтобы лучше рвался сеймъ,

нежели чтобы Вишневецкаго удалили какимъ-либо декретомъ отъ владѣнія роменскими добрами, отнятыми у Казановскаго“.

„По тогдашнему возрѣнію на вещь“ (говорить Шайноха) „такая мировая сдѣлка была самымъ постыднымъ заключеніемъ процесса: ибо въ подобныхъ случаяхъ магнаты ратовали не столько за самыя добра, сколько за то, чтобы устоять на своемъ. Затѣмъ разъ что бы то ни было, надобно было упорствовать до конца, не обращая вниманія на всяческія оттуда опасности для себя и хоть бы даже для государства... Казановскій за мировую съ Вишневецкимъ взялъ деньги, а такой торгъ за претензію, за *punkt honoru*, подорвалъ его панскую репутацію у шляхты. Самъ король, послѣ ихъ мировой, перешелъ на сторону Вишневецкаго, какъ это извѣстно изъ дневника литовскаго канцлера. „Взявиши 100.000 злотыхъ“ (пишетъ канцлеръ), „Казановскій подвергся презрѣнію короля и другихъ... Умѣеть Вишневецкій побѣждать и враговъ отечества, и своихъ собственныхъ“.

„Однакоожъ (замѣчаетъ краснорѣчивый историкъ) отъ такихъ домашнихъ побѣдъ дрожали стѣны дома“, и о такомъ дрожаніи непрочно построенаго государства разсказывается еще болѣе многозначительный примѣръ магнатскаго гайдамачества со стороны того же Вишневецкаго.

Черезъ годъ по захватѣ Ромна у Казановскаго, захватилъ князь Вишневецкій у своего швагера, короннаго хорунжаго Александра Конецпольскаго, добра гадячскія. Панъ хорунжій позвалъ пана воеводу на сеймовой судъ 1646 года; по Вишневецкій уклонился отъ суда подъ предлогомъ болѣзни. Въ 1647 году коронный хорунжій готовъ былъ сорвать сеймъ, если князь не присягнетъ, что дѣйствительно въ прошломъ году былъ боленъ; а читатель помнить, что оба магната прибыли судиться съ желѣзными доказательствами. Литовскій канцлеръ выразился обѣ этомъ лаконически, какъ о дѣлѣ, не поражавшемъ тогдашняго Поляка: „5 мая прибыли въ Варшаву воевода русскій и коронный хорунжій, которыхъ ассистенція заключала въ себѣ 5.000, ради непріязни ихъ между собою“.

Присягнуть по требованію швагера для магната, не знавшаго никакого принужденія, было такимъ униженіемъ, что послѣ того осталось только убить соперника среди Сенаторской Избы, на что Вишневецкій и рѣшился.

„Узнавъ обѣ этомъ требованіи“ (записалъ въ своеемъ дневнике дворянинъ Вишневецкаго, Машкевичъ, и польскій историкъ не напечъ въ его показаніи ничего первообразнаго), „князь всячески старался уклониться отъ присяги (*chięże zabiegał roźno, żeby nie przysięgał*), одва-

кожъ, по причинѣ упорства пана хорунжаго, не могъ склонить его къ этому. Но сохрани Господи Боже! была бы бездна зла изъ-за этой присяги. Ибо съ вечера, передъ судомъ, князь Вишневецкій, собравши всѣхъ слугъ, которыхъ было съ нимъ до 4.000, собравши всѣхъ, кроме пѣхоты да мелкаго народа, сказалъ всѣмъ рѣчь и просилъ, чтобы всѣ стояли за него и смотрѣли на его починъ, а потомъ кончили, что онъ начнетъ. Ибо объявилъ то, что, если присягну, то, вставши, тотчасъ ударю саблею хорунжаго и буду сѣть всѣхъ, кто бы за него стоялъ, хотя бѣ и самого короля, а вы всѣ до единаго, дворные слуги и молодежь, протѣснитесь въ Сенаторскую Избу и меня поддержите. И было бы все это, еслибы присягнулъ. Но самъ король Владиславъ IV съ панами сенаторами постарались, чтобы хорунжій не настапвалъ па присягѣ».

„Яко актъ доброй воли“ (замѣчаетъ Шайноха), „эта уступка не вредила въ общественномъ мнѣніи Конецпольскому“.

Литовскій канцлеръ, въ своемъ дневнике доказываетъ характеристику обоихъ соперниковъ. Русскій воевода овладѣлъ Гадячемъ за то, что коронный хорунжій присвоилъ себѣ Хороль, который прежде принадлежалъ къ добрамъ князя Вишневецкаго, но сеймовымъ декретомъ обращенъ въ королевщину. Не смотря на готовность Вишневецкаго къ неслыханному покушенію, въ возможности которого никто не сомнѣвался, король настолько цѣнилъ и боялся бывшаго банита, что назначилъ во дворцѣ домашнія засѣданія сенаторовъ, расположенныхъ къ одному и другому сопернику. Послѣ многократныхъ сходокъ, насилиу согласили ихъ къ тому, чтобы князь отдалъ гадяческія добра хорунжему, а хорунжій уплатилъ князю за хорольскія добра 100.000 золотыхъ. „О примиреніи ихъ“ (пишетъ литовскій канцлеръ) „долго мы хлопотали и насилиу обоихъ уговорили поблагодарить короля за интерпозицію своего достоинства. Итакъ, взаимно обнявшись, не знаю, искренно ли, разстались они: ибо хорунжій сказалъ мнѣ: „Что пользы въ этомъ мирѣ, который скоро запылаетъ еще большую вражду? И потомъ, не побесѣдовавъ, оба выѣхали изъ Варшавы“.

Оставалось уже только двѣнадцать мѣсяцевъ до кроваваго мая 1648 года, въ которомъ враждующіе паны должны были мириться для того, чтобы отстаивать свою колонизацію противъ собственныхъ подданныхъ.

Г л а в а XIV.

Пророчество о гибели Польши отъ унії.—Вопросъ церковный и вопросъ козацкий.—Вершитель козацкихъ бунтовъ.—Свиданіе короля-демагога съ козакомъ-демагогомъ.—Надежда на восстание Болгарії.—Козако-татарскій союзъ противъ Рѣчи Посполитой.—Козацкія досады на украинскую шляхту.—Пограничныя сношения Польши съ Москвою.—Панское войско идетъ противъ козацкаго.

Оба заговорщика противъ „свободнаго королевства, населеннаго доблестными Поляками въ открытыхъ поляхъ и окруженнаго только стѣною любви и единодушнаго между сословіями довѣрія“; оба казуиста, пользовавшіеся для своихъ личныхъ цѣлей неурядицею олигархической республики и ея неспособностью къ государственности; оба великие мужа, которые могли бы спасти свою польскую отчизну, даже и наканунѣ уготованной ею себѣ гибели, еслибы не были эгоистами и трусами,—решились отыскать дѣйствовать подъ покровомъ глубокой тайны, и потому осталось весьма мало письменныхъ слѣдовъ отъ ихъ послѣдней игры въ политику.

Покровъ глубокой тайны лежалъ и на козацкихъ дѣлахъ того времени. Въ качествѣ преданныхъ королю подданныхъ, козаки сдѣлялись наконецъ главнымъ орудіемъ для принужденія Королевской Республики къ Турецкой войнѣ. Какъ много значили они теперь у короля, видно изъ одного того, что для сношений съ ними послать онъ такого человѣка, котораго никто не могъ бы замѣтить ни въ Лондонѣ, ни въ Римѣ, ни въ Венеціи и Вѣнѣ.

Но съ козаками, кроме военного ремесла ихъ, соединялся у Поляковъ погибельный для олигархіи церковный вопросъ. Возникъ этотъ вопросъ, какъ надо думать, въ умахъ московскихъ собирателей Русской Земли, и обнаружился въ Киевѣ внезапнымъ восстановленіемъ православной митрополіи чрезъ посредство Сагайдачнаго. Теперь онъ опирался уже не на такихъ людей, какими были творцы „Совѣтованія о Благочестії“, а на такихъ, какимъ явился Петръ Могила съ его

питомцами и креатурами; только Малороссія наша не была успокоена съ религіозной стороны митрополитомъ, созданнымъ родственниками magnatами. Монашескіе вопли о „наступлениі Ляховъ на христіянскую вѣру“ подхватывали зложелатели „пановъ Ляховъ“, запорожскіе крамольники, питомцы цѣлаго ряда козако-панскихъ усобицъ, и, вмѣстѣ съ бѣгавшими къ нимъ банитами да инфамисами, усердно ширили эти вопли въ козацкихъ кошахъ, куда не имѣли ходу ни попы, ни чернеды. Огласивъ Малороссію при „яровитомъ католицѣ“, монашескія жалобы не переставали раздаваться и при томъ королѣ, котораго латинскіе клерикалы заподазривали въ покровительствѣ всѣмъ ересямъ.

Одинъ изъ „юродивыхъ ради Христа“ игуменовъ, Аѳанасій Филиповичъ, видѣль погибель Польши не въ „козацкихъ войнахъ“, которыя онъ, подобно многимъ такимъ, какъ онъ, энтузіастамъ, приписывалъ введенію упії, а въ самой унії, потворствуемой, по его словамъ, даже православною іерархіею. Строгій аскетъ, безсребряникъ и вѣчный богомолецъ, Филиповичъ вообразилъ себя пророкомъ, посланнымъ отъ Бога предостеречь короля Владислава отъ страшной участіи, которая должна постигнуть народъ его. Не допускаемый къ королю не только свѣтскими панами, но и собственными духовными „старшими“, Филиповичъ зашиль свое пророчество въ зеленый атласъ и бросилъ Владиславу въ карету. Дерзновеніе свое оправдывалъ онъ словами, которые даютъ намъ попать, что въ православномъ духовенствѣ произошло, при Петрѣ Могилѣ, такое же дѣлѣніе, какое при князѣ Василіи постигло православниковъ пановъ, то есть, что духовные верховники носили на себѣ уже только образъ древняго русскаго благочестія, духа же его, отверглисъ.

„Нѣкоторые“ (писалъ Филиповичъ) „обращаются ко мнѣ, убогому человѣку, такъ: Почему ваши владыки и старшіе отцы не домогаются того, чего требуешь *одинъ ты, ничтожный?*... Такъ, правда! Но не моя вина, что меня всемогущій Богъ назначилъ и послалъ къ вашей королевской милости съ объявлениемъ святой воли Его, подобно тому, какъ убогий человѣкъ Наeanъ былъ посланъ къ царю Давиду“, и т. д.

Это было еще въ 1645 году. Юродиваго игумена, за его безумное, какъ тогда казалось, предсказаніе, держали по нѣсколько недѣль въ тюрьмѣ. Но онъ вырывался изъ-подъ надзора тюремщиковъ, бѣгалъ (по собственному разсказу) выпачкавшись въ грязной лужѣ на гой, въ одномъ клубкѣ и монашескомъ парамантѣ, по Варшавѣ и кричалъ: „Горе проклятымъ и невѣрнымъ (*Vae maledictis et infidelibus!*)! По королевскому распоряженію, Филиповича отправили въ Кіевъ къ

Петру Mogилѣ, а Mogila помѣстилъ его въ отдаленномъ отъ Україны Berestovskomъ монастырѣ, то есть возвратилъ въ ту самую Litовскую Brestъ, откуда и распространилось волненіе между православнымъ духовенствомъ посредствомъ „синодовъ“ и объявленія церковной унії *).

Напрасны были всѣ старанія правительства успокоить эти волненія: причины ихъ таились въ „дѣлахъ давно минувшихъ дней“. Ни потаски архіереямъ, посвященнымъ іерусалимскимъ патріархомъ въ виду ставленниковъ римскаго папы, ни признаніе ихъ законности въ лицѣ Петра Mogilly, ничто не перемѣнило вкоренившагося въ народной массѣ убѣжденія, что паны о томъ только и думаютъ, какъ бы „христіянскую вѣру перемѣнить на римскую“. Правительство, озабоченное денежными затрудненіями своими и борьбою шляхетскихъ партій, не удостоивало даже прислушиваться къ толкамъ русскаго простонародія, руководимаго своимъ убогимъ и озлобленнымъ духовенствомъ; а между тѣмъ эти толки смыкались въ темныхъ умахъ съ козацкими вымыслами о поголовномъ истребленіи короннымъ войскомъ такихъ мѣстечекъ, какъ Lысянка, обѣ избѣніи панами жолнерами встрѣчавшейся на походѣ Rusi единственно за то, что она Rusь, о предположеніи вырѣзать все православное населеніе Україны вплоть до moskovskаго рубежа и тому подобныхъ ужасахъ. Дѣя пропаганды, исходя изъ разныхъ источниковъ и побужденій, приводили украинскую городскую и сельскую чернь къ ненависти и, можно сказать, освящали въ ея сердца ненависть къ тѣмъ, кого называла она Лягами, въ отличие отъ тѣхъ, кого разумѣла она подъ именемъ Rusi. Недоставало только случая къ широкому бунту. Этотъ случай готовилъ король съ премудрымъ своимъ канцлеромъ.

Неожиданно скончался митрополитъ, съ помощью которого Владиславъ падѣлся оторвать схизматиковъ отъ константинопольскаго патріарха, дабы потомъ привести ихъ къ такой унії, которая была бы ирочнѣе устроенной Sigismundомъ въ Brestѣ. Ревностные католики не любили Петра Mogilly. Имѣ не было дѣла до его важнаго, въ историческомъ смыслѣ, для насъ, фактъ и въ князѣ Ostrozhскомъ, единенія съ римскою церковью путемъ науки, общежитія, родства и національности. Еще больше не любили Петра Mogilly уніяты, у которыхъ отняли онъ вдругъ столько хлѣбовъ духовныхъ. Но съ Zamой-

*) Въ Московской Патріаршій библіотекѣ хранятся записки Филиповича, ожидающія изданія.

скими, Потоцкими, протестантами Радивилами и окатоличившимися Вишневецкими онъ былъ связанъ родствомъ и наследственною зажитостью. Это и было причиною, что никто, а всего меньше самъ онъ, не беспокоилъ сеймовъ напоминаніемъ о козакахъ, изъ которыхъ Кисели да Древинские, заодно съ протестантами, дѣлали „опекуновъ греческой Церкви“ въ Малороссіи, страшамъ своихъ религіозныхъ противниковъ изчужа, какъ страшалъ и Сопіга Кунцевича. Смерть законнаго, хоть и „схизматического“, кievского митрополита заставила короля, въ началѣ 1647 года, съ согласія нунція, назначить сѣѣздъ въ Вильнѣ, съ цѣлью компромисса между „схизматиками“ и уніятами.

Малорусский панъ Іоакимъ Ерличъ, владѣлецъ лежащаго не вдалекъ отъ Кіева мѣстечка Ходоркова *), былъ одинъ изъ тѣхъ представителей православнаго движенія, которые, съ благими намѣреніями, содѣйствовали, какъ и Петръ Mogila, ополяченію Малороссії. Ерличъ участвовалъ въ сеймованіѣ 1647 года, и ему надворный маршалъ, Казановскій, подарилъ копію состоявшагося въ Вильнѣ компромисса. Въ своихъ воспоминаніяхъ, писанныхъ попольски, подъ названіемъ *Latopisiec*, онъ говоритъ слѣдующее:

„Средство для общаго умиротворенія, предложенное сѣѣзdomъ въ Вильнѣ, состояло въ томъ, чтобы никто изъ Руси греческаго обряда не произносилъ символа вѣры съ прибавкою *и отъ сына* исходящаго Духа Святаго; чтобы никто изъ Руси не порицалъ и не упрекалъ латинниковъ ересью за прибавку *и отъ Сына*; чтобы каждый греческаго исповѣданія Русинъ говорилъ, что Святый Духъ есть Духъ Отца и исходить черезъ Сына, и никто изъ латинниковъ не упрекалъ бы его за то въ ереси; чтобы все въ Руси греческаго исповѣданія вѣровали въ третье мѣсто, въ которомъ души задерживаются для покаянія, или для разрѣшенія, и нуждаются въ молитвахъ вѣрныхъ, но никто не долженъ вѣровать, что въ томъ третьемъ мѣстѣ есть огонь, а можетъ разумѣть огонь не огнемъ. Вся Русь греческаго обряда, находящіеся въ подданствѣ у короля, должны быть подъ властію патріарха константинопольскаго, но съ условiemъ,—что патріархъ будетъ вѣровать, какъ написано выше; что патріархъ будетъ вѣрнымъ, то есть христіяниномъ; что будетъ посвященъ по правиламъ и будетъ избранъ одинъ; что послѣ своего посвященія пошлетъ къ польскому королю, къ митрополиту и епископамъ русскимъ, и объявить, что такъ

*) Въ наше время это мѣстечко принадлежало Константину Свидзинскому, которому исторіографія обязана, между прочимъ, и сохраненіемъ *Лѣтописи Ерлича*, требующей болѣе полнаго и точнаго изданія.

вѣруетъ, какъ написано выше. Тогда только вся Русь греческаго обряда будеть ему послушна, а всѣ другіе пункты вѣры, церемоній, обряды, согласно обычая восточной церкви, должны сохранить ненарушило, безъ всякихъ новыхъ выдумокъ".

Каждому изъ наасъ, православныхъ, ясно, что этотъ компромиссъ былъ тѣмъ же отлученiemъ насты отъ константинопольскаго патріарха, которое хотѣли сдѣлать посредствомъ патріархата малорусскаго. Теперь король намѣревался, все съ той же цѣлью, испросить у константинопольскаго патріарха согласіе на учрежденіе въ Польшѣ экзархата для Русиновъ. Всегда злотворное для Польши внушеніе папскаго пунція, или папскихъ духовъ тьмы—іезуитовъ, обнаружилось при этомъ въ намѣреніи избрать экзарха схизматикамъ вмѣстѣ съ унитами, или же, чтобы его назначаль самъ король, а *сакру* долженъ быть онъ получать явно—или отъ мѣстнаго клира, или (какъ этого желали уніаты) отъ константинопольскаго патріарха, а потомъ „другую сакру, преподанную папою, отъ короля, хотя бъ и тайно, ради спокойствія совѣсти".

Эти пункты были предложены на сеймѣ русской шляхтѣ (о мнѣыхъ опекунахъ греческой церкви въ Малороссіи никто не думалъ, не думалъ даже и король, нуждавшійся въ козакахъ) и выбранному его *электру*, Сильвестру Косову, котораго король, въ концѣ сейма, наименовалъ киевскимъ митрополитомъ. На томъ же сеймѣ состоялось постановленіе, въ которомъ король обѣщалъ дизунитамъ привести въ исполненіе всѣ права греческой религіи, и съ этой цѣлью назначилъ изъ сейма комиссію, которая должна была притязанія схизматиковъ разсмотрѣть на мѣстѣ.

И вотъ коронный канцлеръ выѣхалъ въ Украину, чтобы склонить на мѣстѣ малорусскую шляхту греческой вѣры къ принятію виленскихъ пунктовъ, чтобы облегчить и проложить дорогу комиссіи, выбранной сеймомъ, съ цѣлью введенія въ жизнь признанныхъ за дізунитами права, и, наконецъ, чтобы изслѣдовать на мѣстѣ несправедливости, какія они терпѣли.

Королевскій дворянинъ Освѣцімъ, великий поклонникъ Оссолинскаго, вспоминаетъ объ этой миссіи канцлера такъ:

„Въ августѣ 1647 года коронный канцлеръ выѣхалъ изъ Варшавы въ задуманную давно дорогу на Заднѣпріе, въ Батурины, Кононтопъ и другія находящіяся тамъ свои маєтности, которыхъ онъ держалъ леннымъ правомъ. Тайная же цѣль этой поѣздки была вотъ какая. Такъ какъ королю его милости не удалось въ прежніе годы присоединить къ своей церкви всѣхъ еретиковъ, то онъ возжелалъ

присоединить обратно къ римской церкви греческую вѣру, которую такъ давно схизма отъ нея оторвала, съ намѣреніемъ при этомъ случаѣ вмѣстѣ присоединить дизунитовъ къ уніи и прервать онуко-зацкую лигу съ Татарами. Когда у него въ переговорахъ съ нѣкоторыми панами русскихъ краевъ и даже съ митрополитомъ кіевскимъ явилась великая и вѣроятная надежда, упомянутый канцлеръ, желая привести это какъ можно скорѣе въ исполненіе, изобрѣлъ себѣ предлогъ осмотрѣть заднѣпровскія свои маєтности, дабы, подъ этимъ предлогомъ, тѣмъ скорѣе съ ними переговорить и предложить способы (*media*) для удовлетворенія обѣихъ сторонъ, сносясь съ кіевскимъ митрополитомъ, съ Адамомъ Киселемъ и Максимилианомъ Бжозовскимъ,—которому обѣщалъ кіевскую каштелянію, *) дабы его тѣмъ болѣе захотѣть и на свою сторону привлечь,—яко съ старшими гла-вами греческой религіи. Въ чёмъ они не только великую—дай Богъ согласіе—надежду, но назначили и время для публичнаго трактата на день 16 (6) июля будущаго (1648) года. И хотя это держали въ великому секретѣ, но, такъ какъ всѣ дѣла пана канцлера—хотя бы были и самыя святыя—возбуждаются къ нему немалую зависть, то и эта заднѣпровская поѣздка возбудила между шляхтою разныя противъ него подозрѣнія“.

„Великій секретъ“ не позволилъ Оссолинскому быть лично въ Киевѣ и другихъ близкихъ къ нему мѣстахъ. Операционнымъ базисомъ тайныхъ сношеній служилъ канцлеру Батурина, въ которомъ памятникомъ его пребыванія осталась данная имъ Крупецкому монастырю грамота. Черезъ полстолѣтія съ небольшимъ, отсюда вель такія же покрытыя глубокою тайною сношенія Мазена. Пріѣзжавшіе къ нему іезуиты останавливались въ 30 верстахъ отъ Батурина, въ селѣ Оленовкѣ. Можетъ быть, такъ поступали и агенты преемника Могилы, продавая нашу отеческую церковь папистамъ.

Католическая же подозрѣнія, о которыхъ говорить Освѣтцімъ, касались другаго дѣла, которое обработалъ Оссолинскій, прикрываясь дѣлами экономическими, а, можетъ быть, и церковными. Его въ послѣдствіи обвиняли, что глаеною цѣлью поѣздки его въ Украину были договоры съ козаками. Враги упрекали его за это въ измѣнѣ государству, дѣлали его отвѣтственнымъ за бунты, поднятые Хмельницкимъ, и за всѣ несчастія, постигшія Рѣчъ Посполитую въ послѣдніе

*) А Киселя той же дорогой прочили изъ кіевской каштеляніи на брацлавское воеводство.

годы. Пріателя не были въ состояніи оборонять его и освободить отъ упрековъ и подозрѣй, которые, въ страшномъ раздраженіи общества, разрослись до того, что ихъ повторяли наконецъ и люди безпристрастные. Даже украинскіе землевладѣльцы, которымъ легче было пронюхать, чѣмъ дѣлать въ Украинѣ королевскій наперсникъ, считали его виновникомъ Польской Руины. Спасаясь въ Печерскомъ монастырѣ отъ разлива Хмельницкаго, прибѣжавшаго туда изъ Ходоркова пѣшикомъ Еричъ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Чтѣ сдѣжалось въ Польской Коронѣ отъ хлопства, то все черезъ короля и гнуснаго измѣною канцлера, человѣка безбожнаго,—эта распиря и гибель Польской Короны и столь великое кровопролитіе, поруганіе и посмѣяніе отъ иноzemныхъ сосѣдей, что собственныя хлопы и подданные завоевали насъ и обратили въ ничто“.

Про канцлера говорили публично, что по его вину внушеніямъ король, съ помощью козаковъ, хотѣлъ отнять у шляхти свободу и ввести монархизмъ наслѣдственный. Между обвинителями короля и его соѣтника были и такие, которые утверждали, что король дозволилъ козакамъ увеличить число ихъ войска для того, чтобы, въ случаѣ несогласія сейма на Турацкую войну, козаки не послушались королевскаго повелѣнія прекратить набѣги на Турукъ и Татаръ. Король выступилъ бы въ походъ подъ предлогомъ ихъ усмиренія, вошелъ бы съ ними въ переговоры и склонилъ бы ихъ къ повиновенію позволеніемъ воевать съ мусульманами. Козаки сдѣлались бы тогда авангардомъ королевскаго войска, которое Владиславъ повелъ бы въ Турцию съ преданными ему панами, не заботясь о меньшинствѣ противниковъ Турацкой войны. А современный французскій посолъ разсказывалъ своему соотечественнику, Петру Шевалье, въ Варшавѣ слѣдующее:

„Ходили слухи, по мнѣнию иѣкоторыхъ, весьма правдоподобные, что король, желая еще однажды поднять давнишній замыселъ похода на Татаръ, вошелъ въ соглашеніе съ Хмельницкимъ, и что Хмельницкій дѣйствовалъ по его волѣ и повелѣнію, начиная бунтъ съ тою цѣлью, чтобы доставить королю поводъ къ набору войска противъ козаковъ. Войдя въ Украину, намѣревался онъ присоединить козаковъ къ своему войску, которое, будучи предводимо иностранцами, или приверженцами короля, не заботилось бы о волѣ и повелѣніи Рѣчи Посполитой, а пошло бы съ королемъ въ Крымъ и потомъ противъ Турукъ, чѣмъ неизбѣжно привело бы къ наступательной войнѣ. Между тѣмъ Хмельницкій, видя, что письма, которыя послалъ онъ съ жалобой о козацкихъ и своихъ собственныхъ обидахъ, при всей покорности, съ которой были писаны, не имѣли никакого послѣдствія, напро-

тивъ, коронный гетманъ готовился противъ него,—пересталъ довѣрять собственнымъ силамъ, и призвалъ на помощь Татаръ, которые зимовали въ Дикихъ Поляхъ и ждали удобнаго случая, чтобы распустить по Украинѣ загоны“.

Сколько правды, преувеличеній и прибавокъ во всѣхъ этихъ толкахъ, мудрено сказать, не имѣя письменныхъ свидѣтельствъ о дѣятельности Оссолинскаго въ Украинѣ и зная, какъ онъ умѣлъ себя маскировать еще въ положеніи путешествующаго школьнага. Несомнѣнно одно — что Оссолинскій договаривался съ козаками. Въ этомъ убѣждаютъ историка не только достовѣрныя свидѣтельства, но и самая необходимость договора, указанная обстоятельствами.

Десять лѣтъ уже, такъ называемая, козацкая Украина была въ глухомъ, но постоянномъ бунтѣ. Хотя такие люди, какъ Димитрій Гуна, отчаялись въ возможности соединить еще однажды разсѣянную козацкую орду и призвать къ ней на помощь орду татарскую, но наследственная привычка многихъ десятковъ тысячъ людей пытаться „ко-закимъ хлѣбомъ“ могла быть подавлена—и то нескоро—привычкою къ трудовому хлѣбу только подъ рукой такихъ великихъ хозяевъ, какими были московскіе собиратели Русской Земли. Кроме того, въ Королевской Республики доступъ къ дигнитарствамъ, соединеннымъ всегда съ обильнымъ кормленіемъ, имѣли только шляхтичи-землевладѣльцы; люди же, тѣснимые мажновладниками и забѣдителями шляхетскаго имущества —ксендзами да католическими монахами,—по утратѣ земельной собственности, обращались къ исkanію хлѣба козацкаго. У насъ въ Россіи не только высшая и низшая старшина козацкая вошла въ составъ привилегированного сословія, но даже два сына козелецкой козачки Розумихи, очутясь, царскою волею, на высшихъ мѣстахъ, какъ и некоторые простолюдины великорусскіе, были приняты древними сановитыми барами въ родство и дружбу. Въ Польшѣ, какъ мы видѣли, знатная шляхта не хотѣла забыть, что музыкантъ и поэтъ Фантоні—итальянскій мужичокъ, не смотря на то, что король сдѣлалъ его своимъ секретаремъ, а церковь католическая возвела въ каноники. Тамъ даже такихъ дѣятелей, какъ Жовковскій и Конецпольскій, паны, наслѣдовавшіе „великія имена“, называли людьми мелкими. Слѣдствіемъ „столь хорошо обдуманного государства“ было то, что 40.000 козаковъ Сагайдачнаго, этотъ „розовый вѣнокъ“ на головахъ побѣдителей турецкаго Ксеркса, были заперты въ тѣсномъ пространствѣ чигиринскаго, корсунскаго и черкасскаго староствъ, и не только не входили въ составъ государственныхъ сословій, какъ и торговые классы, но, за исключеніемъ 6.000 реестровиковъ, считались пан-

скими, или, что все равно, старостинскими подданными. Каковы бы ни были козаки по своему разбойно-воровскому быту, но государство, обязанное имъ столько времени славою побѣдъ и завоеваний, должно было бы позаботиться о нихъ по крайней мѣрѣ настолько, чтобы они, въ дикомъ отчужденіи своемъ, не терзали, какъ выражались паны, „внутренностей“ этого государства. Вмѣсто того, имъ вѣчно не доплачивали скучного жалду; вмѣсто того, Польша обрекала на тѣсноту и убожество, даже тѣхъ реестровиковъ, воспитанныхъ въ школѣ Конашевича, Сагайдачнаго, которые были способны орудовать цѣлыми арміями и, какъ Дмитрий Гуня, совершили почти невѣроятные подвиги военнаго искусства. Въ наше время говорить это сами Поляки: намъ остается только повторять ихъ признанія.

Низойдя, волею законодательной шляхты, до уровня препебрегаемыхъ украинскими мызарами „хлѣборобовъ“ и „гречкоѣвеъ“, козаки Сагайдачнаго (такъ величали ихъ и по смерти великаго наѣздника) вліяли на своихъ товарищѣй по убогомуничтожеству столь же вредоносно для „добрѣстныхъ Поляковъ“ Оссолинскаго, какъ и наши голодные попы да монахи, въ виду пожирателей русскихъ духовныхъ хлѣбовъ. Это было тѣмъ опаснѣе для Королевской Республики, что и между панскими мужиками было множество воиновъ, которыхъ руками паны „границились“ между собою, оборонялись отъ Крымскихъ и Буджацкихъ Татаръ и, сверхъ того, хаживали съ ними помогать Баторію, Сигизмунду и Владиславу въ ихъ прославленныхъ походахъ. Этимъ способомъ интересы козачиниы мало-по-малу сдѣлялись интересами громадной массы украинскаго населенія, и въ виду такъ называемаго народа Шляхетскаго явился даже въ лѣтописяхъ и документахъ столь же несообразно называемый народъ Козацкій.

Очевидно, что Украина, при такомъ положеніи общественныхъ дѣлъ, находилась въ постоянномъ, нѣмомъ покамѣсть, заговорѣ противъ государства, которому принадлежала, и которому была обязана цвѣтущею колонизацией своихъ пустынь; а такъ какъ Рѣчь Посполитая успокоить козаковъ не хотѣла и, по своей троиственности, не могла, то взрывъ повсемѣстнаго бунта былъ только дѣломъ времени.

Гетманъ Конецпольскій держалъ козачество въ желѣзныхъ, но, по отношенію къ реестровикамъ, справедливыхъ рукахъ, и заставлялъ его быть послушнымъ. Будучи доблестными воиномъ, онъ умѣлъ щѣнить, какъ мы видѣли, воинственный доблести козаковъ даже и въ то время, когда усмирялъ ихъ бунты. Онъ ихъ оборонялъ и отъ ихъ собственныхъ демагоговъ, по вышнѣму гуляковъ, и отъ наглыхъ въ

пользованіи своими правами шляхтичей. *) Онъ ихъ награждалъ и землею и другими „подарками на саблю“... „Но, зная ненадежную вѣрность ихъ“ (привожу слова Освѣціма, служившаго въ званіи маршалка гетманского двора), „зная ихъ завзятую злость и обычную готовность къ бунту, старательно наблюдалъ за ихъ дѣлами и приватными поступками, дабы заблаговременно предупреждать возможность событий. И, хотя они, чуя надъ собою бдительную стражу, поступали весьма осторожно въ своихъ замыслахъ, однакожъ не могли уберечься, чтобы ему не были извѣстны сокровенійшия дѣла ихъ чрезъ посредство шпіоновъ, размѣщенныхъ въ самой средѣ ихъ. Этимъ способомъ узналь гетманъ, что козаки, желая вырваться изъ-подъ своего ярма, и не смѣя рвануться собственными силами, наученные давнишними пораженіями, начали трактовать съ Татарами о союзѣ, обѣщаю поддаться имъ, лишь бы Татары искренно имъ помогали воевать Ляховъ“.

Съ цѣлью разорвать этотъ союзъ, коронный гетманъ находилъ возможнымъ дозволить козакамъ идти на море, совѣтовалъ королю войну съ Татарами и завоеваніе Крыма.

Король сохранилъ въ тайнѣ извѣстіе Конецпольскаго о козацкомъ замыслѣ, сознавая себя, въ свою очередь, вольнымъ козакомъ, которому, за всѣ боевые заслуги, законодательная шляхта связала руки. На козацкую завзятость разсчитывалъ онъ всего больше въ Турецкой войнѣ. Мы уже знаемъ, что, по смерти Конецпольскаго, онъ вызвалъ въ Варшаву Барабаша, Вірмена, Нестеренка и—какъ его называли въ народѣ—Хмеля; что они обѣщали королю 100.000 войска, и что король далъ имъ за это весьма важные обѣщанія, подкрепленные венеціянскими талерами. Была ли въочныхъ переговорахъ рѣчь о козакотатарскомъ союзѣ, и какъ стоялъ Хмель съ тремя своими товарищами относительно этого темнаго вопроса, мы ничего не знаемъ. Но королевскія обѣщанія и походъ на Черное море, устроенный на полученные въ Варшавѣ деньги, произвели въ козацкой средѣ великое движение, и такъ какъ не было уже на свѣтѣ великаго гетмана, который даже на козацкій заговоръ съ Татарами смотрѣлъ съувѣренностью въ могущество своего режима, то движение между козаками перешло въ бурныя волненія, грозившія бунтомъ.

Этотъ моментъ Николай Потоцкій изобразилъ, въ письмѣ къ подканцлеру Лещинскому, такими словами:

*) Самъ Хмельницкій упомянулъ объ этомъ въ своемъ „Реестрѣ козацкихъ Кривъ“, о которомъ будетъ рѣчь ниже.

„Надобно было мнѣ удержать Запорожское Войско въ повиновеніи... какъ какъ, по смерти святой памяти короннаго гетмана, распространился слухъ, что всѣ войсковыя должности будутъ отмѣнены; однако, эту искру тотчасъ потушилъ“.

Искра бунта была потушена, очевидно, не чѣмъ инымъ, какъ допущеніемъ тайной вербовки въ козаки со стороны Потоцкаго, задобреннаго въ пользу королевскихъ замысловъ, по которымъ козацкое войско въ первый же годъ войны предполагалось увеличить до 20.000.

Вербовкой, поукраински *затягиванемъ* въ козаки, долженъ быть заниматься не кто другой, какъ писарь Запорожского Войска, который вписывалъ годныхъ людей въ войсковой реестръ. Онъ могъ принять и вписать столько, сколько ему было угодно, если только въ его реестровку не вникалъ королевский по козацкимъ дѣламъ комиссаръ, и это было тѣмъ легче, что новонабранныхъ *затяжцевъ* не нужно было сывать въ полки: они ждали „*покилка*“ по своимъ жилищамъ.

Знамъ московское (1618), хотинское (1621) и смоленское (1633) сверхштатное затягиванье въ козаки, надобно думать, что, по королевской регуляціи 1647 года, 6.000 реестровиковъ должны были оставаться подъ властью королевского комиссара и польскихъ полковниковъ, согласно ординаціи, а 12 и до 14 тысячъ новыхъ затяжцевъ, называемыхъ также Запорожскими Войскомъ, состояло бы подъ начальствомъ козацкаго гетмана и козацкихъ полковниковъ. Этимъ способомъ король не нарушалъ постановленія Рѣчи Посполитой, столь важнаго и столь чувствительного для шляхты (Оссолинскій, въ знаменитой своей пропозиціи, причислилъ это постановленіе, какъ результатъ усмирения козаковъ, къ королевскимъ благодѣяніямъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворялъ козаковъ, не думая, какъ не думали и во времена оны, о послѣдствіяхъ сверхштатной вербовки. Она, въ глазахъ псевдоправительства польского, была то же самое, что и вербовка, подъ нужду, жалнеровъ посредствомъ приповѣдныхъ листовъ, а между тѣмъ домогательства козаковъ объ увеличеніи реестра и назначеніи избирательныхъ предводителей—совпадало съ интересами короля, такъ какъ было известно, что, стоило только дозволить козакамъ избрать гетмана и собственныхъ полковниковъ, число ихъ тотчасъ выросстало втрое и вчетверо. Подъ разными видами, подъ видомъ родичей, козацкихъ чуръ, пастуховъ, погонцевъ и т. п., они принимали къ себѣ тысячи и тысячи людей, которыхъ исчислить и выискать не было возможности. Гетманомъ новыхъ козаковъ, вѣроятно, подъ скромнымъ именемъ „*козацкаго старшаго*“, былъ тогда назначенъ войсковой асаулъ

Иванъ Барабашъ, а писаремъ остался Богданъ Хмѣль, для польского благозвучія зовомый Хмельницкимъ.

Столько, не больше, опредѣленности допускаетъ изученіе неопредѣленной сумятицы, въ которой зародилась истребительная во всѣхъ отношеніяхъ наша Хмельнитчина.

Польская исторіографія называетъ Хмельницкаго, по его дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, превосходнымъ вождемъ, несравненнымъ организаторомъ и политикомъ, мастеромъ изобрѣтательности и предательства. Мы, патомцы гражданственности москворусской, сторонясь и отъ панской, и отъ козацкой славы одинаково, принимаемъ это мнѣніе безъ поправокъ. Кому, какъ не Полякамъ, знать, что такое былъ Хмельницкій? Родной нашъ Хмѣль, выросши на воздѣланной іезуитами почвѣ подъ именемъ Хмельницкаго, былъ продуктомъ культуры польской, продуктомъ того политического разврата, который рѣзко бросается члену нынѣшняго велико-и малорусскаго общества въ глаза и подъ королевской мантіей, и подъ козацкимъ кобеникомъ. Поляки, прежде нашихъ разъединенныхъ и перепорченныхъ ими предковъ, отличили Хмельницкаго въ толпѣ ему подобныхъ козаковъ. Они возвели его на самое высокое мѣсто, какое только могъ занимать козакъ въ Запорожскомъ Войскѣ, обезгетманенномъ и разжалованномъ, по сеймовому постановленію, въ хлопы. Они, устами блестящѣ образованнаго Радзѣўскаго, рекомендовали его особенному вниманію своего короля. На нашу долю, въ оцѣнкѣ опьянившаго козацкую орду Хмеля, остается только кровь, пролитая лучшими изъ нашихъ малорусскихъ и великорусскихъ предковъ по милости его предательской политики, да къ тому еще превращеніе цвѣтущихъ областей въ безлюдную и голодную пустыню, да несмѣтный ясырь, которымъ онъ оплачивалъ татарскую помощь, да крайняя деморализація не только нашихъ мірянъ, но и самого духовенства малорусскаго... Если сердце Поляка сжимается при мысли объ этой демонической личности, то пускай оно утѣшится хоть малорусскимъ признаніемъ национального позора въ той славѣ, которую козающую пресса покрыла Исламъ-Гиреева сподвижника; пускай утѣшится хоть вѣчнымъ нашимъ сожалѣніемъ о рѣкахъ неповинно пролитой и погубленной ясыромъ нашей крови, ничѣмъ невознагражденной и никѣмъ неотомненной.

Что касается воинской и политической характеристики нашего Хмеля, то онъ сдѣлался вершителемъ попытокъ предшествовавшихъ ему бунтовщиковъ, очевидно, безъ опредѣленнаго плана дѣйствій, въ силу теченія жизни, которая слишкомъ долго подчинялась панской церурдицѣ, считавшейся нормальною. Онъ первую свою молодость про-

велъ въ школѣ у ярославогалицкихъ іезуитовъ, но не порхнулъ изъ ихъ рукъ такимъ наметаннымъ соколомъ своекорыстія, какъ Оссолинскій съ австроіезуитской наспѣсти; напротивъ, мирился съ низменнымъ положеніемъ панскаго слуги-козака и мелкопомѣстнаго хозяина до такихъ лѣтъ, въ которыя порывъ къ широкой дѣятельности сохраняетъся у немногихъ. Увиливъ отъ бѣды, постигшей подобныхъ "ему шляхтичей подъ Кумейками, онъ служилъ вѣрно интересамъ Конецпольскаго,—такъ вѣрно, что никакіе шпіоны не заронили въ верховномъ вождѣ козачества ни малѣйшаго подозрѣнія, до его послѣдняго свиданія съ королемъ. Но, сознавая въ себѣ способности къ чему-то большему, не могъ нашъ Хмѣль выносить спокойно высокомѣрія магнатскихъ креатуръ, въ родѣ Самуила Лаша, съ одной стороны, и подвергаться мстительности новыхъ бунтовщиковъ козацкихъ—съ другой. Человѣку съ его грамотностью, природными способностями, подавленной энергией и мятежной опытностью, не трудно было стать во главѣ козакотатарского заговора, хотя паны приписывали потомъ непостижимымъ чарамъ свой недосмотръ относительно „давнишнихъ его стачекъ съ перекопскимъ беемъ“. Если же козаки скрывали и отъ него самого, какъ отъ наследственнаго панскаго слуги, новое обращеніе козаковъ къ татарской помощи, то оно могло передъ нимъ обнаружиться во время волненій, послѣдовавшихъ за смертью Конецпольскаго; а, пожалуй, и самъ онъ былъ въ числѣ тѣхъ, посредствомъ которыхъ Конецпольскій, съ величавымъ спокойствиемъ сильнаго, свѣдалъ о начинающейся козакотатарской „лигѣ“. Тогда ему представлялось два пути къ торжеству надъ своими обидчиками: или идти по теченію козацкихъ бунтовъ, все болѣе и болѣе широкому, или же стать противъ шляхетскаго самовластія на сторонѣ любимаго козаками короля.

Хмельницкому была хорошо известна слабость королевской власти. Онъ зналъ, что шляхетскій деспотизмъ никогда не подѣлится своими захватами добровольно ни съ королемъ, ни съ козаками; зналъ, что полноправная панская республика безъ борьбы не перемѣнить ординації безправной республики козацкой,—той ординаціи, которую съ такимъ трудомъ завоевали панамъ Конецпольскій и Потоцкій. Король между тѣмъ былъ непомѣрно щедръ на обѣщанія. Это знало множество людей въ Польшѣ и повыше и пониже нашего Хмеля. Да и по народной философіи Малорусса вѣрить обѣщаніямъ вообще считается глупостью: „обіцянка—цяцянка, а дурнєві радоші“. Какъ Хмельницкій, такъ и другие умудренные прежними бунтами козаки могли скорѣе надѣяться, что Турецкая война, къ которой они порывались

и для Ахія Оттомануса, представить королю возможность измѣнить Польшу въ абсолютную монархію, которая обеспечитъ имъ права равенства на судѣ и въ землевладѣніи вѣрнѣе всякихъ обѣщаній. Среди козаковъ было много шляхтичей баниковъ, много шляхтичей, обѣднѣвшихъ подъ давленіемъ можновладниковъ и чужеядного католическаго духовенства. Въ Запорожскомъ Войскѣ было много вихреватыхъ головъ, подобныхъ Зборовскому. Сидя по пятнадцати и больше лѣтъ за Шорогами, въ отчужденіи отъ правоправящаго сословія, какъ преемникъ Наливайка, Кремпскій, какъ товарищъ Лободы, Подвысоцкій, всѣ такие люди, конечно, желали, чтобы король властвовалъ безъ „короля“, противъ которыхъ въ послѣдствіи гремѣлъ Хмельницкій, а козаки, подъ его верховенствомъ, были бы такою же самоуправною республикой, какъ и шляхта. Вотъ въ какихъ интересахъ и стремленіяхъ позволительно историку искать источника тѣхъ слуховъ о заговорѣ короля съ козаками, которые ходили и до, и послѣ Хмельницкаго по всей Польшѣ. На этой-то связи королевскихъ интересовъ съ козацкими могло основываться и мнѣніе козаковъ, высказавшееся еще въ Иавлюковщину, что король не будетъ гнѣваться за ихъ бунтъ.

Въ 1646 году затягиванье затяжевъ козаковъшло быстро. Весело и бурно оглашалась Козацкая Украина пѣснями, которыхъ дошедшіе до насъ отголоски поражаютъ знатока дикою поэтичностью народа, забытаго тогдашнею Россіею, пренебрегаемаго Польшею и называвшаго себя, какъ бы въ укоръ имъ обѣимъ, народомъ козацкимъ, что собственно значитъ разбойноворовскимъ. Въ его пылкомъ, все преувеличивающемъ воображеніи даже Ахія былъ благочестивымъ „Турецкимъ Царемъ“. Теперь король представлялся ему Царемъ Восточнымъ: титулъ, который козаки, уважавшіе силу больше всего на свѣтѣ, перенесли потомъ на московского самодержца, согнувшаго ихъ въ барабаній рогъ. Довѣrie къ Владиславу, носившему такое любезное козацкому сердцу имя силы и власти, съ каждымъ днемъ возрастило.

Сельская шляхта и замковые урядники, слывшіе у Козацкаго народа Ляхами, хотя бы по языку и обычаю были разруссскими, а по родству и вѣрѣ разблагочестивыми,—слышали кругомъ косвенныя и прямыя угрозы, подобныя тѣмъ, какія въ Великой Польшѣ дѣлали навербованные за-границей жолнеры. Въ „домаѣторахъ гречкосѣяхъ и хлѣборобахъ“ проявлялась дерзость, которою еще за полвѣка до Хмельницкаго гуманный кіевскій бискупъ, Верещинскій, характеризовалъ малорусскаго хлопа, „гордящагося украинскою свободою своею“. Вообще въ простонародѣ обнаруживались чувства, внушенные ему съ того поколѣнія, которое назвало пановъ неблагодарными, и распро-

страннымъ въ темной массѣ козаками съ одной стороны, а мужико-ватымъ, отверженными новыми „старшими“ духовенствомъ—съ другой.

Шляхта смотрѣла съ ужасомъ на глухое волненіе окружавшаго ее народа, и ждала сейма, безъ котораго никто не могъ ничего предпринять; а король послалъ для Запорожскаго Войска красныя китай-чатыя знамена, съ изображеніемъ на нихъ креста и своего имени, гласящаго о славѣ, слѣдовательно и о добѣтѣ,—знамена, родственный той хоругви новосформированныхъ гусаръ, которая была освящена имъ въ Ченстоховѣ. На Днѣпрѣ и въ Данцигѣ строились чайки и другія суда для морскаго похода. Изъ Варшавы ожидались изготовленные королемъ корабельные реквизиты. Всѣ козаковатые люди обзавелись оружиемъ, въ ожиданіи стотысячнаго „затяганья на войну“. И старымъ, и новымъ затяжкамъ, и безчисленному множеству затяжцевъ будущихъ—грезилось, что зависимое положеніе козаковавшихъ такъ или иначе людей никогда уже не возвратится, какъ изъ Варшавы пришло извѣстіе, что сеймъ не согласился на войну, повелѣлъ распустить, подъ страшными угрозами, всѣхъ вообще затяжцевъ, какъ бы они ни назывались, и строжайше воспретилъ козакамъ идти на море.

Невозможно изобразить, какое впечатлѣніе сдѣлало это извѣстіе на окозаченную чернь, и на тѣхъ, кого она звала заурядъ Ляхами. Но легко представить, съ какою злостью принялось повелѣвающее сословіе за расчеты съ подчиненными ему людьми, въ томъ числѣ и съ прямymi козаками, о которыхъ въ послѣдствіи не напрасно Хмельницкій писалъ, въ исчислѣніи козацкихъ обидъ, что имъ вырывали бороды.

Постановленіе 1646 года было первымъ сигналомъ къ бунту, славу котораго приписываютъ нашему Хмению. Зная всѣ обстоятельства, при которыхъ и въ силу которыхъ онъ совершился, Хмѣль долженъ быть выбрать одинъ изъ двухъ жребьевъ: или сдѣлаться жертвой козацкой ярости, какъ Грицко Чорный и Сава Кононовичъ, или прославиться, какъ тѣ, которыхъ имена гремѣли въ подмышающихъ на разбой и руину кобзарскихъ пѣсняхъ. Выборомъ его властительно управляли события, которыхъ слѣдствія опъ могъ предвидѣть лучше торжествующей шляхты. И въ Павлюково время носился уже слухъ,—что король самъ воюетъ со шляхтою; что паны держать его въ осадѣ; что король зоветъ козаковъ на выручку. Теперь Владиславъ дѣйствительно боролся съ „добрѣстными Поляками“ Оссолинскаго на жизнь и на смерть; дѣйствительно, паны облегли его тѣспо и въ Посольской Избѣ, и въ Сенаторской; дѣйствительно, звалъ онъ козаковъ на помощь, подъ ночнымъ покровомъ, въ качествѣ заговорщика. Какъ пер-

вый кличъ Косинскаго къ *Татарамъ* получилъ наконецъ свою фатальную реальность; какъ первое возваніе Тараса Федоровича за *впру* сдѣлалось въ послѣдствіи кровавымъ девизомъ Хмельницкаго; такъ и призывъ къ свободѣ со стороны государя, обращенный къ единственнымъ подданнымъ, готовымъ за него идти въ огонь и въ воду, сдѣлался теперь всепобѣждающимъ двигателемъ бунта. „Скованныхъ рабовъ можно утѣшать безопасно“ (говорить объ этомъ моментѣ съ об разцовыемъ для пасъ беспристрастiemъ современный намъ польскій историкъ), „можетъ увеличивать постепенно угнетеніе до послѣдняго обезсиленія, но снять оковы и желать наложить ихъ сызнова, этого безъ кровопролитія сдѣлать невозможно“.

Сообразивъ такую невозможность, Хмельницкій началъ дѣйствовать въ пользу бунта; но какъ, съ чего и когда именно началъ, никакія точныя свидѣтельства намъ этого не открыли.

Лично ли ему принадлежалъ починъ договора съ Татарами, или онъ воспользовался работой другихъ, за которую слѣдилъ, можетъ быть, въ качествѣ шпиона покойнаго своего пана, точныхъ извѣстий объ этомъ также не сохранилось. Но если законодательная шляхта давала ему чувствовать свое кулачное право когда-либо, такъ это было теперь. Среди приближенныхъ къ коронному гетману войсковой писарь значилъ много и зналъ, изъ-за чего ему служить; но у гетманскаго паслѣдника, официアルно чуждаго Запорожскому Войску, онъ былъ, естественно, человѣкъ лишній; а то, что пріобрѣлъ по благосклонности къ нему великаго колонизатора малорусскихъ пустынь, теперь возбуждало зависть у старостильскихъ намѣстниковъ, такъ называемыхъ подстаростіевъ короннаго хорунжаго, Александра Конецпольскаго, и вообще дворянъ молодаго магната.

Хуторъ Сѣботовъ, съ его слободами, населенными смѣло надъ рѣкой Тясминомъ, въ одной милѣ отъ Чигирина, въ виду татарскихъ кочевьевъ, показался чигиринскому подстаростю, Данилу Чаплинскому, имѣніемъ завиднымъ по его пасѣкамъ, пастбищамъ, рыбнымъ входамъ, составлявшимъ главныя статьи полуномаднаго козацкаго хозяйства, и даже по земледѣлію, которое процвѣтало тогда въ Козацкой Українѣ только „подъ защитою воткнутой на межѣ сабли“, подъ защитой не только отъ Татаръ, но и отъ соперниковъ-осадчикъ.

Съ другой стороны, надобно помнить, что подстаростіемъ чигиринскимъ былъ, въ свое время, отецъ Богдана Хмельницкаго, Михайло, и что сыну тяжело было видѣть насиженное отцомъ теплое мѣсто во власти какого-то заволоки Ляха. Но, при другихъ обстоятельствахъ, Богданъ Хмельницкій могъ бы провести вѣкъ свой мирно, го-

ная на украинскія и заграничныя ярмарки рогатый скотъ и лошадей, кочуя въ пасъкахъ, попивая съ пріятелями въ свободное отъ сторо- жевой службы время и ходя въ погоню за Татарами на своеемъ лю- бимомъ сѣромъ конѣ, какъ проводили свой вѣкъ многие хозяйствивые и козакующіе шляхтичи. Этому помѣшало торжество законодательной щляхты надъ королемъ отразившееся яростно и на орудіи королев- ской власти, на козакахъ, во главѣ которыхъ стоялъ нашъ Хмѣль.

По смерти короннаго великаго гетмана, сынъ его, коронный хо- рунжій, будучи озабоченъ содержаніемъ въ порядкѣ громаднаго на- слѣдства послѣ знаменитаго малорусскаго и червонорусскаго хозяина, долженъ былъ свои старостинскія права передавать подстаростіямъ, то есть управителямъ королевщины, а тѣ не находили ничего выгод- нѣе и покойнѣе, какъ отдавать свою „державу“ въ аренду жидамъ. Уже и самъ по себѣ жидъ, хлопотливый и беспощадный экономистъ, въ роли арендатора, былъ ненавистенъ козаку, какъ онъ бывалъ пе- навистенъ и заслуженному жолнеру. Но жиды, на свою бѣду, всегда были готовы къ услугамъ сильнаго, тамъ, гдѣ онъ притѣснялъ сла- баго. Такъ случилось и въ Чигиринѣ.

По разсказу современнаго Хмельницчинѣ жида, Натана Ганно- вера, въ этомъ старостинскомъ городѣ держалъ аренду жидъ Захарія Сабиленскій, который, такъ же, какъ и другие заинтересованные въ прижимкѣ козаковъ, вооружалъ хорунжаго Конецпольскаго противъ Хмельницкаго,—хотя здѣсь тотчасъ надобно замѣтить, что арендатору подстаростія не приходилось имѣть подобныхъ сообщеній съ широко- владѣтельнымъ магнатомъ, и что скорѣе могъ выслушивать его изрѣ- ты развѣ подстаростій. Какъ бы оно ни было, только Ганноверъ по- вѣствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ *) такъ:

Однажды хорунжій спросилъ жида Захарія наивнымъ тономъ: „Вѣдь ты владѣлецъ города: скажи-ка мнѣ, кто именно богачи въ немъ?“ Намѣреніе же его было навести на нихъ напраслину, дабы такимъ образомъ вымогать у нихъ побольше денегъ. Захарія называлъ ему богачей, упомянувъ, между прочимъ, и о чрезвычайномъ богат- ствѣ Хмеля. Услышавъ о немъ, хорунжій сказалъ: „Вѣдь отецъ мой завѣщалъ мнѣ обѣ этомъ зловредномъ человѣкѣ (слухъ позднѣйшій)... да и въ самомъ дѣлѣ откуда у него взялось такое чрезмѣрное богат-

*) Они напечатаны порусски вторымъ изданіемъ въ Лейпцигѣ, въ 1883 году, докторомъ Мандельбертомъ, подъ заглавиемъ: „Богданъ Хмельницкій, Раз- сказъ Еврея современника, Очевидца событий въ Малороссіи за 1648—1653 годы“..

ство? Безъ сомнѣнія, онъ ограбилъ моихъ же подданныхъ, живущихъ въ моихъ же помѣстьяхъ, слѣдовательно все принадлежитъ мнѣ”.

Конецпольскій (продолжаетъ свою полуказку Ганноверъ) на- сильно отнялъ у Хмеля одинъ хуторъ со всѣмъ скотомъ, до пѣсколькихъ сотъ штукъ, чтѣ составляло около половины его имущества.

Далѣе Ганноверъ разсказываетъ, выдавая все слышанное имъ за несомнѣнное,—что Хмельницкій, въ отместку Конецпольскому, подговорилъ Татаръ вторгнуться въ его добра, а потомъ проговорился объ этомъ на попойкѣ съ козаками, и что за это, по доносу жида арендатора, панъ хорунжій бросиль Хмеля скованнаго въ тюрьму, намѣреваясь казнить его смертью, однакожъ освободилъ его, по увѣренію друзей узника въ его невинности.

Для исторіи Хмельнитчины, свирѣпствовавшей, между прочимъ, и надъ юдіями, во всемъ этомъ важна только характеристика юдо-арендаторской дѣятельности въ Малороссії, представленная юдомъ-мемуаристомъ.

Завистъ къ чужому куску хлѣба, свойственная самимъ козакамъ не меныше шляхты, сдѣлалась, въ этой громадной катастрофѣ, причиной гибели какъ взаимныхъ завистниковъ, такъ и юдовъ, которые сообщали широкое движение сельскохозяйственной промышленности, не разбирая средствъ къ наживѣ, и какъ это было въ Чигиринѣ, помогали шляхтѣ притѣснять козаковъ. Но къ зависти, обычной спутницѣ и козацкаго, и шляхетскаго хозяйства, присоединился еще и другой предметъ жаднаго соисканія въ малолюдномъ и опасномъ краѣ—женщина.

Хмельницкій былъ вдовецъ и имѣлъ уже взрослыхъ дѣтей; но попавшая какими-то судьбами въ козацкую Украину очаровательница степныхъ сердецъ, Полька, предпочла его своему коханку, пану подстаростію, Чаплинскому. Поднявъ обычную въ самоуправной странѣ войну за свою Елену, шляхетскій Менелай вторгнулся въ козацкую Трою, Суботовъ, и вмѣстѣ съ похищеніемъ измѣнницы, похитилъ всю хозяйственную движимость Хмельницкаго. Жаловаться на подстаростія войсковой писарь могъ только пану старостѣ да верховнику козачества, коронному великому гетману. Суды градскій, земскій и трибуналъ существовали исключительно для шляхты. Но панъ староста былъ потаковникъ своего намѣстника, а намѣстникъ его разставилъ по дорогѣ къ резиденціи коронного гетмана засады на Хмельницкаго, если тому правда, что потомъ писаль Хмельницкій въ „Реестрѣ козацкихъ Кривдъ“. Оставалось искать управы только у короля, и Хмельницкій, въ сопровожденіи десятка козаковъ, отправился въ Варшаву. Это могло

случиться не раньше конца ноября 1647 года, потому что Хмельницкий участвовал въ ноябрьскомъ походѣ на Татаръ, о чмѣтѣ упоминаетъ онъ въ томъ же „Реестрѣ“, а въ декабрѣ онъ былъ уже за Порогами. Какъ ни сильно терзала козака досада за наѣздъ на хуторъ и за похищеніе любовницы, но для Хмельницкаго всего важнѣе было новое свиданіе съ королемъ. Скора съ Чаплинскимъ, очевидно, послужила ему только предлогомъ для поѣздки въ Варшаву.

Онъ появился передъ королемъ въ то время, когда король, основываясь на сеймовомъ постановленіи обѣ удержаніи на службѣ квартяного войска, готовился къ новому способу войны съ Турцией. Парижскій разсказъ Линажа со словъ Радзѣвскаго о томъ, что Владиславъ утаилъ отъ Оссолинскаго сдѣланныя козакамъ обѣщанія, и что эту тайну Оссолинскій узналъ только теперь отъ Хмельницкаго,ничѣмъ не подтверждается. Оссолинскому надобно было играть роль незнающаго королевскихъ обѣщаній. Владиславъ принималъ нашего Хмеля секретно у себя въ комнатѣ, и никто не зналъ, о чмѣтѣ они бесѣдовали, но послѣ секретной бесѣды, король велѣлъ написать Александру Конецпольскому увѣщаніе, по всей вѣроятности, только для прикрытия болѣе важнаго дѣла. Въ этомъ увѣщаніи пѣть рѣчи ни о Чаплинскомъ, ни о возвращеніи Хмельницкому хутора, (Владиславъ долженъ былъ обойтись кротко съ украинскимъ магнатомъ), а говорится вообще о притѣсненіи козаковъ старостинскими намѣстниками. Разсказъ о драматической жалобѣ королю на Чаплинскаго, очевидно, былъ распространенъ вездѣ сперва самимъ Хмельницкимъ, а потомъ сдѣлался достояніемъ стоустой моловы да тѣхъ историковъ, которыхъ можно назвать „убогими собирателями чужихъ сужденій и вѣстей“. Слышая мистификацію самого Хмеля и тѣхъ, кому онъ замыливалъ глаза, современники вѣрили, что король произнесъ приводимыя Грондскими слова: „Ты воинъ, и если у Чаплинского есть пріятели, то можешь и ты ихъ имѣть“, или, какъ пересочинили эти слова наши историки: „Пора бы, кажется, всѣмъ вамъ вспомнить, что вы воины; у васъ есть сабли: кто вамъ запрещаетъ постоять за себя“?) Но странно предполагать, чтобы заговорщикъ-король впутывалъ заговорщика-козака въ хуторскую драку, имѣя въ виду господство надъ Востокомъ. Еслибы Владиславъ и былъ такъ простъ, какъ историки Хмельницкіи, то войсковой писарь надоумилъ бы его не хуже канцлера.

Убогіе собиратели чужихъ сужденій и вѣстей, повторяя болтуна

*) Костомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, т. I, стр. 242.

Гроцкаго и нашихъ сплетниковъ-лѣтописцевъ, сочинили цѣлую повѣсть о романѣ Хмельницкаго, о его тяжбѣ съ Чаплинскимъ въ мѣстныхъ судахъ, о его пребываніи въ Варшавѣ во время майскаго сейма, о возвратномъ путешествіи новаго Вильгельма Теля и соглашеніи къ возстанію представителей русскаго элемента въ Польскомъ государствѣ. *) Всѣ эти извѣстія, выдуманныя пріятелями и врагами его a posteriori, не соотвѣтствуютъ ни времени, ни положенію дѣлъ въ Рѣчи Посполитой, ни положенію самого Хмельницкаго. Смѣшно воображать, чтобы у будущаго Герострата панской республики было тогда на умѣ козакотатарское безпрепятственное шествіе съ мечемъ, пожогомъ и плѣненiemъ отъ Корсуня до Львова и Замостья. Даже геніальныx бунтовщиковъ, каковъ былъ, напримѣръ, современникъ Хмельницкаго, Кромвель, только непредвидимыя случайности приводили къ ихъ широкимъ планамъ. А Хмельницкій самъ говорилъ посламъ Яна Казимира, что, будучи человѣкомъ ничтожнымъ (*lichym*), сдѣлалъ то, о чёмъ и не думалъ. Съ чѣмъ отпустилъ его Владиславъ, не извѣстно, какъ и все, что дѣлали тайкомъ заговорщики противъ панской республики, послѣ майскаго сейма. Но, такъ какъ и самъ Хмельницкій, во время своего успѣха, ничего не высказывалъ о послѣднихъ своихъ сдѣлкахъ съ королемъ и канцлеромъ, кроме выдумки, что король „велѣлъ козакамъ добывать свободы саблею“, то видно, что его третировали не иначе, какъ слѣпое орудіе тайного замысла, какъ палку въ рукѣ человѣка, по іезуитскому правилу. Отъ этого предположенія легче перейти логически къ бѣгству Хмельницкаго за Пороги и дѣятельному соглашенію съ Татарами, чѣмъ отъ королевской интимности съ козакомъ. Хмельницкій, очевидно, сондировалъ почву, на которой поставили его прежде, и, видя, что она колеблется, рѣшилъ выборъ между королемъ и ханомъ, чисто покозацки.

Во время таинственнаго пребыванія Оссолинскаго въ Українѣ, король дѣлалъ военные приготовленія, но, умудренный опытомъ, покрывалъ ихъ большую, чѣмъ прежде, тайною. Въ это время умеръ единственный сынъ его, ради котораго не смѣлъ онъ сдѣлаться героемъ и преобразователемъ Польши. Смерть малолѣтняго королевича Карла освободила его отъ малодушнаго взѣшиванья великихъ дѣлъ рго и сопѣга на вѣсахъ домашней приваты, общей всѣмъ его приверженцамъ и противникамъ въ Польшѣ. Онъ горько сожалѣлъ теперь, что распустилъ войско, и выразилъ свое сожалѣніе, какъ говорять, такими сло-

*) Костомаровъ, тамъ же, стр. 238—251.

вами: „Такъ какъ Богу было угодно взять моего сына къ себѣ, то я желалъ бы, чтобы Онъ взялъ его передъ сеймомъ: не перемѣнилъ бы я никогда моего намѣренія“.

Владиславъ не могъ уже дѣлать новыхъ вербовокъ, и потому старался обезпечить себѣ, на случай войны, помошью Франціи и Швеціи, отказываясь за это отъ всякаго участія въ готовившемся тогда Вестфальскомъ мирѣ. Въ это время Венеція начала сухопутную войну въ Далмаціи, разсчитывая на возстаніе въ Босніи. Въ Польшу прибылъ посолъ отъ императора марокскаго и, какъ гласила молва, посланецъ константинопольскаго патріарха, заохочивая къ Турецкой войнѣ.

Въ ноябрѣ 1647 года явился къ королю, подъ величимъ секретомъ, посолъ, облеченный полномочіемъ болѣпѣй части Гречіи, съ предложеніемъ ему болгарской короны и съ ручательствомъ, что вся Болгарія взбунтуется и выставитъ 40.000 вооруженнаго народа, лишь бы только король принялъ Болгаръ въ подданство и выслалъ своего намѣстника, въ качествѣ предводителя возстанія. Этотъ посолъ, старики съ болыпою бородою, посыпалъ короля тайно, подъ видомъ чернокнижника, съ которымъ будто бы король совѣтовался. Только королева и „два польскіе канцлера“ были допущены къ этой тайнѣ.

Имя посла было Петръ Парцевичъ. Въ венеціянскомъ архивѣ хранится интересная реляція посольства Парцевича.

„Еще въ 1630 году“ (пишетъ онъ) „послали было Болгарами, по соглашенію съ другими порабощенными турецкими народами, своихъ посланниковъ къ польскому королю Сигизмунду III и къ императору Фердинанду II. Оба монарха приняли пословъ благосклонно и объявили свою помощь. Дальнѣйшіе договоры прервало наступленіе Густава Адольфа на Германію. Когда началъ султанъ войну съ Венеціей, между Болгарами возобновилось движение. Начальники этого народа, какъ греческаго, такъ и латинскаго обряда, видя слабость Турции, вошли въ клятвенные договоры и предложили предводительство мультианскому воеводѣ, Матвѣю Бассараѣ, обѣщаю ему восточную корону. Господарь призналъ нужнымъ отнестись объ этомъ къ королю Владиславу, котораго геройскія предзачертанія зналъ, и котораго военное счастье наполняло Туровъ страхомъ. Созвавъ потомъ начальниковъ договора, и между ними Петра Деодата, архиепископа Сардини (Св. Софіи), Франциска Марканича, губернатора Болгаріи, и другихъ, совѣтовалъ отправить посольство къ польскому королю. Выборъ палъ на Петра Парцевича, миссіонера (латинскаго), который, въ сопутствіи нѣкоего францисканца, выѣхалъ, въ началѣ 1647 года, въ Польшу.

Прибыль, по долгомъ и утомительномъ путешествіи, въ Варшаву, въ турецкой одеждѣ и подъ перемѣняемыми названіями, представили они королю просьбы Болгаръ, объявили свои инструкціи, планы и списокъ союзниковъ. Король тотчась написалъ къ гетману, чтобы держаль войско въ готовности, и къ господарю Матвѣю, именуя его главнокомандующимъ восточной арміи (*generalissimo di tutto l'Oriente*), и удостоивърся, что въ скоромъ времени поспѣшить на помощь съ другимъ войскомъ. Посланникамъ наказалъ онъ, чтобы, оставивъ поѣздку въ Венецію, возвращались въ Болгарію и успокоили народъ. Подариль имъ свой портретъ, говоря: „Я у васъ кажущійся и малеванный, пока приду живой и дѣйствительный (*Habeatis me fictum et pictum, quodusque venero vivus et verus*)“, и далъ имъ красное знамя, съ крестомъ на одной сторонѣ и съ надписью: „Яви славу твою (*Vindica gloriam tuam*)“ на другой. Вручилъ имъ и перстень, въ знакъ обрученія своего съ Востокомъ, и священническую ризу, яко знакъ христіянской свободы. Королева присутствовала при прощальной аудіенціи и говорила королю такъ: „Государь, доверши отважно начатое дѣло, а если у тебя не хватить денегъ, я сниму мои серги, отдамъ мои браслеты, лишь бы дѣло не остановилось“. Когда послы возвратились съ отвѣтомъ и королевскимъ подаркомъ, старый господарь по-молодѣлъ отъ радости, увидѣвъ представителей союза, а они съ восторгомъ показывали ему, какъ легко можно завоевать Востокъ и съ какой стороны можно имѣть наибольшую помощь. Съ того времени католики и православные жили въ наилучшемъ согласіи, исполненные надеждъ, а Турки присмирѣли и говорили громко, что, когда придутъ Поляки, то они вернутся къ вѣрѣ своихъ предковъ и сдѣлаются католиками, такъ какъ царство Магометово уже кончилось“.

Когда все это дѣлалось въ Варшавѣ, на Украинѣ произошло событіе, которое такъ соотвѣтствовало королевскимъ планамъ, какъ будто Оссолинскій имѣлъ тамъ дѣло не съ одними православниками да козаками, а подготовилъ къ содѣйствію королю и главныхъ представителей малорусской колонизаціи. Коронный хорунжій, Александръ Конецпольскій, и воевода русскій, князь Іеремія Вишневецкій, двинулись одновременно, въ ноябрѣ, на Татаръ. Конецпольскій съ 4.000 войска, въ составѣ котораго былъ и Богданъ Хмельницкій *), достигъ Очакова и, въ отместку Татарамъ за набѣгъ на чигиринское староство, захватилъ 3.000 лошадей, 1.500 воловъ, 2.000 коровъ, 2.000

*) Объ этомъ упоминается въ запискѣ Хмельницкаго, известной подъ на-
званиемъ Реестра козацкихъ Кривдъ.

овецъ и 50 плѣнниковъ, а Вишневецкій, съ 26.000 своихъ ополченцевъ, двинулся къ Запорожью, а оттуда часть своего войска посыпалъ къ Переяславу.

Это были обыкновенные походы пограничныхъ магнатовъ, для обузданія татарскихъ козаковъ, которые своевольно, какъ и наши козаки, разбойничали и воровали въ соѣднemъ краѣ. Но Варшава боялась возмездія со стороны Татаръ, и успокоилась только извѣстіемъ, что въ Крыму вспыхнулъ бунтъ. Ширинские мурзы, соединенные съ Ногайцами и съ сыновьями Салмаса-мурзы, давнишняго ханскаго мятежника, вторгнулись въ Крымъ, вырѣзали 700 мурзъ, осадили хана, принудили къ уступкамъ и къ принятію визиремъ Сеферь-Казы-аги, который возбудилъ этотъ бунтъ, а теперь сдѣлался всемогущимъ министромъ хана.

Застигнутый бунтомъ Исламъ-Гирей написалъ сперва жалобу къ королю, и просилъ гетмана Потоцкаго, чтобы не допускалъ своеольныхъ походовъ со стороны пановъ; но потомъ созвалъ мурзъ на тайную раду. Рада постановила—вторгнуться весною въ Польшу. Отправили къ султану просьбу о дозвolenіи и тотчасъ начали чрезвычайныя приготовленія къ набѣгу.

До сихъ порь Исламъ-Гирей держалъ себя съ нашими козаками гордо. Они заискивали его помощи окольными путями, чрезъ пограничныхъ беевъ. Презираемые, какъ низшая твари, невѣрные наѣздники пригодились теперь ему, какъ орудія мести надъ панами.

Между тѣмъ по Украинѣ начали поситься слухи, что Хмельницкій бунтуетъ исподтишка козаковъ противъ короннаго гетмана и украинской шляхты. Слухи эти доходили и до Потоцкаго. Всего больше надо было ихъ приписывать подстаростію Чаплинскому и его пріятелямъ. Въ интересѣ каждого изъ нихъ было—погубить человѣка, ими обиженнаго, извѣстнаго королю и опаснаго своимъ значеніемъ въ Запорожскомъ Войскѣ. Весьма быть можетъ, что его обвиняли и въ призывѣ Татаръ па старство Конецпольскаго. Могли даже войти и въ соглашеніе съ жидомъ-арендаторомъ, показавшимъ, что Хмель, на підпѣтку, проболтался козакамъ въ отмщениі пану старостѣ за хуторъ посредствомъ татарскаго набѣга. Какъ бы то ни было, только дошло до того, что его схватили и едва не обезглавили. Тогда Хмельницкій рѣшился бѣжать въ пристанище обѣднѣвшихъ, промотавшихся, угрожаемыхъ преслѣдованіемъ закона и беззаконія,--за Пороги.

Разсказы о приключеніяхъ Богдана Хмельницкаго до бѣгства его за Пороги, равно какъ и кобзарскія думы о кумѣ Хмельницкаго, Барбашѣ, прятавшемъ королевскіе листы „въ глухомъ концѣ подъ во-

ротами", интересны только, какъ характеристика козацкой и шляхетской публики временъ Хмельницчны. Ограничимся фактамъ его бѣгства, въ сопровождѣніи двухъ сыновей и нѣсколькихъ пріятелей.

Изъ Запорожья началъ Хмельницкій вести переговоры съ Татарами. Но въ это время загорѣлась въ Крыму новая усобица, а султанъ между тѣмъ прислалъ хану запрещеніе вторгаться въ Польшу, и потому товарищи Хмельницкаго вернулись въ Украину, чтобы заставить къ нему большее число козаковъ. Хмельницкій же, скрываясь на островѣ Буцкомъ, правильнѣе Бутскомъ, или Бутовскомъ, иначе Товмаковскомъ *), управлялъ всѣмъ движеніемъ, которое прикрывалъ покорными жалобами своими королю, короннымъ гетманамъ и королевскому по козацкимъ дѣламъ комиссару.

Происходившія въ это время въ Запорожскомъ Войскѣ волненія напоминали начало Павлюковщины. Поводъ или предлогъ къ нимъ былъ тотъ же самый. „Скарбовые люди“ опять не заплатили за цѣллы пять лѣтъ козацкаго жолду, и козаки подозрѣвали въ утайкѣ денегъ пановъ полковниковъ. Недовѣрчивая всегда къ своей старшинѣ козацкая „чернь“ сдѣлалась теперь недовѣрчивѣе, чѣмъ когда-либо. Теперь въ Запорожскомъ Войскѣ старшиновали не избранники боеваго народа, а панскія креатуры, охранители землевладѣльческихъ интересовъ противъ козацкихъ. Еще до побѣга Хмельницкаго козаки, въ задорныхъ случаяхъ, поговаривали о повтореніи надъ ними того суда, какимъ павлюковцы покарали „войсковыхъ измѣнниковъ“. Самаго комиссара по козацкимъ дѣламъ, Шемберка, обвиняли они въ стачкѣ съ полковниками и въ утайкѣ жолду.

Но всего больше возмущала козаковъ регуляція пропинаціонныхъ доходовъ, поплинъ и чиншѣй въ тѣхъ королевскихъ имѣніяхъ, гдѣ имъ было дозволено имѣть свою осѣдлость (обійстѣ), или гдѣ они занимались чумачествомъ и шинкарствомъ. Эти доходы были главными хозяйственными статьями въ украинныхъ экономіяхъ, по опи требовали постояннаго надзора, правильнаго учета; неутомимой хлопотливости. Ни къ чему этому пограничная шляхта не была способна. Она свои винокурни (вінницї), пивоварни (бровары), „кабаки“, шинки, корчмы, мыта, промыта и чинши „пускала въ аренду“, а на свой пай оставляла хозяйство, болѣе приличное сословію господствующему: земледѣліе, скотоводство, пасѣки, бобровые „гоны“, рыбные „входы“,

*) Бутомъ называли козаки толмача, помалорусски *тovmacha*. Отсюда и островъ Товмаковскій, иначе Товмаковка.

селитряныя „бурты“ и поташныя „буды“. Арендаторами были почти вездѣ Жиды, если не Армяне, которыхъ промышленная дѣятельность, не чуждая подкупа сильныхъ и прижимки слабыхъ, мѣстному простонародью, „гордившемуся украинскою вольностью своею“, казалась по-рабощеніемъ. А когда „жидъ-рандаръ“ запрещалъ козаку выкуритъ горілки, или сварить меду и пива къ свадѣбѣ, крестьянамъ или храмово-вому празднику, козакъ называлъ это „зневаѓою“ христіянской вѣры, „паругою“ вадъ христіянскою вѣрою. Все вмѣстѣ возмущало козацкую чернь, тѣсно соединенную съ людьми посполитыми и, подъ вліяніемъ вѣчно крамольничавшихъ низовцевъ, приготавляло умы гулящаго и убогаго народа (классъ многочисленный и въ нынѣшней Малороссіи) къ новому покушенію противъ господства такъ называемыхъ „пановъ Ляховъ“.

Король былъ сильно встревоженъ бѣгствомъ Хмельницкаго, у которого, какъ у войскового писаря, хранились такъ называемые въ кобзарскихъ думахъ королевские листы. Онъ тотчасъ поручилъ канцлеру выслать комиссию для изслѣдованія терпимыхъ козаками притѣсненій, и велѣлъ выплатить козакамъ за пять лѣтъ жолдъ. Получивъ же извѣстіе, что ханъ готовится къ войнѣ и послалъ къ султану за эмиромъ, велѣлъ, какъ уже сказано, коронному гетману быть на-готовѣ. Къ сенаторамъ и панамъ написалъ онъ, чтобы всѣ вышли съ доиннимъ войскомъ своимъ въ поле и расположились на Черномъ Шляху между Бѣлою Церковью и Винницею, а московскихъ воеводъ велѣлъ просить, чтобы спѣшили съ помощью согласно договору. Этимъ способомъ долженствовалъ начаться первый актъ Турецкой войны.

Въ самомъ дѣлѣ, отряды Орды Ногайской, Очаковской и Крымской приближались къ польскимъ границамъ. Но, слыша о великомъ войскѣ, стоящемъ между Брацлавомъ и Винницею, немедленно вернулись въ свои юрты; а гетманъ и сенаторы, узнавъ отъ волопскаго господаря, что султанъ отказалъ хану въ эмирахъ, и что Татары ни въ какомъ случаѣ не двинутся изъ Крыма, пока не наростеть трава, распустили 30.000 войска, и этимъ способомъ опять отсрочили королевские замыслы до весны. Дѣятелями этой отсрочкѣ, оказавшейся гибелью, по исчислению Адама Киселя къ путинському воеводѣ, кроме Николая Потоцкаго, были: краковскій воевода Любомирскій, сендор-мирскій воевода, князь на Острогѣ Заславскій, кievскій воевода Тишковичъ, русскій, — Вишневецкій, черниговскій — Калиновскій, староста калужскій Замойскій, староста львовскій Сѣнявскій, князь Корецкій, паны Немиричи и другіе украинскіе землевладѣльцы. Перечисливъ, сколько кто изъ нихъ привелъ войска, комиссаръ пограничныхъ съ

Москою дѣль, Адамъ Свѣнтолъдовичъ Кисѣль, писаль съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ: „Яко изчезаетъ дымъ, тако, Божою милостью, изчезли врази паші: съ полей Чернаго Шлаху въ Крымъ повратили“. Онъ увѣдомлялъ путівльскаго воеводу, князя Юрія Долгорукаго, что „Венеты и Малтии“ побѣдили многолюдное турецкое войско, и потому отъ султана пришли къ хану „немѣры жестокіе, сирѣчъ заказы“, чтобы онъ не вторглся ни въ Польшу, ни въ Московское Царство. Это было написано въ февралѣ 1648 года. Имя Хмельницкаго еще не произносилось, но Кисѣль увѣдомлялъ пограничного воеводу, что „войско квартянное здѣ въ Україну притягнуло и положенное есть въ черкасскихъ козацкихъ мѣстахъ (городахъ), потому что козаки черкасси одного пулковника своего чигиринскаго зрадили“.

Лѣтомъ 1647 года Адамъ Кисѣль їздилъ въ Москву въ качествѣ королевскаго посла для заключенія съ царемъ договора противъ Татаръ, но, заставъ царскихъ сановниковъ уже въ мирныхъ переговорахъ съ Ордою, могъ постановить съ ними только такія условій: 1) Оба монарха не будутъ задѣвать Татаръ, и будутъ поступать съ ними по старому. 2) Еслибы Татары вторгнулись въ Польшу, или въ Московское Царство, тогда оба монарха будутъ заодно, то-есть будутъ помогать одинъ другому, и увѣдомлять объ этомъ договорѣ хана. 3) Но еслибы ханъ объявилъ Польшѣ, или Москвѣ, войну, въ такомъ случаѣ монархи обдумаютъ, что будетъ наилучшимъ, и король созветъ сеймъ.

Съ этого времени начались у Киселя пріятельскія съ царскими людьми отношенія, которыми онъ пользовался и въ качествѣ комиссара пограничныхъ съ Москвою дѣлъ. Когда на Польшу поднималась изъ Запорожья непредвидимо грозная бура, у Киселя шла съ царскими боярами дѣятельная переписка самаго мирнаго свойства. Польша мѣстилась хохайничать на русской землѣ, отторгнутой у царя въ 1633—1634 году, съ помощью козаковъ. Кисѣль, не довольствуясь королевскими пожалованіями въ Черниговщинѣ, выпросилъ у царя позроление—въ трехъ мѣстахъ Трубчевскаго уѣзда и въ двухъ Недригайловскаго жечь золу для выдѣлки поташа, или, какъ онъ писалъ, *чимальчиуги*, „и на это дѣло рубить лѣсъ въ черныхъ дикихъ мѣстахъ опричъ бортнаго дерева“, въ теченіе пяти лѣтъ. Съ обѣихъ сторонъ старались опредѣлить спорныя земли по границѣ между двухъ государствъ и разобрать „обидный дѣлъ“ на польскую и на московскую сторону“.

Московскія власти при этомъ „всѣхъ, до ково што по сыску и по уликамъ воровство дойдетъ, велѣли пытать по тому же, что съ обѣ стороны людемъ, кто въ каковѣ дѣлѣ отъ ково изображенъ, управа въ правду учинить, а воромъ, смотря по винамъ, наказанье бесъ понан-

ровки дать, чтобъ, на то смотря, инымъ не повадно было воровать". Напротивъ, суды „съ литовской стороны“, по именамъ: Райскій, Конопляный, Бѣла, Бурый, люди русскіе, сперва отказывали въ судѣ своихъ преступниковъ, говоря, что „шляхта ихъ сама своихъ крестьянъ судить“; потомъ требовали, чтобы крестьянина, обвиненнаго въ убийствѣ „за литовскимъ рубежемъ“, „казнить смертною казнью безъ сыску“; а когда имъ было доказано, по свидѣтельству духовника умершаго литовца, что обвиняемый крестьянина за литовскимъ рубежемъ покойнаго „не убивывалъ“, то панъ судья Райскій съ товарищи „и съ суда усердясь пошли“, объявивъ, что „впередъ на рубежъ для росправы никакихъ дѣлъ не будутъ“.

Польскіе Русичи, намѣченные уже силою жизни къ возсоединенію съ Русичами московскими, въ порубежныхъ сдѣлкахъ сосѣднихъ государствъ, при одной и той же вѣрѣ, смотрѣли чужеземцами. (Въ этомъ—начало будущихъ смутъ по присоединеніи Малороссіи).

Московскіе пограничные воеводы усердно досматривали, чтобы королевскіе люди, ни въ какомъ дѣлѣ, къ воеводамъ и ни къ кому иному не дерзали писать „непристойно“, и чтобы въ титулахъ обоихъ сосѣднихъ государей не было „ни прибавки, ни уменьня“... „а есть ли хто въ пропискѣ титулъ объявится“, то чтобы „всякъ таковъ“ былъ судимъ „и казненъ по винѣ своей, яко явный нарушитель миру“. Ревностнымъ защитникамъ правъ своего царя, отвоеванныхъ у Сигизмунда и Владислава съ такими утратами и жертвами, было „въ великое подивленье, какими обычая князь Еремѣй Вишневецкой, воевода русской, и канцлеръ корунный, Юрий Осолинской, и хорунжей корунный, и иные старосты и державцы въ листѣхъ своихъ писали, мимо вѣчного докончанья, неостерегательно, а по вѣчному докончанью королевскому величеству царемъ и великимъ княземъ и многихъ государствъ государемъ и обладателемъ не отписыватися и не именоватися... „А люди они“ (внушили царскіе бояре, какъ недорослямъ), „князь Еремѣй и канцлеръ, думные и сенаторы большие, и имъ бы обоихъ великихъ государей честь пригоже оберегать, больши иныхъ простыхъ людей; а на канцлера то дѣло наипаче и иныхъ людей надлежитъ, что государская честь остерегать“.

Точно какъ будто знали царскіе люди про отзывъ Оссолинского передъ папой о Москалахъ, которые де однимъ именемъ христіяне, а дѣломъ хуже послѣднихъ варваровъ. Теперь, наканунѣ крушенія польской силы и славы, московскій бояринъ Алексѣй Трубецкой въ простиордечной преданности интересамъ отечества, требовалъ, „чтобы королевское величество, по вѣчному докончанью, велѣль нарушителей

докончанья казнити... чтобы отъ того межъ обоими великими государи нашими нелюбя и ссоры не было“.

Это достопамятное по своимъ повтореніямъ внушеніе было писано 15 марта, а черезъ два дня Адамъ Кисѣль сообщилъ московскимъ пограничнымъ воеводамъ первую вѣсть о человѣкѣ, изъ кото-раго польско-руссская жизнь создала карателя шляхты за ея многовѣковая злоупотребленія личною свободой. Въ качествѣ руководителя пограничныхъ разбирательствъ съ польской стороны, писалъ онъ къ путивльскому воеводѣ, который жаловался, что „буды отмежованное не уступаютъ, пасѣкъ пщельныхъ польские чиновники не зносять“ съ царской земли, „и поселили хаты за рубежемъ“, а тѣ съ своей стороны жаловались, „будто его царского величества воеводы съ Ахтыра, Олжанаго и Бобрика у хрестянъ Гадяцкое волости вземше поклоны одѣ пасѣкъ, ихъ потомъ пасѣки многіе насильствомъ забрали и колко тысячей пщелы побили, и самихъ хрестянъ многихъ порѣзали и порубили“. Кисѣль не вѣрилъ такимъ „зачепкамъ“ въ противность „вѣчному докончанью“, говорилъ о братской любви обоихъ пресвѣтлыхъ государей и о дружелюбномъ соединеніи обоихъ великихъ государствъ, и только въ концѣ письма упомянулъ о событии, которое занимало его больше всѣхъ пограничныхъ ссоръ и дракъ:

„Еще же о томъ тебѣ вѣсть даю, и ты къ его царскому величеству писать будешь, что никакая часть, тысяча, или мало того большъ своееволниковъ козаковъ черкасцовъ избѣгли на Запорожье; а старшимъ у нихъ простый холопъ, нарицаеться Хмельницкій; и думаютъ донскихъ козаковъ подбити на море... аще ли же зѣбѣжть (Хмельницкій) зъ Запорожа на Донъ, и тамъ бы его не прїмати, не щадити, ни на море пустити“.

Дѣятельный охранитель Рѣчи Посполитой Польской на другой день писалъ къ воеводѣ сѣвскому, Замятнѣ Леонтьеву, благодарилъ заувѣдомленіе о Калмыцкой Ордѣ и прибавилъ: „Только того не разумѣю, што тая Орда въ Крыму дѣлами маєтъ: чи сами зъ собою междуусобную брань учнутъ, или обоимъ великимъ господарствомъ пресвѣтлыхъ господарей нашихъ, совокупившися, вражду думаютъ.—На сей сторонѣ Днѣпра одѣ Очакова“ (увѣдомляль онъ, въ свою очередь) „Орды нѣтъ, только двѣ албо три тысячи: вся на Крымской сторонѣ“, и опять занялся пасѣками да будами, не предвидя, что скоро все польское хозяйство на русской почвѣ пойдетъ прахомъ.

Всѣдѣ за тѣмъ Кисѣль увѣдомилъ путивльского воеводу, Никифора Плещеева, что ханъ ласкается, черезъ своего посла, къ гетману Потоцкому, къ князю Вишневецкому, что тотъ посолъ теперь въ

Прилукѣ, „и до многихъ изъ насъ (ласкается), со всѣми нами бра-таючися и дружество хотѧ имѣти“; но твердилъ Москалю поучитель-но, что татарское дружество съ однимъ государствомъ есть вражда противъ другаго. Прошли уже (писалъ онъ) времена татарскихъ опу-стощеній то того, то другаго изъ нихъ. Теперь, если Татары хотять быть съ нами въ дружбѣ, пускай будутъ въ дружбѣ и съ Московскимъ Государствомъ. Заключилъ же свое посланіе словами: „Уже бо ихъ приближается кончина, родовъ же христіянскихъ Божіс милостю воз-несеніе: Венетовъ и Малтанъ вознесль Господъ“.

Черезъ три дня „каштелянъ“ енералъ кіевскій, житомирскій, овруч-скій, староста носовскій“, какъ величали Киселя царскіе сановники, торопилъ бояръ князя Алексія Трубецкого, Григорія Пушкина и дум-наго лѣяка Григорія Чистого къ скорымъ отвѣтамъ на его письма вос-клициая: „Толикое время само вопіеть, какое бысть умедленіе! Впредь же сице да не будетъ между нами: дружбѣ убо и любвѣ пріятельской есть противно“. По словамъ Киселя, ему, теперь уже брацлавскому воеводѣ, вмѣстѣ съ яновельможнымъ паномъ Кракдовскимъ (Николаемъ Потоцкимъ), было поручено разузнать, по какой причинѣ вѣкоторые казаки ушли на Запорожье, и „какъ будуть Крымцы думати, промыш-ляти обо всемъ“.

Тутъ же кстати („еда къ тому пришло“) увѣрялъ Кисель царскихъ сановниковъ, что онъ жадничаетъ не будь, а славы московскаго царя: „Мнѣ не будь жадно, но добродѣтели его царскаго величества: слава убо есть и будетъ въ томъ его пресвѣтлого величества, что надарилъ меня, его королевскаго величества великаго посла; честь же моя, што на мнѣ просіаетъ, величества есть добродѣтель“.

Неизвѣстно, что думали себѣ въ бороду царскіе сановники объ умѣньѣ Адама Свѣнтолъдича лѣстить и выпрашивать, которое въ Поль-ши преподавалось, какъ наука жизни.

Бура между тѣмъ незримо приближалась. Лобызаясь письменно съ московскими пріятелями своими по случаю „всеславнаго воскресенія Господа нашего, Іисуса Христа“, Кисель былъ преисполненъ радост-ныхъ упованій, и изъ „своего города Кобызчи“, близкаго къ Кіеву, отѣхалъ въ „дальній свой городъ Гощу, за Кіевъ миль тридцать“; если же „Орда что задумаетъ“, памѣревался слова прибыть въ Украи-ну, и беззаботно писалъ о Хмельницкомъ, не предчувствуя, что онъ превратитъ въ прахъ и пепель близкіе и дальние панскіе города вмѣ-стѣ съ королевскими.

„Своевольного черкасца Войско Запорожское само поднялося на Запорожу пойматъ, и крестъ на томъ цѣловали. Войско же наше ко-

ронное, скоро трава начнется, на Шляху Черномъ-лѣсу положено будетъ, и самъ ясневельможный панъ Краковскій и съ нимъ панъ воевода черниговскій, полныи гетманъ, будетъ, дондеже объявится, что Орда думаетъ: аще убо и братается ганъ, посылающи къ намъ вѣры не даемъ. Аще бы зъ Запорожа збѣжалъ Хмельницкій, козакъ своеволныи, на Донъ и хотѣль подвизати донцовъ на море,—по соузѣ обоихъ великихъ господарей нашихъ, надобно зимать его какъ здрайцовъ обоихъ великихъ господарствъ“.

Въ заключеніе, Кисѣль просилъ пріятелей своихъ передать латинскую грамотку парскому доктору, который обѣщалъ сдѣлать ему водку противъ его „скорби и болѣзни, подакгры“.

Эта болѣзнь была весьма распространена между польскими панами, и потому имѣть значеніе историческое. Привычка къ пьяной жизни развилась у нихъ въ ужасающей степени еще въ царствованіе Сигизмунда III. Владиславъ IV, какъ мы видѣли, страдалъ подагрой даже во время вторичнаго брака. Новый фельдмаршаль его, Николай Потоцкій, былъ также подагрикъ. На подагру жаловался въ своемъ безцѣнномъ дневникѣ и литовскій канцлеръ, Альбрехтъ Радивиль. Если бы шаловливая богиня Венерабросила яблоко въ собраніе Избы Земской, или Сенаторской, непремѣнно попала бы въ подагрика. „Старое венгерское“ составляло въ Польшѣ столь важный предметъ государственныхъ попеченій, что на послѣднемъ свободномъ сеймѣ, лишь только панскій ареопагъ проглотилъ безъ зазрѣнія совѣсти вопросъ о полутора миллионахъ, которые Рѣчъ Посполитая „задолжала жолнеру“, тотчасъ его занялъ жизненный польскій вопросъ „o skladzie wina węgierskiego“. Венгерское вино было, можно сказать, національною честью и славою истинно-панскаго дома. По извѣстной пословицѣ, оно въ Венгрии только рождалось, а воспитывалось и старилось въ Польшѣ (*Hungariae natum, Poloniae educatum*). Здѣсь его склады дѣлались ежегодно, съ разсчетомъ пировать, пока Польша будетъ стоять на своемъ вѣчномъ основаніи, на милой шляхетскому сердцу и уму неурядицѣ. Въ самомъ дѣлѣ, даже во времена послѣдняго окончательнаго паденія панской республики, поэтъ Мальчевскій написалъ о Полякахъ прекрасными стихами то, что они дѣлали паканунѣ Хмельницини:

Tloch pański jak sérce zdawał się otwarty,
A stary węgrzyn płodził nie bez duszy żarty *).

*.) И панский погрѣбъ, какъ сердце, казался открытымъ, а старое венгерское рождало не безъ души шутки.

Царскіе вѣстовщики были пронырливѣе панскихъ. Въ Бакчисараѣ вывѣдали они отъ „полонянинѣ“ о козацкой стачкѣ съ Татарами и донесли своему государю, а изъ Москвы бояре Трубецкой, Пушкинъ и думный дьякъ Чистаго, отъ 10 апрѣля, сообщили Адаму Киселю слѣдующее:

„Марта де въ 5 день прїехали въ Крымъ къ царю зъ Даѣпра запорожскихъ Черкасъ четыре человѣга, а прислали де ихъ Черкасы крымскому царю бить чelомъ, чтобы онъ, крымской царь, принялъ ихъ въ холопство; а они де стоять на Даѣпрѣ, а въ зборѣ ихъ пять тысячъ; и просили у крымскаго царя людей, чтобы имъ ити на королевскаго величества Польскую Землю воиною за свою черкасскую обиду; и какъ де они королевскаго величества съ людьми управятца, и они де крымскому царю учнутъ служить вѣчнымъ холопствомъ, и всегда съ нимъ на войну будуть готовы. И крымской де царь тѣхъ Черкасъ, четырехъ человѣкъ, дарилъ каftанами и держалъ у себя въ Бакчисараехъ недѣлю, и, давъ имъ по лошади, отпустилъ ихъ назадъ; а крымскимъ людемъ и чернымъ Татарамъ приказалъ кормить лошади и готовитьца на королевскаго величества землю; а въ Перекопъ къ Тогаю, князю Ширинскому, писалъ, чтобы Нагайскіе люди на королевскаго величества землю въ войну готовилися жъ. Да и Татаровя де и Русскіе полонянини говорять не втай, что царь приказалъ Крымскимъ и Нагайскимъ людемъ войною на королевскаго величества землю готовитьца. А въ Крымѣ де голодъ болшой, и прошлого году хлѣбъ не родился, а нынѣ скотъ, овцы и коровы вымерли, и черные Татаровя войнѣ ради, и безъ войны де нынѣшняго лѣта никакимъ обычаемъ пробить имъ не умѣть“.

Въ заключеніе важнаго извѣстія, оказавшагося вполнѣ справедливымъ, царскіе сановники совѣтовали и принять мѣры къ тому, чтобы не „допустить тѣхъ Черкасъ подъ владѣніе крымскаго царя“. Въ этомъ совѣтѣ заключалась не только христіянская, по и русская мысль, хотя Москви смотрѣли, въ этомъ случаѣ, на самихъ Черкасъ изчужа, точно Малоруссы временъ Ярославовихъ—на Торковъ и Берендеевъ.

Недѣли двѣ корреспонденты двухъ соѣдниxъ державъ молчали, словно чуали съ обѣихъ сторонъ что-то грозное. Наконецъ, отъ 4 мая „рымскимъ числомъ“ польскорусскій сановникъ увѣдомилъ сановниковъ москворусскихъ (изъ своего города *Новосюлки*, здѣ за Киевомъ миль пять) о начавшейся Хмельнитчинѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Никогда холопская рука, найпаче же змѣйниковъ, невозможна есть подвизатися противъ своимъ господиномъ; и тотъ холопъ нашъ, змѣйникъ черкасский, зъ дружиною своею, въ сихъ днехъ аще не из-

бѣжитъ въ Крымъ, измѣнною головою своею запечатуешь: полемъ убо и Даѣпромъ на него пошло войско наше... Все Войско Черкасское Запорожское есть вѣрно, точио едентъ змѣйникъ Хмельницкій, простыхъ холоповъ прибравши къ себѣ, на Запороже збѣжалъ; и всѣ бозаки черкасские вѣрные, крестъ цѣловавши, пошли Даѣпромъ доставати змѣйника того".

Отъ 10 римскаго мая князь Іеремія Вишневецкій увѣдомилъ пустивльскаго воеводу, Плещеева, изъ Прилуки о слухахъ, которые приходятъ, безпрестанно повторяясь, что „непріятель Креста Христова наготовѣ собраныхъ ордъ на уроцищѣ стоять у Княжихъ Байраковъ 40.000 подлинно ихъ сказываются, а того еще не вѣдомо, въ которые стороны; чего имъ, Боже, не помоги. Если въ панство его королевскіе милости Коруны Польскіе, албо въ землю его царского величества Московскую мысль имъ есть итти, всѣ наготовѣ и за таковыми вѣстами по обѣ стороны Даѣпра съ войски корунными стоять, а я при здѣшнихъ маєтностяхъ моихъ съ людьми моими готовъ есмъ, ожидаю скорые вѣсти, и повѣсти, куды мнѣ лучитца итти. И для того сею грамотою мою его царского величества и тебѣ знати даю, чтобы вы были наготовѣ на большое остереганья отъ стороны непріятеля Креста Святаго".

Такъ плохо порусски писалъ Русинъ, передѣланный львовскими іезуитами въ Поляка. Про козаковъ до него не дошелъ еще слухъ. Но въ то же время княжескій староста *) Малюшицкій, по письму Малоруссѣ, сообщилъ изъ Краснаго тому же Плещееву слѣдующее:

„Пишеть его милость панъ гетманъ короннїй сторони людей Кримскихъ, съ которими сполившия Хмельницкій своеволный въ тисачахъ козаковъ чотирохъ зъ Ордою, и пана комисара осадили на вершинахъ Саксагану въ четверъ прошлїй, и Войско Запорозкое тамъ посилиуетъ противко Татаровъ; але предся (однакожъ) гору береть Орда и подъ Чегирииъ обѣщаеться подходить рихло (вскорѣ); и панъ полковникъ Переяславскій видѣлъ въ Кучкасехъ по сей сторонѣ, въ поляхъ, вширъ и долго большой милѣ, Орда стоитъ и еще прибываетъ. И по напису сеи грамоти прибѣгли зъ листами отъ гетмана коронного, же (что) Орда скупилася съ Хмельницкимъ, гдѣ всѣ войска обернулися противко ихъ людей".

Наконецъ Адамъ Кисѣль, отъ 11 мая римскимъ числомъ, увѣдо-

*) Паны имѣли, какъ и бороль, старость, которые, по отношенію къ этимъ королятамъ, были тѣ же brachia regalia.

миль Плещеева изъ Гощи о роковомъ событіи на Желтыхъ Водахъ, на вершинахъ Саксагана,—о первомъ пораженіи панского войска козаками:

„Нынѣча же достиже мя вѣсть о прелести чоганской татарской, что они, егда ясневельможный каштелянъ краковскій, гетманъ великий коронный, послалъ полкъ одеть войска коронного на змѣйниковъ черкасскихъ, они, собакове Татары, Крымци и Нагайцы, тотъ полкъ на поляхъ, на урочищу Жолтые Воды, осадили; тридцать тысячи Орды на тотъ полкъ пришло, рымскимъ числомъ 2 мая. Они же, въ Христа Господа вѣрующи, храбро и бодро ополчившися, бранятся; но по нынѣшнее время что се здѣяло, Богъ вѣсть“.

Кисѣль, конечно, зналъ, что козаки соединились уже всѣ и, вмѣстѣ съ Татарами, были пановъ; но не хотѣлъ сказать обѣ этомъ Плещееву. Онъ вспомнилъ о скорой помощи къ воеводамъ путинльскому, хотмыжскому и къ воеводамъ сѣвскимъ, ссылаясь на договоръ короля съ царемъ. Польская Русь, утратившая уже чистоту своего древняго языка и подражавшая рѣчи московской, съ примѣсью полонизмовъ, умоляла спасать ее отъ Крымцевъ, а въ сущности—отъ польской нерядицы, породившей руинную козаччину.

Каѣль велика была эта неурядица, мы увидимъ, перенесясь на правую сторону Даѣпра, въ лагерь коронныхъ гетмановъ.

Когда Кисѣль писалъ къ путинльскому воеводѣ, что „козаки черкасси одного пулковника своего, чигиринскаго, зрадили“, это значило, что Хмельницкій, еще въ февралѣ, прогналъ изъ Запорожья стоявшій тамъ, въ видѣ гарнизона, чигиринскій полкъ. Извѣстіе обѣ этомъ потрасло всю Украину, точно какъ будто Павлюкъ еще однажды сошелъ съ эшафота. Страхъ обнялъ шляхту. Одни бѣжалі въ лагерь Потоцкаго, другіе бросились къ обоимъ короннымъ гетманамъ съ мольбой о снабженіи Украины гарнизонами. Потоцкій двинулся съ квартѣнными войсками въ глубину Козацкой Украины, обеспечилъ гарнизонами замки и города, велѣлъ свозить пушки съ безоборонныхъ мѣсть, убѣждалъ „городскими универсалами“ мѣстныхъ помѣщиковъ—не оставаться въ ихъ домахъ, а присоединяться съ надворными дружинами къ коронному войску, разослалъ возванія къ магнатамъ, чтобы спѣшили къ нему на помощь, уговорилъ всѣхъ землевладѣльцевъ обезоружить мужиковъ, и ваковецъ—опубликовалъ грозный универсаль, воспрещавшій всякое сообщеніе съ Хмельницкимъ, бѣжавшимъ же къ нему для своеольства угрожалъ смертью оставленныхъ ими семействъ и уничтоженіемъ собственности. Словомъ, въ запылавшую козацкимъ бунтомъ Украину подложилъ горючаго матеріала.

Нельзя сказать, чтобы онъ дѣлалъ „много шуму изъ ничего“. Онъ, провозившійся съ козацкими бунтами столько времени, еще въ декабрѣ 1647 года заявилъ, что не можетъ быть въ отечествѣ опасности, болѣе чреватой бѣдствіями (*wieœej pregnans periculum*). Онъ понималъ положеніе страны и выражалъ, можно сказать геройски, недовѣріе, какъ „съ такою малою горсткою квартянаго войска“ отражать Татаръ, которые и безъ козаковъ были весьма опасны; но тѣмъ не менѣе шелъ на борьбу съ ними.

Король, однакожъ, былъ крайне недоволенъ мѣрами своего фельдмаршала. Король повелѣлъ Потоцкому немедленно пустить козаковъ на Черное море, и не подвигаться съ войскомъ въ глубину Украины.

Коронный гетманъ оправдывалъ свои дѣйствія тѣмъ, что двинулъся спасать Украину по общей просьбѣ и по всестороннемъ обсужденіи дѣла; что не было такого села, такого города, где бы не призывали къ своеольству и не умышляли на жизнь и имущество пановъ и державцевъ, где бы не домогались вознагражденія своихъ заслугъ и не подавали безпрестанно жалобъ на несправедливости и притѣсненія. О вѣрѣ, которую наши лѣтописцы и историки дѣлаютъ первою и главною причиной бунта, предводитель его усмирителей не упомянулъ въ своемъ оправданіи передъ королемъ ни единымъ словомъ. Зачинщиковъ бунта онъ видѣлъ только въ недовольныхъ экономическими порядками да матеріальными потерями.

„Повидимому, не велика бѣда 500 взбунтовавшихся козаковъ“ (писалъ онъ); „но кто вникнетъ, съ какими упованіями и надеждами поднять бунтъ, каждый долженъ признать, что было изъ-за чего мнѣ двинуться въ Украину: ибо эти 500 человѣкъ подняли бунтъ въ заговорѣ со всѣми козацкими полками и со всей (мужицкой) Украиной. Когда бы я не послѣшилъ, запыпалъ бы въ Украинѣ такой огонь, который не скоро былъ бы, или же великими силами, погашенъ... Одинъ князь воевода русскій (Вишневецкій) отобралъ у своихъ подданныхъ несколько тысячъ самопаловъ, а сколько же другое! Все это огнестрѣльное оружіе, вмѣстѣ съ людьми, принадлежало бы бунту Хмельницкаго. Еслибы не были предупреждены приготовленія къ бунту, еслибы не были забраны пушки въ разныхъ мѣстахъ, которыми своевольные люди (*swawola*) намѣревались овладѣть, то какова была бы сила ихъ, и что дѣлали бы они во владѣніи вашей королевской милости, можете представить. Впрочемъ я вовсе не съ тѣмъ двинулся въ Украину, чтобы пролить христіянскую кровь, которая въ свое время будетъ необходима для Рѣчи Посполитой, но съ тѣмъ, чтобы, не обнажая сабли, однимъ только страхомъ кончить войну. До сихъ поръ

козаки не потеряли ниодной капли крови и не потеряютъ, если успокоятся. Но вижу, что этотъ безразсудный человѣкъ, Хмельницкій, не преклонится передъ милостью. Не разъ уже я посыпалъ къ нему, чтобы онъ оставилъ Запорожье, обѣща ему помилованіе, отпущеніе преступленій. Ничто на него не дѣйствуетъ. Пословъ моихъ задержалъ. На конецъ послалъ я и пана Хмельницкаго, ротмистра вашей королевской милости, человѣка растроеннаго и хорошо знающаго козацкіе *уморы*, съ увѣщаніемъ, ручаясь моимъ словомъ, что волосъ не упадеть съ его головы. Но не тронутый и этой благосклонностью, отправилъ ко мнѣ моихъ пословъ съ требованіемъ, чтобы коронное войско вышло изъ Украины; чтобы паны полковники, со всею ихъ ассистенціей, были изъ полковъ удалены; чтобы правительственная ординація относительно козаковъ была уничтожена".

Далѣе Потоцкій доносилъ королю, что Хмельницкій зоветъ къ себѣ на помощь Татаръ, которые хотятъ и вернулись главною массою въ свои кочевья, но все еще чего-то ждутъ у Днѣпра. Нѣсколько сотъ Крымцевъ переправилъ онъ даже на сю сторону, съ тѣмъ чтобы они сконяли польскія сторожи, поставленныя на разныхъ пунктахъ для удержанія своевольныхъ людей отъ побѣговъ на Запорожье. Слышно было, что у Хмельницкаго уже 3.000 козаковъ. Въ этомъ Потоцкій видѣлъ доказательство, что онъ давно уже думалъ о томъ, какъ начать свой бунтъ.

„Сохрани Богъ“ (продолжалъ коронный гетманъ), „еслибъ онъ съ этимъ войскомъ вступитъ въ Украину! тысячи обратились бы вдругъ во сто тысячъ, и было бы намъ, чтѣ дѣлать съ этими своевольниками. Теперь онъ готовить и укрѣпляетъ себѣ на Будкѣ городъ (hogod), и рѣшился сильно въ немъ обороняться. Высоки доводы вашей королевской милости, которые благоволите высказывать по предмету обращенія этого несчастья: чтобы дозволить своевольникамъ идти на море, еслибъ того пожелали. Не того ему хочется, чтобы идти на море, а того, чтобы жить въ стародавнемъ своевольствѣ и чтобы ниспровергнуть священныя постановленія Рѣчи Посполитой, стоявшія столькихъ трудовъ и шляхетской крови. Согласенъ я, что для общественного блага слѣдовало бы пустить козаковъ на море, именно въ интересахъ самой Рѣчи Посполитой, чтобы эта милиція не залегала поля и не забывала давнишняго способа войны, который можетъ въ послѣдствіи понадобиться. Но въ такое скользкое время нельзѧ этого сдѣлать потому, что одни члены еще не готовы, а другие хоть и готовы, но не такъ снаряжены, чтобы годились для морской битвы. Поэтому неготовые приказалъ я кончить при себѣ, а на мѣсто сдѣлан-

ныхъ кой-какъ будуть присланы другіе. Но хоть и будуть изготовлены, для этого необходимо, чтобы козаки были успокоены и въ надлежащемъ порядке отправлены, если то укажетъ надобность Рѣчи Посполитой и воля вашей королевской милости. Ибо, сохрани Боже, чтобы неуспокоенные вышли они на море и, вернувшись, подняли неугашенный бунтъ: тогда удержать ихъ въ указанной ординації Рѣчи Посполитой значило бы воевать и съ козаками, и съ Турками, и съ Татарами. Вотъ почему надобно, по моему мнѣнію, постараться, какъ я и стараюсь, угасить сперва нынѣшніе бунты. Но во всемъ этомъ я желаю повиноваться волѣ и повелѣніямъ вашей королевской милости".

Было это писано, вѣроятно, въ то время, когда султанъ запретилъ Татарамъ вторгаться въ Польшу. Паны были этимъ обрадованы, и фельдмаршалъ окончилъ свое покорно-оппозиціонное оправданіе горькою для короля лестью:

„Радъ бы я былъ видѣть въ эту зиму побѣды вашей королевской милости надъ непріятелемъ Св. Креста и новые лавры, украшающіе ваше славное имя; но такъ какъ задуманныя предначертанія (вражескія) отмѣнены, что видно изъ прилагаемыхъ при семъ писемъ господаря, то униженно прошу принять отъ меня вѣнецъ служенія отечеству".

Таково было положеніе измечтанной королемъ Турецкой войны и дѣйствительного бунта Хмельницкаго въ концѣ марта 1648 года, когда Потоцкій, обезпеченный дружественнымъ письмомъ Исламъ-Гирея, рѣшился послать противъ Хмельницкаго войско и подавить бунтовщиковъ, пока они не усилились приливомъ своеольныхъ людей изъ Украины. Между тѣмъ Хмельницкій, въ началѣ марта, заключилъ договоръ съ Татарами, отдалъ хану въ залогъ сына своего, Тимофея, а самъ вернулся на Запорожье сывать къ себѣ козаковъ.

Войско, находившееся въ распоряженіи Николая Потоцкаго и его товарища по гетманству, Мартина Калиновскаго, долго стояло въ бездѣйствіи между Брацлавомъ, Винницею и Бѣлою Церковью, въ предупрежденіе татарскаго набѣга. Отъ Бѣлой Церкви до Канева оборонять Поросье должны были польскіе Торки и Берендеи, козаки, а за Днѣпромъ Посуліе защищали многолюдныя дружины удѣльного, можно сказать, князя Рѣчи Посполитой, Іеремія Вишневецкаго. Въ виду быстро закипающаго бунта, Потоцкій не дождался королевскаго университета для наступленія на козаковъ, какъ бывало до сихъ поръ, и послѣшилъ на театръ своихъ подвиговъ 1637 и 1638 годовъ.

Теперь ужъ Николай Потоцкій былъ не тотъ, что въ оные прославленные имъ годы, когда Шляхетскій Народъ восторжествовалъ надъ Народомъ Козацкимъ и, какъ панамъ казалось, наѣки подчинилъ его

своей законодательной власти. Большъ Потоцкій панскою болѣзнью, подагрою, и въ Агамемноновскомъ своемъ походѣ на Сулу. Десятилѣтіе, проведенное среди „хлѣбоядцевъ“ и винопіїцевъ гостепріимнаго дома Потоцкихъ, сдѣлало польского защитника Поросья и Посулія неспособнымъ сѣсть на коня. Онъ єздилъ по полкамъ въ каретѣ и во время битвы. Но въ отяжелѣвшемъ тѣлѣ носиль Потоцкій энергическій духъ своихъ предковъ, Русичей: ибо не напрасно волочилась Польша за нашими буйтурами, вовлекая ихъ въ свою національность: она ловила въ Малороссіи таланты, которыми была скудна, и этими талантами прославилась въ католическомъ свѣтѣ. Потоцкій вѣровалъ, подобно православному Ляху Киселю, что „никогда хлопская рука не возможна есть подвизатися противо своимъ господиномъ“.

Еслибы сенаторы и вельможные паны, исчисленные въ реторическомъ письмѣ Киселя къ путивльскому зоеводѣ, предвидѣли, что новый козацкій царь Наливай всего больше разсчитываетъ на соединеніе козаковъ съ ординцами,—не повернули бѣ они своихъ ополченій во-свои до тѣхъ поръ, пока не сдѣлали бы невозможнымъ столь давно намѣченное сліяніе польско-русскої орды съ татарскою. Но гордые побѣдами своего Потоцкаго надъ козаками и своего Конецпольскаго надъ Татарами, они смотрѣли спокойно на то, что одна орда раздражена неуплатою жолду, а другая—отказомъ въ гарачѣ: они забыли, что оба скопища хищниковъ задѣты за живое и съ другихъ сторонъ. Побѣдители Косинскаго и всѣхъ козацкихъ бунтовщиковъ упустили изъ виду, что Конецпольскій преслѣдовалъ Жмайла въ непрѣходимыя трущобы Медвѣжьихъ Лозъ единственно изъ-за его попытки вызвать Крымцевъ на опустошеніе колонизуемой имъ Украины,—попытки, повторяемой упорно козаками въ каждомъ бунтѣ своемъ и, что Потоцкій совладалъ съ христіянскими ординцами подъ Кумейками и на Старцѣ только благодаря ихъ тогдашней враждѣ съ мусульманскими.

Владиславъ IV былъ одаренъ умомъ вовсе не строительнымъ; но паны, вырвавшіе у него изъ рукъ всю власть, оказались теперь несостоительнѣе своего развѣнчаннаго монарха въ государственномъ строительствѣ и въ сохраненіи за собой края, безъ котораго Польша, по выражению одного простолюдина, была все равно, что рукавъ безъ жупана. Сравнительно съ этими пигмеями царственности, онъ былъ великъ уже тѣмъ, что могъ бы, такъ, или иначе, двинуть въ походъ громадныя войска и въ томъ числѣ 30.000 ихъ собственнаго контингента. Но, низложивъ титулярнаго короля своего, фактические короли польскіе, легкомысленно играли съ огнемъ, о которомъ еще отцы и дѣды ихъ говорили, что его надобно гасить въ искрахъ. Благоразум-

но, или неѣть воспротивились они войнѣ своего избранника съ непріятелями Св. Креста,—это могло бы оказаться только въ непредвидимой комбинаціи разнообразныхъ человѣческихъ интересовъ; но совершившіеся факты говорять намъ, что паны не понимали значенія царственности, и либеральною борьбой съ Владиславомъ сдѣлали то, что теперь Св. Крестъ несли противъ нихъ самихъ Татары руками Хмельницкаго, съ тѣмъ, чтобы подъ этимъ знаменемъ „землю, текущую молокомъ и медомъ“, превратить въ безлюдную пустыню.

Чтѣ касается Потоцкаго, то, не поддержаный умомъ и предусмотрительностью сенаторовъ, которые самоувѣренno вернулись домой съ парада на Черномъ Шляху, онъ взялъ подавленіе украинскаго бунта на свою нравственную отвѣтственность, и долженъ былъ еще оправдывать свое геройское предпріятіе передъ уничиженнымъ королемъ, приправляя правду ложью.

Положеніе талантливаго полководца было рискованнымъ и десять лѣтъ назадъ, по милости правительственной неурядицы. Въ роковомъ 1648 году оно сдѣлалось крайне затруднительнымъ, и потомъ—такимъ отчаяннымъ, какъ послѣдній походъ незабвенного Русина-католика, Жовковскаго. Недавно видѣлъ онъ передъ собой въ движеніи всю сосѣднюю-азіатчину, командуя шеститысячнымъ квартальнымъ войскомъ, которому авангардомъ служили еще непощатнувшіяся шесть тысячъ реестровиковъ, а въ арріергардѣ стояло 30.000 панскихъ дружинъ. По словамъ Киселя, враги христіянства и цивилизациі исчезли предъ лицомъ этой грозной силы, яко изчезаетъ дымъ. Теперь главнокомандующій оною грозною силою очутился противъ той же азіатчины въ виду всего анти-шляхетнаго населенія Украины, взбунтованнаго козаками,—очутился съ такими силами, которыхъ едва было достаточно для однѣхъ рекогносцировокъ.

Но Потоцкому долго не вѣрилось, чтобы ханъ Исламъ-Гирей, считавшій свой родъ старше сultанскаго, низопрѣль съ высоты своей кипчакской царственности до панибратства съ бродягами, которыхъ предшественники его отвергли, какъ „безголовое тѣло“. Онъ лично зналъ Исламъ-Гирея во время его пребыванія у отца нынѣшняго его сподвижника, Сѣнявскаго, и, можетъ быть, заодно съ королемъ, расположилъ пріятеля къ тому великолѣпію, съ которымъ онъ возвратилъ своему плѣннику свободу. Потоцкій до сихъ поръ не могъ подозревать, что дружескія письма хана были только усыпительными для пановъ напиткомъ лести... Но его успокоивало своевременное занятіе главныхъ сѣдалищъ украинской козатчины. Самъ Потоцкій расположился въ Черкасахъ; полевой гетманъ, Калиновскій, въ Корсуні;

прочие полки стояли тамъ же, по рѣкѣ Роси. Утвердясь на стратегическихъ точкахъ опоры противъ степнаго варварства, защитники польской цивилизациіи ждалъ наступленія мятежниковъ, которые, по его мнѣнію, могли бы увеличить свое число только тогда, когда бы появились невозбранно среди Козацкой Украины.

Между тѣмъ побѣги на Запорожье продолжались. По Украинѣ шлялись изъ села въ село хмельничане, переодѣтые — то нищими, то богомольцами, и подготовляли убогую чернь къ нападенію на людей шляхетныхъ и зажиточныхъ, которыхъ вообще называли они *Ляхами*, а если не Ляхами, то *Недоляниками*, то-есть не достигшими еще полнаго ляшства, по-козацки *лядства*, но у которыхъ съ Ляхами „одинъ духтъ“. Въ теченіе полуостолѣтней оппозиціи всякому *пригусуду* (юрисдикціи) и всякой власти въ Украинѣ, козаки выработали о себѣ въ гулящемъ простонародѣ такое мнѣніе, что только въ козацкихъ сердцахъ осталась на свѣтѣ правда, которой нѣть уже ни у пановъ, ни у какихъ-либо властителей. И въ наше время, упорядоченное и счастливое несравненно болыше того бѣдственнаго вѣка, кобзари твердятъ въ своихъ пѣсняхъ категорически:

Ужѣ тепѣрь прѣвѣдъ стойть у порога,
А таѧ непрѣвѣдъ — въ панівъ кінѣцъ стѣла.
Ужѣ тепѣрь прѣвѣдъ седѣть у темнїцї,
А таѧ непрѣвѣдъ — съ панамі въ свѣтлїці...

Вообразимъ тогдашихъ кобзарей, что они пѣли, и съ какими чувствами ихъ слушали!

Для низшихъ классовъ украинскаго населения, образовавшихся путемъ постояннаго перекочевыванья съ мѣста на мѣсто, козакъ, по простонародной пѣснѣ *душа правдива* въ своемъ убожествѣ, сдѣлался идеаломъ удальства, счастья и вольной воли, до того, что украинскіе дѣвические баллады и романсы называютъ своихъ героевъ *козаценьками* вмѣсто другихъ ласкательныхъ имёнъ, а женскіе и материнскіе украинскіе пѣсни-плачи переполнены выраженіями тоски о козацкихъ *пригодахъ*, то-есть бѣдственныхъ случайностяхъ, не говоря уже о тѣхъ пѣсняхъ мужскихъ, которыхъ, по своему содержанію, не отличаются отъ великорусскихъ пѣсень, именуемыхъ разбойничими, и предаютъ проклятию самихъ мастеровъ, строившихъ темницы даже для такихъ преступниковъ, какъ губители дѣвицъ, вдовъ и мужніхъ женъ. Тогдашняя запорожская пропаганда оправдывала всѣ преступленія и обвиняла всѣхъ представителей общественной юрисдикціи. Она сулила черни золотой вѣкъ безнаказанности, всаческой свободы

и незаслуженного труdomъ богатства. Это была пропаганда крайне опасная и для правительства, и для той массы, которую поднимала противъ правительственныхъ органовъ порядка.

Украина, занятая теперь короннымъ войскомъ, еще недавно состояла изъ однихъ козацкихъ кочевьевъ. Шляхетская хозяйственность пришла сюда съ обычаями, выработанными обществомъ, сравнительно культурнымъ, и градація этой хозяйственности начиналась тогда съ промысла первобытнаго—съ выжиганія лѣсовъ для поташной золы, которую Нѣмцы-выходцы научили настъ называть шмальпугою. Къ этому варварскому промыслу всего больше былъ склоненъ мѣстный мужикъ, глядѣвшій вообще волкомъ на земледѣльца-ратаи и на его служебниковъ. Заложивши въ лѣсу буду, то-есть поташной костерь, онъ оставался свободенъ и празднѣ въ своей трущобѣ во всю охоту дикаря къ спанью и звѣроловству. Къ работникамъ этого рода, называвшимся будниками, ближе всего стояли пасѣчники, посѣявшие лѣса, старожившіе „бортные ухожаи“ въ нихъ и сидѣвшіе пасѣчками въ такихъ „нѣтрахъ“ (неторенныхъ мѣстахъ), въ которые хищниковъ ордынцевъ не вели широкіе Татарскіе Шляхи. За пасѣчниками слѣдовали чабаны, кочевавшіе въ „катрягахъ“ при стадѣ овецъ, рогатаго скота или лошадей, люди, также свободные еть надзора въ своихъ занятіяхъ и досужіе во времени. За ними рабочую силу хозяйственной жизни составляли могилники, насыпавшіе сторожевые могилы и земляные подъ именемъ „могиль“ памятники, селитряные бурты, а въ городахъ и селахъ валы, безъ которыхъ не уდѣлѣлъ бы тогда пограничный поселокъ и одного года. Далѣе шли уже чернорабочіе, болѣе или менѣе стѣсненные въ своихъ занятіяхъ присутствіемъ людей культурныхъ, но зато разгульные въ своихъ привычкахъ,— люди, которыхъ называли „роскішными“. Это были винники, броварники, лазники, отбывавшіе условленную между осадчикомъ (колонизаторомъ) и осадникомъ (колонистомъ) панщину, или служившіе по винокурнямъ, пивоварнямъ и лѣзнямъ, то-есть банямъ, въ селахъ и городахъ.

Всего труднѣе было пріучить и пріохотить украинскаго мужика къ земледѣлію, которое особенно не нравилось попробовавшимъ козачины, какъ занятіе, требовавшее сидѣнья на одномъ мѣстѣ. Ратаи, или пахари пользовались особынными преимуществами передъ панскими подданными, и составляли какъ бы средній классъ между землевладѣльцами и тою смѣшанною массою, которая селилась и кочевала въ ихъ имѣніяхъ. Эта хаотическая масса сидѣла по своимъ мѣстамъ только тогда, когда голодъ и холодъ смирилъ ее до готов-

ности трудиться изо дня въ день. И ремесленники, и хлѣборобы заимствовали изъ нея рабочія руки для своего производства. Но лишь только наступала весна, каждый *нетѣха* наровилъ уйти въ безлюдную глушь на независимый промыселъ, хотя бы для этого пришлось ему „забирать въ торбу дѣтей“.

Изъ такихъ-то нетягъ, работающихъ за кусокъ хлѣба мѣщанамъ, ратаямъ и землевладѣльцамъ, низовые козаки составляли свои ополченія, тогда какъ люди осѣдлые старались удержать ихъ дома сеявестромъ ихъ движимости, нажитой, по условію съ хозяиномъ, на его землѣ и въ его заведеніяхъ. Удачный морской набѣгъ, удачный грабежъ татарскаго, волошскаго купеческаго или панскаго добра—давали новымъ гайдамакамъ средства для вербовки украинской голоты, которая обыкновенно собиралась въ козацкія купы съ дрекольемъ, а „полатавши свой злыдні“, вооружалась списами (рогатинами), саблями и пищалями. Кобзыри писали съ натуры, изображая Хмельницчину такими, напримѣръ, словами:

Который козакъ шабли булатнои,
Пищалі семипядно:
Не мае,
Той кия на плечі забірае,
У війско до Хмельницького поспішае.

Наслушался Потоцкій разказовъ обѣ этомъ еще въ Павлюковщину. Теперь онъ видѣлъ собственными глазами, какъ украинская голота перебѣгаєтъ изъ становища хозяйственности въ становище добычного промысла. Вотще звалъ онъ къ себѣ на помощь вернувшихся во-своаи вельможныхъ землевладѣльцевъ: они величаво почивали на лаврахъ своего степнаго парада. Напрасно представляль королю, что козатчина должна быть подавлена окончательно, какихъ бы жертвъ это ни стоило Польшѣ, если Польша хочетъ владѣть своими заемщиками: король былъ глухъ къ его представлениямъ.

Король видаль козаковъ только въ своихъ походахъ. Онъ цѣнилъ опустошительные подвиги варваровъ, помогшихъ ему восторжествовать надъ Москвою. Онъ былъ готовъ жертвовать разоренiemъ украинскихъ королевщинъ въ виду возможнаго завоеванія Турціи, которое неотступно занимало его мысли, и потому продолжаль выскаживать убѣжденіе, что дружелюбныи обращеніемъ съ казаками всего лучше укротить завзятыхъ; что дозволеніемъ ходить на море козаки были бы совершенно примирены съ начальствомъ; а если есть въ Украинѣ какія-нибудь всшышки, то сеймовой комиссіи надобно на-

рядить строгое слѣдствіе и предать суду тѣхъ, которые своими несправедливостями подали къ нимъ поводъ. Члены этой комиссіи, какъ люди, непричастные интересамъ обидчиковъ и обиженныхъ,—по мнѣнію короля, всего больше могли содѣйствовать Потоцкому въ умиротвореніи пограничного края.

Еслибы (замѣчу кстати) была хотя тѣль догадки у короля, что на козаковъ досадуютъ католики и уніаты,—это выскажалось бы теперь въ его наказахъ. Еслибы Хмельницкій жаловался ему на Чаплинскаго,—это имя хоть мелькнуло бы въ его спопеніяхъ съ главокомандующимъ. Факты за фактами сыплются обильно зернами исторической правды въ современной перепискѣ, которой передъ нами горы, а все вымышленное отсутствуетъ въ ней, на горе сочинителямъ дѣтскихъ сказокъ о козакахъ.

Оставалась одна надежда на сенаторовъ и вельможныхъ пановъ, которые такъ поспѣшно увѣли свои дружины. Но паны всегда собирались въ походъ медленно; а теперь ихъ тормазила королевская партия, настроенная миролюбиво на счетъ козаковъ и воинственно на счетъ Турокъ.

Между тѣмъ, въ началѣ апрѣля, Днѣпръ выступилъ изъ береговъ; воду въ рѣкахъ и рѣчкахъ, какъ говорится, *пустило*. Козаковатаго украинца весенняя вода располагала къ бродячей жизни. Дівчата пѣли своимъ возлюбленнымъ:

Ой весна красна, ой весна красна,
Та й изъ стріхъ вода кѣпле:
Ой ужѣ жъ тебі, мій козаченьку,
Та й мандрівочка пахне.

А влюбленные молодцы обѣщали своимъ „кralямъ“ серебро-золото безъ счету, дорогія ткани безъ мѣры. Густыя купы голоты, тянувшіяся въ страну мечтаній о китайчатыхъ онучахъ, за Пороги, оправдывали слова кобзарской думы:

А якъ прийде весна красна;
Буде вся наша голота рясна.

Подобно весенней водѣ въ Днѣпрѣ, ежедневно и ежечасно прибывали на Низу козаки. Напротивъ силы Потоцкаго увеличивались пансими контингентами мало. Паны, не получая крупныхъ извѣстій объ украинскихъ бунтахъ, считали дѣло не стоющімъ особенныхъ заботъ. Одна молодежь панская, желая составить себѣ рыцарскую репутацію, выѣзжала въ Украину на чель своихъ блестящихъ почтовъ.

О Хмельницкомъ ничего вѣрнаго не знали, а вѣсти, приходившія съ низовьевъ Днѣпра, считали обыкновенными въ тревожныхъ случаяхъ рассказыами. Не открывая въ Украинѣ новыхъ признаковъ готовящагося бунта, коронные гетманы оставались попрежнему въ положеніи выжидательномъ.

Въ это время кто-то изъ приближенныхъ къ Потоцкому писалъ къ кому-то, 2 римскаго апрѣля, изъ Черкасъ о томъ, какъ ему представлялось дѣло.

„Трудна эта несчастная козацкая война. Хмельницкій лежитъ на днѣпровскомъ островѣ, называющемся Буцвимъ, отъ нашего берега въ двухъ миляхъ, а отъ крымскаго на выстрѣль изъ доброй пушки. Но пушекъ тамъ у насъ нѣтъ. Посыпалъ туда панъ Краковскій пана Хмелецкаго, да Хмельницкій на то не смотритъ. Онъ отѣлывается только готовностью къ услугамъ и бьетъ челомъ, говоря: что выйдетъ на влость,* пускай только его милость панъ Краковскій удалится съ войскомъ и отзоветь пановъ полковниковъ; одинъ комиссаръ пускай останется: онъ значитъ у нихъ много.

„Прибыла отъ его милости короля комиссія“ (продолжаетъ неизвѣстный); „но не знаю, чтѣ сдѣлаютъ они безъ денегъ, а козакамъ надобно дать 300.000 (trzy kroci sto tysięcy), да отдать подъ судъ полковниковъ и самого комиссара. Этого пива наварили они. Не мало обвиняютъ и пана короннаго хорунжаго (Конецпольскаго). Не такъ-то легко успокоить то, что предстоитъ.

„Лежимъ покамѣсть по Заднѣприю. Полкъ его милости пана Краковскаго въ Черкасахъ; пана полеваго гетмана въ Корсупи и въ Миргородчицѣ, по всѣмъ наслѣдственнымъ имѣніямъ пана короннаго Хорунжаго; полкъ пана Чернѣховскаго (каптеляна черниговскаго Яна Одривольскаго), въ Каневѣ, въ Богуславѣ. Послѣ святоокъ тотчасъ идетъ на Запорожье сухимъ путемъ, а козацкое войско—Днѣпромъ на челнахъ. Гультаевъ же на этомъ островѣ не меныше 1.500: ибо у нихъ всюду отнимали пашу, чтобы не собирались въ одну купу“.

Кто бы ни былъ писавшій это, но его мнѣніе было выраженіемъ общаго суда усмирителей козацкаго бунта. Дѣло началось всѣ-таки съ недоплаты жолду, какъ и первые козацкіе бунты. Пріучивъ козаковъ къ своеолію, которое пропали шляхтѣ, паны хотѣли обуздѣть ихъ Поляками-полковниками. Это для козаковъ было и въ нравственномъ и экономическомъ отношеніи бременемъ тяжелымъ; пото-

*) Въ населенную Украину.

му-то Хмельницкій и настаивалъ на отзванії полковниковъ со всею ихъ ассистенцією. Козаки павлюковцы, какъ мы помнимъ, и собственныхъ избранниковъ обвиняли въ забданії жолду: тѣмъ болѣе козаки хмельничане должны были подозрѣвать въ этомъ навязанныхъ имъ полковниковъ-Ляховъ и комиссара-Нѣмца; а жолдовой недоимки накопилось такъ много, что сеймовые паны проходили ее молчаніемъ и помнили только о полумилліонѣ жолнерской. Не меньше полковниковъ и „скарбовыхъ людей“ виновнымъ въ бунтѣ оказывался и Александръ Конецпольскій, позволявшій себѣ поступать съ Хмельницкимъ такъ въ XVII столѣтіи, какъ предокъ Мартина Калиновскаго поступилъ съ отцомъ Наливайка въ XVI.

При этомъ замѣчательно, что полевой гетманъ прикрылъ собственнымъ полкомъ всѣ вотчинныя имѣнія Конецпольскаго. Это показываетъ, что на нихъ были намѣрены наступить козаки Хмельницкаго, какъ на Острожчину наступили козаки Косинскаго. Хмельницчина, какъ видимъ, имѣла въ началѣ характеръ частной ссоры, какою была Косинщина, и король, безъ сомнѣнія, смотрѣлъ на нее не иначе, какъ на ссоры своихъ королятъ за взаимный захватъ имѣній.

Одновременно съ приведенной выше реляціей младшій Чернецкій привезъ въ Баръ извѣстіе,—что у Хмельницкаго людей набралось уже 2.500, въ томъ числѣ 500 Татаръ, и что Хмельницкій заявилъ требование—чтобы ни одинъ Лахъ не былъ старшимъ надъ Запорожскимъ войскомъ: „Вотъ чего падѣала жадность полковниковъ и тиранское обращеніе съ козаками“! писалъ объ этомъ подольскій судья Масковскій, и повторялъ предсказаніе Чарнецкаго, что съ козаками будетъ долгая и трудная „голландская война“. Но о вѣрѣ, конькѣ нашихъ историковъ, никто ни слова!

Что касается Татаръ, то козаки, не смотря на соглашенія съ ними со временемъ Косинскаго, не всѣ одобряли договоръ съ ханомъ, какъ это было и въ то время, когда Самуилъ Зборовскій принялъ название ханскаго сына. Сохранилась рѣчь одного козака, записанная кѣмъ-то изъ Поляковъ помалорусски раньше прибытія татарской помощи:

„Пане отамале и пандве молодці!“ (говорилъ козацкій ораторъ), „вільно вамъ волю гетьманську и свою чипити, та не знаю, чи буде вонд гараждъ, щобъ намъ поганцівъ за опекунівъ собі брати. Дасть Богъ, наше військо мдже й самд те справити, що мы хдчено черезъ тихъ поганцівъ одъ Ляхівъ оборонитись и въ короля, пана нашого, кривды нашої доходить“.

Слушатели закричали на это: „Гарадзь! Богъ ме *), гарадзь“! Но вмѣстѣ съ татарскою помощію пришелъ къ Хмельницкому и терроръ, а терроромъ уже и Царь Наливай завѣщалъ ему подавлять козацкое разномысліе.

Долго скрывалъ Хмельницкій свои силы и свои намѣренія (въ этомъ онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ). Наконецъ какой-то козакъ-чатовникъ принесъ панамъ извѣстіе, что бунтовщикъ вышелъ изъ урочища Микитинъ Рогъ (въ которомъ стоялъ кошемъ и Павлюкъ), и идетъ берегомъ Днѣпра, чтобы стать въ кутѣ, образуемомъ Днѣпромъ и рѣкой Тясминомъ (подобіе тѣхъ виль на Сумѣ, въ которыхъ съ такимъ успѣхомъ оборонялся Гуна). Такъ какъ вѣрный козакъ не могъ добыть болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, то было решено послать въ Дикия Поля сильный отрядъ, который бы отыскалъ непріятеля и привезъ отъ него къ гетманамъ пленниковъ. Только отъ нихъ можно было выведѣдать, сколько у Хмельницкаго войска и каковы его намѣренія.

Отрядъ былъ снаряженъ въ такомъ составѣ, чтобы онъ могъ не только открыть, но въ случаѣ удачи, даже истребить непріятеля. Онъ заключалъ въ себѣ 1.200 отборныхъ воиновъ съ 12 пушками и множествомъ походныхъ возовъ, которые, вмѣстѣ съ артиллерией, представляли подвижной замокъ, способный выдержать атаку многочисленной толпы азіатцевъ, какъ этому былъ не одинъ примѣръ со временемъ славнаго и набожнаго предводителя подольской шляхты, Мелецкаго. Еслибъ этому отряду не удалось разогнать христіяно-магометанской орды, то, отступая въ порядкѣ и раздражая степныхъ наездниковъ рыцарскими гордами, онъ долженъ былъ привести непріятеля въ такое мѣсто, где главное войско воспользуется своимъ превосходствомъ въ стратегіи и тактикѣ. Такъ было поступлено съ павлюковцами подъ Кутейками. Такъ, очевидно, вознамѣрился Потоцкій поступить и съ хмельничанами.

Предводителемъ посылаемаго въ печенѣжскую степь отряда былъ назначенъ сынъ короннаго великаго гетмана, Степанъ Потоцкій, подъ руководствомъ опытнаго и ученаго ротмистра Шемберка, состоявшаго въ должности козацкаго комиссара. Множество знатныхъ „панять“ вызвалось раздѣлить съ молодымъ Потоцкимъ опасности, труды и лавры степнаго похода. Подъ знаменемъ дома Потоцкихъ собрался цѣль польскорусскаго рыцарства. Лучшіе кони, лучшіе снаряды, луч-

---

*) *Богъ ме*—сокращеніе словъ: „Богъ менѣ вбий.“

шие польские и русские боевые люди ручались главнокомандующему за успѣхъ предпріятія.

Но предпріятіе было всѣ-таки рискованное. Силы завзятаго бунтовщика были невѣдомы, а между тѣмъ изъ-за Днѣпра пришло извѣстіе, что десятки тысячъ голодныхъ Крымцевъ „висятъ“ падъ Ворскломъ и у Кременчуга. Страшно было старому гетману отпускать сына въ таинственную степь, съ которой козакъ и его конь, по выражению молодаго, слишкомъ рано угасшаго польскаго поэта, составляли одну дикую душу:

I przez puste bezdroża król pustyni rusza,
A step, koń, kozak, ciemność—jedna dzika dusza. *)

Призваль онъ къ себѣ лучшихъ представителей реестроваго козачества и, забывая, что Хмельницкій еще недавно былъ такимъ же, какъ они, орудіемъ законной власти, забывая даже собственное увѣреніе, что бунтовщикъ дѣйствуетъ въ заговорѣ со всѣми полками,—просилъ ихъ поддержать достойнымъ образомъ сухопутное войско, спускаясь въ постоянномъ сообщеніи съ нимъ, по Днѣпру. При этомъ Потоцкій старался внушить реестровикамъ отвращеніе къ татарскому быту запорожскихъ гультаевъ, невѣрному въ материальномъ отношеніи и позорному въ нравственномъ.

Основою внущенія служила ему мысль,—что козаки живутъ въ Украинѣ таѣ же привольно, какъ и шляхта; что роптать на свое положеніе могутъ одни выписчики, эти баниты и инфамисы козачества; что паны, какъ землевладѣльцы и высокіе сановники, не только не тѣснили козаковъ, напротивъ нуждались въ добромъ съ ними соглашеніи для защиты отъ Татаръ и домашнихъ разбойниковъ; что и хлѣборобы украинскіе жили, „во всемъ изобильно, въ лѣбахъ, въ стадахъ въ пасѣкахъ“, и что одни крамольники вооружали худшихъ изъ нихъ—то противъ панскихъ урядниковъ, то противъ Жидовъ-арендаторовъ.

Не сомнѣвался Потоцкій, что люди осѣдлые и домовитые подорожатъ своими достатками, своимъ почетнымъ положеніемъ, и не станутъ якшаться съ одичалыми лугарями, которые ведутъ въ Украину враговъ Св. Креста. Что же касается запорожской мстительности, которой мятежники обыкновенно страшали людей неподатливыхъ, то отъ нея, по его убѣжденію, реестровики были достаточны охранены присутствіемъ въ Украинѣ короннаго войска.

*) И летить пустынными бездорожьями царь пустыни, а степь, конь, козакъ, темнота, эта—одна дикая душа.

Въ отвѣтъ на рѣчь пана Краковскаго реестровики уѣхали его въ неизмѣнной преданности своей, поклялись изловить Хмельницкаго, какъ нѣкогда Сулиму, и онъ отправилъ ихъ на челнахъ внизъ по Днѣпру, въ тѣхъ видахъ, что сынъ его будетъ имѣть въ нихъ, на всякий случай, готовую поддержку.

Походъ молодаго Потоцкаго былъ обезпечень... Не даромъ ко-заки потомъ, въ своихъ революціонныхъ рапсодіяхъ, приписывали старому гетману женскій разумъ (рѣзумъ жіндѣцкій): онъ въ самомъ дѣлѣ показалъ легковѣrie женское, для котораго, въ извѣстныхъ слу-чаяхъ, не существуютъ и тысячелѣтія примѣровъ.

Искусному усмирителю козацкихъ бунтовъ оставалось, повидимому, только выбрать мѣсто, подобное Кумейкамъ, на которое бы, въ случаѣ невозможности поразить поваго Павлюка въ Дикихъ Поляхъ, Стефанъ Потоцкій навелъ его фальшивымъ бѣгствомъ. Такое мѣсто, по предварительнымъ развѣдкамъ, находилось въ глубинѣ приднѣпров-скихъ пустынь, за Чигириномъ. Туда онъ и двинулся по слѣдамъ сына. Все было принято имъ въ соображеніе, кромѣ одного—„что step-koñ, kozak, ciemność—jedna dzika dusza.“

Г л а в а XV.

Битва на Желтыхъ Водахъ.—Битва подъ Корсунемъ.—Строительныя дѣйствія Москвы въ виду Польского разоренія.—Козаки между Польшей и Москвой.—Гибель польскихъ трудовъ на русской почвѣ.—Пощада исконныхъ враговъ со стороны московскаго царя.—Бунтъ въ Вишневетчинѣ.

Хмельницкій принималъ всѣ мѣры для того, чтобы степь оставалась для пановъ нѣмою. Онъ зналъ, что противъ него идетъ сильный отрядъ; зналъ и о томъ, что по Днѣпру спускаются реестровики. Онъ вышелъ въ Дикія Поля изъ-за Пороговъ съ восемью тысячами сбродной козачини, и всю надежду возлагалъ на татарскую помощь. Направляясь къ устью Тясмила и къ Щубульнику, памятному по войнѣ 1625 года, послѣдователи Жмайла и Павлюка остановились при потокѣ Желтая Вода, на вершинахъ степной рѣчки Саксагана, по-козацки—„на Саксані“. *) За Хмельницкимъ издали слѣдоваль шириинскій князь Тогай, иначе Тогай-бей.

Этотъ знаменитый у Татаръ полководецъ, тому назадъ четыре года, былъ на Желтыхъ Водахъ съ 20.000 отборнаго вѣйска, которое вскорѣ Конецпольскій, вмѣстѣ съ Вишневецкимъ, разбилъ на голову подъ Охматовыми. Теперь онъ жаждалъ битвы съ панами, и ждалъ ихъ приближенія ветерпѣливо.

Скоро появился отрядъ Стефана Потоцкаго. Солнце склонялось къ западу. Никто не рѣшался начать битву. Молодой Потоцкій поджидаль козацкой флотиліи.

*) Когда козацкіе кобзари возбуждали къ бунту городскую и сельскую чернь, они пѣли, будто бы жиды заарендовали всі козацькіе рѣки. Эти заарендованыя рѣки помѣщали кобзарі не въ Дикихъ Поляхъ, а на славній Українѣ. Первая изъ невозможныхъ для жицовыхъ рыболовныхъ арендъ находилась, по кобзарской думѣ, на Самарѣ, вторая—на Саксані, третья—на Гнилій, четвертая—на Пропойной, иначе на Пробойной (по Пашкоцкому, существовалъ Пробойный Шляхъ), пятая—на ріцці Кудесці.

Но чаты, или разъезды, Хмельницкаго вошли уже въ сношенія съ реестровиками. Узнавъ, что Хмельницкій ведеть за собой 40.000 Татаръ, реестровые козаки не устояли противъ страха запорожской мести надъ ихъ семьями, надъ ихъ имуществомъ и противъ соблазна быстраго обогащенія на счетъ пановъ. Вѣрные правительству полковники были перебиты, и Хмельницкій привезъ къ себѣ днѣпровскихъ аргонавтовъ на татарскихъ лошадяхъ.

Вѣстъ объ этомъ изъ невѣдомыхъ панамъ Дикихъ Полей долѣтѣла къ литовскому канцлеру Радивилу въ такомъ видѣ:

„Гетманы отправили противъ Хмельницкаго 4.000 козаковъ съ ихъ полковниками (Ильяшемъ) Вадовскимъ, Гурскимъ и Кричевскимъ. Они напали на построенную Хмельницкимъ небольшую крѣпость, и прогнали оттуда козаковъ, которыхъ было 50. Между тѣмъ козаки (на Днѣпрѣ), сдѣлавши заговоръ съ Хмельницкимъ, произвели между со-бою бунтъ, схватили королевскія хоругви и будыганы, *) перерѣзали всѣхъ вѣрныхъ королю козаковъ, и послали нѣсколько хоругвей за Кричевскимъ и Барабашемъ. Когда они были приведены, ихъ обезглавили мечемъ, равно какъ и Гурскаго, Вадовскаго Ильяша, котораго я лично зналъ, Коліняку (Kolonia), Олексу, Гайдученка, Нестеренка и другихъ знатныхъ козаковъ; потомъ избрали вождемъ Джеджала (Działatusza) и соединились съ Татарами“.

Извѣстіе объ измѣнѣ реестровиковъ смущило коронное войско, окруженнное многочисленнымъ непріятелемъ. Но въ отрядѣ молодаго Потоцкаго находился знаменитый въ послѣствіи воинъ,— Чарнецкій,— очевидно, потомокъ Русина Чернєцкаго. Онъ ободрилъ другихъ вождей. Послали вѣстника къ короннымъ гетманамъ; рѣшились противопоставить военное искусство европейское азіатской тактике, и, зная, что у Хмельницкаго всего пять пушекъ, да и то плохихъ, надѣялись отсидѣться до прихода выручки.

Эту надежду разрушила новая измѣна. Въ отрядѣ Стефана Потоцкаго было всего 300 шляхтичей. Остальное войско состояло изъ драгунъ пана Сѣнявскаго (опять имя русское), навербованныхъ въ малорусскихъ провинціяхъ, да изъ надворныхъ панскихъ козаковъ, въ которые поступали большую частью козацкіе выписчики. Драгуны сомнѣвались въ возможности отсидѣться въ степи, имѣя 50 человѣкъ противъ одного, и послѣдовали примѣру реестровиковъ, а надворные

*) Будыгандъ — знакъ власти: булава, перначъ и просто чеканъ, покозацки келепъ.

козаки, въ свою очередь, доказали, что не у одного старика Потоцкаго былъ довѣрчивый „р зумъ жіночкій“, не соображавшій того, что простонародная Русь не была еще колонизована подобно Потоцкимъ, Чернекскимъ, Сапігамъ (по-польски Sapieha) и другимъ потомкамъ тѣхъ, которые, во времена оны, бились недалеко отъ Желтыхъ Водъ на рѣкѣ Калѣ.

Но умъ умомъ, а боевое мужество мужествомъ. Триста шляхетичей были тоже почти исключительно Русичи, только по вѣрѣ, по языку и обычаю назывались, какъ и сыновья князя Василія, Поляками. Въ настоящемъ случаѣ три сотни польскорусскихъ, или русско-польскихъ, шляхетныхъ витязей не уступали въ стойкости и рѣшимости Фермопильскимъ Грекамъ. Они замкнулись въ четвероугольникѣ, построенномъ изъ походныхъ возовъ и, отступая въ видѣ подвижного замка, два дня отпугивали козакотатарскія полчища. Но хлынулъ дождь, быть можетъ, вызванный изъ сотрясеннаго воздуха ихъ же пальбою; отсырѣль порохъ; измученные чрезвычайными усилиями воины едва двигались.

Междуду тѣмъ козаки отняли у нихъ воду, и Хмельницкій прислалъ къ Стефану Потоцкому его письмо къ отцу, перехваченное козаками чатовниками. Бунтовщикъ предложилъ героямъ панской республики условія капитуляціі. „Мы не можемъ трактовать съ вами о нашихъ дѣлахъ“ (говорилъ онъ), „потому что между вами нѣть ни сенатора, ни уполномоченнаго, которому бы мы могли объяснить, что заставило насъ взяться за оружіе. Отдайте намъ ваши пушки, и ступайте себѣ съ миромъ домой“.

Потоцкій потребовалъ отъ козаковъ присяги, точно какъ будто присяга была дѣломъ надежнымъ не только въ Козацкомъ народѣ, но и въ Шляхетскомъ. Козаки присягнули по-іезуитски, тая въ сердцѣ иное намѣреніе. Пушки были отвезены въ таборъ Хмельницкаго.

„Это вѣстати козакамъ!“ восклицаетъ козацкій историкъ сочувственно, рассказывая, какъ Хмельницкій обратилъ полученные въ роломствомъ пушки противъ трехсотъ воиновъ, и забывая, что козаки, черезъ десятокъ лѣтъ, поступали еще въ роломѣ съ московскими ратями.

Но и подъ выстрѣлами собственной артиллеріи шляхетные рыцари продолжали еще бороться съ козако-татарскою ордою. Онишли въ сокрушеніи четвероугольникѣ до тѣхъ поръ, пока козаки, заскакавши впередъ, не завалили имъ дорогу срубленными деревьями на днѣ степной западины, носившей имя Княжихъ Байраковъ, можетъ быть, еще со временъ Варягорусскихъ князей. Тогда Хмельницкій раз-

быль пушками подвижную крѣпость въ щепья, и бросился съ Татарами на недобитковъ. Стефанъ Потоцкій, весь покрытый ранами, быль взятъ почти мертвый въ плѣнъ. За нимъ и остальные положили оружіе. Голову комиссара Шемберка Хмельницкій приказалъ носить на жерди передъ своимъ побѣдоноснымъ воинствомъ. Чернецкаго и Сопігу оставилъ у себя въ плѣну; остальныхъ увѣли въ неволю Татары.

Въ какомъ бы отношеніи ни была замѣчательна Желтоводская битва, для настъ, Малоруссовъ, она незабвенна тѣмъ, что, въ числѣ плѣнниковъ, достался здѣсь Хмельницкому шляхтичъ православнаго исповѣданія, Иванъ Выговскій, извѣстный въ исторіи, какъ его ближайшій другъ, его alter ego, его преемникъ въ коварствѣ и предательствѣ. *)

Итакъ новый козацкій противъ польско-руссихъ пановъ бунтъ заявилъ о себѣ кровопролитіемъ. Изъ-за чего же взбунтовались козаки?

Украинские кобзари пѣвали намъ, будто они встали за „христіянскую вѣру“, малорусские лѣтописцы, устами даже лучшаго изъ нихъ, твердили намъ, будто бы „початокъ и причина войны Хмельницкого есть едино отъ Ляховъ на православіе гоненіе и козакомъ отягощеніе“; козацкие историки, вмѣстѣ съ почтенными археографами, утверждали настъ, будто бы козаки „возстали за жестокія утѣсненія жителей Малороссійской Украины, претерпѣнныя ими отъ Поляковъ въ вѣрѣ, чести, имуществѣ и самой жизни“; наконецъ, сами козаки представляли себя московскому царю „помирающими за старожитную греческую вѣру и за свои вольности, заслуженные кровью“.

Но въ первой манифестаціи желтоводскихъ героевъ чести и вѣры нѣть и помину о вѣрѣ, хотя свою рыцарскую честь обнаружили они весьма выразительно. Эта манифестація, извѣстная подъ именемъ „Реестра козацкихъ Кривдъ“, писана самимъ Хмельницкимъ, и заключаетъ въ себѣ почти исключительно его личныхъ обиды. Такъ какъ очевидно, что передъ королемъ Владиславомъ и его правительствомъ нельзя было говорить небывальщину, которую въ послѣдствіи козаки

*) Выговскаго называютъ волынскимъ шляхтичомъ, тогда какъ слава рожденія столь знаменитой личности принадлежитъ Землѣ Киевской. Еще въ царствованіе Сигизмунда I, предки Ивана Выговскаго, овручские бояре Лучичи, купили у королевы Боны, торговавшей, какъ извѣстно, подъ рукой у короля, должностями и пожалованіями, „пустовскую землю въ Киевскомъ повѣтѣ“, называемую Скочковскую, въ Выговѣ, съ обязательствомъ служить съ этой земли земскую службу. Выданную имъ жалованную грамоту Сигизмундъ I, въ 1541 году, подтвердилъ по ходатайству Боны, а въ 1611 и въ 1632 подтвердилъ ее Сигизмундъ III.

прожужжали уши царю Алексею Михайловичу, то этотъ документъ слѣдуетъ имѣть постоянно въ виду при дальнѣйшемъ повѣствованіи, затрудненномъ сказками историковъ, „для истины тупыхъ и равнодушныхъ“. Онъ гласитъ слѣдующее:

„1. Его милость панъ Чаплинскій, урядникъ чигиринскій, выпросилъ у покойнаго пана Краковскаго себѣ хуторъ, собственный наслѣдственный Хмельницкаго, королевское пожалованіе, утвержденное нынѣшнимъ его милостію королемъ; куда наѣхавши панъ Чаплинскій на заселенные слободы съ голоднымъ народомъ, захватилъ все гумно, то есть 400 копъ хлѣба, и ограбилъ хозяйство.

„2. Тотъ же панъ Чаплинскій, злобствуя на Хмельницкаго за преслѣдованіе его судомъ за его насилия, сына Хмельницкаго, десятилѣтнаго мальчика, велѣлъ такъ избить канчуками среди рынка, что его принесли еле жива, и онъ вскорѣ умеръ.

„3. Панъ Коморовскій, зять этого Чаплинскаго, клялся нѣсколько разъ передъ козаками, что если не совладаютъ съ Хмельницкимъ, то непремѣнно велятъ его убить.

„4. Его милость панъ хорунжій коронный, идучи теперь, послѣ пораженія Татаръ, изъ Запорожья, велѣлъ взять Хмельницкаго подъ стражу и снять ему голову. Когда Хмельницкій хотѣлъ жаловаться на это пану Краковскому, то по дорогамъ были засады.

„5. Въ 1646 году, когда Хмельницкій, добывъ двухъ Татаръ, представилъ ихъ пану Краковскому,—въ его отсутствіе, взяли у него поволовщину и въ конюшнѣ сѣраго коня, на которомъ онъ хаживалъ въ Дикия Поля.

„6. Что понравится панамъ урядникамъ украинскимъ въ козацкомъ домѣ, берутъ насильно. Козацкая жена, козацкая дочка должны тогда плясать, когда имъ заиграютъ.

„7. О таковыхъ обидахъ его милость панъ Краковскій писалъ нѣсколько разъ къ урядникамъ и державцамъ съ выговоромъ; но это не помогло нимало.

„Теперь Хмельницкій, когда ѿхалъ со своимъ полковникомъ, въ прошломъ году, противъ Татаръ, которые набѣжали было на Чигиринъ,—нѣкто панъ Дащевскій, какъ его называютъ, Ляхъ, подученный кѣмъ-то изъ старшины, заѣхавъ сзади, ударилъ его по головѣ такъ, что спасла его только мясюрка, а то бы разсѣкъ голову. Когда Хмельницкій спросилъ его: чтобы это значило? онъ отвѣчалъ: „Я дѣмавъ, братіку, что ты Татаринъ“.

„Эту обиду Хмельницкій считаетъ наибольшую, тѣмъ болѣе, что

его нѣкто Пешта, хамъ, козакъ, оболгалъ (*sinistre tradukował*) пе-редъ его милостью паномъ хорунжимъ, якобы онъ думалъ выпроводить армату на море. За это его милость панъ хорунжій, при другихъ от-носительно Чаплинскаго претензіяхъ, прогнѣвался и велѣлъ наступить на жизнь Хмельницкаго, и тогда Хмельницкій, не зная ужѣ, къ кому обратиться, отправился на Низъ къ другимъ подобно ему обиженнымъ, которыхъ немало живеть по тамошнимъ низовымъ краямъ и по мор-скимъ островамъ, и они избрали Хмельницкаго своимъ вождемъ (*dum-sobie obrali*)".

Кого обиженные низовцы избрали своимъ вождемъ, тому надоб-но было хвататься за все, чѣмъ интересовались беспокойные люди вся-каго званія и состоянія. Для украинскаго населенія, для малорусскихъ городовъ и даже для нашихъ пановъ, которые говорили ужѣ, писали и думали по-польски, вѣра была важнѣе *козацкихъ* обидъ, которыми войсковой писарь возбудилъ мятежный запорожскій духъ,—и однаждѣ онъ умолчалъ о вѣрѣ. Она, какъ ему самому, такъ и всѣмъ участни-камъ его бунта пришла въ голову только тогда, когда бунтъ вовсе неожиданно перешелъ за предѣлы интересовъ *козацкихъ*.

Послѣ своей побѣды на Желтыхъ Водахъ, двинулись козаки изъ Дикихъ Полей къ такъ называемымъ Городамъ, иначѣ къ Городовой Украинѣ, и расположились у самого крайняго города, Крылова, надъ рѣчкою Цыбульникомъ. Многіе изъ нихъ помнили 1625 годъ; многие стояли здѣсь подъ пушками Станислава Конецпольскаго. Весьма быть можетъ, что тѣ самыя пушки везли они теперь противъ его настѣ-ника, котораго добра прикрывалъ жолнерами полевой гетманъ Кали-новскій, зная, на кого изъ магнатовъ злится Хмельницкій, какъ злил-ся въ свое время Косинскій на князя Острожскаго: ибо въ такомъ видѣ представлялся тогда бунтъ войскового писаря. Самъ Александръ Конецпольскій находился въ это время въ своихъ червонорусскихъ Подгорцахъ. Тамъ онъ получилъ изъ Украины извѣстіе, что и князь Вишневецкій „отъ своей Руси въ великомъ страхѣ и опасности“. Ко-ронный хорунжій спѣшилъ въ новые осады, и взялъ сюда съ собой изъ старыхъ 10 пушекъ.

Въ Подгорцахъ о движениі козаковъ знали уже 21 (11) мая, но ничего не вѣдали въ лагерѣ гетмана Потоцкаго: такъ искусно былъ онъ окружентъ козаками и татарскими чатами. Хмельницкій пресѣкъ всякое сообщеніе между атакованніемъ отрядомъ и главнымъ вой-скомъ. Сколько ни посыпалъ Николай Потоцкій таѣзъ называемыхъ подѣздовъ для добыванія вѣстей,— его жолнеры, даже изъ Татаръ и Волоховъ, попадали въ руки хмельничанамъ, или же привозили извѣ-

стія неопредѣленная. О положеніи передового полка онъ только и узналъ, что „слышна издали сильная пальба въ Княжихъ Байракахъ“.

Междѣ тѣмъ отъ короля было получено новое внушеніе. Король писалъ, черезъ короннаго канцлера, что намѣренъ самъ ѿхать въ Украину и своимъ присутствіемъ привести Хмельницкаго къ покорности, а потому повелѣвалъ короннымъ гетманамъ выйти изъ Украины: ибо „они рискуютъ войскомъ въ странѣ, которая извѣстна имъ очень мало, а козакамъ—очень хорошо“.

Справедливость этихъ словъ была поразительна. Потоцкій видѣлъ, что, добиваясь напрасно вѣстей о Хмельницкомъ, онъ только отѣрываетъ ему свое положеніе. Незримые для жолнеровъ среди своихъ пустынь, козаки сторожили всѣ ихъ движенія, и ловили „языковъ“ для своего гетмана. Но Николай Потоцкій былъ золъ на Хмельницкаго за покушенія сорвать съ него лавры, а этими лаврами онъ, по словамъ великаго Конецпольскаго, проложилъ себѣ дорогу къ безсмертной славѣ, которая (писалъ Конецпольскій къ Владиславу IV), не умолкнетъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Рѣчь Посполитая. Кумейскій побѣдитель загнался въ Дикия Поля для того, чтобы уничтожить въ самомъ началѣ дерзостное покушеніе.

Теперь, боясь быть отрѣзаннымъ отъ Городовой Украины въ странѣ Печенѣговъ и Торковъ, коронный великий гетманъ двинулся обратно въ страну Варягоруссовъ, какъ это дѣлали бывало его русскіе предки, чтобы поставить себя подъ защиту „крѣпленныхъ городовъ“.

Когда предводимое имъ войско достигло древнерусскаго Поросія и миновало Ярославовскій Корсунь, возстановленный Баториемъ, Хмельницкій, въ сопровожденіи Татаръ, настигъ его, окружилъ со всѣхъ сторонъ и принудилъ къ битвѣ, которая повернула круто судьбу Королевской Республики. Поворотное событие произошло 26 (16) мая, между Корсунемъ и Стебловымъ, на лѣвомъ берегу Роси.

По донесенію участника битвы, шляхтича-слуги, Криштофа Любомирскаго, Раецкаго, писавшаго отъ 28 (18) маа изъ Полоннаго, дѣло происходило такимъ образомъ:

Хмельницкій съ 40.000 Татаръ подошелъ къ панскому войску 25 (15) мая. Козаки захватили лагерь Потоцкаго въ весьма неудобномъ мѣстѣ, такъ что надобно было окружить его шанцами. Сдѣлавъ это, паны вышли въ поле, и провели остатокъ дня въ гарцахъ. Когда войско сошло съ поля, Потоцкій велѣлъ готовиться на утро къ походу таборомъ. Внутри помѣстилъ онъ лошадей, а все войско, окруживъ таборъ, шло пѣшкомъ въ боевомъ порядке. Въ передней части табора находился коронный великий гетманъ, а въ задней—полевой.

О распоряжениі Шотоцкаго Татары и козаки знали уже ночью, не смотря на то, что приказъ былъ прорубленъ тихо „сквозь мундштуки“. Они отправили всю свою пѣхоту впередъ, съ пушками. Лишь только панскій таборъ двинулся, орда наступила на него сильно со всѣхъ сторонъ. Но отъ пушечной и ружейной пальбы густо падалъ татарскій и козацкій трупъ. Татары отступили, и вмѣстѣ съ козаками провожали таборъ издали, пока не навели его на лѣсную засѣку. Здѣсь густая перестрѣлка шла съ утра до полуночи. Пользуясь густотой заросли и съузившеюся дорогой, орда снова начала напирать сильно со всѣхъ сторонъ. Въ обозѣ падало много лошадей. Непріятель оторвалъ едва не третью часть панскаго тaborа, но артиллериа была еще цѣла.

Такъ панское войско (по разсказу Раецкаго) прошло около мили въ сильной перестрѣлкѣ, наконецъ и въ рукопашномъ бою. На самомъ выходѣ изъ лѣса находились два глубокіе оврага (*wertebey*), одинъ противъ другаго, а за ними—пасѣка, поросшая высокими деревьями. Въ этомъ мѣстѣ были поставлены въ непримѣтной засадѣ, на дорогѣ, пушки и съ боковъ и впереди. Когда панское войско вступило съ таборомъ въ эту западню, грянула густая пальба. Правое крыло очутилось передъ непріятелемъ. Впереди у него былъ вырытый козаками ровъ, съ одной стороны—таборъ, а съ другой—засѣка и такой же ровъ. Между тѣмъ какъ жолнеры были заняты боемъ, впереди тaborа Татары и козаки овладѣли артиллерией. То же самое произошло и сзади тaborа. Тогда Татары пошли на проломъ черезъ таборъ, взяли въ плѣнъ обоихъ коронныхъ гетмановъ, черниговскаго каштеляна, Яна Одривольского, и богатаго магната, львовскаго старосту Сѣнявскаго.

Не знали еще этого серединныя хоругви, боровшіяся на крыльяхъ. Пользуясь зарослями, эти хоругви обстрѣливали таборъ, который началъ уже опрокидываться въ яры. Между тѣмъ челядь, сидѣвшая на господскихъ лошадахъ, слыша, что гетманы въ плѣну, бросилась вонъ изъ тaborа. Часть орды пустилась въ догонку, другая часть, вмѣстѣ съ пѣщими козаками, наступила на защитниковъ тaborа. Панское войско было разорвано на части. Одни легли трупомъ; другихъ перехватили живьемъ. Ушли только тѣ, которые оборонною рукой добрались до лошадей. Въ бѣгствѣ спасло ихъ только то, что орда сперва гналась за бѣглецами, а потомъ въ туманѣ не распознавала и собственныхъ єздоковъ. Кромѣ того, множество Татаръ и козаковъ увлеклось грабежемъ панскаго обоза. За бѣгущими гнались по двѣ, по три, по четыре мили и многихъ настигли.

Самъ Раецкій, первый историкъ достопамятной битвы, спасся, по его словамъ, чудомъ Божіимъ. Онъ былъ раненъ козацкой пулей выше глаза и татарской стрѣлою въ ногу. Въ это время Татаринъ оглушилъ его, ударивъ кистенемъ (*kiścieniem*) по шишаку. Когда онъ очнулся въ кустѣ и ждалъ уже смерти, подоспѣлъ къ нему товарищъ и, обстрѣливая, далъ ему коня-подъѣзда, который и вынесъ его изъ побоища.

Конные бѣглецы обгоняли множество пѣшихъ, но пѣшихъ (рассказывалъ Раецкій) мужики избивали по дорогамъ.

Разспрошенный вслѣдъ затѣмъ кѣмъ-то бѣглый мушкатель дополнилъ, сколько позволяла ему тревога, сказаніе панскаго слуги слѣдующими подробностями:

На помощь тому табору, который былъ у Желтыхъ Водъ, паны гетманы шли, не имѣя больше пяти тысячъ войска. Квартянныхъ было 3.000, волонтеровъ 2.000. Полковниковъ было два: черниговскій каштелянъ, Одривольскій, и „oberster“ Денгофъ; ротмистровъ квартянныхъ гусарскихъ только два: Сѣнявскій и Болѣбанъ (по-польски Bałaban), а козацкихъ (легко вооруженныхъ) три: Коморовскій, Гдешинскій, Олдаховскій; капитановъ четыре: Бѣгановскій, Гордонъ, Лакестуди, Фликъ; волонтеровъ-полковниковъ три: одинъ — Сѣнявскаго, другой — князя Вишневецкаго, третій — Замойскаго.

Было это войско уже за Чигириномъ, только въ 16 миляхъ отъ Желтыхъ Водъ. Уже были готовы и хорошие шанцы, а когда пришло извѣстіе о великой силѣ непріятеля, хотѣли окопать и тaborъ. Потомъ, неизвѣстно почему, 13 (3) мая, перенесъ панъ Крашевскій обозъ на полмили по сю сторону Чигирина. Единственное извѣстіе объ уничтоженіи желтоводскаго войска, какое можно было добыть во все время похода, состояло въ томъ, что панскіе развѣдчики слышали издали пальбу въ Княжихъ Байракахъ.

Отступая, панское войско стояло два дня надъ Днѣпромъ подъ Боровицею, памятною Потоцкому по выдачѣ Павлюка съ товарищами. Теперь, можетъ быть, онъ и пожалѣлъ, затѣмъ было раздражать козаковъ нарушеніемъ данной имъ Адамомъ Киселемъ присяги, что жизнь ихъ будетъ пощажена!

Непріятель взялъ такія мѣры относительно развѣдчиковъ, что изъ четверыхъ єздоковъ, осмѣлившихся чатовать за большую плату „для языка“, двое попали сами въ языки козакамъ, а изъ двоихъ, спасшихся бѣгствомъ, продавшійся панамъ Татаринъ (*Tatarzyn Przedajczyk*) прискакалъ лежа у коня на крестцѣ, тяжело раненный саблею въ запѣй.

Хмельницкій достигалъ своей цѣли: въ неизвѣстности о судьбѣ сына, Потоцкій простоялъ еще и подъ Черкасами два дня, тогда какъ ему, съ 5.000 воиновъ, надобно было убираться за добра ума въ Городовую Україну, за Рось. Только 19 (9) мая узналъ онъ о пораженіи своего драгоцѣннаго во всѣхъ отношеніяхъ отряда, но подробно ли узналъ, неизвѣстно. Наконецъ, миновавъ уже Корсунь, знали паны, что Татары переправляются черезъ Тясминъ, у мѣстечка Тясмина. *) Потоцкій сталъ окапываться, а Корсунь отдалъ жолнерамъ на разграбленіе, чтобъ не достался непріятелю.

Рано утромъ 25 (15) мая видать было въ зрительную трубу непріятельское войско въ бѣлыхъ сермягахъ. Догадались, что это козаки (козаки-блѣяки, какъ называетъ ихъ кобзарская дума, въ отличие отъ старшины). Но едва солнце начало всходить, какъ появился татарскій полкъ на другомъ берегу Роси, съ противоположной стороны Корсуня, потомъ и другой, и третій. Одни переправлялись ниже Корсуня, другіе—черезъ Корсунь (придерживаюсь точныхъ словъ реляціи). Потоцкій велѣлъ зажечь городъ. Все сгорѣло, кроме замочка и церкви въ сторонѣ.

Въ виду непріятеля панское войско стояло цѣлый день въ полѣ, занимаясь герцами. Въ прощальной стычкѣ на ночь захватили паны девятерыхъ Татаръ и козацкаго бута, то есть переводчика. На пыткахъ они показали, что Татаръ 47.000, что въ тотъ же день къ Хмельницкому пришло болѣе 15.000 козаковъ, и что у хана еще больше силы въ Дикихъ Поляхъ. „Послѣ этой исповѣди“ (говорилъ мушкатель) „имъ отсѣкли головы“.

Калиновскій (продолжаетъ реляція) весь этотъ день настаивалъ на томъ, чтобы дать битву; но Потоцкій боялся подвергать опасности Постолитую Рѣчу, и говорилъ, что понедѣльникъ всегда былъ для него въ бою днемъ несчастнымъ. Наконецъ рѣшился отступать.

Отданъ былъ приказъ готовиться въ походъ, оставить всѣ тяжелые возы, взять одни легкіе, для тaborования. Двинулись по корсунской дорогѣ къ Богуславу.

Когда дошли до „несчастной дубровки подъ Гороховымъ“ (рассказывалъ мушкатель), начался непріятельскій натискъ; возы опрокидывались; таборъ наткнулся на поперечные рвы, которыми козаки перекопали дорогу...

*) Можетъ быть, это было древнее „селище, Родивонова на Тясмени и съ пасѣками“, которое князь Федоръ Глинскій „выслужилъ на князи Александрѣ (литовскому) и на князь Семенѣ (киевскому)“ „Акты Западной Россіи“, I, № 158.

Это было то пагубное дѣло Хмельницкаго и тотъ важный недосмотръ пановъ полководцевъ, о которомъ кобзарскія думы сохранили память въ слѣдующемъ обращеніи козацкаго гетмана къ своимъ за-
тяжцамъ:

Гей, дрѹзі молодаці,
Браттє козакі запорозці!
Добре дбайте, барзо гадайте,
Відь селà Ситниківъ до города Кіорсуня
Шляхъ канавою перекопайте,
Потоцкого піймайте,
Мені въ руки подайте.

Гибельная мѣстность, по лѣтописному извѣстію, называлась Кру-
тюю Балкою. Паны (разсказывалъ мушкатель) оборонялись въ ней че-
тыре часа. Былъ слухъ, что легло у нихъ на мѣстѣ 500 бойцовъ;
остальные, кромѣ разбѣжавшихся, взяты въ пленъ.

„Страшное преображеніе наступило въ нашемъ отечествѣ!“ (пи-
салъ къ примасу Адамъ Кисель отъ 31 (21) мая). „Непобѣдимое для
турецкаго императора и столькихъ монарховъ, оно побѣждено однимъ
измѣнникомъ козакомъ... Тepерь уже рабы господствуютъ надъ нами...
Откуда мы черпали всяческую силу отечества, всѣ украинныя провин-
ціи взяли они у насъ, какъ свои, саблею... Кіевskое, Врацлавskое,
Черниговskое воеводства называются они своими; грозятъ Волыни, По-
долії (червоно)руссскимъ землямъ. Такъ внезапно, такъ тяжко этотъ
непріятель растопталъ польскую славу и драгодѣнное отечество наше“!

Оплакавъ такимъ образомъ то, что было неизбѣжно въ силу пе-
редѣлки шляхетной Руси въ Ляхвѣ и въ силу польской неурядицы,—
то, чѣмъ судьба грозила Польшѣ издавна,—Кисель обращается къ
причинамъ гибельного бунта. „Я видѣлъ“ (пишеть онъ), „что козаковъ
угнетали и безпощадно убивали больше, нежели простыхъ хлоповъ
(Widzialem kozaków plus, quam prostych chłopów oppressos i pes-
sime trucidatos).“ Но замѣчательно, что, будучи присяжнымъ право-
славникомъ, не упоминаетъ онъ здѣсь вовсе о церкви и вѣрѣ; а къ
кому бы, если не къ примасу, да еще къ такому, который чуждался
унії, могъ онъ обратиться теперь съ православными сѣтованіями па
религіозную нетерпимость католиковъ, когда бы она вооружила коза-
ковъ и сдѣлала причину общаго несчастія Полякоруссовъ!

Черезъ четыре дня послѣ Киселя писалъ львовскій синдикъ од-
ному изъ придворныхъ: „Кончено съ нами, мы погибли! (actum est de
nobis, peritimus!)“—и это было чувство вѣрное... Корсунскіе пѣдбит-
ки рассказывали во Львовѣ, что Николай Потоцкій, въ теченіе 20

дней, не могъ добыть никакой вѣсти о судьбѣ сына, нѣсмотря на великія награды развѣдчикамъ своимъ, что Шемберку сперва отсѣкли руки (его подозрѣвали въ утайкѣ козацкаго жолда), а потомъ будто бы Хмельницкій собственоручно снялъ ему голову; *) что Татарская орда представляла уже не разсыпчатую толпу, какъ прежде, а стройную милицію; что непріятель наступалъ на панское войско свирѣпо и съувѣренностью въ успѣхѣ, а паны предавались паникѣ и предчувствовали пораженіе; что украинская чернь предана Хмельницкому и называетъ его своимъ освободителемъ, а самъ онъ титулуетъ себя русскимъ княземъ. По словамъ синдика, во Львовѣ былъ сильный всполохъ, точно какъ бы козаки могли появиться въ городѣ ежедневно и еженочно. Были отворены одни только ворота, загроможденныя стечениемъ народа съ его пожитками. „Воины среди рынка, воины въ ратушѣ, воины на стѣнахъ“, писалъ синдикъ. Боялись тайныхъ козней со стороны греческой вѣры. Каждаго пугалъ слухъ, что Хмельницкій разослалъ 70 козаковъ по всей Польшѣ для поджога городовъ...

Еще больший всполохъ произошелъ въ Варшавѣ. Литовскій канцлеръ записалъ въ своемъ дневникѣ о козакахъ, что, „когда бы ихъ не прѣудержала Божія сила, то навѣрное могли бы они пройти до самаго Кракова и Варшавы безъ всякаго отпора. Ибо такой страхъ овладѣлъ всѣми, что больше думали о бѣгствѣ, нежели о защитѣ, и хотя подобное бѣдствіе постигло Королевство въ 1620 году, когда гетманы были разбиты, одинъ убить, а другой взять въ плѣнъ, однако же это произошло не въ Королевствѣ и не безъ короля, предъ наступленіемъ зимы и во время внутренняго спокойствія, а теперь—въ самихъ внутренностяхъ Королевства, въ самую весну, отъ вѣроломныхъ подданныхъ: ибо не только козаки подняли бунтъ, но и всѣ подданные наши на Руси пристали къ нимъ, „и увеличили козакамъ войско до 70.000, да и больше еще прибывало къ нимъ русскихъ хлоповъ, только Хмельницкій отсыпалъ ихъ къ покинутому плугу“.

Когда литовскій канцлеръ записывалъ такие страхи въ своемъ дневникѣ, канцлеръ коронный получилъ отъ Жовковскаго-Глуха изо Львова слѣдующее донесеніе:

„Только что прибѣжалъ изъ подъѣзда, ходившаго въ Дубну. Пишшу, чтò видѣль. Его милость панъ Сѣнявскій прибылъ передъ тѣмъ въ Межибожъ въ сермягѣ и длинной сорочкѣ. (Только въ мужичьей

*) Шемберку былъ житель города Львова, какъ и комендантъ Кодашкай крѣпости, которому козаки также отсѣкли руки.

одеждѣ могъ онъ добраться до своихъ имѣній). Панъ Яскульскій (слуга Николая Потоцкаго) съ нимъ. Долженъ (Сѣнявскій) заплатить за себя 20.000 червонныхъ золотыхъ Тогай-бею... Двоихъ (плѣнныхъ) Татаръ отдали пану краковскому воеводѣ (Любомирскому), третій въ Острополь. Этотъ былъ въ радѣ, когда козаки прощались съ Татарами и обѣщали платить имъ ежегодно дань, а Татары должны приходить по увѣдомленію со всею ордою. Поэтому не пойдутъ въ Крымъ, а тутъ отдыхаютъ въ Поляхъ съ этой стороны Днѣпра въ кутахъ (на budziakach). Другое условіе: чтобы не брали (въ ясырь) людей греческой религіи, а только Ляховъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоя подъ Бердичевомъ, не взяли ничего у пана кіевскаго воеводы (Тишковича), который находится въ Заславѣ, гдѣ собирается наше войско, только всюду пьянствовали Татары позорно. Если кого изъ нихъ взяли (въ плѣнъ), то очень пьяного: ибо у одного пана кіевскаго воеводы (въ имѣніяхъ) вышли 20 бочекъ вина. Въ Быстрикѣ не взяли ни малѣйшей вещи; иногда тайно держали Русина... Но когда Татары, отдохнувъ, возвращаются, то будутъ братъ (ясырь) и бить (негодныхъ для ясыра)... Ихъ 120.000. Козаковъ стоитъ подъ Бѣлою Церковью 30.000, и Хмельницкій велѣлъ всей Украинѣ быть наготовѣ. Каждый хлопъ или убилъ своего пана, или выгналъ въ одной одеждѣ съ душою и дѣтьми. Города переполнены ксендзами, шляхтою. Хмельницкій разослалъ шпиона, чтобы доносили ему о нашихъ приготовленіяхъ, о числѣ нашего войска въ полѣ, и гдѣ будутъ его ставить. Панъ Радецкій схватилъ одного подъ Дубномъ, а другаго подъ Константиновымъ. Все сказали тотчасъ, согласно съ Татарами. Въ пятницу одного посадили на колъ въ Константиновѣ, а другой еще живъ".

Сводя въ одно всѣ высказавшіяся въ панскомъ обществѣ мнѣнія о Корсунской катастрофѣ, историкъ останавливается на томъ, что высказалъ прибѣжавшій домой въ сермягѣ и мужицкой сорочкѣ по-томокъ знаменитаго изслѣдователя Татарскихъ Шляховъ. У его отца находился въ плѣну Тогай-бей, и панъ Сѣнявскій не только возвратилъ ему свободу, но еще далъ въ провожатые 60 всадниковъ. Помня благодѣянія, Татаринъ показалъ, что и онъ не хуже козаковъ—пиратовъ, которые по разсказу кіевскаго Русича, Песочинскаго, являя купцамъ Грекамъ opus misericordiae, захватывали у нихъ деньги да товары. Тогай-беево opus misericordiae состояло въ томъ, что онъ за свободу молодаго Сѣнявскаго назначилъ 20.000 червонцевъ и отпустилъ его на честное слово. Но плѣнный коронный великий гетманъ поручился за него. И однакожъ, Сѣнявскій положительно высказывался, что Потоцкій подъ Корсунемъ потерялъ бодрость духа. По

словамъ Сѣнявскаго, онъ окопался было на удобной позиціи, имѣль въ обозѣ аммуниціи и сѣйстныхъ припасовъ на два или на три мѣсяца, и могъ бы дать отпоръ непріятелю; но не послушался совѣта опытныхъ воиновъ, и согласился съ мнѣніемъ людей неизвѣстныхъ. Робость его сообщилась и другимъ, несмотря на мужество и опытность. Такъ разсказывалъ львовскій староста Сѣнявскій, и весьма правдоподобно. Потеря сына и самая неизвѣстность о его судѣбѣ и судѣбѣ отряда, составлявшаго цвѣтъ панского войска (*flos militiae nostrae*), должны были истомить душу панского фельдмаршала, а страстъ и болѣзнь доверили нравственное изнеможеніе. Ревнитель благочестія, Ерличъ, не пощадившій въ своихъ запискахъ и Петра Mogилы, полонизованного одинаково съ нимъ борца за вѣру, изобразилъ престарѣлого борца за дорогую и ему самому Шляхетчину въ отвратительномъ видѣ*). Не такимъ воятелямъ слѣдовало ввѣрять судьбу отечества, да видно такова была Польша на растлѣнныхъ высотахъ своихъ.

Кто знаетъ, какія мысли и чувства томили разслабленнаго духомъ и тѣломъ фельдмаршала подъ Корсунемъ? Можетъ быть, онъ вспоминалъ не одну Боровицу, гдѣ онъ коварно, іезуитски коварно подставилъ козакамъ единовѣрца Киселя. Можетъ быть, памятны были ему и „десять сотень“ искорчившихся на коляхъ мертвцевъ на Задѣбрїи, которые долженствовали обеспечить за его домомъ славу спасенія отечества, „доколѣ будеть существовать Польша“. Онъ зналъ по опыту, что козаки, уступая панамъ въ военномъ искусствѣ, не уступали имъ нисколько въ наследованной отъ Варягогуссовъ талантливости. Глядя на обступившихъ его хмельничанъ, онъ, безъ сомнѣнія, вспоминалъ изумительного воина, Дмитрия Гуню, достойнаго германскихъ пѣснословій,— и старое сердце его упало...

Изъ своего сидѣнья въ неволѣ Потоцкій прислалъ двоихъ слугъ-шляхтичей, изъ которыхъ одинъ, Яськульскій, войсковой стражникъ, долженъ былъ представить королю реляцію о погромѣ войска. Не найдя короля въ живыхъ, слуги Потоцкаго представили реляцію (отъ 9 июня, 30 мая) подканцлеру Лещинскому. Прежде всего они въ ней

*) Онъ пишетъ о Николаѣ Потоцкомъ такъ: „...wieczej radzil o kieliszach i szklannicach, niжeli o dobru Rzeczypospolitej i całości onej; jakož u nocy radzil o panach albo dziewczach młodych i nadobnych žonkach, będąc sam w starości lat podeszłych, nie znosząc sie ani radząc kolegi swego Marcina Kalinowskiego Hetmana Polnego, ani innych pułkowników i rotmistrzów, tak też towarzystwa. Z powadu pijaństwa ustawniczego i wielkiego wszete ezeistwa zatracił wojsko...“

объяснили, что заставило короннаго гетмана отступить отъ Корсуня, гдѣ онъ хотѣлъ было сидѣть въ осадѣ. По ихъ словамъ, козаки, въ одной милю отъ Корсуня, у Стеблева, стали отводить воду, такъ что рѣка Рось вдругъ начала мелѣтъ. Объ этомъ записалъ въ дневникѣ своемъ и литовскій канцлеръ „Козаки и Татары“ (говорить онъ), „облегши наше войско и воду куда-то спустивши, привели нашихъ къ рѣшимости отступать“. Но козаки не облегли еще пановъ, и панамъ рано было приступать къ такимъ чрезвычайнымъ дѣйствіямъ. Козаки могли пустить между Ляхоръ только молву о своей гидравликѣ, чтобы маскировать свое піонерство въ Крутой Балкѣ.

По разсказу войскового стражника, у Хмельницкаго было 12.000 козаковъ, у Тогай-бяя 40.000 Татаръ; въ томъ числѣ Астраханскихъ, никогда не бывавшихъ въ Польшѣ, 4.000, Ногайцевъ 12.000, Бѣлогорскихъ и Буджацкихъ 20.000. Непріятелю достались и тѣ деньги, которыя привезъ Потоцкому Будзынскій для уплаты Запорожскому Войску,—болѣе 70.000. Недоставало все-таки 230.000.

Орда (писали слуги Потоцкаго) расположилась у Бѣлой Церкви. Съ одной стороны Татары, съ другой—козаки. У Татаръ набралось уже болѣе 200.000 ясыру, но они продолжаютъ еще брать. Тогай-бей хвалился передъ своимъ знаменитымъ плѣнникомъ, что теперь они заключили съ козаками договоръ на сто лѣтъ; что теперь имъ не страшно воевать не только съ польскимъ королемъ, но и съ турецкимъ султаномъ, и что не выйдутъ изъ предѣловъ Польши до тѣхъ поръ, пока имъ не доплатить гарачъ, а козакамъ—жолдъ, итого 800.000 золотыхъ.

Интереснѣе всего разсказъ шляхтича Собѣскаго, котораго козаки схватили на пути изъ Кодака и привели къ Хмельницкому. Не зналъ еще тогда Хмель о смерти короля, и отпустилъ Собѣскаго подъ условіемъ, чтобы онъ объявилъ панамъ „нѣкоторыя ринста“. Собѣскій рассказывалъ на конвокационномъ сеймѣ официально, что Хмельницкій желаетъ мира и проситъ помилованія, съ тѣмъ чтобъ его оставили при его правахъ. Онъ говорилъ Собѣскому, что на члены даль ему деньги король, а на вопросъ: зачѣмъ вы (козаки) такъ поступили съ Рѣчью Посполитою? отвѣчалъ: „Я, съ моимъ товариствомъ, былъ очень огорченъ, притѣсненъ и обиженъ (*utrapiony, ucisniony i ukrzywdzony*), а правосудія найти не могъ. Набрался бъ (у насть) прошеній къ его королевской милости огромный коробъ, да король его милость хоть бы и хотѣлъ явить правосудіе, никто его у вѣстъ не слушаетъ (*nikt go i was nie słucha*): поэтому онъ велѣлъ намъ добывать свободы саблею“.

Собѣскій находился въ плѣну у Хмельницкаго пять дней и слышалъ между козаками, что онъ сперва держаль съ асаулами своими тайную раду, а потомъ объявилъ плѣнникамъ, что „вы, бѣдняки, называющіеся теперь шляхтою (wy, chudzi pacholcy, co się teraz ślachtą chrzcicie), будете боярами, а только паны ваши будуть шляхтою, а король единою главою, котораго одного будемъ слушать и вы и всѣ мы“.

Но Собѣскій не все еще высказалъ: осталное сохранилъ для болѣе секретнаго засѣданія (ad secretiorem sessionem), и до нась не дошла его тайна.

Такъ отразилось въ центрѣ Королевской Республики событіе, повернувшее круто судьбою Польши. Герой этого событія, Хмельницкій, долго не двигался отъ Бѣлой Церкви. Неизвѣстно, съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ онъ на беззащитную родину, кругомъ пылавшую пожарами, кругомъ представлявшую сцены плѣненія, насилия, убийства. Но она была беззащитна до такой степени, что Татары открыли въ ней повсемѣстно базары, на которыхъ смѣлые купцы, и въ особенности налетѣвшіе изъ Московскаго Царства, вели съ ними и съ ихъ друзьями, козаками, обширную и разнообразную торговлю. Добытыя безъ труда издѣлія фабрикъ, ремесль и продукты сельскаго хозяйства продавались добычниками за безцѣнокъ; а забираемые въ ясырь люди вздешевѣли до такой степени, что за одного коня Татаринъ давалъ шляхтича, или вѣсколько мужиковъ. Окрестности Махновки, Бердичева, Бѣлополья, Глинска и Прилуки надъ Собомъ первые испытали разницу между панскимъ и козацкимъ присудомъ.

Зато другая половина Русскаго Свѣта, во главѣ которой стояла Москва, начинала уже возмѣщать грабежи, сдѣянные въ ней, со временъ оныхъ, шляхетною и козацкою Русью, натравляемою Поляками,—возмѣщать, покамѣсть, руками только своихъ торговыхъ людей,—такъ что и сокровища царской казны, и раки московскихъ чудотворцевъ обѣщали вернуться, если не въ прежнемъ, то въ превращенномъ видѣ на Сѣверъ, гдѣ столько времени хозяйствала козако-шляхетская орда, устремляемая къ сердцу нашего расторгнутаго отечества римскою политикою Польши. Сама судьба, повидимому, благопріятствовала восполненію ущерба, причиненнаго Полякоруссами Москворуссамъ. Въ Козацкой Украинѣ, какъ и въ Крыму, былъ тогда голодъ, и царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ вывозить въ единовѣрную страну хлѣбъ, соль и всякие товары. Такимъ образомъ москворусскія драгоценности возвращались теперь домой за москворуссікіе продукты первой необходимости.

Когда скончался потаковникъ безпощадной Самозванщины, Сигизмундъ III, Поляки нарядили его въ „привезенную изъ Москвы тяжеловѣсную корону“, слишкомъ тяжеловѣсную, по слову поэта, даже и для такой головы, которая основала было въ Москвѣ новую династію; а кто можетъ сказать, изъ чего дѣлались драгоценные панскіе *ржонды* *), которыми щеголяли ренегаты русского элемента Потоцкіе, Сѣнявскіе, Собѣскіе? Теперь добыча кроваваго меча и жадныхъ рукъ начала возвращаться вспять, между тѣмъ какъ Татарокозакъ „такъ внезапно, таєжко растопталъ польскую славу и польское отечество“. Два народа, простиравшіе виды на господство между морей и океановъ, вступили въ новый періодъ соперничества.

Въ то время, когда на татарскихъ пограничьяхъ *польскорусского* государства происходили дѣйствія разрушительныя, общественный организмъ государства *московорусского* устремлялъ все еще свѣжія силы свои къ цѣлямъ строительнымъ.

Въ Польшѣ, какъ мы знаемъ, проповѣдувалось такъ называемыи даже и въ наше время *народными пророками*, — что „это дикие звѣри, которые живутъ только ночью“ **), и такое опредѣленіе относилось не столько къ Москалиямъ чернорабочимъ, торгующимъ, воинствующимъ, сколько къ правоправящимъ. Они со своимъ царемъ во главѣ, со своими архіереями, боярами, думными дьяками и всею низходящею свѣтскою и духовною іерархіею, по словамъ польскихъ просвѣтителей, представляли „фурію, вѣчно стремящуюся въ Польшу“ ***). Съ своей стороны и тѣ, которые формировали мнѣнія общества московскаго, не щадили мрачныхъ красокъ для изображенія Польши, съ ея панами, съ ея свѣтскими и духовными властями въ самомъ ужасномъ видѣ, какъ это дѣлаетъ и современная намъ велико-и малорусская беллетристика.

Но изъ областей, доставшихся Владиславу IV по Поляновскому миру, безпрестанно бѣгали въ звѣрскую Москвию не только хлопы, но и шляхтичи, а изъ-за нового московскаго рубежа уходило подъ власть „безчеловѣчныхъ пановъ“ такое множество крестьянъ, что царское правительство нашлось вынужденнымъ объявлять въ пограничныхъ торговыхъ мѣстахъ, что тѣмъ боярскимъ людямъ, которые вернутся на „старыя печища“, дана будетъ „вола“, то есть они, съ по-

*) Сѣда, узды и проч.

**) Слова знаменитаго проповѣдника, Фабіана Бирковскаго.

***) Слова того же *народного пророка*.

томствомъ ихъ, будуть жить не за боярами, а за государемъ. Существуетъ въ архивахъ обширная переписка, относящаяся къ удерживанию барскихъ мужиковъ отъ переселенія въ панскія имѣнья и вызова ихъ обратно изъ польской Руси въ московскую.

Выходитъ, что не таковы были московскіе порядки, какими ихъ описывали польскіе „народные пророки“ да наши козаки, и не таковы были паны Ляхи и Полякоруссы, какими ихъ изображаютъ у насъ историки да беллетристы.

Сами по себѣ это предметы мелкіе, не удостоиваемые названія явлений историческихъ. Но побѣги крестьянъ съ обѣихъ сторонъ и сношенія по поводу этихъ побѣговъ между королевскими, крайне распущенными, и царскими, крайне исполнительными властями, привели два сосѣднія общества къ мысли, которая осуществилась путемъ войны, но могла бы осуществиться и безъ человѣко-истребленія, путемъ необходимости. Королевскіе шляхтичи, въ борьбѣ съ можно-владѣствомъ и продуктомъ его—разбойнымъ элементомъ, развившимся во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ, завидовали обитателямъ Царства Московскаго, которое наши монахи называли *страною тихою*, и въ особенности стали завидовать въ то время, когда на престолѣ, поколебленномъ Иваномъ Грознымъ, Борисомъ Годуновымъ и Василіемъ Шуйскимъ, возсѣлъ Алексѣй Михайловичъ Романовъ, получившій отъ своихъ подданныхъ прекрасное название *Тишайшаго Государа*.

Хотя Владиславъ IV былъ очень популяренъ и не пренебрегалъ, во время вѣчной охоты своей, гостить даже въ хлопскихъ избахъ; но польскіе „королята“ (*królewie*ta), со всѣми партіями и безпрестанными ссорами, не давали покоя мелкимъ землевладѣльцамъ, а шляхетные слуги ихъ, ихъ жоннеры козаки,—были, можно сказать, ордою, постоянно буйствовавшею, какъ выражались они, въ нѣдрахъ государства (*in viscerebus regni*). Обижало мелкопомѣстную шляхту и то, что магнаты, при извѣстной сноровкѣ, отхватывали на свой пай громадныя вотчины и королевщины (*królewszczyzny*), которыхъ должны были быть общими достояніемъ заслуженнаго шляхетства. Обижало и то, что *великіе паны*, получивъ за свои заслуги и безъ всякихъ заслугъ, по десяти и болѣе староствъ, пускали въ аревду Жидамъ не только села, но и пограничные замки, которые, въ жидовскихъ рукахъ, обращались въ развалины, тогда какъ „рыцарская шляхта“ могла бы здѣсь быть на своемъ мѣстѣ и, зарабатывая кусокъ хлѣба, охранять край отъ набѣговъ и разбоевъ. Но всего больше жаловалась мелкопомѣстники въ Королевской Землѣ—на ея безсудность.

Въ отвѣтъ на эти сътования и жалобы царскія, должностные люди говорили имъ: „Нашъ великий государь достоинъ содергати (кромъ Московскаго) и множайшія царства и власти. Нашъ государь его царьское величество зѣло къ ратнымъ людямъ милостивъ. Даролюбивый у насъ государь: жалуетъ онъ имѣнія и власти по достоинству. Судъ у него правъ и непоколебимъ. Нашъ великий государь, царь и многихъ земель обладатель, имѣетъ мѣрило праведное, и многихъ скіптродержавныхъ властодержателей (они были начитаны въ церковной письменности, и выражались въ подобныхъ случаяхъ витевато) его царьское величество премудростью и храбростью превосходить“.

„Вотъ еслибы насъ привелъ Господь подъ царскую высокую руку!“ (говорили царскимъ людамъ люди королевскіе по смерти Владислава IV). „Слышно у насъ, что многіе хотятъ на польскій престолъ звать вашего царя, какъ въ старину призывали великаго князя литовскаго“.

„Что же?“ (отвѣчали царскіе люди). „По Божію дарованію, государю нашему вольно и на вѣсъ милостивыя свои щедроты изліяти, яко же и на прочихъ отъ Бога данныхыхъ ему людей подъ его царскую высокую руку“.

Въ самомъ дѣлѣ вся шляхта и мѣщане въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ и въ Новгородскомъ повѣтѣ, а равно такъ называемые Бѣлорусцы, иначе Литовскіе люди, въ Кіевѣ, Черниговѣ и другихъ малорусскихъ городахъ—о томъ только и говорили, „чтобы Господь Богъ по ихъ желанію исполнилъ и учинилъ великаго государя царемъ надъ обоими государствами, на Московскому и на Польскому, и чтобы великое государство Московское и Польское были заодно“.

Донося объ этомъ царю съ привычною точностью, безъ какихъ-либо сужденій, пограничные воеводы передавали ходачій слухъ, будто бы даже „коснѣръ“ (канцлеръ) корунный, Юрий Осolinской, въ листахъ своихъ писалъ изъ Польши къ новгородскому полковнику, Понентовскому: Исполитая де Рѣчъ, государь, хотять быти подъ твоєю царьского величества высокою рукою и тебя, великаго государя, царемъ имѣть, и Московскому Государству съ Польскимъ Государствомъ заодно быть“.

Какъ бы ни думали въ Москвѣ о письменныхъ сношеніяхъ „корунного коснѣра“ съ пограничнымъ офицеромъ по такому важному предмету, но донесеніе царскихъ людей было принято, какъ дѣло серьезное. На оборотѣ подлинника читаемъ помѣту: „156 (1648) го-да іюня въ 13-й день. Государь слушаль и бояре. Указалъ государь послать свою государеву грамоту въ Сѣвскъ къ воеводамъ: велѣть за-

рубежъ послати нарочно, кого пригожъ, и велѣть провѣдать подлинно о всякихъ вѣстяхъ противъ сеѧ отписки; а провѣдывать велѣть тайнымъ обычаемъ".

Трудно вообразить контрастъ больше того, какой представляли два соперничавшія государства. Одно стояло на поблажливости и снисходительности къ преступленіямъ; другое—на строгости и грозѣ. Однакожъ, въ поблажливомъ государствѣ люди томились безсудьемъ, и сама шляхта, органъ законодательной власти, мечтала издавна о переходѣ подъ строгое и грозное правлениѣ. Теперь, когда ея желанія, невѣдомо для нея, приближались къ исполненію, духъ польской государственности высказывался, подъ перомъ Адама Киселя, въ такой формѣ:

„Въ нашемъ вольномъ народѣ“ (писалъ онъ къ царскимъ боярамъ въ апрѣль 1648 года) „ни приказомъ, ни супровствомъ, ни наказаніемъ, ни смертю, точю разумомъ, вся лучшее промышляюще во всемъ чинъ поставляются и утверждаются“.

Но прославляемая Поляками національная и общественная *мудрость* (слово прекрасное) до того подрывала основы государственности, что Москаль, якобы порабощенный царскими деспотизмомъ, съ высоты своего превосходства читалъ слѣдующее наставленіе „вольному народу“, въ лицѣ его пограничного представителя, смоленского подвоеводія, который остановилъ было его въ посольствѣ изъ-за домугательства взятки отъ бѣхавшаго съ нимъ купца.

„Если бы мнѣ купецъ и братъ родной былъ, и я бы великаго государя нашего дѣлъ и на кровнаго своего, да и всего свѣта на багатство не промѣнялъ. То всѣхъ насть царскаго величества подданыхъ повинность, что дѣлъ его царскихъ остерегать паче головъ своихъ, а не токмо что для своей корысти и пожитку государственнымъ дѣламъ помѣшку дѣлать, какъ нынѣ подвоеводье дѣлаетъ для своей корысти и пожитку съ такимъ великимъ государственнымъ дѣломъ“.

И дѣйствительно, царское посольство, пріостановленное смоленскимъ подвоеводіемъ, должноствовало разрѣшить въ Москвѣ вопросъ: спасать ли Польшу на краю гибели, или же оставить ее падать въ такую яму, какую она рыла нѣкогда подъ ногами Москвы?

Между тѣмъ по путинскимъ, чугуевскимъ и бѣлгородскимъ „сакмамъ“, или сторожевымъ пунктамъ, гдѣ стояли стрѣльцы и заставные головы, мѣняясь одни съ другими „доѣзжими памятами“,—съ самого начала бунта Хмельницкаго, козацкіе забронники, или, какъ ихъ называли царскіе люди, *воры Черкасы*, производили грабежи и разбой,

подкрадывались по-татарски къ московскимъ сторожамъ и къ пограничнымъ селамъ, въ числѣ пяти, двадцати и до двухъ сотъ человѣкъ, „наряднымъ дѣломъ“, то есть въ полномъ вооруженіи; побивали сторожевыхъ стрѣльцовъ, отнимали станичныхъ лошадей, ружья и всякую рухлядь. Иногда воры Черкасы появлялись одни, иногда—вмѣстѣ съ Татарами, и это повторялось такъ часто, что по рѣкѣ Сѣверному Донцу и по сосѣдней степи не было за ними проѣзда. Даже тѣ козаки, которые сидѣли пасѣками съ польской стороны по рѣчкамъ Мѣѣ, Удамъ, Комолышъ, стали разбойничать на Донцѣ и подъ Чугуевымъ. Воры Черкасы, по зову Хмельницкаго, вооружались на счетъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ пограничниковъ за вѣру, честь и прочая, какъ проповѣдуетъ малорусская исторіографія *).

Все своевольное и безпутное почуяло, что съ Низу Днѣпра вѣтеть вѣтеръ, благопріятный для дикихъ инстинктовъ и привычекъ. Во всѣхъ „корчмахъ-княгиняхъ“, во всѣхъ разгульныхъ „кабакахъ“ и „шинкахъ“, гдѣ отъ козацкаго хмѣлю валились печи и „за сажей не видать было Божія свѣту“, какъ это воспѣвается въ кобзарской думѣ, у всѣхъ „степныхъ шинкарокъ“, этихъ „Настей кабашныхъ“, гдѣ козакъ за свои „воровскія“ деньги живился грубыми наслажденіями жизни, на всѣхъ базарахъ и ярмаркахъ—распѣвали тогда пѣсни, которыхъ полузааглушенные временемъ звуки донеслись и до насъ:

Ой изъ Низу Дніпрѣ тѣхий вітеръ віе-новівѣа,
Військо козацьке запорозьке у походѣ выступає.
Тілько Богъ святій знає,
Що Хмельницький думae-гадаe..

Въ самомъ дѣлѣ, мудрено было угадать мысли человѣка, который, по словамъ крымскихъ „полонянниковъ“, обѣщалъ „служить хану вѣчнымъ холопствомъ“, не предвида, что у него будетъ въ рукахъ не хutorъ съ тясминскими слободами да пасѣками, а цѣлое государство. Испугался ли онъ своего успѣха, боялся ли врѣзаться глубже въ Еролевскую Землю, чтобы Орда въ самомъ дѣлѣ не взяла козачество

*) Еще и въ апрѣлѣ 1649 года царскій дворянинъ Унковскій упрекалъ Хмельницкаго, въ Чигиринѣ,— что „Черкасы нападаютъ на порубежныхъ людей, чинять имъ великия обиды, грабятъ и убиваютъ, въ угодья вѣвѣзжаютъ, пчель выдираютъ, рыбу ловятъ, хлѣбъ и сѣно увозятъ насильно, и ваши порубежные начальники“ (говорилъ Унковскій) „такихъ воровъ не наказываютъ и не ссыгаютъ“.

въ свое вѣчное холопство вмѣстѣ съ опустошенною Украиною, или же ему страшно было поднять на себя шляхту, сгущенную бѣгствомъ во внутреннихъ областяхъ?... Неизвѣстно, почему онъ остановился у самаго входа въ область городскихъ и сельскихъ промысловъ, па Ярославской колонизаціонной границѣ, на „Рѣси“. Этотъ его поступокъ до того былъ загадоченъ, что литовскій канцлеръ приписывалъ его Божеской силѣ.

Хмельницкій, вѣроятно, и самъ не зналъ, что ему дѣлать,—ему, который хотѣлъ помститься надъ можновладчикомъ Конецпольскимъ за обычныя въ Украинѣ обиды, и, точно во снѣ, увидѣлъ себя побѣдителемъ коронныхъ гетмановъ. Новость и опасность его положенія между Татаръ и Руси, между бродягъ и землевладѣльцевъ, между безхатниковъ козаковъ и обладателей вооруженныхъ замковъ, между православныхъ и папистовъ, наконецъ между Крыма, Москвы и Польши, озадачивала его, надобно думать, такъ сильно, что онъ больше прежняго началъ поддаваться козацкой пріятелиѣ къ безпробудному пьянству, которое привело его къ смерти задолго до периода старческой немочи.

Онъ окружалъ себя—то странствующими монахами, то колдунаями и ворожеями. Лишь только занялъ онъ Бѣлую Церковь, къ нему хлынули чернецы и черници за милостынею, теперь, очевидно, не таюю скудною, какую получалъ отъ жмайлловцевъ и тарасовцевъ голодный кievскій митрополитъ. Но это была монастырская чернь, имѣвшая теперь такъ мало общаго съ „духовными старшими“, какъ мужики съ панами. Напротивъ то духовенство, которое скиталецъ Филипповичъ называлъ *Могиллянами*, бѣжало изъ Киева вмѣстѣ съ латинскими есендзами, уніятами, шляхтою, Жидами, Армянами и всѣмъ зажиточнымъ народомъ. Адамъ Кисѣль увѣдомлялъ объ этомъ примаса изъ своей Гощи, отъ 31 (21) мая, среди важныхъ сообщеній и политическихъ соображеній, въ такихъ словахъ: „Хмельницкій объявилъ Киевъ свою столицей, и хотя всѣ первенствующіе люди, какъ духовные, такъ и свѣтскіе всѣхъ религій (*uniciusque religionis*) бѣжали, онъ приказалъ оставшейся черни готовиться къ его прїѣзду“.

Наши историки, не стѣсняясь характеромъ тогдашней церковной іерархіи, пишутъ, будто бы замыселъ Хмельницкаго благословляли даже такие люди, какъ Петръ Могила. Но Хмельницкому стоило немалаго труда остановить бѣгство духовныхъ старшихъ насилиствомъ и обѣщаніями. Это бѣгство грозило уничтожить пущенную въ пародѣ молву, что козаки поднялись на Ляховъ за вѣру. Хмельницкій былъ на столько смѣтливъ, чтобы сохранить кажущееся согласіе между цер-

ковью и козацчиной. Онъ озабочился устроить при митрополитѣ стражу, которая бы охраняла его спокойствіе среди революціоннаго движенья, но которая въ сущности держала его подъ надзоромъ козацкой поліції.

Обезпечивъ себя съ этой стороны, побѣдитель короннаго и панскаго войска послалъ въ Варшаву четверыхъ старшинъ съ оправдательнымъ письмомъ къ королю, какъ бы не зная еще о его смерти.

Онъ жаловался на украинскихъ старость и землевладѣльцевъ, которые де вотъ уже столько лѣтъ отнимаютъ у козаковъ хутора, луга, сѣнокосы, ставы, млины, взимаютъ десятину съ козацкихъ пчелъ, хоть бы и въ королевскихъ имѣніяхъ; кому что у козаковъ понравится, тотчасъ берутъ силою, а самихъ обдираютъ, бьютъ, тиранятъ, сажаютъ въ тюрьмы, и надѣлали много раненыхъ и окалѣченныхъ въ нашемъ товариществѣ; а козацкіе полковники, будучи ихъ рукодайными слугами, не только не обороняютъ насъ отъ такихъ угнетеній, но еще помогаютъ имъ въ этомъ, и даже Жиды, надѣясь на старость, чинять надъ козаками великое самоуправство (*wielkie zbytki*), „такъ что и въ турецкой неволѣ“ (писалъ Хмельницкій) „невѣроятно, чтобы христіянство переносило такія бѣды, какія причиняются намъ, подножкамъ вашей королевской милости“.

Но въ чемъ состояло самоуправство, отъ которого страдало християнство въ Українѣ, Хмельницкій промолчалъ, и обратился снова къ обидамъ, не касающимся религії.

„Мы знаемъ“ (продолжалъ онъ), „что это самоуправство чинили они надъ нами въ противность вашей королевской милости. Всё бывало приговариваются: „Вотъ вамъ король! Ну, что? поможеть вамъ король, сякіе-такіе сыны“? Поэтому, будучи не въ силахъ больше терпѣть такія притѣсненія и безвинное мученіе, не могли мы уже отъ своихъ великихъ бѣдъ усидѣть и въ домахъ своихъ, а, покинувши женъ, дѣтокъ и всю убогую худобу свою, были принуждены мы, часть нашего войска, уносить изъ великой неволи куда можно головы свои только съ душами, и некуда больше, какъ на обычныя мѣста наши, на Запорожье, откуда предки наши съ давнихъ вѣковъ привыкли Польской Коронѣ и вашей королевской милости, нашему милостивому пану, отдавать вѣрное подданство свое и услуги“.

Это письмо напоминаетъ воззваніе Павлюка къ реестровымъ козакамъ самимъ тономъ и складомъ своимъ. Хмельницкій пѣлъ павловскую пѣсню, которую, по всей вѣроятности, онъ же, въ званіи военскаго писаря, сочинялъ и для предыдущаго бунта.

„Но и тутъ на Запорожье“ (продолжалъ онъ, очевидно, списывая написанное за Порогами) „не давая намъ покоя, и не обращая

вниманія ни на какія привилегіи, которыя мы имѣемъ отъ вашей королевской милости, нашего милостиваго пана, наши войсковыя вольности и самихъ насъ обратили въ ничто. Въ томъ самъ Господь Богъ намъ свидѣтель, что мы, будучи въ вѣрномъ послушаніи вашей королевской милости, не учинили никакого своеольства и не заслужили никакой кары (ani na nic zlego nie zarobili). Но его милость, панъ Краковскій, о которомъ не думаю, чтобы онъ былъ добрымъ пріятелемъ вашей королевской милости, нашего милостиваго пана и, вѣроятно, съ его позволенія дѣлались надъ нами такія тиранства,—наступиль и туда на насъ на Запорожье съ войскомъ своимъ, а Украину опустошиль, съ намѣреніемъ, какъ видно, искоренить и наше козацкое имя, или прогнать и съ земли. Но мы не желаемъ, пока живы, отрѣшиться отъ благоволенія вашей королевской милости. Мы по неволѣ, видя, что, противъ воли и повелѣнія вашей королевской милости, нашего милостиваго пана, наступили на нашу жизнь съ великими войсками, должны были воспользоваться помощью крымскаго хана, который помогъ намъ въ этомъ случаѣ, помня, что мы имѣемъ также нѣсколько разъ помогали въ такихъ несчастіяхъ и спасали отъ непріятелей. Такъ должно было случиться по Божію Пророчеству, что при сухихъ дровахъ и сырымъ досталось. Кто тому причиною, пускай самъ Господь Богъ судить. А мы, какъ до сихъ поръ были вѣрными подданными вашей королевской милости, такъ и теперь не преминемъ и готовы на всякой службѣ Рѣчи Посполитой противъ каждого непріятеля жертвовать жизнью своею за достоинство вашей королевской милости, нашего милостиваго пана. И Крымская Орда до сихъ поръ, заключивъ съ нами договоръ, ни подъ какимъ видомъ не вторгается въ государство вашей королевской милости. Посему унизенно просимъ вашу королевскую милость, нашего милостиваго пана, чтобы, явивъ надъ нами, нижайшими подношками своими, отеческое милосердіе и невольный сей грѣхъ намъ отпустилъ, благоволили повелѣть—оставить насъ при давнишнихъ нашихъ правахъ и вольностяхъ, якобы сами священнаю особою своею, и мы бы, нижайшіе слуги вашей королевской милости, не терпѣли больше этой неволи. Мы же снова при вѣрномъ подданствѣ нашемъ, съ униженными служебниками, подъ ноги маестата вашей королевской милости, нашего милостиваго пана, нижайше и покорнѣйше отдаемся*. *)

*) Эта косвенная прокламація, подобная павлюковской, такъ точно уничтожаетъ апокрифический универсаль Хмольницкаго изъ-подъ Бѣлой Церкви, какъ павлюковская — фальшивый универсаль Остряницы, включенный въ Лѣтопись В-

Въ виду того, что предшествовало этой манифестаціи и что за нею послѣдовало, стбить вникнуть въ смиренное и покорное оправданіе козака, наступившаго панамъ на горло. Она была подписана такъ:

„Вашей королевской милости, нашего милостиваго пана, нижайшіе подношки и вѣрные подданные. Богданъ Хмельницкій на это время старшій Запорожскаго Войска вашей королевской милости“.

Вмѣстѣ съ оправдательнымъ письмомъ послы Хмельницкаго представили панамъ и свою инструкцію. Она сохранилась и въ краткомъ, и въ болѣе пространномъ изложеніи. Въ ней частію повторяется сказанное въ самомъ письмѣ. Но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что оправдательное письмо было писано 12 (2) іюня и подано примасу, какъ видно изъ помѣты, die 7 Julii, тогда какъ „Пункты Инструкції“, въ краткомъ изложеніи, помѣчены 9-мъ іюля, а въ болѣе пространномъ не помѣчены вовсе. Дѣло въ томъ, что важнѣйшій и самый тяжкій для пановъ пунктъ о религії помѣщенъ въ самомъ концѣ инструкціи, тогда какъ объ этомъ важномъ предметѣ вовсе не упомянуто въ петиції къ королю. Читателя, наслушавшагося отъ историковъ сказокъ о козацкой борбѣ за церковь и вѣру, поражаетъ въ этомъ пункте посольской инструкціи то, что козаки умалчиваются о „Козацкой Украинѣ“, и хлопочутъ о тѣхъ провинціяхъ, гдѣ козачество вовсе не существовало. Вотъ этотъ пунктъ:

„Касательно же нашего духовенства стародавней греческой религії усердно просимъ, чтобы она была ненарушима, и тѣ святыя церкви, которыхъ насильственно взяты подъ унію, какъ въ Люблинѣ, въ Красномъ Ставѣ, въ Санокѣ и въ другихъ мѣстахъ приневолены, чтобы оставались при давнишнихъ вольностяхъ.“

Посольствомъ къ несуществующему королю Хмельницкій давалъ панамъ понять, что нѣть имъ надобности принимать мѣры обороны отъ козаковъ, и что козаки удовлетворятся только возвращеніемъ къ тому положенію, въ какомъ находились до сеймового постановленія о

личка. При отсутствії у насъ исторической критики, Археографическая комиссія напечатала бѣлоцерковскій универсаль въ своихъ актахъ и еще не такъ давно опубликовала его для Европы, съ переводомъ на французскій языкъ. Я указалъ на это въ „Матеріалахъ для Исторіи Возсоединенія Руси“, но Костомаровъ, въ 4-мъ изданіи „Богдана Хмельницкаго“, пишетъ, что Хмельницкій, „съ шестидесятю козаками, разославъ изъ-подъ Бѣлой Церкви списки зазывнаго универсала ко всѣмъ южноруссамъ, обитающимъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра“, и прочая.

нихъ 1638 года. Раздѣльность панскихъ интересовъ подавала Хмельницкому надежду, что тѣ изъ магнатовъ, которые владѣютъ въ Малороссіи вотчинными и ранговыми имѣніями, перессорятся съ тѣми, которые не участвовали въ колонизації малорусскихъ пустынь, но за-видовали колонизаторамъ и сваливали вину козацкаго бунта на ихъ жадность къ обогащенію. Въ то же самое время всѣвалъ онъ рознь между католиковъ и православныхъ, между католиковъ и уніатовъ (вспомнимъ, какъ Левъ Сопіга обвинялъ ревнителей унії), а протестантамъ намекалъ, что, съ помощью козацкаго войска, они могутъ поставить свою церковь наравнѣ съ католическою, какъ пытались это сдѣлать въ 1632 году. Дѣля такимъ образомъ панское общество на части, Хмельницкій надѣялся, что не вся Рѣчъ Посполитая встанетъ противъ него и, въ своей раздѣльности, дастъ козакамъ возможность овладѣть Украиной.

Можетъ быть, на эту мысль навели его письма, найденные въ бумагахъ Потоцкаго. Къ числѣ магнатовъ, отстаивавшихъ козаковъ противъ Потоцкаго, принадлежалъ и краковскій воевода, Станиславъ Любомирскій, человѣкъ весьма влиятельный между панами. Дней черезъ пять послѣ Корсунскаго погрома, Хмельницкій выразилъ свою благодарность за его покровительство въ письмѣ къ его бѣлоцерковскому подстаростю, Черному, предостерегая подстаростія, что „во множествѣ войска есть и злые люди“, такъ чтобы онъ стягивалъ подданныхъ пана своего изъ сель, ближайшихъ къ городу, а въ болѣе далекихъ, чтобы народъ соединялся въ большия купы съ своею худобою. „Мы бы съ радостю вернулись отсюда“ (писалъ онъ, вполнѣ увѣренный, что письмо полетитъ къ пану воеводѣ), „но узнали, что еще множество такихъ непріятелей идетъ противъ насъ, каковъ былъ его милость, панъ Краковскій: по-неволѣ должны мы къ нимъ спѣшить. Да будетъ воля Божія!“

Спустя дней десять, написалъ Хмельницкій такое же тормазящее письмо и къ князю Доминику Заславскому, богатѣйшему изъ польско-русскихъ пановъ, о притѣсненіяхъ и тиранствахъ, претерпѣваемыхъ козаками въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтт. Въ этомъ письмѣ онъ говорить о Потоцкомъ такъ: „Его милость панъ Краковскій, наступивши съ великими войсками на наши дома, опустошивъ почти весь край нашъ и обративши въ ничто имущество наши, погнался было за душами нашими и на Запорожье“.

Въ письмахъ къ панамъ онъ смиренно называетъ себя *старшимъ* Запорожскаго Войска, не давая себѣ права титуловаться гетманомъ, подобно Косинскому и Наливайку, которые, въ виду постав-

ленныхъ правительствомъ *старшихъ*, подписывались гетманами въ письмахъ къ королю и коронному канцлеру. Чѣо касается инструкціи козацкихъ пословъ, то она говорила о такихъ предметахъ, которые могли возбуждать въ панахъ только национально-польскую лудскость и тѣмъ самымъ дѣлить ихъ на умѣренныхъ и жадныхъ, на добрыхъ и злыхъ. Она интересна для насть въ томъ отношеніи, что характеризуетъ бытъ козака и его соціальное значеніе. Прочтемъ ее въ болѣе полномъ видѣ:

„1. Жалуются (козаки) на ихъ милостей пановъ державцевъ и урядниковъ украинныхъ, что, имѣя насть уже въ своей волѣ, поступаютъ съ нами не такъ, какъ слѣдовало бы съ рыцарскими людьми и слугами его королевской милости, по еще хуже, нежели съ невольниками своими: такія чинять самоуправства и нестерпимыя обиды, что мы не свободны не только въ нашихъ имуществахъ, но и въ самихъ себѣ.

„2. Хутора, сѣнокосы, луги, нивы, пахать, ставы, млины, чѣо бы только которому пану ни понравилось, отнимаютъ у козаковъ силою; сажаютъ въ тюрьмы, убиваютъ насть до смерти за наши добра, и надѣлали раненыхъ, искалѣченыхъ въ нашемъ товариществѣ множествомъ.

„3. Десятинные, пчельное и поголовщину, хотя живутъ (козаки) и въ добрахъ его королевской милости, берутъ у нѣкоторыхъ, наравнѣ съ мѣщанами, чѣо есть лучшаго.

„4. Козацкимъ сыновьямъ не дозволено держать при себѣ ихъ старыхъ матерей и родныхъ отцовъ. Прогонять же старыхъ родителей не слѣдуетъ. Козакъ долженъ и передъ паномъ за нихъ отвѣтить (*i grzech musi za nich Pana kozak czyniс*), и всякую войсковую по-винность отбывать.

„5. Женамъ козацкимъ, не то чтобы до трехъ лѣтъ, но и одного года, какъ бы стара ни была, не дозволяется посидѣть (на грунтѣ) безъ мужа, хотя бы у нихъ были и сыновья на службѣ. Тотчасъ поворачиваются ихъ, наравнѣ съ мѣщанами, въ панскіе налоги.

„6. Полковники наши обходятся съ нами не по своему обѣщанію и присягѣ. Не только не оборонаютъ насть въ какихъ-либо обидахъ отъ нихъ милостей пановъ урядовъ, но, еще помогая имъ обижать насть, чѣо бы которому у насть ни понравилось, добрый ли конь, или оружіе, или другое чѣо,—надѣлій ему подъ видомъ покупки, а не надѣлій, размышляй тогда о себѣ, бѣднага козакъ!

„7. Вола или яловицу не запирай въ особомъ мѣстѣ. Сѣно въ стогахъ, хлѣбъ въ скирдахъ и на нивахъ жатый жолнерская челядь береть силою.

„8. Когда зайдемъ на Запорожье не установленною стражею (nie zwyczajna załoga), и тамъ на Днѣпрѣ паны полковники въ свободномъ пользованіи нашемъ дѣлаютъ намъ великую неволю. Какъ же теперь, не имѣя возможности бывать въ морскихъ добычахъ, можетъ вызволиться козакъ своимъ трудомъ? Кто промышляетъ звѣремъ, кто рыбью, считайся и съ этимъ. Кто ловить лисицъ, у тѣхъ берутъ по лисицѣ отъ головы каждого козака, хоть бы было и 500; а не поймаетъ лисицы, то отираютъ самопалы отъ козаковъ. Кто бы ловилъ рыбу, давай подводу и на пана полковника. Если нѣть коня для доставки, доставляй по водѣ своими плечами, или плати.

„9. Въ полевой же добычѣ, когда самъ Господь Богъ пошлетъ счастье, что возьмешь въ ясырь не то старыхъ Татаръ, но и малыхъ Татарятъ, которые принадлежали намъ Войску, чѣмъ бы убогій козакъ пріодѣлся,—и то все поотнимали у насъ, такъ что не для чего и трудиться. Иногда также случится заяцъ, стадо, кони, овцы, скотъ, —со всего этого паны полковники вмѣстѣ съ панами жолнерами наберутъ себѣ чтѣ будеть лучшаго, сколько имъ надобно, а памъ, бѣднымъ козакамъ, и по одному не достанется, и то—что есть горшаго изъ браку. Рискуетъ (козакъ) жизнью ни за что.

„10. Найдя какую-нибудь прицѣлку къ козаку, чтобы содрать съ него, что увидять, тотчасъ его въ тюрьму. Искупай же, бѣдняга козакъ, свою душу! Ко всему этому, трудно даже исчислить всѣ другія нестерпимыя обиды, какъ насъ гонять на работы и въ подводы.

„11. А что была воля его королевской милости, нашего милостиваго пана, когда повелѣль было намъ всемилостивѣйше, чтобы мы шли на море,—для чего мы получили на члены деньги, и назначено было приписать къ нашему Запорожскому Войску еще 6.000, то мы, имѣя нашихъ старшихъ изсерды себя, обѣщаемъ и клянемся совѣстью своею, что не будемъ принимать сверхъ того ниодного, такъ какъ не въ 6.000 войска привыкли мы служить столь великия службы его королевской милости и всей Рѣчи Посполитой, а развѣ болѣе купою.

„12. Просимъ также унуженно, чтобы заслуженный жолдъ, котораго не видимъ уже пять лѣтъ, дошелъ до насъ вполнѣ, при комиссії“.

Послѣ того слѣдуетъ приведенная выше просьба о вѣрѣ, написанная безъ той реальности, съ какой хоть и не совсѣмъ складно, изложены 12 пунктовъ.

„Обо всемъ этомъ“ (заключаютъ свою посольскую инструкцію козаки) „послы наши, упавши къ милостивымъ ногамъ его королевской

милости, нашего милостиваго пана, будуть просить отъ насть какъ нельзя прилежнѣе и покорнѣе, чтобы мы вполнѣ и ненарушимо могли оставаться при всяческихъ нашихъ войсковыхъ вольностяхъ, какъ отъ бывшихъ святой памяти польскихъ королей дарованныхъ и привилегіями утвержденныхъ, такъ и отъ его королевской милости, щастливо надъ нами царствующаго короля“.

Отвлекая такимъ образомъ внимание „королятъ“ отъ военныхъ приготовлений, Хмельницкій зорко слѣдилъ за сношениями Польши съ Москвою, которая, по мирному договору, заключенному съ нею стараніями Адама Киселя, была обязана помогать Полякамъ противъ Татаръ, какъ и Польша—Москвѣ. Одно изъ писемъ Адама Киселя, относящихся къ этому предмету, попало въ руки Хмельницкаго. Зная сношения царя со Шведами о томъ, какъ „поотомстить Полякамъ за тотъ вредъ, который они причинили землѣ его и народу“; зная, что и въ предыдущіе бунты побитые за Росью и надъ Сулою козаки были приняты царемъ на московскую почву; зная, сверхъ того, что вся Сѣверщина, Киевская Земля и Бѣлоруссія проникнуты мыслию о соединеніи Польши съ Москвой подъ одной короною,—Хмельницкій написалъ къ царю письмо, въ которомъ относительно соединенія государства повторялъ то, о чёмъ доносили въ Москву пограничане воеводы, представилъ козаковъ „помирающими за старожитную греческую вѣру отъ безбожныхъ аріянъ“, извѣщалъ царя о своихъ побѣдахъ и предлагалъ ему свои услуги въ войнѣ противъ Ляховъ.

Когда на это письмо отвѣта не послѣдовало, а перехваченные козаками письма царскихъ людей къ папамъ дали понять козацкому бунтовщику, что царь остается вѣренъ оборонительному договору съ Польшею,—онъ дерзко высказалъ свою досаду путинльскому воеводѣ: „Дай же, Боже, чтобы и всякий непріятель нашего Войска Запорожскаго такъ же шеи уламаль и потѣхи не относишь, какъ пынъ Ляховъ Богъ помогъ намъ наделомити“!

Всѣ пограничные воеводы получили изъ Москвы наказъ послать за рубежъ расторопныхъ людей для провѣдыванья, что дѣлается въ Польшѣ, и за что у Черкасъ учинилась война съ Ляхами. Сохранилось множество донесеній, основанныхъ на словахъ развѣдчиковъ, которыми были обыкновенно люди торговые, какъ наиболѣе заинтересованные въ такой миссіи, наиболѣе бывалые, а главное—наименѣе въ глазахъ паповъ и козаковъ подозрительные. Они приносили къ пограничнымъ воеводамъ, вмѣстѣ съ точными вѣстями, много невѣрныхъ слуховъ, какими пробавлялись тогдапніе рынки, постоянные дворы, священнические дома и монастыри.

Нѣсколько разъ было, напримѣръ, донесено въ Москву, что король Владиславъ умеръ въ мартѣ, а не въ маѣ. Доносили также, будто бы короля убилъ князь Вишневецкій; будто бы сына Потоцкаго козаки разстрѣляли; будто бы его посадили на колъ подъ Кіевомъ, и тому подобныя небылицы. Получались въ Москвѣ извѣстія и такого рода:

„Сынъ Николая Потоцкаго учился въ одной школѣ съ сыномъ Богдана Хмельницкаго, и побранясь де Богдановъ сынъ Хмельницкаго съ Николаемъ сыномъ Потоцкаго, погрозилъ ему, что за насильство Потоцкаго надъ его сыномъ онъ, сынъ Хмельницкаго, только де дастъ Богъ взмужасть, и онъ ему, Потоцкаго сыну, то отомстить. И Потоцкаго де сынъ то сказалъ отцу своему, и Николай де Потоцкой велѣлъ Богданова сына Хмельницкovo, какъ онъ ѿхалъ изъ Кіева къ отцу своему, на дорогѣ изымать и его у себя во дворѣ убить, обсѣкши руки и ноги, веснѣ 156 (1648) году, а жену Богдана Хмельницкого съ дочерью взялъ Потоцкой къ себѣ. И за то де Богданъ Хмельницкой собралъ войско черкасское и призвалъ къ себѣ Крымскихъ Татаръ, и все войско королевское Черкасы побили, и гетмана Николая Потоцкого и польского, и Николаева сына Потоцкого, Петра, и многихъ знатныхъ людей поимали; и Петра Николаева сына Потоцкого Хмельницкой казнилъ на полѣ передъ отцомъ ево за своего сына“.

Подобныя вѣсти варіировались безконечно, давая матеріальь современнымъ лѣтописцамъ и кобзарямъ для изображенія того, чего даже не могло и быть. Но вмѣстѣ съ ними отовсюду, пачиная съ Бѣлой Церкви и оканчивая Смоленскомъ и Дорогобужемъ, приходилъ столь же нелѣпый слухъ, что козаки боятся съ Ляхами за вѣру. Даже такие люди, какъ дорогобужскій мытникъ, Жидъ Давидъ, даже заѣзжіе нѣмецкіе прикащики, наконецъ, и сами „Лахи“ въ Бѣлоруссіи—твердили въ одинъ голосъ: что „война съ козаками учiniлась за вѣру“; что „козаки съ Ляхами завоевались за вѣру“, что „боятся козаки съ Ляхами за вѣру“.

Вѣгство монаховъ за московскій рубежъ продолжалось. Мѣстныя власти, отъ имени оставшихся игуменовъ, просили пограничныхъ воеводъ вернуть ихъ, какъ воровъ, похитившихъ церковное серебро, книги и даже одежду братій своихъ. Но бѣглецовъ препровождали въ Москву и царская дума выслушивала отъ нихъ (не выражая ни въ какихъ ваказахъ собственного воззрѣнія на козацкій бунтъ): что „Поляки на нихъ похваляются: какъ де они съ козаками запорожскими управятся и они де христіянскую вѣру греческаго закона искоренятъ,

и церкви христіанскія разорять, а ихъ, чернцовъ, побьють всѣхъ, чтобы отъ нихъ, чернцовъ, впредь бунтозъ не было".

Эти послѣднія слова вовсе не выражаютъ, чтобы малорусскіе монахи принимали непосредственное участіе въ козацкихъ мятежахъ, хотя козацкіе историки рассказываютъ, на основаніи современныхъ выдумокъ, будто бы львовскій владыка посыпалъ порохъ и свинецъ козакамъ Хмельницкаго, а луцкій — даже пушки, называвшіяся гаковницами. (Объ этомъ будетъ у меня рѣчь въ своемъ мѣстѣ). Но вошли поповъ и монаховъ, изгоняемыхъ изъ церковныхъ имуществъ для возвращенія въ нихъ тѣхъ, которые отвергли „сихизму“ во имя единенія церквей, или тѣхъ, которыхъ смѣстили, по Филипповичу, *могилляне*, — эти вопли и жалобы, плачъ и озлобленныя рѣчи противъ Лаховъ, подъ которыми разумѣлись вообще паны, и способные, и не способные защищать вѣру предковъ своихъ, — сдѣлали глубокое впечатлѣніе на ту массу, для которой ни государственное, ни общественное право не существовало; а къ этой-то массѣ и обратились козаки. За *впру!* за *впру!* раздавался всюду кличъ, гдѣ изъ панскихъ жилищъ голодная сковорка таскала хлѣбъ, гдѣ пылали панскіе дома вмѣстѣ съ экономическими заведеніями, а панское добро дѣжалось достояніемъ поджигателей.

Но это былъ кличъ героевъ самозванчины, героевъ Московскаго Разоренія, изобрѣвшихъ только новый девизъ для своего истребительного промысла. Ниодинъ епископъ, ни игуменъ, ни даже протопопъ, къ чести полуразрушенной малорусской церкви, не выступилъ вмѣстѣ съ запорожцами Хмельницкаго въ роли возмутителя украинскаго простонародья. Даже нерадивые, подобные Филипповичу, даже и они притаились въ своихъ скитахъ и монастыряхъ.

Въ ужасное лихолѣтіе Хмельнитчины, заставившее насъ припомнить позабытую Батыевщину, игуменствовалъ въ Почаевскомъ монастырѣ почти столѣтній уже старецъ, преподобный Іоанъ Желѣзо. Родившись въ 1551 году, онъ прожилъ въ иноческихъ подвигахъ и времена протестантскаго легкомыслія малорусскихъ пановъ, и времена продажнаго отступничества малорусскихъ архіереевъ. Его чествовалъ Князь Василій, обратясь отъ уніатскихъ мечтаний къ православницкой борьбѣ съ папистами. Съ нимъ Іоанъ Борецкій, въ „великой“ пещерской церкви предавалъ проклятію апологію Смотрицкаго. Его репутація, какъ мужа святаго, была такова, что одному появлѣнію его въ монастырскихъ стѣнъ приписывали испугъ и бѣгство Татаръ, набѣжавшихъ „великою Ордою“. Если кто-либо, такъ именно этотъ самоотверженный аскетъ могъ бы теперь играть роль Петра Пустынника проповѣ-

даніемъ войны за древнее русское благочестіе, за поруганное панами отступниками православіе. Но, состоя въ постоянномъ общеніи съ печерскими застолпниками и съ аeonскими „преподобными мужами Россами, житиемъ и богословіемъ цвѣтущими“, Іовъ Желѣзо не имѣлъ ничего общаго съ паливайковцами, жмайлловцами, тарасовцами, павлюковцами и, наконецъ, хмельничанами.

Козацкіе историки, ловя современные слухи съ легковѣремъ по-границыхъ московскихъ развѣдчиковъ, заставляютъ какихъ-то безыменныхъ представителей нашего духовенства взывать къ народу во время Хмельнитчины: „Приспѣль часть, желанный часть! Время возвратить свободу и честь нашей вѣры“, и т. д. *) Между тѣмъ преподобный Іовъ Почаевскій, сидя въ своей подземной кельѣ, изъ которой братіи святаго человѣка видѣлся исходящій сверхъестественный свѣтъ, произносилъ скорбнымъ голосомъ одни только слова: „Господи, помилуй! Господи, помилуй!“ и эти слова, въ своемъ согласіи съ апостольскою программою „Совѣтованія о Благочестії“, были соотвѣтственны духу православной церкви, нежели все, что прославители козатчины могли узнать о нашемъ духовенствѣ отъ католиковъ и протестантовъ.

Видя въ козацкихъ похожденіяхъ нѣчто достойное сочувствія и уваженія, козакоманы посвящаютъ цѣлые томы на повтореніе всяческихъ сказаний о томъ, какъ разились по аренѣ древне-русской культуры козаки въ сопровождепіи своихъ единомышленниковъ Татаръ; какъ они вызывали па свой кровавый пиръ безумныхъ, безстыдныхъ и жестокосердыхъ людей всѣхъ племенъ, всѣхъ нарѣчий и состояний; какъ дикия полчища ихъ прошли вдоль и поперекъ всю Киевщину, Черниговщину, Подолію, Волынь, Червоную и Бѣлую Русь, точно сплошной пожаръ, гонимый дующимъ изъ Запорожья вѣтромъ; какъ не давали козаки пощады ни старцамъ, ни женщинамъ, ни груднымъ младенцамъ, не отличали благочестивыхъ отъ злочестивыхъ, православныхъ отъ кривовѣрныхъ, ругались всячески надъ женской чистотою, находили симпатичную для звѣрской толпы забаву въ томъ, чтобы, изнасиловавъ дѣвицу шляхетскаго званія, наградить ее красною лентою изъ кожи, содранной съ ея же шеи и бюста, разоряли церковные усыпальницы, выбрасывали тѣла покойниковъ на улицу, одѣвались въ ихъ одежду безъ отвращенія, безъ ужаса, безъ угрозенія совѣсти и пр. и пр. и пр.

*) Костомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, т. I, стр. 317.

Возведя козацкіе разбои въ идею народной самозащиты, въ сознаніе своихъ исконныхъ правъ и національности, въ чувство русской чести и вѣры, они находятъ интересъ углубляться во всѣ подробности убийствъ и мучительствъ, вдохновляются новымъ и новымъ краснорѣчіемъ по мѣрѣ того, какъ разливаемыя козаками рѣки крови дѣлаются шире и этому позору имени русскаго, этому поруганію историческаго характера православной вѣры придаютъ санкцію со стороны ея верховниковъ. Если-бы верховники нашей малорусской церкви въ эпоху Хмельницкаго и были способны, по своей природѣ, къ тому, что имъ приписываются; то не въ козацкую сторону глядѣли они по своему образованію, по своимъ общественнымъ связямъ, по своимъ нравственнымъ интересамъ.

Сами же козацкіе панегиристы первомъ своего вожака, Костомарова, пишутъ, что преемникъ Петра Mogилы по митрополіи, Сильвестръ Косовъ, „совсѣмъ не раздѣлялъ православнорусскихъ идей независимости, которая (будто-бы) одушевляли его предшественника“. Но, нетопырствуя въ потемкахъ баснословія, не обращаютъ вниманія на поразительное обстоятельство, что, отъ начала и до конца козацкихъ бунтовъ противъ пановъ, правительство Рѣчи Посполитой не подвергло суду и слѣдствію ниодного попа и монаха за участіе въ этихъ бунтахъ, а исполнительная власть этого правительства, въ лицѣ племянника и намѣстника Николая Потоцкаго, въ 1638 году освободила отъ ареста иѣзинского приходскаго дьячка на основаніи собственной его присяги въ непричастности къ бунту. Хмельницкій, покалуй, писалъ къ московскимъ воеводамъ, что Ляхи, умоляя его о мирѣ, сажаютъ на коль православныхъ священниковъ; но его слова заслуживаютъ еще меныше вѣры, нежели сказанія малорусскихъ лѣтописцевъ о мѣдныхъ волахъ, муроанныхъ столбахъ, поголовномъ избиеніи Руси за то, что она Русь, и ляшескомъ свирѣпствѣ надъ козаками, надъ ихъ женами и дѣтьми среди Варшавы, въ присутствіи сенаторовъ и земскихъ пословъ. Помраченный своими страстями и злодѣйствами бунтовщикъ долженъ былъ прибѣгать ко всѣмъ ухищреніямъ самозванщины, чтобы съ высоты воителя за вѣру, не спуститься до того уровня, на которомъ стояли Татары, призванные имъ на добычный промыселъ.

Что касается Москвы, то она, глядя издали на пожаръ, уничтожавшій польские труды на русской почвѣ, держала себя выжидательно. Ни киевскій митрополитъ, воспитанникъ Петра Mogилы, ни кто-либо изъ тѣхъ владыкъ, которые, по словамъ легковѣрныхъ историковъ, снабжали козаковъ порохомъ и гаковницами, ни даже такой энтузи-

асть, какъ извѣстный на Москвѣ Аѳанасій Филиповичъ, не присылали къ царю пословъ и не являлись, подобно Исаакію Борисковичу, съ просьбами принять козаковъ подъ свою высокую руку, какъ это было въ тѣ времена, когда козаки не вводили еще Татаръ въ Христіанскую Землю. О Хмельницкомъ ходили не межъ одними польско-русскими павами слухи, что онъ, бывши долго послѣ Цецорскаго пораженія въ плѣну, отуречился, что отсюда завязалась у него дружба съ мусульманами и что онъ, въ случаѣ неудачи въ войпѣ съ панами, отдать Україну турецкому султану. Да и самъ Хмельницкій много разъ хвастался, что отдастъ султану всю Польшу. Ходатайствовать передъ московскимъ царемъ въ пользу такого патріота, стремившагося къ Великой Руси „всѣми силами души“, не могли ни тѣ, которые, по ночину Петра Mogилы, вели малорусское общество къ соединенію церквей путемъ школьнай науки и польской общественности, ни даже тѣ, которые, устами Филипова, вопіали: „*Vae maledictis et infidelibus!*“

Москву, надобно думать, смущало отчужденіе отъ нея малорусской церкви въ такой критический моментъ, когда силы ея исконнаго супостата были поколеблены и когда русская почва тряслась подъ его ногами, дымилась какъ волканъ, извергала пламя вмѣстѣ съ потоками крови. Теперь бы, именно теперь, слѣдовало козакамъ соединиться съ церковными властями и обратиться къ царю съ общую просьбою о покровительствѣ, какъ это было сдѣлано 23 года тому назадъ. Но Малоруссій народъ, въ лицѣ своего духовенства, дворянства, купечества и мѣщанства, держался въ сторонѣ отъ козаковъ.

Между тѣмъ бунтъ Хмельницкаго сдѣлалъ громадные успѣхи. Огни, истреблявшіе панскіе хозяйства и дома, пылали уже на Волыни. Счастливый въ возбужденіи низкихъ инстинктовъ разбойникъ мечталъ о завоевавшіи себѣ удѣльного княжества. Выжидательное положеніе Москвы раздражало его и онъ посыпалъ къ пограничнымъ царскімъ воеводамъ сердитыя письма.

Правительство Тишайшаго Государя знало, что между козаками Хмельницкаго находится множество донцовъ. Знало оно, что къ запорожскимъ Черкасамъ примкнули не одни Татары, но и Калмыки. Козацкая ватага, мечтавшая еще въ XVI вѣкѣ о разрушеніи Krakova, могла, въ случаѣ чего, покуситься, подобно косолаповцамъ, на Москву, которая, по пословицѣ антигосударниковъ, „стояла на крови“, то есть подавила удѣльныхъ князей, какимъ задумалъ сдѣлаться нашъ Хмель и уничтожила драчливыхъ вѣча, воскресавшихъ въ козатчинѣ. Нельзя было оставлять польского Косолапа безъ вниманія, съ его гро-

мадными полчищами и съ его рѣшимостью дѣйствовать по козацкой пословицѣ: „абѣ панъ, абѣ пропаѣвъ“!

Хотмыжскій воевода, князь Болговской, на вопросъ: какъ отвѣтить Хмельницкому противъ его грозящаго письма? получилъ изъ Москвы проектъ отвѣта. Онъ отписалъ къ запорожскому гетману, —что царскіе ратные люди стоять съ нимъ (княземъ Болговскимъ) „на Українѣ и въ другихъ украинныхъ городѣхъ и у крѣпостей воеводы и многіе ратные люди есть, какъ и прежде сего бывали. А стоимъ де съ тѣми ратными людьми для обереганья его царскаго величества украинныхъ городовъ и мѣсть отъ приходу Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ. А что будто на васъ хотять стоять, и то нѣкто вмѣстѣль вамъ непріятель, христіянскіе вѣры, хотя тѣмъ въ православной христіянской вѣрѣ скору учинить. И вы бы и впередъ отъ наасъ того не мыслили и опасенъ никакова не имѣли. И отъ васъ никакова дурна не чаемъ и опасенъ не имѣемъ, потому что вы съ нами одное православные христіянскіе вѣры“.

Это было писано въ іюлѣ 1648 года. Въ концѣ русскаго іюля Хмельницкій благодарила князя Болговского за его дружескій отвѣтъ, и приглашалъ Москву нападать на Польшу. Но передъ тѣмъ онъ писалъ къ путинльскому воеводѣ, Никифору Плещееву: „Ужъ то третьего послы вашаго имаемъ, что вы, утайясь наасъ, ссылаетесь съ Ляхами наасъ воевать... Еслы себѣ того будете желати, чтобы есте на наасъ, на свою вѣру православную христіянскую, имѣли мечь поднять, а мы будемъ Богу молитися, что также потѣхи не отнесете, какъ и хто иной. Легче намъ, колко бившия межъ собою, помиритися, а помирившись, на васъ поворотиться, что за измѣну вашу Богъ васъ погубить“.

Въ своихъ письмахъ къ царскимъ людямъ счастливый разбойникъ титуловалъ себя „Божію милостію гетманъ“, чего, конечно, не оставила Москва безъ вниманія,—хоть однажды онъ, съ пьяна, заключилъ свое письмо къ Путинльскому воеводѣ (отъ 11 русскаго іюля) словами: „Вашему величеству всего добра желаю пріятно“, а подписался безъ Божіей милости.

Москва была поставлена въ положеніе затруднительное, опасное и вмѣстѣ съ тѣмъ неловкое. Въ августѣ путинльскому воеводѣ получилъ указъ о томъ, какъ написать отвѣтное письмо къ Богдану Хмельницкому, и при указѣ—образецъ самого письма, по поводу задержанія Хмельницкимъ московскаго посланца къ Іеремію Вишневецкому. Плещееву было наказано: „къ Вишневецкому и къ Адаму Киселю, и къ инымъ ни къ кому, безъ царскаго указу, ни о какихъ дѣлахъ листовъ отъ себя не писать и съ ними не ссылаться“.

Въ „образцовомъ письмѣ“, которое Плещеевъ долженъ былъ „написать на листѣ слово въ слово“, всего замѣчательнѣе то, что въ титулѣ: „Богдану Хмельницкому, гетману Войска его королевской милости Запорожскаго“, слова: *его королевской милости*, написанныя въ черновомъ отпускѣ, были (безъ сомнѣнія, думной редакціей) зачеркнуты. Можетъ быть, здѣсь имѣлось въ виду безкоролевье, а, можетъ быть, и что иное. Въ образцовомъ письмѣ, посланномъ бѣлгородскому воеводѣ, князю Пронскому, отъ 27 февраля 1649 года, по избраниіи на королевство Яна Казимира, означенныя слова не были возстановлены, какъ и никогда послѣ.

Сочиненное въ Москвѣ письмо Плещеева къ Хмельницкому было буквальнымъ повторенiemъ увѣреній, сочиненныхъ для князя Болговскаго; прибавлены только слова: „Писаль ко мнѣ князь Еремей Вишневецкай, воевода руской, что Крымскіе Татаровя въ собраньи на урошищѣ у Княжихъ Буераковъ 40.000 стоять наготовѣ, а хотять идти царскаго величества на украины воиною. И противъ того ево письма язъ, царскаго величества путивльской воевода, къ нему ко Князю Еремѣю Вишневецкому писаль, хотя отъ него прямые вѣсти вѣдать, куды тѣхъ Крымскихъ Татаръ впрямъ походу чаять, для опасенія царскаго величества украинныхъ городовъ. А то дѣло не новое, что о Татарѣхъ на обѣ стороны вѣдомо чинить и отъ ихъ безвѣстного воинскаго приходу береженые держать“.

Наконецъ, въ началѣ 1649 года получено въ Москвѣ изъ Смоленска тарабарское письмо отъ царскаго гонца, думнаго дьяка Григорія Кунакова. Это былъ человѣкъ въ посольскихъ дѣлахъ опытный и вообще смѣтливый. Ему было поручено „довѣваться подлинно, за что учинилась у пановъ (не сказано у Поляковъ) скора съ Черкасами“, и онъ, донося обо всемъ, что ему рассказывали русскіе зарубежники, написалъ слѣдующее:

„Богданъ Хмельницкій хотѣлъ отомстить Потоцкому за свои обиды домашнія, и собралъ черкасское войско, даючи причину, будто для того, что межъ королевствъ устоять о вѣрѣ, чтобы имъ подъ унѣ его не быть“.

Эти слова согласовались съ извѣстной уже намъ отпиской путивльскаго воеводы 1638 года, въ которой онъ, со словъ строителя Густынскаго монастыря съ братіею, доносилъ, что Поляки побиваютъ Черкасъ за самовольство, за избіеніе по городамъ урядниковъ, за грабежи надъ Жидами и Ляхами, за поджиганье костеловъ и святотатство, *a не за впру*. И видно было для чего писать „вѣсти въ Смоленску довѣданы есъ“ тарабарскимъ письмомъ, иначе *письмомъ по ли-*

торъ, котораго ни Кунаковъ, ни другіе вѣстовщики въ послѣдствіи не употребляли. Это былъ великий государственный секретъ: Москва наконецъ знала, въ чемъ дѣло и какъ ей быть.

Всѣ, однакоже, польскіе труды на русской почвѣ уничтожались, какъ бы неисповѣдимымъ судомъ Божіимъ, чрезъ посредство козацкихъ и всяческихъ разбойныхъ рукъ. Новая орда грозила выrostи на древнемъ пепелищѣ Варягоруссовъ, засыпанномъ костями тѣхъ Руничей, которые забыли, что „ихъ предки вѣры отъ папы не принимали“. Эта орда (такъ должна была размышлять Москва) будетъ необходимо подначальна Крымской Ордѣ, а Крымская Орда попала отъ той, которая испепелила первопрестольную столицу Руси, и такимъ образомъ снова готова встать уничтоженное Москвой и Литвой владычество Чингисхановичей надъ широкимъ займищемъ Рюриковичей. Что станется тогда съ Великой Русью? Ее совсѣмъ отрѣжутъ отъ христіянскихъ народовъ, и, можетъ быть, на мѣстахъ древнихъ киевскихъ святынь, Ярославовской Софіи, Золотоверхаго Михаила, Царствующей Печерской Лавры, появятся магометанскія мечети. Если же такъ не станется; если козаки будутъ „сильны Татарамъ“ и удержать подъ своей властью священные и славные высоты киевскія, тогда донцы соединятся съ запорожцами, тогда и вся козачтина царскихъ украинъ примкнетъ къ днѣпровскимъ наѣздникамъ,—и настанетъ новое царство, хуже Литовскаго, царство козацкое, воровское. Уже и то было слыхать, что Хмельницкій, „гетманъ Божію милостію“, объявилъ своей столицей Киевъ, а въ Смоленскѣ Кунаковъ довѣдался, что козаки не пустили киевскаго митрополита на сеймъ и „приставили къ нему варту по сту человѣкъ: знай де свою келью и въ такія дѣла не вступайся“.

Правда, Кунаковъ доносилъ, что Хмельницкій домогается отъ нового короля, чтобы онъ „церкви благочестивые христіянскіе вѣры въ Киевѣ и во всей Бѣлой Руси всѣ отъ унѣи учинилъ свободны, и костеловъ бы и унѣи въ Киевѣ и во всей Бѣлой Руси отнюдь не было“; но тутъ же писалъ своею государственной тарабарщиной, что козаки требуютъ отъ короля—отдать „киевское и всей Бѣлой Руси правленье на ихъ гетманскую волю, а самъ бы король въ Киевѣ и во всѣ бѣлорусскіе города, ни въ росправу. ни въ што не вступался, и на томъ бы де король и паны рады присягли и записьми укрѣпились“.

Это было бы не больше и не меныше, какъ воскресеніе великаго князя литовскаго Гедимина въ особѣ козацкаго гетмана Богдана. Случись это на самомъ дѣлѣ,—и Москва была бы стѣснена козацкой вольницей гораздо больше, чѣмъ во времена оны новгородскимъ и

псковскимъ вѣчами. Москвѣ тогда угрожалъ бы переворотъ еще болѣе тяжкій, чѣмъ подъ владычествомъ навязанного ей въ Смутное Время Владислава Жигимонтовича. Устроенное въ ней вѣками должно было разстроиться, и утвержденное великими заботами да крѣпкими думами царскихъ сановниковъ было бы поколеблено. Москва не могла допустить у себя подъ бокомъ, на древнерусской почвѣ, безбоярщины и безгосударщины. Какъ ни противна ей была вольница шляхетская, но вольница козацкая противорѣчила всѣмъ ея симпатіямъ и государственнымъ преданіямъ. Притомъ же, что бы тамъ ни дѣлали латинцы Римляне изъ-подъ руки у короля во вредъ малорусско-бѣлорусскому православію, по сѣ, какъ державѣ самоуважающей, не подобало наѣдать на сосѣднюю, тоже почтенную державу въ ея несчастныхъ обстоятельствахъ. Ужъ если судомъ Божіемъ пришло такое время, что Польша должна поплатиться за всѣ свои грѣхи, содѣянные въ урожденье беззаконному Риму, такъ надобно выждать, чтобы фіаль гибѣ Господня излился на нее самъ собой до конца:

Такъ должна была разсуждать и такъ дѣйствительно поступала Москва, эта фурія польскихъ „народныхъ пророковъ“, постоянно стремившаяся въ Польшу для ея разрушенія,—эта робѣющая передъ „сильнымъ могуществомъ Польского государства“ держава нашихъ козакомановъ, игравшая роль друга и Поляковъ и козаковъ. Въ предыдущемъ, не-тарабарскомъ письмѣ своемъ Кунаковъ доносилъ царю:

„Въ Дорогобужѣ, государь, говорилъ со мною, холопомъ твоимъ, въ разговорахъ бурмистръ Хриштофъ Красовскій, удивляяся и похваливая твою государскую милость, что ты, великий государь, въ такое ихъ безглавное время и въ великомъ упадку и въ разореніѣ, въ которое они время ни откуды посыпку себѣ не чаяли, показалъ надъ ними свою государскую милость, въ вѣчные роды удивленью и хвалѣ достойную: не изволилъ на нихъ послать своей государевой рати; а мочно де, государь, было тебѣ, государю, все свое изволеніе учинить и города отыскать и небольшимъ собраньемъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, Тишайшій Государь былъ расположенъ благоволить евангельски даже исконнымъ врагамъ своего царства, Полякамъ и ихъ побратимамъ, Литворуссамъ. Но его думные бояре и дьяки должны были оглядываться на польскую воинственность, усиленную съ одной стороны богатырями Русичами, а съ другой — „хоробрюю Литвою“. Поляко-Литво-Руссы—надобно было признаться—съ малыми боевыми силами торжествовали надъ многолюдными московскими ратами. Правда, теперь лучшіе польскорусскіе ротмистры были побиты; весь походный нарядъ пропалъ, и даже арсеналъ Рѣчи Посполи-

той, Баръ, не сегодня, такъ завтра, могъ очутиться въ рукахъ у козаковъ. Притомъ же, въ польскихъ войнахъ съ Москвою, козаки были бурнымъ вѣгромъ, предшествовавшимъ грозѣ; они были крыльями громоносныхъ орловъ; они были пламенемъ, превращавшимъ заселенные области въ нѣмья непелища. Теперь этотъ „духъ буренъ“, этотъ „поядающій огнь“ обращенъ волей Всевышняго на царскихъ супостатовъ и, судя по началу Хмельнитчины, не устоитъ противъ нея ни Krakovъ, ни Варшава. Но Москва знала по себѣ, какъ можетъ быть сильна земля противъ опустошителей. Запасы боевой силы въ странѣ Mечиславовъ, Болеславовъ, Казимировъ, Сигизмундовъ и Владиславовъ не исчерпывались ни выбывшими изъ польскихъ ополченій козаками, ни погибшими коронными и панскими жолнерами. Польско-русскій и литворусскій шляхтичъ оказывался весьма часто на войнѣ трусомъ, а въ мирное время разорителемъ беззащитной братіи своей, но въ случаѣ крайности онъ являлся героемъ. Онъ велъ свое происхожденіе, если не отъ тѣхъ, которые повыщербили свои мечи на Золотыхъ Воротахъ въ Киевѣ, то отъ тѣхъ, которые приковали свои щиты къ воротамъ цареградскімъ, да отъ тѣхъ, которые съ своими Гедиминами и Ольгердами прогнали Кипчакскую Орду съ днѣстро-днѣпровскаго Черноморья. Надобно было, кроме того, помнить еще, что сзади Польши стоялъ Римъ съ послушными ему государствами. Дорожа своимъ передовымъ редутомъ, римскій папа, чого доброго, подниметь на его защиту все Католичество, которое цѣлымъ тридцать лѣтъ билось, въ угоду Вѣчному Городу, съ нѣмецкими да свѣскими люторами, и кеторое какъ разъ теперь, послѣ Вестфальскаго мира, удосужилось. Наконецъ, въ Польшѣ, какова она ни есть сама по себѣ, могутъ явиться свои Ляпуновы, свои Скопины Шуйскіе, Минины, Пожарскіе, которые остановятъ козацкое всегубительство, какъ было остановлено Московское Разореніе подвигами героеvъ Смутнаго Времени, и Польша, помышляющая теперь объ отступлениіи за Вислу, двинется яростно къ Днѣпру, а потомъ и къ Москвѣ-рѣкѣ.

Такія соображенія, естественно, могли занимать совѣтниковъ Тишайшаго Государа, и политика ихъ не была ни ошибочна, ни черезъ чуръ осторожна.

Среди всеобщаго страха и унынія польско-русскихъ пановъ, геройскій духъ шляхетскаго народа проявился въ боевыхъ подвигахъ князя Iеремія Корибута Вишневецкаго.

Князь Iеремія объявилъ себя католикомъ незадолго до того времени, когда двоюродный братъ его матери, Петръ Mogila, сдѣлался кievскимъ митрополитомъ. Извѣстно трогательное заклинаніе гонима-

го Могилою Копинского, обращенное къ отступнику. Ничего подобного, да и вовсе таки ничего, не предпринялъ дядя малорусскаго магната, чтобы удержать его въ православії; а кому, казалось бы, спасти молодаго человѣка отъ католичества и ополяченія, какъ не тому, о православно-русскихъ дѣяніяхъ котораго печатаются нынѣ грузные томы въ тысячу страницъ?

Домъ Вишневецкихъ, какъ домъ князей Острожскихъ и самихъ Могилъ, представляль одинъ изъ тѣхъ подмытыхъ римскимъ прибоемъ устоеевъ православія, которые паписты уничтожали послѣдовательно, начавши съ древнихъ домовъ Радивиловъ, Сапігъ, Замойскихъ, Потоцкихъ, Збаражскихъ, Чорторыйскихъ (по польски *Czartoryzkich*), Сан-гушекъ, Ходковичей, Пузинъ, Тишковичей. Но, принявъ господство вавшее въ Польшѣ вѣроисповѣданіе, князь Іеремія не трогаль монастырей, основанныхъ подъ патронатомъ его матери. Подобно всѣмъ аристократамъ, воспитаннымъ латинскою наукою, онъ презиралъ малорусскихъ монаховъ, какъ жалкихъ сектантовъ. Онъ былъ увѣренъ, что, съ распространениемъ тѣхъ знаній, которыми снабжали наше малорусское общество наставники могилинскихъ школъ, монастыри Исаіи Копинского сами собою оѣнятъ и примутъ благодѣянія церковнаго единства, съ которымъ, въ умѣ римскихъ политиковъ, была тѣсно связана мысль о единствѣ общественномъ и национальномъ. Онъ ограничивался только тѣмъ, что, въ виду обскурантовъ и пьяницъ, наполнившихъ наши монастыри, водворяль въ своихъ имѣніяхъ представителей священства и монашества католического, отличавшихся бытомъ просвѣщеннымъ и трезвымъ. Съ цѣлью уничтожить полуязыческія мольни, какими ему, воспитаннику львовскихъ іезуитовъ, представлялись наши храмы, и привлечь симпатіи лучшихъ людей къ религії облагороженной, Князь Іеремія, построилъ доминиканскій, а это значитъ — проповѣдническій, монастырь въ Прилукѣ, въ нашей полтавской Прилукѣ, и костелы въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ. Этими сооруженіями, какъ явствуетъ нынѣ, воспитатели Байдича мѣтили въ самый центръ малорусской народности. Какъ тьма исчезаетъ отъ свѣта, такъ, по ихъ воззрѣнію, должны были исчезнуть малорусские попы и монахи отъ вліянія образованнаго по европейски духовенства на общество. (Мужики въ разсчетъ не принимались).

Самъ Вишневецкій отличался среди пановъ трезвою и порядочную жизнью, необыкновенною дѣятельностью по всѣмъ частямъ коло-

низацио́нного хозяйства и тѣмъ удѣльно-княжескимъ или можновлад-
скимъ патріотизмомъ, который былъ основанъ на возвышеніи собствен-
наго дома. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на самодержавнаго монарха.
Въ немъ ожилъ литворусскій духъ предка его, Корыбута-Дмитрія Оль-
гердовича, подъ вѣшнимъ видомъ польского магната. На всѣ стороны
расширилъ онъ свои владѣнія съ помощью мелкой, такъ называемой
низишей шляхты, этихъ дружиинниковъ можновладства, отдававшихъ
сѧ подъ панскій щитъ съ беззаконною преданностю, этихъ протопла-
стовъ козачинъ, послужившихъ ей такъ или иначе кадрами. Онъ,
какъ мы видѣли, былъ „силенъ“ каждому сосѣднему магнату и стра-
шаль необузданностью духа самого короля Владислава. Не только
у людей вѣлыхъ и бездѣйственныхъ, но и у такихъ, какъ Станиславъ
Конецпольскій, краса польского племени, слава древнихъ Сарматовъ,
оспаривалъ онъ поприще колонизаціи малорусскихъ пустынь, на ко-
торомъ не имѣлъ и не терпѣлъ соперниковъ. Къ этимъ жесткимъ и,
пожалуй, отталкивающимъ чертамъ характера Князя Іеремія необхо-
димо прибавить такія, которыя дѣлаютъ изъ него симпатичнаго ры-
царя. Не взирая на то, что великий Конецпольскій тягался съ нимъ
до самой смерти за сорокъ спорныхъ осадъ въ Украинѣ, Вишневец-
кій всегда былъ готовъ помочь ему, какъ и всякому другому пану,
въ борьбѣ съ врагами колонизаторскихъ трудовъ и помогъ Конец-
польскому одержать славную победу надъ Татарами подъ Охматовымъ.
Подругу своей кипучей и воинственной жизни нашелъ онъ себѣ въ
домѣ гуманнаго, разносторонне просвѣщенаго јомы Замойскаго, из-
вестную своею красотою Гризельду, въ которую былъ влюблѣнъ до
конца недолгаго своего вѣка, какъ подобаетъ истинному паладину
безъ страха и упрека.

Основавъ съ 1634 года свою резиденцію въ Лубнахъ, Вишневец-
кій отнюдь не позволялъ московскимъ пограничникамъ переходить за
черту его владѣній у Недригайлова, подъ Путивлемъ, а Крымская
Орда, вторгавшаяся безпрестанно въ Западную Украину, черезъ древ-
нее Поросіе, въ имѣнія такихъ козаковатыхъ помѣщиковъ, каковы
были князья Корецкіе и Рожинскіе,—не смѣла съ востока перейти
Ворскло и Псель, чтобы ясырничать на Посулії. Корибутъ Вишне-
вецкій служилъ шляхетскому народу щитомъ на весьма важной линіи
отъ своихъ мѣстечекъ Баровицы и Мошенъ на правой сторонѣ Днѣп-
ра до московской, такъ называемой польской (полевой, степной) укра-
ины—на лѣвой, колонизуя здѣсь новую Вишневетчину въ подспорье къ
старой, которой центральнымъ пунктомъ былъ Вишневецъ на Горы-
ни,—и это важное обстоятельство придавало Князю Іеремію характеръ

удѣльного князя больше, нежели кому-либо изъ польско-руссихъ магнатовъ, такъ что и самъ Хмельницкій, въ письмахъ къ нему, называлъ его заднѣпровскія владѣнія государствомъ (paѣstwo). Чѣмъ былъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, на тогдашнемъ пограничье, Рѣчи Посполитой домъ князей Острожскихъ, тѣмъ въ XVII-мъ, на пограничье новомъ, сдѣлался домъ Корибутовъ Вишневецкихъ. И какъ домъ Острожскихъ оборонялъ свои владѣнія преемниками Торковъ и Берендеевъ козаками, такъ точно поступалъ, въ магнатской самозащите отъ Татаръ да сосѣдей-пановъ, и домъ князей Вишневецкихъ. Козаки были искони то друзьями и хлѣбоѣдцами, то врагами и опустошителями этихъ маркграфовъ Рѣчи Посполитой. Одинъ изъ предковъ Іереміи Вишневецкаго, князь Димитрій, по прозвищу Байда, водилъ ихъ за собой даже на службу къ Сулейману Великолѣпному, потомъ къ Ивану Грозному, далѣе осаждалъ низовыхъ козаковъ, со своими козаками-городовиками, у Днѣпра, въ устьѣ Сулы (сколько это известно по воспоминанію старожиловъ Павлюковщины), и наконецъ попалъ, съ козацкою дружиною своею, въ ловушку, устроенную для него въ Волошинѣ политикою Сулеймана. Козаки воспѣли его, подъ именемъ Байды, какъ борца за христіянскую вѣру, погибшаго отъ магометанъ мучительною смертью на желѣзныхъ крючьяхъ.

Соединяя съ развитiemъ козачини идею вѣры и путаясь въ ней, какъ муhi въ паутинѣ, наши историки дѣлаютъ изъ казни, постигшей „козака Байду“ за измѣну султану, то же самое *не любо не слушай*, которое они проводятъ въ своихъ писаніяхъ отъ Косинскаго до Хмельницкаго. *) Но вѣра и для самого Іереміи Вишневецкаго не была главной заботой жизни. Подобно своимъ предкамъ и подобно множеству разновѣрныхъ магнаговъ своего времени, онъ, какъ говорится поукраински, *кохавъ у козакахъ*, и его наслѣдственная страсть къ полудикимъ наѣздникамъ соприкасалась такъ же мало съ его религіозными воззрѣніями, какъ и страсть къ степнымъ кречетамъ-рапогамъ, которыхъ для него искали даже за московскимъ рубежемъ. Козаки были ему нужны, какъ хищныя птицы, натравливаемыя, то его слугами-шляхтичами, то имъ самимъ, на такихъ же хищниковъ. И какъ Острожскому не снилось даже во снѣ защищать православіе съ помощью Наливайка, такъ Вишневецкій не могъ вообразить, чтобы между нимъ и такимъ бунтовщикомъ, какъ Хмельницкій, стояла религія.

*) Если Байда былъ религіозенъ, то по духу его времени и по его связямъ съ такими людьми, какъ владѣлецъ Хотина, Ласкій, онъ былъ *аріаністъ*.

Во времена князя Василія лугари, кочевавшіе въ виду Татаръ, селились, подъ его прикрытиемъ отъ закона, въ переяславской пустынѣ. Во времена князя Яремы (какъ называли его, сперва любя, а потомъ ненавида, козаки) отатарившіеся вновь бѣглецы культурнаго общества ютились подъ его широкою полой въ такихъ мѣстахъ, которыхъ до него никто не имѣлъ права, силы и смѣлости обратить въ населенные. Нарушители закона и отверженцы прочно осѣдлыхъ корпораций, защищенные отъ всякаго преслѣдованія однимъ именемъ Корибута Вишневецкаго, новаго козака Байды, были его *подданными* больше въ смыслѣ военному, чѣмъ экономическому. Они были его вассалы, его дружинники, и подъ его знаменемъ собирались ихъ, въ видѣ охочихъ козаковъ, тысячъ по двадцати. Но своенравное, хищное, разбойное Запорожье мало-по-малу возымѣло на нихъ приманками и угрозами то самое вліяніе, какому подчинились козаки, такъ или иначе зависѣвшіе отъ Острожскаго. Добычники по ремеслу и образу жизни, принятые новымъ Байдою подъ его широкій щитъ, въ видахъ охраненія занимаемой ими земли отъ степной кочующей и осѣдлой границающейся дичи, захотѣли жить на счетъ папскаго хозяйства, и стали смотрѣть на *своего князя*, какъ вольные „служебники“, а не какъ „подданные сутужники“,—стали такъ смотрѣть, какъ въ свое время архи-козакъ Байда смотрѣлъ на Сулеймана Великолѣбнаго и на Ивана Грознаго. Негодуя на его экономические порядки, они, со временеми Павлюковщины, стали оборачивать свои пищали, какъ противъ него самого, яко пана и „душмана“, такъ и противъ тѣхъ своихъ товарищѣй, которые больше вѣровали въ добычу плуга и мирнаго труда, нежели въ добычу меча и хищенія.

Князь Вишневецкій каралъ коронныхъ и своихъ собственныхъ бунтовщиковъ заодно съ Потоцкимъ, которому, какъ и Конецпольскому, служилъ правой рукой. Онъ думалъ властвовать надъ воинственнымиnomadami по примеру предковъ своихъ, которые, мѣняясь въ отношеніи къ нимъ гнѣвъ на милость и милость на гнѣвъ, умѣли дѣлать ихъ ручными, какъ дикихъ степныхъ лошадей. Но взаимная вражда козаковъ и пановъ росла въ силу внутреннихъ недуговъ Рѣчи Посполитой, которые, по замѣчанію краковскаго воеводы, Любомирскаго, „чѣмъ вреднѣе, тѣмъ болѣе скрыты“, *) а презираемые Вишневецкими иноки,

*) Этотъ мудрый сенаторъ писалъ къ сеймующей шляхтѣ въ іюлѣ 1648 года: Трудно восстановить спокойствие, „*poki niezagojaj siê nie tylko powierzchowne, ale i wewnętrzne rany, które, im szkodliwsze, tem skrytsze*“.

сь умысломъ и безъ умысла, давали козацкой ненависти къ окатоли-ченному потомку знаменитаго Байды санкцію вѣры. Указывая на отступничество князя Вишневецкаго и распространяя тревожные слухи даже насчетъ его дяди, киевскаго митрополита, они, безъ всякихъ политическихъ замысловъ, дѣлили рѣчче и рѣчце украинское населеніе на пановъ и людей послопитыхъ, на злочестивую Ляхву и благочестивую Русь. Къ *панамъ* причисляли они, въ понятіи черни, всѣхъ жолнеровъ, состоявшихъ болѣшею частью изъ православнаго простонародья, а къ *Лахамъ*—всѣхъ землевладѣльцевъ и ихъ шляхетныхъ слугъ, не взирая на то, что многіе изъ великихъ домовъ сохранили еще вѣру русскихъ предковъ своихъ, а служилая шляхта, подобно самому Хмельницкому и его отцу, не находила никакой выгоды въ томъ, чтобы мѣнять православнаго попа на католическаго ксевадза, или на уніята.

Общая нужда въ защитѣ имуществъ и семействъ подавляла тогда въ Малороссії всѣ прочіе житейскіе интересы. Не только козаки забывали свои досады на пановъ и на ихъ служилую шляхту, но даже такие люди, которые, повидимому, не нуждались въ помощи магнатовъ-сосѣдей, такие, которые граничились между собой изъ года въ годъ и тягались въ трибуналахъ за взаимные захваты,—прекращали старые счеты и вооружались вмѣстѣ противъ постояннаго врага колонизации—Татарина. Такъ въ 1643 году козацкій комиссарь, Николай Зацвиліховскій, подначальный Станиславу Конецпольскому, яко великому коронному гетману, водилъ козаковъ на помощь князю Іеремію Вишневецкому противъ 4.000-й Орды слѣпаго Умерли-аги и отбылъ у нея надъ Сулою, между Ревцемъ и Пеломъ, ясырь съ добычею, а въ 1644-мъ, Князь Іеремія съ 3.000 своего войска ходилъ на помощь Станиславу Конецпольскому противъ Тогай-бяя и дѣйствовалъ такъ энергически, какъ и съ Потоцкимъ противъ козаковъ Остряницы и Гуни. То же самое вспомнимъ здѣсь и о другомъ поземельномъ со-сѣдѣ Князя Іереміи, Адамѣ Киселѣ, интриговавшемъ въ послѣствіи между правительственною шляхтою противъ его геройскихъ предприятій. По фамильнымъ бумагамъ Ростислевскихъ, владѣльцевъ Липового въ Кіевщинѣ, эти два одинаково дѣятельные сосѣда граничились по-козацки за свои осады и слободы, но противъ козаковъ дѣйствовали, кто во чѣ было гораздъ, какъ противъ общихъ непріятелей.

Такъ дѣло шло у малорусскихъ колонизаторовъ до 1648 года. При первыхъ признакахъ новаго бунта Корибути Вишневецкій понялъ опасность своего колонизаторскаго поста на окраинѣ государства, въ странѣ дикой, и принялъ рѣшительныя мѣры для предупрежденія ка-

тастрофы. Несколько десятковъ тысячъ самопаловъ, обронявшихъ его колоніи отъ хищниковъ и пановъ сосѣдей, было отобрано имъ у свое-нравныхъ подданныхъ и сложено въ лубенскомъ арсеналѣ до поры до времени. Но не предвидѣлъ онъ, что Татары будутъ призваны козаками въ товарищи добычнаго промысла и впущены въ Городовую Украину именно тѣми, которые не менѣе землевладѣльческой шляхты были заинтересованы въ ея оборонѣ. Не могло прйті никому въ голову, чтобы перекопскій царь, два поколѣнія тому назадъ сгонявший козаковъ съ Днѣпра по договору съ княземъ Острожскимъ для обоянднаго спокойствія мусульманъ и христіанъ, чтобы потомокъ Чингисъхана, гордившійся старшинствомъ рода своего передъ цареградскимъ повелителемъ правовѣрныхъ, чтобы тотъ, кто еще такъ недавно явилъ себя царемъ въ своихъ обычаяхъ,—унизился до панибратства съ бунтовщикомъ, кроющимся среди воровъ и горькихъ пьяницъ въ днѣпровскихъ камышахъ и плавняхъ. Самъ же онъ, этотъ Исламъ-Гирей, писалъ къ нему, князю Вишневецкому, недавно, увѣряя его въ своей дружбѣ и поступая царски относительно царственныхъ сосѣдей. Вдругъ все перевернулось къ верху дномъ. Запруда, сдерживавшая напоръ азіатской дичи на Христіанскую Землю, уничтожена вѣролом-нымъ слугой знаменитѣйшихъ панскихъ домовъ, Жовковскихъ, Даниловичей, Конецпольскихъ. Цвѣтущая сельскимъ хозяйствомъ и про-мыслами половина королевства предана разбойникамъ. Завоеванія шляхетскаго меча и плуга достались безсмыленнымъ и беспощаднымъ руинникамъ.

Но Вишневецкій держался крѣпко на своемъ пограничномъ посту, и въ глубинѣ Рѣчи Посполитой на него смотрѣли какъ на спаситель-ный устой отечества. Можетъ быть, онъ удержанался бы на своемъ важ-номъ стратегическомъ пункѣ и до конца. Оять требовалъ подкрѣпле-нія вѣ-время. Но вѣ-время шляхетская республика не дѣлала ничего. По замѣчанію Адама Киселя, ея медлительность въ подобныхъ слу-чаяхъ съ каждымъ годомъ увеличивалась. Считая этотъ порокъ своей правительственной братіи неисправимымъ, Адамъ Кисель, уже десять лѣтъ тому назадъ, предлагалъ свой проектъ правительственныхъ мѣ-ропріятій, которыми была бы предотвращена и самая возможность по-вторенія Шавлюковщины. Напрасная предусмотрительность! Быстрый разливъ козако-татарского нашествія по Кіевщинѣ, Подоліи и Волы-ни, отрѣзалъ Вишневецкаго отъ тѣхъ панскихъ владѣній, въ которыхъ все стояло еще на своихъ мѣстахъ.

Хмельницкій между тѣмъ доказывалъ справедливость распростра-нившагося уже въ Польшѣ мнѣнія о талантливости коварнаго козака,

которою паны могли бы, да не умѣли воспользоваться. Коронный подчашій Остророгъ писалъ къ Оссолинскому о нашемъ Хмелѣ: „Великихъ способностей ‘человѣкъ и воинъ по самой природѣ (dowcipu wielki ego i z natury żołnierz)“. Читая такое донесеніе одного изъ учениѣшихъ полководцевъ своихъ, Поляки должны были съ горечью вспоминать слова геральдика Папроцкаго, которыми онъ такъ разогорчилъ ихъ отцовъ и дѣдовъ: *) „Кто въ наше время въ чемъ бы то ни было превзошелъ Русака? Пошлете вы его въ посольство,—онъ исполнить посольство лучше, нежели вы ему прикажете. Между Русаками ищите полководца и доброго воина. Съ досадой слышать онъ совѣщенія о мирѣ“. **)

Козацкій гетманъ отправилъ на Татарскую сторону Днѣпра (по милости Вишневецкаго, сдѣлавшуюся, какъ и правая сторона, *Russkoю*) одного изъ своихъ полковниковъ, Кривоноса, по пѣснямъ-Перебійносѣ, бунтовать Вишневетчину и въ выборѣ своемъ показалъ тотъ же dowcіp, который восхвалялъ Остророгъ. Эта была одна изъ тѣхъ личностей, симпатичныхъ для пьяной и свирѣпой толпы, которымъ украинскія разбойничіи пѣсни принесли полную дань своихъ дикихъ восторговъ.

Вишневетчина была готова къ бунту со временемъ Павлюка. Но хозяйственность Князя Яремы сдерживала звѣрскіе инстинкты тѣхъ забродниковъ, которые, воруя, грабя, убивая, скитались въ вилѣ гонимыхъ всюду волковъ, прошли широкое поприще панской колонизаціи изъ конца въ конецъ, и не бѣжали далѣе отъ новыхъ обязательствъ и новыхъ преступлений только потому, что далѣе бѣжать было некуда. За Ворскломъ и Псломъ голоднаго скитальца подстерегалъ съ арканомъ и лыками Татаринъ, а Запорожье прогоняло забродниковъ въ Городовую Украину тѣмъ же самымъ голodomъ, который заставлялъ ихъ дѣлаться винниками, броварниками, будниками, могильниками, фигурирующими въ Иліадѣ козацкихъ разбоевъ. Среди народа работящаго и въ городахъ и въ селахъ, такъ называемые гултмаи, гайдары, нетѣги чувствовали себя въ самомъ непріятномъ положеніи: они были способны только плендрувати, руйновати, въ пень рубати.

Теперь пришелъ чередъ силѣ опустошающей выступить противъ силы производящей, во всеоружіи того безпутства, котораго начала

*) Книга Папроцкаго: „Panosza, to iest Wysławienie Panow Ruskich u Poldskich“, была въ Польшѣ преслѣдуема, какъ и его гербовникъ.

**) Poſlecie go w poselstwie, dobrze je odprawi,
Lewie mu tak roskaż, jak on lepiey sprawi.
Tam pytay o Hetmanie, o dobrym Rycerzu,
Nie rad kiedy wołuia w Radzie o przymierzu.

кроются въ безпутствїи шляхетскаго народа, бредившаго вольностью въ своей зависимости отъ каждого сильнаго и дерзостнаго. Винники, броварники, лазники, будники, могильники, чабаны, пасѣчники и тѣ, которыхъ королевскія комиссіи, съ 1617 года, требовали исключить изъ казачества подъ непонятными ужѣ для настъ названіями *канако-козз*, *былачесевъ*, *балакезевъ*, *кафанниковъ*, вмѣстѣ съ ремесленною свое-вольною молодежью и промотавшеюся или обобранною своими ксенд-зами да монахами шляхтою,—отдѣлились отъ общества людей поря-дочныхъ, или, какъ говорилось тогда, *статѣчныхъ*. Внимая дерзкому призыву Кривоноса къ истребленію всѣхъ Ляховъ и Жидовъ, причемъ имѣлась въ виду не вѣра и національность, а зажиточность, гультая принялись кривоносничать всюду, гдѣ пахло поживою, горілкою, без-наказанностью, и наводили ужасъ на тѣхъ, чьи выгоды были въ ка-комъ-либо отношеніи общими съ панскими.

Не довѣряя обезоруженнымъ подданнымъ, которыхъ недавно еще собиралось вокругъ него до 26.000 для демонстраціи передъ Крымомъ, Вишневецкій окружилъ себя только служилою шляхтою и разгоняя гайдамацкіе загоны Переѣбѣйоса на пространствѣ отъ Ворскла до Тру-бежа, а пойманныхъ на *горячемъ учинкѣ* переѣбѣйосцевъ казнилъ тутъ же, какъ дѣлалъ Николай Потоцкій въ 1638 году. Но онъ, въ свою очередь, не принялъ во вниманіе важнаго обстоятельства, что въ ру-кахъ у него былъ мечъ католический, и что самое безупречное право суда съ его стороны, какъ охранителя чести, собственности и личной безопасности гражданъ, было только новымъ ударомъ „Ляха“ по ма-лорусскому сердцу. Церковная реторта таинственно, точно въ кельѣ алхимика, передѣливала польскія добродѣтели въ пороки, а малорусскіе пороки—въ добродѣтели. Страхъ казни за бунтъ, за грабежи, насилия, разбой—уничтожался дикимъ крикомъ *за вѣру!* слышнымъ отъ Чиги-рина и Корсуня до Путивля и Сѣвска, отъ Путивля и Сѣвска до Смоленска и Дорогобужа, отъ Смоленска и Дорогобужа до самой Моск-вы. По малорусской пословицѣ: „у свій хаті й куткі помагають“, пренебреженному панами православію помогали, на его родной почвѣ, даже тѣ люди, которые не знали, въ чёмъ состоитъ оно,—тѣ, которые были гораздо ближе къ исламу, нежели къ евангелію,—тѣ, которые изъ моралиста-протестанта дѣлали „Святаго Рей“, *)—тѣ, которыхъ,

*) По разсказу Кассіана Саковича, одинъ благочестивый попъ, развернувъ протестантское сочиненіе польского поэта Рей, обратился къ прихожанамъ со словами: „Пандве миряне, православні християне, послухайте лишь казанія Святого Рей“, и по доносу католика, былъ привлеченъ за это къ суду.

по словамъ самихъ защитниковъ православія, чаще видали въ кабакѣ, нежели въ церкви. *) Чѣмъ энергичнѣе дѣйствовалъ Вишневецкій, чѣмъ усерднѣе подвигался онъ по камертону польского центра Варшавы, тѣмъ больше вѣсы таинственной судьбы склонялись въ сторону центра русскаго—Москвы. Безстрашный охранитель польской границы, врѣзавшейся въ московскую землю, онъ собственнымъ мечемъ указывалъ нашему народу дорогу въ Москву. Вишневецкій былъ похожъ на великана, пытающагося погасить вспыхнувшій пожаръ бурнымъ дуновенiemъ; но пожаръ, не „погашенный въ искрахъ“, превзошелъ наконецъ великанскую силу: бурный духъ восточнаго маркграфа польскаго раздувалъ пламень международной вражды до бѣшенства. Такою представляется историку дѣятельность полонизованнаго Байдича въ конечномъ результатаѣ своемъ. Каждый ударъ его геройской руки и все блестящее поприще воинской славы его въ эту гибельную для Польши усобицу—были не что иное по своимъ послѣдствіямъ, какъ мимовольная служба русскому элементу, пренебреженному имъ ради польскаго.

Положеніе князя Вишневецкаго было еще трагичнѣе, чѣмъ онъ хъ героевъ отпора антикультурной Татарщинѣ, о которыхъ знаменитый геральдикъ XVI вѣка писалъ, что они стояли на границѣ христіанскаго міра, какъ мужественные львы, и жаждали одной кровавой бѣды съ невѣрными. Тѣ пролагали колонизаторамъ-панамъ дорогу въ обѣтованную землю, которой сами не увидѣли; а онъ создалъ цѣлое царство, текущее молокомъ и медомъ въ виду голодной Скиїи,—и люди, призванные имъ къ участію въ благахъ привольной жизни предпочли превратить его богатое хозяйствомъ княжество въ такую же голую и голодную Скиїю, какъ та, которая лежала за Ворскломъ съ одной стороны и за Тясминомъ—съ другой.

Окозаченные Хмельницкими да Переображенскими поселяне дѣйствовали на его колонизаціонную ассоціацію сильно прельщеніемъ, но еще сильнѣе—терроромъ. Попасть въ число ихъ жертвъ было страшно и безстрашному. Недаромъ ходили всюду разсказы о томъ, какъ сулиминцы казнили коменданта кадацкой крѣпости, а хмельничане—козацкаго комиссара, Шемберка. Недаромъ и о самомъ Хмельницкомъ шла молва, что онъ собственоручно снялъ голову съ этого „нашайника“. Не было той жестокости, которую бы не насладилось тогда безпощадное козацкое сердце. Если старожилъ нашего времени изоб-

*) Печерскій архимандритъ Захарія Коныстенскій сътуетъ въ своей „Палинодії“, что нашего попа чаще видали въ кабакѣ, нежели въ церкви (Автографъ Палинодії хранится въ Варшавской библіотекѣ графовъ Красинскихъ).

разиль намъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, гайдамаку Желѣзняку и Гонты, подавшаго крестьянской благотворительницѣ дитя ея на своеемъ козацкомъ спасѣ (копѣй) *), что дѣлали въ XVII столѣтіи хмельничане? и чего долженъ быть ждать отъ кривоносовцевъ приверженецъ Князя Яремы? Имущество вѣрнаго Байдичу человѣка обрекалось расхищенню и пожару, его семья—позору и всевозможной тираниі, а его жизнь, яко, „панського підлізы“ и „Недоляшка“, могла быть обезпечена—или отчаянною защитою въ малочисленномъ ополченіи шляхтичей, или, гораздо вѣрнѣе, участіемъ въ кровавой оргії козатчины. Попавъ между двухъ лагерей и слыша о баснословныхъ успѣхахъ бунта Хмельницкаго, не только простолюдины, но и шляхтичи, преданные дотолѣ Вишневецкому, оставляли „своего князя“, и если не переходили подъ бунчукъ Перебійноса, то прятались въ сѣверскихъ трущобахъ до рѣшенія страшилищного спора между козаками и панами.

Разгоняя гайдамакія шайки и карая своихъ измѣнниковъ съ той же завязостью, которой отличались козаки, Вишневецкій дошелъ до Переяслава. Но усмиренный Конецпольскимъ, а черезъ семь лѣтъ Потоцкимъ, Переяславъ кипѣлъ уже бунтомъ. Въ немъ сидѣлъ достойный преемникъ изолганнаго полудикою малорусскою письменностью Тараса Трясила **), Переябинъ, и готовился выйти навстрѣчу Князю Яремѣ, котораго шляхетное ополченіе таяло по мѣрѣ приближенія къ старому гнѣзу козатчины.

Вишневецкій очутился въ положеніи крайне опасномъ. Отрѣзанный отъ Киевщины и Волыни, онъ смотрѣлъ подозрительно на своихъ пограничныхъ вассаловъ, на своихъ испытанныхъ дружинниковъ, и долженъ былъ опасаться всего худшаго. Не желая пасть въ безславномъ бою, или сдѣлаться жертвою козацкой тираниі, все еще страшный для Переябина Князь Ярема отступилъ къ своимъ Лубнамъ и стала готовиться къ бѣгству въ другую Вишневетчину, колонизованную предками его,—на Горынь. Надобно было сперва обезпечить отъ козацкой свирѣости обожаемую любовницу-жену, красавицу Гризельду, и тогда уже ринуться на бой съ чудовищемъ неслыханнаго бунта, очертя голову.

*) См. Киевскую Старину 1887 года, январь, стр. 51.

**) Прозвище Трясило дали Тарасу Федоровичу (по фамиліи шляхтичу) козаки, распускавши слухъ о своемъ торжествѣ надъ Конецпольскимъ. Ложное преданіе о Тарасовой Ночи, въ которую будто бы Тарасъ Яховъ за чуба потрѣзъ, дожило до нашего времени, и пущено въ ходъ новыми лѣтописцами да кобзарями.

Въ Лубнахъ принесли ему письмо Хмельницкаго. Истребитель панского войска принялъ за правило, подобно коварному Исламъ-Гирею, разсылать во всѣ стороны миролюбивыя письма, въ которыхъ не писался милостію Божію, какъ въ сношеніяхъ съ московскими воеводами: работѣствуя передъмагнатами, смиренно называлъ онъ себя *старшимъ* Запорожскаго Войска и хлопоталъ о помилованіи, а между тѣмъ занималъ подъ козацкій присудъ города, разорялъ панскія имѣнія, вооружалъ новыя десятки тысячъ черни и велъ войну такими варварскими средствами, что его называли Тамерланомъ.

Многіе изъмагнатовъ поддались его хитрости, надѣялись войти съ униженнымъ ласкателемъ своимъ въ компромиссъ, не принимали крайнихъ мѣръ къ защитѣ имѣній, и этимъ убѣждали черни въ своемъ безсилії: того и желалъ Хмельницкій, на то и разсчитывалъ. Онъ хотѣлъ убаюкать и Вишневецкаго; но тотъ, не показывая вида, что потерялъ надежду устоять противъ Переображенія, маскировалъ свое бѣгство военными приготовленіями и, взявши съ собой лишь нѣсколько походныхъ возовъ да 15 рукодайныхъ слугъ, оставилъ свое заднѣпровское княжество, въ которое не суждено уже было вернуться ни ему самому, ни его потомкамъ. Онъ объѣхалъ обнятое бунтомъ Заднѣпріе московскими сакмами, переправился на правый берегъ Днѣпра въ Любечъ и отправилъ свою Гризельду съ сыномъ Михаиломъ, будущимъ польскимъ королемъ, черезъ Полѣсье, въ Вишневецъ. Въ Любарѣ присоединилась къ нему украинская шляхта, бѣжавшая изъ своихъ имѣній.

Описывая бѣгство Вишневецкаго, известный уже памъ Наташъ Ганноверъ даетъ понять, почему Хмель и вообще козаки больше все-го злились на короннаго хорунжаго, Александра Конецпольскаго, и на русскаго воеводу, Еремію Вишневецкаго: тотъ и другой вели сельско-хозяйственные промыслы съ участіемъ Жидовъ. Не принимали козаки во вниманіе, что неспособность туземцевъ къ торговлѣ и промышленности искони была причиной привлечения въ нашу Русь иноземныхъ выходцевъ, среди которыхъ Жиды и Армяне оставляли позади себя даже Нѣмцевъ. Эти двѣ народности внушали козакамъ особенную къ себѣ злобу, такъ что въ изображеніяхъ Страшнаго Суда козацкіе маляры на свиткѣ, исходящемъ изъ устъ Судіи судей, писали слова: „Жиды и Вірмене! идите въ муку вічну відъ мѣне“. Напротивъ хозяйственное жидолюбіе Вишневецкаго Наташъ Ганноверъ изображаетъ слѣдующими словами:

„Въ это смутное время находился князь Вишневецкій,—да будеть память о немъ благословенна! — со своимъ войскомъ тамъ за

Днѣпромъ. Онъ чрезвычайно любилъ Жидовъ, отличался безподобными военными доблестями, но и онъ убѣжалъ со своимъ ополченіемъ, по направленію къ Литвѣ. Съ нимъ же убѣжало около пяти тысячъ домохозяевъ Жидовъ съ своими семействами. Вишневецкій оказывалъ имъ бдительную охрану, пока не привелъ ихъ къ желанному мѣсту, напримѣръ: когда бѣжавшимъ угрожала опасность сзади, онъ приказывалъ Жидамъ идти впереди всѣхъ; если же чуяли опасность впереди, то Жидамъ велѣлъ идти за войскомъ, дабы оно служило имъ защитою".

Г л а в а XVI.

Геройскій духъ Шляхетскаго Народа въ лицѣ ополяченаго Русича.—Безсознательная работа отступниковъ русскаго элемента въ пользу Россіи.—Православный миротворецъ между панами сенаторами.—Отсутствіе патріотизма.—Безнравственный контингентъ козачини.—Соперничество магнатовъ-доматоровъ съ колонизаторами.—Каптуровый сеймъ.—Тріумвиратъ.—Вопросъ о вѣрѣ.—Шляхетская Украина.—Обманувшіеся въ своихъ надеждахъ миротворцы.

Не прошло тогда еще и мѣсяца послѣ погрома панскаго войска, а козакотатарскіе загоны достигали уже Горынь и Случи. „Знай, Лаше, по Случь наше!“ кричали козаки, забывая, что *наше* значило *козакотатарское*. Но Житомиръ, опора кіевскаго Полѣсся, еще держался. Онъ былъ переполненъ сбѣжавшему отовсюду шляхтою, оплакивавшему свои великия утраты. Вишневецкій появился въ ея средѣ, какъ ангель отмщенія за козацкія злодѣйства. Въ упадшемъ духѣ мѣстнаго общества произошла реакція. Нашлись и деньги для сбора войска, явились и предпримчивые люди. Покамѣстъ, и самъ князь даль замиообразно пѣсколько тысячъ золотыхъ на ополченіе. Въ качествѣ русскаго воеводы, Вишневецкій послалъ призывные универсалы во Львовъ, извѣщаю, что Татары скоро придутъ въ Польшу великою ордою, подъ предводительствомъ самого хана. Онъ требовалъ отъ соотечественниковъ усилій чрезвычайныхъ. Онъ умолялъ понять великость угрожающей опасности.

Но это было гласъ воліющаго въ пустынѣ. Правители шляхетскаго народа паходились въ нравственномъ оцѣнѣнїи. По словамъ знаменитаго краковскаго воеводы, который пѣль уже свою лебединую пѣсню, шляхтѣ казалось, что дѣлость отечества зависитъ отъ усмѣтрѣнія непріятеля (*na szczerej dyskrecyj nieprzyacielskiej zda się zostawać incolumitas patriae*). Вмѣсто того, чтобы приготовленіями къ войнѣ достичнуть мира, шляхта искала его въ миролюбивыхъ сношенніяхъ, со стороны Хмельницкаго коварныхъ.

Главнымъ представителемъ партіи миротворцевъ явился брацлавский воевода Адамъ Кисиль. Письмомъ отъ 12 (2) іюня онъ обратилъся къ страшному бунтовщику отъ имени общаго отечества, которому де въ вольностяхъ и свободахъ нѣтъ равнаго въ свѣтѣ. „Въ нашемъ свободномъ государствѣ“ (писалъ онъ) „легче домогаться того, что у кого болитъ, а потерявъ его, не найти уже другаго такого ни въ Христіанствѣ, ни въ Пaganствѣ. Всюду неволя; одна только Корона Польская славится вольностями.

И тутъ же этотъ жалкій обѣдокъ іезуїтства говоритъ, что изъ всего польско-русскаго народа онъ *одинъ* сенаторствуетъ въ Польской Коронѣ, „держа на своихъ плечахъ наши древности святой церкви“. Столь же некстати вспомянулъ онъ при этомъ и о кровопролитныхъ Кумейкахъ, гдѣ онъ „не обагрилъ де никогда руки своихъ христіанской кровью козацкою“. То и другое, по его мнѣнію, должно было внушить Запорожскому Войску полное къ нему довѣріе. Онъ дружески совѣтовалъ Хмельницкому отправить Татаръ, а это значило—обезоружить себя въ виду раздраженныхъ землевладѣльцевъ, и брался примирить его съ предержащею властью, какъ сановникъ, безъ котораго де „не можетъ быть постановлено ни войны, ни мира“.

Хмельницкій отписалъ ему на другой же день изъ Бѣлой Церкви, будто бы велѣль Ордѣ вернуться (куда, не сказано), „униженно“ просилъ представительствовать о возвращеніи козакамъ старыхъ войсковыхъ вольностей, и, „если мы въ самомъ дѣлѣ“ (писалъ онъ) „осиротѣли всѣ по смерти его королевской милости, нашего милостиваго пана“, удостоить его (Хмельницкаго) своимъ посѣщеніемъ, чтобы онъ могъ переговорить съ паномъ воеводой обо всемъ устно, воспользоваться его мудрымъ совѣтомъ и узнать, кого Рѣчъ Посполитая желаетъ имѣть своимъ королемъ.

Это значило, что козаку хотѣлось только допросить велерѣчива-го сенатора обо всемъ ему нужномъ, а, пожалуй, задержать у себя че-ловѣка, доставлявшаго панамъ свѣдѣнія о козацкихъ дѣлахъ. Но Киселю, по пословицѣ, „показались и козы въ золотѣ“. Онъ хвалился примасу, что Pan Bdg черезъ него, нижайшаго изъ сыновъ отечества, устранилъ кровавую радугу и остановилъ междоусобную брань (*internum bellum*), а въ заключеніе краснорѣчиваго письма просилъ его отеческой и всѣхъ пановъ братій милости, чтобы никто „не отнималъ у него этой вѣрной службы“, и чтобы она не осталась „безъ памятника любви къ отечеству (*absque monumento pietatis ku ojczynie*)“.

Когда князь Вишневецкій появился на правой сторонѣ Днѣпра, православный патріотъ Польши хвалился и ему, что убѣдилъ Хмель-

ницкаго къ примиренію, причемъ послалъ ему копію своей переписки съ примасомъ и короннымъ канцлеромъ о томъ, какъ бы чтѣ называется по малорусски *укосъкатъ* бунтовщика.

Но патріотизмъ окатоличеннаго Русина былъ совсѣмъ иного рода. Вишневецкій отвѣчалъ Киселю такъ:

„Л, напротивъ, долженъ плакать (*ingemiscere*) о томъ, что не могъ раньше ополчиться съ квартяннымъ войскомъ на истребленіе этихъ ядовитыхъ чудовищъ, которыхъ измѣнники и бунтовщики извергли теперь на Рѣч Посполиту. Глядя на горестное положеніе республики, въ которой господствуютъ рабы, и невольники плебеевъ (*servi et mancipia plebejorum*), съ изумленіемъ болѣю сердцемъ и о томъ, что, обогатясь на счетъ братій нашихъ и причинивъ ей такое поруганіе, эти чудовища, за то, что растерзали утробу государства, еще мечтаютъ о наградѣ и удовлетвореніи. О, лучше было бы умирать, нежели дожить до такого времени, когда слава нашихъ великихъ народовъ таѣтъ страшно искажена,—дожить до такой невозвратимой утраты въ нашей Коронѣ! Не могу хвалить принимаемыхъ по этому предмету мѣръ: могу вѣрно судить лишь о томъ, какъ наиболѣе воспользоваться временемъ. Но чтобы вести съ ними переговоры о примиреніи, не вижу никакого основанія,—развѣ хотите, чтобы вкоренившаяся въ этихъ рабскихъ сердцахъ отвага не покинула ихъ до новаго бунта, и чтобы ихъ притязанія возрастили съ каждымъ разомъ больше и больше. Если Рѣч Посполитая покроетъ вѣчнымъ забвениемъ громадный, безпримѣрный въ прошедшемъ раны, нанесенные этими измѣнниками, то ничего не можетъ ожидать въ будущемъ, какъ только крайнихъ несчастій и гибели. Кто бы могъ поступить болѣе враждебно съ отечествомъ, какъ поступили тѣ, которые продаютъ его язычникамъ, которые шляхетскую кровь разливаютъ, какъ воду, и уничтожаютъ стражей коронныхъ границъ? Вы хлопочете съ такимъ жаромъ о томъ, чтобы вознаградить насъ за пролитую кровь нашихъ братій и возстановить честь отечества: въ этомъ я увѣренъ. Но достойны ли такие люди пользоваться его благодѣяніями? Если послѣ истребленія короннаго войска и плѣненія его гетмановъ Хмельницкій будетъ вознагражденъ и останется съ этимъ гультайствомъ при старыхъ вольностяхъ, я не хочу жить въ этомъ отечествѣ, и лучше намъ умереть, нежели допустить, чтобы язычники и гультаи господствовали надъ нами“.

Прошло недѣли двѣ. Хмельницкій, отписавъ немедленно Киселю, задержалъ у себя его посланца, а посланцемъ Киселя былъ старецъ состоящаго подъ его патронатомъ монастыря въ Гощѣ, отецъ Патро-

ній Ляшко, котораго онъ, въ письмѣ къ примасу, называлъ своимъ конфидентомъ и шляхтичемъ добрымъ.

Добримъ шляхтичемъ, какъ это мы помнимъ, называли паны и того монаха, который, въ Павлюковщину, сослужилъ имъ службу соглядатая. Человѣка, прикосновеннааго такъ или иначе къ панскимъ интересамъ, козакамъ слѣдовало задержать.

Двѣ недѣли загадочнаго отсутствія конфидента охладили киселевскую любовь къ отечеству и мечты о памятнику панскому *піетизму*. Въ письмѣ къ примасу отъ 30 (20) іюня Кисѣль является передъ нами печальнымъ историкомъ кроваваго момента.

Ізъ этого письма мы узнаемъ, что паны, такъ сильно повліявши на поступки короннаго гетмана въ противность повелѣніямъ короля, до тѣхъ поръ совѣщались между собой о контингентахъ, пока 60.000, или даже болѣе, непріятельскаго войска не захватили его съ малочисленной арміей. Потомъ узнаемъ, что въ день Корсунскаго по-грома подошли къ Потоцкому люди князя Любомирскаго да самого Киселя. „Орда ѿхала на нихъ до самой Бѣлой Церкви“, пишеть онъ. Такимъ образомъ паны происхожденія русскаго, Вишневецкій, Любомирскій, Кисѣль, оказались единственными слугами польского отечества въ его крайности.

Далѣе Кисѣль нашъ повѣствуєтъ о видѣнномъ и слышанномъ такъ:

„Лишь только разнесся слухъ, что войска и гетмановъ уже нѣтъ, а Орды идетъ при козацкомъ таборѣ 60.000, тотчасъ вся Украина, Киевское и Брацлавское воеводства, бѣжали передъ такимъ гвалтомъ и силою непріятельскою, бросая дома свои и дороги залоги любви (*sага pignora*); а непріятель, войдя въ нѣдра (*in viscera*) государства, распустилъ всѣ свои загоны. Города опустѣли. Полонное, Заславъ, Корецъ, Гоща сдѣлались Украиною (*Ukraina zostały*); а нѣкоторые помѣщики, не опершись и здѣсь, разбѣжались въ Олыку, Дубно, Замостье. Ни одинъ шляхтичъ не остался. Осталась только чернь. Одна часть ея пошла къ этому Хмельницкому, и нѣсколько тысячъ войска его обратила въ нѣсколько десятковъ тысячъ, а другая часть, будучи увѣрена (*freta*), что съ нею ничего не случится, осталась беззаботно по домамъ. Но и этимъ Орда, когда они выходили изъ мѣстечекъ привѣтствовать ее, сдѣлала такой привѣтъ, что во многихъ мѣстахъ высыпало въ пень. Только тогда начали бѣжать ото всего добра и хлопы. Такимъ образомъ Татары возвращались къ своему кошу и къ табору Хмельницкаго подъ Бѣлую Церковь, обремененные добычею. А что дальше будетъ, слушаемъ только да выглядываемъ. Различныхъ до-

бываемъ языковъ: одни пойманные изъ тѣхъ загоновъ Татары говорятъ, что присягли другъ другу оставаться до зимы; а другіе, что, кончивъ это посѣщеніе (*odprawiwszy gościne*), Татары хотятъ идти въ Волощину, а козаки—къ Даѣпру. Теперь уже не можемъ имѣть никакой помощи изъ Кіевщины, Подоліи, Брацлавщины; только изъ Волыни взываемъ къ остающейся въ тылу братіи. Но и тѣхъ трибуналъ задержалъ до сихъ поръ несчастными судами, не обращая вниманія на огонь, который охватилъ уже большую часть Республики (*magnam Reipublicae partem*). Такимъ образомъ не остается никакой надежды устоять противъ непріятеля, находящагося въ (ея) нѣдрахъ (*in viscerebus*): сила его возросла до 200.000 Орды и козаковъ".

Сидя на чеку въ своей Гощѣ, вспоминалъ Кисѣль и о Кумейкахъ, которыми съ притворною наивностью закрывался отъ козацкой мести. Теперь писалъ онъ къ временному главѣ государства—примасу:

„Что сдѣлаетъ моеувѣщаніе, и какъ обойдется съ моимъ конфидентомъ, жду между надеждой и страхомъ. Хоть я всегда старался снискать у козаковъ довѣріе на случай бѣды, но боюсь, чтобы они не припомнили мнѣ кумейского предпріятія; они тамъ поддались по моей прислагѣ, которую увѣрилъ я ихъ, что жизнь ихъ вождей будетъ пощажена, но этого (въ Варшавѣ) не исполнили".

И всѣ-таки вѣровалъ онъ въ силу своего хитроумія; всѣ еще надѣялся, что укѣськаль своимъ посольствомъ бунтовщика и размягчилъ его, какъ воскъ (*albo uczyni reflexyą ten rebellis tą moją legasą liquefactus i uglaskany, albo, strzeż Boże procedet ultra*):

Въ томъ же письмѣ къ примасу сенаторъ, безъ которого „не могло быть постановлено ни войны, ни мира“, озnamеновалъ себя мудрымъ совѣтомъ -- избрать главнокомандующимъ будущаго панскаго войска богатѣйшаго, неспособнѣйшаго и трусливѣйшаго изъ польско-русскихъ пановъ, сеномирскаго воеводу, князя Доминика Заславскаго, наследника богатствъ и нравственной несостоительности нашего „святопамятнаго“ князя Константина-Василия Острожскаго.

Сеймики въ покинутыхъ воеводствахъ находились онъ невозможными, потому (писалъ онъ), что „воевода кіевскій (Тишковичъ) находится въ Дубнѣ; я въ Винницу не могуѣхать (въ такое время), когда помѣщики разбѣжались и непріятель преградилъ путь. Самъ князь Вишневецкій отступилъ къ Драгину. Одни хлопы сеймикуютъ, или лучше—бунтуютъ въ покинутыхъ провинціяхъ“.

Въ заключеніе письма, Кисѣль называлъ себя нищимъ и сѣтовалъ, что „теперь мало кто думаетъ объ отечествѣ“.

Это было писано 30 (20) іюня. Черезъ 17 дней литовскій канцлеръ писалъ въ своемъ дневникѣ о грозномъ положеніи дѣлъ въ отечествѣ, о которомъ теперь мало кто думаетъ,—о томъ, что и въ Литвѣ собралось уже 12.000 хлоповъ, которые сожгли, разграбили, вырѣзали нѣсколько сель, мѣстечекъ, городовъ, потомъ—о свирѣпыхъ подвигахъ Перебѣйноса въ Винницѣ, о приближеніи козацкой орды къ Волыни, и наконецъ замѣтилъ, какъ и Кисель: „однакожъ все это не произвело у насъ движенія: всѣ дѣла шли медленно“.

Не мудрено было Хмельницкому прослыть человѣкомъ *wielkiego dowciri* и военнымъ геніемъ въ такомъ государствѣ, где каждый думалъ только о себѣ и въ годину страшной опасности хлопоталъ, что-бы его любовь къ отечеству „не осталась безъ памятника“.

Пока паны сносились между собой да готовились вяло къ отраженію татаро-козаковъ, князь Вишневецкій соединилъ вокругъ себя раздраженную козацкими злодѣйствами шляхту, вооружилъ наскоро преданныхъ ему подданныхъ, — тѣхъ подданныхъ, которыхъ отцы и дѣды ходили съ Байдою въ Туретчину, Московщину, въ Волощину,— и ринулся на козацкіе загоны, свирѣпствовавшіе въ шляхетскихъ добрахъ. Ожесточеніе шляхты взяло тогда самый дикій аккордъ съ козацкимъ „звѣрствомъ“,— и вышелъ адскій концертъ взаимныхъ убийствъ и терзаній.

Малоруссіе историки въ особенности налагаютъ на жестокосердіе князя Вишневецкаго въ этомъ случаѣ. Но то, что дѣлали козаки съ панами, ксендзами, Жидами, съ женщинами и дѣтьми, было чудовищно до невѣроятности. Напримѣръ, Ганноверь, въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказываетъ вотъ какіе ужасы:

„Жители множества жидовскихъ городовъ за Днѣпромъ, Переяслава, Борисовки, Пирятина, Борисполя, Лубенъ, Лохвицы, не имѣвшіе возможности бѣжать, были умерщвлены за вѣру разными жестокими видами смерти. Съ нѣкоторыхъ содрали кожу заживо, а тѣло бросили собакамъ; нѣкоторымъ отрубили руки и ноги, и бросили на дорогѣ, потомъ бѣхали по нимъ возами; нѣкоторымъ нанесли множество несмертельныхъ ранъ и бросили на площади, дабы они мучились въ предсмертной агоніи, пока не испустятъ духъ; многихъ закопали живыми въ землю; рѣзали дѣтей на лонѣ матерей; множество дѣтей разорвали въ куски; беременнымъ женщинамъ распарывали животъ, вынимали педоношенный плодъ и бросали имъ же въ лицо, а нѣкоторымъ, распоровши животъ, впускали туда живую кошку, и животъ зашивали, а имъ рубили пальцы, дабы не могли вынуть кошку; нѣкоторыхъ дѣтей привязывали къ сосцамъ матерей; нѣкоторыхъ наса-

живали на вертель, жарили на огнѣ, а потомъ заставляли матерей бѣсть ихъ. Иногда брали жидовскихъ дѣтей, мостили ими улицы и вѣздили по нимъ... На подобіе сказанного они дѣлали вездѣ, куда только достигали, и даже съ Поляками, а преимущественно съ ксендзами", и пр. и пр.

Другой современный Жидъ-мемуаристъ, Егоша, сынъ львовскаго раввина, въ книжѣ своей „Бѣдствія Времень" *), описалъ тираннію, претерпѣнную Жидами отъ козаковъ въ 1648 и 1649 годахъ, еще въ болѣе, если возможно, ужасномъ видѣ. По его разсказу, козаки, допытываясь у Жидовъ, гдѣ они спрятали клады, сдирали съ живыхъ кожу, бросали Жиденятъ въ ямы, откуда нѣсколько дней были слышны ихъ крики и стоны. Въ Барѣ кололи младенцевъ, варили, жарили и съѣдали ихъ въ присутствіи матерей. Въ Полонномъ избили столько Жидовъ, что кровь лилась черезъ окна. Убивая при этомъ Жиденятъ, козаки предварительно ощупывали ихъ, жирны ли они, а потомъ насмѣшливо осматривали ихъ внутренности (какъ дѣлаютъ раввины при убиеніи животныхъ), разрѣзывали найденного *коширнымъ* Жиденка на куски, продавали, какъ говядину, и пр. и пр. и пр.

Извѣстный въ кобзарской Иліадѣ подъ именемъ Перебійноса гайдамака Кривоноſть, выпустивъ Князя Ярему изъ заднѣпровскихъ колоній, взяль на себя задачу—доѣхать его въ старыхъ панскихъ осадахъ. Но здѣсь народъ былъ устойчивѣе. Не всѣ здѣсь бросились на кровавый пиръ. Козацкій терроръ дѣйствовалъ на мужиковъ и на мѣщанъ почти такъ же слабо, какъ и въ Наливайщину. Притомъ же столпившаяся вокругъ Вишневецкаго шляхта потеряла характеръ помѣщиковъ-бѣглецовъ. Она напоминала тѣхъ жолнеровъ, которые вмѣстѣ съ нимъ ломились въ тaborъ Гуни на Сунѣ и стояли въочной битѣ противъ Филоненка на Старцѣ Днѣпра. Козакъ Алексѣй не смѣлъ напасть на магната Гектора въ открытомъ полѣ. Онъ слѣдилъ за движеніями яростной шляхты изъ лѣсныхъ да болотныхъ зарослей и „затлегаль" на нее въ мѣстахъ, подобныхъ Княжимъ Байракамъ да Крутой Балкѣ. Но всѣ его козацкія залеганья и полученные отъ Хмеля уроки были напрасны. Вишневецкій стряхивалъ съ себя рои насѣдавшихъ на него гайдамакъ и, гоня передъ собой дикия ватаги, прошелъ невредимо до Немирова.

Это былъ родовой городъ Вишневецкихъ, основанный еще въ тѣ

*) Переводъ съ еврейскаго напечатанъ въ „Членіяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ," 1859 года, кн. I.

времена, когда колонизаторы малорусскихъ пустынь смотрѣли на миръ съ невѣрными гордо и жаждали только „кровавой съ ними бесѣды“. Теперь онъ былъ во власти хмельничанъ, какъ Пиковъ да Брацлавъ у наливайцевъ, и не впустилъ своего князя въ укрѣпленія, которыми прикрыли его отъ Орды предки Байдича. Вишневецкій взялъ непокорный городъ приступомъ, разсѣялъ козаковъ, безпощадно казнивъ многихъ мѣщанъ своихъ, обезпечилъ, какъ ему казалось, ихъ покорность и, оставилъ среди нихъ, шляхетскій гарнизонъ, двинулся далѣе. Но едва немировцы оплакали своихъ мертвыхъ, какъ снова къ нимъ нахлынули козаки, и снова подданные Вишневецкаго сдѣлались хмельничанами.

Узнавъ объ этомъ, Князь Ярема вернулся на свои слѣды, чтобы показать примѣръ казни необыкновенной. Но угрожаемые козаками его союзники просили его спасать Махновку. Едва онъ выбилъ козацкую орду изъ Махновки, какъ напалъ на него съ тылу Кривоносъ. Не успѣлъ онъ отразить Кривоноса, какъ прибѣжала къ нему толпа волынской шляхты съ мольбой о защитѣ Полоннаго. На этотъ новый подвигъ не хватило силъ у Вишневецкаго. Пока онъ занимался новой вербовкою, Кривоносъ вломился въ Полонное и произвелъ страшную бойню надъ укрывшимися тамъ шляхетскими и жидовскими семьями. Князь Ярема спѣшилъ уже съ обновленными силами на защиту Полоннаго и, можетъ быть, уменьшилъ бы громкую донынѣ въ слѣпой Украинѣ славу Переображеноса; но подъ Старымъ Константиновымъ загородилъ ему дорогу Остапъ Половьянъ, присланный въ помощь Переображеносу отъ Хмельницкаго. Битва была упорная. Половьянъ стоялъ крѣпко, но наконецъ былъ сломленъ и взятъ въ пленъ. Поздно было тогда спасать женщинъ и дѣтей въ Полонномъ. Въ виду побѣдителей Половьяна появился завоеватель Полоннаго, Кривоносъ. Вишневецкій сдѣлалъ искусное движеніе къ Случи и на переправѣ черезъ Случи разбилъ Кривоноса на голову.

Но успѣхи не радовали его. На пыткѣ Половьяна показалъ,—что Хмельницкій наступаетъ, слѣдомъ за своими предтечами, съ громаднымъ войскомъ; что онъ ведеть за собой стотысячную Орду; что козаки хотятъ идти съ Татарами за Бѣлую Рѣку, то есть за Вислу. Не рѣшился Вишневецкій ждать Хмельницкаго надъ Случью съ отважнымъ, но малочисленнымъ ополченiemъ своимъ. Онъ удалился въ крѣпкій и надежный городъ Збаражъ. Оставленныя на свободѣ, передовыя полчища Хмельницкаго опустошили Корецъ и Межиричъ. Мѣстечко Межибожье, принадлежавшее Сѣнявскому, сопротивлялось козакамъ упорно, но наконецъ сдалось и, къ удивленію шляхты, было попа-

жено: сдѣлка Тогай-бя съ Сѣнявскимъ спасла его мѣстечко отъ разоренія.

Покрывъ себя незабвенною славою кровопролитія въ Полонномъ, Кривоношъ двинулся къ Подольскому Каменцу. Но тамъ ему не посчастливилось. Онъ ограничился опустошеніемъ окрестностей, густо заселенныхъ мелкопомѣстною шляхтою. Подольские землевладѣльцы, привычные къ отраженію Татаръ собственными средствами, оборонялись мужественно и въ одной схваткѣ взяли въ плѣнъ нѣсколько казаковъ. Оказалось, что это были не казаки, а карпатскіе *опричники*, или разбойники. Слухъ объ удачномъ бунтѣ Хмельницкаго привлекалъ отовсюду въ козацкія купы людей одного и того же сорта.

Прочимъ руинникамъ, подобнымъ Кривоносу, на сей разъ посчастливились больше. Они овладѣли городами Луцкомъ, Кременецъ, Кіеванью, Тайкурами, Владиміромъ, Кобриномъ, Заславлемъ, повторяя всюду кровавыя и гнусныя сцены资料 его господства. Разорили казаки и мѣстечко сенатора православника, Гошу, наравнѣ съ мѣстечками и городами другихъ православныхъ пановъ. Не пощадили они и знаменитаго города Острога, на который столько лѣтъ были обращены взоры тѣснімаго папистами малорусскаго духовенства съ отрадными упованіями; не пощадили и Литовскаго Бреста, иначе Береста, котораго мѣщане и попы стали въ упоръ церковной унії и сдѣлялись первыми жертвами правосудія восторжествовавшихъ папистовъ.

Далѣе Береста разбой козацкій не проникнулъ въ Бѣлоруссію. Тамъ было мало людей кочевыхъ, бродачихъ, безсемейныхъ, а потому было мало и пособниковъ козацкой пропаганды. Возмущеніе черни дѣйствовало тамъ слабо; самозащита шляхты проявлялась энергично. Ибо общую черту успѣховъ Хмельнитчины составляло то обстоятельство, что города и села предавали казакамъ ихъ соумышленники. Не войты, не бурмистры, не райцы и лавники, не церковные и цеховые братчики, не осѣдлые и *стамѣчные* люди какого-либо сословія, званія и вѣроисповѣданія являлись козацкими соумышленниками до Хмельницкаго и при Хмельницкомъ, а тѣ, которыхъ современные письмена просто-на-просто называютъ пьяницами, повѣсами и негодяями. Этотъ многочисленный классъ польско-русскаго населенія Малороссіи, извѣстный подъ именемъ гультаевъ, вырабатывался изъ простолюдиновъ и шляхтичей, которыхъ отъ сельскихъ общинъ и сельскихъ хозяевъ увлекали къ себѣ городскія забавы и буйства. Спившіеся съ круга, запутанные въ долги, въ тяжбы, въ уголовныя дѣла, разоривъ свои семьи и сдѣлавшись врагами тѣхъ, кого жизнь и природа давали имъ въ друзья, въ помощники, въ руководители, они сперва дѣлались агента-

ми запорожскихъ соблазновъ среди своего общества и его молодежи, а потомъ — предателями своихъ сограждають. И вотъ какимъ путемъ наши мѣщане входили въ широко-разлившійся потокъ разбоя и разврата, извѣстный намъ отъ нашихъ историковъ подъ именемъ борьбы козаковъ за православную вѣру и русскую народность!

Но это горестное явленіе вытекало не изъ общественного безпутства русскихъ людей, оставленныхъ историческими причинами за предѣлами гражданственного вліянія Москвы. Конечно, въ немъ отразилась наслѣдственная дикость разоренного и порабощенного Батьемъ края, въ которой Малоруссы были способны воспринять и отъ кочевыхъ, и отъ гражданственныхъ сосѣдей своихъ одно худшее; но, еще очевиднѣе, оно было продуктомъ общихъ грѣховъ Шляхетскаго Народа, который выработалъ безпутное и беспощадное козачество въ привилегированной средѣ своей еще въ тѣ времена, когда это слово не получило національно-русского значенія.

Въ эпоху Хмельницкаго дѣленіе всего населенія малорусскихъ (а это значитъ вообще русскихъ) провинцій Польши на козаковъ и не-козаковъ принимало все болѣе и болѣе грозные размѣры, какъ отъ малодушной уступчивости однихъ землевладѣльцевъ, во главѣ которыхъ, въ качествѣ примирителя, стоялъ православный Русинъ, Адамъ Кисѣль, такъ и отъ великодушной рѣшимости другихъ, вождемъ которыхъ сдѣлался католикъ Русинъ, Іеремія Вишневецкій. Успокоивая людей добрыхъ, поблажливыхъ, вѣлыхъ и боязливыхъ своими миролюбивыми, жалобными и лѣстивыми письмами, Хмельницкій козацкіе разбои и необходимость быть въ союзѣ съ Татарами оправдывали свирѣпыми, какъ онъ представлялъ, дѣйствіями князя Вишневецкаго, а между тѣмъ собралъ, какъ было слышно, до 200.000 войска, готоваго стереть съ лица земли и самый слѣдъ колонизаціонныхъ панскихъ трудовъ, причемъ волей и неволей позволилъ Татарамъ увести въ Крымъ столько же, если не больше, рабочаго народа, не принимавшаго участія въ козакотатарскихъ набѣгахъ.

Князь Іеремія понималъ истребительную политику Хмельницкаго яснѣ, нежели кто-либо изъ его правительственныхъ товарищѣй, и ломалъ руки, глядя на крушеніе государства, составлявшаго оплотъ Западной Европы отъ азіятскаго нашествія. Напрасно слалъ онъ гонцовъ за гонцами къ панамъ, которые могли бы еще остановить разливъ кочевниковъ, когда бы выдвинули противъ нихъ ресурсы гражданственности. Его сенаторская и воинская репутація стояла высоко у однихъ; но зато другіе въ тайнѣ радовались подрыву его могущества въ Рѣчи Посполитой и напирали на уступчивость въ борьбѣ съ козаками

только для того, чтобы козаки поуменьшили прыть и ему, и другимъ колонизаторамъ юго-восточныхъ пустынь. Старое соперничество привисяцкихъ домагоровъ съ воинственными и предпримчивыми маркграфами продолжало развиваться на гибель Польши, не подчинявшейся никакому положительному правительству даже и въ виду общаго врага всѣхъ шартій.

Такъ было и у насъ во времена нашествія Батыева. Мы получили тогда хорошій урокъ для строенія той государственности, которую теперь гордимся въ своемъ возсоединеніи съ Великоруссами. Но къ Польшѣ, вмѣстѣ съ нашей землей, перешелъ и тотъ своенравный, разъединительный духъ нашихъ малорусскихъ предковъ, который сдѣлался причиной постигшаго ихъ Татарского Лихолѣтія. Еще задолго до повторенія Наливайщины, въ видѣ Жмайловщины, правительство Сигизмунда III называло козацкое своевольство, подъ именемъ *swawoli Ukrainnѣj*, страшнымъ пожаромъ и убѣждало пановъ гасить этотъ пожаръ совокупными средствами. Теперь онъ былъ въполномъ разгарѣ, и паны раздували его въ двухъ противоположныхъ направленахъ.

Интересенъ за это время, какъ и всегда, дневникъ литовскаго канцлера. Почтенный предводитель католической партіи, потомокъ православныхъ князей Радивиловъ, сознается, что въ іюнѣ 1648 года Польша „едва дышала отъ боязни“. Самъ онъ искалъ спасенія отъ наступавшей грозы у чудотворного образа *Przenajsiwtszѣj Matki*, который славился чудесами въ его селѣ Песочнѣ, окрещенному въ Пасечню. Цѣлый мѣсяцъ іюнь, послѣдовавшій за Корсунской катастрофою, пройденъ у него молчаниемъ о томъ, что дѣжалось въ землѣ, текущей молокомъ и медомъ. Онъ былъ—точно ребенокъ, зажмурившій глаза у груди матери, или, пожалуй, страусъ, воткнувшій голову въ песокъ. Июля 1 Альбрехту Станиславу Радивилу исполнилось 55 лѣтъ. Онъ усердно молился о своихъ грѣхахъ въ костелѣ „своей благодѣтельницы“, все той же чудотворной иконѣ, а потомъ сѣѣздилъ въ Неплинъ, въ монастырь Св. Бернарда, „особенного любимца Пресвятой Дѣви (*osobliwego kochanka Najsiwtszѣj Panny*), поручая его представительству несчастное королевство“.

Вотъ она, та беспомощность въ трудныхъ обстоятельствахъ, тотъ недостатокъ самодѣятельности, которые были въ польскихъ панахъ, говоря о нихъ вообще, результатомъ клерикального и іезуитскаго воспитанія! Магнатъ Радивиль умѣлъ заставить короля Владислава нарушать монаршее обѣщаніе, умѣлъ отказывать ему въ приложеніи канцлерской печати, смѣлъ наставлять его, чтобы онъ, присягая словомъ, не присягалъ намѣреніемъ,—и теперь, когда надо было дѣйство-

вать, уподоблялся грудному ребенку, или глупому страусу! Чѣдѣ же сказать о другихъ, не столь ученыхъ, не столь способныхъ и могущественныхъ польско-руссихъ панахъ?

Въ іюль 1648 года созвали опи такъ называемый кантуро-вый сеймъ, то есть такое національное собраниe, въ которомъ, при несуществовании короля, всѣ головы были покрыты шапками, по старинному *кантуромъ*. До избранія новаго короля королей шляхетской республики, мѣсто его занималъ гнѣзденскій архиепископъ, въ качествѣ примаса.

На кантурогомъ, иначе конвокационномъ, сеймѣ прежде всего было решено — выставить противъ козаковъ 36.000 войска: сила ничтожная по численности полчищъ Хмельницкаго; но въ рукахъ такого вождя, какъ Вишневецкій, она сдѣлала бы съ Хмельницкимъ то, что сдѣлала, вдохновляемая нашимъ Байдичемъ, горсть волонтеровъ съ Половьяномъ у Старого Константина и съ Перебійносомъ на Случи. Только ему не вѣрили диктатуры. Паны боялись всякаго сильного характера, всякаго широкаго въ политикѣ ума. Любовь къ личной свободѣ ослѣпляла ихъ до того, что имъ казалось опаснымъ соединить подъ властью одного лица эти 36.000, которыхъ они великодушно постановили набрать, но которыхъ не позаботились хорошо вооружить и вывести на сцену дѣйствія въ полномъ составѣ. Даже теперь, когда сосредоточенная въ сильныхъ рукахъ власть могла бы спасти шляхетскую республику, на сеймикахъ, предшествовавшихъ кантуровому сейму, налегали на то, „чтобы постоянная диктатура гетманская (*regreta dictatura hetmańska*), которая появилась въ Польшѣ недавно, (какъ проповѣдывали ораторы), была уничтожена; такъ какъ это не только неудобно для Республики (*Reipublicae incommodum*); но и опасно (*ale i periculum*)“. Поэтому кантуровый сеймъ, вмѣсто одного главнокомандующаго, назначилъ троихъ „гетмановъ“, подъ именемъ *регистраторей*.

Первымъ изъ нихъ былъ указанный примасу нашимъ Адамомъ Свѣнтолъдичемъ неспособный къ военному дѣлу сеномирскій воевода, князь Доминикъ Заславскій; вторымъ — коронный хорунжій, Александръ Конецпольскій, отличавшійся воинственнымъ духомъ своего отца, но не его талантами; а третій — коронный подчашій Николай Остророгъ, славный классическю ученостю и дипломатическимъ искусствомъ, но не рожденный быть полководцемъ. Басенные щука, лебедь и ракъ не могли бы дѣйствовать менѣе согласно въ общемъ дѣлѣ, какъ эти три героя въ трудной козакотатарской войнѣ; а явное отверженіе того, кто одинъ заграждалъ бунтовщикамъ путь, когда всѣ помышляли толь-

ко о бѣгствѣ, оскорбило партію почитателей его и внесло рознь между самыx влиятельныхъ членовъ республики.

Одинъ изъ люблинскихъ пановъ, въ письмѣ къ пріятелю, такъ отзывался въ это время о правителяхъ шляхетскаго государства: „Изъ Варшавы не пишутъ ничего доброго: все только kawy dla zahawy. Даже литовскихъ пановъ не позабылись призвать для отвращенія опасности *). Неизвѣстно, по чьему совѣту назначили этихъ тріумвировъ, чего и сами начинаютъ уже стыдиться **). Печатари (канцлеры), въ своемъ разъединеніи, должно быть, прочатъ царствованіе не кому-либо изъ королевской крови, а себѣ самимъ (*sibi regnum sperant*), чтобы каждому властвовать надъ покорными подданными (панами). Боже! смѣшай ихъ совѣты, открай фальшь и измѣны (*Boże, zamieszaj ich rady, odkryj fałsz i zradę!*)! Но все это перемѣнится, когда братья (шляхта) снесутся съ тѣми панами, которые держать въ рукахъ сабли, а не молитвенники, да перья“.

При такомъ помраченіи общественнаго смысла, вопросъ о томъ, что вызвало новый козацкій бунтъ и чѣмъ возможно подавить или успокоить мятежниковъ, сталъ обсуждаться въ пустой слѣдь послѣ того, какъ противъ нихъ были приняты нелѣпныя мѣры. Теряясь въ догадкахъ и не зная на чѣмъ остановиться, вожди Шляхетскаго Народа обратились къ посламъ Народа Козацкаго, присланнымъ подъ видомъ испрошенія помилованія Хмельницкому, а въ сущности для того, чтобы выведѣть настроеніе панскихъ мыслей и узнать о положеніи государственныхъ дѣлъ.

Одинъ изъ членовъ палаты депутатовъ совѣтовалъ не тратить времени попусту. „Мы хотимъ знать причину пожара, не погасивъ его“ (говорилъ онъ). „Это все равно, какъ если-бы кто упалъ въ колодецъ и кричалъ о спасеніи, а его бы сперва спрашивали, какъ онъ туда попалъ“. Но сеймовые паны всѣ-таки допросили козаковъ о причинахъ ихъ бунта.

Отвѣты козацкихъ пословъ заключались въ извѣстной уже намъ инструкціи.

Не было лучшаго времени и мѣста для ревнителей малорусской

*) Литовскіе паны домогались уравненія правъ своихъ гетмановъ съ коронными, если бы кто изъ нихъ пришелъ съ войскомъ въ лагерь. На это коронные паны не согласились.

**) Въ Дневникѣ Боявокациіи Варшавской читаемъ: „Z strony Uniwersalu, w ktòrym sa trzej Hetmani naznaczeni, aby takowe in posterum nie wychodzili, prae-custoditum“.

народной вѣры и чести, чтобы не только выразить накипѣвшія у нихъ на сердцѣ оскорблениія религіозной совѣсти и національнаго достоинства, но и оправдать ужасы бунта. Здѣсь присутствовали князья Четвертинские, изъ которыхъ одинъ въ послѣдствіи облекся въ санъ кіевскаго митрополита. Здѣсь засѣдали Кисели и Древинские, ораторствовавшіе на сеймахъ въ пользу древней греческой вѣры. Здѣсь много было земскихъ пословъ православнаго исповѣданія, непричастныхъ не только римской политикѣ, но и передачѣ интересовъ православія въ руки могилінскій, полупольской іерархіи. Если-бы козакамъ были нужны посредники католико-православнаго спора, поднявшагося съ обнародованія церковной унії, то вмѣстѣ съ панами католиками и панами православными засѣдали здѣсь и вожди польско-руssкихъ протестантовъ, съ которыми наши православники были тѣсно соединены со временемъ Князя Василія. Только кіевскаго митрополита не было: его козаки не пустили на сеймъ, тогда какъ борцамъ православія слѣдовало бы всячески побудить малорусскаго первосвященника къ поѣздкѣ въ Варшаву для свидѣтельствованія о той вѣрѣ, за которую они „помирали“, какъ увѣрялъ Хмельницкій царя Алексѣя Михайловича. Но то, что было приписано въ концѣ инструкціи козакамъ посламъ, оставалось только на бумагѣ. Послы—или не хотѣли, или даже не умѣли заговорить о дѣлахъ церкви и вѣры, какъ это случилось и въ Медвѣжьихъ Лозахъ съ козаками уполномоченными.

Литовскій канцлеръ, въ числѣ прочихъ первенствующихъ пановъ, получилъ отъ козаковъ, чрезъ ихъ посольство, просительное, alias туманяще, письмо. Оно присутствовало при многократныхъ аудіенціяхъ, данныхъ на сеймѣ козакамъ посламъ. Пословъ допрашивали о королевскихъ листахъ, о поощреніи Запорожскаго Войска къ задиранью Турціи. Дневникъ Радивила слѣдилъ за козакамъ вопросомъ обстоятельно. Радивиль отмѣтилъ даже, какъ послы блѣднѣли и дрожали (разумѣется, при мысли о козацкомъ террорѣ, въ случаѣ несогласія съ показаніями). Но ни слова не записалъ онъ о томъ, чтобы козаки стояли за свою стародавнюю греческую религію, тогда какъ тутъ же писалъ о протестантахъ, что они домогались уступокъ въ пользу своей новой вѣры, и что коронный канцлеръ сказалъ имъ: „Хоть бы не только Хмельницкій, но и весь адъ возсталъ противъ нашего отечества, не дозволимъ вамъ болѣе того, чѣмъ вы пользовались“. *)

*) Въ Дневникѣ Варшавской Конвокациіи слова Оссолинскаго записаны такъ: „Jeżeli na nas chcecie wylagować co uporem swoim, iż to czas urget maxime.“

Интересно сравнить эту часть Радивилова дневника съ тою, гдѣ онъ описываетъ домогательства протестантскихъ вождей въ 1632 году.

Въ то время протестанты (пишетъ Радивиль), „подъ видомъ этихъ схизматиковъ, заявили всѣ свои требованія, угрожая помѣшать избранию короля, въ случаѣ неисполненія ихъ“.

4-й пунктъ требований гласить: „Кто бы учинилъ какое-либо насилие русскимъ церквамъ или зборамъ диссидентовъ, публичнымъ актамъ, богослуженію, того чтобы карали въ трибуналѣ, яко нарушиителя общественнаго спокойствія“, и пр.

5-й пунктъ: „Чтобы русская митрополія подчинялась константинопольскому патріарху; чтобы владыки, архимандриты и другіе получали посвященіе отъ того же патріарха; чтобы уніаты, отказавшись отъ этихъ достоинствъ, отдали семинаріи, типографіи и другія мѣста дизунитамъ“, и пр.

6-й пунктъ: „Гдѣ бы нынѣ ни были монастыри, церкви, семинаріи, основанные издавна, а равно синагоги и зборы диссидентовъ, по какому бы то ни было праву существующіе, чтобы потомъ были сохраняемы со всѣми принадлежащими къ нимъ имуществами“, и пр.

8-й пунктъ: „Чтобы дизуниты и диссиденты какого бы то ни было состоянія и достоинства имѣли право чинить записи, завѣщанія и фундаціи, актиковать ихъ въ гродахъ и извлекать изъ нихъ публичные акты, привилегіи и декреты“.

9-й пунктъ: „Чтобы дѣла дизунитовъ и диссидентовъ съ духовными, со студентами, были разбираемы въ Коронѣ смѣшаннымъ судомъ, а въ Литвѣ—въ судѣ свѣтскомъ трибуналъскомъ“, и пр.

10-й пунктъ: „Чтобы въ коронныхъ и литовскихъ городахъ дизуниты и диссиденты имѣли право занимать городскія должности въ магистратѣ, а кто изъ нихъ былъ изъ магистратата исключенъ, тѣ что-бы возвратились“.

11-й пунктъ: „Чтобы дизунитская шляхта, по своимъ заслугамъ, пользовалась правомъ на всѣ дигнитарства и уряды, прерогативы и доходы съ имѣній Рѣчи Посполитой, и чтобы въ королевскую присягу были включены слова: *безъ различія религій*“, и пр.

Это извлеченіе изъ дневника литворусскаго канцлера представлено мною въ сокращеніи. Не преминулъ бы онъ и теперь внести въ

dla niebespieczeñstw, to powiem: choćby nie tylko Chmielnicki, ale wszystek ten świat, a nawet piekło wszysko na mnie się obaliło, vetante conscientia mea, nad to, co macie w przeszłej konwokacyjnej, ne unum quidam jota przystąpie.

дневникъ такой важный фактъ, какъ домогательство о церкви и вѣрѣ со стороны козаковъ, стоящихъ во всеоружіи грознаго бунта. Но посты Хмельницкаго не сказали о религії ниодного слова.

Съ другой стороны, протестанты поднимали теперь вопросъ о своей новой вѣрѣ въ отдѣльности отъ вѣры старогреческой, титулуемой древнимъ русскимъ благочестіемъ. Это доказываетъ, что православники, вписывавшіе въ козацкія петиціи жалобы свои, только и держались протестантами, и что не козаки интересовались вѣрою даже въ лицѣ такихъ людей, какъ Сагайдачный, а козакующая шляхта, за которую хватались и не принадлежавшіе къ козачеству православники. Теперь наша малорусская шляхта ни изъ Украины и Волыни, ни изъ Червоной и Бѣлой Руси не смѣла домогаться попрежнему того, что позволяли себѣ, для политической демонстраціи, вписывать въ посольскую инструкцію козаки. Раза два поднимала она, въ своей отдѣльности отъ козаковъ, вопросъ о разсмотрѣніи терпимыхъ ею экзорбитанцій въ дѣлѣ вѣры; но ей отвѣчали, что не за что покровительствовать религії, которая всегда была крайне враждебна римской (*inimicissima Romanae*), а нынѣ явлаетъ ужасное свирѣпство, подобное татарскому (*saevissima, eaque tartarica prosequitur rabie*). Ни Адамъ Кисѣль со стороны православниковъ, ни сынъ Перуна, Радивилъ, со стороны протестантовъ не ораторствовали больше въ пользу вѣроисповѣданія, столь вредоноснаго, и не соединяли въ одну фалангу, какъ прежде, своихъ разновѣрныхъ борцовъ.

Хмельницкій, освобождая изъ плѣна нѣкоторыхъ пановъ, членовъ вынѣшняго калтуроваго сейма, твердилъ имъ, что будто бы самъ король велѣлъ козакамъ добывать себѣ свободу саблею; но и онъ не находилъ возможнымъ говорить имъ о войнѣ за оскорблѣніе религіознаго чувства, которой вѣрили только въ Москвѣ, и то не всѣ, какъ это мы видѣли по донесеніямъ Плещеева и Кунакова. Козацкій гетманъ домогался права неподсудности и произвола, принадлежавшихъ *de facto* каждому магнату, начиная съ Вишневецкаго, хотя *de jure* каждый изъ магнатовъ находился въ зависимости отъ своей шляхетской братіи. Это право, право открытой силы, господствовавшее въ Рѣчи Посполитой подъ видомъ конституціи, одни изъ членовъ национальнаго собранія признавали за козаками молча, но другіе позволяли себѣ высказываться рѣшительно въ пользу бунтовщиковъ, и, подъ вліяніемъ старого соперничества съ маркграфами панами, „преувеличивали“ притѣсненія, которыхъ козаки терпѣли отъ украинскихъ землевладѣльцевъ, урядниковъ и жолнеровъ.

Въ средѣ сеймующихъ пановъ даже духовные сенаторы требовали.

вали, во-первыхъ, амнистію козакамъ, во-вторыхъ, возстановленія козацкихъ вольностей и, втретихъ, устраненія ненавистнаго козакамъ князя Вишневецкаго отъ предводительства короннымъ войскомъ. Правда, нѣкоторые изъ этихъ сенаторовъ настаивали на строгой карѣ козаковъ за поруганіе католическихъ святилищъ; зато другіе соглашались съ надворнымъ короннымъ маршаломъ, извѣстнымъ любимцемъ покойнаго короля, Казановскимъ, который оправдывалъ козаковъ даже въ томъ, что они заключили договоръ съ Татарами. „Они были готовы обратиться къ самому аду“ (говорилъ Казановскій), „лишь бы освободиться отъ такого рабства и притѣсненія, которыя бѣднаги, какъ видимъ, терпѣли. Хороша была, нечего сказать, ординація Рѣчи Посполитой для обузданія будущаго ихъ своевольства!“ (продолжалъ онъ). „Козацкій комиссаръ былъ Полякъ, полковники—Поляки, гарнизоны на Запорожье состояли постоянно изъ Поляковъ. Можно бы и ординацію сдѣлать, и судъ установить на тѣхъ, которые хотѣли бы обижать и притѣснять козаковъ. Чего тогда не сдѣлали, я, по званію моему, совсѣтую, чтобы козаки были во всемъ удовлетворены. Пускай козакамъ, живущимъ подъ шляхетской юрисдикціей, дано будетъ право жаловаться на обидчика шляхтича въ гродскомъ судѣ, въ земскомъ судѣ, въ трибуналѣ. Это-то и заставитъ ихъ сдѣлать между собой переборъ, такъ что только старинныхъ будутъ они принимать въ свои вольности“.

Рѣчь Казановскаго, безъ сомнѣнія, была направлена противъ князя Вишневецкаго, который, въ борьбѣ съ нимъ за Роменъ, униzelъ его даже во мнѣніи короля. Но члены кантурowego сейма вообще относились къ вопросу о козацкомъ бунтѣ безъ той злости и фанатизма, на которой выѣзжаетъ малорусская исторіографія. „Общимъ соборомъ“ (пишетъ литовскій канцлеръ) „просили брацлавскаго воеводу (Киселя) дать ясное понятіе объ этой войнѣ“.

И по отношенію къ могущественнымъ панамъ протестантамъ и по отношенію къ могущественнымъ теперь болѣе прежніаго козакамъ, Кисель могъ бы и долженъ быть засвидѣтельствовать, что причиною страшной войны—притѣсненіе вѣры въ Козацкой Украинѣ. Радивилъ говоритъ, что онъ „широко изложилъ информаціи войны“, но что „сумма информаціи была такая: Хмельницкій часто упрашивалъ Потоцкаго не преслѣдовать его, но тотъ не унимался и хотѣлъ уничтожить его въ самыхъ начаткахъ (бунта). Поэтому Хмельницкій обратился къ Татарамъ, и хотя брацлавскій воевода убѣжалъ Потоцкаго не дѣлать этого, и послалъ письмо къ королю, чтобы отвлекъ

его отъ этого предпріятія, но пока письмо пришло, наше войско было уже разбито, гетманы взяты въ плѣнъ, и т. д.

Общею чертою панскихъ совѣщаній о томъ, какъ поступить съ бунтовщиками, было непониманіе всей грозы бунта. Раздробленное на множество панскихъ царствъ и мѣщанскихъ республикъ Польское Королевство оказывалось мелочнымъ въ своихъ мѣропріятіяхъ. Намъ, и самымъ мелкимъ, и самымъ крупнымъ органамъ консолидированныхъ народныхъ русскихъ силъ, почти невѣроятно то, что разсказываетъ литовскій канцлеръ о совѣтахъ Оссолинскаго и другихъ высшихъ сановниковъ. Совѣтовали, напримѣръ, послать къ Хмельницкому полученнное отъ хана письмо, въ которомъ ханъ говорилъ, что козаки хотѣли идти къ самой резиденціи короля, но ханъ не согласился на это ради пактовъ Польши съ турецкимъ султаномъ; а такъ какъ въ томъ же письмѣ ханъ прибавлялъ, что вторженіе свое сдѣлалъ по турецкому велѣнію, то послать письмо и къ визирю. Самъ Радивилъ совѣтоваль поскорѣе отправить козацкихъ пословъ, чтобы ихъ задержкою не раздражить еще больше козачину, „а причину бури“ (пишетъ онъ) „представилъ я наши грѣхи да угнетеніе убогихъ“, — и только!

Вслѣдъ за этимъ глубокомысленнымъ и патріотическимъ представлениемъ прочитано было государственному собранію письмо до стойнѣйшаго, по мнѣнію Киселя, изъ прозелитовъ польщины, князя Доминика Заславскаго, „который“ (пишетъ Радивилъ) „не совѣтоваль давать амнистію козакамъ: ибо это“, говорилъ онъ, „не представляетъ намъ ни пользы, ни чести, а лучше все нести съ отвагою“.

Въ письмѣ своемъ Заславскій разсказывалъ, между прочимъ, что козаки въ іезуитскомъ костелѣ, въ Винницѣ, или священными чашами горїлку, нарядившись въ ксендзовскіе орнаты; каплановъ жестоко сердно замучили, выбрасывали трупы изъ гробовъ и, разсѣвши на куски, бросали собакамъ, а плѣнныхъ шляхтичей, для большаго поруганія, продавали Татарамъ по нѣсколько грошѣй.

Далѣе Кисѣль представилъ сочиненный имъ универсаль отъ сената къ козакамъ. Только-что хотѣли было послать этотъ универсаль въ Посольскую Избу, какъ она прислала собственный, въ которомъ исчислила всѣ козацкія злодѣйства: какъ соединились козаки съ погаными Татарами, какъ разбойничали и опустошили столько провинцій, какъ уведено было въ татарскую неволю множество христіанъ, какъ вырѣзано нѣсколько воеводствъ, какъ попирали козаки ногами священную евхаристію, какъ святыми чашами или горїлку. „Однакожъ“ (сказано было въ универсалѣ), „если искренно раскаются, если удовлетворять Рѣчи Посполитую, тоелику покорно просить о поми-

лованії; то можно все имъ простить, только чтобы спокойно ждали комиссаровъ, булты усмирили, зачинщиковъ на руки комиссарамъ выдали, плѣнниковъ отпустили, въ прочихъ же пунктахъ ждали повелѣній Рѣчи Посполитой чрезъ комиссаровъ". Крыловская басня „Котъ и Поваръ“ представлена была здѣсь въ лицахъ.

„Понравился этотъ проектъ (*podała się ten koncept*)“, пишетъ наивно литовскій канцлеръ, и разсказываетъ, какъ назначили 18 особъ изъ представителей всѣхъ вѣроисповѣданій въ комиссию съ козаками, а козацкіе послы были отпущены съ однимъ универсаломъ отъ Сенаторской Избы и отъ Посольской за подпись примаса и посольского маршала“.

Никто не смѣялся при этомъ; но громко смѣялись, когда Адамъ Кисель и писарь Великаго Княжества Литовскаго, Пацъ, излагали подробно, какъ они были въ посольствѣ „у Москала“. Съ антиславянской точки зрѣнія, усвоенной даже и православными панами Ляхами, московскіе порядки казались имъ нелѣпыми. Еслибы такие представители русскаго элемента въ Польшѣ, какими являлись Кисели да Древинскіе, не были тѣми же Поляками, не потѣшили бы они польскихъ законодателей карикатурою московской дипломатіи, и остановили бы столь несвоевременный смѣхъ малорусскимъ замѣчаніемъ: „Коли бъ вамъ, паны Лахи, та не смійтись на кутні“! Впрочемъ, въ концѣ одного засѣданія, маршаль Посольской Избы напрямикъ сказалъ своимъ избирателямъ, что кого хочетъ Богъ наказать, у того отнимаетъ разумъ, и попрекнулъ ихъ королемъ Владиславомъ, назвавъ его головою, „отъ которой зависѣло существованіе шляхетскаго словоіа“.

Для полной характеристики каптуроваго или конвокационнаго сейма слѣдуетъ упомянуть о зловѣщей сценѣ въ церковно-религіозномъ духѣ. Въ число депутатовъ транзакціи съ козаками надѣялся волость и кievскій подкоморій, аріянинъ Немиричъ; но маршаль Посольской Избы исключилъ аріянина изъ списка, а прочие ревнители католичества высказали ему,—что люди, не признающіе Св. Троицы, не пользуются общественнымъ правомъ, и что сеймовые паны должны остерегаться такихъ людей, какъ морового повѣтря. При этомъ освѣтимскій (т. е. освѣтимскій) староста, Адамъ Корыцинскій (т. е. Корытинскій) объявилъ, что лучше ему разлить свою кровь и лишиться жизни, нежели единиться съ подобными еретиками; а Мазовецкое воеводство не дозволяло, по своимъ правамъ (*juxta iuga sua*), ни подъ какимъ видомъ терпѣть никакого диссидента. У нихъ де и Жидамъ ихъ древніе законы не дозволяютъ нигдѣ жить подъ смертною казнью

(sub poena colli). Всльдъ за Мазурами и представители Кіевскаго воеводства, земляки Немирича, заявили, что желаютъ сохранить ненарушимымъ право, по которому допускаются у нихъ только двѣ религіи, римская и греческая.

Избраники панского большинства, Заславскій, Конецпольскій и Остророгъ, изъявили согласіе на то, чтобы во главѣ комиссаровъ стоялъ миротворецъ Адамъ Свѣнтолъдичъ Кисъль. Представитель панскаго меньшинства, князь Вишневецкій, устранился съ негодованіемъ отъ совѣщаній польскихъ царей и, подобно гаѣвному сыну Пелея, обращалъ въ умѣ своемъ грозныя мысли, проникнутыя глубокою скорбью. То онъ готовился (по дошедшему до Кунакова характеризующему Рѣчъ Посполитую слуху) „наварить Полякамъ пива горше Хмельницкаго“, то рѣшался предоставить ихъ погибельной ихъ участіи, то намѣревался совсѣмъ уѣхать изъ беззлабернаго и неблагодарнаго отечества.

Правоправящая панская республика, въ борбѣ съ революціонной республикой козацкой, все еще мѣрила взаимныя свои отношенія мѣриломъ прошлыхъ своихъ успѣховъ и своего торжества надъ нею. Депутованные на козацкую комиссию предполагали, что, для транзакцій съ козаками, всего лучше было бы избрать мѣсто, недалекое отъ Кіева, где бы можно было покупать сѣйстные припасы для своей ассистенціи, а коронное войско, чтобы стягивалось между тѣмъ къ Константинову. Ассистенція же комиссаровъ (совѣщались паны) не должна быть ни слишкомъ многочисленна, чтобы не испугала козаковъ, ни слишкомъ мала, чтобы козаки не пренебрегали ея. Козаки хотятъ 12.000-наго реестра (размыслили депутатованные). Пожалуй, можно согласиться на одну-другую тысячу. Козаки просятъ обѣ уплатѣ жолду. Но вѣдь приготовленныя для нихъ деньги (съ дефицитомъ въ 230.000) взяты вмѣстѣ съ обозомъ, да притомъ же изъ-за этого жолду надѣлано столько школъ и Татарами, и самими козаками... Но всего забавнѣе въ совѣщаніяхъ представителей Польскаго государства, что они придумывали мѣры къ тому, какъ бы козаки не показались передъ Шляхетскимъ Народомъ предписзывающими ему условія.

Это происходило 24 (14) іюля,—и тутъ же Варшава получала извѣстія о хлопскихъ разбояхъ въ „Литвѣ и въ Руси“, о беспощадныхъ нападеніяхъ Перебійноса на шляхетскія жилища.

На другой день депутатованные засѣдали у примаса. Тотъ спрашивалъ, какъ о предметахъ равнозначащихъ: чтѣ дѣлать съ диссидентами, которые хотятъ отмѣнить сеймовой декретъ обѣ уничтоженій въ Вильнѣ протестантскаго збора, и чтѣ дѣлать съ новонавербованными жолнерами, угнетающими духовныя добра своими стаціями?... Депуто-

ванные важно рѣшили: сопротивляться диссидентамъ, а жолнерскія угнетенія переносить въ это плачевное время терпѣливо.

Съ той же важностью постановили, 26 (16) іюля,—чтобы комиссія началась 23 римского августа въ Киевѣ, а кончилась 6 сентября, чтобы отъ козаковъ потребовать освобожденія плѣнниковъ и выдачи пушекъ. Пускай де козаки разорвутъ лigu съ Татарами, беспокойныхъ людей выдадутъ, вѣрность Республики возобновятъ; уплаты жолда пускай не надѣются по причинѣ надѣланныхъ ими шкодъ; королевскіе листы возвратятъ; вольностью довольствуются такою, какая дарована имъ комиссіею Кумейскою, а maxime—Куруковскою, и т. п.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти несообразности Варшава получила вѣсти, что Кривоносъ овладѣлъ Полоннымъ, мѣстечкомъ краевскаго воеводы Любомирскаго (къ которому такъ ластился Хмельницкій послѣ Корсунскаго погрома) и произвелъ въ немъ неслыханный убийства надъ беззащитными людьми, какъ обѣ этомъ было говорено уже выше. Зато сторонники князя Вишневецкаго уведомили раздраженныхъ варшавянъ, что онъ, командуя только 6-ю тысячами жолнеровъ, три раза бился съ 60-ю тысячами козаковъ и положилъ ихъ 10.000 трупомъ.

Непосредственно за этими вѣстями въ дневникѣ Радивила записано, безъ всякой ироніи, слѣдующее: „Мы, депутатанные, цѣлый день провели въ спорѣ съ диссидентами“, а въ Дневникѣ Варшавской Конвокациіи читаемъ,—что едва не всѣ воеводства объявили свою рѣшимость—отдѣлиться отъ диссидентовъ съ протестацію противъ нихъ (*cum protestatione contra dissidentes*).

Всѣ-таки кровопролитіе, произведенное Перебійносомъ въ Полонномъ, заставило пановъ немедленно отправить полномочную комиссію къ козакамъ подъ начальствомъ брацлавскаго воеводы, и казалось имъ, что они сдѣлали весьма важное дѣло.

Междудѣй изъ разныхъ мѣстъ получались донесенія о признаніяхъ, вымученныхъ пытками у плѣнныхъ козаковъ и козацкихъ шпионахъ, бродившихъ подъ видомъ попрошайокъ. Одни изъ нихъ рассказывали, будто бы московскіе послы были у Хмельницкаго (шляхта все-го больше боялась его сношеній съ Москвою) и объявили ему, что царь просить козаковъ уступить ему землю по Днѣпрѣ, а онъ зато поможетъ козакамъ прогнать Поляковъ за Вислу и садеть на Польскомъ королевствѣ. Другіе показывали, будто бы малорусскіе владыки снабжали козаковъ порохомъ, пулями и гаковницами. Отъ третьихъ судебная инквизиція узнавала такія важныя вещи,—что какой-то чернецъ говорилъ: „Кто лучшій, тому, Господи, помоги“, или такія,—что въ Новомъ Константиновѣ есть мѣщанинъ Харкѣ, который сносится съ

козаками, и еще: что въ такомъ-то мѣстечкѣ есть у козаковъ пріятѣли—Харкѣ, Иванъ, Мартинъ, Иванко, Лесь, Павлюкъ: или, наконецъ,—что въ Володаркѣ есть трое такихъ, у которыхъ не допытается ничего и десять катовъ: такое де знаютъ зелье. Эта исповѣдь, раздражавшая попусту чернь противъ „пановъ Лаховъ“, стоила споровъ съ диссидентами. Умы, какъ видимъ, были въ туманѣ.

Съ своей стороны продолжалъ туманить правителей безгосударнаго государства Хмельницкій своими письмами, и распускаль о нашемъ духовенствѣ и его пастве разные слухи соотвѣтственно своимъ цѣлямъ.

Несовѣтовавшій прощать козаковъ наследникъ Острожскаго во-піяль теперь, въ письмѣ къ примасу, что дѣла находятся въ отчаянномъ положеніи, и боялся уже, чтобы „не упала высокая Троя (i boje się, żeby nie upadła alto a culmine Troja)“. Онъ отправилъ одного изъ своихъ приближенныхъ, какого-то Колонтая, посломъ къ Хмельницкому,—къ „предателю Хмелю“, какъ называлъ его передъ панами.

По этому случаю почтилъ его своимъ письмомъ предтеча предателя Хмеля, Кривоносы. Знаменитый истребитель Жидовъ, старииковъ, женщинъ и дѣтей увѣрялъ князя Заславскаго, что козаки не хотѣли опустошать Польской Земли, но забылъ де съ ними князь Ярема, тиранілъ, посыпалъ, сажалъ на кольевъ невинныхъ людей, въ каждомъ го-родѣ становилъ среди рынка висѣлицу, а потомъ буравилъ глаза. „Мы тоже“ (писалъ человѣкомъ любивый разбойникъ), „обороняя свою вѣру и жизнь, были принуждены стоять за свою обиду. Вотъ и о нашихъ по-слыхъ не имѣемъ никакой вѣсти. Видно, уже спать, что не просну-лись до сихъ поръ. А Жидовъ“ (закончилъ письмо кровавый *лыцарь*) „направляйте къ самой Вислѣ. Вся бѣда началась отъ Жидовъ: ибо они свели съ ума и васъ“.

Это было написано передъ рѣзнею въ Полонномъ, которая (гово-рить Радивилъ) произошла отъ того, что козаки повѣрили распущен-нымъ хлопами слухамъ, будто ихъ пословъ посадили въ Варшавѣ на колье: легковѣріе, достойное козацкихъ потомковъ, малорусскихъ историковъ и беллетристовъ.

Чѣмъ ничтожнѣе былъ, по своей природѣ, князь Доминикъ, тѣмъ больше дорожилъ его вліяніемъ на миротворцевъ Киселей козацкій Батько, Хмѣль. Отпуская Колонтая изъ Паволочи, онъ вручилъ ему универсаль къ вѣсколькимъ городамъ, чтобы его не задерживали ни хмельничане, ни Татары, то-есть, чтобы успокоительный отвѣтъ на посольство дошелъ по адресу.

Хмельницкій свидѣтельствовалъ Богомъ передъ „ясноосвѣщен-

нимъ" княземъ Заславскимъ, что, будучи неизмѣнными слугами Рѣчи Посполитой, козаки желали мира отъ всего сердца; но наступилъ де на нихъ князь Вишневецкій, котораго они отпустили изъ-за Днѣпра, хотя держали, можно сказать, уже въ рукахъ, и поэтому козаки должны были двинуться войскомъ. Въ удостовѣреніе своихъ словъ, послалъ ясноосвѣщеному князю для прочтенія универсалы его милости князя Вишневецкаго и письма изъ Москвы. Хмельницкій ждалъ только своихъ пословъ изъ Варшавы, чтобы вернуться со всѣмъ войскомъ и съ Ордою въ Украину: „пускай де не бродятъ большие въ христіянской крови" ... „Да и то" (продолжалъ онъ) „я постоянно удерживаю своихъ отъ чать и грабежа не чѣмъ инымъ, какъ только мечемъ, и именно потому, что ваша княжеская милость благоволите явить столь великую милость къ намъ, нижайшимъ слугамъ своимъ, еще съ предковъ своихъ. Будучи этимъ чрезвычайно обрадованы" (лебезила далѣе старая лисица передъ старой вороной), „и возблагодаривъ за это сперва Господа Бога, мы готовы исполнить всякое повелѣніе вашей княжеской милости, въ такомъ упадкѣ Польской Короны. Только сердечно и униженно просимъ, благоволите сноситься съ нами, своими нижайшими слугами, обо всемъ. По желанію его милости пана Колонтая, велѣль я выдать строгій универсалъ къ нѣсколькимъ городамъ, чтобы имѣнія вашей княжеской милости для войска нашего были не-прикосновенными и мы прилагаемъ всяческое попеченіе, чтобы никто не дѣлалъ ни малѣйшей кривды ни вотчинамъ вашей княжеской милости, ни вашей княжеской милости слугамъ".

Въ заключеніе раболѣпнаго письма своего, Хмельницкій, не безъ тайной ироніи, выразилъ желаніе отдать первенствующему магнату поклонъ лично со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ. Мы увидимъ, какъ обрадовался католическій потомокъ нашего Изяслава возможности такого поклона подъ Пиливцами. Онъ и теперь умолялъ уже примаса не полагаться на повѣтовыя ополченія (*praesidia*) и обратиться къ послопитому рушенію да къ панскимъ собственнымъ силамъ. Въ то же самое время послалъ онъ свою пѣхоту, въ числѣ 2.500 человѣкъ, для обороны своихъ имѣній, подъ начальствомъ Осинскаго, носившаго званіе обознаго Великаго Княжества Литовскаго, а самъ занялся тѣмъ, чтобы своими перемѣнчивыми приказами сводить его съ ума. Опытный въ военномъ дѣлѣ Осинскій могъ бы погибнуть ни за что, но его спасъ Вишневецкій, подоспѣвъ къ нему для совмѣстныхъ по-двиговъ. Съ горстью мужественныхъ людей, они успѣшио воевали противъ Кривоноса и отбили у него знамена корсунскихъ квартирныхъ, фамильное знамя Калиновскихъ, четыре пушки и какія-то *оранки*.

Козацкія ревучія гарматы дѣйствовали противъ пановъ такъ плохо, что не причиняли имъ никакого вреда, а отъ ихъ мелкой стрѣльбы поле покрывалось козацкими свитками, „точно бѣлымъ сукномъ“. По реляціи Осинскаго, Кривоносъ бѣжалъ отъ Случи „безстыдно“.

Но у смѣлыхъ бойцовъ за боязливую братію было мало хлѣба и фуража, а боевые силы ихъ убывали съ каждымъ боемъ. Князь Вишневецкій послалъ въ сенатъ, отъ 30 (20) іюля, коллективное письмо, подписанное главными его соратниками. То были: кievскій воевода Янушъ Тишковичъ, коронный стражникъ Самуилъ Лашъ, обозный Великаго Княжества Литовскаго Самуилъ Осинскій и брацлавскій подсудокъ Криштофъ Тишковичъ.

Читателя поразить странное обстоятельство, что знаменитый баникъ Лашъ Тучапскій попалъ въ число представителей польского патріотизма... „Такъ наша пічъ печѣ“, могли бы сказать малорусскою пословицей Поляки. По смерти Станислава Конецпольскаго, папъ Лашъ, правая рука его въ борьбѣ съ сосѣдями, безъ которой не обходилась панская колонизація, а также—въ отраженіи Татаръ и въ обузданіи козаковъ, долженъ былъ бѣжать отъ кievской шляхты, окружившей его домъ съ приговорами трибунала въ рукахъ, и скрывался въ магнатскихъ домахъ отъ преслѣдованія закона, то есть отъ своихъ враговъ. На сеймѣ 1646 года о Лашѣ ходатайствовали въ Посольской Избѣ, по обычной снисходительности пановъ къ подобнымъ преступникамъ. Бунтъ Хмельницкаго вызвалъ его на боевую арену, подъ защитой военнаго экземпта, и тотъ же Янушъ Тишковичъ, который, въ качествѣ кievскаго воеводы, послалъ на него мѣстную шляхту, подвизался на ряду съ нимъ въ борьбѣ съ козаками. Между колонизаторами Малороссіи случалось много разъ, что недавніе враги сражались плечо съ плечемъ противъ азіатской дичи и родственной съ нею дичи козацкой. Самъ Вишневецкій пенавидѣлъ разбойника Лаша за многое, но въ борьбѣ съ козаками и козацкими побратимами, онъ, подобно Тишковичу, не дѣлалъ различія между Осинскимъ и Лашемъ Тучапскимъ. Такимъ образомъ подпись Лаша красовалась рядомъ съ подписью нашего Байдича.

Это было уже второе представленіе польскихъ воителей польскимъ доматорамъ, членамъ валтуроваго сейма и конвокациі. Они доносили о несчастнѣйшемъ положеніи Республики (*statum Reipublicae afflictissimum*). Они видѣли всеѣ большую и большую руину (*ruinam*) всего отечества. Они недоумѣвали, почему къ пимъ, въ ихъ отважныхъ бояхъ съ многочисленнымъ непріятелемъ, не приходятъ ли откуда вспоможенія: потому ли, что паны братя сами по себѣ беззаботны,

или же потому, что они отуманены напрасною надеждою на миръ (*spe traktatow ubespeczeni et vana nube armisticii obumbrati*). „Предостерегаемъ васъ опять“ (писали воители), „что непріятель, подъ покровомъ обѣщанного мира, все болѣе и болѣе увеличиваетъ свои жестокости, все шире и шире растекается и усиливается, такъ что въ каждомъ хлопѣ надобно видѣть врага, въ каждомъ городѣ и селѣ — толпу непріятелей (*catervas hostium*). И неудивительно: изъ нашей беззечности чернь заключаетъ, что все ей позволительно (*omnia sibi licet in omnes*). Отсюда происходитъ, что никто не сопротивляется, все разбѣжались, все подавлены страхомъ (*wszyscy terrore pressi zostaja*)“.

Послѣ такого увѣщанія, изолированные защитники польской чести и славы умоляли сенатъ не вести переговоровъ безъ Марса, чтобы не подпасть подъ власть непріятеля. Напрасны мольбы! Конво-каціонисты были только поражены (*perculti*) повыми извѣстіями,— больше ничего. Съ ужасомъ узнавали они, что силы Вишневецкаго истощились потерями въ битвахъ; что долѣе не можетъ онъ сдерживать „импета“ непріятеля; что отступаетъ съ обозомъ подъ Константиновъ; что Полонное осаждено (писавшіе не знали еще, что Кривонось въ него вломился); что Чорторыя и Черкинъ вырѣзаны... Но, вмѣсто того чтобы послать своему защитнику помошь, они держали въ Сенаторской Избѣ тайную раду, изъ которой велѣли выйти даже королевскіи секретаря, и цѣлый день совѣщались—не о томъ, какъ отразить непріятеля, а о томъ, какъ поступить съ самоотверженнымъ героемъ. Надежды на миръ до того сбивали ихъ съ толку, что Вишневецкій казался имъ опаснымъ революціонеромъ, въ родѣ самого Хмельницкаго.

Письма Козацкаго Батька къ вельможнымъ панамъ и распускас-мая имъ, по стариинному обычаяу, выдумки, подѣствовали на панское общество такъ, какъ это было ему нужно. Отособивъ талантливаго полководца и отъ лучшихъ, и отъ худшихъ согражданъ его, хитрый козакъ маскировалъ свои приготовленія къ борьбѣ съ панами гри-носовскими пабѣгами, которые разгоняли мѣстную шляхту, обезоруживали пансkie замки и открывали ему свободный путь въ глубину давнишней Украины—Волыни, Украины пе козацкой, а пляхетской. Но путь къ нему самому, въ его украинскія трущобы, оказался не проходимымъ для правительственныхъ комиссаровъ.

Краснорѣчивый и глубокомысленный Адамъ Киссель былъ одураченъ имъ больше всѣхъ тѣхъ, которые въ національномъ собраніи внимали ему, какъ оракулу. Предпринятая Кисслемъ экспедиція превышала его вещественные и нравственные средства. Онъ и его

трое товарищѣй, Сельскій, Дубравскій и Обуховичъ (все наши соплеменники, избранные изъ среды депутатованныхъ, отправились подъ прикрытиемъ полка въ 2.000 человѣкъ, то есть такой ассистенціи, „чтобы не испугать козаковъ“, какъ совѣщались государственные люди; но эта ассистенція оказывалась ничтожною силою среди бушевавшей на Волыни козатчины. Загоны свирѣпаго Перебѣйпоса пе хотѣли знать никакихъ мирныхъ переговоровъ, и безпрестанно покушались побить комиссаровъ съ ихъ жолнерами; а Хмельницкій, „удерживавшій своихъ отъ чашъ и грабежа ни чѣмъ инымъ, какъ только мечемъ“, не отвѣчалъ на пріятельскія письма Киселя, умолявшаго его о защите отъ гайдамаковъ. Хмельницкій дѣлалъ видъ, будто ничего не знаеть о панскомъ посольствѣ. Козаки взяли и опустошили Полонное, Корецъ, мѣстечко самого Киселя, Гощу, ограбили Гебліевъ, Тучинъ и всѣ панскія имѣнія по Горыни. Не рѣшаясь идти въ глаза² бушующимъ гультаямъ, Кисѣль остановился въ безопасномъ еще отъ нихъ Лудкѣ и послалъ къ Хмельницкому посланцовъ, жалуясь на прерванное такимъ ужаснымъ способомъ перемиріе, и прося обезопасить ему дорогу въ Украину. Но, прождавъ напрасно двѣ недѣли возвращенія посланцовъ, пустился на Горынь въ свои „пустки“, и по дорогѣ посыпалъ въ разныя стороны подѣзды, разгоняя разбойничіи купы. Побѣда надъ ними обходилась ему не дешево: онъ терялъ лучшихъ людей своихъ и въ концѣ концовъ не зналъ, какъ вынутаться изъ миротворной миссіи.

Шляхетская Украина, Волынь, успокоившаяся отъ домашнихъ разбоевъ со временемъ Косинскаго и Наливайка, пе только была заряжена козатчиною, но отрыгала и старую жвачку разбойной шляхетчины, такъ какъ эта нѣкогда украинная область, со временемъ незапамятныхъ, была тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась теперь собственно такъ называемая Козацкая Украина. Самое имя ея своимъ грамматическимъ складомъ показываетъ, что здѣсь волынь была такимъ же обычнымъ явлѣніемъ, какъ въ хорошей избѣ — теплынь. Во времена варяжской въ ея лѣсистыхъ и болотистыхъ пустыняхъ наѣздничала и гнѣздилась вольная воля, самоправная удаль. Въ литвопольскомъ періодѣ нашей исторіи Волынь оставалась вѣрною своему варягорусскому прозвищу. Право открытой силы преобладало здѣсь надъ закономъ и обычаемъ больше, нежели, напримѣръ, въ Холмской Землѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ изъ автобіографіи Іосифа Верещинскаго, шляхтичъ, не помѣченный рубцами въ имущественныхъ столкновеніяхъ съ „панами братьями“, былъ замѣчательнымъ исключеніемъ.

Въ Землѣ Волынской власть и богатство представляли почти такую же грубую ассоциацію съ рабочей силою, какъ и въ собственно такъ называемой Україпѣ, отодвигавшейся все далѣе и далѣе къ востоку. Эта первобытная, чуждая строгой регламентаціи союзность повелительности съ подчиненностью, работала здѣсь по закону тяжкой необходимости, и выработала общество, отличавшееся отъ варягорусской толкотни только примѣсью польского языка и обычая къ элементу русскому.

Ни въ одной изъ литворусскихъ и полькорусскихъ областей не было столько богатыхъ и убогихъ шляхтичей, титуловавшихся *князьями*, и нигдѣ между служилыми и чернорабочими людьми не встречалось такого множества *бояръ*. Сокрушенная Багемъ варягорусская система засыпала своими осколками Волынь густо. Когда Киевская Земля опустѣла и Литва да Ляхва захватили въ свои руки остатки недобитой Монголами Руси, — между Припетью и Днѣстромъ засѣли представители древняго русскаго самоправства, не хотѣвшіе подчиниться новымъ порядкамъ.

Въ эпоху Наливайка были уже забыты кровавыя смуты, которая пришлось пережить кореннымъ Литвинамъ и Полякамъ для возвращенія на Волыни этого шаткаго государственного права, которое дѣлано полькорусское общество сбирающемъ недоступныхъ для закона преступниковъ. Памятны были правительству только услуги князей Острожскихъ, Заславскихъ, Четвертинскихъ, Сангушковъ, Чарторыйскихъ, Корецкихъ, Збаражскихъ, Вишневецкихъ, чуждавшихся уже верховодства въ политическихъ усобицахъ и помышлявшихъ всего больше объ интересахъ экономическихъ. Эти потомки древней княжеско-боярской вольницы сдѣлались тузами среди прочихъ *князей* и спустившихся до служилаго званія *бояръ*, благодаря силѣ, отвагѣ и искусству властвовать: качества, бывшія въ оно время естественною замѣною нынѣшнаго общественнаго права. По невозможности подавить своевольство этихъ можновладныхъ дукъ, правительство старалось ихъ задобрить пожалованіями и привилегіями, предоставляемыми имъ ту власть надъ городами и тянувшими къ городамъ землями, которой не могло удержать за собою. Купленные великими уступками со стороны польской верховной власти, наши русскіе дуки, изъ неугомонныхъ бунтовщиковъ, сдѣлались орудіями правительства для усмиренія другихъ демагоговъ. Такъ, по наказу Баторія, князь Василій, съ помощью крымскаго хана, усмиряя низовцевъ, какъ объ этомъ была у меня рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Но когда король пытался урегулировать свои доходы съ волынскихъ городовъ и замковъ, эти гордые покорники верховной вла-

сти давали королю чувствовать свое революционное происхождение, и не удостаивали сановитыхъ ревизоровъ даже такого вниманія, чтобы предъявить документы на свое полноправство. Въ теченіе многихъ лѣтъ на владѣніяхъ князя Василія накопилась весьма значительная сумма недоимки подъимного налога. Озлясь на него за противодѣйствія церковной ушіи, Сигизмундъ III потребовалъ отъ него недоимки весьма строго; но строгое требованіе осталось мертвую буквою.

Повелѣвая Волынью на бумагѣ, короли на дѣлѣ должны были терпѣть удѣльную независимость волынскихъ князей, окруженнѣхъ служилыми, князьями, панами, боярами, *вольными людьми*, и грозившихъ удесятерить свою гвардію. Въ лицѣ своихъ магнатовъ, Волынь долго противилась окончательному соединенію Великаго Княжества Литовскаго съ Польской Короной, но и послѣ Люблинской политической ушіи тамошніе князья фактически оставались независимыми владыками своего края, то-есть владѣли имъ не по *польскому праву*, а по старорусскому обычая. Правда, воинственность потомства Олеговъ, Святославовъ, Изяславовъ уступила мѣсто заботамъ имущественнымъ, но она сохранилась въ той шляхто-боярской и бояро-мѣщанской массѣ, которая служила прежде панамъ-дукамъ въ ихъ борьбѣ съ ополченіями королевскими, а потомъ нападала па нихъ самихъ подъ бунчуками Косинскаго и Наливайка. По старой памяти, имена крупныхъ волынскихъ князей все еще могли сдѣлаться кличемъ для вооруженной оппозиціи правительству, и правительство боялось ихъ попрежнему.

Скрѣпляя связь между разноплеменными частями Польши, короли „попускали попускъ“ вельможнымъ дукамъ до такой степени, что ихъ владѣнія увеличивались во много кратъ на счетъ государственныхъ, церковныхъ, шляхетскихъ и мѣщанскихъ имуществъ различными путями, а мѣстная власть ихъ надъ волынянами получала характеръ власти монархической.

Но эти буйтуры Королевской Земли были обязаны своимъ богатствомъ и значенiemъ не столько знатности своего рода, не столько своему влиянию на короля и поташкамъ верховной власти со стороны панскихъ *экзорбитанций*, сколько умѣнью править разбойнымъ элементомъ, образовавшимся на Волыни издревле въ средѣ *низшей шляхты*, бояръ, мѣщанъ и такъ называемыхъ официально и въ силу привычки *вольныхъ людей*, начинавшихъ уже принимать повсюду имя казаковъ, по самому промыслу своему *вольныхъ*.

Подъ покровительствомъ можновладниковъ, на Волыни совершился всевозможный насилия пановъ надъ панами, мѣщанъ надъ мѣ-

щанами, поповъ надъ попами, монаховъ надъ монахами, при помощи готоваго ко всакимъ услугамъ козачества, и происходившая отсюда неурадица не только не вредила ихъ экономическимъ интересамъ, напротивъ, увеличивала богатства ихъ съ быстротой прогрессивною.

Грубость вѣка и неопределённость понятій о правѣ сильнаго надъ слабымъ давали волынскимъ князьямъ и великимъ панамъ возможность уклоняться отъ нравственной и юридической ответственности за творимыя вокругъ нихъ беззаконія. Короли относились къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ особеннымъ уваженіемъ, если не страхомъ, такъ что они оставались не только безъ суда, но даже и безъ упрека, въ такихъ случаяхъ, когда другіе были лишены чести и покровительства законовъ. Наши волынскіе демагоги-князья были подсудны королямъ юридически, но фактически не были.

Что касается самого общества, то волынскіе дуки, не смотря на всѣ свои магнатскія экзорбитанціи, вовсе не представлялись ему пріятельствами. Они часто слыли даже благотворительными вельможами, покровителями науки и древней русской вѣры. Обиженные вопіали громко противъ своихъ тирановъ и грабителей, изъ которыхъ многіе были приближенными лицами этихъ бароновъ. Но голоса, обвинявшіе на Волыни сильныхъ земли, заглушались хоромъ безчисленныхъ сообщниковъ ихъ въ пользованіи „нетруженнымъ хлѣбомъ“. Да и не было въ тѣ времена пановъ, которые могли бы служить первенствующимъ волынскимъ магнатамъ живымъ укоромъ въ ихъ самоправствѣ. Отъ своихъ собратій отличались они только загребистою лапой въ дѣлѣй общей панской добычи. Всѣ другіе паны дѣйствовали въ томъ же духѣ, каждый по мѣрѣ своего гражданского безсовѣстія, по мѣрѣ своей магнатской безнаказанности, хитрости, корыстолюбія. И этимъ способомъ поддерживалась на Волыни та вольная воля, отъ которой Волынская Земля получила свое название. Богатство и убожество, свобода и порабощеніе, веселое буйство и мрачное уныніе были здѣсь перемѣшаны рѣзко, точно въ турецкой азиятчинѣ.

Это была зловѣщая помѣсь: отъ нея произошли тѣ смуты, которые начались на Волыни при безсовѣстѣйшемъ изъ Острожскихъ, прозванныхъ у сплетниковъ было *сватопамятными*, и черезъ полстолѣтія покрыли большую часть польско-русской территории кровавыми развалинами. Но, съ притуплениемъ чувства справедливости у вышлага и у низшихъ сословій, вѣрнѣе сказать — состояній, притуплялось въ Королевской Землѣ и чувство опасности отъ новсемѣстной *порчи нравовъ*. Между тѣмъ она-то, а не Крѣсы, какъ думаетъ польская исторіографія, была „Ахиллесовой пятой“ въ составѣ Рѣчи Посполитой.

Даже такие православники, какъ Адамъ Кисѣль при всей своей заботливости о судьбѣ Польши смотрѣли на князя Василія и подобныхъ ему обладателей Шляхетской Украины Волыни, прежде всего, какъ на защитниковъ Христіанской Земли отъ разлива мусульманщины. Въ виду большихъ расходовъ на постоянную борьбу съ Татарами и великихъ опасностей украиннаго быта, имъ казались извинительными панскія экзорбитанці; а во что были способны превратиться орудія панскихъ экзорбитанцій, низшая шляхта, бояре, мѣщане и козаки вмѣстѣ съ попами, не уступавшими въ грубомъ эгоизмѣ ниодному сословію, и полудикими, готовыми на все пагубное мужиками,—предвидѣть это было тогда рано. Это увидѣли только въ то время, когда пособить бѣдѣ было уже невозможно.

Магнатскіе завистники и недоброжелатели, мелкопомѣстные и безземельные шляхтичи, не только не хотѣли помогать своимъ патронамъ въ отраженіи козацкихъ набѣговъ, но еще и сами нападали по-козацки на панскіе отряды, занятые партизанскою войною съ кривоносовцами. Кисѣль собственными глазами видѣлъ толпы волынскихъ шляхтичей, и притомъ „*sluzaich*“, которые ходили заодно съ козаками на разбойный промыселъ, подъ предводительствомъ своего же брата, шляхтича, и отъ которыхъ ему приходилось оборонять свои возы. „Они даже бились не такъ, какъ бьются козаки“ (писаль онъ къ Оссолинскому). „Тѣ обыкновенно стрѣляютъ изъ самопаловъ, а эти нападали на наши отряды въ полѣ рукопашнымъ боемъ“. Для несчастнаго панскаго общества вернулись времена Косинскаго и Наливайка. Вернулись для него и тѣ Баторіевскія времена, когда не только украинская шляхта, но и паны старосты дѣлали козакамъ „разныя admicula“. Оно видѣло въ страшномъ развитії зло, порожденное собственнымъ безправiemъ, и не знало, чѣмъ и какъ помочь себѣ.

Вотъ въ какомъ водоворотѣ, или чертoryѣ очутился Кисѣль съ отважнымъ, но сравнительно ничтожнымъ полкомъ своимъ. Добавившись кой-какъ до своей Гощи, нашель онъ въ гощинскихъ „пусткахъ“ нѣсколько сотъ бражничавшихъ опустошителей. Гультай привѣтствовали хозяина стрѣльбой изъ самопаловъ, и не обратили никакого вниманія на объявление, что это пришли комиссары съ мирными предложеніями. Напротивъ, напали на Киселевыхъ жолнеровъ съ такой завзятостью, что пришлось положить почти всѣхъ пьяницъ трупомъ, при чемъ съ папской стороны убить храбрый воинъ, шляхтичъ Люля изъ подъ хоругви Александра Конецпольскаго, еще одинъ шляхтичъ Бerezинскій (оба Малорусса) и нѣсколько человѣкъ слеляди.

Въ Гощу пришли къ Киселю измыщленныя вѣсти, что когда Кривоносъ, онъ же и Перебійносъ, вернулся въ Украину, Хмельницкій приковалъ его цѣпью за шею къ пушкѣ, заполненную Кривоносомъ шляхту выпустилъ на волю, и болѣе сотни его „разбойниковъ“ приказалъ своимъ Татарамъ обезглавить. Кисѣль всему этому вѣрилъ, и хвалился коронному канцлеру, очевидно, понимавшему козаковъ не лучше его самого. Онъ вѣрилъ и тому, что ханъ остановилъ свои полки и дожидается его прибытія. Хвались всѣмъ этимъ Оссолинскому, онъ усердно просилъ пановъ удерживать свои войска отъ всякихъ подѣѣзовъ, чтобъ они не раздражали Хмельницкаго.

Миролюбивымъ панамъ, послѣ этого, только и оставалось, что держать тайны рады противъ полководца, который одинъ былъ способенъ отстоять ихъ панованье.

Въ позднѣйшемъ письмѣ къ Оссолинскому Кисѣль опять просилъ „не портить его переговоровъ такими подѣѣздаами“, и окончилъ письмо увѣренiemъ, что Кривоносъ былъ прикованъ къ пушкѣ, но потомъ де, при Отцѣ Лашкѣ, *) его отпустили за порукою. Но Хмельницкій не могъ, хоть и хотѣлъ бы, приковать къ пушкѣ полковника, создавшаго 60-тысячный корпусъ головорѣзовъ, а комедія, въ родѣ подставныхъ лицъ, онъ строилъ и не передъ такими людьми, какъ монашествующій конфидентъ великаго дипломата. Ему было нужно, чтобы паны, по просьбѣ Киселя, „не портили переговоровъ никакими подѣѣздаами“.

Не дождавшись въ Гощѣ отвѣта на свою просьбу, Кисѣль опять началъ прокладывать себѣ дорогу къ Тамерлану, какъ называлъ онъ Хмельницкаго. Когда, въ своемъ фантастическомъ походѣ, приблизился онъ къ знаменитому городу Острогу, резиденція „начальника православія“, этого „столба и утвержденія вѣры“, была уже занята козаками, которые „день и ночь пили вино и мальвазію“. Пьяницы выбѣжали за ворота и хотѣли здороваться съ нимъ тѣмъ же способомъ, какъ и Гощинскіе незваные гости. Но Кисель построилъ свое войско въ боевой порядокъ и отправилъ къ нимъ послा. Насилу взяли они въ толкъ, что это миротворный, а не наступательный походъ. Кисѣль показалъ полученное въ дорогѣ письмо отъ Хмельницкаго и

*) Дворянская фамилія *Лашка* до сихъ поръ существуетъ въ Борзнѣ. Кисѣль, вѣроятно, во избѣженіе непріятного для козаковъ имени, называлъ своего конфидента Lasko, словомъ, не значащимъ ничего. Тогдашніе *недоляшки*, подобные Киселю, попали въ такое положеніе между двухъ народностей, что не знали, какъ имъ быть.

отдавался со всѣмъ полкомъ, чтобы они вели его къ своему гетману. Козаки видѣли, что это немаловажный призъ, и были готовы конвоировать пановъ, но потребовали отъ нихъ восемь заложниковъ. Кисѣль на это согласился, если козаки дадутъ столько же своихъ.

Но едва обмѣнялись они заложниками, къ Острогу приблизился отправленный Осинскимъ, соратникомъ Вишневецкаго, подъѣздъ, подъ начальствомъ отважнаго партизана, пана Сокола, съ тѣмъ, чтобы выбить козаковъ изъ города, принадлежащаго князю Доминику, достойному наслѣднику князя Василія. Козаки завели съ непріятелемъ гарды, а въ городѣ между тѣмъ поднялся крикъ, что Кисѣль разомъ „и трактуетъ и штурмуетъ“. Пятеро изъ пановъ заложниковъ очутились безъ головъ; троихъ спрятала отъ пьяной черни старшина. Во время гарцевъ, козаки добыли у пана Сокола языка и узнали, что Кисѣль былъ тутъ ни при чемъ; но не захотѣли уже его конвоировать и не дозволили ему даже провести свой полкъ черезъ городъ. Комміссары, удержавъ у себя козацкихъ заложниковъ, повернули къ Ляховцамъ.

Тѣмъ и кончилось премудрое путешествіе панскаго миротворца къ Тамерлану-козаку. Изъ Ляховцевъ Кисѣль отправилъ одно письмо къ Хмельницкому, жалуясь въ немъ, между прочимъ, на профанацию со стороны козаковъ не только польскихъ, но и русскихъ алтарей „Божіихъ“, а другое—къ своему давнишнему пріятелю, киевскому митрополиту, котораго просилъ ѿхать къ Хмельницкому съ просьбой о пропускѣ къ нему панскаго посольства. Вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ онъ правительствующихъ пановъ, что теперь, увы! „ближе къ войнѣ, нежели къ миру“. Все-таки польскій патріотъ Русинъ приписывалъ себѣ важную услугу отечеству тѣмъ, что своимъ путешествіемъ и своими посланіями пріостановилъ настолько времени непріятельское нашествіе, намекая весьма ясно, что не желаетъ видѣть своей *pietatis ku ojczuznie* безъ памятника.

Недавно миновало 16 (6) іюля, условленное время трактата Сильвестромъ Косомъ и Адамомъ Киселемъ о соединеніи церквей. „Не то было бы въ Українѣ, когда бы слушались его (Киселя) съ самаго начала“! Такъ, безъ сомнѣнія, думалъ онъ, отправляя письмо къ патомцу Петра Могилы.—„Не то было бы со мною, когда бы намъ удалось осуществить планъ, покрытый *великою тайною*“! Такъ, безъ сомнѣнія, помышлялъ наперсникъ Адама Свѣнтокольдича, читая письмо его, которое, видно, сжегъ, потому что оно до насъ не дошло. Можно себѣ представить воздыханія стрегомаго козаками архипастыря, когда онъ ѿхалъ къ свирѣпому гетману, сокрушителю драгоцѣннѣйшихъ его

надеждъ и той славы въ польскомъ потомствѣ, которой не удалось и его воспитателю стяжать себѣ на киевской митрополії.

Но Хмельницкій не далъ ему ничего сдѣлать и для досточтимаго имъ Свѣнтолъдича, котораго память ублажаютъ и въ наше время тупые сплетники былаго *). Хмель задержалъ у себя Коса на нѣсколько дней подъ тѣмъ же почетнымъ карауломъ, который не дозволялъ ему сноситься съ Ляхами да съ Недоляшками, проводилъ время въ какихъ-то „бесѣдахъ“ съ нимъ и въ какихъ то „спорахъ“, увѣрялъ, что готовъ помириться съ панами, но что ему не позволяетъ козацкая рада.

А Свѣнтолъдичъ узналъ между тѣмъ окольными путями, что на пановъ идетъ вся козацкая сила, и послѣ обратно въ свою Гощу. „Все-таки я сдѣлалъ много и послѣ первого соглашенія съ Хмельницкимъ и нынѣшнимъ посольствомъ своимъ“! Такъ думалось ему, судя по его дальнѣйшимъ письмамъ.

Киселя, въ самомъ дѣлѣ, превозносили паны за то, что онъ своими мирными, „весъма искусными“, переговорами удержалъ козака Тамерлана отъ наступленія на беззащитное государство послѣ гибели короннаго и панскаго войска на Желтыхъ Водахъ и въ Крутой Балѣ подъ Корсунемъ. Примасъ, въ пропозиціи своей на конвокационномъ сеймѣ, объявилъ, что онъ за это достоинъ вѣчной памяти и благодарности въ потомствѣ, а законодательное собраніе выразило ему свою признательность публично рѣчью.

Естественно, что Кисѣль полюбилъ роль миротворца; а панамъ доматорамъ было пріятно исполнять его просьбы, чтобы воинственные люди никакими пѣдѣздами не раздражали Хмельницкаго и не портили мирныхъ переговоровъ. Подвиги Вишневецкаго были досаднымъ перекоромъ ихъ чувствамъ, ихъ надеждамъ, и самъ Кисѣль, въ одномъ изъ писемъ къ Оссолинскому, давалъ понять, *кто* былъ причиной нарушенного козаками перемирия, слѣдовательно — и всѣхъ несчастій мিrolюбивой шляхты. Два противоположныхъ настроенія общества колебали пановъ и въ ту, и въ другую сторону, ослабляя нравственную и физическую энергию Шляхетскаго Народа. Наконецъ, громадные размѣры козацкаго разбоя, гибель городовъ, истребленіе людей, повсемѣстное опустошеніе края, болѣе обширнаго и богатаго всѣми дарами природы, чѣмъ Великая и Малая Польша вмѣстѣ, заста-

*) См. въ „Киевской Старинѣ“ 1885 года, августъ, стр. 745 — 750, а въ сентябрьской — декабрьской кн. біографію Адама Киселя.

вили нѣкоторыхъ подозрѣвать стачку самого Киселя, яко Русина, съ Хмельницкимъ *). Даже товарищи комиссары возмущались егоувѣренностию въ мирномъ настроеніи козацкаго гетмана, указывали своему презесу на потерю городовъ и крѣпостей, писали къ нему, что ихъ вѣрность заподозрѣна у Рѣчи Посполитой (*fides nasza u Rpli j suspecta*). Только тогда встревожился миротворецъ вѣстями о вооруженіи Хмельницкаго и его движениіи противъ пановъ.

---

*) Напримѣръ львовскій архібіскупъ писалъ, отъ 1-го римскаго сентября, къ своему пріятелю: „Pan Kisiel w traktatach exczuje z o ci Kozackie, i tem traktaty stanowi: et hostes excusat, jako Rusin“.

Г л а в а XVII.

Разстройство финансовъ.—Козаки морочать пановъ надеждой на миръ.—Пышность панского лагеря подъ Пилявцами.—Борьба между собой трехъ Русичей на гибель Польши.—Два троумирата.—Удачная проба панского оружія подъ Пилявцами и перевѣсь паники.—Бѣгство пановъ изъ-подъ Пилявцевъ.—Козаки осаждаютъ Львовъ, потомъ Замостье, и принуждаютъ пановъ къ избранию указанного имъ короля.

Было чего тревожиться панамъ и дома. По докладу ихъ министра финансовъ на конвокациі, въ коронномъ скарбѣ было у нихъ всего на-всего 76.000 золотыхъ. По всей Руси (довоиль онъ), „главной“ (относительно доходовъ) странѣ, таможни и мытицы (*cla i koto-mogu*) были уничтожены; торговля пріостановилась, даже ярмарокъ не было; а въ самой Коронѣ, во время междупарствія, доходы очень уменьшились. Къ явной досадѣ заинтересованныхъ пановъ, коронный подскарбій объявилъ, что *администрація* въ государственныхъ имуществахъ весьма убыточна для Рѣчи Посполитой, и что аренды неправильно выгоднѣ.

Этотъ докладъ панского министра финансовъ, короннаго подскарбія, служить отвѣтомъ на вопросъ, естественно представляющійся русскому читателю: почему бы не задобрить хищныхъ Татарь и не менѣе хищныхъ козаковъ своеевременною уплатой однимъ за четыре года гарача, а другимъ за пять лѣтъ жолда, не дожидаясь, пока они примутся вознаграждать сами себя разбоемъ, какъ это дѣлала много разъ и служила пляхта, составлявшая кадры жолнеровъ, какъ и самихъ козаковъ. Нѣмецъ вѣрнѣе всѣхъ обозначилъ причину паденія Польши своею поговоркою: *polnische Wirthschaft* *). Въ этомъ смыслѣ историку приходитъ на память упрекъ одного сеймового брошюриста, сдѣланнаго правительственнымъ панамъ лѣтъ за десять до

*.) Польское хозяйство.

Косинщины. Онъ говоритьъ, что паны держали козаковъ на Татаръ, какъ собакъ на волковъ, но, побивши Орду, не платили имъ жалду, и тѣмъ приводили къ новымъ бунтамъ *). То же самое можно сказать и о вознагражденіи жолнеровъ за службу, вѣчно несвоевременномъ.

Едва кончилась въ Варшавѣ конвокациѣ, какъ получено было извѣстіе, что козаки взяли приступомъ опору панской колонизаціи, ранговый городъ коронныхъ гетмановъ, „арсеналъ Рѣчи Посполитой“, Баръ, по древнерусскому названію своему—Ровъ. Послѣ отчаянной и безуспѣшной защиты города и замка, воинственная подольская шляхта вспіяла къ варшавянамъ своимъ окатоличеннымъ голосомъ: „Спасайте же хоть муры и костелы, если ужъ не насъ, братьевъ! Но варшавяне умѣли только полячить русскихъ людей на ихъ пагубу, а спасать и самихъ себя не умѣли.

Одновременно съ жаждавшими войны Подолянами и миротворецъ Кисѣль жаловался Оссолинскому, что козаки опустошили большо прѣженія его Гощу, а Перебійносъ (не смотря на сказочный приковъ къ пушкѣ) вырѣзаль по своему обычаю Межибожъ.

Во время нового грабежа гостепріимной Гощи (повоевовалъ гостепріимно Свѣнтолъдичъ) козаки схватили юркаго монаха, Отда Ляшка, и, не взирая на его православіе, положили среди улицы, и до такой степени избили кіями, что его благочестивый патронъ сомнѣвался, будеть ли онъ живъ. Козаки (продолжалъ Кисѣль) взяли у него всѣ письма и какой-то „патентъ отъ примаса“. (Видно, и Ляшко принадлежалъ къ такимъ православникамъ, какъ самъ Кисѣль и его пріятель, митрополитъ). Три дня гостили хмельничане въ Гощѣ, какъ во время оно Наливайцы въ Яссахъ, распуская кругомъ загоны по имѣніямъ горынскихъ помѣщиковъ Сопігъ, Нарушевичей, Хребтовичей и многихъ другихъ, носившихъ малорусскія имена **). „Десятка полтора бо-

*) Печатныя брошюры, распространяемыя между сеймующими панами, заслуживающими прилежнаго изученія. Biblioteka Polska г. Туровскаго напечатала ихъ нѣсколько, но въ нее не вошла весьма рѣдкая брошюра: O nowych Osadach: Slobodach ukraiinnych Zdanie i Rozsadek, напечатанная безъ означенія года и имени автора, но по шрифту и правописанію относящаяся къ XVI столѣтію. Не думаемъ, чтобы заслуженный передъ наукою издатель отвергъ ее потому, что въ ней высказано много непріятной для Поляковъ правды.

**) Одинъ весьма талантливый польскій писатель, видя въ моей „Історії Воссоединенія Руси“ возстановленныя по малорусскому произношенію имена нашихъ полонизованныхъ Русичей, знаменитыхъ въ исторіи Польши, спрашиваетъ печатно въ недоумѣніи, для чего я это дѣлаю. Отвѣтъ ему: для науки, для

чекъ вина" (писалъ Кисѣль, забывая, въ своемъ новомъ горѣ, о томъ, что козаки, по его прежнему донесенію, допивали остатки медовъ) „и нѣсколько десятковъ бочекъ меду пили (у меня) день и ночь, потчиваю моихъ же хлѣпцевъ, равно какъ и сосѣднихъ, а что осталось, пороздавали мужикамъ".

Увѣдомивъ объ окончаніи этой, какъ назвалъ онъ, *tragедію*, Кисѣль доносилъ, что, по словамъ посланныхъ языковъ, Хмельницкій собралъ уже 120.000 войска, сверхъ Кривоносова корпуса, и стоитъ подъ Янушполемъ, невдалекъ отъ Любартова. „Вида" (писалъ разочарованный миротворецъ), „что мы не спѣшимъ собирать войско, что главные наши дѣятели" (слѣдовательно Заславскій, Конецпольскій и Остророгъ) „безсильны, что всѣ, въ страхѣ, показываютъ непріятелю спину (*terga dederunt omnes*), „и никто не хочетъ заглянуть ему въ глаза,— мужики дѣлаются смѣлыми, и всѣ пристаютъ къ этимъ войскамъ, или козацкимъ, или мужицкимъ, или разбойничкимъ".

Такъ нашъ Адамъ Свѣнтолъдовичъ, самъ того не замѣчая, повторялъ то, что давно проповѣдывалъ гласъ воپившаго въ панской пустынѣ Вишневецкаго. Но ему было тяжело разстаться съ великою своей надеждою на памятникъ любви къ отчинѣ, и потому Хмельницкій представлялся ему (если не онъ представлялъ Хмельницкаго) дѣйствующимъ вопреки собственной волѣ. Толпа черни (*multitudo plebis*), по его словамъ, не допускала козацкаго гетмана до примиренія съ панами. Кисѣль даже предполагалъ, что эта *multitudo plebis* перебила пословъ Хмельницкаго на обратномъ пути изъ Варшавы, поэтому де и его (Киселевы) письма не доходили до Хмельницкаго (а о приковѣ Кривоноса къ пушкѣ передъ глазами Ляшка молчалт). Такъ умѣль козакъ морочить панскую голову Свѣнтолъдича.

Въ надеждѣ на мировую, панскія ополченія собирались вяло. Хмельницкій, въ письмахъ своихъ къ предводителямъ коронныхъ силъ,

науки *самопознанія*. Въ нашемъ „домашнемъ старомъ спорѣ, уже взвѣшенному судьюбо", интересно видѣть, насколько польскій элементъ былъ увлекательенъ для русскаго, и какъ потомъ русскій элементъ восторжествовалъ надъ всѣми польскими приманками (о принужденіяхъ молчу). Что Поляки умѣли торжествовать надъ Русью посредствомъ Руси, это составляетъ гордость польского имени. Почему же намъ не гордиться сознаніемъ, что безъ наст., русскихъ людей, сами по себѣ Поляки были бы еще больше несостоятельны въ войнѣ и политикѣ, чѣмъ они есть нынѣ, когда, въ лицѣ полонизованныхъ Русичей, владѣютъ значительной частью древней русской почвы и пользуются присвоеннымъ Польшѣ славою множества русскихъ имёнъ?

только и говорилъ, что о помилованіи, о своихъ усиляхъ пріостановить пролитіе христіанской крови да о страшномъ свирѣпствѣ князя Вишневецкаго, который будто бы одинъ и мѣшалъ ему привести ко-заковъ къ миру съ панами. Кромѣ панскихъ ополченій, войско со-стояло изъ *охочей* шляхты. Шляхта извѣстнаго повѣта записывалась въ одну названную по имени повѣта хоругви; изъ нѣсколькихъ хо-ругвей составлялся полкъ, называвшійся по соотвѣтственному воеводству. Этакъ вся Польша имѣла въ войскѣ представителей своего Шля-хетскаго Народа. По рѣшенію конвокационнаго сейма, входившіе въ составъ ополчившейся шляхты паны, въ числѣ 24, составляли родъ совѣта, которому дано было право принимать участіе въ походныхъ распоряженіяхъ.

Сборнымъ пунктомъ ополченій, вооруженныхъ для защиты оте-чества, было назначено мѣстечко Глиняны, верстахъ въ 30 къ востоку отъ Львова. Вишневецкій колебался между негодованіемъ на сво-ихъ собратій и злобою къ опустошителямъ края. Онъ выдвинулъ съ преданными ему людьми къ Константинову. Лично на Доминика За-славскаго и его товарищей тріумвировъ не за что было ему гнѣвиться. Князь Доминикъ не искалъ первенства: оно принадлежало ему въ Рѣчи Посполитой по обширности его владѣній, какъ императору между королями. Система обороны Польши была построена на томъ, чтобы великие паны, расходуя деньги и боевые средства на защиту края, одушевлялись мыслью о защитѣ своихъ имѣній, и паны избрали За-славскаго первенствующимъ военачальникомъ именно потому, что „большая половина козаковъ Хмельницкаго состояла изъ его поддан-ныхъ“. Что касается товарищей князя Доминика, то они были при-даны къ нему—одинъ въ видѣ дополненія скудныхъ его познаній, а другой—для поддержки его трусливаго духа. Вишневецкій это зналъ, и былъ доволенъ публичнымъ уничиженіемъ диктатора.

Еще больше былъ онъ доволенъ, когда богатѣйший землевладѣлецъ, сознавая свое ничтожество, сталъ искать союза съ нимъ, отвер-женцемъ польскихъ законодателей. Эти два представителя широкаго можновладства были соперники въ любви. Оба они искали руки пре-красной Гризельды, и Гризельда предпочла самаго воинственнаго пана самому богатому, несмотря на то, что, по понятіямъ общества, онъ былъ завиднымъ по преимуществу женихомъ. Забывая оскорблениe панской гордости въ виду опасности для своего государства въ госу-дарствѣ, князь Доминикъ смирялся передъ объединѣлымъ и уничижен-нымъ княземъ Іереміей.

Вишневецкій бытъ богатъ преданностью лучшихъ воиновъ польскихъ и благороднѣйшихъ польскихъ умовъ. На поруганіе сеймового большинства, знаменитое нравственными преимуществами меньшинство возвышало Вишневецкаго публичными демонстраціями. Многіе, прибывъ подъ Глинняны, не хотѣли повиноваться князю Доминику, и перешли подъ знамя князя Іереміи. Вообще люди независимаго характера и положенія поступали здѣсь относительно Вишневецкаго и Заславскаго по малорусской пословицѣ: „лучче зъ розумнымъ згубити, ніжъ изъ дурнымъ знайти“. Даже младшій изъ триумвировъ, Александръ Конецпольскій, присоединился, съ ополченцами своими къ тому, котораго доматоры провозглашали едва не вторымъ Хмельницкимъ.

Такъ, изъ наслѣдственнаго опасенія пановъ, чтобы въ Шляхетскомъ Народѣ не явилась диктатура, образовалось два лагеря, изъ которыхъ въ одномъ недоставало предводителя, а въ другомъ—предводимыхъ. Въ Гомеровской Греціи, въ нашей федративной Руси и въ поглотившей было насть, Малоруссово, феодальной Польшѣ повторялись одни и тѣ же явленія антиобщественности, антигражданственности, антигосударственности. Желать гибели сподвижникамъ изъ-за оскорблennаго самолюбія—не считалось дѣломъ безчестныхъ. Не могъ князь Вишневецкій не предвидѣть гибели войска, вѣренного полководцу, котораго онъ отказался бы взять къ себѣ въ ротмистры, и, въ мрачномъ настроеніи духа, безъ сомнѣнія, услаждалъ себя мыслью о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыхъ должны были постигнуть презираемую имъ панскую толпу. Но въ лучшія свои минуты былъ готовъ забывать личные обиды. Такъ, стоя гордо на передовомъ своемъ посту, написалъ онъ дружески къ Остророгу, что, оставаясь подъ Глиннянами, гетманы предоставляютъ въ добычу непріятелямъ Волынь, Подолію и почти всю Червонную Русь. „Оттого упали“ (писалъ онъ) „воеводства Брацлавское, Киевское, Черниговское, Волынское, Подольское, что хлопство, видя, что не въ глаза имъ, а въ глазъ идутъ наши войска, встало отовсюду и, не имѣя никакого отпора, или по крайней мѣрѣ острастки, дѣлаетъ столь великия злодѣйства. Чего не удалось бы самому могущественному иноземному непріятелю, то нынѣ свободно совершаеть плебейскій осадокъ (*flex plebejorum peragit libere*). Такъ сдѣлали кошки и теперь, когда взяли Барь и его замокъ, истребили гарнизонъ и овладѣли военными припасами, вмѣстѣ съ другой добычей. То же самое угрожаетъ и Каменцу, когда не бросимся ему на помощь, когда по крайней мѣрѣ не покажемъ оружія и какой-нибудь нашей готовности... Но гдѣ бы мы ни рѣшили дѣйствовать противъ непріятеля“ (заключаетъ Вишневецкій свое письмо), „я не замедлю прибыть къ

вамъ вмѣстѣ съ тѣми, которые готовы, какъ и я, жертвовать жизнью для отечества. Въ это тяжелое время каждый изъ насъ общее долженъ предпочитать своему частному (*publica privatis anteropone ro-winien*)".

Хмельницкій—было слышно—двинулся уже съ бѣлоцерковскаго своего кочевья и, пославъ старшаго сына, Тимоша, въ Крымъ звать Орду, приближался къ Константинову. Съ нимъ были: Кривоносъ, иначе Перебѣносъ, Колодка, знаменитый, какъ и Наливайко, взятіемъ въ Бѣлоруссіи Слудка, Лисенко, Гайчур, Нечай, Морозенко, Тиша, Носачъ, Ганджа, Джеджалѣ, герои, прославленные въ свое время козацкими козбарами и прославляемые въ наше время козацкими историками. Къ навербованнымъ такъ или иначе малорусскимъ простолюдинамъ, „борцамъ за вѣру“, примѣщались у него Молдоване, Волохи, Сербы, Донскіе козаки. Но цвѣть этого христолюбиваго воинства, розовый вѣнокъ на головахъ „преславнаго Запорожскаго Войска“, находился еще въ Крыму.

Въ виду страшнаго непріятеля, Заславскій послушался наконецъ совѣта Вишневецкаго: въ половинѣ римскаго сентября перенесъ онъ свой лагерь и расположилъ его вблизи лагеря князя Іеремія близъ Константинова. Въ этомъ городѣ, составлявшемъ наслѣдованную послѣ Острожскихъ собственность Заславскаго, побывали уже козаки, и, въ качествѣ защитниковъ православія, оставили слѣды свои на опустошенныхъ и поруганныхъ костелахъ. Мѣщане, какъ всегда, волей и неволей козаковали или дѣлали для козаковъ то, что называлось *ad misericordia*. Послѣ того чтѣ, благодаря іезуитамъ, произошло въ Польшѣ между тѣми, которыхъ наши называли благочестивыми, и тѣми, которые считались у нихъ злочестивыми, мѣщанамъ было пріятно, какъ и козакамъ, глумиться надъ католическою святынею. Но Заславскій объявилъ своимъ константиновцамъ общее прощеніе, чтобы захотить прочихъ козацкихъ сообщниковъ къ повиновенію. Его примѣту послѣдовали и другіе паны. Въ это время панамъ столько было падѣлано мужиками огорченій, что каждый дышалъ отмщеніемъ. „Но кто же будетъ отбывать повинности?“ говорили вздыхая землевладѣльцы, и всячески старались умиротворить вооруженную противъ нихъ массу, о чёмъ надобно было позаботиться цѣлымъ столѣтіемъ раньше.

Настроеніе Шляхетскаго Народа, собравшагося со всей Польши въ этотъ походъ, было „какое-то торжественное“. Понеся столь внезапно тяжкія утраты въ Дикихъ Поляхъ и подъ Корсунемъ, потерявъ такъ много въ городахъ и селахъ отъ козако-татарскаго нашествія, паны точно сговорились показать Козацкому Народу, будто бы онъ

отнялъ у нихъ сравнительно бездѣлицу: чувство истинно польское, то самое чувство, которое, при другихъ обстоятельствахъ, было обнаружено хвастовствомъ Оссолинского въ Римѣ.

Въ послѣднія два царствованія, паны такъ много поработали мечемъ внутри и внѣ государства, такъ много уложили въ сырую землю дорогихъ сердцу составной націи представителей ея силы, ея чести, ея воинскихъ и гражданскихъ доблестей, что и самымъ воинственнымъ изъ нихъ захотѣлось почтить отъ блестящихъ и представляемыхъ блестящими дѣлъ своихъ,—хотѣлось имъ, насладясь добычей польского меча, насладиться и добычей польского плуга. Въ истекшее десятилѣtie внутренняго и вѣшняго спокойствія, польскорусская колонизация сдѣлала успѣхи громадные. Она такъ подняла и обеспечила сельское хозяйство, что даже на самихъ окраинахъ, по сосѣдству съ татарскими кочевьями, панскіе подданные „жили во всемъ изобильно, въ хлѣбахъ, стадахъ, пасѣкахъ“. Тѣмъ изобильнѣе во всѣхъ приехахъ успокоенного отъ козаковъ и Татаръ сельского быта жила служила и господствующая, низшая и высшая шляхта. Уже и въ царствованіе Сигизмунда III, Янъ Замойскій въ законодательномъ собраниі, Петръ Скарга въ церкви, а Симонъ Старовольскій въ литературѣ—проповѣдывали объ уменьшениі излишествъ въ пищѣ, напиткахъ, одѣждѣ, выѣздахъ, указывая на желаніе каждаго пана выдвинуться впередъ *выставностью*, при невозможности нарушить сословное равенство титулами.

Блестящее побѣдами и превозносимое выше всякой мѣры царствованіе Владислава IV надѣжало въ Шляхетскомъ Народѣ тысячи королей по тщеславной пышности, а благословенія десятилѣтия спокойствія вселили въ немъ убѣженіе въ его непобѣдимости и въ неистощимости средствъ къ роскошному существованію. Выставность, роскошь, соединеніе множества клиентовъ и всевозможныхъ слугъ вокругъ щедрыхъ и гостепріимныхъ изъ расчета и тщеславія патроновъ—казались панамъ силою и въ походѣ, какъ они были силою на сеймикахъ и сеймахъ. Въ этомъ-то трагикомическомъ смыслѣ представительница всѣхъ воеводствъ, крупная и мелкая шляхта, была построена въ своемъ походѣ, по словамъ самихъ Поляковъ, торжественно.

Совѣстно смѣяться надъ несчастными; но Поляки и—что еще досаднѣе—ополяченные Малоруссы такъ нагло и такъ долго смѣялись надъ всѣмъ русскимъ и даже надъ спасительною для насъ русскою царственностью, что нельзя, безъ некотораго самоуслажденія, изображать ихъ общее безпутство. Впрочемъ, и новѣйшая литература польская представляетъ намъ описание тогдашняго безголовья Шляхетскаго

Народа въ томъ смыслѣ, какой заключается въ словахъ пророка, оплакивавшаго паденіе Израиля: „Горькимъ моимъ смѣхомъ посмѣюся“.

„Шляхта“ (рассказываетъ Полякъ) „вступила въ походъ съ такою пышностью, на какую только могла собираться послѣ многолѣтняго мира. Добыли паны изъ скарбовенья богатѣйшее оружіе (а мы знаемъ, что у нихъ бывали сабли цѣною въ 10.000 златыхъ), одѣлись въ рыси и соболи, забрали шурпурные, раззолоченные рѣдваны и полныя дорогихъ одеждъ, серебра, золота, драгоцѣнностей, обоеvъ скарбовые возы, а было много такихъ товарищѣй (рядовыхъ шляхтичей), которые, для того, чтобы сравняться съ другими, продали послѣднее имущество. Такъ явилось подъ стѣнами Львова (на переходѣ изъ Глинянъ подъ Пилиавцы) 40.000 шляхты, снарядившейся какъ бы на свадебное пиршество. Мигали въ толпѣ протканные серебромъ шелки, бархаты, золотые пояса, серебряные панцыри и шлемы; шумѣли на всадникахъ соколы крылья, колыхались брильянтовыя кисти, а пышные кони, въ позолоченной упряжи, въ шелковыхъ сѣткахъ, выступали на серебряныхъ подковахъ.

„Войско пло“ (продолжаетъ онъ) „въ Украину, какъ бы на коронацію. Двѣsti тысячъ слугъ, въ легкомъ вооруженіи, сопровождало безчисленные панскіе возы и кареты. Хотѣли показать взбунтованнымъ хлопамъ, что это идутъ паны; а шляхта говорила громко, что будетъ воевать съ хлопами не саблей, а нагайками“.

Но чтобы панское безпутство явилось во всемъ ужасѣ будущности, къ которой оно неизбѣжно вело Польшу, надобно прибавить, что вся эта кампанія была непрерывнымъ пиршествомъ, на которомъ сквозь панскія горла пропущены громадныя суммы, а между тѣмъ панское войско, промотавъ полученное впередъ жалованье, добывало себѣ продовольствіе по селамъ, сопровождая грабежъ обычными жолнерскими безчинствами.

Такъ было подъ Глинянами. Теперь настала очередь страдать отъ защитниковъ Польши волынцамъ, и они вопіали, что шляхетскія ополченія разоряютъ ихъ еще больше, чѣмъ козаки. Естественно, что Вишневецкому, строгому воину и хорошему хозяину, было противно и мучительно смѣшать свои воздержанные дружины съ объѣдалами, пьяницами и мародерами. Онъ больше всѣхъ понималъ опасность грозы, наступающей на пановъ со стороны Дикихъ Полей, и готовился встрѣтить ее такъ, чтобы не посрамить земли, которую называлъ, по старой памяти, Русскою.

Но правительственные паны успокоили себя высылкою въ поле роскошнаго парада, и не обратили вниманія на полученное сеймомъ

предложение хана, который соглашался порвать лигу съ козаками, если ему заплатить 700.000 золотыхъ недоимочного гарача. Мы знаемъ, что князь Василій оставилъ послѣ себя 20 миллионовъ своему Янушу. При такихъ запасахъ въ скарбовищахъ частныхъ лицъ, можно бы, кажется, было спасти общее отечество, разъединивъ Татарь съ козаками. Но паны были неспособны къ пожертвованиямъ, а государство свое такъ эксплуатировали ловкой *администрацией*, вымогательствами и простой кражею денегъ, что, хотя многие изъ нихъ располагали миллионами, а въ коронномъ скарбѣ оставалось у нихъ въ десять разъ меньше той суммы, какою могли бы они разлучить орду татарскую съ ордой козацкою.

Ждали Хмельницкаго. Было получено извѣстіе, что онъ ведеть не меньше ста тысячъ козаковъ. Татарь на этотъ разъ было у него мало. Но къ нему должна была подойти многочисленная Орда изъ Крыма. Такъ доносили панамъ, и въ то же время ходили между ними успокоительные слухи, что Татары недовольны козаками. Татары де ропщутъ на козаковъ, что сами они захватили лучшую добычу, а имъ отдали плѣнниковъ, которые у нихъ перемерли. Остальныхъ они должны были продавать дешево. Угнанныя въ Крымъ стада тоже пропали отъ безкормицы. По словамъ Яскульского, слуги плѣнного Потоцкаго, множество лошадей у Татаръ и ихъ самихъ не мало „передохло“. Но козаки (рассказывалъ Яскульский) склонили Орду къ новому походу беспрестанными посольствами и обѣщаніемъ „побусурманиться“.

Гораздо больше успокаивало доматоровъ полученное въ это время Киселемъ отъ Хмельницкаго письмо. Оба корреспондента были вѣрны—одинъ своей глупости, не дававшей ему понять, съ чѣмъ имѣеть дѣло, а другой—своему злобному уму, преслѣдовавшему руинную цѣль съ настойчивостью Сатаны.

Кисель писалъ къ нему: „Неужели нѣть у тебя Бога на небѣ, который видить все? Чѣмъ же виновата передъ тобой наша отчизна, воспитавшая тебя? Чѣмъ виноваты domы и алтари того Бога, который далъ тебѣ жить на свѣтѣ? Чѣмъ виновны мы,—одни, которые объявляли наши желанія Запорожскому Войску, а другіе, которые вовсе ничѣмъ невиновны? Нѣть на свѣтѣ человека безъ совѣсти и безъ воздыханія къ небу. Турки, и тѣ имѣютъ своего Бога; а вашей милости, который родился христіаниномъ, должно пронзить сердце и душу то, чтосталось и что дѣлается, и какой будетъ конецъ соединенія такого множества черни на людскую кровь“, и т. д.

Хмельницкій отвѣчалъ на это,—что нѣсколько хоругвей войска князя Вишневецкаго напали на нѣсколько сотъ козаковъ, которые де

шли мимоходомъ въ Острогъ, безъ его (Хмельницкаго) вѣдома, ради прокормленія; а въ городѣ Межиричѣ певинныхъ христіанъ вырубили въ пень. „Развѣ это по христіански?“ (провѣдывалъ Хмель въ свою очередь). „Велите тѣхъ своевольныхъ изъ обоза князя его милости Вишневецкаго поунять“, и т. д. Наконецъ, сдѣлалъ комиссарамъ такое предложеніе: „Благоволите, вали милости, ѣхать прямо подъ Константиновъ, а мы пришлемъ туда разсудительныхъ людей, и обо всемъ, какъ бы могло быть наилучше, будемъ условливаться“.

Это письмо, превращая подвиги Вишневецкаго въ государственные преступленія, показывало въ Хмельницкомъ панамъ человѣка говорчивааго, и разъединяло ихъ нравственныя и вещественныя средства гибельно. Общественное мнѣніе между двумъ представителей жадно проглоченной Польшею, но плохо переваренной, Руси колебалось то въ одну, то въ другую сторону. Православникъ Русинъ, Кисѣль, обвинялъ католика Русина, Вишневецкаго, въ томъ, что усмиренный бунтъ возобновился (*usmierzona recreudit hostilitas*), и что рецидива больше надѣлала бѣды, нежели первый, хоть и ужасный, пароксизмъ (*recedywa swoja więcej zlego przyniosła, niżeli pierwszym lubo cięzkim paroxyzmem*); а Русинъ католикъ приписывалъ православному сплеменнику своему и его примирительной утопіи паденіе городовъ, крѣпостей, замковъ, истребленіе беззащитнаго населенія, и предсказывалъ новые ужасы войны, если изъ-за надежды на невозможное примиреніе паны будутъ ждать соединенія чужихъ язычниковъ съ язычниками домашними (*jeżeli będąc czekać ligi poganskiej swojemi domowemi pogany*).

Если бы взглянуть на Польское государство à vol d'oiseau, то его гибельное междуусобіе представилось бы борьбою трехъ Русиновъ, изъ которыхъ одинъ ополячился, другой окатоличился, а третій оттарился. Каждый изъ нихъ желалъ добра своимъ единомышленникамъ, по желанию каждого, по древней пословицѣ, боги исполнили бы во гнѣвѣ своеимъ. Такъ, или иначе, только проглоченная Польшею жадно, но переваренная плохо, Русь должна была разрушить польскій государственный организмъ. Три Русина, точно три злые духи, представители общественныхъ беззаконій, боролись на погибель Польши.

Во время письменныхъ перемоловъ Хмеля съ Киселемъ о мирѣ, козаки овладѣли Луцкомъ, Клеванью и Олыкою, той Олыкою литовскаго канцлера, которую, по его мнѣнію, спасали отъ нихъ чудотворная икона въ Пясечной да представительство Св. Бернарда, *osobliwego kochanka Najświętszej Panny*. Это извѣстіе потрясло пановъ не меныше, какъ и рѣзня въ Полонпомъ, хотя подробности новыхъ

козацкихъ завоеваній намъ неизвѣстны; а о рѣзни въ Полонномъ сохранилось нѣсколько представленныхъ сенаторскому засѣданію строкъ, которыя врѣзываются въ сердце, какъ ножъ. „Тамъ“ (доносили сеймующимъ панамъ официально), „козаки взяли добычи на четыре миллиона, и вырѣзали до 400 дѣвицъ-шляхтянокъ и маленькихъ дѣтей въ замкѣ. Кровь запеклась въ полъ-колѣна“. Это была такая страшная бойня, что козацкая Иліада приписала ее самому Хмельницкому. Козацкій Батько (пѣли кобзари) сдѣлалъ такое воззваніе къ осажденнымъ:

Есть у мѣне одна пушка Сирота,—
Одчіняцця вѣспі зализні широкі ворота.

и продолжали набожнымъ тономъ:

Тогдѣ жъ то, якъ у святый день божественный четвертдкъ
Хмельницкій до сходу сонца уставаў,
Підъ гродъ Полянде білжай прибуаў,
Пушку Сироту у переду постановаў,
У гродъ Поляндо гостынца подаваў, и т. д.

Вмѣсто переписки съ кровожаднымъ Хмелемъ, Вишневецкій дѣлалъ подѣзы да разсылалъ всюду разведчиковъ, наконецъ увѣдомилъ примаса, отъ (30) 20 августа, что Татары переправляются уже черезъ Даѣпръ. „Вотъ онъ, плодъ перемирія, fructus armistitii!“ (воскликалъ онъ). „Козаки берутъ у насъ города, а здѣсь намъ велять молчать и вяжутъ Республику руки“.

Раздраженіе противъ Киселя раздѣляло съ Вишневецкимъ едва ли не столько же польскорусскихъ сердецъ, сколько съ Киселемъ—злобу сторонниковъ примиренія противъ самого Вишневецкаго. Но ни тѣ, ни другіе не смѣли высказаться открыто. Однакожъ, когда Кисель вернулся съ полкомъ своимъ къ ополченію своихъ противниковъ и поклонниковъ, никто не вышелъ и не послалъ привѣтствовать его, а одинъ изъ пановъ, Вольскій Ржемикъ, увидѣвшіи въ его обозѣ козаковъ-заложниковъ, схватилъ ихъ, какъ шпіоновъ, передъ собственной его палаткою и велѣлъ челяди обезглавить.

Хмельницкій, вмѣсто того, чтобы послать подъ Константиновъ „разсудительныхъ людей“, двинулся къ этому городу со всѣми своими силами. Густая туча бунтовщиковъ надвигалась медленно, предшествуемая молниями пожаровъ, которыми они истребляли панскія гумна и мельницы, чтобы отнять у непріятеля средства продовольствія.

Въ войскѣ Заславскаго было тысячъ тридцать съ небольшимъ хорошо вооруженнаго народа, по видавшаго бои мало. Остальную массу составляли толпы вѣй-какъ вооруженной челяди, которая, подъ нужду, помогала въ битвѣ панамъ, но больше смотрѣла за лошадьми, возами, кухнею, и занималась опустошительною фуражировкой.

Въ старину, когда подольскіе и подгорскіе паны хаживали за Днѣстръ для борьбы съ Турками, всѣхъ плохихъ воиновъ и лишнихъ людей отсыпали бывало домой, находя ихъ помощь вредною. Съ развитіемъ богатства края, развились и прихоти походовъ, и десятилѣтіе благоденствія панскаго усыпало въ Шляхетскомъ Народѣ воинственность, и замѣнило ее роскошной обстановкой. Въ этомъ упрекалъ шляхту еще Старовольскій, говоря: „Наши отцы называли себя сѣрою шляхтою (что соотвѣтствовало козацкой сѣромъ), потому что не носили блестящихъ блаватовъ и пурпуръ. Довольствовались они сукномъ, выдѣланнымъ дома, или въ сосѣднихъ мѣстечкахъ, а доблѣстью да искренностью сияли больше, нежели теперь златоглавыми да дорогими клейнодами. Не ъдали съ коренями, не знали вина, которое зарождаетъ въ нась подагры да скорбуты, не возили въ лагерь серебра, ни золота: довольно было мѣднаго котелка да желѣзного рожна. Не издерживались на рыси да соболи воротники, или на сбрую, украпленную драгоцѣнными каменьями. У нихъ были въ цѣнѣ ремень да жезло. Не знали ни тигровыхъ, ни леопардовыхъ шкуръ, а только кирасы да панцыри. Теперь серебряные сервизы, теперь соболи киреи, подшитые золотыми табинами; теперь вышитые чапраки, кисти съ запонами, а сердце заячье, глаза хорьковые, ноги олены. Погибла смѣлость, погибло мужество, а излишество наслажденій, къ которымъ привыкли мы дома, подѣлало нась бабеями.

Но чѣмъ больше теряла шляхта смѣлость и мужество, тѣмъ больше привыкла она къ излишествамъ наслажденій, тѣмъ больше развивалась въ ней безпощадность къ беззащитнымъ и убогимъ людямъ во время ея походовъ. Вотъ и теперь львовскій арцыбискупъ жаловался приятелю: „Хоругви идутъ безпрестанно изъ Переяславльскаго и Сеномирскаго повѣтовъ. Волонтеровъ также много. Уже шляхетскія и королевскія села обращаются въ ничто; изъ моихъ мужики бѣгутъ, бросая дома. Господь Богъ знаетъ, что съ нами будетъ“.

Все это было хорошо известно Хмельницкому. Зналь онъ и тріумвировъ панскихъ, изъ которыхъ Заславскаго прозвалъ, въ своеемъ козацкомъ обществѣ, пуховикомъ, по малорусски *периною*, Коццпольскаго—ребецкомъ, или *дѣтиною*, а Остророга схоластикомъ, или *латиною*. Ему былъ страшенъ одинъ Вишневецкій, этотъ пото-

мокъ буйтура Байды, сохранившій всѣ крупныя черты знаменитаго предка. Но въ панскихъ радахъ господствовала унаслѣдованная Сарматами отъ Варягоруссовъ рознь, и на нее разсчитывалъ Хмельницкій больше, нежели на свои добытыя у пановъ гарматы и гаковницы, на свои громадныя пушки Сироты, на свои *кованные* и *босые* возы и на подпаваемыхъ передъ битвой козаковъ. Разсчитывалъ онъ на эту рознь больше, нежели даже на татарскую помощь.

Выиграть время и перессорить пановъ, эти двѣ задачи выполнялъ онъ съ такимъ стараніемъ, съ какимъ Кисѣль хлопоталъ объ умиротвореніи козаковъ. „Ни сынъ въ дѣлѣ отцовскомъ“ (писалъ Кисѣль къ Хмельницкому), „ни слуга—въ панскомъ не могъ принимать столь горячаго участія, какое принималъ я въ этой несчастной кровавой усобицѣ Запорожскаго Войска съ Рѣчью Посполитою. И сколько за это вытерпѣлъ колкостей и презрительныхъ толковъ, это знаютъ не только въ Польшѣ, но и въ чужихъ краяхъ“.

Дѣйствительно обѣ его разномысліи съ княземъ Вишневецкимъ выросъ уже такой чудовищный слухъ: будто бы Вишневецкій требовалъ отъ него объясненія въ трехъ пунктахъ, именно: 1) Кисѣль де публично объявилъ, что козаки обѣщали отдать въ его распоряженіе 15 000 своего комонника; 2) каждый козакъ обязался уплатить ему по талеру; 3) козаки наяли 8.000 Татаръ, которые помогутъ ему овладѣть польскимъ престоломъ.

Это писалъ (вѣроятно, къ „шведскому королю“ Яну Казимиру) будущій проповѣдникъ его, доминиканецъ Щѣклинскій. Умоизступленіе разповѣдцевъ дошло до того, что рассказывали, будто самъ Хмельницкій желалъ примиренія, но Кисѣль умышленными проволочками довелъ до войны.

Ученѣйшій, хотя вовсе не мужественнѣйшій, изъ пановъ, коронный подчашій, а нынѣ и региментарь, Николай Острогогъ, выразилъ свое разномысліе съ партіей миротворцевъ, и поддержалъ самаго воинственнаго можновладника, князя Вишневецкаго. Онъ писалъ къ подканцлеру Лещинскому отъ 3 римскаго сентября: „Что касается переговоровъ Хмельницкаго, то въ нихъ тайну составляетъ то, о чёмъ Кисѣль говоритъ вслухъ, что даже на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ (*etiam iniquissimis conditionibus*) надобно помириться: въ противномъ случаѣ Рѣчь Посполитая погибнетъ. Я же думаю такъ, что миръ здѣсь невозможенъ, не только честный, но и безчестный. Никогда это хлопство не держало даннаго слова (*fidem datam*), а теперь, надменные побѣдою, тѣмъ менѣе будетъ его держать. Лишь только изчезнетъ

эта общая готовность къ войнѣ, они опять взбунтуются, и тогда послѣдняя будуть горша первыхъ (бѣда posteriora rejora prioribus)⁴.

Но чѣмъ рѣшительнѣе поддерживали паны Русина-католика, видѣвшаго спасеніе Польши въ ожесточенной войнѣ, тѣмъ упорнѣе стояли другіе за Русина-православника, готоваго на самый постыдный миръ, лишь бы сохранить ся цѣлость. Панское царство раздѣлилось на ся, и, по евангельскому суду, должно было погибнуть.

Приближалась къ разъединенному панскому становищу, лицемѣръ козакъ продолжалъ пѣть все ту же пѣсню, которою выманилъ уже время у премудраго Киселя и у почитателей его краснорѣчія, его политического глубокомыслія. Ненавистнаго козакамъ князя Ярему не могъ онъ ни обмануть, ни убаюкать. Онъ подрывалъ только его совѣты, унижаяль его высокія доблести. Онъ манилъ пановъ готовностью къ примиренію, и вооружалъ противъ энергическаго полководца польскихъ гуманистовъ, какъ противъ единственной причины остервененія козаковъ. Отъ 29 августа писалъ онъ къ Адаму Киселю и его товарищамъ:

„...Помня о своей христіянской крови, чтобы не лилась уже больше, и чтобы непріятель не радовался со стороны“ (намекъ на Москву), „мы и сами возвратились было вспять, какъ и Татары. Но князь его милость Вишневецкій неразсудительно порывался на пашь, и не только производилъ надъ нашимъ христіянскимъ народомъ, надъ невинными душами тиранство и жестокости не чохристіянски и не порыцарски, но и духовныхъ нашихъ велѣль посажать на колъя. Не дивно намъ, когда бъ это дѣлалъ какой-нибудь простакъ, въ родѣ Кривоноса, съ нашей стороны, которому мы не позволяли никакого грабежа и не давали позволенія на разрушеніе городовъ и поджоги,— пускай бы онъ не умѣлъ съ этимъ совладать; но мы видимъ передъ собой въ нихъ обоихъ не одинаковыхъ людей“.

Далѣ Хмельницкій хвалился милосердіемъ къ плѣнникамъ и предлагалъ открыть мирные переговоры для Божіей хвалы немедленно, такъ чтобы войска стояли въ это время вдалекѣ одно отъ другаго, подобно тому, какъ и въ прежнія времена отправлялась комиссія, сопровождаемая великими почтами.

Противъ этого возставали тѣ, которые полагали, что „при обнаженной саблѣ быстрѣе идутъ переговоры“, присовокупляя тутъ же, что Кисель былъ такою же Божіей карой для Шляхетскаго Народа, какъ и самъ Хмельницкій. „Кто знаетъ“ (раздавались голоса), „неизрекаетъ ли онъ уже нашей отчизнѣ неминуемую погибель (certum periodum)?“

Между тѣмъ „cz³owiek wielkiego dowcipu“ расположилъ свой таборъ у мѣстечка Пилявцы, занялъ пиливецкій замочекъ, который пляхта называла курятникомъ, и первымъ его дѣломъ было — обратиться съ глубоко почтительнымъ письмомъ къ Заславскому, яко къ единственному вельможѣ, отъ богатства, могущества и разума которого зависѣло умиротвореніе казаковъ. Старая лисица доносила старой воронѣ смиренно, что казаки совсѣмъ не желаютъ вести междоусобную войну, что они готовы повиноваться и просить ясно освѣщенаго князя разсудить ихъ, уладить возникшее между Запорожскимъ Войскомъ и Рѣчью Посполитою несогласіе, и что онъ постановитъ, они обѣщаютъ исполнить его рѣшеніе всепокорнѣйше.

Князь Доминикъ представлялъ вѣрный снимокъ безхарактернаго своего дядюшки, князя Василія. Въ своей декларациіи на капитуровый сеймъ, какъ мы помнимъ, совѣтовалъ онъ не давать амнистіи казакамъ, такъ какъ это, по его словамъ, не представляло панамъ ни пользы, ни чести; а теперь, когда Хмельницкій пришелъ „отдать ему поклонъ лично со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ“, онъ былъ миролюбивѣ самаго Киселя. Такъ и „святопамятный“ нашихъ историковъ сперва грозилъ собрать пятнадцать, даже двадцать тысячъ войска на защиту православія, а потомъ отдалъ „яровитому католику“ въ жертву грека Нибифора, помирился съ поборниками унії и совѣтовалъ православникамъ „терпѣть, терпѣть и терпѣть“. Князь Доминикъ увлекся ролью примирителя двухъ противоположныхъ стремленій, все равно какъ тотъ мечталъ о соединеніи двухъ несоединимыхъ церквей. Воображая, что дѣлаетъ великое дѣло, князь Доминикъ дался въ обманъ питомцу ярославскихъ іезуитовъ, котораго игра житейскихъ столкновеній перевела изъ панского лагеря въ лагерь панскихъ завистниковъ. Католическому представителю знаменитаго дома князей Острожскихъ всего интереснѣе было — посредствомъ пощады молящихъ о помилованіи казаковъ, сохранить за католиками обширныя владѣнія свои, которыхъ не умѣль сохранить за православными превозносимый нашими разумчиками до небесъ „начальникъ православія“.

Въ этомъ особенно поддерживалъ его Кисель, присоединившійся къ его войску послѣ неудачныхъ попытокъ повидаться съ Хмельницкимъ. Кисель потерялъ 100.000 золотыхъ годового дохода и остался при 400.000 долга, которымъ онъ обременилъ себя, проталкиваясь между полумагнатовъ на правительственные высоты. Славный ораторскими искусствомъ, онъ въ кругу царей-монарховъ занималъ мѣсто Гомерова Нестора, или, вѣрнѣе, Улисса. Для слуха пановъ-доматоровъ —

Рѣчи сладчайшія меда изъ усть его вѣщихъ лишия,

и всегда онъ предлагалъ свои услуги тамъ, гдѣ надобно было дѣйствовать не столько силою, сколько хитростью, по собственнымъ словамъ его, *non vi, sed consilio*. Теперь совѣтовалъ панамъ *воевать*, но не сражаться съ козаками. По его мнѣнію, медлительна проволочкой времени можно было достигнуть вѣрхнейшей победы и прочнѣйшаго мира.

„Къ чему отваживаться на опасности“ (говорилъ онъ), „когда можно побѣдить безъ кровопролитія? Только безумный запираетъ быстрый источникъ, когда бѣгъ его можно отвести другимъ образомъ. Послѣдуетъ лучше разсудку, нежели страсти. Воспоминанія о Желтоводскомъ и Корсунскомъ пораженіяхъ, мнѣ кажется, должны удерживать насъ отъ стремленія къ новой бѣдѣ, когда можно побѣдить средствами мирными. Довольно будетъ показывать готовность къ войнѣ. Этимъ однимъ можно укротить волненіе. Явимъ бунтовщикамъ милость, дадимъ имъ опомниться, — и они пожелають вернуться къ прежнему долгу повиновенія, такъ какъ будто содѣянныя ими преступленія произошли противъ ихъ воли. А если дерзость ихъ будетъ такъ упорна, что они пренебрегутъ мирными нашими предложеніями, то любовь къ роднымъ и врожденная человѣкъ необходимость домашней жизни все-таки заставятъ ихъ войти въ прежнее спокойное состояніе“.

Такъ проповѣдавъ панскій ораторъ, соединявшій краснорѣчіе Нестора съ хитроумiemъ Улисса. Къ сожалѣнію, рѣчь его дошла до насъ по книжному пересказу современниковъ. Но все-таки въ ней виденъ Киссель съ его риторическимъ остроумiemъ и тупымъ взглядомъ на дѣло. Отвѣтъ на нее Вишневецкаго, присутствовавшаго на военному совѣтѣ, также пересказанъ по-книжному, но въ немъ сохранились черты ума и героизма Байдича. Онъ возразилъ обольстителю дмиторскаго слуха такъ:

„Я согласился бы съ вами, господа, когда бы у козацкой сволочи было столько совѣсти, сколько дара краснорѣчія у тѣхъ, которые только что передо мною говорили. Неужели бунтовщики удовлетворятъ нашими несчастіями и нашею кровью? Это просто мечта, а не разсужденіе. Начатое дѣло можетъ кончиться только гибеллю одного изъ противниковъ. Намъ совѣтуютъ вести войну безъ битвы. А если не-пріятель самъ нападетъ на насъ? Уклоняться, говорять намъ. Это значитъ: мужики будутъ тѣснить наше войско, преграждать намъ путь, не пускать нашихъ лошадей на пастища, отнимать зачасы, устрои-

вать засады, а мы будемъ терпѣть, сложа руки, и морить бумагу въ мирныхъ переговорахъ, а на Русской Землѣ будеть литься шляхетская кровь. Душа возмущается отъ безчестной мысли: изъ-за украинскихъ берлогъ согласны отдать на разореніе средину королевства. Если хотите побѣдить, то побѣждайте смѣлостью. Надобно теперь ударить на козаковъ, пока Оръц еще только переправляется черезъ Даѣпъръ. Отъ одной быстроты зависить спокойствіе Рѣчи Посполитой. Не давши битвы, и не думайте о мирѣ. Вспомните Переяславъ, Кумейки, Стартъ Тамъ вы побѣждали враговъ смѣлостью и мужествомъ... *)

Панское общество было не въ силахъ соединиться ни въ томъ, ни въ другомъ возврѣніи. Два Русина тянули созданное Поляками и псевдогосударство одинъ за лѣвую, а другой за правую руку, въ то самое время, когда третій Русинъ мѣтилъ ему въ сердце: тріумвиратъ, и импровизированный судьбою, въ виду тріумвирата, придуманаго сеймомъ. Но представители Шляхетскаго Народа чуяли опасность раздѣльности своей въ виду непрѣятеля, и старались по крайней мѣрѣ соединить боевые силы свои въ одномъ пункѣ. Киевскій воевода Тишковичъ сдѣлался посредникомъ между двумя князьями. Вишневецкому не нравилась та роль, которую Заславскій позволялъ играть въ своемъ войскѣ Самуилу Лашу. Онъ требовалъ, чтобы Заславскій удалилъ отъ себя Лаша. Заславскій выказалъ въ этомъ случаѣ строптивость, нападавшую иногда некстати и на его православнаго дядюшку. Вишневецкій отплатилъ ему тѣмъ же, когда къ нему явилась депутація изъ гетманского лагеря. Наконецъ соединенные старания Тишковича, Остророга и Александра Конецпольскаго привели двухъ полякующихъ князей Русичей къ тому, что они расположили свои лагери одинъ вблизи другаго, надъ озеромъ Човганскимъ Камнемъ.

Здѣсь было получено извѣстіе, что непрѣятель овладѣлъ Константиновыми. Оно заставило Вишневецкаго прекратить всѣ споры **) съ панскимъ фельдмаршаломъ. Пригодился теперь и вихреватый Лашъ: его послали въ первомъ подѣздѣ противъ козаковъ съ 1.500 человѣкъ.

Сентября 13 (3) панскій лагерь двинулся на Корчовскія Поля

*) Эту рѣчь вкладывалъ въ уста Вишневецкому и Костомаровъ. Но у него не спросила критика: какъ могъ Вишневецкій, въ такой важный для него моментъ, называть *пораженіе* Конецпольскаго подъ Переяславомъ *побѣдою*? (См. т. I моей книги, стр. 165, примѣч.). Впрочемъ, она ни о чёмъ подобномъ у него не спрашивала, довольноная тенденціею сказокъ его.

**) „Umorzeno wszystkie kondysue“, сказали въ обозномъ дневникѣ.

и расположился въ полукилѣ отъ комиссарского становища Киселя. Не довѣряя „Русину“ и его „схизматикамъ“, старались подставлять его подъ козацкую силу отдельно,—тѣмъ больше что онъ хвалился своимъ ученичествомъ въ походахъ великаго Жовковскаго и, проповѣдывая миръ, выставлялъ себя воиномъ неустршимымъ.

Съѣстныхъ припасовъ было у пановъ много *). Наилучшій воль стоилъ 4 златыхъ, яловица—2, баранъ—16 грошей, вепрь—12, гарнецъ пива—6, меду—16, кварты водки—20. Много было въ распоряженіи пановъ овса и стоячаго и скоченаго, и въ копахъ, а въ скирдахъ былъ большой запасъ даже трехлѣтнаго хлѣба. Но печенья хлѣбъ составлялъ самый дорогой продуктъ, потому что желѣзо было повышено изъ мельницъ, да и то привозили издалека „базарники“.

Начало Пилявецкой войны (если можно ее назвать войной) не было ни пугающимъ по обстоятельствамъ, ни трусливымъ по расположению духа въ панскомъ войскѣ. Оно могло бы пугать развѣ тѣхъ, которые собрали бы воедино а priori всѣ элементы готовившейся паники, какъ это можно сдѣлать намъ a posteriori. Злая судьба даже польстила панамъ, и завлекла впередъ успѣхами, если въ этомъ не было военной хитрости со стороны козацкаго гетмана.

Въ Константиновѣ засѣло тысячу пять козаковъ. Къ городу было возможно приступить съ одной только стороны. Панскій отрядъ, человѣкъ до 5.000, съ 6-ю пушками, думалъ, что козаки будутъ обороныть переправу черезъ рѣчку Пилявку въ Россоловцахъ, въ 2-хъ миляхъ отъ Константина. Но переправа оставалась незанятою. Предводителемъ отряда былъ Остророгъ, постоянный начальникъ авангарда: его-то, яко Латину, и хотѣль, какъ видно, провести первымъ успѣхомъ Хмельницкій. Занявъ переправу въ Россоловцахъ, Остророгъ сбыль козаковъ съ другихъ переправъ, въ Гирявѣ и Кузьминѣ, а потомъ пошелъ подъ Константиновъ, гдѣ уже начали бой съ козаками отряды Конецпольскаго и Лаша. Къ нему присоединился и князь Вишневецкій. Охотниковъ пановъ прибывало все больше и больше. Козаки дрались мужественно и, повидимому, рѣшились отстоять городъ. Но наступившая ночь прекратила „пробу“ панскаго оружія.

Заинтересованный успѣхами своего авангарда, Заславскій двинулся всѣмъ лагеремъ на сю сторону рѣчки Пилявки. Огромность его

*) Въ отвѣтъ на рѣчь Киселя заставили Вишневецкаго говорить о недостаткѣ запасовъ и т. п., тогда какъ обэзный дневникъ (неизвѣстный современникъ историкамъ) показываетъ противное. На этомъ основаніи я исключилъ изъ рѣчи Вишневецкаго, очевидно постороннюю, вставку.

табора и масса сопровождавшей пановъ челяди не дали ему перейти за Россоловскую переправу. Онъ провелъ ночь у Россоловцевъ. Но завзятые защитники Константина, очевидно, маня пановъ на не-выгодные для нихъ становища, не дождались приступа, и 16 (6) сентября бѣжали изъ города. Кто не успѣлъ бѣжать, всѣхъ тѣхъ жолнеры вырубили до ноги, но много ли погибло козаковъ, неизвѣстно. „Страшное опустошеніе города и языческая профанація костеловъ“ (пишеть участникъ избіенія отсталыхъ) „не позволили никому щадить ихъ. Не нашли мы ниодного цѣлаго распятія Christi Domini: всѣ были искошоты, изрублены, прострѣлены. А люди, какъ будто съ того свѣта, полуживые, измученные тиранскими руками и голодомъ, встрѣчали насъ плачемъ, опираясь о стѣны. Это такъ раздражило войско, что оно было готово броситься въ одинъ часъ па этихъ язычниковъ“.

Въ такомъ раздраженіи, подъѣздѣ Конецпольского наскочили на 2.000 козацкаго подъѣзда и ударили на него такъ стремительно, что только остатокъ спасся въ заросляхъ, насколько вообще слѣдуетъ полагаться на реляціи людей, заинтересованныхъ въ дѣлѣ боя. Жолнеры взяли въ плѣнъ козацкаго писаря-шляхтича и человѣка 15 козаковъ. Отъ нихъ паны узнали, что Хмельницкій презираетъ (contemnit) панское войско, воображая, что оно состоитъ изъ 7.000 шляхты, остальные же люди въ немъ - Жиды (то-есть трусы). Такъ и долженъ былъ представлять Козацкій Батько своимъ дѣтямъ панское ополченіе. „Это козацкое гультайство“ (писалъ панъ пану изъ-подъ Константина отъ 18 (8) сентября) „лежитъ всего въ полуторѣ миляхъ отъ насъ на Пилявецкихъ Поляхъ, и надѣется на Орду; но мы, дастъ Богъ, предупредимъ ее завтра“.

Отъ 19 сентября писалъ кто-то изъ обоза за Константиновымъ: „Теперь только начнется у насъ война. Завтра наступимъ на непріятеля, который приготовился принять насъ подъ Пилявцами. Всюду у него лѣса, фортели (естественная защита) и тяжелыя для насъ переправы. Хотятъ (полководцы) всюду нами (конницею) затыкать дыря. Правда, конный народъ у насъ добрый, но пѣхоты мало, и навели всякаго сброду: обманули (вербовщики) Рѣчъ Посполитую. Коммисаровъ у насъ множество, рады мало; соперничество и приваты большія. Непріятель собирается у фортелей безчисленное множество хлопства и ежечасно ждетъ великой Орды. Войны не намѣренъ оканчивать, а протянуть надолго: такія и диспозиціи дѣлаетъ. Наше довольно порядочное войско презираетъ, несмотря на его многочисленность. Въ поле выйти не хочстъ; мы должны на него наступать. Кисль насъ обманулъ. Прежде мы не догадались, и время ухо-

дило. Хотѣлъ уйти отъ насъ на Волынь съ своимъ полкомъ, но его задержали... Никто у насъ не смотритъ на вождей; каждый поступаетъ по своему. Нѣкоторыя хоругви только что пришли, а уже отказываются служить: спѣшатъ назадъ домой. Четверть истекла въ переходѣ. Мы же, хоть и давно уже въ обозѣ, и не всѣ деньги получили, но хотимъ служить“.

Подъ Константиновыми продовольствіе было уже не то, что у Човганского Камня. Отсюда писали въ Варшаву, что хлѣбъ и напитки достаются жолнеры съ трудомъ. Бочонокъ пива стоитъ 20 злотыхъ, но яловица—1 или 2 злотыхъ, а ковь 3 злотыхъ, потому что печьми кормить: „сѣна, овса рагум“ . Хмельницкій, какъ видимъ, переманилъ „ясно освѣщенного князя“ съ его нелѣпымъ многолюдствомъ въ страну опустошенную, а *фортели*, которыми козаки всегда умѣли пользоваться, дѣлали нападеніе на него опаснымъ; ожидалъ же имъ „ежечасно“ приходъ Орды не давалъ панскому фельдмаршалу времени осмотрѣться и расположиться.

Между тѣмъ блаженному миротворцу, Киселю, чудилось, что только чернь удерживаетъ Хмельницкаго отъ мировой съ панами, и онъ писалъ къ познанскому бискупу, Андрею Шолдрскому, что въ козацкомъ таборѣ доходило до кровопролитія. Между панами ходилъ даже такой слухъ, что Хмельницкій убить въ таборномъ замѣшательствѣ, а нѣкоторые утверждали, что онъ бѣжалъ съ 12 000 комонника.

Что въ козацкомъ таборѣ, при отсутствіи Орды, могли возникнуть смуты въ виду неожиданно громадной панской арміи, это весьма вѣроятно; но до бѣгства Хмельницкаго было еще далеко. Между тѣмъ у Киселя былъ на умѣ Остряница, покинувшій козацкій таборъ на Сулѣ, и самъ Хмельницкій, бѣжавшій передъ его глазами, въ составѣ комонника, изъ-подъ Кумеѣвъ.

Охотно вѣриль Киселю почтенный бискупъ. Еще охотнѣе вѣрили въ Замостьѣ прилетѣвшей туда вѣсти, будто бы przed Świętym Mateuszem (следовательно 21 (11) сентября) въ битвѣ съ козаками паны положили ихъ 20.000 на мѣстѣ, а остатокъ преслѣдуясь князь Вишневецкій комонникомъ. Злая судьба Польши подсовывала ей радостныя вѣсти какъ разъ наканунѣ катастрофы, которая не имѣеть подобной въ исторіи паники.

Дѣло въ томъ, что, пытаясь выманить Хмельницкаго на бой изъ фортелей, которыми онъ былъ окружено надежнѣе всякихъ редутовъ, злосчастные триумвиры расположили свое войско такъ неудобно, какъ только онъ одинъ могъ бы имъ посовѣтовать,— *in loco quodam postris iniquissimo* (писалъ знатокъ дѣла). Панский обозъ, то-есть лагерь,

занималъ пространство въ польскую милю въ окружности, а пѣхоты хватало въ немъ едва на половину окружности. На этомъ протяженіи были долины, озера и т. п., которыхъ окопать не было возможности никоимъ образомъ, а непріятелю, при его природной способности (*pro calliditate ejus naturae*), представляли они много мѣстъ для вторженія. Повѣльвали въ панскомъ войскѣ три полководца, и каждый—по собственному усмотрѣнію, а что хуже всего—каждымъ руководило или соперничество, или самомнѣніе, какъ это естественно должно было быть при такой сложной власти, „а особливо“ (замѣчаетъ откровенно писавшій) „въ нашихъ польскихъ душахъ (a zwlaszcza i naszych polskich animuszach)...“. Не видѣли этого наши правоправящіе, *Ordines Regni*,“ (продолжаетъ онъ), „когда назначали этотъ фатальный триумвиратъ.... Въ мирное время мы говорили бы и писали *ихъ милости*, но въ общей бѣдѣ каждому позволительно и чувствовать, что хочетъ, и говорить, что чувствуетъ.... Повѣтовый хоругви не хотѣли подчиняться власти региментарей; каждый полкъ обращался къ своему полковнику, и потому въ обозѣ не было ни правильной стражи, ни упорядочныхъ подъѣздовъ“.

По письму Остророга къ Лещинскому отъ 18 (8) сентября, региментарей сильно беспокоило загадочное обстоятельство, что хотя непріятель „чуялъ надъ собой войско“, однаждѣ въ тылу у нихъ появлялось много бунтовщиковъ“... „Поэтому“ (писаль онъ) „пришлося намъ десятка полтора сотенъ людей послать на Волынь и столько же назадъ къ Трембовли, чтобы погромить эти купы и обезопасить Львовъ“.

Двумя недѣлями раньше онъ же писалъ къ Лещинскому, что у Хмельницкаго, по слухамъ, 180.000 войска, въ томъ числѣ 20.000 пѣхоты. „Это еще бы ничего“ (замѣтилъ онъ); „лишь бы у насъ немного прибавилось войска, а только“ (одно для насъ важно): *чтобы къ намъ не приходили Татары*.

Все это элементы готовившейся паники, и то еще не всѣ.

Мы видѣли, какъ сильно напиралъ Вишневецкій, чтобы ударить на Хмельницкаго *до его соединенія съ Татарами*; а писавшіе изъ лагеря къ своимъ пріятелямъ вояки только о томъ и молили Бога, чтобы дружнымъ наступленіемъ *упредить Орду*. Изъ того, что Хмельницкій забрался въ такие фортели, видно, какъ онъ это предусматривалъ.

Первая проба счастья подъ Пилявцами открыла знатокамъ военнаго дѣла и то, что позиція Хмеля неприступная, и то, что онъ хочетъ затянуть войну надолго, а что всего важнѣе—они видѣли опасности собственной позиції, соединенная съ лагерной неурядицей.

Всѣмъ и каждому въ панскомъ обозѣ было извѣстно, что козаки ждутъ къ себѣ Татаръ ежеминутно. Вида непреодолимые фортели цепрятеля и „боась прихода Орды“, вѣкоторые изъ членовъ военной рады (а ихъ официально было 24) совѣтовали Заславскому остатся за рѣчкою Пиливкою, и лучше „наводить непріятеля на свое, нежели нападать на его фортели“. Но большинство рѣшило двинуться впередъ. Здѣсь тотчасъ началась борьба съ козаками за воду. Одну греблю на Пиливкѣ паны три раза брали приступомъ и теряли, пока наконецъ очистили берега конницей, переврали ее подъ непріятельскимъ огнемъ. Это было во вторникъ 22 (12) сентября. Отступление козаковъ къ тaborу подняло духъ въ панскомъ войске. Но неудобная мѣстность смущала знатоковъ дѣла, чего они, конечно, не скрывали отъ профановъ. Каждый полковникъ становился, гдѣ хотѣлъ. Шанцы, стражи, пушки, походные возы тѣснили войско, не представляя обороны. Въ смутномъ предвидѣніи бѣды, региментари стали совѣтоваться въ военной радѣ, куда бы перенести лагерь. Въ совѣщаніяхъ и нерѣшимости засталъ панское воинство вечеръ... Передъ закатомъ солнца пришли къ Хмельницкому Татары. То, чего „боились“ и что надѣялись „упредить“, совершилось, по милости мѣшкотнаго *завтра*.

Козаки привѣтствовали своихъ побратимовъ пушечной пальбою,— и настроение духа въ панскомъ войске перемѣнилось. Представители Польши, собравшіеся подъ Пиливцами, подготовили себя къ паникѣ.

Въ среду 23 (13) сентября начались опять гарцы и стычки; но если до сихъ порь Заславскій не рѣшался — да и не сумѣлъ бы — наступить на Хмельницкаго всѣми своими силами, то теперь и того меныше. Паны, какъ и прежде, ограничивались только тѣмъ, что (какъ писалъ одинъ изъ нихъ же) „показывали непріятелю свое блестящее войско, построенное въ боевой порядокъ, съ намѣреніемъ привести его страхомъ къ покорности“. По разсказу того же участника Пиливецкой кампаниіи, въ панскомъ лагерѣ еще въ воскресенье былъ слухъ (которому вѣрили и послѣ бѣгства), будто бы козацкая чернь хотѣла уже выдавать старшину съ мольбой о помилованії. Отъ этого слуха паны расхрабрились до такой степени, что въ понедѣльникъ намѣревались дать залпъ изъ „сотни пушекъ“ (столько у нихъ и не было) и штурмовать козацкій таборъ вмѣстѣ съ его „куратникомъ“. Но не Заславскому съ его регуляторами было вдохновить войско, какъ одну душу, рѣшительнымъ движениемъ. Ни дикая отвага такихъ людей, какъ Лашъ, ни воинственный энтузиазмъ такихъ, какъ Вишневецкій, не могли этого сдѣлать подъ предводительствомъ нравственно убогаго и свое-корыстнаго двойника князя Василія. Бой танулся вяло, безтолково и

привелъ войско къ тому, что оно, еще до прихода Орды, почуяло неопредѣленную робость, а теперь, когда вмѣстѣ съ козаками гарцова-ли Татары, панская робость получила свою опредѣленность.

Пришли Татары! эти слова, передаваемыя изъ устъ въ уста, значили: пришли истребители короннаго войска въ Дикихъ Поляхъ и надъ рѣкой Росью,—пришли тѣ, которые повели въ неволю побѣди-теля козаковъ подъ Кумейками и на Старцѣ.

Но Орда пришла въ незначительномъ числѣ. Къ Хмельницкому вернулся сынъ Тимошъ, и привелъ 4000 Татаръ, подъ начальствомъ Каракъ-бая. Тѣмъ не менѣе панское войско „упало духомъ“ (*straciło serce*)⁴. По разсказу Адама Киселя, который, надобно помнить, былъ не точенъ въ реляціи о своемъ гощинскомъ погребѣ, региментари и полковники стали совѣтоваться въ поль на коняхъ, „что дѣлать да-лѣе“. Когда дошла очередь до него, онъ, велерѣчивый и велемудрый всегда, предложилъ три совѣта: или „удариться всѣми силами о не-прыятеля“, но это, по его мнѣнію, была опасная крайность; или стоять всю ночь въ боевомъ порядке, а лагерь перенести подъ Константиновъ и, тамъ окоопавшись, бороться съ непріятелемъ выносчивостью (*rojósć na wytrwałą z nieprzyjacielem*); или же, „взявши за руки“, отступать таборомъ, а не то (это Кисѣль спряталъ въ самомъ концѣ своей рѣчи), бросивши возы (*wozy porzuciwszy*), братъ что позна-чительнѣе на лошадей да (взять лучшее) изъ пѣхоты, и, такъ построив-шись въ порядке, ударить на одну Орду, отдѣлить ее отъ козаковъ и... здѣсь уклонился онъ отъ слова *блѣжать*, и замѣнилъ его хитроумно словами *собраться съ силами* (*resumere vires*).

Такъ писалъ Кисѣль официально. По буквальному смыслу его словъ, онъ блѣжать не совѣтовалъ: онъ совѣтовалъ только *resumere vires*, а „для красоты слога“ прибавилъ *ударить на Орду*.... Но въ словахъ *бросивши возы* сказано было все... *) „Послѣдній совѣтъ (про-должалъ свою реляцію ученикъ великаго Жовковскаго) исправился всѣмъ (*miał aplausum od wszystkich*), и все должно было такимъ обра-зомъ двинуться (а пѣхота-то?) до наступленія дня. Но, когда насту-пила ночь, не вѣдаю, какой послѣдовалъ совѣтъ, что ихъ милости тотчасъ пустились комонникомъ, бросивши всѣхъ и таборъ. Мнѣ дали знать объ этомъ только на разсвѣтѣ. Тогда, не нѣжа моей по-

*) Въ подлиннике это важное обстоятельство изложено темновато, а именно: „Iubo wozy porzuciwszy, co znaczniejszego brać na koni i piechoty, i tak por-zajdnie ustanowiwszy ze wszystkiem przeciwko Ordzie samej, odwaliwszy ja od ozaków, resumere vires“.

дагры, бросился я на коня и пустился съ моимъ полкомъ той же дорогою... Вотъ какъ совершилась эта несчастная трагедія! Войско бѣжало въ разсыпную днемъ и ночью. До сихъ поръ некоторые очутились падь Вислою. Въ бою не погибло больше трехсотъ человѣкъ".

Николай Остророгъ весьма умно разсказывалъ, въ письмѣ къ подканцлеру Лашинскому, что онъ совѣтовалъ отступить таборомъ на основаніи Цецорской традиціи, переданной ему покойнымъ короннымъ гетманомъ. Но дѣло въ томъ, что тріумвиры поддались паникѣ первые и побѣжали изъ лагеря опрометью, а вслѣдъ за главными предводителями побѣжали воеводы, каштеляны, комиссары, полковники, „побѣжало все“ (писалъ Остророгъ) „побросавъ знамена, артиллерію, таборъ и возы“.

Уносимые безуміемъ паники, жолнеры бросали о земль сабли, ружья, панцири. Нечего было дѣлать и самымъ воинственнымъ людямъ. Князь Вишневецкій, генералъ артиллеріи Артишевскій, предводитель королевской гвардіи Осинскій—должны были бѣжать за другими.

Такова панская реляція Пилиавецкаго бѣгства. Козацкой реляціи вѣрить не слѣдуетъ. Козаки не знали, какъ искренно признавались въ своей трусости паны, и сочинили имъ трусость менѣе постыдную. Всего характеристичнѣе писалъ одинъ изъ пановъ-бѣглецовъ, львовскій подкоморій Войцѣхъ Ясовскій: онъувѣрялъ бензскаго воеводу, Криштофа Конецпольскаго, что непріятелю въ этомъ случаѣ послужили не столько грѣхи и несчастная фортуна пановъ, сколько не слыханныя чары, которыхъ очевидность доказываютъ вѣрные знаки (*czary niesłychnane z wielkimi kowjektury z widomych znaków posłużyły*). „Ибо такой страхъ, такая констернація обняла нашихъ“ (объясняетъ почтенный воинъ), „что они летѣли во всю прыть, сколько хватило у лошадей силы, твердя, что за ними гонятся уже Татары, отъ которыхъ, по милости Божіей, ничего внезапнаго не произошло“.

Какъ именно началось незабвенное бѣгство, съ кого именно началось оно, допрашивать никто не могъ, и никому не было охоты признаваться. Довольно съ насъ того, что, по словамъ самихъ пановъ-бѣглецовъ, въ стычкахъ подъ Пилиавцами пало не больше трехсотъ человѣкъ, и что Пилиавецкая побѣда досталась козакамъ безъ боя. Это подтверждается и новѣйшая польская исторіографія, тогда какъ нашей малорусской понадобилось дать козакамъ-героямъ кровопролитную работу подъ Пилиавцами и въ два предшествовавшіе дни, и въ день великаго бѣгства *).

*) См. описание пилиавецкаго дѣла у Костомарова, въ 4-мъ изд. „Богдана Хмельницкаго“.

Козацкіе кобзари поступили еще лучше козацкихъ историковъ: осенне событіе отнесли они къ весеннему празднику Преполовенія, называемому *Правою Середдю* (29 апрѣля), и воспѣли: что будто бы

..... на Праву Среду
Гнали козакъ Ляхівъ такъ, якъ бы чёреду.

Не въ козацкомъ обычай было гнать бѣгущаго непріятеля, оставивъ нерасхватанною добычу. Въ противность пословицѣ, совѣтующей стлать ему золотой мостъ, они самъ постлали золотой мостъ козакамъ въ видѣ покинутаго лагеря. На этомъ мосту козаки, яко воины-дикари, позабыли, что Польша теперь стоить передъ ними, какъ говорили сами Лахи, настежь (*otworem*), и пьянствовали такъ мертвѣцки нѣсколько дней, что еслибъ у бѣглецовъ хватило духу на нихъ наступить, они были бы истреблены до ноги *). Вина было выпито ими въ четыре дня и четыре ночи столько, что, по словамъ современника, его хватило было мѣсяцъ при обыкновенномъ употребленіи.

По современнымъ извѣстіямъ паны покинули въ добычу козакамъ до ста двадцати тысячъ возовъ съ лошадьми, 80 пушекъ и на 10 миллионовъ примѣрно разныхъ драгоцѣнностей.

Уничтоженная паникою панская армія большею частью направлялась во Львовъ. Князь Доминикъ Заславскій, гонимый общимъ раздраженіемъ противъ него всѣхъ и каждого, проѣхалъ черезъ городъ въ закрытой каретѣ, и поспѣшилъ спрятаться въ своеемъ замкѣ Ржешевѣ, польскомъ замкѣ даже по имени. Въ его лицѣ, фамилія Острожскихъ за совращеніе въ католичество отплатила католикамъ вѣчнымъ позоромъ и невознаградимымъ Польскимъ Разореніемъ, превзошедшемъ Разореніе Московское.

Вся Польша возопила противъ пиливецкихъ бѣглецовъ. Шляхетскій народъ требовалъ казни виновникамъ не слыханной въ народахъ измѣны долгу воина и гражданина. Но для казни столькихъ предателей отечества не хватало у нея палачей. Преступленіе осталось безнаказаннымъ по своей громадности.

Попирывавъ скотски въ покинутомъ папами лагерѣ, козаки двинулись къ Збаражу, хорошо укрѣпленному городу и, не найдя въ немъ ниодной живой души, вспомнили, какъ іезуиты, руками прозелита Кунцевича, выбрасывали изъ могилъ тѣла, похороненные не-уніятскими

*) Такъ погибла въ послѣдствіи одна козацкая армія, вся поголовно пьяная.

священникомъ. Одинъ или два случая безумнаго фанатизма, оскорбивъ чувство человѣчности, свойственное и людямъ просвѣщеннымъ, и самымъ темнымъ дикарямъ, произвели широкую молву, которая проникла даже въ землянки степняковъ, не видавшихъ отъ роду церкви, и вызвала изъ этихъ землянокъ чудовищныхъ отмстителей за чудовищное злоупотребленіе церковнаго права. Козаки Хмельницкаго, осквернивъ и разоривъ збаражскіе костелы, повыбросили изъ усыпальницъ останки католическихъ пановъ и ксепдовъ, причемъ досталось и трупамъ православниковъ, похороненнымъ по-пански.

Въ числѣ поруганныхъ ими усопшихъ былъ и знаменитый примиритель Польши съ Турцией, князь Криштофъ Збаражскій. По сказанію збаражскаго стихотворца, бѣжавшаго изъ объятаго ужасомъ города, самъ Хмельницкій ругался надъ прахомъ князя Криштофа и его княгини, говоря, что и мертвому льву надо бно вырвать бороду. Не предчувствовалъ онъ, что разогнанная имъ отъ плуговъ и токовъ шляхта хлынетъ опять на мѣста своей колонизаціи, и что надъ нимъ самимъ, въ его Суботовѣ, повторится дикая расправа съ мертвымъ львомъ.

Стоя въ Збаражѣ, Хмельницкій объявилъ своей козацкой радѣ, что намѣренъ вернуться въ Украину, послать на сеймъ уполномоченныхъ отъ Запорожскаго Войска и дожидаться избрания короля. Къ этой рѣшимости привело его извѣстіе, полученное изъ Москвы. Москва вовсе не была намѣрена содѣйствовать опустошительному вторженію днѣпровской и крымской дичи въ сосѣднее государство, хотя и поваршавской конвоації первымъ словомъ открывшаго ее оратора было *московское коварство (Moskiewska perfidia)*. Напротивъ, Запорожское Войско получило отъ молодаго царя внушеніе—пріостановить разливъ христіянской крови и примириться съ панами. Тишайшій государь услаждалъ свои царственные заботы мыслью, что у него нѣтъ недруга во всемъ христіянскомъ свѣтѣ, и не хотѣлъ сдѣлать Полякамъ „никакой неправды въ ихъ упадкѣ и въ безглагное тогдашнее время“.

Мысли Хмельницкаго обратились къ польскому королю, котораго избраніе зависѣло теперь отъ него. Новый, обязанный ему престоломъ, король могъ упрочить за нимъ его положеніе вѣрнѣе, чѣмъ козако-татарская орда, которой перемѣнчивость относительно его особы, драгоценнѣйшей для него всего на свѣтѣ, свидѣтельствовалъ онъ своею пятитысячною гвардіею. Но разлакомившіеся козацкимъ счастьемъ сподвижники Хмеля, не хотѣла знать ничего, кроме войны. Козацкая орда требовала, чтобы опять шелъ *кончати Лахдог* по идеѣ предшественниковъ его. Краковъ и Варшава должны быть разрушены! Все

шапское и лашкое должно исчезнуть съ лица земли! На мѣсто шляхетской Польши пускай будетъ мужицкая Русь, а господами этой Руси должны быть козаки! Таковъ былъ идеалъ дикой силы, вызванной бунтомъ Хмельницкаго,—идеалъ, сочувственный донынѣ въ Малороссии недоучкамъ, недоумкамъ и политическимъ утопистамъ.

Не захотѣли козаки идти обратно въ Украину, и порывались къ Бѣлой Рѣкѣ, для основанія, по сю и по ту сторону миѳической для нихъ рѣки, какого-то кипчакскаго царства, съ избирательными мурзами, членами законодательной рады. Хмельницкій не повелъ бы козаковъ за Бѣлую Рѣку ни въ какомъ случаѣ, имѣя въ тылу князя Вишневецкаго, который одинъ оспаривалъ у него полное торжество надъ Шляхетскимъ Народомъ. Но теперь останавливали его и другія соображенія. Союзники Татары „дѣлались козакамъ сильны“, какъ выражались московскіе дипломаты. Загнавшись далеко впередъ, онъ могъ очутиться въ рукахъ у хана со всѣмъ преславнымъ Запорожскимъ Войскомъ и со всей Козацкой Украиной. Чтобы дать, однакожъ, работу руинникамъ, готовымъ превратить всѣ государства въ подобіе „украинскихъ берлогъ“, онъ разослалъ свои полки въ разныя стороны для очистки Христіанской Земли, отъ панской погани, какъ выражались козаки.

Ватаги пьяныхъ варваровъ, сопровождаемыя Татарами, устроились къ Дубну, Кременцу, Острогу, Луцку, истребляя все, что посило на себѣ печать усовершенствованной хозяйственности и печать культуры вообще. Только православные храмы да православные попы останавливали всепожирающій потокъ, но и то настолько, насколько козаки боялись раздражить своего Батька, боявшагося, въ свою очередь, вооружить противъ себя малорусское духовенство. Бывали случаи, что хмельничане допытывались денегъ у православнаго попа по примѣру начинателя козацкой „войны за вѣру“, войскового писаря Гренковича. Бывали случаи обдиранья серебряныхъ шатъ съ образовъ и расхищенія найденныхъ въ церкви денегъ. Въ этомъ козаки Хмельницкаго, не уступая козакамъ Гренковича, обнаруживали свое родство съ католиками жолнерами, которые зачастую грабили католические костелы наравнѣ съ православными храмами. Что касается козакихъ побратимовъ, Татаръ, то, среди широкихъ пустынь, образовавшихся на поприщѣ панской колонизаціи, козаки и сами попадали къ нимъ въ ясырь наравнѣ съ тѣми, кого они предприняли.

Съ підъ ляцкої кормыги слобонити *).

*.) Стихъ апокрифической думы, какихъ много сочинили козацкие потомки въ наше время и выдавали за старинную кобзарскую.

Освободясь отъ назойливости Перебийносовъ, Нечаевъ да Морозенковъ, которые, во главѣ яростной черни, рвались къ Бѣлой Рѣкѣ, Хмельницкій направилъ путь свой по слѣдамъ ненавистнаго князя Яремы, но все не сиѣшило военными дѣйствіями, какъ бы въ насмѣшку надъ премудрымъ Киселемъ, который совсѣмъ „воевать, но не сражаться“. Теперь онъ, можно сказать, только держался на пѣнистомъ гребнѣ девятой волны, чтобы она не залила самого его, увлекая все впередъ и впередъ, подъ бурнымъ дыханіемъ козацкаго бунта. Не осмысленныя никакимъ опредѣленнымъ стремлениемъ, кромѣ порыва къ истребленію Ляховъ до ноги, волны руиннаго разбоя ужасали наконецъ степнаго шляхтича, перенесенаго изъ круга мелочныхъ козацкихъ интересовъ на широкое поприще интересовъ общественныхъ, религіозныхъ, національныхъ и государственныхъ. Въ неожиданномъ, непривычномъ, губительномъ триумфѣ, онъ возсѣдалъ на своей всепожигающей колесницѣ, держа съ трудомъ туго натянутыя бразды козацкой завѣтности. Онъ, очевидно, даваль панамъ время оправиться и положить хоть гдѣ-нибудь, хоть на сарматской Бѣлой Рѣкѣ преграду стихійной силѣ, пока ея руинныя дѣянія не привлекали на нее оружія сосѣднихъ государей. Это была та сила, которая и подъ бунчукомъ соперника Сагайдачнаго, пьяницы Бородавки, хвалилась уже, что передъ нею трепещетъ Польша, Турція и цѣлый свѣтъ,— та вдохновенная чутьемъ своей будущности сила, которой, въ ея дикой стихійности, было суждено „обрушить“ могущественную тогда Польшу, дабы взяла подъ нею перевѣсъ могущественная нынѣ Россія. Хмельницкому было чего пугаться, возсѣдая на своей триумфальной колеснице.

Теперь опять былъ окруженнъ уже не одними грубыми противниками панскаго господства, но и такими людьми, которые могли бы служить союзниками завоевателю, не чуждому граꙑдственныхъ и экономическихъ стремлений. Многіе шляхтичи, гонимые бѣдствіями войны, или озлобленные подобно ему самому членами панскаго правительства, приняли на себя козацкій образъ и соединили невѣрную судьбу свою съ козацкою „щербатою долею“. Но, подъ вліяніемъ господствовавшаго въ козаччинѣ настроенія умовъ, главную роль между ними началъ играть буквальный послѣдователь греческой вѣры, взятый въ плѣнъ на Желтыхъ Водахъ, Выговскій. Какъ человѣкъ глубоко религіозный въ томъ, что относилось къ формамъ древнаго русскаго благочестія, и глубоко безчестный въ томъ, что относится къ его духу, онъ сдѣлался, такъ сказать, исповѣдникомъ, духовнымъ отцомъ Хмельницкаго и вполнѣ овладѣлъ этимъ дикимъ умомъ, осно-

ваннымъ на тѣхъ зыбкихъ правилахъ долга и чести, которыми характеризовали всѣхъ просвѣщенныхъ іезуитами шляхтичей. Онъ-то, этотъ Выговскій, доиграть относительно Тишайшаго Государа ту роль, которую самому Хмельницкому не дала доиграть одна привычка къ неумѣренному пьянству. Безъ совѣта Выговскаго не дѣлалъ Хмельницкій ниодного шага. Все, что у Хмеля было двумысленаго въ спошениахъ съ Поляками, Москвой, Татарами, Турками, Волохами, Венграми, Нѣмцами, принадлежало на добрую долю Выговскому. Оғь него, безъ сомнѣнія, научился Хмельницкій туманить и самихъ казаковъ, которые воображали, что правятъ своимъ гетманомъ, какъ шляхта правила королемъ, а между тѣмъ исполняли то, что было нужно ему.

Ниодной крѣпости и города не занялъ Хмельницкій по выходѣ изъ Пиливецкаго „курятника“. Города козакамъ, какъ и Татарамъ, были не нужны. Черезъ знаменитый будущею осадою Зборажъ и черезъ Старый Константиновъ прошелъ онъ, забавляясь вырываньемъ бороды мертвымъ лвамъ: эти города совсѣмъ опустѣли. Въ Бродахъ оставилъ онъ такую часть войска, которая была способна только опустошать окрестности, и лишь для виду показалъ этому отряду овладѣть замкомъ, а съ городомъ древнаго русскаго князя Льва, какъ увидимъ, игрался, точно съ мышью котъ, пресыщенный уже ловитвою.

Тамъ давно началась тревога. Ополаченный съ XIV столѣтія Львовъ, эту столицу Руси и редуть отъ внѣшняго непріятеля (*Metropolim Russiae et prorognasum ab internis hostibus*), какъ величали его Поляки, считали они гнѣздомъ тайныхъ заговорщиковъ противъпольскаго отечества, и самый бунтъ Хмельницкаго былъ у нихъ „бунтъ Русскій (*rebellia Ruska*)“.

За недѣлю до Пиливецкаго бѣгства, львовяне вонзали къ королевичу Каролю о защитѣ ихъ отъ непріятеля. „Уже цѣлыи три мѣсяца безъ остановки льется кровь днемъ и ночью“ (писали они). „Русскій бунтъ и соединившаяся съ язычниками хлоцская сколочь отправляютъ въ Залорожье страшныи массы награбленнаго добра, армату, пушки, порохъ, и священное, и мірское, отдаются въ языческую неволю столь многія тысячи людей. Ежедневно, ежечасно это безчестное предательство подползаетъ къ нашей крови, идетъ сюда пожаромъ уже подъ самыи львовскіи стѣни. Ничего неприосновеллаго, ничего безопаснаго, ничего обезпеченнаго! Уже и въ самомъ городѣ открываются явныи измѣны и ежедневно—ночные заговоры. Глядя на это и видя дальнѣйшую опасность, здѣшніе граждане и браты наши, бѣжавши сюда изъ другихъ воеводствъ, думаютъ уходить отсюда,

спасая жизнь, такъ какъ Рѣчь Посполитая не озабочилась никакимъ спасенiemъ и обороной этого города, и у ихъ милостей пановъ региментарей, прося поборнѣйше, не вымолила и одного десятка гарнизона“.

Они умоляли королевича, чтобы онъ оставилъ у нихъ для защиты свой полкъ, такъ какъ этотъ полкъ „или не пройдетъ къ войску сквозь Татарь и своеольныя купы, или придетъ послѣ битвы, дай Боже счастливой“.

Извѣстie объ этой ожидаемой съ такимъ страхомъ битвѣ вырвало у нихъ изъ груди крикъ отчаянья: „Теперь мы совсѣмъ погибли (*Zgineliſmy juž totaliter!*)“... „Нѣть никакой надежды на правителей государства, *nadziej żadnej in Principibus Regni nie tamu*“ (весьма вѣрно писали они своимъ друзьямъ). „Развѣ особенный промыселъ Божій будетъ спасать пасть чудеснымъ способомъ“.

„Еще 24 іюня“ (говорить авторъ письма) „предсказывалъ я, что будетъ изъ триумвирата коронныхъ региментарей: теперь предсказаніе мое исполнилось“...

Во Львовѣ до того были напуганы „Русскою ребелліей“ и тѣми татарокозацкими купами, которые могли не допустить королевичева полка въ действующую армію, что изъ Торговой Горки одинъ шляхтичъ писаль къ другому отъ 18 (8) августа, опереживая события, будто мѣщане сами сожгли Краковское предмѣстье, а также монастырь и костель босыхъ кармелитовъ для безопаснѣйшей обороны.

Еще недавно жители Львова видѣли дивное по своей нарядности войско на пути его къ Пилявцамъ. Теперь гетманы этого войска ушли ночью изъ своего лагеря, точно воры, застигнутые хозяиномъ. По ихъ слѣдамъ пришли къ столицѣ древнерусской *Владимеріи*, перековерканной въ *Лодомерію*, опустошители края, возстановленного послѣ Татарского Лихолѣтья безпримѣрными трудами и подвигами польскорусскихъ колонизаторовъ. Многочисленныя сермяжныя и кожушныя полчища ихъ, въ сопровожденіи потомковъ Батыевої Орды, появились подъ стѣнами Львова на смѣну блестящихъ культурниковъ. Теперь имъ не было преграды въ стремлениі за Бѣлую Рѣку. Теперь нашему Хмелю оставалось только возвеселить завзятыхъ души Криштофа Косинскаго и Царя Наливай разрушеніемъ Кракова, который пощадилъ какъ-то и Батый, гостя въ немъ, какъ Болеславъ Храбрый въ Кіевѣ. Но Хмельницкій не смѣлъ сдѣлать того, на что дерзали оба начинателя козацкихъ бунтовъ. Если онъ и не былъ умнѣе этихъ беззмысленныхъ руинниковъ, то его время поумнѣло. Не Львовъ остановилъ его, какъ это пріятно думать польскимъ патріотамъ города,

въ которомъ испарился патріотизмъ русскій и, какъ болячка, притаился патріотизмъ козацкій. Городъ нашего славнаго князя Льва не былъ приготовленъ къ оборонѣ иноземнымъ правительствомъ, обманувшимъ его надежды на „благоденственное и мирное житіе“; а муниципальная республика львовская не имѣла ни денегъ, ни оружія, ни сѣйстивыхъ припасовъ. Остановила козака Тамерлана политическая комбіпациія, передъ которой „страшнна козацька сїла“ оказывалась весьма слабою.

Первые пилиавецкіе бѣглецы, прискакавши къ Полякамъ, Армянамъ и Жидамъ, подавившимъ во Львовѣ русскихъ аборигеновъ, трагически терзали на себѣ въ слезахъ одежду. Они плакали о гибели отечества, которое для огромнаго большинства ихъ заключалось въ скарбовыхъ возахъ да въ раззолоченныхъ каретахъ, да въ утраченныхъ маюнтахъ. Они громко проклинали своихъ региментарей и кричали, что непріятель идетъ за ними „въ копыто“. Отсталые въ бѣгствіѣ подтверждали слова самыхъ быстрыхъ, и спѣшили, подобно Князю Доминику, убраться подальше изъ опаснаго города. Въ домахъ и улицахъ поднялась неизобразимая суматоха. Хотѣли затворить ворота, чтобы не вторгнулся въ нихъ непріятель, — невозможно было этого сдѣлать: такъ густо одинъ тѣснился въ городѣ, а другое рвались изъ города, ища безопасности каждый по-своему.

Отъ Пилиавцевъ до Львова считалось 40 миль. Это пространство пролетали паны-бѣглецы въ 36 часовъ, тогда какъ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ (говорили насмѣшники) иной вельможный панъ щѣхалъ бы сюда цѣлые полгода. Изнуренные, голодные, не знавши доселѣ никакой бѣды „панята“ лишались голоса.

Одни изъ бѣглыхъ пановъ приводили горожанъ въ ярость; другіе внушали участіе. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и князь Вишневецкій, который (говорили въ толпѣ) „потерялъ все, чтѣ имѣлъ“, и которому одинъ Армянинъ далъ обѣдь и постель.

Замѣчательно, что Поляки не исключаютъ ни князя Вишневецкаго, ни Осинскаго изъ подавшихся общей паникѣ, и героя того времени изображаютъ прискакавшимъ съ Пилиавецкихъ Полей въ одиночку. По ихъ описанію все представители Польши единодушно струсили. Никто изъ тѣхъ, которые носили такія громкія имена, какъ Замойскій, Жовковскій, Конецпольскій, не сказалъ, подобно нашимъ древнимъ Русичамъ: „Мертвымъ не стыдно: лучше быть побитыми, нежели полоненными“. Никто не рѣшился лечь подъ Пилиавцами костьми, чтобы не видѣть срама польскому отечеству. На мольбы мѣщанъ, чтобы не оставляли города, его жителей и святынь безъ обороны, ученый Остророгъ, чтившій традиціи великаго Конецпольскаго, отвѣ-

чалъ, что все потеряно, и что лучше отдаться на волю непріятеля, нежели отваживаться на невозможный отпоръ. Таково было могущество Хмельницкаго. Поляки думали, что ему помогали „неслыханныя чары“; но въ Москвѣ, какъ увидимъ далѣе, измѣряли это могущество нравственнымъ безсиліемъ Поляковъ.

Львовскіе торгаташи оказались болѣе мужественными, чѣмъ избранники Шляхетскаго Народа, тріумвиры. Составивъ собственный военный совѣтъ, они послали къ Остророгу другую депутацію съ объявленіемъ, что постановили спасать себя и спотыкнувшуюся (*szwankujsa*) Рѣч Посполитую кровью и имуществомъ своимъ; что сдѣлаютъ государству заемъ, дадутъ оружіе и все, что будетъ нужно для обороны. Такъ пристыдили они шляхту и пановъ, которые исключили мѣщанство изъ государственныхъ сословій своихъ. Такъ показали они, что сила общества заключается не въ привилегіяхъ, а въ разумной хозяйственности.

Скитавшіеся по львовскимъ предмѣстямъ жолнери соглашались продолжать службу, но не хотѣли знать региментарей, которые уходять изъ войска, и требовали, чтобы главнымъ вождемъ былъ назначенъ князь Вишневецкій. Этимъ они засвидѣтельствовали, что его никто не заподозрилъ въ малодушномъ бѣгствѣ, и спасли его военную репутацію отъ пятна общей трусости.

Собралась въ костелѣ Бернардиновъ генеральная рада. Въ составъ этой рады вошли—и королевскій агентъ по козацкимъ дѣламъ, Радзѣвскій, и вѣчный банить-инфамисъ, Лашъ (о Конецпольскомъ не было слышно). Кто и въ какой степени былъ теперь инфамисъ, львовскому купечеству и мѣстному шляхетству было не до того. Не-бывалая и неслыханная трусость представителей Польши понизила и въ самой шляхтѣ гордое сознаніе своего достоинства. Между тѣмъ непріятель всего зажиточнаго и осѣдлаго могъ, какъ думали, нагрянуть ежеминутно. Вмѣстѣ съ ротмистрами, ихъ поручиками, то-есть намѣстниками, и войсковыми товарищами, набралось всего въ генеральной радѣ 3.000 голосовъ.

Остророгъ сидѣлъ среди собранія, какъ осужденный на смерть. Онъ и писалъ о себѣ, что самая реляція о Пиливецкомъ бѣгствѣ равняется для него смертной казни. Между членами импровизированной рады были такие, которые дѣлали ему въ глаза жестокіе упреки. Но какъ ни волновалась панская рада въ своемъ раздраженіи, она все-таки была человѣчнѣе козацкой рады, которая на Старцѣ подвергла дикому своему суду полковника Филоненка.

Главнокомандующимъ избрали единодушно Вишневецкаго. Долго не соглашался на трудную и беспадежную въ настоящемъ случаѣ должность нашъ Байдичъ, наконецъ уступилъ критическому времени и страстнымъ просьбамъ собранія, но гетманскую булаву принялъ онъ только подъ условиемъ, чтобы товарищемъ его остался Остророгъ,— и собраніе тотчасъ же приступило съ просьбами къ человѣку, кото-
рого недавно готово было растерзать. Остророгъ не хотѣлъ поль-
зоваться величодушiemъ князя, но его упросили остаться въ своемъ
званіи, для сохраненія достоинства Рѣчи Посполитой, которая сдѣлала
его региментаремъ.

Честь владычествующаго совсѣмъ не честно пола велить упомянуть,
что починтъ прекраснаго общественнаго дѣла принадлежать въ этомъ слу-
чаѣ женщинѣ. Когда собралась рада, и ея первенствующіе члены
затруднялись, въ присутствіи поруганнаго пѣкоторыми Остророга, за-
говорить о перемѣнѣ полководца,— въ костель вошла смѣлая шлях-
тянка, Катерина Слоневскамъ. Она повергла къ ногамъ Вишневецкаго
свое имущество и серебро отъ монахинь кармелитокъ, заклиная кня-
зя именемъ Бога, святыхъ патроновъ края и всѣмъ, что есть драго-
цѣннѣйшаго въ свѣтѣ, стать во главѣ народнаго ополченія и спасать
отечество. Энтузіазмъ ея овладѣлъ всѣмъ собраніемъ, и посрамлен-
ная бѣгствомъ панская честь была возстановлена какъ выборомъ до-
стойнѣйшаго полководца, такъ и его благороднымъ обращеніемъ къ
несчастному сподвижнику.

Немедленно были разосланы универсалы, сзывающіе разсѣянныя
войска подъ Львовъ. Въ виду козакотатарскаго пашествія, жители
не боялись давать подъ простыя расписки значительныя суммы (на-
примѣръ, какой-то Бруховецкій далъ 14.000, а Грабянка 80.000 злоты-
хъ *). Костелы жертвовали своими украшеніями, женщины—драго-
цѣнностями. Въ нѣсколько дней было собрано миллионъ золотыхъ па-
личными деньгами и 300.000 дорогими вещами, то-сесть въ 17 разъ
больше той суммы, какая оказалась въ Коронномъ Скарбѣ во время
конвокациіи. Снарядили 4.360 жолнеровъ, за невозможностью созвать
больше. Остальные деньги раздали ротмистрамъ для вербовки.

Но въ этотъ грозный моментъ Вишневецкій поступилъ такъ,
какъ поступали древніе московскіе государи въ тяжкія времена па-
шествія Татаръ на самую столицу ихъ. Оставаться съ небольшимъ
гарнизономъ во Львовѣ значило бы только—пасть подъ его развали-

*) Одно имя знакомо намъ по известному козаку — предателю, другое—по фальшивому лѣтописцу малорусскому.

нами съ оружіемъ въ рукахъ. Съ него было мало такого подвига. Воспользовавшись непонятною тогда ни для кого медлительностью на-шего Тамерлана, Вишневецкій занялъ сильную крѣпость Замостье, достойный Яна Замойскаго памятникъ, съ цѣлью преградить непріятелю путь къ столицѣ и создать новую армію. Во Львовъ прислали онъ своего ротмистра Цихоцкаго съ 50-ю драгунами, и Цихоцкій не уклонился отъ опаснаго поста. На. Вишневецкаго роптали во Льво-вѣ; но для нась понятно, что онъ, принявъ булаву отъ представи-телей „споткнувшагося“ государства, долженъ былъ служить не од-ному только городу Львову.

Львовская мѣщанская республика не потерялась, однакожъ, отъ этой неожиданности, какъ ни сильно возмутила она съ начала горо-жанъ, люди торговыя вооружились лично и увеличили оставленный имъ ничтожный гарнизонъ, а во главѣ своего ополченія поставили ратмана Грозвайера. Вишневецкій поручилъ оборону Львова генералу артиллерії, Криштофу Артишевскому, ветерану голландской службы въ Америкѣ, завоевавшему Rio-Жанейро. Это былъ родственникъ ста-рыхъ колонизаторовъ кіевскаго пограчичья, владѣльцевъ мѣстечка Липоваго, оставилшій родину изъ религіозныхъ несогласій. Но Арти-шевскій не принялъ званія коменданта, видя недостатокъ въ артил-леристахъ и сѣѣстныхъ припасахъ. Онъ согласился только служить опытными своими совѣтами воинственному городскому ратману, до прибытія ожидаемой помощи изъ Пруссіи.

Тогдашній Львовъ заключалъ въ себѣ всго 400 домовъ, и былъ окруженою, въ видѣ четвероугольника, потомъ—рвомъ, далѣе—валомъ и паконецъ—другой стѣною, укрѣпленною 17-ю башнями. Надъ городомъ возвышался древній, такъ называемый Верхній Замокъ, построенный изъ тесаннаго камня и кирпича въ незапамятныя вре-мена, на высокой среди плоской мѣстности горѣ. Кроме того, съ юга городъ обороняли укрѣпленный монастырь, называвшійся Бернар-дины, съ запада топкія болота, а съ сѣѣвера Нижній Замокъ, укрѣп-ленный сильнѣе прочихъ оборонныхъ пунктовъ.

Но въ военное время составляли важное неудобство два пред-мѣстія, заключавшія въ себѣ 1.500 домовъ и домиковъ. Между пред-мѣстіевъ, на западной и восточной сторонахъ, были разбросаны са-ды, лѣтнія купеческія жилища, пасѣки, виноградники и множество красавыхъ домовъ, костеловъ, монастырей. Здѣсь красовалась на хол-мѣ и знаменитая русинская церковь, „Святый Юръ“. Все это про-странство было обведено, въ приступныхъ мѣстахъ, валомъ, въ пре-дѣлахъ котораго, вмѣстѣ съ городомъ, считалось 30.000 жителей.

Было очевидно, что оба предмѣстья скоро перейдуть въ непріятельскія руки, и предмѣщане должны будутъ уходить въ городъ. Кромѣ голода, который, въ такомъ случаѣ, грозилъ уже издали городу, не меньшая опасность угрожала ему и со стороны Верхняго Замка, который находился въ такомъ же запущенномъ состояніи, въ какомъ были укрѣпленія кіевскія, находились подъ воеводствомъ богатѣйшаго изъ малорусскихъ пановъ, игравшаго притомъ роль охранителя православныхъ святынь. Въ немъ помѣстили покамѣстъ только 50 присланыхъ Вишневецкимъ драгунъ, которые могли дать непріятелю только слабый отпоръ. Занявъ столь важный пунктъ, непріятель могъ обстрѣливать городъ своими полевыми пушками и принудить въ сдачѣ. Это видѣли мѣщане хорошо, и однакожъ рѣшились обороняться.

Скоро появились козаки, въ сопровожденіи Татаръ, къ которымъ подошелъ и знаменитый Тогай-бей съ своей Ордою. Они прорвались въ предмѣстья, сломивъ мѣщанъ, оборонявшихъ валъ и частоколы. Козакамъ помогали мужики, увеличивавшіе массу панскихъ враговъ по мѣрѣ ея движенія впередъ. Предмѣщане съ дѣтьми и пожитками крылись въ костелахъ, ютились у Кармелитовъ, Бернардиновъ, Доминиканъ, у Святаго Юра, бѣжали въ Верхній Замокъ и въ городъ. У городскихъ воротъ столпились тысячи возовъ и народу, подъ защитой пушекъ, отпугивавшихъ непріятеля.

Разъяренные сопротивленіемъ и жадные добычи хмельничане бросились было уже на валы самого города, и ничто бы не остановило ихъ подавляющей массы. Но Хмельницкому было не до занятія и даже не до разоренія городовъ. Къ изумленію своихъ и чужихъ людей, онъ прекратилъ битву въ рѣшительный моментъ.

Непонятны никому дѣйствія опускочителя Польши и вмѣстѣ съ нею Руси внушали козацкимъ кобзарямъ набожные стихи:

Тилько Богъ святый знає,
Що Хмельницький дўмае-гадає...
Про те не знали ні джўры козацькі,
Ні мужі громадзькі:
Тилько Богъ святый знає,
Що Хмельницький дўмае-гадає...

Набожные не меньше кобзарей ксендзы изъ прекращенія битвы въ самую опасную минуту сдѣлали чудо. Передъ козакомъ Тамерланомъ явился въ облакахъ молящійся на колѣняхъ бернардинъ, въ которомъ они безъ труда узнали *Świetego Jana z Dukli*. Этому Св. Яну

изъ Дуки, по удаленіи козаковъ и Татаръ, воздвигли они колѣнопреклоненную статую, существующую и нынѣ.

Не столь были счастливы львовскіе схизматики, спрятавшіеся у Святаго Юра своего, воображая, что козаки пощадять ихъ не только внутри православнаго храма, но и въ самой оградѣ его. Хмельницкій извинялъ „простака“ Кривоноса, который не умѣлъ совладать съ домашними Татарами своими, но теперь самъ оказался такимъ же простакомъ. Козацкая орда сперва перебила или продала ордѣ татарской тѣхъ несчастныхъ, которые столпились вокругъ Святоюрской церкви на цвѣттарѣ *). Спрятавшіеся въ самой церкви заперли двери надежными засовами. Но „борцы за православную вѣру и русскую народность“, по Костомарову *единственные* борцы, продолбили въ стѣнахъ отверстія и стрѣляли внутрь церкви, нужды нѣть, что, по ихъ же кобзарскимъ думамъ, считалось великимъ грѣхомъ—не снять шапки передъ церковью, „домомъ Божіимъ“ и не „положить на себя креста“. Наконецъ запертія двери уступили козацкимъ келепамъ **).

Тогдашній львовскій поэтъ, Армянинъ Зиморовичъ, пѣвецъ полей и мирной сельской жизни, слѣдовательно другъ мѣстной Руси, освѣтилъ передъ нами въ Святомъ Юрѣ картину, напоминающую подвиги Гренковича въ „Межигорскомъ Спасѣ“.

Козаки выволакивали побитыхъ людей на паперть съ крикомъ: *Галай! Галай! бре, гаур!* (прикидываясь Татарами передъ небеснымъ патрономъ родной нашей Владимерії). Когда въ алтарѣ „старый игуменъ“ увѣщевалъ ихъ прекратить разбой, эти ревнители древняго русскаго благочестія, эти единственныи борцы за православную вѣру, допытывались у него, гдѣ спрятаны деньги, а для большаго убѣжденія облили ему голову горілкою и подожгли свѣчками. „Гей, пробі, ***“) христіане! віра! віра!“ кричалъ бѣдняга; но козаки отвѣчали съ малорусскимъ юморомъ своимъ, съ тѣмъ самымъ юморомъ, съ какимъ дарили испасилованымъ шляхтянкамъ алые ленты, *червоні стрічки*: „Батеньку, не трѣба намъ твdei віры, лишѣ дідчихъ грѣшей“.

Такъ поступали освободители Русской Земли и съ другими единовѣрцами своими. Они считали милостью уже и то, что выворачи-

*) Малоруссы донынѣ кладбище (обыкновенно устраиваемое прежде вокругъ церкви) называютъ по-польски цвѣттаремъ (cвѣттарз).

**) Чеканамъ, которые назывались и обухами.

***) Малорусское восклицаніе *пробі!* или *пробу!* заимствовано изъ польскаго *prze Bdg!* (ради Бога).

****) Дьявольскихъ денегъ. (*Дідъко—дьяволъ*).

вали только карманы святоюорцамъ. На вопли о единовѣрії они отвѣчали игриво: „Такъ, такъ, да въ тѣбе лѧцькі грбші; носишъ при собѣ найбльшихъ нашихъ ворогівъ: до мусимо тебѣ скарати“.

Перебивши и обобравши въ святоюорскихъ стѣнахъ живыхъ людей, припались козаки и за мертвыхъ: вскрывали и разбивали гробы львовскихъ борцовъ за православіе, борцовъ дѣйствительныхъ, не такихъ, какими, на посрамленіе національного достоинства нашего, дѣлаются у насть хмельничанъ; выбрасывали полуистлѣвшіе трупы; долбили стѣны, всюду искали спрятанныхъ скарбовъ. Наконецъ добрались и до образа Св. Георгія. На немъ была серебряная шата. Козаки сорвали ее, приговаривая съ обычными своими жартами: „Не здивуй намъ, Святый Юру! прощай намъ за се“, и т. п. *)

Между тѣмъ другіе молодцы, оставшись безъ работы по непопятному повелѣнію гетмана, заняли Шемберкову (нынѣ Вроневскаго) гору, взобрались на кровли опустѣлыхъ костеловъ и домовъ по близу городскаго вала, стрѣляли изъ оконъ, изъ-за угловъ, съ кровель и домовыхъ трубъ въ городъ. Жители рѣшились на отчаянную, хотя давно предвидѣнную, мѣру—сжечь предметы. Ночью былъ подложенъ огонь въ ближайшихъ строеніяхъ, и Львовъ запыпалъ вокругъ своего тѣснаго четвероугольника. Непріятель оставилъ предметы, но зато дымъ душилъ осажденныхъ, а раздуваемое вѣтромъ пламя угрожало пожаромъ и самому городу. Истребленіе Львова посредствомъ огня не входило въ соображеніе нового Батыя, такъ точно какъ и взятие приступомъ. Татары пришли къ нему великой Ордою, и ему теперь надобно было отпустить ихъ. Пилявское бѣгство перемѣнило военный планъ его. Онъ привелъ сюда козацкихъ соратниковъ только для того, чтобы заплатить имъ польскими, жидовскими и русинскими деньгами, выжатыми изъ города, который широко слылъ богатымъ.

На другой же день по сожженіи предметовъ прискакалъ отъ него подъ городскія укрѣпленія гонецъ, держа высоко надъ головой шапку, чтобы по немъ не стрѣляли, и оставилъ воткнутый въ землю шесть съ письмомъ написаннымъ по-русски. Хмельницкій требовалъ выдачи князя Вишневецкаго, Конецпольского и всей бѣглой пляхты; въ противномъ случаѣ грозилъ приступомъ, а Русиновъ увѣщевалъ, чтобы

*) Почитаніе и вмѣстѣ поруганіе иконъ можно встрѣтить еще и теперь въ Козацкомъ Народѣ (независимо отъ штунды). Считаютъ, напримѣръ, грѣхомъ ветхій образъ сжечь. Его пускаютъ на воду. Но иногда ставятъ въ коморѣ, приговаривая: „Нехай мыші лѣвить“.

они въ то время, когда городъ начнутъ грабить, заперлись въ церквахъ.

Требование свое подкрѣпилъ онъ движениемъ на приступъ подъ предводительствомъ знаменитаго Переблѣйоса. Но приступить очевидно, былъ фальшивый, и кончился тѣмъ, что козаки перерубили водопроводныя трубы. Это Хмельницкому было нужно истребленія города. Мѣщане написали къ нему, что ни требуемыхъ пановъ, ни шляхты во Львовѣ нѣть, и просили его не жаждать пролитія христіянской крови.

Вмѣсто отвѣта на просьбу, Хмельницкій, на другой день, велѣлъ штурмовать Верхній Замокъ, теперь уже защищаемый польскими тысячами львовянъ, подъ предводительствомъ бургграфа Братковскаго. Бились они съ козаками мужественно, и цѣлый день отражали приступъ. Зато козаки взяли монастырь Кармелитовъ, и вырѣзали въ немъ все живое, по козацкому выражению, до ноги.

Во время штурма было получено въ городѣ и другое письмо отъ Хмельницкаго, на польскомъ уже языкѣ, съ требованіемъ выдачи Жидовъ, которые де были причиной этой войны: ибо давали деньги на вербовку жолнеровъ противъ козаковъ.

Наші историки сперва повторяли вымыслы кобзарей о жидахъ глумлениі надъ церквами и вѣрою, а потомъ вооружались на нихъ за аренды и откупы, которые кобзарскія думы переносили даже на Самару и Саксаганъ. Но Хмельницкій своимъ письмомъ опровергъ козацкихъ панегіристовъ, указавъ совсѣмъ на иную причину жидаистрѣбленія. И попамъ, и ксендзамъ, и папамъ, и Жидамъ козаки могли повторять искренно слова святоюрскихъ героевъ своихъ: „Батеньку, не трѣба намъ твої віry, лишѣ дідчихъ грошей“.

Мѣщане отвѣчали Хмельницкому, что Жиды — тѣ же подданные короля и Рѣчи Посполитой, несущіе всѣ издержки и подвергающіеся всѣмъ опасностямъ вмѣстѣ съ городомъ.

На третій день Хмельницкій прислалъ грозное требование, чтобы городъ приготовилъ для Татаръ 200.000 дукатовъ. Все, что до сихъ поръ дѣлалъ онъ съ городомъ, и имѣло только эту цѣль, и татарскій побратимъ не ошибся въ своемъ разсчетѣ: сенатъ городской республики называлъ полученную имъ новость *счастливою послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ осажденными бѣдствій*. Онъ просилъ у Хмельницкаго *глѣтта*, или безопаснаго пропуска для своихъ пословъ. Съ этой просьбой отправился въ козацкій тaborъ ксендзъ Андрей Гунель Мокрскій, регулярный капоникъ и эксѣ-іезуитъ, бывшій наставникъ Хмельницкаго въ ярославскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ *).

*) Шляхетская фамилія Мокрскаго существуетъ и нынѣ во Львовѣ.

Не напрасно іезуиты воспитывали юношество въ явныхъ добродѣтеляхъ и въ тайныхъ порокахъ: такое воспитаніе приносило имъ въ житейскихъ дѣлахъ безцѣнную пользу, какъ это было и въ настоящемъ случаѣ. Мокрскій принесъ отъ Хмельницкаго самый благопріятный отвѣтъ. Тогда немедленно были отправлены къ нему городскіе уполномоченные, въ числѣ которыхъ представителемъ Русской улицы, единственno принадлежавшей Руси во Львовѣ, явился Павелъ Лаври-севичъ *).

Глѣйтъ изображали собою два гетманскіе эсаула. Они провели уполномоченныхъ пословъ къ малому костелу Св. Петра. Влѣво отъ него стояла Орда, а вправо занималъ войсковую квартиру Хмельницкій вмѣстѣ съ Тогай-беемъ, котораго называлъ онъ передъ королевскими послами, братомъ своимъ, душою своею, единымъ соколомъ на свѣтѣ. Оттуда велѣли имъѣхать въ Лисеницы, за милю отъ Львова, гдѣ жилъ панъ гетманъ.

Хмельницкій принялъ ихъ ласково и потчивалъ горілкою. Послы плакали, представляя побѣдителю бѣдствія, постигшія городъ ихъ, и молили его уменьшить окупъ. Видя ихъ слезы, воспитанникъ лицемѣровъ по профессії заплакалъ вмѣстѣ съ ними, но не уступилъ ни одного дуката. Онъ произносилъ привычные случаю монологи, обвиняя въ общихъ несчастіяхъ Вишневецкаго и Конецпольскаго. „Вы требуете отъ меня милосердія“ (сказалъ онъ между прочимъ). „Я самъ не испытывалъ его. Довольно вамъ съ меня того, что я оставляю васъ живыми. Это великое милосердіе, и за него вы мнѣ посыпите съ двуми стами тысячъ червоныхъ золотыхъ. Вотъ вамъ оставляю еще Жидовъ, этихъ запачканныхъ плюгавцевъ, и не домогаюсь ихъ, лишь бы только вложили они довольно въ эту сумму, накопивши столько скарбовъ изъ козачества на Українѣ“.

Наконецъ, переговоривъ съ Тогай-беемъ въ открытомъ полѣ, созвалъ онъ въ свѣтлицѣ у предводителя козацкаго загона, полковника Остапа Павлюка, татаро-козацкую раду. Первые мѣста заняли Татары: Тогай-бей съ Султанъ-калгою (первымъ изъ двухъ соправителей хана) и Пирі-агою; послѣ нихъ сѣлъ Хмельницкій съ полковниками. Козаки держали въ рукахъ по золотой булавѣ, украшенной драгоценными каменями. Одна изъ нихъ еще недавно принадлежала „ясноосвѣщенному князю“, не дождавшемуся личнаго поклопа отъ

---

*) Лаврисевичи также существуютъ во Львовѣ, но не знаю, ополячились ли они, или только не доляшествуютъ въ увѣ, которую наши тамошніе соплеменники приняли въ 1720 году.

Хмельницкаго и всего Запорожскаго Войска подъ Пилявцами. Но рада была прервана извѣстіемъ, что верхній замокъ взялъ наконецъ Кри-
вонось, онъ же и Перебійносъ. Дѣйствительно, бургграфъ Братковскій, истощивъ запасъ пороха и пуль, отступилъ еще ночью въ городъ, и козаки, вломившись въ это пристанище смѣшанного народа, рубили съ плеча, сколько было имъ любо *), а остальныхъ, обобравъ до-нага, гнали келепами на продажу Татарамъ. Кровь изъ Верхняго Замка лилась ручьями въ самый городъ, а замковый дворъ нашли потомъ завален-
нымъ тѣлами побитыхъ.

Эта вѣсть напомнила львовскимъ уполномоченнымъ о Полонномъ и ускорила рѣшеніе вопроса между лицедѣемъ страшной сцены и его ужасавшимися зрителями. Уполномоченные обѣщали выплатить окупъ немедленно. Хмельницкій послалъ за получениемъ денегъ пол-
ковника Головацкаго, окозавшагося шляхтича, извѣстнаго своею жадностью къ добычѣ и разратною жизнью, а Тогай-бей, съ своей стороны, послалъ Пири-агу, татарскаго обознаго. Этихъ комиссаровъ сопровождалъ отрядъ мурзъ, есауловъ, козацкихъ и татарскихъ писарей; и только тогда прекратились непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ.

Мѣщане прежде всего задобрали обоихъ комиссаровъ, давши Головацкому 100 талеровъ, да оружіе въ дорогой оправѣ, всего на 1.500 злотыхъ. Пири-ага получилъ всего на 990, его мурзамъ дали 2.100, козацкимъ есауламъ и писарямъ 1.000 злотыхъ. Вся эта хищ-
ная ватага согласилась тогда на униженную просьбу мѣщанъ (при-
прятавшихъ цѣннѣю собственность заблаговременно) засвидѣтельство-
вать передъ вождями, что у нихъ остались только расписки Вишне-
вецкаго въ получении денегъ, что они наличной суммы не имѣютъ,
а предлагаютъ окупъ товарами и всѣмъ, что ни окажется въ городѣ.
Сдѣлана была ревизія костеловъ, церквей, монастырей и городскихъ
домовъ. Татаро-козацкая комиссія всюду брала наличность и всѣ
товары съ драгоцѣнностями по нарицательной цѣнѣ, полотно,
одежду, шапки, сапоги, давая ручательство собственникамъ, что все
это уплатить Рѣчи Посполитой. Собранные такимъ образомъ добро
препровождалось возами въ таборъ побѣдителей. Тогай-бей далеко
превосходилъ въ этомъ случаѣ козаковъ точностью оцѣнки и домога-

*) Въ пѣснѣ о Перебійносѣ, записанной мню самимъ, поется:

Рубае мечемъ головы съ плечей,
А рѣшту топить водью.

тельствомъ. Городъ былъ вынужденъ подарить и самому Хмельницкому богатыхъ одѣждъ и сбруй на 20.000 злотыхъ. Ни одинъ козацкій старшина не остался безъ соотвѣтственного приношенія, а Кривоносъ, воображая себя не менѣе великимъ разбойникомъ, какъ и Хмельницкій, выжалъ изъ мѣщанъ подарковъ тысячу на пять злотыхъ.

Безчестный во всѣхъ отношеніяхъ торгъ продолжался двѣ недѣли. Между тѣмъ Орда распустила свои загоны во всѣ стороны,—за Ирославль, Переяславъ и далѣе по тому Татарскому Шляху, который Кантемиръ-мурза прозвалъ Золотымъ; а Хмельницкій волей и неволей долженъ былъ оставаться подъ Львовомъ, какъ бы на привязи у своего „брата“, не смѣя оставить его здѣсь, точно въ огородѣ козла.

23 (13) октября Тогай-бей съ Султанъ-калгой отступилъ къ Каменцу. На другой день отступилъ къ Замостью Хмельницкій, оставивъ на нѣсколько дней во Львовѣ资料 of his двоюроднаго брата, Захарія Хмельницкаго, съ нѣскоѣкими есаулами и атаманами, какъ ручательство въ безопасности города со стороны переходныхъ козацкихъ купъ, которые сновали въ окрестностяхъ и все еще держали жителей какъ бы въ блокадѣ.

Внутри города между тѣмъ чувствовался мучительный голодъ. Трудно было добыть хлѣба, такъ какъ всѣ гумна, до самого Люблина, были сожжены. Многіе, обѣдившись и тѣснясь въ нездоровыихъ жилищахъ, умирали. Множество валяющихся въ разныхъ мѣстахъ труповъ и падали заражало воздухъ. Настала сильная смертность, такъ что въ три слѣдующіе мѣсяца было похоронено во Львовѣ 7.000 душъ.

Выворотивъ старательно польскіе, армянскіе, жидовскіе и русинскіе карманы во Львовѣ, побѣдопосыпые козаки шли къ Замостью, воображая, что въ самомъ дѣлѣ прогонять Ляховъ за Вислу такъ далеко, что не возвратятся и черезъ три года. Они пѣль приплясывая:

Нуте, козакі! у скдки!
Поберімося у бдки:
Позаганѣймо Ляхівъ за Вислу,
Щобъ не вернулись и въ три роки!

Но Хмельницкій думалъ свою думу. Съ большими ли потерями, или съ малыми, досталась бы ему знаменитая крѣпость Замойскаго, она завоевателю козаку была не нужна. Хмельницкій обманывалъ и ея гарнизонъ, и своихъ сподвижниковъ маневрами приступовъ, лишь бы сорвать взятку съ пановъ, какъ сорвалъ ее съ мѣщанъ, и угомонить своихъ Переображеновъ, которые мечтали о разбойническомъ разбѣствѣ

съ нимъ самимъ. Мысли его летали изъ Москвы на варшавскій избирательный сеймъ и обратно. Онъ сознавалъ, что стоить между двухъ великихъ силъ, изъ которыхъ каждая можетъ подавить его при известной политической комбинаціи. Онъ боялся своего положенія уже и въ Черкасахъ, откуда льстиво писалъ къ московскому царю отъ 8 июня: „По смерти короля Владислава многіе сдѣлались королями въ нашей землѣ, и мы желали бы себѣ самодержца государя такого въ своей земли, какъ ваша царская велеможность, православный христіанскій царь, чтобы предвѣчное пророчество Христа Бога нашего исполнилося, что всѣ въ рукахъ его святые милости“... Онъ, какъ бы извинялся передъ царемъ, что „посередь дороги Запорожской“ побилъ сына Потоцкаго, и что потомъ коронные гетманы „подъ Корсунемъ городомъ попали оба въ неволю“... „Мы ихъ не имали“ (писалъ онъ), „но тѣ люди имали ихъ, которые намъ служили въ той мѣрѣ отъ царя Крымскаго“. Слова *Татары* онъ избѣгалъ передъ „православнымъ христіанскимъ царемъ“: оно было несомнѣстимо съ его увѣренiemъ, что козаки „помираютъ за старожитную греческую вѣру“. Онъ думалъ, какъ думали Поляки, что царь такъ и ухватится за его совѣтъ—поспѣшить наступлениемъ „на то государство, а мы де со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ услугить вашей царской велеможности готовы есмѧ“.

Величавое молчаніе Алексѣя Михайловича, надобно думать, сдѣлало на дерзкаго Хмеля такое впечатлѣніе, какъ молчаніе Сигизмунда III на Северию Наливайя. Мысль о письмѣ къ московскому самодержцу, очевидно, пришла ему въ голову только тогда, когда онъ очутился на загадочномъ распутьи, точно сказочный удалецъ. Съ кіевскими подвижниками, намѣтившими возсоединеніе Руси четверть столѣтія назадъ, не имѣть онъ ничего общаго: иначе — онъ бы отъ нихъ узналъ, какъ слѣдуетъ величать московского самодержца, для которого титулъ имѣть значеніе историческое и политическое: не обратился бы къ нему Хмѣль, точно къ татарскому хану: „Наѧснѣйшій, вельможный и преславный царь Московской, а намъ многомилостивый государь и добродѣтъ“. Молчаніе царя раздражало его до такой степени, что, перехватывая письма къ пограничнымъ воеводамъ царскимъ изъ Украины, онъ перешелъ къ Наливаевской краиности: отъ 29 июня написалъ къ нимъ: „за вашу измѣну Богъ вѣсъ погубить“, и подписался, по адресу православнаго царя, *Божію милостію*.

Въ Москву, между тѣмъ, не могли смотрѣть на козаковъ-днѣпропровцевъ иначе, какъ смотрѣли на нихъ пограничные воеводы, изъ которыхъ одинъ доносилъ о нихъ царю, отъ 7 июня, какъ о „новыхъ

безбожникахъ, которые на кровь христіанскую саблю татарскую спровадили". Что касается призвания царя на польский престолъ, то эта мысль, какъ мы видѣли, давно существовала въ шляхетскихъ умахъ, и занимала ихъ теперь весьма серьезно. Не всѣ въ Рѣчи Посполитой вооружались противъ Оссолинского за его стремление превратить Польшу въ абсолютную монархію: преступный, по мнѣнію однихъ, замыселъ былъ, по мнѣнію другихъ, намѣреніемъ благимъ. Это показывали самые толки о немъ новгородско-верскихъ урядниковъ, Понятовскаго и Красовскаго, о которыхъ была рѣчь выше. Надобно думать, что польские баниты-инфамисты, составлявшіе издавна кадры запорожской вольницы, жаждали перемѣны правленія, которая бы вернула имъ почетное положеніе и освободила отъ козацкой гегемоніи. Хмельницкій чуялъ, къ чему клонится событія, и по-неволѣ долженъ былъ идти за ихъ теченіемъ. Оно привело его и подъ Замостье.

Теперь сила его надъ панами возросла до ужасающей степени, и еслибы то, что писалъ онъ къ „наиасѣйшему, вельможному и преславному царю московскому" выражало его искреннее желаніе, то никогда не было болѣе удобного момента для осуществленія этого желанія. Еще недавно, именно отъ 29 русскаго юля писалъ онъ къ хотмыжскому воеводѣ, Семену Болховскому, благодарственное письмо, за то, что Москва помогать Лахамъ не хочетъ, подзадоривъ православныхъ москвичей извѣстіемъ, будто бы Ляхи „поповъ и духовныхъ нашихъ на колѣ сажаютъ", и выражалъ желаніе, „чтобы въ такомъ времени православный царь о томъ панствѣ (т. е. государствѣ) Польскомъ могъ постаратися"... „Великій русскій патріотъ" кіевскихъ мечтателей могъ бы теперь заставить пановъ предложить польскую корону Алексѣю Михайловичу, какъ ополяченные Жовковскіе заставили бояръ предложить Мономахову шапку Владиславу Жигимонтовичу,— и русское воссоединеніе совершилось бы безъ кровопролитнаго одолѣнія противниковъ его, Выговскихъ, Юрьевъ Хмельницкихъ, Бруховецкихъ, Дорошенковъ, Мазечъ... Но кровавый идолъ козакомановъ до конца не зналъ, что дѣлаетъ и что ему надобно дѣлать, чтобы выбраться изъ омута вѣроломства, торжественныхъ присягъ и всяческихъ предательствъ. Его несла кипучая волна событій, и онъ вѣчно боялся, какъ бы она его не захлеспула. Доказательствомъ служить, между прочимъ, и его пристрастіе къ ворожбамъ и ворожсамъ, которое управляло имъ во времена осады Львова и во времена стоянья подъ Замостью.

Хмельницкій принадлежалъ къ людямъ интеллигентнымъ; но іезуитское воспитаніе на томъ и стояло, чтобы взнудзывать самые бойкіе

умы и сохранять надъ ними такъ или иначе власть. Въ случайной встрѣчѣ козацкаго бунтовщика съ ксендзомъ Мокрскимъ, по всей вѣроятности, скрывалась разгадка вопроса: что подавило и затмило умъ его насчетъ царя, къ которому могущественные события привели таки его наконецъ, черезъ шесть лѣтъ рѣзни, пожеговъ и всевозможныхъ злодѣйствъ. Много ли, или мало было у него такихъ знакомыхъ, какъ Мокрскій, только онъ возжелалъ теперь содѣйствовать избранію на польскій престолъ эксѣ-іезуита и эксѣ-кардинала, королевича Яна Казимира, котораго, по развѣдкамъ царскихъ людей, въ началѣ козацкой войны желала выбрать одна Корона, а Литва и козаки не жалали. Именно трубчевскій воевода, Нащокинъ, доносилъ царю, отъ 8 іюня, о словахъ почепскаго шляхтича, пана Яна Станкевича: „потому де у насъ, Леховъ съ Черкасы война, что де Коруна Польская хочать на королевства королевича Казимѣра, а повѣтъ де Литовской съ Черкасы—на королевства королевича Казимера не хотять“.

Для предварительныхъ переговоровъ съ будущимъ королемъ, Хмельницкій послалъ въ Варшаву того же Мокрскаго. Ему вручилъ онъ и примирительное посланіе къ сеймовымъ панамъ. Въ этомъ посланіи онъ увѣрялъ пановъ, что всему злу виною Александръ Конецпольскій да князь Вишневецкій. Одинъ де былъ виновенъ тѣмъ, что всячески тирианилъ козаковъ и едва не запрягалъ въ ярмо (о чемъ, однакожъ, не было сказано ни въ краткомъ, ни въ пространномъ реестрѣ козацкихъ обидъ), а другой тѣмъ, что нападалъ на нихъ съ войскомъ своимъ, когда они, по разгромѣ коронныхъ гетмановъ, хотѣли вернуться на обычное мѣсто свое, на Запорожье, и позволяль себѣ мучить попадавшихъ въ его руки козаковъ и духовныхъ людей самыми страшными муками. Хмельницкій плакался на свирѣпаго князя, точно какъ будто козаки вели войну съ одними жолнерами, тaborъ противъ табора, какъ будто они не вторгались въ дома мирныхъ помѣщиковыхъ, не избивали однимъ и тѣмъ же махомъ прадѣдовъ и правнуковъ, не наполняли замковъ побитыми женщинами да дѣтьми, не насиливали женъ и дочерей въ виду мужей и отцовъ, не дарили алыхъ лентъ обезображеніемъ дѣвицамъ и не совершили надъ храмами и ихъ усыпальницами всяческаго поруганія, какое только могли придумать ихъ католическіе умы. Козакъ Тамерланъ, издѣвалъся надъ бѣдствіями Шляхетскаго Народа, придавалъ его защитникамъ звѣрскія черты Народа Козацкаго.

Онъ по-прежнему свидѣтельствовался всемогущимъ Богомъ, что только крайняя бѣда и порабощеніе заставили козаковъ такъ оскорбить *маестатъ Божій и ихъ милостей велиможныхъ пановъ*; по-преж-

нему жаловался на грабительство Конецпольского и на наступление Вишневецкаго. Козаки де уже было и верпулись на Запорожье, но князь Вишневецкий, по совѣту ли нѣкоторыхъ пановъ (стоявшихъ за Вишневецкаго на сеймѣ), или собственнымъ упорствомъ, наступилъ на нихъ съ войсками своими; козаковъ и духовныхъ они грабили, мучили, сажали на колъ, буравомъ глаза пробуравливали (этого въ обширной панской перепискѣ, весьма прямодущій и даже враждебной Вишневецкому, *ништѣ*) и иная неслыханная мученія дѣлали. „Вида, что уже и за душами нашими гонятся“ (писалъ Хмельницкій), „мы были принуждены двинуться (опять) и давать отпоръ нашимъ наступателямъ, и это потому, что тутъ настъ успокаиваются ласковыми письмами отъ ихъ милостей пановъ коммиссаровъ, посланныхъ Рѣчью Посполитою, а тутъ, говорясь между собой, съ войсками на насъ наступаютъ. Поэтому шли мы по слѣдамъ князя Вишневецкаго подъ Замостье, имѣя вѣрнныя извѣстія, что князь его милость Вишневецкий опять собираетъ войска, чтобы съ нами воевать. Эти два пана были всему злу причиною. Они своею жадностью и завзятостью едва не въ ничто обратили землю. Вѣдь и князь Вишневецкій за Днѣпромъ былъ точно какъ за пазухой у настъ, а мы его выпустили живымъ, помя о давнишней пріязни... Просимъ отпустить намъ *невольній грѣхъ*“ (папѣвалъ Хмельницкій съ голоса Адама Киселя), „а этихъ пановъ, которые тому причиною, покрыть худою (аѣу тум Panom... zganiono bylo). Если же не будстъ намъ помилованія, и вы начнете противъ насъ воевать, то мы это поймемъ такъ, что вы настъ не желаете имѣть своими слугами, и это было бы намъ весьма горестно“.

Хмельницкій, очевидно, домогался опалы Вишневецкому: только подъ этимъ условіемъ готовъ былъ онъ пощадить пановъ, и въ то же время грозилъ московскимъ подданствомъ.

Сынъ князя Вишневецкаго, Михаиль, царствовалъ въ Польшѣ послѣ Яна Казимира. Вмѣсто Яна Казимира, паны могли бы сдѣлать королемъ Князя Іеремію, и тогда Хмельницкій достигъ бы только того, чего достигли Наливайко, Сулима и Павлюкъ. Никто не зналъ этого лучше его самого, и потому-то онъ заставлялъ безголовыхъ пановъ приписывать ихъ несчастья человѣку, который одинъ былъ способенъ взять ихъ въ крѣпкія руки и спасти политическую свободу Шляхетскаго Народа наперекоръ свободѣ личной, которою такъ несвоевременно величались паны.

Козацкій идеалъ общественности не возвышался надъ сочиненою нашими предками-варварами пословицей: „колибъ хлібъ та одѣжа, то івъ бы козацъ лѣжа“; и Хмельницкій зналъ, что размноженіе ко-

зачества, праздно живущаго продуктами чужаго труда, вызоветъ новую войну съ панами. Ему было необходимо, съ одной стороны, обезпечить себѣ уступчивость короля, а съ другой—разлучить его съ тѣми людьми, которые были способны одушевить шляхетское общество боевымъ энтузиазмомъ. Во всякомъ случаѣ, Польша была сподручнѣе Москвы для козацкихъ *каверз*,—и онъ предпочелъ ослабленіе Польши бунтами усиленію Москвы върноподданствомъ. Самъ ли онъ сочинилъ такой планъ дѣйствій, или же былъ имъ обязанъ интригану Выговскому, только въ этомъ планѣ была начертана погибель Рѣчи Посполитой—и какъ независимаго государства, и какъ хозяйственного общества. Голодный и беспощадный геній Дикихъ Полей, вдохновенный поэзіей Кипчакской орды, воплотился въ орду Козацкую, чтобы пустыяное Посулье и Поросье, вмѣстѣ съ Запорожскою Тмутокачью, распространить до самой Вислы. Вся великая работа колонизаціи Батыевскихъ кочевьевъ, запечатанная кревавыми жертвами и геройскими подвигами, вся многолѣтняя заслуга передъ человѣчествомъ польскому русскимъ рыцаремъ и вмѣстѣ хозяевъ—долженствовали изчезнуть отъ „ко-зацкаго духа“, опустошительного, какъ смертоносный самумъ-гарруръ.

По общему мнѣнію правительствующихъ пановъ, только повый король былъ способенъ отвести грозу козацкаго бунта. Кисель внушилъ имъ, что козаки маестатъ Рѣчи Посполитой ставить ни во что, и признаютъ одну власть—королевскую. „Поэтому-то“ (говорилъ доматорскій оракулъ) „Хмельницкій не пишется иначе, какъ гетманомъ Войска его королевской милости Запорожскаго, нужды пѣть, что Рѣчъ Посполитая титуловала его просто гетманомъ Войска Запорожскаго. Король у козаковъ есть нечто божественное. Именемъ короля началася козацкій бунтъ, именемъ короля онъ и утихнетъ“.

Слова Киселя были водою, падавшею на колеса Хмельницкаго. Паны приступили немедленно къ избранію и избрали не московскаго царя, который сохранилъ бы отъ гибели миллионы человѣческихъ жизней,—избрали не отца будущаго короля, который спасъ бы имъ миллиарды червонцевъ, заслуженные предками,—пѣть, они, вмѣсто защитниковъ ихъ жизни, ихъ имущества и чести, избрали такого государа, какой былъ нуженъ козаку Тамерлану.

Г л а в а XVIII.

Воспитаніе и характеръ короля, избраннаго по указанію козацкаго гетмана.—
Монахъ-разстрига на польскомъ престолѣ.—Избирательный сеймъ.

Янъ Казимиръ родился въ 1609 году. Въ это время всѣ добра князей Острожскихъ перешли уже въ католическія руки. Младшій сынъ Князя Василія, Константінъ, умеръ, въ католическомъ самоистязаніи послѣ распутной жизни, въ 1600 году; средній, Александръ, носившій только для виду „образъ русскаго благочестія“, — въ 1603 году; а самъ Князь Василій — въ 1608-мъ. Наслѣдникамъ „Острожчины“, составлявшей, можно сказать, государство въ государствахъ пановъ сравнительно съ Острожскими мелкопомѣстными, сдѣлся князь Янушъ Острожскій, первородный сынъ Князя Василія, „католикъ съ колыбели“, крещенный и воспитанный знаменитымъ іезуитомъ, Петромъ Скаргою.

Это было важнымъ для Римской Куріи завоеваніемъ. Но она имѣла тогда въ виду несравненно больше: была надежда присоединить къ Польшѣ Московское Царство, какъ нѣкогда было присоединено Великое Княжество Литовскіе. Сигизмундъ, по выраженію малорусской лѣтописи, „яровитый католикъ“, который бы не попозорился привести подъ папу цѣлый свѣтъ, повелъ въ московскіе предѣлы 29.000 войска, чтобы возсѣсть на престолѣ великихъ собирателей Русской Земли, и это дѣло казалось Полякамъ возможнымъ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ родился будущій король, которому было суждено, получивъ корону изъ кровавыхъ рукъ атамана запорожской вольницы, бороться во главѣ Шляхетскаго Народа съ тѣми классами населенія Польши, которые не принадлежали къ государственнымъ сословіямъ!

Іезуиты занялись воспитаніемъ Яна Казимира, на всякий случай, весьма старательно. Слабое здоровье королевича не позволяло имъ вооружать его умъ научными знаніями. Они работали почти исключи-

тельно надъ религіозностью бѣднаго мальчика, такъ что въ юномъ возрастѣ онъ уже обнаруживалъ „искусство въ богословскихъ тонкостяхъ“. О Сигизмундѣ III говорили, что онъ былъ іезуитскимъ *терциаломъ*, то есть принадлежалъ къ ордену, котораго цѣлью было истребленіе еретиковъ. Дѣйствительно, въ его царствованіе іезуиты были въ Польшѣ силою, овладѣвшою не только должностями, но и всѣми общественными дѣлами, а королевские проповѣдники и духовники часто давали направление важнѣйшимъ государственнымъ интересамъ. Видя всеобщее къ нимъ почтеніе, малолѣтній королевичъ смотрѣлъ на нихъ съ богомольнымъ благоговѣніемъ, какъ на пророковъ.

Янъ Казимиръ до такой степени былъ подавленъ господствовавшею при королевскомъ дворѣ святостью, что, будучи 23-лѣтнимъ юношю, не имѣлъ права бесѣдоватъ съ кѣмъ бы то ни было безъ свидѣтелей, а людей стороннихъ не допускали къ нему вовсе,—и, однажды, въ наукѣ пользованья запретнымъ плодомъ отнюдь не остался профаномъ. Сдѣлавшись на конецъ господиномъ своей воли, по смерти родителей, продолжалъ онъ вести праздную жизнь, на которую была осуждена юность его. Природа, наслѣдовавшая имъ отъ беспокойныхъ Норманновъ Вазъ, находила удовлетвореніе только въ томъ, что ее возбуждало. Притворная и мертвенная святость осталась ни при чемъ: она у Яна Казимира сдѣлалась только ширмами для всего скандальнаго, какъ это водилось въ іезуитской Польшѣ сплошь да рядомъ.

Поляки, выплясывая подъ іезуитскую дудку передъ Европой пласку политического величія и религіознаго героизма, дѣлали изъ Яна Казимира воина и патріота; но теперь, изучивъ закулисную сторону былоаго, выработали такое мнѣніе о своемъ королѣ, возвѣденномъ на престолъ *коварнымъ козакомъ*:

„Слабый умомъ и лѣнивый отъ природы, онъ, послѣ цѣлыхъ мѣсяціевъ бездѣствія и удаленія отъ людей, посвящалъ недѣли на религіозныя упражненія (*ćwiczenia religijne*) въ видѣ дѣятельности, и становился ко всему равнодушенъ, что занимало его въ праздности, а потомъ дѣлалъ такой шагъ, котораго никто бы отъ него не ожидалъ. Онъ былъ способенъ рисковать жизнью, короною, родомъ своимъ и даже вѣрою, когда они ему надоѣдали“.

Маленькаго роста, тщедушный и хилый, лицомъ Янъ Казимиръ былъ безобразенъ. Нижняя челюсть выдавалась у него грубо впередъ; губы непріятно были вздуты, цвѣтъ лица — смуглый, а слѣды осыпѣ еще больше дѣлали его безобразнымъ. Но іезуиты научили своего питомца тому, что, подъ испанскимъ названіемъ *grandezza*, считалось важнѣе всего важнаго въ человѣкѣ — сановитомъ. Онъ строилъ цар-

ственную мину и, если хотѣль, то держалъ себя съ театральнымъ до-
стоинствомъ.

Поляковъ ненавидѣлъ Яна Казимира открыто, и этимъ—замѣчу
мимоходомъ—свидѣтельствовалъ, что въ ихъ природѣ было много хо-
рошаго; вель себя надменно, точно какой-нибудь Вильгельмъ Завое-
ватель, проводилъ время съ иностранцами и, по одѣждѣ, самъ казал-
ся иностранцемъ.

Для того, чтобы Поляки, не извращенные до конца іезуитствомъ,
отвѣчали своему королевичу ненавистью и презрѣніемъ, было доста-
точно одного: Янъ Казимиръ по цѣлымъ днямъ забавлялся карликами,
собаками, обезьянами и птицами, а потомъ предавался грубому раз-
врату, но при этомъ всегда возилъ съ собой пять-шесть іезуитовъ, а
въ передней у него ежедневно служили мессу, который самъ онъ ни-
когда не слушалъ.

Все это разсказываетъ объ избранникѣ нашего Хмеля современ-
ная намъ польская исторіографія.

Еще большее долженъ быть внушить презрѣнія людямъ достой-
нымъ королевичъ, когда, арестованный во Франціи, какъ испанскій
шпіонъ, выдалъ правительству особу, которая пыталась освободить его
изъ заключенія, и написалъ къ мѣстному губернатору, что, въ награ-
ду за это, ожидаетъ смягченія тюремныхъ строгостей, а потомъ, буду-
чи на свободѣ, дозволилъ выпустить въ свѣтъ книгу о своемъ арестѣ
и тюремной жизни съ пропечатаніемъ въ ней позорнаго письма къ
губернатору *).

Почти двухлѣтнее пребываніе въ заточеніи и разстроенные фи-
нансы привели Яна Казимира къ мысли о вступленіи въ орденъ іезу-
итовъ. Возненавидѣвъ Поляковъ еще больше за ихъ ненависть и ску-
пость къ нему, отправился онъ въ Римъ и сдѣлался іезуитскимъ по-
слушникомъ, отвергая всѣ почести, съ которыми принимали его въ
монастырь, валяясь въ ногахъ у настоятеля и дѣлая изъ себя въ Ри-
мѣ всевозможныя выставки религіознаго уничиженія.

Іезуиты торжествовали, что „принцъ, насчитывавшій въ своемъ
роду болѣе 50 королей, родственникъ первенствующихъ въ христіян-
ствѣ монарховъ, родной братъ могущественнаго польскаго короля,
предполагаемый наслѣдникъ двухъ коронъ,— что такой принцъ, во
цвѣтѣ лѣтъ, оставляетъ смѣло всѣ радости и великолѣтія земныя, что-

*.) Книга эта появилась черезъ три года по возвращеніи Яна Казимира въ
Польшу, подъ заглавіемъ: Serenissimi Johannis Casimiri P. S. Principis Cae-
ter Gallicus. Gedani, 1644.

бы обезпечить за собой царство небесное"; а смиренный послушникъ писалъ въ Польшу, что „избранную имъ жизнь можно сравнить только съ райскою, и ничто въ свѣтѣ, никакія багряницы и короны не въ силахъ отвлечь его отъ этого предпріятія“.

Владиславъ IV принималъ всевозможныя мѣры, чтобы возвратить брата въ міръ. Іезуитскій послушникъ отвѣчалъ ему, что „еслибы онъ сдѣлалъ такой недостойный шагъ“, то на всемъ ихъ роду „тяготѣло бы позорное пятно“, и по всему свѣту говорили бы, что „нашелся въ ихъ королевскомъ родствѣ такой, на которого можно указывать пальцемъ и насмѣхаться итальянскою поговоркою бывшій монахъ, разстрѣга (fratre frattato)“,

Но монастырская комедія кончилась освобожденіемъ Яна Казимира изъ монастыря посредствомъ выпрошеннай имъ у папы кардинальской шляпы, а званіе кардинала сложилъ онъ съ себя для тайного исканія себѣ невѣсты у тѣхъ дворовъ, которые давали больше приданаго.

Несмотря на то, что, по польскому обычаю, его считали первымъ кандидатомъ на престолъ бездѣтнаго брата, съ нимъ обходились въ Польшѣ крайне презрительно, какъ за то, что я представилъ здѣсь со словъ самихъ Поляковъ, для освѣщенія лицъ и событий истиннымъ свѣтомъ, такъ и за многое другое, о чемъ нѣть надобности распространяться. Но примирило съ нимъ пановъ такое обстоятельство, которое не дѣлаетъ чести ни имъ самимъ, ни ихъ избраннику.

Еще во время сидѣнья Яна Казимира во французской тюрьмѣ, придворные Людовика XIII навязывали ему въ невѣсты принцессу Марію Гонзага. Неизвѣстно, что въ будущей супругѣ Владислава IV оттолкнуло королевича до такой степени, что онъ предпочелъ остаться узникомъ въ дымной и холодной камерѣ, подъ грубымъ присмотромъ тюремщиковъ. Теперь правители Польши сообразили, что содержать разомъ двухъ королевъ было бы для нихъ накладно, а Янъ Казимиръ увидѣлъ, что дорога къ престолу лежитъ ему только черезъ спальню вдовы брата,—и постыдная для обѣихъ сторонъ сдѣлка состоялась.

Но несравненно большій стыдъ и срамъ покрылъ олигархическую республику въ томъ отношеніи, что на ея вѣсы, при взвѣшиваніи, быть или не быть іезуиту - разстрѣгѣ королемъ, бросилъ свой мечъ, вѣрнѣе сказать—свой разбойничій ножъ, предводитель козако-татарской орды, и перевѣсили всѣ мнѣнія до такой степени въ пользу разстрѣги, что литовскій канцлеръ записалъ въ своемъ дневнике: „По всеобщемъ одобреніи, было принято избраніе, и мы единимъ го-

лосомъ и единствомъ сердцемъ колѣнопреклоненно воспѣли Te Deum⁴; а сеймовой дневникъ, на память потомству, изобразилъ такое зрѣлище: „...Его милость ксендзъ примасъ, обпаживъ голову (detecto capite), что и всѣ сдѣлали, произнесъ: Согласно свободнымъ голосамъ (liberis suffragiis) вашихъ милостей, я именую избраннаго короля Яна Казимира, да царствуетъ многолѣтнѣйше и счастливѣйше (ut diutissime et felicissime vivat). Послѣ слова vivat всѣ съ невыразимою радостью кричали съ полчаса или болѣе vivat! vivat! vivat! Въ отвѣтъ на это гранули пушки, гранула армата выстроенныхъ въ полѣ войскъ. Радостныя восклицанія прошибали небо. Между тѣмъ, по старинному обычаю, преклонивъ колѣни на снѣгу, съ открытыми головами, пѣли: Тебѣ Бога хвалимъ. (Interim more antiquo ukleknawszy na śniegu, detectis capitibus Te Deum laudamus śpiewali)⁵.

Эта было возмездіе русскихъ судебъ за того бродягу, называемаго въ свое время бѣглымъ разстріого монахомъ, котораго польскіе паны признали истиннымъ царевичемъ и довели Москву до постыднаго хваленія за него Бога „колѣнопреклоненно единствомъ голосомъ и единствомъ сердцемъ“. Въ настоящемъ положеніи дѣль, фактъ избранія королемъ человѣка, въ сравненіи съ которымъ даже московскій Лжедимитрій былъ не совсѣмъ негодяемъ, — этотъ поразительный фактъ, подобно поднятому надъ Польшой факелу, вдругъ освѣтилъ множество подлыхъ лицъ, которыхъ, въ полуумракѣ исторіи, казались лицами честныхъ людей.

Хмельницкій хвалился, что, еслибы паны выбрали другаго короля, тогда бы онъ пошелъ на Krakовъ и даль бы корону тому, кому захотѣль. Первымъ его привѣтствиемъ новоизбранному государю было адресованное еще къ „шведскому королю“ (какъ титуловали Яна Казимира) письмо, въ которомъ онъ предлагалъ себя сму къ услугамъ, еслибы какой сторонній королекъ вздумалъ „спихнуть его съ престола“, а къ письму была приложена просьба къ сенаторамъ о помилованіи и примиреніи; еслибы же паны не пожелали мира, то Хмель объявлялъ, что будетъ искать его въ Варшавѣ, въ Krakовѣ, въ Познани, а, пожалуй, и въ Данцигѣ: просьба, напоминающая легендарнаго гайдамаку, который убивалъ одного попа послѣ другаго, за то что они не находили покуты на его страшные грѣхи.

Новый король прежде всего послалъ Хмельницкому такъ называемое повелѣніе, а въ сущности молящую просьбу — возвратиться въ Украину.

Хмельницкій повиновался королевскому повелѣнію безотлагательно. Не противъ короля, а посредствомъ короля, желалъ опять воевать,

зная, что чѣмъ больше козаки станутъ поддерживать королевскую власть, тѣмъ невозвратнѣе раздѣлится на ся панское государство, сложившееся въ силу борьбы олигархического многоначалія — съ одной стороны — съ монархическимъ единонаачаліемъ, а съ другой — съ охлократическимъ безнаачаліемъ.

Козацкіе вожаки шляхтичи — и всѣхъ больше Хмельницкій — не безъ пользы для себя провели время въ іезуитскихъ школахъ и въ томъ обществѣ, которое предоставило іезуитамъ заботу о народномъ просвѣщеніи. Іезуиты заставляли русскихъ людей изъ развалинъ православной Руси созидать могущество католической Польши. Оказавшіеся питомцы іезуитовъ заставляли природныхъ и дѣланныхъ Поляковъ разрушать католическую Польшу, какъ бы въ отместку за ея подкопы подъ православную Русь. Видя, что паны какъ нельзя больше способствуютъ ихъ замыслу, козаки въ дѣлѣ крушенія, составлявшемъ ихъ специальность, взяли на себя только самую дешевую роль, которую кобзари ихъ выразили въ слѣдующихъ словахъ:

Гей, друї молодці,
Братыя козакі запорозці!
Добре дбайте, барзо гадайте,
Ізъ Ляхами піво варити зачинайте:
Ліп'цький солодъ, козацька вода,
Ліп'цькі дрова, козацькі труды.

На королевское повелѣніе Хмельницкій отвѣчалъ заискивающимъ и ласкательнымъ письмомъ, — стялъ мягко, чтобы панамъ было спать жестко. Въ отвѣтъ на это письмо, немедленно былъ отправленъ по слѣдамъ удаляющагося Тамерлана любезный ему ксепедъ Мокрскій съ благодарственнымъ письмомъ, въ которомъ царственность новаго короля играла такую же несоответственную роль, какъ въ письмѣ удаляющагося Тамерлана — вѣрнооподданство. Янъ Казимиръ обѣщалъ *insignia*, слѣдующія Запорожскому Войску, то есть булаву и знамя, на подтвержденіе старшинства, прислать вскорѣ, по примѣру своихъ предшественниковъ, не кому иному, а ему (Хмельницкому), точно какъ будто могъ и смѣлъ наименовать козацкимъ гетманомъ кого-нибудь другаго. Все кровавое и ужасное въ поступкахъ Запорожского Войска король обѣщалъ прикрыть милосердіемъ своего маestата и принять Запорожское Войско подъ непосредственную свою и Рѣчи Посполитой власть, чтобы оно не имѣло надъ собой много пановъ. Относительно просьбы Хмельницкаго объ унії король давалъ обѣщаніе удовлетворить козаковъ надлежащими средствами (*słusznem i srod-*

kami), для чего въ свое время приспелъ комиссаровъ на извѣстное място. Отъ Хмельницкаго требовалъ онъ, точно отъ кого путнаго, чтобы онъ отпустилъ Татаръ, усмирилъ чернь и ожидалъ въ Украинѣ королевскихъ комиссаровъ.

Эта транзакція побѣжденныхъ съ побѣдителемъ допила до царскаго гонца, Кунакова, въ такомъ видѣ, что короли послалъ Хмельницкому булаву и знамя безъ вѣдома Рѣчи Посполитой, „и за то де паны рада и вся Рѣчъ Посполитая на короля приходили (ст.) шумомъ и говорили королю: имъ де отъ Богдана Хмельницкаго и отъ Кривоноса и отъ Черкасъ разоренъ и школы и крови розлитыя многое, чего не бывало, какъ и Польское королевство почалось быть, а король де ихъ (Черкасъ) шапустъ, что пріятелей своихъ, такихъ леберизантовъ“.

Долетая, въ свою очередь, до Хмельницкаго, такая молва ласкала его ухо пріятно. Въ ложномъ слухѣ, волновавшемъ Шляхетчину, высказывалась рознь, всѣянная козацкими каверзами между тѣхъ, которые воспѣли Те Деum единимъ голосомъ и единимъ сердцемъ, подъ давленiemъ побѣдителей.

Въ качествѣ королевскаго слуги и единомышленника, Хмельницкій издалъ универсалъ къ волынскимъ дворянамъ, въ которомъ утверждавъ ихъ не замышлять ничего противъ греческой вѣры и противъ своихъ подданныхъ, пропагандируя такимъ образомъ слухъ, что козаки воюютъ за угнетеніе православныхъ, а жить съ пими въ согласии и содержать ихъ въ своей милости. Въ переводѣ на языкъ дѣйствительности, это значило, чтобы пастухи ладили съ волками, чтобы собственники были благосклонны къ хищникамъ. Могъ ли позакупной мужикъ мирно работать въ пользу землевладѣльца и довольствоваться установленію долею своего производства послѣ того, когда все панско добро принадлежало ему отъ Цыбульника и Тясмина до Вислы и Западнаго Буга? Могъ ли землевладѣлецъ содержать въ милости мужиковъ, которые, по донесенію Кунакова, „у панскихъ женъ у беременныхъ брюха распарывали и многое ругательство дѣлали“? Между тѣмъ не только кровавое мщеніе, но даже взысканіе за новыя злодѣйства и неистовства, по затверженной формулѣ козацкаго бунта, неизбѣжно должно было явиться, въ устахъ городской и сельской голоты, ляшскимъ наступленiemъ на христіанскую вѣру и панскимъ свирѣпствомъ надъ подданными. Хмельницкій зналъ, что съ обѣихъ сторонъ поднимутся новые волни, и заблаговременно объявлялъ себя сторонникомъ голоты. „А если, сохрани, Боже“, (писалъ онъ), „кто-нибудь упрямый и злой задумаетъ проливать христіанскую кровь и

мучить убогихъ людей, то, какъ скоро вѣсть объ этомъ дойдетъ до насъ,—виновный нарушитель мира и спокойствія, возстановленаго его королевскою милостью, доведетъ *Рѣчи Посполитую до погибели*.

Увѣщательнымъ универсаломъ къ землевладѣльцамъ Хмельницкій давалъ окозаченпой черни программу дальнѣйшихъ дѣйствій. Она была изображена въ этомъ универсалѣ безвинно страдающею, а шляхта—фанатически свирѣпствующею. Война, въ видѣ разбоя, прекратилась только тамъ, где пановалъ одинъ мужикъ среди вѣмыхъ остатковъ панскихъ домовъ и хозяйственныхъ построекъ. Голимый низовымъ вѣтромъ, пожаръ дымился только тамъ, где уже нечemu было горѣть. Но край, не претерпѣвшій еще полной руины, продолжалъ пылать пламенемъ и обливаться кровью. Подобному тому какъ, во время бѣдственнаго шествія Адама Киселя, съ оливковой вѣтвию мира къ Хмельницкому, свирѣпый хитрецъ дѣлалъ видъ, будто бы даже не знаетъ о готовности безгосударнаго королевства къ миру,—теперь онъ сочинилъ новый актъ бѣсовской комедіи передъ новопоставленнымъ имъ же самимъ королемъ, его безсмысленнымъ оправдателемъ. Повторивъ надъ Бѣлоруссіей Паливайщину, Хмельницкій жаловался на бѣлорусскихъ пановъ, что они своими жестокостями не даютъ ему успокоить православный народъ, упять кровопролитіе, примирить обоюдную вражду, и грозилъ Рѣчи Посполитой „погибелю“. Послѣ Пинска, Кобриня, Бреста, Быховъ, Попова Гора, Мозыря, Стародубъ, Мгинъ пылали одинъ за другимъ подъ дыханіемъ низового днѣпровскаго вѣтра, который запорожцы, играя съ человѣческимъ сердцемъ звѣрски, называли *тихимъ*:

Ой изъ низу Дніпра тихий вітеръ вѣ-повівѣ,
Військо козацьке запорозьке въ походѣ выступає.

Только Богъ святый знає,
Що Хмельницкій думаетъ-гадає.

Тихій вітеръ въ дикой поэзіи кобзарей былъ эмблемою подкрадывалъ волка къ его добычѣ, или поджигателя къ папскому добру. Не прекращающіеся пожары были вѣстниками новыхъ пожаровъ, погнаго человѣконистребленія. Въ виду козацкаго вѣроподданства, король не спалъ, на которую погу ступить; но на которую бы ни ступилъ онъ, только *погибелъ Рѣчи Посполитой*, заповѣданная козацкимъ гетманомъ, могла кончить козацкіе счеты съ папами.

Тѣмъ не менѣе Янъ Казимиръ долженъ быть дѣлать, чтѣ называется *bonne mine* въ игрѣ, для которой годился менѣе каждого изъ

своихъ руководителей,—и въ инструкціи на сеймики передъ коронаціоннымъ сеймомъ разнеслись по государству звонкія слова сочинителя инструкціи, Оссолинскаго,—что всемогущій Богъ дѣлаетъ королей намѣстниками своей власти; что новоизбранный король приписываетъ свое возвышеніе, во первыхъ, десницѣ Najwyższego Pana, а потомъ—свободнымъ и единодушнымъ голосамъ избирателей, которые де оцѣнили, какъ благодѣянія и заслуги его королевскаго дома, такъ и собственные его любовь отечеству, труды и отважные подвиги.

Подъ отважными подвигами разумѣлось участіе въ походѣ подъ Смоленскъ. Король Владиславъ сдѣлалъ тогда вѣчно празднаго брата командромъ пѣхотнаго полка, павербованнаго за деньги Рѣчи Посполитой. Этотъ полкъ ограбилъ по пути пинское старство князя Альбрехта Радивила, литовскаго канцлера. Радивилъ жаловался королю. Король выразилъ сочувствіе горю могущественнаго магната; по королевичъ обнаружилъ такую отвагу, что на жалобу Ридивила отвѣчалъ сурово: „Это сдѣлано по моему приказанію“.—„Итакъ мы, взаимно раздраженные, расстались“, записалъ въ своемъ дневникѣ Радивиль.

Больше никакихъ отважныхъ подвиговъ не совершилъ Янъ Казимиръ во внѣшніхъ и внутреннихъ войнахъ Рѣчи Посполитой. Но такова была беспомощность Шляхетскаго Народа въ борьбѣ съ Народомъ Козацкимъ, что теперь литовскій канцлеръ, тотъ же самый князь Альбрехтъ Станиславъ Радивиль, писалъ въ своемъ дневнике: „Явное дѣло, что Божественное Пророчество, по своему милосердію, дало намъ этого короля“. И потомъ далъ: „Янъ Казимиръ искренно признался мнѣ, что всю свою надежду (относительно престола) полагалъ въ Богъ и въ представительствѣ Matki Przenajsiwtszej, которой чудотворный образъ въ Червенскѣ часто навѣщалъ онъ, отдавая подъ ея опеку судьбы своего избранія и своей жизни“.

Наставникъ покойнаго короля въ присягѣ словомъ, но не намѣреніемъ, понималъ Божіе милосердіе вовсе не такъ, какъ понимаетъ его Малоруссъ: „робѣ, небоже, до й Богъ поможе“,—понималъ безъ всякой связи помощи Божіей съ заслугою, или съ покаяніемъ, сопровожденнымъ „плодомъ, достойнымъ покаянія“: религіозность шагунская!... Потомокъ литворусскихъ князей и предводитель католической партіи въ Польшѣ, Радивилъ отличался состраданіемъ къ людямъ бѣдствующимъ. Въ драгоценномъ для историка дневникѣ своемъ онъ много разъ высказался въ пользу чернорабочаго и вообще убогаго класса, терпѣвшаго отъ панскихъ жолнеровъ и отъ самихъ пановъ. Никто не отнесся къ Пиливецкому бѣгству съ болѣшимъ прамодушіемъ, какъ онъ. По его словамъ, стоявшее подъ Пиливцами войско могло бы взять

самый Константинополь; а къ полководцамъ этого войска онъ примѣнилъ пословицу: „войско оленей подъ начальствомъ льва лучше войска львовъ подъ начальствомъ олена“,—„Надъ ними“ (говорить онъ) „исполнилось слово, что одинъ гналъ тысячу, а два—десятое тысячу. Но здѣсь бѣжали *или отъ кого*: ибо гордость, распутство, угнетеніе и мученіе убогихъ людей, вотъ тѣ, которые нападали на нихъ! По его мнѣнію, только милость Божія сохранила Шляхетскій Народъ отъ гибели, пріодержавъ непріятеля. Онъ обвинялъ пилиавецкихъ бѣглецовъ не только въ безсмысленной роскоши, но и въ томъ, что они предавались всякаго рода разврату, служа Венерѣ и Бахусу,—обвинялъ не только въ крайней беззаботности относительно добыванія вѣстей, но и въ томъ, что, замышляя бѣгство, таились передъ войскомъ со своими сборами. Наконецъ, въ полномъ собраніи сейма онъ объявилъ, что оставленные палами въ козацкихъ рукахъ возы „были нагружены имуществомъ хлонскимъ, а потому хлопамъ и достали“. Тѣмъ не менѣе соглашался онъ съ войсковыми послами, что и громадный войска, за свои грѣхи, подвергаются разсѣянію: ибо Господь мѣшаетъ событыи ихъ; по чѣтое не надобно терять надежды: покаравъ одинъ разъ (за грѣхи), въ другой разъ онъ подаетъ милосердную руку помощи (за то,—не сказано).

Въ этой клерикальной доктринѣ, діаметрально противоположной русскому „на Бога надѣйся, а самъ не плошай“, таится неотвратимая причина паденія польского общества, а съ нимъ—и государства. „Убогіе люди“ могли плакать себѣ и „прошибать воцлами пебо“ по-старому; по-старому панскіе жолнеры, съ разрѣшеніемъ такихъ вождей, какимъ былъ Янъ Казимиръ, могли опустошать родной край непріятельски; по-старому поклонникъ богатства и наслѣдственной знатности, въ родѣ Киселя, могли избирать оленей въ предводители львамъ, а эти львы—предаваться, въ виду непріятеля, Венерѣ да Бахусу выѣсто служенія Марсу... Въ такомъ положеніи дѣль пускай только „Іезузовы брацишки“ да „особенные коханки Найсвѣтшей Папы“ не прекращеннымъ хваленіемъ Бога во Святой Троицѣ призовутъ на грѣшниковъ Его милосердіе, и всеблагій Господь, покаравъ грѣшниковъ одинъ разъ, въ другой разъ тѣмъ же неисправимымъ грѣшникамъ подастъ милосердно руку помощи.

Проникнутый насквозь такою доктриною, потомокъ литворусскихъ православныхъ князей видѣлъ причину общихъ бѣдствій не въ чемъ иномъ, какъ въ разновѣріи края, подобно многимъ такимъ же пабожнымъ, такимъ же добрымъ и сострадательнымъ людямъ. Онъ забывалъ, что край русскихъ предковъ его былъ когда-то единовѣрный и един-

племенний, по въ него обманомъ и насилиемъ вошла чужая вѣра съ чужой национальностью и назвала вѣру аборигеновъ схизмою, а по этическую национальность — хлопствомъ. Онъ забывалъ и не хотѣлъ знать, что, возставая противъ религіозныхъ воззрѣній пришельцевъ, многое множество передовыхъ русскихъ людей искали свѣта истини въ нѣмецкомъ вѣроученіи и пали съ его мнимыхъ высотъ въ омутъ католичества, увеличивая собою массу прямыхъ отступниковъ древняго русскаго благочестія. Онъ смотрѣлъ клерикально на то, что и для поколебленныхъ, но остававшихся еще при своей предковской вѣрѣ, была изобрѣтена ловушка въ видѣ якобы спасительной учіи. Игнорируя въ умѣ своемъ и въ совѣсти причины разновѣрія, государственный человѣкъ и своего рода мудрецъ горевалъ всей душой о его послѣдствіяхъ. Въ качествѣ ренегата предковщины своей, онъ смотрѣлъ на тѣхъ, которые оставались единовѣрцами предковъ своихъ, какъ на какихъ-то пришельцевъ, смѣшивалъ ихъ интересы съ крова-выми интересами людей, совершившихъ свои злодѣйства подъ знаменемъ вѣры, и терялъ голову отъ того, что въ собственномъ роду его, въ роду князей Радивиловъ, являлись такие же враги паповъ-католиковъ подъ знаменемъ протестантовъ, какими были козаки подъ знаменемъ православниковъ. На одномъ и томъ же листѣ дневника своего онъ описываетъ нещрѣтельскія дѣйствія иновѣрныхъ земляковъ своихъ, бѣлорусскихъ протестантовъ, и тутъ же изображаетъ другихъ земляковъ-иновѣрцевъ, украинскихъ православниковъ. Этотъ листокъ его дневника краткимъ своимъ разсказомъ проливаетъ свѣтъ на всю исторію римской политики, воспринятой Польшею.

„25 (15) ноября“ (пишетъ Радивиль) „выѣхалъ я изъ Варшавы въ мое Гнѣвское старство. Наше литовское войско отвоевало у козаковъ, послѣ 14-дневной борьбы, Пинскъ. Оно падѣло много греда и опустошенія въ староствѣ, подъ начальствомъ своего потаковника-еретика, региментаря Мирскаго. Сожжены тамъ іезуитскій костелъ съ коллегіумомъ и костелъ Св. Франциска; перебито 14.000 молодыхъ и старыхъ людей, лупы взяты великие. Но жолнерская вольница не удовлетворилась и этимъ: она стояла 10 недѣль въ пинскомъ мѣстечкѣ Мотолѣ и угнетала подданныхъ по-непріятельски, не щадя ни людей, ни имущества; даже забирала женщинъ въ неволю. Нельзя выразить, какъ обогатился жолнеръ, ограбивъ городъ и побѣгъ. А между тѣмъ (литовскій) гетманъ лежалъ въ Брестѣ, неизвѣстно чѣмъ хворая, и хоть я просилъ вывести оттуда войско, но ничего не вы-просилъ; напротивъ, онъ расквартировалъ его и держалъ двѣ недѣли въ другомъ мѣстечкѣ, называемемся Нобель. Тамъ бѣдные подданные

страшно угнетены, а мой внукъ (литовскій гетманъ) отписалъ мнѣ, подшучивая надо мною, что жолнеру надобно зимой погрѣть руки, а на другое мое письмо не отвѣчалъ вовсе. Итакъ я, за мои грѣхи, и отъ козаковъ и отъ моего роднаго потерпѣлъ великую шкоду“.

Всѣдѣ за тѣмъ добродѣтельный питомецъ іезуитовъ разсказываетъ какъ нельзя серьезнѣе, что, тому назадъ нѣсколько лѣтъ, въ Галицкомъ Ярославѣ десятилѣтній ребенокъ необычайной набожности, умирая послѣ причастія, произнесъ вдохновленный ему свыше латинскій стихъ:

Quadragesimus octavus mirabilis annus *),

которымъ де предсказалъ неслыханное опустошеніе русскопольскихъ провинцій, причемъ (пишетъ Радивиль) изъ Бреста литовскаго одному доминиканцу козаки вытащили языкъ сквозь затылокъ. „Словомъ“ (продолжаетъ онъ), „офи были такъ жестокосерды, что попадавшіе въ ихъ руки предпочитали быть отদанными Татарамъ, которые угиали въ исполю множество народа. У одного меня взято 1.200 душъ, а по другимъ мѣстамъ погибло или уведено въ рабство съ миллиономъ и больше людей“.

Несовмѣстимость противоположныхъ вѣръ подъ неуклоннымъ римскимъ режимомъ породила въ томъ же русскомъ обществѣ и забитыхъ съ младенчества католиковъ, и разнудзанныхъ до отрицанія всѣхъ догматовъ христіанства протестантовъ. Подобно тому, какъ въ Бѣлоруссіи сѣтовалъ на земляковъ протестантовъ окатоличенный Радивиль, въ Землѣ Кіевской покрывалъ хулою земляковъ-аріянъ окатоличенный Тишковичъ, мужественный и добродѣтельный по-своему кіевскій воевода. Этотъ, какъ и литовскій канцлеръ, игнорировалъ гибельныя послѣдствія римскаго апостольства ва Руси, и среди сеймового собранія вычитывалъ кіевскому подкоморію Немиричу, что Господь караетъ панскую республику за аріянство, „осквернившее нашу землю до крайности“.

Такъ вообще были несостоятельны въ своихъ сужденіяхъ о томъ, чѣмъ было, чѣмъ есть и чѣмъ неминуемо должно послѣдовать, представители государства, которому козаки, въ своихъ татарскихъ инстинктахъ, завязались причинить такое разореніе, какое шляхта, съ ихъ участіемъ, причинила Государству Московскому. Чтобы русскій читатель пригляделся къ нимъ поближе и понялъ яснѣе, съ кѣмъ запорожскіе буй-

*) Сорокъ осмой удивительный годъ.

туры имѣли дѣло, я возвращусь на избирательный сеймъ и представлю характеристическая черты его по польскимъ документамъ.

Когда любезный и вмѣстѣ отвратительный для насъ, честный по природѣ и подлый по воспитанію литовскій канцлеръ йхалъ въ Варшаву на избирательный сеймъ, его „пропяло ужасомъ“, какъ и всѣхъ варшаванъ, вѣсть о Пилявецкомъ бѣгствѣ. Ужасъ этотъ былъ тѣмъ сильнѣе, что онъ, какъ и вся свободолюбивая шляхетская братія, совершивъ надъ Владиславомъ IV въ извѣстномъ смыслѣ цареубійство, вовсе не сознавали, чтѣ они сдѣлали, и не были приготовлены къ послѣдовавшимъ отъ того Желтоводской, Корсунской и Пилявецкой катастрофамъ.

Маршаломъ Посольской Избы избранъ былъ теперь землякъ нашъ Обуховичъ, мозырскій войскій, о которомъ князь Радивилъ пишетъ, что это былъ мужъ великаго ума и дивнаго дара слова, чего не написалъ онъ въ своеемъ дневнике про демагога Станкевича. Еслибъ Обуховичъ руководилъ земскими послами въ роковые для Польши сеймы 1646 и 1647 годовъ, онъ могъ бы сохранить за Владиславомъ королевское достоинство, и спасти папскую республику отъ политического разложения. Тогда бы ни иновѣрцы протестанты, ни иновѣрцы православные не губили народонаселенія Польши десятками и сотнями тысячъ, а имя Ляховъ и Поляковъ, которое наши предки усвоили себѣ въ лицѣ пановъ и шляхты, не сдѣлялось бы кличемъ ко всевозможному безчеловѣчію. Плохой король отстранилъ бы козако-татарское нашествіе лучше всѣхъ земскихъ пословъ и сенаторовъ.

Избирательный сеймъ, знаменитый не менѣе цареубийственнаго, открылся 6 октября (27 сентября) 1648 года, въ то время, когда Хмельницкій жарилъ въ огнѣ, душилъ въ дыму итопилъ въ крови уцѣлѣвшій отъ Батыевскаго Лихолѣтия городъ нашего князя Льва.

Болеславъ Лещинскій, носившій титулъ великопольскаго генерала *), въ пышной рѣчи припомнилъ цвѣтущія времена древніаго Рима, и призналъ превосходство надъ нимъ государства Польскаго. Но особенной милости Божіей (говорилъ ораторъ избраннаго народа) „Польшѣ преимущественно передъ всѣми народами дана та привилегія, что цари царствуютъ здѣсь по нашей волѣ (reg nos reges regnant!)... Польша избираетъ себѣ государя безпримѣрино: въ ией столько изби-

*) Генераломъ назывался старшій возный (woźny jeneral). Назывались генералами и некоторые старосты, съ особыніемъ правамъ по присвоеннымъ имъ староствамъ.

рателей, сколько шляхты, столько *субфракий*, сколько свободныхъ голосовъ", и т. д.

Первымъ заявлениемъ сеймиковъ было, чтобы военные люди, состоящие на службѣ Рѣчи Посполитой, не участвовали въ избраніи; вторымъ—чтобы казнить смертью полководцевъ, еслибы оказалось, что они были причиной Пилиацкаго бѣгства. Это послѣднее заявленіе, повторенное въ 4-мъ засѣданіи, сопровождалось крикомъ владычествующаго народа (*e dominantibus populus*): „Не станемъ ихъ выслушивать! Надобно было не уходить! Не слушать ихъ, а судить, какъ дезертировъ (*jako desertores castrorum*)”!

Коронный референдарій требовалъ, чтобы „панскіе полки“ не стояли близъ „конгресса“, въ избѣжаніе замѣшательствъ, и чтобы сеймовые паны въ составѣ своей пѣхоты и конницы не держали „Русаковъ-вѣроломцевъ“. Одинъ изъ земскихъ пословъ совѣтовалъ, чтобы подскарбіи тотчасъ отобрали у иностранцевъ и не шляхтичей, какъ духовныхъ, такъ свѣтскія добра, и чтобы тотчасъ карали тѣхъ, которые были причиной козацкой войны. Литовскій канцлеръ отвѣчалъ, что духовныхъ имуществъ нельзя отбирать, не подвергалась *экскомуникацію*, а надлежало бы искать судомъ; о двигателяхъ же козацкой войны надобно было бы сдѣлать *инквизицію*, а потомъ *экзекуцію*.

Въ 4-мъ засѣданіи (9 октября), одинъ изъ сенаторовъ, участвовавшихъ въ Пилиацкомъ походѣ, предложилъ „какъ средство къ спасенію отечества“, утвердить князя Вишневецкаго въ званіи гетмана, потому что его любятъ жолнеры (*do którego żołnierz ma wielkie serce*). Но владычествующему народу „не правилось, что жолнеры избрали себѣ вожда“: онъ боялся диктатуры до такой степени, что даже на одну рѣчь Киселя смотрѣлъ, какъ на гость повелительный и диктаторскій (*vozem imperiosam et dictatoriam*). Тѣмъ не менѣе подканцлеръ Лещинскій, въ 5 засѣданіи (10 октября) предложилъ избрать главнокомандующимъ князя Вишневецкаго, но не въ видѣ утвержденія (*pop reg approbationem*), а въ видѣ просьбы къ нему, и къ этому прібавилъ, что, такъ какъ онъ утратилъ почти все, то надобно ему помочь (*ratować go poigrzeba*). Въ томъ же засѣданіи и мазовецкій воевода, Станиславъ Варшицкій, совѣтовалъ вѣбрить войско тѣмъ, которые счастливо служили доселѣ, именно воеводѣ русскому, князю Вишневецкому, и воеводѣ кіевскому, Тишковичу. Но правительствуяшая шляхта—выражусь по-малорусски—якось не дочувала.

Къ чести сеймовыхъ пановъ надо сказать, что между ними было много такихъ, которые цѣпили таланты князя Вишневецкаго и требовали, чтобы хоругви короннаго ополченія стягивались къ нему.

Куявскій бискупъ, громоносный Гнѣвопѣ, сдѣлался теперь почитателемъ покойнаго короля: на томъ основаніи, что Владиславъ съ большими похвалами о воинскихъ достоинствахъ белзскаго капителява, Андрея Фирлея, онъ совѣтовалъ сдѣлать его товарищемъ Вишневецкаго по гетманству.

Но тутъ выступилъ на сцену единовѣрецъ на путь, Адамъ Кисѣль, и запѣлъ усыпительную пѣсню свою, какъ будто для того, чтобы Хмельницкій подкрадлся къ безголовымъ панамъ подъ самыи бокъ съ ножемъ, а Вишневецкій, вмѣсто рѣшительной побѣды надъ разбойникомъ, только дразнилъ его до бѣшенства. Не смутились колкостями, которыми встрѣтили его на сеймѣ за бѣгство изъ-подъ Пилиавцевъ, Кисѣль сдѣлалъ себя почти героемъ дня своими увѣреніями, что бѣжалъ съ полкомъ своимъ послѣдний. Тутъ началъ онъ пугать пановъ страшною силою Хмельницкаго, въ его соединеніи съ Татарами. „Ни одинъ монархъ на свѣтѣ не можетъ устоять противъ него“ (говорилъ Свѣтольдичъ). „Мы потеряли все, онъ приобрѣлъ все (*Mysmu ofradli od wszyskiego, on przyszedl do wszyskiego*). Когда выстрѣлитъ сотня нашихъ Нѣмцевъ, они убьютъ одного. Когда выстрѣлитъ сотня козаковъ, они павѣрное попадутъ въ 50 человѣкъ. Огнестый народъ! Численность его велика: памъ съ нимъ не совладать. Легче было совладать, пока не повторилась побѣда. Теперь на наши силы неѣтъ большиe надежды. Это такой тиранъ, котораго надо бно или терпѣть, или прогнать, или умолить“ (три тезиса, напоминающіе гибельный совѣтъ папскаго Нестора и Улисса подъ Пилиавцами). Приправляя польскую рѣчъ макаропизмами, которые всѣли въ моду среди Поляковъ іезуиты, Кисѣль формулировалъ свои новые тезисы такъ: „Každy prawie tyran aut est implicite tollendus aut tolerandus; aut exrugiandus, aut placandus“. „Терпѣть“ (продолжалъ онъ), „это дѣло невыносимое и для Рѣчи Посполитой постыдное. Чтобы прогнать непріятеля, на это неѣтъ силь у пасть. А умилостивить его можно вотъ какимъ образомъ. Надобно какъ можно поскорѣе выбрать такого человѣка, который бы развѣдалъ: почему первая комиссія была недѣствительна? а тутъ козаки познаютъ короля, котораго всѣ-же боятся они, тогда какъ Рѣчъ Посполитую презираютъ и ставятъ ни во чѣ. Благоволите, господа, вѣдать, что для этихъ мужиковъ масстать Республики (*majestat Reipublicae*) не существуетъ. А пѣ воно Річъ Посполіта? говорять они. Мы й самі Річъ Посполіта, алѣ король, отѣ настъ панъ“!

Варшавскій капителянъ, человѣкъ, очевидно, умный, но по имени намъ незвѣстный, впушалъ несчастнымъ сеймовикамъ, что Кисѣль

селя скорѣе можно назвать шпиономъ Хмельницкаго, нежели защитникомъ отечества. И въ самомъ дѣлѣ, безъ этого Русина, котораго справедливо считали орудиемъ кары Господней, какъ и самого Хмельницкаго, у Поляковъ оказалось еще столько здраваго смысла, чтобы въ инструкціи передъ коронаціоннымъ сеймомъ поставить себѣ три спасительные пункта: 1) уплатить жолнеру заслуженный жолдь; 2) разлучить язычниковъ съ бунтовщиками; 3) заключить съ Москвой оборонительный союзъ.

Но „человѣкъ“, посредствомъ котораго покаралъ ихъ *Pan Bòg*, сдѣлалъ эти мѣры не дѣйствительными заблаговременно. Литовскій канцлеръ говоритъ, что Кисель ненавидѣть князя Вишневецкаго. Онъ и долженъ быть ненавидѣть воина и патріота, въ глазахъ котораго его таланты были глупостью, его миротворные подвиги—трусливостью; а ненависть, онъ всячески противодѣйствовалъ фельдмаршальству того, кто его любовь къ отечеству лишилъ бы вождѣннаго памятника. Гетманская булава очутилась на время въ рукахъ, ея достойныхъ, только тогда, когда Кисель, въ своемъ, какъ онъ жаловался, „калечествѣ“ (то есть подагрѣ) бѣжалъ (по его словамъ), не зная куда, потерявши всѣ свои худобы (владѣнія) и не имѣя нигдѣ угла, а въ обозѣ лишась и послѣднаго имущества. Теперь ему надобно было такъ или иначе „вырвать у Геркулеса палицу“, — и Кисель, вопреки античной пословицѣ, совершилъ этотъ подвигъ, приспѣшивъ избраніе короля и затормазивъ избраніе гетмана. Неспособный же къ своему дѣлу король помогъ безсмысленному миротворцу, и доказалъ, какъ демонски уменъ былъ губитель Шляхетскаго Народа,бросая на сеймовые вѣси свой мечъ въ пользу его избранія.

Въ 6 засѣданіи (12 октября) опять былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ собрать разсѣянное войско, какъ создать артиллерію. По мнѣнію вѣкоторыхъ, всего лучше было бы вѣбрить это дѣло князю Вишневецкому, „чтобы орудовала всѣмъ одна голова“. Но другіе заняли вниманіе законоподателей болѣе важнымъ для нихъ предметомъ, чтобы не осуждали князя Заславскаго, не выслушавъ дѣла (*de fu gnie kondemnowano iaudita causa*).

Для спасенія отечества, сеймующе паны дѣлали разныя пожертвованія, кто деньгами, кто вооруженными людьми. Капцлеръ Оссолинскій проповѣдывалъ весьма разумно, что кто желаетъ подавать полезные совѣты въ Республику (*kto chce salubre da  consilia in Republica*), тому необходимо знать настоящее положеніе Республики и положеніе непріятеля. Но всѣ того исчислили онъ опаснѣйшіе случаи въ прошедшемъ и указалъ на 1621 годъ, когда, послѣ Цецорской катастрофы,

краковскій воевода, Янъ Течинскій, пособилъ общей бѣдѣ. Такъ и теперь совѣтовалъ Оссолинскій послать кого-нибудь изъ боевой шляхты съ какимъ-нибудь полкомъ для развѣдокъ о положеніи непріятеля. Въ составѣ полка предлагалъ онъ собственную ассистенцію въ числѣ 600 жолнеровъ. „Но это были только слова“ (замѣтилъ грустно въ своемъ дневникѣ князь Радивиль): „ничто не было приведено въ исполненіе“.

Всѣ надежды лучшихъ людей (которыхъ печальный удѣль составляетъ ихъ всегдашнее менышинство), людей, возбуждавшихъ самодѣятельность въ обществѣ, на мѣсто малодушныхъ упований да ожиданій,— всѣ ихъ надежды рушились избраніемъ такого короля, какой былъ нуженъ Хмельницкому.

Въ томъ же засѣданіи одинъ изъ земскихъ пословъ жаловался на Киселя, что на конвокациіи онъ обѣщалъ — или умиротворить непріятеля, или положить свою душу. „Ничего этого не видимъ“ (говорилъ представитель здраваго смысла общественнаго): „напротивъ, изъ совѣта умолять Хмельницкаго мы видимъ, что онъ держитъ его сторону. Никогда мы этого не сдѣляемъ: только Бога мы должны молить о грѣхахъ нашихъ“.

Но Кисель опирался на мнѣнія тѣхъ, которые подразумѣвались въ рѣчи одного изъ сеймовиковъ подъ словами: „всѣ мы находимся въ летаргическомъ сне“, — на тѣхъ, кого разумѣлъ князь Радивиль, когда писалъ въ своемъ дневникѣ: „почти всѣ намѣревались бѣжать изъ Варшавы“, да на тѣхъ, о которыхъ написалъ онъ по окончаніи сейма: „Такая была констернація въ Варшавѣ, что когда бы появился хоть одинъ козацкій полкъ, то навѣрное всѣ бы мы разсыпались“. Кисель говорилъ такъ убѣдительно для *своихъ* слушателей, что въ сеймовомъ дневникѣ записано: „Panъ воевода брацлавскій оправдалъ себя (*dał o sobie justifikacją*)“.

Въ 7 засѣданіи (13 октября) „великопольскій генералъ“ объявилъ, что, судя по реляціи комиссаровъ, онъ пришелъ къ заключенію (*te bioge z niej quintam essentiam*), что Господь Богъ не далъ военачальникамъ ни ума, ни мужества (*Pan Bóg rady nie dał i serca*). Теперь приводило его въ отчаяніе то обстоятельство, что въ Варшавѣ не знали о непріятель ничего вѣрнаго. А это значило (замѣчу отъ себя), что козаки превосходили шляхту и умѣнемъ выѣждывать ея тайны, и способностью скрывать свои собственныя; что козацкія чаты были несравненно смѣлѣ и искуснѣе панскихъ; что онъ театръ свой разбойно-военныхъ дѣйствій окружали непроходимою для панскихъ подъѣз-

довъ цѣпью, какъ это было и на Желтыхъ Водахъ, и послѣ Желтоводскаго боя.

„Вы согласились вчера“ (говорилъ панамъ Богуславъ Лещинскій, раскрывая передъ нами всю несостоятельность панскаго правительства), — „вы согласились послать подъѣздъ подъ непріятеля, да бѣда въ томъ, что денегъ нѣть. Панъ подскарбій уѣхалъ, не оставивъ никого въ Скарбѣ, а на общественный кредитъ (*ad fidem publicam*) никто не даетъ. Ужъ не сложиться ли намъ хоть по сотиѣ золотыхъ?...“

Это было знаменитое засѣданіе въ томъ отношеніи, что, не имѣя ни денегъ, ни кредита, сеймовые паны пришли къ единодушному решенію: „отдать будаву надъ войскомъ князю Вишневецкому“. Такъ записалъ въ свое мѣсто дневникъ литовскій канцлеръ; и въ сеймовомъ дневнике читаемъ: „Его милость ксендзъ примасъ опубликовалъ Князя Еремію гетманомъ“.

То былъ великий моментъ въ жизни Шляхетскаго Народа. Князь Вишневецкій, рожденій для диктатуры или для самодержавной власти, создалъ бы этому несчастному народу и кредитъ, и войско. Судьба Народа Козацкаго была бы тогда другая, а съ нею и судьба европейскаго Сѣвера, — другая въ лучшемъ, или въ худшемъ смыслѣ, но только не было бы такого человѣкоистребленія и такого зѣрства, съ какимъ оно совершилось этими двумя оригиналѣшими республиками въ теченіе 120 послѣдующихъ лѣтъ.

Спасеніе польско-русскихъ культурниковъ, каковы бѣ они ни были, представлялось возможнымъ, и многія благородныя сердца трепетали радостными надеждами. Но Кисель (пишетъ литовскій канцлеръ) не навидѣлъ князя Вишневецкаго, и хотѣлъ разрушить общее согласіе, говоря: „Я, яко сенаторъ, по долгу моей присяги, обязанъ предстечеръ Рѣчъ Посполитую, что его избрала гетманомъ только одна тысяча жолнеровъ. Если это избрание будетъ утверждено, то всѣ будутъ очень обижены (*wielkie wszystkim stanje się paejudicium*). Притомъ же намъ гораздо нужнѣе избрать короля, нежели гетмана, такъ какъ, при недостаткѣ войска“... Но тутъ поднялся крикъ и заглушилъ его рѣчъ. Киселя забросали сарказмами (*Ianiebnie szczupiać wojewodę bracławskiego*), и тѣмъ засѣданіе кончилось.

На другой день, въ засѣданіи 8 (14 октября), было получено письмо князя Вишневецкаго о томъ, что, не желая быть заткнутымъ во Львовѣ, онъ отступилъ съ горстью своего войска къ Замостью, и намѣренъ тамъ собирать войско. Это произвело нѣкоторое движение въ средѣ польскихъ законодателей; но, по словамъ сеймового дневника, время проходило въ безполезныхъ толкахъ, „матерію клали на

матерію", и не приходили ни къ какому концу. (Въ Варшавѣ не было другой Катерины Слоневской, а она прославила бы свой поль несравненно больше первой). Наконецъ остановились на вопросѣ: которыхъ хоругви преступиѣ: тѣ ли, которыхъ бѣжали съ поля битвы, или тѣ, которыхъ до сихъ поръ не двигались изъ своихъ лежѣ и угнетаютъ мѣстныхъ жителей? Но отъ этого предмета отвлекъ ихъ крикъ, что паны грузить уже возы да шкуны, съ тѣмъ чтобы уходить изъ Варшавы, предавши прочихъ на мясные лавки (na mięsne jatki wydawszy).

„Клянусь Богомъ“ (кричали одни изъ земскихъ пословъ), „мы съ братией перебьемъ ихъ за это!“ Со стороны другихъ пословъ раздались крики противъ ротмистровъ, которые, получивъ отъ Рѣчи Посполитой деньги, не идутъ въ войско, а люди ихъ тутъ же, подъ Варшавой, грабятъ, дерутъ, разбойничаютъ. „Не для того ли они стоять здѣсь“ (говорили послы), „чтобы свободную шляхту лишить свободныхъ голосовъ при избраніи короля? Но сперва мы положимъ кого-нибудь трупомъ, или ляжемъ сами, нежели позволимъ отнять у себя драгоценное право“.

Крикъ этотъ былъ прерванъ извѣстіемъ, что Хмельницкій прислали подъ Люблинъ Татаръ, чтобы они, выжегши окрестности, держали городъ въ блокадѣ, пока самъ онъ придется съ войскомъ.

Заговорили о послопитомъ рушениі. Нѣкоторые исключали изъ него свои провинціи, яко подверженны великой опасности. Это заставило пановъ корить своихъ собратій старину. „Тогда де было не такъ: тогда польскій шляхтичъ одной рукой держался за плугъ, а другой за саблю. Теперь шляхетское сословіе занимается больше браками, нежели походами“. Одни настаивали на послопитомъ рушениі; другие предлагали уплатить соотвѣтственный налогъ. Мазуры требовали, чтобы всѣ шли въ походъ одновременно: „ато вы сперва выгубите насъ, людей убогихъ, да и заслонитесь нами (выставляя насъ впередъ) отъ непріятеля. Не позволимъ! не бывать этому“!

Въ 9 засѣданіи (15 октября) читали универсаль, повслѣвающій, чтобы и разбѣжавшіеся и не дошедши еще до лагеря собрались къ Вишневецкому въ теченіе 14 дней, подъ смертною казнью (*sub poena perduellionis et colli*). Одинъ изъ земскихъ пословъ предложилъ написать универсаль къ мужикамъ, обѣщающій имъ безопасность, только бы они не приставали къ козакамъ: ибо нѣкоторые (говорилъ онъ) пошли въ козаки изъ-за того, что жолнеры не только грабили ихъ, но и страцали вырубить всѣхъ въ пень, идучи назадъ.

Это напоминаетъ намъ давнишнія страшанья малорусской черни съ одной стороны отъ козаковъ, съ другой—отъ жолнеровъ. Польская

неурядица сама собой вела посполитый народъ къ козаччинѣ. Населеніе государства, стоявшаго, по польской пословицѣ, *bezgrudem* *), само собою раскалывалось на козаковъ и не-козаковъ. Со временемъ великаго и несчастнаго въ своей великости Жовковскаго, не только мужики, угнетаемые жолнерами да козаками, умножали собой козачину, но и жолнеры, не получивъ заслуженного жолду, „приставали въ козаки“. Теперь готовился новый контингентъ козачини: тысячу двадцать малорусской шляхты, оставшись безземельниками и не находя въ польско-литовскомъ обществѣ никакого вспоможенія, угрожали присоединиться къ козакамъ, какъ это дѣлали давно уже землевладѣльцы всѣхъ вѣроисповѣданій, выѣсняемые изъ имѣній своихъ богатѣющими ксендзами, да мнихами. Объ этомъ, какъ увидимъ ниже, подумывалъ вслухъ на сеймѣ и самъ Кисель, а маршалъ Посольской Избы, Обуховичъ, высказалъ его мысль (въ засѣданіи 21 октября), не обинуясь.

Разореніе и распаденіе Польши объясняютъ у насъ геройскимъ стоянѣемъ полутатаръ и полуполяковъ за православную вѣру и русскую народность, а Польша разорялась и распадалась уже давно сама собою. Доказательствомъ тому служить, между прочимъ, ея постоянная боязнь передъ собственными защитниками своими. Она боялась переходовъ своего *платна*, иначе *крошеваго* (служившаго за жолдъ) жолнера; еще больше боялась *ciągnienia* **) своихъ посполитаковъ, а еще больше—столкновенія жолдовыхъ воиновъ съ посполитаками. Такъ и настоѧцій сеймъ не рѣшался объявить посполитое рушеніе на козаковъ изъ опасенія, чтобы окружавшіе сеймующую Варшаву панскіе гвардейцы, иначе *ассистенты*, называвшіеся вообще панскими *полкамъ*, на возвратномъ пути не сталкивались съ отрядами посполитаковъ и не нападали на нихъ по поводу фурражировки, да обычныхъ польскихъ воинамъ грабежей, или же — не подвергались нападеніямъ съ ихъ стороны.

Эта боязнь парализовала оборонительную самодѣятельность Шляхетскаго Народа въ то время, когда Народъ Козацкій угрожалъ ему показать свою близость пожарными дымами да заревами. Смѣясь „горькимъ смѣхомъ“ надъ своей братьей, медлящей въ мѣропріятіяхъ, одинъ изъ членовъ законодательного собранія говорилъ такъ:

„Не знаю, господа, кто бѣжалъ: *наши*, или козаки? Мнѣ кажется—

*) Неурядицею.

**) Похода.

ся, что козаки, потому что мы ихъ не боимся. Это видно изъ того, что мы не думаемъ объ ихъ близости. Еслибы мы ихъ боялись, то постановили бы — или посольское рушение, или вербовку жолнера для обороны. Мы хотимъ одного, а вы, господа, другаго: значитъ опасности нѣтъ".

Подъ шумъ безплодныхъ споровъ и пререканій, пашъ Адамъ Свѣнтолдичъ хлопоталъ всего больше о томъ, какъ бы его любовь къ отчизнѣ не оставалась безъ памятника, или, какъ онъ выражался въ письмѣ къ примасу (стдить повторить слова великаго гражданина): „Te moje wierną przysługę aby mi nikt nie wydzierał, i żeby absque monumento pietatis ku ojczyznie nie zostawała". Допустить, чтобы князь Іеремія спасъ отечество — для него значило: оставаться безъ награды за любовь къ отечеству. Надобно было ссадить его съ гетманства. Такъ какъ, по словамъ князя Радивила, за всякое посягательство на булаву Вишневецкаго шляхта всячески позорила Киселя, то онъ молчалъ о ней и, вместо того, настаивалъ на скорѣйшемъ избраниі короля, который могъ отдать ее кому угодно.

Подобныхъ Киселю патріотовъ развелось въ свободномъ Шляхетскомъ Народѣ безъ числа. Въ 10 засѣданіи сейма (16 октября) иѣ, которые изъ его членовъ обвиняли другихъ въ утайкѣ денегъ, полученныхыхъ на войско. Одинъ изъ обвиняемыхъ сенаторовъ, за неимѣніемъ другихъ доказательствъ панскої честности, прибѣгнулъ къ доказательствамъ желѣзнымъ (*żelazne gasye*): „Никто чистливый ^{*}) не скажетъ мнѣ таекъ. У меня при боку испага острай: я вспомню объ этомъ въ свое время". Но угроза храбраго сенатора была сдѣлана не менѣе храброму подсудку, и онъ отвѣчалъ: „У меня тоже острай сабля: дастъ она себѣ знать сенаторской глоткѣ (*która się ujmie senatorskię gębow*). На это панъ сенаторъ призвалъ благоразумнѣмъ замолчать.

Вѣсти о козакахъ, прилетѣвшихъ изъ Люблина, заставили даже миролюбиваго Киселя подумать о войнѣ. Онъ увѣрялъ, что непріятель стонѣтъ на мѣстѣ таборомъ, а воюетъ пановъ гультайство, распущенное загонами, и истому слѣдовало бы прослать противъ этихъ загоновъ „легучіе отряды, *squadronie volante*, какъ говорять Итальянцы". Но это было *punctum desiderium*. Шляхта продолжала ссориться даже и тогда, когда получила извѣстіе объ опасности, угрожавшей Сокальскому монастырю-замку, въ которомъ окрестные паны сложили свою

^{*}) Слово непереводимое: оно значитъ и добродѣтельный, и честный, и сознающій свое достоинство.

драгоценную движимость. Въ сеймовомъ дневнике записано, что въ теченіе дѣлаго днѧ не было решено ничего, и что засѣданіе распущено въ безпорядкѣ и крикахъ (w pierzadzie, halasie soluta est sessio).

Въ 11 засѣданіи (17 октября) читали два новые універсалы: одинъ—къ разсѣяннымъ жолнерамъ (do żołnierzów rozprószonych), а другой—къ тѣмъ, которые еще не были въ лагерь, чтобы первые собрались къ Вишневецкому въ теченіе 4 недѣль, а другіе—въ теченіе двухъ, подъ смертною казнью. При этомъ литовскій подканцлеръ, нашъ единовѣрецъ Гедеонъ Михаилъ Тризна, „никоимъ образомъ не согласился титуловать Вишневецкаго и его товарища Фирлея гетманами, а только региментарями, для того, что, когда литовскій гетманъ придетъ къ нимъ на помощь, то чтобы старшинство оставалось за нимъ: еще одинъ предметъ раздора!

Нѣкто Мисковскій объявилъ государственнымъ людямъ, съ подобающею земскому послу важностию, что совѣты ихъ затрудняютъ русскія чары, не давая пройти ни къ какому решенію, и что лучшее средство противъ такихъ чаръ—братская искренняя любовь, безъ которой де паны, въ дерзкомъ своевольствіи своемъ, должны погибнуть (bez tej howiem nam per temerariam licentiam licet perire fato nostro).

Земляки наши, паны Огинскіе, приняли эти слова за камень, брошенный въ ихъ огородъ, и подняли было крикъ, а тотъ началъ кричать противъ нихъ и вдвое. Но одинъ изъ ветерановъ московскихъ походовъ угомонилъ національный антагонизмъ, рассказалъ, что когда онъ былъ въ осадномъ сидѣнїи въ московской столицѣ, то Москваки хотѣли было посредствомъ чаръ впускать своихъ въ городъ небольшими партиями: „Замѣтивъ это“ (говорилъ ветеранъ), „мы отпирали противъ чаръ ксенда съ кропиломъ, а сами выкосили Москвакъ саблями“.

Эту серьезную бесѣду прервала коронный канцлеръ Оссолинскій. „Прекрасно вы сдѣлали, господа“ (сказалъ онъ), „что выбрали гетмановъ; но гетманы безъ войска ничего не значать, а войско у насъ только на бумагѣ, на дѣлѣ же у насъ больше желанія, нежели надеждъ (magis optandum, quam sperandum). Всякому понятно, что и эти бѣглецы (fugitiivi) потеряли все: какъ могутъ они быть обязаны къ невозможному? Невозможно имъ служить за этотъ жолдъ, потому что за него нельзя снарядиться къ походу какъ слѣдуетъ, а мы оттолкнемъ (odstraszymy) отъ себя этимъ случаемъ всѣхъ иностранцевъ, если будемъ ихъ принуждать къ такой панщинѣ (gdy ieh tak bodziemu angarejować). Надобно разослать намъ по воеводствамъ депутаты-

товъ, чтобы узнали, сколько въ какомъ воеводствѣ денегъ, и тогда назначили жолнерамъ жолдъ вѣрный и соотвѣтственный“.

При этомъ „великопольскій генералъ“ замѣтилъ папамъ, что они избрали гетмановъ безъ войска, а войско хотятъ набрать безъ денегъ, и умолялъ, чтобы депутаты были назначены по всѣмъ предметамъ и прежде всего добыли денегъ.

Когда сеймовики углубились въ мудреный вопросъ, какъ выйти изъ безденежья, нѣкто Бжозовскій (очевидно, Березовскій) прискакалъ верхомъ и предсталъ предъ нихъ въ бандолетовой перевязи и въ ладункѣ, съ реляціей о пораженіи литовскаго войска и паденіи Бреста и Кобринта. Онъ донесъ, что панъ Кіевскій (то-есть кіевскій капитанъ) отдалъ свои вещи на спрятъ монахамъ, и что поэтому козаки вырѣзали два города, а теперь идутъ къ Бѣльску, и всѣ мужики съ ними. Брестскіе хлобы (говорилъ Бжозовскій) также понасаживали себѣ косы.

„Это вызвало смѣсть и смѣхъ“ (сказано въ сеймовомъ дневнике), „и никто не далъ тому вѣры, хотя все была правда“.

Среди помѣщанныхъ на своей спѣѣ и власти сеймовиковъ, даже наль Адамъ Среѣнтолъдичъ явился мудрецомъ. Онъ произнесъ такую рѣчъ:

„Господа, вы повелѣваете собраться войску въ 14 дней; но и это долгій срокъ: ибо войны зависать отъ момента (*hella momentis constant*). Другимъ вы назначаете 4 недѣльный срокъ; но они не придутъ и въ 10 недѣль. По воеводствамъ деньги невѣрны. О посполитомъ рушеніи ничего не рѣшено, а опо-то и могло бы спасти нась. Поэтому, если Pan B g не остановить непріятеля, то мы неизбѣжно погибнемъ (*actum est, periremus*)! А между тѣмъ гдѣ прикажете намъ, убогимъ, приклонить голову? Невозможное дѣло, чтобы вы могли выкупить такъ скоро непріятеля изъ тамошнихъ нашихъ краевъ. Поэтому—или насть обезпечьте и дайте намъ содержаніе, или велите намъ промышлять о себѣ иначе (*radzi  o sobie*). Помочь намъ въ нуждѣ вы—или не хотите, или не можете. Если не хотите потому, что не заслуживаемъ тогѣ за нашу доблѣсть (*non meritis pro virtute nostra*) у вашихъ милостей,—потому что соблюли вѣрность, то чего же намъ наконецъ надѣяться? (*quid tandem sperandum nobis?*) Если не можете, то — мы погибнемъ. Сдѣлайте же еще попытку: пошлите къ Хмельницкому отъ имени королевичей: ибо, какъ нужда ломаетъ законъ и достоинство Республики, такъ и случаи творятъ законы (*jako necessitas frangit legem et dignitatem Reipublicae, tak casus faciem leges*): иначе—и самую элекцію, эту зѣницу свободы (*hanc pupillam*

libertatis), основаніе и фундаментъ нашей вольности (basim et fundamen-tum swojego naszej), погубите вы вмѣстѣ съ собою. Боюсь, что-бы тѣ, которыхъ силу подавляетъ убожество (których moc premitur egestate), не вздумали, въ своей бѣдѣ, покуситься на что-нибудь горшее, чѣмъ Хмельницкій (czego gorszego nie chcieli, niж Chmielnicki). А потому—или сокращайте элекцію, чтобы вмѣстѣ съ королемъ явились и всякие способы и легче все попло, или ужъ, опустивши руки, будемъ ожидать милосердія Божія, или же, наконецъ, побросавъ сады да фонтаны и взявши за руки, давайте погибнемъ всѣ разомъ! Это лучше, нежели бѣжать въ Данцигъ. Скажу вамъ откровенно, господа, что если вы хотите оставить себѣ только Привислянщину (Powisie) и напаю гибелью купить себѣ миръ, то памъ лучше убить себя съ вами (tedy siê wolimy zabijać z w Msciam). И такъ—или выбирайте короля, или хлопочите о мирѣ.

Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвела эта лукаво прямодушная рѣчь; но въ сеймовомъ дневнике записано слѣдующее:

„Луцкій бискупъ (Андрей Гембицкій), не желая дать 10.000 червоныхъ золотыхъ, плакаль, и панъ маршалъ, изъ сожалѣнія къ нему (zaļujac biskupa straty swego), записалъ въ реестрѣ эти деньги полу-ченными. Панъ Фредро (львовскій капителянъ, писатель-философъ) ко-риль пановъ, что въ прежнія вербовки, которая дѣлались на притѣс-неніе нашихъ вольностей, бросали золотую посуду на деньги, а теперь ваши милости, паны сенаторы, даете такія малыя вспоможенія погибающему отечеству, что весь Сенатъ едва сложился на 1.000 человѣкъ. Клянусь Богомъ, я продаю послѣднее имущество; пускай только мнѣ за него заплатятъ, не прикоснусь къ деньгамъ, лишь бы спасти отечество. Вы, господа сенаторы, дадите строгій отчетъ Богу за то, что не спасаете отчизны. Вчера я предлагалъ набратъ пѣхоту въ городахъ,—никто не слушалъ меня. Просилъ ихъ милостей пановъ печатарей, чтобы приватно, собственнымъ авторитетомъ, убѣждали королевичей мириться въ соисканіи престола (aby siê godzili o rai-stwo),—и на это отвѣчали молчаніемъ“... Коронный канцлеръ гово-рилъ, что когда до насъ доходятъ печальныя вѣсти, это насъ такъ поражаетъ, что мы тотчасъ все даемъ и все бьемъ; а когда выйдемъ изъ-подъ сеймового наряда (z szopy), тотчасъ позабываемъ обо всемъ и думаемъ только о добромъ здоровъ вамиости. Первый разгромъ дѣбоза такъ насъ потрясъ и воодушевилъ, что только и кричали, что *бей его!* рази *его!* Я думалъ, что ужъ и Крымъ, и Константинополь возьмемъ чѣго. Прошло нѣсколько дней,—и наше одушевленіе из-чезло безъ слѣда (až owa ochota zgasła w nas, ani j  j slycha , cis-

nać w nas było). Теперь опять новая тревога разбудила въ настъ любовь къ Рѣчи Посполитой, а тамъ за бокалами смотри—опять забудемъ все. Чѣдѣ же настъ испортило? Миръ, продолжительный миръ, въ которомъ научились мы, какъ сказаль кто-то, по-нѣмецки хохочать, по-итальянски фонтаничать, по-французски модничать и ароматничать. А настъ и предковъ нашихъ Господь Богъ поставилъ, какъ редутъ и предостѣніе всего Христіанства (*jako propugnaculum totius Christianitatis, jako antemurale wszystkiego Chrzciscia i stwa*)⁴.

Въ 12 засѣданіи (19 октября) гродзкій писарь внесъ законопроектъ, чтобы никому изъ отцовъ отечества не дозволялось ни самому спускаться внизъ по Вислѣ въ Данцигъ, ни скарбовъ и вещей не возить.

Кисѣль жаловался передъ сеймомъ па крайнее убожество малорусскихъ землевладѣльцевъ, разоренныхъ козаками. „Здѣсь настъ такихъ“ (говорилъ онъ) „plus minus 20.000. Жить намъ нечѣмъ, просить милости ни не у кого. Когда наши братя такъ туги на ухо (*obdurata aures braterskie*), то единственное средство—сохранить срокъ *elekcji* да выбрать поскорѣе короля: тогда и отечество спасемъ, и положеніе шляхты возстановимъ. Если же ваши милости останетесь и впредъ жестокосердыми къ намъ, то придется намъ промышлять о самихъ себѣ“...

Но тутъ собраніе вспомнило вчерашнія слова оратора: „Боюсь, чтобы тѣ, которые слабосильны только потому, что убоги, не покусились на что-нибудь горшее, чѣмъ Хмельницкій“,—и закричали: „Это imperiosa vox et dictatoria“!

„Нѣть, господа!“ (отвѣчалъ Кисѣль): „это не vox imperiosa, а vox lacrymosa *). У насъ ничего не осталось, кроме имени да голоса титула. Если нельзя ничѣмъ помочь намъ, то, спасаясь отъ гибели, мы будемъ принуждены какимъ бы то ни было способомъ возвратить себѣ древнюю свободу и прежніе достатки (*quibuscunque mediis antiquam libertatem i pierwsze достатки nasze vindicare*)“.

Видя, что никто ничего не дѣлаетъ и всѣ только безконечно говорятъ, спорятъ, взаимно грозятъ, „великопольскій генераль“ выразилъ опасеніе, чтобы сеймующіе паны не разсѣялись, подобно пилявецкому войску, при появлѣніи непріятельской чаты. Предупредить подобную катастрофу находилъ онъ возможнымъ только соединеніемъ сенаторскихъ почтовъ подъ начальствомъ „великихъ кавалеровъ“, витеб-

⁴⁾ Не повелительный голосъ, а плачевный.

скаго воеводы, Павла Сопіги, и литовскаго обознаго, Осипскаго. Безъ нашихъ Русичей, крещеныхъ или еще некрещеныхъ въ римское католичество и въ протестующую противъ него нѣмецкую вѣру, Польша не видѣла себѣ спасенія. Наши Русичи, Острожскіе, Радивилы, Сопіги, Вишневецкіе, Сангушки, Черторыйскіе и пр. и пр., обогатили ее своей обширной плодоносной землей. Наши Русичи, Замойскіе, Жовковскіе, Сѣнявскіе, Мелецкіе, Струси, Лжикоронскіе, Збаражскіе, Зборовскіе и пр. и пр. и пр. обороняли и прославляли ее. Наши Русичи Бѣльскіе, Кохановскіе, Рей создали польскую литературу. Наши же Русичи, поссорясь одни съ другими удѣльно-вѣчевымъ обычаемъ, втолтали въ грязь, облили кровью, растерзали въ клочки соединительное польское знамя, и погубили Польшу, какъ неспособную къ самобытности политическую систему... Дошло до того, что когда одинъ изъ земскихъ пословъ предложилъ—или заключить съ козаками какой бы то ни было миръ, пока паны соберутся съ силами, или идти противъ нихъ таборомъ,—слушатели размѣялись и засвистѣли. Но ораторъ объявилъ смѣющимся свистунамъ, что мѣстные гультаи собрались было уже поджечь Варшаву съ крикомъ *Гала! Гала!* какъ дѣлали козаки представляя изъ себя Татарь. Свистуны ужаснулись.

Тогда другой ораторъ сказалъ: „Господа! это насть докончить, если насть будетъ пугать всякая вѣсть. А коронный референдарій къ вѣсти о едиповѣрныхъ и единоплеменныхъ поджигателяхъ прибавилъ, что въ субботу (17 октября) видѣлъ уже корнеты и зараженные фитили.

Чтобы не распространялась въ обществѣ паника, подсказывавшая панскимъ гультайямъ козацкія злодѣйства, гродскій писарь предложилъ законопроектъ,—чтобы паны не посыпали хлѣба въ Данцигъ, такъ какъ, подъ видомъ отправки хлѣба, они вывозили свое имущество.

Не менѣе характеристиченъ и законопроектъ, предложенный тутъ же однимъ изъ земскихъ пословъ: волонтеры должны быть извѣстны гетману: „иначе де наши будутъ грабить больше, нежели непрятель“.

Отъ избранія короля классически воспитанные паны ждали такихъ результатовъ, какіе послѣдовали въ древнемъ Римѣ за воцареніемъ Августа, который де Квиритовъ усмирилъ одною своею славою (*Quirites ipsa fama sedavit*).

Тутъ нѣкто папъ Обрынскій вспомнилъ о Павлюкѣ, который де самозванно коронованный головой (*ipso coronato capiti*) грозилъ королю Владиславу опасностью, и чѣмъ же кончилъ? Сѣлъ на колъ.

То же было бы теперь и Хмельницкому, когда бы мы поспѣшили избрать короля.

Папы извращали даже недавно прошедшее, такъ же какъ и порожденные панской неурядицей козаки. Шавлюкъ былъ обезглавленъ и потомъ четвертованъ, а корону ему павизала стоястая молва, затмившая и жизнь Хмельницкаго, которую надобно изучать исторически въ дѣяніяхъ козатчины, а не биографически въ пересказахъ современниковъ о его словахъ и поступкахъ.

Въ 13 засѣданіи (20 октября) войсковые послы выразили свое неудовольствіе на то, что въ сеймовыхъ универсалахъ князь Вишневецкій не названъ *absolute* гетманомъ, а только региментаремъ. Сеймовики „извинялись“ передъ ними тѣмъ, что и прочихъ полководцевъ именовали только региментарями, а не гетманами. „Дѣло ясное“ (говорили они), „что мы не можемъ этого права вырвать изъ рукъ у будущаго короля: ибо наименование *гетмана* Рѣчъ Посполитой отдала ему въ руки вмѣстѣ съ раздачю дигнитарствъ (*cum justitia distribuliva*). Войсковые послы возразили на это, что заслуги князя Вишневецкаго и его геройскія доблести (*heroicae virtutes*) не допускаютъ никакихъ сравненій. Но разъ универсалы были разосланы, папы оправдывали себя невозможностью исправить ошибку, такъ легче порицать ошибки, нежели исправить ихъ (*ergo res magis reprehendi, quam corrigi possunt*), хотя въ этомъ казусѣ видать было Киселя, какъ по хвосту видна лисица. Недавно еще онъ проповѣдывалъ, что *necessitas frangit legem*; теперь, когда другіе говорили съ его голоса, онъ молчалъ.

Были еще и другіе поводы къ раздорамъ. Папы подозрѣвали одиныхъ другаго въ подкупности. По поводу взаимныхъ упрековъ, засѣданіе было распущенено.

Въ 14 засѣданіи (21 октября) трактовали о томъ, чтобы города поставляли въ войско пѣхоту, о чемъ давно хлопоталъ моралистъ Фредро. Депутаты поклялись совѣстью (*sub conscientia*) не давать потачки городамъ, что говорить само за себя. Мѣщане подлясскихъ городовъ должны были поставлять въ пѣхоту „Ляховъ“ или иностранцевъ, а не „Русь“, чтѣже говорить само за себя.

Маршалъ Посольской Избы возлагалъ всю надежду на избраніе короля. „Можетъ быть, нашъ король“ (говорилъ онъ) „такъ будеъ счастливъ, какъ Помпей, который только ударили въ землю, totчасъ вышло изъ земли войско. Въ противномъ случаѣ, помните, господа, до чего могутъ быть доведены наши братья: утративши все и не найдя въ насъ любви къ себѣ, они *насърѣдутъ къ непріятелю*“.

Теперь только дошла до варшавянъ вѣсть, что Хмельницкій „взялъ“ львовское предмѣстie и распустилъ загоны подъ Сендомиръ. Земскій чосоль, Лаховскій, жаловался, что подъ Сендомиромъ прошло у него имущества на 500.000 золотыхъ.

15 засѣданіе (22 октября) описано въ сеймовомъ дневнику такъ: „Цѣлый Божій день провели въ толкахъ о сокращеніи земель; наконецъ сократили ее до 4 ноября, а она должна была кончиться ноября 6. Потомъ говорили объ обезпечениіи города. Писали въ памъ сенаторамъ просить объ обѣщаніемъ гарнизонѣ, но ничего не получили, кроме отсрочки да невѣрныхъ обѣщаній, въ родѣ груши на вербѣ. Набравшись досыта и ничего не сдѣлавши, удовлетворились мы сокращеніемъ земель земель, и панъ маршалъ распустилъ насы рано“.

О 16 засѣданіи (октября 23) сеймовой дневникъ говоритъ, что, до чего ни касались, всюду было несогласіе, вѣчные споры о пустынкахъ (*de lana caprina*). „Такъ совѣщаются“ (говорить дневникъ), „какъ будто въ самое мирное время (*in pacatissimo Reipublicae tempore*)—совѣщаются для забавы (*per passar il tempo*). А непріятель находится сегодня уже только въ 14 миляхъ отъ Варшавы, со стороны Литовского Бреста, а со стороны Люблинца—въ 20 миляхъ. Одни совѣтовались, какъ бы идти павстрійчу непріятелю, другіе—какъ бы обороñить переправу па Вислѣ, трети—какъ бы защищаться въ Варшавѣ. Таковы были разсужденія, а самое дѣло стояло такъ, что все живое укладывало свои *робы* въ сундуки; шнуровали тюки; отправляли готовые возы; снастили шкуны и ялики. По улицамъ ни о чёмъ больше нѣтъ рѣчи, какъ о томъ, что паны собираются въ путь. Мы только смотримъ, что далѣе будетъ. Въ сеймовомъ кругѣ (*w kole*) раздаются клятвы, что будуть сопротивляться до убоя (до *gardѣ*), а въ дѣйствительности ни малѣйше не было на то похоже. Неужели же мы подѣлились Жидами? или ужъ отъ цаcи и самъ Господь Богъ отступилъ, и намъ осталось только бѣжать, куда глядять глаза? *) Въ такомъ несчастномъ положеніи, не имѣемъ о непріятелѣ никакой вѣсти, даже о Львовѣ не знаемъ ничего (а писало это было въ тотъ день, когда Тогай-бей отступилъ уже отъ Львова съ окупомъ и многими тысячами ясыра). Знаемъ только, что въ немъ гарнизона 200 пѣхотинцевъ да мѣщанъ при Армішевскомъ человѣкъ 15. Въ Замостьѣ панъ воевода русскій велѣлъ разобрать русское предмѣстie и расположился тамъ лагеремъ подъ самыми стѣнами, запасаясь прови-

*) Въ этомъ смыслѣ и Хмельницкій называлъ панское ополченіе Жидами.

янтому изъ окрестныхъ мѣсть и не щадя ни чыхъ гуменъ. Своевольные купы бродятъ по разнымъ мѣстамъ. Нынѣшнее засѣданіе потрачено все на певѣршия новости и различныя вѣсти, о чемъ срамъ и писать (*o czem sromota i pisac*)”.

Въ 17 засѣданіи (24 октября) „великопольскій генераль“ заявилъ, что и та горсть войска, которая находится подъ командой князя Вишневецкаго, намѣрена разойтись, если жолнерамъ тотчасъ не уплатить жолду. Онъ соѣтовалъ поступить и съ Варшавой такъ, какъ поступлено со Львовомъ, гдѣ депутаты брали на кредитъ Рѣчи Посполитой все, что находили въ лавкахъ и костелахъ. Это засѣданіе было распущено потому, что одинъ изъ молодыхъ членовъ былъ пьянъ и не далъ постановить никакого рѣшенія. Авторъ дневника изобразилъ возмутительное для насъ сеймовое безобразіе слѣдующими словами: „*Tandem ktoś młody zagrzawszy głowy, którego znać foecundi calices fecere disertum, in murmure powstał, że compellare licet minis, niż rationibus. Pan referendarz koronny: „„Iroszeczkę śmiele“: zkad jedni w śmiech, a drudzy się turbowali..*“

Въ 18 засѣданіи (26 октября) земскіе послы роптали на то, что универсаль къ бѣглецамъ (do rosprószczeniów) лежитъ неразославный. Въ этомъ обвиняли сенаторовъ, которые де не желали, чтобы ихъ дяденьки, племяннички и т. д. нюхали опять порохъ, отъ которого ушли.

„Этого только и недоставало къ нашимъ бѣдствіямъ“ (сказалъ Фредро). „Что сегодня постановляемъ, то завтра отмѣняемъ. Не знаю, чѣмъ причиною задержки универсаловъ: *injuria*, или *industria* ихъ милостей пановъ сенаторовъ. Но вижу, что мы дѣйствуемъ такъ, какъ повѣтъ вѣтеръ (*że tylko vento ferimur*). Когда насы что-нибудь постращаетъ, мы желаемъ пропѣшить наши рады (*videmur accelerare consilia nostra*), а если вѣсть убавить немного страху, мы ничего не говоримъ и не дѣлаемъ. Ухватились было мы за пѣхоту съ городовъ; теперь ужъ о ней и позабыли“.

Отсюда произошли пререканія между свѣтскими панами и духовными, которые де не хотятъ отягчать (*onerage*) своихъ городовъ пѣхотою, и медлить съ разсылкой универсаловъ для того, чтобы, получивъ деньги, послать, въ зачетъ этихъ денегъ, свою ассистенцію.

19 засѣданіе (октября 27) было ознаменовано прибытіемъ пекательного посла отъ такъ называемаго шведскаго короля, Яна Казимира. Просьба посла о назначеніи ему аудіенціи была приправлена такимъ панегирикомъ владычествующей шляхты: „Не только всему свѣту, но и самому небу объявляете вы свободу, избрая свободными голосами великихъ монарховъ“. Все прочее въ немъ было еще нелѣпѣ.

Въ 20 засѣданіи (29 октября) достойна замѣчанія отмѣтка дневника: „О Хмельницкомъ, о Львовѣ—ничего вѣрнаго, какъ и о Татарахъ“.

Въ засѣданіи 21 (октября 30) маршалъ Посольской Избы жаловался на медлительное рѣшеніе самонужнѣйшихъ дѣлъ. „О пашей оборонѣ, о деньгахъ и людяхъ“ (сказалъ онъ) „мы говоримъ такъ, какъ будто непріятель находится отъ насъ въ 200 миляхъ. Не только не знаемъ, что постановили сенаторы о депутатахъ въ теченіе падѣль двухъ, но не знаемъ даже, засѣдали ли они“.

Отвѣтомъ на эту жалобу было донесеніе одного изъ депутатовъ, что сенаторы засѣдали только два раза, потому что не сѣхались. „Но и нась не за что хвалить“ (прибавилъ онъ): „хотя нась депутатово двѣнадцать, но на этихъ засѣданіяхъ не было больше двухъ или трехъ“.

Когда земскіе послы расходились изъ засѣданія, пришло извѣстіе, что Хмельницкій съ 40 тысячами войска идетъ комендантомъ (то есть безъ табора) прямо къ Варшавѣ, и будетъ подъ Варшавой въ среду или въ четвергъ, то-есть черезъ пять-шесть дней. „Вотъ такъ новинка на сонъ грядущимъ“! трагически восклицаетъ авторъ дневника.

Вмѣстѣ съ тѣмъ земскіе послы узпали, что князь Вишневецкій ѓдетъ въ Варшаву. Его прїездъ пророчилъ панамъ двѣ крайности: или что-то злое, или доброе. Вспомнилось имъ то время, когда превосходившій всѣхъ Поляковъ своеобразствомъ и завзятостью правнукъ полу-миѳического Байды готовъ былъ показать падъ своимъ соперникомъ по суду, что государство, религія, общественность, нравственность, сеймовое законодательство и самая царственность, ему подчиненная, бессильны для обузданія той личной свободы, которую Польша гордилась передъ всѣмъ свѣтомъ и передъ самимъ небомъ. Въ этомъ отступникъ древняго русскаго благочестія, усыновленномъ Польшѣ іезуитскою школою, воскресло подъ иноземнымъ запаменемъ все буйство нашихъ буйтуровъ Всеволодовъ и все удальство Мстиславовъ Удалыхъ. Онъ былъ одинаково способенъ и спасти Польшу въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, и погубить ее въ другихъ. Вотъ почему его любило до самозабвенія героическое менышинство и ненавидѣло до безумія противоположное большинство. Вотъ почему и сеймовой дневникъ писалъ о немъ, что его прїездъ пророчилъ что-то крайнее (*mysiały być per extrema*).

22 засѣданіе (2 ноября) было занято рѣшеніемъ вопроса: которому изъ двухъ братьевъ, польскихъ королевичей, отдать корону. Въ старшемъ цѣнили то, что именемъ своимъ напоминаль онъ Казимировскія времена польской славы (обыкновенно преувеличиваемой до

нельзя). Въ младшемъ свободолюбивому Шляхетскому Народу правились его обѣщанія увеличить еще выторгованная имъ и вынужденная у королей вольности. Нашлись вліятельные для панской толпы люди, которые въ Янѣ Казимирѣ видѣли не только умъ, но и склонный пикъ какимъ порокамъ (*umysł do żadnych występów nieskłonny*), твердый разсудокъ (*rozsądek utwierdzony*) и талантъ полководца (*ad militaria sposochność kawalerska*), но и величественную наружность... Несмотря на то, что „внѣшность его, то есть красота (*externa, to jest uroda*),“ какъ выражались панегиристы, была у всѣхъ передъ глазами, о ней распространялись такъ: „Хотя это и второстепенное отличие, но когда его нѣть, маестать много отъ этого теряетъ, и часто это дѣлаетъ вѣнценосца презрѣннымъ (*principem contemptibilem reddit*), а презираемый властитель не есть властитель, и власть безъ достоинства существовать не можетъ.“

Въ засѣданіи 23 (ноября 3) Посольская Изба оставалась въ совершенной неизвѣстности относительно таинственнаго и въ своихъ замыслахъ непроницаемаго непріятеля. Она узнала только, что князь Вишневецкій на своемъ мѣстѣ оставилъ подъ Замостьемъ маркграфа Мытковскаго. Наконецъ увидѣли сеймовики того, который, по милости Киселя и многочисленной толпы аристократической черни, подчинявшейся его внушеніямъ, сдѣлался своего рода камнемъ, стог же небрегоша зиждущіе.

На сей разъ князь Іеремія не представилъ ничего крайняго. Пренебрегая достоинствомъ, которымъ не хотѣли отличить его люди недостойные, онъ скромно заявилъ сейму, что прибылъ не для беспокойства Рѣчи Посполитой, а по праву свободныхъ выборовъ; поблагодарилъ за предоставленную ему власть надъ войскомъ и высказалъ, что войска надобно набрать не менѣе 60.000. Вишневецкій зналъ, какая борьба идетъ между тѣми, которые настаивали на спасеніи Польскаго государства посредствомъ смѣлой войны, и тѣми, которые вели его къ погибели путемъ выпрашиванья у непріятеля позорнаго мира. Онъ могъ бы дождѣться правительствующему сейму, какъ сами козаки смѣялись надъ этой мѣрой, говоря, что Господь Богъ совсѣмъ оставилъ Ляховъ, такъ какъ у нихъ нѣть иной надежды на свою оборону, кроме просьбы. Но это записалъ въ своемъ дневникѣ князь Радивилл; онъ же, который могъ бы сдѣлать изъ польского своего отечества государство героеvъ, смотрѣлъ на него молча, какъ на государство трусовъ, управляемыхъ глупцами.

Его презрѣнія не уменьшила сцена, происшедшая на другой день въ собраніи сенаторовъ и земскихъ пословъ. Среди собранія появился

сепдомирскій воевода, князь Доминикъ Заславскій. У послѣдника нашего „святопамятнаго“ пе хватило духу показаться во Львовѣ, зато хватило безстыдства оправдывать свое бѣгство изъ такого войска, „которое могло бы завоевать самый Константинополь“. Оно, это безстыдство, было его родовымъ достояніемъ, и проявилось въ его дядюшкѣ, когда онъ, ради округлениія своихъ владѣній, сдѣлалъ изъ послѣдницы старшаго брата сумасшедшую страдалицу; когда, храня въ подземельѣ миллионы, выпрашивалъ у сеймового правительства пособіе для починки укрѣпленій своего воеводскаго города; когда допустилъ уморить своего гостя въ маріенбургской тюрьмѣ, а возлагавшимъ свои надежды на 15 и 20 тысячъ готоваго у него ополченія проповѣдывалъ терпѣлье, терпѣлье и терпѣлье... Въ краткихъ, но ясныхъ словахъ изобразилъ литовскій канцлеръ сцену общественной безнравственности, которая совершилась при появленіи на сеймѣ двойника князя Василія, а именно вотъ въ какихъ:

„Маршаль Посольской Избы спросилъ: угодно ли собранію выслушать отъ сепдомирскаго воеводы, по какимъ причинамъ войско такъ постыдно бѣжало? Въ это время произошла суматоха *), сенаторы начали одинъ за другимъ изезжать, и маршаль отложилъ этотъ предметъ до другаго дня“ (который никогда не наступилъ).

Почему пе наступилъ онъ никогда, это лучше всего могъ объяснить нашъ Адамъ Свѣнтолѣдичъ. Еще въ 5 засѣданіи онъ, по малорусской пословицѣ: „поможи, Боже, и нащимъ, и вѣщимъ“, оправдывалъ присовѣтованнаго папамъ фельдмаршала, а вмѣстѣ съ нимъ и весь тріумвиратъ, въ такихъ выраженіяхъ:

„.... Каждый пойдетъ съ королемъ охотнѣе, хоть бы и я самъ, потому что король будетъ свидѣтелемъ и награждателемъ подвиговъ нашихъ (bo hѣdzie oculatus abo spectator et renumerator laborum). Да что? я выскажу вамъ свои чувства, какъ членъ свободной Республики: какое мы теперь получили *вознагражденіе за наши потери?* Всѣ вы, господа, настѣ бралите, и еще слава Богу, что не бѣсте. Вотъ и бѣдняжки гетманы,—что имъ было дѣлать? Болѣе сотни нашихъ хоругвей ударили мужественно; потеря въ нихъ оказалась великою. Битва, господа, была настоящая: трупъ съ обѣихъ сторонъ падалъ густо“ (здѣсь Кисѣль забылъ о собственной редакціи, какъ и

*) Изъ сеймового дневника видно, что суматоха произошла по случаю внесенія сенаторскихъ креселъ въ Посольскую Избу. О бѣгствѣ сенаторовъ изъ засѣданія дневникъ выразился осторожнѣо: „Chcieli Panowie Senatorowie iſć za krzeslami swemi w pośrodek Koła naszego, ale się zaś z jakiejsi przyczyny rozmysili“.

во второмъ донесеніи о своихъ медахъ). „Мы тогда, видя, что силы наши никоимъ образомъ не могли устоять противъ непріятеля, рѣшили отступить (concluseramus retyrować się) къ Константинову, а несчастная судьба Республики сдѣлала то, что пате постановленіе повело къ бѣгству (quod tandem Insfelicis fato Reipublticae accidit, że to nasze postanowienie w rozsyprce poszlo)“.

Умѣль Адамъ Свентолъдичъ выпрашиватъ поташныя буды у московскаго царя не для своей корысти, а единственно для его славы; умѣль заискивать милости и у польскихъ королятъ; по всего больше умѣль онъ выражаться такъ, что само постановленіе панское бѣжало (*poszlo w rozsyprce*), а не паны. Онъ заставилъ наоконецъ общественное мнѣніе въ пиливецкихъ региментаряхъ видѣть спасителей польской будущности, потому что, благодаря ихъ бѣгству, уцѣльль цѣсть национальной знати (*flos nobilitatis*). Въ настоящемъ случаѣ оправданіе тѣхъ, которыхъ люди неразсудительные готовы были казнить за ихъ „экзорбитанціи“, завершилъ онъ, какъ бы выразился Полякъ, *rubasznie*, по-козацки: „Если будете заниматься экзорбитантіями“ (вместо избранія короля), „то и права наши будутъ у чорта въ зубахъ, и вольности у двухъ чертей, а наши затылки очутятся подъ острой саблей пана Богдана“. Это была рѣчь подобнаго къ подобнымъ.

Въ 25 засѣданіи (5 ноября) земскіе послы потребовали отъ сенаторовъ, чтобы они продолжали свои совѣщанія о депутаціи, или чтобы ужъ совсѣмъ ее бросили, такъ какъ и самое время исключаетъ ее (*już czas j o  sam excluditur*).

По войсковымъ спискамъ, разбѣжавшагося войска оказывалось въ лицо 9.000. Прочие притаились въ средѣ доматоровъ, не имѣя охоты нюхать козацкаго пороху. Они шли не на войну подъ начальствомъ Князя Доминика, а на выставку. Они хотѣли воевать съ хлопами нагайками своей 200.000-ой челяди, а не своими драгоцѣнными саблями. Естественно, что для такихъ кудреглавыхъ Данаевъ Кисѣль былъ самымъ подходящимъ Несторомъ.

Въ 26 засѣданіи (6 ноября) сеймующихъ пановъ заняла, какъ дѣтей, исповѣдь (*confessata*) плѣнныхъ козаковъ, представленная капитуровымъ судьею, присутствовавшимъ при ихъ пыткѣ. Вымученные у нихъ признанія заключались въ 8 пунктахъ, а именно:

1. Михайло Дружченко, изъ Бѣлой Церкви, показалъ, что былъ подъ Кумейками въ составѣ реестровыхъ козаковъ (которые, подобно пиливецкимъ рыцарямъ, бѣжали безъ боя); что Барабашенко, Илляшенко и Хмѣль были у короля въ ночной радѣ, въ присутствіи семи сенаторовъ; что король далъ имъ привилегіи на увеличеніе войска и на

морской походъ; что Хмѣль, напоивши Барабашенка, послалъ его поясъ къ его женѣ; что она, по этому знаку, выдала ему королевскіе листы, и что этими листами онъ взбунтовалъ чернь.

2. Надоѣло уже и самой черни воевать. Козаки кричать на Хмеля; но онъ, не довѣряя имъ, держитъ при себѣ 6.000 жолдовыхъ Татаръ, которые отправляютъ и стражу, и спать у его палатки.

3. Приковалъ было Хмельницкій Кривоноса, но онъ окупился великими деньгами.

4. Киевскій архимандритъ (это значить митрополитъ), бывши у Хмеля, имѣлъ съ нимъ тайны рады, и Хмельницкій отослалъ его съ почетомъ, подъ охраною нѣсколькихъ сотенъ коней.

5. Причиною бунта были притѣсненія козаковъ со стороны комиссаровъ, которые вымогали еженедѣльно у козаковъ—то лисицу, то по 3 золотыхъ деньгами. Какую бы большую рыбу ни поймалъ козакъ, плотву отдавали ему, а главную—пану *).

6. Другой козакъ говорилъ на пыткѣ согласно съ первымъ, только прибавилъ, что Хмельницкій послалъ войско подъ Замостье, и что, какъ только будетъ король, то и война и эти бунты тотчасъ прекратятся.

7. Третій показалъ, что подъ Пилявцами на другой день козаки хотѣли было уже бѣжать. Множество молодцовъ начало было уже расходиться; но Хмѣль разставилъ по дорогамъ сторожу, которая частью убивала бѣглецовъ, а частью приводила къ Хмельницкому, и Хмѣль велить „завдавать“ имъ разныя муки: вѣшать, четвертовать etc., за то, что бѣгали.

8. Въ конфессатахъ изъ подъ Львова говорилось, что Львовъ окупился. Мурза, находившійся съ Татарами при Хмельницкомъ, убѣждалъ его не гнаться за Ляхами. Какъ де ихъ догнать, когда они бѣгутъ со страху? (bo któz się za niemi nagoni od strachu)? Притомъ же Татарамъ тяжело будетъ въ такую колоть возвращаться съ полономъ: попортить своихъ бауматовъ. А когда де на тебя будутъ наступать съ войскомъ, тогда придется съ Ордою Тогай-бей, и будетъ воевать съ тобою Лиховъ. Еще сказать, что Хмельницкій злится на князя Вишневецкаго, и когда бъ его добылъ, то все польское войско счи-

*) Эта причина козацкихъ бунтовъ существовала съ первыхъ извѣстныхъ намъ документально временъ козачества. Козаки бунтовали на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, что и теперь, съ начала XVI вѣка противъ мѣстныхъ королевскихъ старостъ, завѣдовавшихъ первобытнымъ козачествомъ, какъ объ этомъ документально у меня въ I т. „Ист. Возсоед. Руси“, стр. 48—51.

таль бы ни за что (*za cyfre nie ważył*), тогда бы первое чело имѣло Запорожское войско (*ale pierwsze czole miało by Wojsko Zaporozkie*), а Ляхи обратились бы въ Жидовъ.

Темное дѣло возведенія на престолъ Яна Казимира и низведенія съ военнаго верховенства Іереміи Вишневецкаго совершалось неуклонно, въ силу „приваты“, связанной съ тѣмъ и другимъ актомъ. Но ября 7, въ 27 засѣданіи, Кисѣль краснорѣчивой оratione (disertissima oratione) вынулъ зерно изъ скорлупы передъ панами (enucleował praesentem statum electionis) по всеобщему удовольствію (z ukontentowaniem wszystkich). Онъ соffетовалъ развязать поскорѣе Гордіевъ узель избрація. Находившійся, очевидно, подъ его влияніемъ другіе сеймовые ораторы говорили объ опасности, угрожающей шляхетской свободѣ со стороны военачальника, наименованного самимъ войскомъ. „Еслибъ эта номинація состоялась не послѣ пораженія, а послѣ побѣды“ (разсуждали республиканцы), „то на что не дерзнули бы они (*quaes non ausi fuissent*)?—„Примѣръ пепыханий! (inauditum exemplum)“! восклицали другіе и, побуждаемые близостью непріятеля, торопили избраціе намѣченаго уже короля.

Въ 28 засѣданіи (9 ноября) Кисѣль произнесъ рѣчь въ томъ же духѣ. Въ 29-мъ (10 ноября) страхи по причинѣ близости Татаръ отъ Сенномира, неизвѣстно отъ чего „утихли“; но о Хмельницкомъ, какъ и прежде, не было слышно ничего иѣрнаго. Въ 30 засѣданіи князь Вишневецкій доложилъ государству юному народу, что жолперы, обложенные въ Замостьѣ, просятъ подкѣплепія во имя любви къ отечеству (*reg amorem patriae*), и вручилъ великому секретарю письмо полученное имъ отъ своего намѣстника, маркграфа Мысковскаго, отъ 6 ноября. Маркграфъ увѣдомлялъ, что изъ полка эльблонскаго каштеляна, Бейгера, посланного къ Любачову для фуражировки, ко-
заки иѣсколько человѣкъ убили, многихъ переранили, а іѣсколькихъ взяли въ плѣнъ. Черезъ одного изъ плѣнниковъ Хмельницкій сдѣлалъ Бейгеру, котораго воображалъ иностранцемъ, предложеніе измѣнить Лихамъ (*inwitujać go in societatem belli*), и въ письмѣ къ нему обращался къ стоявшему подъ Замостьемъ войску и къ замостьянамъ съ такими словами:

„Свидѣтельствуюсь Богомъ, что мы не желали проливать христіанскую кровь. Мы послали пословъ своихъ, умоляя о мирѣ и пощадѣ (*żebrząc o pokój i miłosierdzie*); но князь Вишневецкій началъ поступать съ нами предательски, и потому бросились мы за нимъ, чтобы не сдѣлалъ какого-нибудь предательства; но онъ ушелъ отъ насъ (въ Варшаву). Тѣмъ не менѣе, какъ съ нами помирились львовяне, такъ

мы готовы погибнуть и съ вами. Не отступимъ отъ Замостья, пока не совершится Божія воля. Мы ищемъ мира, и для того посылаемъ нарочно этихъ нѣсколькохъ человѣкъ своихъ и Татаръ, чтобы вы послали къ своимъ старшимъ какъ можно скорѣе и получили отъ нихъ наставленіе, чѣмъ вамъ дѣлать. Изъ-за двоихъ ничтожныхъ молодыхъ людей, князя Вишневецкаго и короннаго хорунжаго (Александра Конецпольскаго) такое замѣшательство! Ждемъ здѣсь избранія короля. Желаемъ, чтобы (королемъ) былъ королевичъ Казимиръ".

Это значило--разсѣчь мечемъ Гордіевъ узель, который слушали краснорѣчиваго Киселя такъ долго развязывали. Возвеселился мудрый Адамъ Свѣнтолъдичъ, найдя единомышленника въ такомъ доброжелателѣ Шляхетскаго Народа. *Zyszczytu, żeby był Król Lewicz Kazimierz:* этому величию не смѣли не сопротивляться люди, готовые бѣжать въ Данцигъ, по примѣру цвѣта польской знати, бѣжавшаго изъ-подъ Пилявцевъ.

Прошло еще нѣсколько засѣданій въ рѣшеніи прелимінарныхъ пунктовъ элекціи. Наконецъ, въ 37 засѣданіи (20 ноября) Янъ Казимиръ вѣзѣль на престолъ Казимира Великаго.

По свидѣтельству Радивилова дневника, его хотѣли произвести въ короли еще 5 ноября; „но произошло большое несогласіе“ (пишеть литовскій канцлеръ), „потому что избирателей облилъ изнутри Бахусъ, а снаружи—дождь...“. Если бы тогда Поляки избрали этого „неспособнаго ни къ какимъ порокамъ, твердаго умомъ и величественаго наружностью“ короля, то могли бы оправдываться хоть тѣмъ, что сдѣлали это съплюна. Но судьба дала панамъ двѣ пѣдѣли на отревлѣніе, и они все-таки не могли сдѣлать лучшаго выбора.

Причину такого единомыслія (кромѣ письма Хмельницкаго къ замостьяпамъ) объяснило всѣмъ и каждому появленіе въ Варшавѣ специального посла его, бывшаго іезуита, а потомъ—„надѣвшаго рису регулярныхъ капониковъ Св. Августина“. Ярославскій наставникъ Хмельницкаго, ксендзъ Мокрскій, объявилъ во всеуслышаніе, что сидѣль подъ Варшавой (имѣя, конечно, тайныя съ пею спопенія) для того, чтобы не избрали другаго короля.

Къ этому жалкому финалу національныхъ совѣщаній князь Радивилъ придалъ еще болѣе жалостную ноту. „Хмельницкій со своей „канальей“ (пишеть онъ) „отѣхалъ тогда къ Бѣлой Церкви, а наши жолперы, которые могли бы дать ему отпоръ“ (подразумѣвается, еслибы гетманъ князь Вишневецкій) „остались въ Малой Польшѣ, въ Мазовіи, въ Сѣрадзкомъ и Ленчицкомъ воеводствахъ, для угнетенія бѣдныхъ подданныхъ до самого коронаціоннаго сейма“.

Г л а в а XIX.

Возвращение панскихъ побѣдителей въ Украину.—Привѣтствовавшіе короннаго гетмана привѣтствуютъ гетмана козацкаго.—„Чтѣ нужно Московскому Государству“.—Царское посольство въ Чигиринѣ.—Королевское посольство въ Переяславль 1649 года.

Весело возвращались козаки въ Украину, предводимые Козацкимъ Батькомъ, какъ справедливо стали называть Хмельницкаго; но не весело было на душѣ у Козацкаго Батька. Тайный голосъ говорилъ ему, что не разбоемъ обезпечивается будущность даже и такого общества, къ какому принадлежалъ онъ; что не кровавыми замыслами успокаивается размученное обидою сердце.

Не разогнала мрачныхъ мыслей счастливаго добычника и та встрѣча, которую приготовили ему въ Киевѣ. Городъ, изъ котораго, тому назадъ полгода, побѣжали всѣ духовныя власти безъ различія исповѣданій, теперь привѣтствовалъ козацкаго гетмана, какъ одиннадцать лѣть назадъ—гетмана короннаго, панскаго. Въ Киевѣ гостили іерусалимскій патріархъ, Паней, какъ двадцать восемь лѣть назадъ—незабвенный въ исторіи русской церкви ѡеофантъ. Но разница между ними была такъ вещественна, какъ между Хмельницкимъ и Сагайдачнымъ, какъ между Сильвестромъ Косовымъ и Іовомъ Борецкимъ. Подкупаемые претендентами на патріаршество Турки прижали Панея по своему обыкновенію, и онъ бросился собирать милостыню въ вертепѣ разбойниковъ, которыхъ, какъ они сами говорили, жартую со своими жертвами, не нужна была вѣра, а были нужны только „дідчи грдиші“. Неслыханное торжество козаковъ надъ панами сулило Панею золотыя горы. Онъ окружилъ себя въ Киевѣ сторонниками козацкаго бунта, которыхъ теперь между „духовными старшинами“ оказалось волей и неволей множество, и митронолиту Косову, каковы бы ни были его религіозныя и политическія воззрѣнія, пришлось вести себя по пословицѣ: „съ волками жить—по-волчьи выть“.

Ученикъ и преемникъ Петра Могилы встрѣтилъ побѣдителя Потоцкаго и Заславскаго у стѣнъ Св. Софіи, въ сопровожденіи своего „святѣйшаго“ гостя и всего своего клира, при звонѣ колоколовъ, при громѣ пушекъ, при восклицаніяхъ окозаченнаго народа. Бурсаки Могилевской Коллегіи пѣли Хмельницкому латинскіе и малорусскіе стихи, сочиненные, можетъ быть, тѣми самыми пѣтами, которые превозносили до небесъ усмирение предшественника его, Павлюка. Готовая къ противоположнымъ панегирикамъ семинарская музѣа сравнивала нашего Хмеля съ Моисеемъ, называла спасителемъ, охранителемъ, освободителемъ своего народа, и въ самомъ имени его Богданъ видѣла Божіе даяніе; а патріархъ Паисій, въ привѣтственной латинской рѣчи, назвалъ его *знатѣнитѣйшимъ княземъ*. Энтузіазмъ черни, обогащенной грабежемъ и разбоемъ, былъ таковъ, что когда гетманъ появлялся въ церкви, на него глядѣли, какъ на божество, и даже пѣловали у него ноги.

Но Хмельницкому было не по себѣ. То онъ постился, подобно Лашу Тучапскому, то молился въ древнихъ, созданныхъ и облагодѣтельствованныхъ панскими сословіемъ храмахъ, и лежалъ по цѣлуому часу ницъ передъ образами, то, на мѣсто избраннаго въ средѣ избранныхъ духовнаго отца, призывалъ къ себѣ трехъ вѣдьмъ, которыя постоянно находились при его особѣ даже и въ походѣ; то пьяный компоновалъ козацкія думы, импровизируя въ нихъ, безъ сомнѣнія, такія событія и обстоятельства, которыя долженствовали оправдывать его кровавое дѣло. Иногда былъ онъ чрезмѣрно доступенъ и ласковъ съ козаками, иногда былъ суровъ, какъ Гирей Чингисхановичъ посреди мурзъ, и гордъ, какъ польский пантъ въ виду окозаченной черни. Шеститысячная татарская гвардія и нагроможденные въ Переяславль, Чигиринъ, Суботовъ богатства позволяли ему предаваться порывамъ раздраженнаго сердца, затѣмъ пьянаго мозга и стремленіямъ дикихъ инстинктовъ. Но его, какъ видно, томили противорѣчія величности и ничтожества его подвиговъ, высоты и низости его положенія, мыслей о бессмертной славѣ и сознаніе несовмѣстимой съ пею подлости.

Въ числѣ противорѣчій, въ которыхъ очутился Хмельницкій среди православнаго русскаго міра, немалую роль играла и его семейная жизнь, затемненная для насъ темнымъ вѣкомъ и козацкимъ всесожигательствомъ, козацкою лживостью, отсутствиемъ въ козацкой средѣ чувства, какъ собственнаго, такъ и чужаго достоинства. Въ глазахъ людей, передъ которыми Хмельницкій, каковъ бы ни былъ онъ, желалъ казаться, если не быть, личностью почитенною,—напрѣмѣръ, хоть бы въ глазахъ собственныхъ взрослыхъ дѣтей,—эта жизнь

была запятнана сперва тѣмъ, что, по смерти православной жены своей, онъ связался съ католичкой (слово традиціонально-бранное донынѣ въ простонародье), а потомъ—тѣмъ, что эту женщины (каковы бы ни были ея достоинства), обѣйчанную ст ненавистнымъ ему человѣкомъ, онъ взялъ къ себѣ вмѣсто жены, и теперь, почивъ отъ кровавыхъ дѣлъ своихъ, обѣйчался съ нею по обряду православному, тогда какъ мужъ этой Чигиринской Вирсавіи обрѣтался еще въ живыхъ. Если предположить, что при такой пессомѣстности личного достоинства своего, какъ отца семейства и „зпаменитѣйшаго князя“, съ общественнымъ воззрѣніемъ, хотя бы и козацкимъ, новый Моисей былъ ревнивъ хоть въ такомъ смыслѣ, какъ это свойственно животнымъ; то душа его, терзаемая, очевидно, и многими другими, не находила дома того, чтѣ составляеть наибольшую отраду человѣческой жизни: она была растерзана неисцѣлимо, а рѣки крови и слезъ людскихъ, діавольское запугивание со стороны вѣдьмъ, безъ котораго не могли они удерживать за собой мѣсто свое, и, какъ слѣдствіе всего этого, безмѣрное пьянство, дѣлали Хмельницкаго лютымъ звѣремъ и самимъ несчастнымъ человѣкомъ.

Не будемъ терять изъ виду, что подъ всѣми передрягами Польско-русской Республики, выразившимися въ бунтахъ самого Хмельницкаго и его предшественниковъ, незримо для исторіи совершилась многовѣковая, ежедневная и ежечасная работа двухъ церквей падъ умомъ и совѣстю націй, соединенныхъ въ одномъ государствѣ. Въ борьбѣ съ греческой церковью римская церковь представила себя въ этомъ государствѣ сравнительно лучшими людьми. Какова ни есть она сама по себѣ, но въ нашемъ литворусскомъ обществѣ со временемъ Ягайловскихъ, равно какъ и въ червонорусскомъ—со временемъ Казимировскихъ, исчерпала она всѣхъ, кто между нами былъ познатнѣе, побогаче и поталантливѣе, па служеніе своимъ интересамъ, подъ видомъ общечеловѣческаго блага. Для поддержанія интересовъ церкви греческой остались только тѣ, которые были пренебрежены или упущены изъ виду, многоученными и многоопытными агентами Рима. Это были, можно сказать, неотесанные камни, забракованные зодчими при возведеніи политико-религіознаго зданія. И въ самомъ дѣлѣ, между отверженцами римскихъ зиждителей мало было такихъ, которые были способны поддерживать интересы своей национальной церкви, роняя достоинство самой религіи. Но, къ удивленію историка, падъ православнымъ обществомъ въ Малороссіи исполнились евангельскія слова: „когда вы умолкнете, камни возопіютъ“... Послѣ того какъ умолкли для насъ, одинъ за другимъ, голоса Радивиловъ, Сонігъ и многаго

множества князей и пановъ, представителей русского элемента въ Польскомъ государствѣ, по своему времени высоко образованныхъ и въ своей политически развращенной средѣ сравнительно нравственныхъ,—никто не былъ столь разительнымъ олицетвореніемъ вонючихъ камней, какъ этотъ жестокосердый Хмѣль съ безмысленными и беспощадными орудіями его мстительности—козаками. Его лукавое возваніе *за вѣру!* было не что иное, какъ громогласная проповѣдь того, что наши темные инохи едва смѣли проповѣдывать шепотомъ, а громадный преступленія соблазненной и запуганной имъ черни явились возмездіемъ за то ехидство, съ которымъ іезуиты, скрываясь подъ полой Сигизмунда III, разоряли русскую церковь руками русскихъ людей. Творецъ нашихъ Терлецкихъ, Потѣевъ, Рутскихъ, Кунцевичей и такихъ ренегатовъ, какъ Замойскіе, Потоцкіе, Жовковскіе, Острожскіе, Вишневецкіе, основатели римскихъ коллегіумовъ, монастырей и костеловъ на счетъ продуктовъ Русской Земли и русской рабочей силы,—получили полную мѣру за мѣру въ ехидствѣ нашихъ бунтовщиковъ, завершившихъ свои подвиги ехиднѣйшимъ изъ всѣхъ бунтовъ, а наглое ругательство іезуитовъ надъ кроткимъ и чуждымъ какой-либо махинаціи ученіемъ Христа отозвалось козацкими ругательствами надо всѣмъ, что было для ихъ питомцевъ святаго, и нашло достойный себя отголосокъ въ наглой программѣ свирѣпаго разбойника Хмеля: „Я сдѣлалъ то, о чемъ и не думалъ; теперь сдѣлаю то, что мною задумано. Сперва я воевалъ за свою школу и кривду, теперь буду воевать за нашу православную вѣру“.

Громкія манифестаціи поборниковъ папства во имя государства и тихія напечтыванья загнанного духовенства во имя оскорблennой свободы совѣсти боролись между собой со временемъ Ягайла, и въ результатѣ борьбы явилось опустошеніе края, который уже и кіевскій митрополитъ помогалъ папистамъ осѣнять по всѣмъ распуштіямъ католическими „фигурами“. Послѣ низверженія Кошинскаго съ митрополичьяго престола и возведенія на fastigium православія іезуитскихъ питомцевъ, окончательное завоеваніе Малороссіи на служеніе Риму было уже только дѣломъ времени. Но политика іезуитовъ оказалась несостоятельною, и несостоятельность этой политики обнаружена всего больше тѣмъ фактомъ, что козакъ, побывавший въ школѣ у іезуитовъ, заставилъ образованнаго ими митрополита славословить губителя и католического искони общества, и того, которое отверглось православной Руси недавно. Богданъ Хмельницкій, своею рѣшимостью воевать за православную вѣру, заругался жестоко надъ іезуитскимъ правиломъ: „цѣль освящаетъ средства“; а Сильвестръ Косоевъ,

обративъ на злѣйшаго врага Польши то славословіе, которымъ его предшественникъ чествовалъ знаменитаго ея защитника, попралъ ногами все святое и высокое, чтѣ подъ этимъ названіемъ привнесено агентами Рима въ національную политику Рѣчи Посполитой Польской.

Но Хмельницкій и Косовъ, сами по себѣ, не были еще таکъ досадны для завоевательной гордости папы. Обиднѣе всего для Христова Намѣстника было то, что, въ моментъ величайшаго унижениія Польши, его соперникъ, восточный патріархъ, явился въ Киевъ для того, чтобы привѣтствовать ея унижителя самыми громкими и почетными титлами. Онъ-то, надобно предполагать, и былъ причиной этого перехода Хмельницкаго отъ обычныхъ шляхетскихъ чувствъ и помышленій относительно церковно-православной политики къ рѣшительности воевать за православную вѣру. Его-то внушеніямъ и слѣдуетъ приписать программу настынившагося разбойной славой козака—вмѣсто одной мести за свои личные потери и обиды, воевать отнынѣ за православіе.

Сравнительно съ римскимъ папой и даже съ папскими легатами, патріархъ Паисій былъ жалкій попрошайка, рабъ турецкаго султана, церковный откупщикъ. Но, въ силу историческихъ заслугъ православія передъ чистою совѣстью человѣчества, даже ничтожные по умственному развитію, даже низменные по нравственному уровню представители Восточной Церкви, появляясь изрѣдка въ Киевѣ и въ Москвѣ, дѣйствовали на ходъ событий могущественнѣе папскихъ пунциевъ, которые одни изъ всѣхъ иностранныхъ пословъ постоянно резидировали при дворѣ польскихъ королей. Патріархъ Іоофанъ, восхваленный въ Кормчей Книгѣ до зѣла, своею проповѣдью въ обществѣ Сагайдачнаго, о „христіянскомъ родѣ“ Русскомъ, далъ новое бытіе уничиженій папою кіевской митрополіи; патріархъ Паисій, не восхваленный въ Кормчей Книгѣ вовсе, появился въ обществѣ Хмельницкаго какъ бы для того, чтобы эту повернутую къ папству митрополію повернуть обратно на путь православный. Іоофанъ обратилъ къ покаянію разорителей православнаго царства; Паисій разорителямъ царства католическаго внушить возсоединительную въ своемъ резулѣтѣ мысль—объявить себя защитниками православной вѣры.

Всѣ наблюдавшіе Хмельницкаго по его возвращеніи въ Україну находили поступки его загадочными и странными, видѣли въ немъ что-то похожее на умоизступленіе. Инымъ человѣкомъ сдѣлался и Сагайдачный послѣ пребыванія въ Киевѣ іерусалимскаго патріарха. Чтѣ говорилось и дѣлалъ Паисій среди козаковъ, это осталось таکъ точно неизвѣстнымъ, какъ и пребываніе Іоофана въ „обоихъ русскихъ пре-

дѣлахъ", въ обѣихъ нашихъ Россіяхъ. Но изъ дѣлъ Сибирскаго Приказа въ московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи мы знаемъ, что онъ, какъ и Феофанъ, проповѣдавъ православное единомысліе. Знаемъ также, что еще до пилавецкой тaborщины Хмельницкій послалъ на-встрѣчу Паисію къ волошской границѣ полковника Мужиловскаго съ отрядомъ козаковъ, которые и препроводили его въ Киевъ. Встрѣча, сдѣланная Хмельницкому въ Киевѣ, была слѣдствіемъ этого распоряженія, а послѣ того Хмельницкій отправилъ іерусалимскаго патріарха въ Москву для вовлеченія царя въ козацкую войну. Соцровождалъ его тотъ же Мужиловскій. По устному наказу Хмельницкаго, Мужиловскій добился позволенія видѣть „свѣтлыя государевы очи“ въ присутствіи патріарха Паисія и „положить подъ поги царскаго величества“ написанный на бумагѣ словесный гетманскій наказъ, котораго не согласился онъ открыть царскимъ саповникамъ.

Въ этомъ наказѣ интереснѣе всего начальныи слова: „Война тая, которая всchalася между козаками Войска Запорожскаго и Ляхами, не откуда инуды, одно: не могучи козаки Войска Запорожскаго бѣдъ, уtrapеня и утисковъ отъ Лаховъ козакомъ выраженныхъ терпѣти“, п. т. д. Чѣд касается гоненія вѣры, то, по письму Мужиловскаго, вотъ въ чёмъ оно состояло: „Когда Хмельницкій ушелъ съ товариществомъ своимъ на Запорожье, „тамъ Лахи, чинячи на здоровье Богдана Хмельницкаго разныи ему пакости, и товарищству его выражали — въ домахъ ихъ маентность всю побрати, женъ и дѣтей мучити, а на остатокъ вѣру православную христіансскую мечемъ выкоренати—ту себѣ предъ ся взали мысль“, вотъ и все.

Татары (сказано въ устномъ наказѣ Мужиловскому) „услышавъ о той войнѣ, съ стороны смотрѣли: больная нога послизнется... и яко воинъ воинови помогъ, сына Потоцкаго раненаго поймали... а сами съ ордою снявшися, всякий по себѣ своимъ кошемъ до табора Николая Потоцкаго тягнули“.

Потоцкій и его соратники, въ этомъ рукописаніи козацкомъ, представлены сожигателями корсунскихъ церквей (а мы знаемъ, что замочекъ съ церковью остался цѣлъ, церкви же въ тѣ времена и въ такихъ опасныхъ мѣстностяхъ нигдѣ не строились, какъ только въ „замкахъ“),—изображены грабителями церковныхъ аппаратовъ и сосудовъ, попирателями агнцевъ Божіихъ, тѣла Христова, посѣкателями священниковъ, за что де Богъ и покаралъ Потоцкаго съ его товарища-ми-панами татарскою неволею и мечемъ Хмельницкаго.

Далѣе говорится, что о смерти короля Владислава Хмельницкій узналъ только подъ Паволочью, а „чоспольство, довѣдався, что коро-

ля въ землѣ нѣтъ, въ козачество все поворотилось“, избивая на обѣихъ сторонахъ Днѣпра пановъ своихъ, Лаховъ, Жидовъ, ксендзовъ и опустошная костелы вмѣстѣ съ городами. Подъ Глиннянами (писаль Мужиловскій) собралось польского войска 120.000, и пришло оно подъ Шилявцы, имѣя 100 пушекъ. Туда явилась „нечасмая бѣлогородская Орда“, и козаки однихъ Лаховъ „подъ Шилявцами въ рѣкѣ потопили, а иныхъ въ Константиновѣ побили и потопили, а за иными гнались“, и т. д. „Лахи сгодне или несгодне обрали себѣ короля Казимира“, который де обѣщалъ Хмельницкому „быть русскимъ королемъ, и что саблею взяли, и то бы себѣ держали, крѣнко обѣщаюсь, что одноконечно хотятъ подтвердить. И такъ де масляного заговейна помирились, а по масляномъ заговейнѣ снова воевать, если не будетъ Казимиръ королемъ русскимъ, хочетъ Войско Запорожское“. Татарь де оно имѣть па помощь себѣ сколько нужно, а самихъ козаковъ—тысячъ триста. Остается де только московскому царю помочь козакамъ, и тогда не только еретики и непріятели православной вѣры будутъ покорены подъ ноги царскаго величества, но „и гробъ Божій изъ руки турецкой съ патріархами“ будетъ освобожденъ.

Съ своей стороны патріархъ Паисій увѣрялъ царя, что Хмельницкій желаетъ поступить подъ высокую руку великаго государства; но Мужиловскій обѣ этомъ въ своемъ письмѣ почему-то умалчиваетъ.

Глядя по-своему на подвиги Хмельницкаго, царь отправилъ къ нему въ таборъ гонца Василія Михайлова съ письмомъ, внушительно совѣтующимъ прекратить войну. Хмельницкій отвѣчалъ, что не вѣрить миролюбію Лаховъ, и просилъ царя, чтобы онъ, принявъ козаковъ подъ свое самодержавіе, вѣльѣ своимъ людямъ наступить на Лаховъ. Въ противномъ де случаѣ мы свидѣтельствуемся Богомъ и всѣми святыми, что „потуду станемъ съ Лахами биться, покуду пасъ православныхъ (и, разумѣется, Татарь) станеть“.

Смѣкая, что все это значить, царь, черезъ боярина, Григорія Гавrilовича Пушкина, объявилъ Мужиловскому,—что у него заключенъ вѣчный миръ съ Польшей, который нарушить непозволительно, потому что это будетъ грѣхъ передъ Богомъ и позоръ передъ всѣми христіанскими государями. Козацкій посолъ предложилъ царскому боярину такую увѣртку, чтобы государь позволилъ только „вольнымъ людямъ донскимъ козакамъ“ прийти на помощь къ Хмельницкому, и сулилъ царю нѣсколько городовъ, которые де сдѣлались козацкою собственностью, и если государь приметъ „Запорожское Войско“ въ подданство, то они (козаки) пойдутъ отбивать у Поляковъ и другіе города, въ которыхъ бы жили одни православные христіане.

Этотъ совѣтъ козакоманы называютъ *практическимъ*; но Пушкинъ отвѣчалъ козацкому практику честно, что это дѣло, скрытое отъ людей, не скроется отъ очеъ всевышнаго Бога, предъ которымъ такой поступокъ будеть такъ же грѣшень, какъ и явное нарушеніе мира. А пусть лучше козаки пошлютъ своихъ пословъ въ Польшу и Литву къ панамъ-радѣ уговорить ихъ, чтобы они, вмѣстѣ съ козаками, избрали своимъ королемъ русскаго государя, и послали бы о томъ въ великому государю своихъ великихъ пословъ, а если у нихъ король уже избранъ, то они помирились бы съ козаками на томъ, чтобы Запорожскому Войску быть въ подданствѣ великаго государя безъ нарушенія вѣчнаго мира между Польшей и Россіей; и если они на это согласятся, тогда государь приметъ козаковъ подъ свою высокую руку.

Такимъ отвѣтомъ бояринъ Пушкинъ обезоружилъ полковника Мужиловскаго и разрушилъ дерзкіе расчеты Хмельницкаго па московскаго самодержца. Козацкому послу надобно было ретироваться изъ Москвы ни съ чѣмъ,—тѣмъ больше, что его посольская свита заставила Москвѣ, какихъ прекрасныхъ людей предлагалъ ей въ сообщники *практическихъ* дѣйствій свидѣтельствующейся Богомъ разбойникъ. Ночью 24 февраля эта свита взбунтовалась, и хотѣла избить представителя Козацкаго Народа; но онъ бѣжалъ къ стоявшимъ на одномъ съ ними подворье Грекамъ. Въ своей челобитной царю Мужиловскій писалъ, что хотя ему и предоставлено по козацкимъ правамъ наказывать „подданныхъ своихъ“ чѣмъ угодно, однакожъ не хочетъ онъ ихъ наказывать, потому что они буянили отъ пьянства, и просилъ уменьшить имъ отпускъ напитковъ на половину, чтѣ и было исполнено.

16 марта Мужиловскаго отпустили обратно въ Малороссію, давъ ему небольшое государево жалованье*), и вмѣстѣ съ нимъ отправили дворянина Григорія Унковскаго да подъячаго Семена Домашнева для переговоровъ съ Хмельницкимъ о государевыхъ дѣлахъ.

Не такой награды ждалъ Мужиловскій. На выѣздѣ изъ Москвы онъ, съ досады, „говорилъ про Московское Государство непригожія слова: что въ Московскому Государствѣ правды ни въ чемъ неѣть“. Царь послалъ ему въ догонку выговоръ, который долженъ былъ учинить Унковскій. Послыѣ хали такъ быстро, что гонецъ съ выгово-

*) Атласъ гладкій, сукно багрецъ, сорокъ соболей въ 50 р. и денегъ 30 р. Козакамъ, бывшимъ съ нимъ: 5 человѣкамъ по сукну доброму и по 10 р., деньги людямъ его пяти же человѣкамъ по 5 р. человѣку. Изъ нихъ оказались одинъ пасынокъ Мужиловскаго, а другой племянникъ, и имъ было дано по 10 р., по сукну доброму да по парѣ соболей, въ 3 р. пара.

ромъ настигъ ихъ только въ Переяславлѣ. Мужиловскій оправдывался такъ: „Государеву милость къ себѣ и жалованье я помню; гетману и полковникамъ и всему Войску Запорожскому хвалить буду; а про Московское Государство ни съ кѣмъ никакихъ непригожихъ словъ не говорилъ, развѣ въ пьянствѣ что молвишь, и то не хитростью, по иноземному обычю, (а потому) что государевою милостью и жалованьемъ поѣхалъ съ Москвы пьянъ“.

Патріархъ Паисій остался въ Москвѣ. Но его проектъ завоеванія Гроба Господня нимало не захотилъ Тишайшаго изъ Государей къ недостойной сдѣлкѣ съ губительнейшимъ изъ разбойниковъ. Тѣмъ не менѣе дѣло, начатое патріархомъ Феофаномъ и поколебленное митрополитомъ Могилою, было имъ возобновлено вастолько, насколько допускаль это характеръ козацкой войны. Что вопросъ о древнемъ русскомъ благочестіи стоялъ теперь на прежнемъ, до-могилинскомъ, штути своемъ, видно и изъ отзыва Мужиловскаго въ Москвѣ о пріятелѣ и должнику Петра Могилы, Адамѣ Киселѣ,—отзыва, напоминающаго показаніе литовскаго канцлера объ унітствѣ Киселя. Конфидентъ Хмельницкаго, прежде всего, сообщиль думнымъ дьякамъ Волошенинову да Алмазу Иванову,—что Кисѣль—уніять, а не истинный христіянинъ; что онъ пытался устроить въ Киевѣ такое патріаршество, какое существуетъ въ Москвѣ, но не рѣшился на это, опасаясь, что вселенскіе патріархи и вѣдь православные христіяне не позволять ему сдѣлать этого, тѣмъ болѣе что патріарха онъ хотѣль получить изъ рукъ папы.

До прїзда Паисія въ Москву, царь Алексѣй Михайловичъ послалъ къ панамъ, изображавшимъ собою Польское государство, думнаго дьяка Кунакова „увѣстить ихъ“ и объявить, что „царь явился къ Рѣчи Посполитой милостію своею: писаль къ атаману козацкому къ Богдану Хмельницкому и ко всему Войску Запорожскому о добромъ и великомъ дѣлѣ, о успокоеніи нынѣшняй войны, чтобъ кровь христіянская уналаась“. Когда же новый король, Янъ Казимиръ, увѣдомилъ царя о своемъ восшествіи на престоль,—въ отвѣтной царской грамотѣ послышаласьnota суровая. Грамота заканчивалась такими словами:

„А что къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, вы, братъ нашъ, ваше королевское величество, въ той же грамотѣ писали: брата своего высокославные памяти, паяснѣйшаго и великаго князя литовскаго, его королевское величество, великимъ свѣтиломъ христіянства, (что онъ) просвѣтивши весь свѣтъ, пресслился до вѣку святыхъ небесныхъ обителей, въ вѣчную хвалу,—и

такъ было писать непристойно, потому что въ той грамотѣ написано превыше человѣка. Одно свѣтило всему — праведное солнце Христосъ, Богъ нашъ, творецъ свѣту, небу и земли: той просвѣщаетъ вся человѣки".

Но перемѣна въ благоволеніи царя Алексѣя Михайловича къ Польшѣ произошла не отъ одной безтактной и хвастливой грамоты Яна Казимира. Царскій „гонецъ“ Кунаковъ, по возвращеніи въ Москву, представилъ своему государю обширную записку о „Черкасской войнѣ“. Черкасская война интересовала православную Москву крѣпко. Кунакову было поручено развѣдать о ней и въ дорогѣ, и въ обѣихъ польскихъ столицахъ вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, „чтѣ нужно Московскому Государству“. Въ началѣ своего посольства, Кунаковъ „вѣстовыми письмомъ по литорѣ“ донесъ царю, какъ мы уже знаемъ, что Богданъ Хмельницкій, подъ видомъ войны изъ-за уніи, мстилъ панамъ за свои личныя обиды; но черезъ два мѣсяца старательныхъ развѣдокъ представилъ дѣло совсѣмъ въ другомъ видѣ, — представилъ то, „чтѣ нужно Московскому Государству“.

„Запорожскимъ де Черкасомъ“ (писалъ онъ) „напередъ того за многіе лѣта отъ Ляховъ *) и отъ унеять (было) утѣсненъ большое вѣру благочестивую христіянскую у нихъ ломали, и церкви Божи печатали, и многія благочестивыя церкви привернули въ упѣю, и самихъ Черкасъ побивали, и женъ и дѣтей и животы у нихъ отымали, и всякое насильство и розореніе имъ чинили. Да Черкасомъ же де, сверхъ того, было розореніе отъ Жидовъ, которые держали въ ихъ мѣстахъ отъ пановъ аренды. И тѣ де Жиды ихъ, Черкасъ грабили и наругались надъ ними всячески. Только который Черкашенинъ укурилъ вина, или сварилъ пиво или медъ, не явясь Жидомъ, или противъ Жида учнетъ говорить не снявъ шапки, и Жиды де за то, сприметываясь съ ними за посмѣхъ, ихъ грабили и разоряли, животы ихъ отымали, и женъ и дѣтей въ работу имали насилиствомъ. Да и сами де паны у Черкасъ у многихъ поимали жены и дѣти, и животы, и многое имъ наруганье и разореніе учинили“.

За такія кривды (пересказывалъ слышанное въ православномъ народѣ Кунаковъ) козаки жаловались королю Владиславу. „И призвавъ

*) Подъ словомъ *Ляхи* разумѣли Русскіе люди пановъ, сопротивлявшихся въ католицтво, протестанство и въ уніатскій папизмъ, (такъ называемую *римскую* вѣру). Коренныхъ Польонусовъ называли въ Москвѣ Поляками. Отъ этого, въ тогдашнихъ письменахъ встречаются такія выраженія: „пришли Ляхи и Поляки“.

де Владиславъ король Богдана Хмельницкого *) и Черкасъ члобитчиковъ въ покоевые хоромы, и говорилъ имъ, что санатарн его вдались въ свою волю, панство его пустопашть, а его мало слушаютъ. И отпасавъ де Владиславъ король саблю, даль Богдану Хмельницкому и сказалъ: то де ему королевской знакъ: имъютъ они при бокахъ своихъ сабли, и они бъ тѣмъ своимъ обидникомъ не поддавались, и кривды ихъ мстили имъ саблями; и какъ время дойдетъ, и они бъ на поганцовъ и на его королевскихъ непослушниковъ были во всей его королевской волѣ“.

Въ такомъ духѣ была составлена вся записка. Хотя въ ней не было ни инквизиціонныхъ сцѣпъ, какими приправляютъ свои погѣстнованія малорусскіе лѣтописцы, ни жидовскихъ ругательствъ надъ религіозными обрядами, изобрѣтенныхъ козацкими кобзарями, но и того было довольно, что козаки воевали за православную вѣру и были призваны королемъ къ усмирению непослушниковъ его. Не король, стало быть, послалъ войско на Хмельницкаго за рѣку Рось да за рѣчку Тисминъ: это дѣлали „санатарн“, что вдались въ свою волю, что пустили государство и мало слушали короля. Хмельницкій былъ не бунтовщикъ, а пособникъ своего государя въ защитѣ притѣсняемой папистами вѣры, въ защитѣ его царственности. Кунаковъ пересказывалъ похожденія Хмельницкаго въ томъ видѣ, въ какомъ они всплыли въ лѣтописи и въ монографіи, отъ неизвѣстнаго сочинителя мурованнаго столба и мѣднаго быка до всѣмъ извѣстнаго Костомарова включительно.

„Когда Ляхи и погонщики“ (посланные въ погоню) „съѣхали въ полѣ Богдана Хмельницкаго, и Богданъ де послалъ къ нимъ отъ себя Черкасъ двухъ чловѣкъ, и велѣлъ имъ говорить: для чего они на нихъ, товарищѣ и на единокровныхъ, паче жъ на единовѣрныхъ, вооружились? а у нихъ де идеть не о себѣ, а о благочестивой христіянской вѣрѣ, и они де погонщики есть ли на благочестивую христіянскую вѣру возстали сопча, и они Богу отвѣтъ дадутъ, а Богъ де и товарищи ихъ противъ ихъ и единокровныхъ и единовѣрныхъ своихъ товарищѣ сабель не подымаютъ. И Черкасы де погонщики Ляховъ переимали, а которые противились, и тѣхъ побили. И Богданъ де принялъ ихъ къ себѣ, и многія у нихъ рѣчи были со слезами о вѣрѣ христіянской“.

*) Кунаковъ имя Хмельницкаго писать сперва чрезъ ъ, а потомъ стала писать чрезъ е, по малорусски.

Если Хмельницкій заставилъ большинство польскорусскихъ пановъ приписывать козацкій бунтъ украинскимъ землевладѣльцамъ, то его краковскіе и варшавскіе пособники безъ труда могли увѣрить царскаго гонца, что козакамъ „идетъ не о себѣ, а о благочестивой христіянской вѣрѣ“, о которой „многія у нихъ рѣчи были со слезами“. А что Кунаковъ находился подъ вліяніемъ тайныхъ и явныхъ хмельничанъ, это всего яснѣе видно изъ его пересказа о призываѣ Татарь.

„И Богданъ Хмельницкій съ татарскими мурзы договорились и укрѣпились на томъ, что ясыръ“ (подъ которымъ, очевидно, разумѣются здѣсь только военноплѣнныѣ) „имать Татарамъ, а лошади и животину дуванить пополамъ, а скарбъ и животы — Черкасомъ. И тѣмъ Богданъ Хмельницкій обоихъ людей отъ ссоры уберегъ“.

О взаимныхъ отношеніяхъ сословій и властей Кунаковъ докладывалъ царю такъ, какъ доложилъ бы ему самъ Хмельницкій:

„И паны-рады совѣтуютъ, межъ себя роздѣляясь, и нелюбовь межъ пановъ-радъ большая. А шляхта и многіе мѣщане говорять сѣтуя, что паны-рада, въ своеемъ нелюбѣ, Рѣчъ Посполитую губить и такую великую Черкасскую и Татарскую войну ставать ни во што; видя не-пріятельскую саблю на головахъ своихъ, о оборонѣ панства не промышляютъ, отъ гордости и въ нелюбѣ своемъ не образумятца. А та де бѣда и злое разоренѣе учинилось отъ ихъ же панской гордости и отъ налогъ, и пришла де па ихъ Божья месть, и святое евангельское слово исполняетца: которою чашею они, пышные паны зъ Жидами, поили бѣдныхъ Черкасъ, и выѣхъ де тую чашу сами многіе пьютъ и впередъ будутъ пить, а подлѣ ихъ и невинные убогіе люди погибаютъ. Да говицу жъ (то есть ему, Кунакову) сказывали въ разговорѣхъ многіе люди, что Казимера де короля хотінъе есть и того желаетъ, чтобы Богданъ Хмельницкій пановъ-радъ сломилъ и ему послушныхъ учнилъ, и чтобы паны-рада и шляхетство были во всей его королевской волѣ“.

Наконецъ, Кунаковъ пересказывалъ распускаемый козаками слухъ, что „всѣ паны-рада говорили и на мѣрѣ немного того не поставили, чтобы во всей королевской державѣ благочестивую христіанскую вѣру искоренить въ конецъ, и была бѣ во всей королевской державѣ одна вѣра, какъ и въ Московскому Государствѣ, чтобы въ королевской области за вѣру межъ панства и простыхъ народовъ розни и несогласія не было“.

Такъ іезуитски подкапывались козаки, въ нѣмомъ согласіи съ обнищавшимъ духовенствомъ, подъ фундаментъ, на которомъ іезуиты думали утвердить нерушимую цѣлость Рѣчи Посполитой. Заинтересо-

ванный со стороны монархизма, борющагося съ панами-республиканцами, московскій царь тѣмъ еще болѣе беспокоился о судьбѣ малорусского православія, что древнему русскому благочестію предстояло паденіе на киевской почвѣ въ случаѣ торжества панскаго оружія надъ козацкимъ. Было достаточно и однихъ этихъ побужденій для того, чтобы склонить мысли самодержавнаго монарха въ пользу панскихъ противниковъ. Но представители польской національности, не сознавая, какъ для нихъ опасно столкновеніе стъ національностью русскою вообще, возбудили противъ себя Русь и по отнoшeнiu къ достоинству московскаго царя.

Кунаковъ прибылъ въ Краковъ въ началѣ февраля 1649 года; но царская грамота, которую онъ привезъ, была писана еще до получения въ Москвѣ вѣсти объ избраниі Яна Казимира; поэтому онъ могъ имѣть дѣло только съ примасомъ и съ панами рады.

Когда царскому гонцу было вручено расписаніе предстоявшей ему аудіенціи у примаса и пановъ рады, Кунаковъ сдѣлалъ имъ, чрезъ посредство ихъ докладчика, такое внушеніе:

„То мнѣ въ великое подивленье, что паны-рада великому государю нашему, его царскому величеству, достойнныя чести воздать не умѣютъ. Для чего въ томъ письмѣ не написано, что паномъ-радѣ про здоровье его, государя нашего, царя и великаго князя Алексея Михайловича, всеа Русіи самодержца, спросити вставъ? И государь вашъ Владиславъ король про его государское здоровье спрашивалъ его царскаго величества пословъ и посланниковъ и гонцовъ всегда вставая и шляпу снимая; а имъ, паномъ-радѣ, его королевскаго величества подданнымъ, пригоже наипаче того великому государю нашему, его царскому величеству, достойную честь воздавать“.

Въ самомъ дѣлѣ, было верхомъ безразсудства выказывать относительно московскаго царя высокомѣре теперь, когда судьба Польши зависѣла отъ его благосклонности. Но римскіе просвѣтители правительствующихъ сословій польскихъ давно уже похитили у нихъ ключъ политического разумѣнія. Вмѣсто цѣлости отечества, паны, съ королемъ во главѣ, заботились о достоинствѣ католического прелата.

Жалкіе правители обуреваемаго государства держали совѣтъ по возбужденному думнымъ дьякомъ вопросу, и приговорили, чтобы примасъ освѣдомился о царскомъ здоровье сидя. Узнавъ объ этомъ, царскій гонецъ сдѣлалъ имъ выговоръ, сознавая, безъ сомнѣнія, какую силу задѣваютъ *безмозглыe* (такой эпитетъ придавали Москали Полякамъ), и какое можетъ послѣдовать за то возмездіе:

„Или у васть арцыбискупъ найвышши королевскаго величества, что королевское величество про здоровье великаго государя нашего спрашивалъ всегда стоя, а арцыбискупу спрашивать сидя? Слушное ль то дѣло? И помыслить про то страшно. А великій государь нашъ, его царское величество, жалѣя объ васъ, что вы остались безгосударны, прислалъ меня къ вамъ съ своего царского величества грамотою въ вашихъ незгодахъ навѣстить, и писаль въ своей государевой грамотѣ о великихъ государственныхъ дѣлехъ, которые настоять обоимъ великимъ государствамъ къ покою и къ тишинѣ и ко всякому добру, и паномъ-радѣ ту царского величества милость надобно было знать“.

Для представителей римского просвѣщенія тѣмъ зазорнѣе было выслушать отъ Москала подобную нотацію, что, повертѣвшись нѣсколько дней, они были заставлены, во все время какъ онъ читалъ „царское именованье и государскіе титулы“, стоять со своимъ арцыбискупомъ безъ шапокъ, а „также и про царское здоровье спросить съ полнымъ государскимъ именованьемъ и государеву грамоту принять— по тому же, стоя безъ шапокъ“.

Въ лицѣ римскому папѣ, Кунаковъ потребовалъ, чтобы при аудиенціи папскій легатъ не присутствовалъ. „Легату римскому“ (объявилъ онъ) „и въ полатѣ той у пановъ-радѣ быть при немъ непригоже, а не токмо что ему въ то время съ паны-рады сидѣть, потому: присланъ я отъ великаго государя, отъ его царского величества, къ паномъ-радѣ Коруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго, а легату до того какое дѣло? И только въ то время легатъ хотя и въ полатѣ у пановъ-радѣ будетъ, а не токмо что съ паны-рады учнетъ сидѣть, и мнѣ къ паномъ-радѣ идти не мочно“.

Уничтоженные въ лицѣ своего гостя и политического наставника паны-рады, узнавъ содержаніе грамоты, благодарили царя (какъ писаль Кунаковъ) за то, что онъ не воспользовался ихъ великимъ упадкомъ, не наступилъ на ихъ украины и не сдѣлалъ имъ никакой неправды въ ихъ вдовьe время; но въ благодарственной грамотѣ хотѣли написать сперва имя своего новоизбраннаго короля, потомъ имя арцыбискупа гнѣзенскаго и всѣхъ пановъ-рады, а потомъ уже имя московскаго цара съ его полными титлами. Кунаковъ снова замѣтилъ строго, что „новыхъ непристойныхъ къ государской чести образцовъ вчинать имъ непригоже,— что объ этомъ даже и помыслить непристойно и страшно“. Паны были приуждены написать свою благодарность по указанію московскаго дьяка.

Въ Москвѣ не забыли тяжкихъ обидъ и оскорблений, напесенныхъ русской національности латинизованными панами въ Смутное Время.

Но не единственнымъ словомъ не помянуль старого Кунаковъ теперь, когда бывшіе владыки Москвы очутились подъ ногами „растоптавшаго польскую славу“ козака. Онъ дѣйствовалъ съ благороднымъ тактомъ и съ истиннымъ достоинствомъ по вопросу о присоединеніи Русской Земли къ *Rуси*, вопросу, очевидно, уже предрѣшенному, и въ бесѣдѣ съ представителями Польши твердилъ одно:

„Нашему великому государю, его царскому величеству, недруга ни съ которые стороны отъ иноземныхъ государей нѣть. Нашъ великий государь, его царское величество, жалѣя о васъ, что вы остались безгосударны, велѣлъ мнѣ васъ навѣстить, и писаль въ своей царскаго величества грамотѣ о покой христіанскомъ; также и къ гетману къ Богдану Хмельницкому отъ великаго государя нашего, отъ его царскаго величества, писано, чтобъ онъ, сослався съ паны-рады, нынѣшнюю междуособную войну и многое кровопролитіе умирить; и та его царская милость къ вамъ и ко всей Рѣчи Посполитой пынѣ и самимъ вамъ явна. А войска у великаго государя нашего, у его царскаго величества, всегда наготовѣ многая рать, и царскаго величества у бояръ и воеводъ по полкамъ расписаны, по тридцати и по сороку тысячъ въ полку и больши; такъ же и гусары, и райтары, и драгуны, и салдаты въ строеніи у полковниковъ и у всякихъ начальныхъ людей многие полки; и все царскаго величества войска воинскому ратному рыцерскому строю навычны. Хоти ему, великому государю нашему, и недруга никого нѣть, только его государскимъ разсмотрѣньемъ во всѣхъ его государствахъ и по украинамъ войска многие полки всегда наготовѣ. И ко всѣмъ людемъ, къ поданнымъ своимъ и къ иноземцамъ, государь нашъ, его царское величество, милостивъ и щедръ, и наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ, и храброму ученью навыченъ, и къ воинскому ратному рыцерскому строю хотѣніе держитъ большое по-своему чину и достоянью“.

Поѣзда Кунакова въ Krakovъ и Varшаву была своего рода политическая пропаганда, основанная на заявленіяхъ украинскихъ и белорусскихъ жителей о желаніи присоединиться къ Россіи. Но, не ограничиваясь этой пропагандою, Москва, какъ мы видѣли, послала и въ Козацкую Украину такого же гонца, дворянинъ Унковскаго. Унковскій долженъ былъ вывѣдывать всѣ тѣ данія, па которыхъ предстояло строить политическое единство Русской Земли.

Дѣла Сибирскаго Приказа въ московскомъ архивѣ Министерства Юстиції сохранили слѣдующія подробности этого посольства.

Въ сопровожденіи полковника Мужиловскаго, Унковскійѣхъ изъ Путівля на Конотопъ, Красный, Прилуки, Басань, Переяславъ,

Глемязовъ, и 10 верстъ плылъ внизъ по Днѣпру, переправляясь въ Домонтовъ. 15 апрѣля прибылъ онъ въ Черкасы (которые въ статейномъ спискѣ своеемъ называетъ Черкасскомъ), направляясь въ Чигиринъ.

Не доѣзжалъ 10 верстъ до Чигирина, Мужиловскій поскакалъ впередъ, и встрѣтилъ царскаго посланника, въ сопровожденіи гетманскаго хорунжаго, съ привѣтствіемъ отъ гетмана. Въ полуверстѣ отъ Чигирина встрѣтили царскихъ людей сыцъ Хмельницкаго Тимоѳея, два писаря, Кричевскій и Выговскій, войсковой есаулъ, паволочскій войтъ, да еще сотникъ и атаманы, человѣкъ 20, всѣ пѣшкомъ. Унковскій также сопѣль съ лошади. Молодой Хмельницкій извинялся, что встрѣтилъ его не раньше и притомъ пѣшкомъ. „Подъ городомъ великая вода. Снесла она мосты и плотины, а судовъ такихъ не изготовлено; лошадей перевозить не на чёмъ“. Унковскій пригласилъ Тимоѳея сѣсть на лошадь Мужиловскаго, а всѣ остальные пошли пѣшкомъ. Черезъ Тясминъ переправились на лодкахъ. На берегу ждали лошади.

Царскому посланнику отвели квартиру въ домѣ городничаго, Яна. Гетманъ прислалъ Унковскому свѣтлые припасы *) съ извиненiemъ, что, по болѣзни, не могъ его встрѣтить. Благодаря за кормъ Унковскій просилъ, чтобы гетманъ принялъ его какъ можно скорѣе и чтобы на его приемъ не было пословъ и посланниковъ другихъ государствъ.

На другой день, 17 апрѣля, къ Унковскому пришли два писаря, войсковой есаулъ, паволочскій войтъ и чигиринскій атаманъ съ приглашеніемъ на свиданіе съ гетманомъ. Унковскій поѣхалъ на присланномъ отъ гетмана конѣ. Впереди подъячій везъ государеву грамоту, а по сторонамъ шли писаря, есаулъ, войтъ и атаманъ. На гетманскомъ дворѣ, у крыльца, встрѣтили его близкіе гетманскіе люди, а въ свѣтлицѣ, у самой двери, самъ гетманъ.

Принявъ отъ Унковскаго грамоту, Хмельницкій поцѣловалъ печать. То же, по его приказанію, сдѣлалъ обозный Чорнота. Унковскій спросилъ, отъ имени государя, о здоровье гетмана и все войско. Въ

*) Въ статейномъ спискѣ эти припасы изчислены такъ: „10 хлѣбцовъ пшеничныхъ малыхъ; 10 хлѣбцовъ ржаныхъ людскихъ, гуси, утю, двухъ поросятъ, четырехъ куръ, 50 яицъ, 2 сыра, баранъ, ногу говядины, 50 черенковъ соли; пятья: стекляницу вина двойнаго, стекляницу вина конгерского, стекляницу мальвазии, ведро вина простаго, ведро меду, 5 ведеръ пива, 10 свѣчъ сальныxъ, четъ овса и остралюкъ сѣна“. Если еще понадобится кормъ, просили обращаться на гетманскій дворъ.

отвѣтъ на это всѣ низко поклонились. Гетманъ также спросилъ о здравьѣ государя и царевича Димитрія Алексѣевича. Тогда посланникъ объявилъ государево жалованье: гетману три сорока соболей, сыновьямъ его, Тимоѳею и Юрію, обозному Ивану Чорнотѣ, писарямъ Ивану Кричевскому да Ивану Выговскому, войсковому эсаулу Михайлу Гетману; Костырскому Яну, полковникамъ: черниговскому Федору Вешняку, корсунскому Морозенку, вѣжинскому Шумейку, миргородскому Матвѣю Гладкому—по парѣ соболей *). Хмельницкій прочелъ царскую грамоту про себя и, сноса поцѣловавъ печать, отдалъ Выговскому, благодарилъ за милостивое слово, посадилъ Унковскаго возлѣ себя и, когда полковники уѣхали по скамьямъ, пригласилъ его къ обѣду. За обѣдомъ о предметѣ посольства не говорили.

Черезъ день Унковскій снова пріѣхалъ къ гетману съ прежней церемоніей и нашелъ у него всю старшшу, какая на то время оказалась въ Чигиринѣ. Поздоровавшись, гетманъ удалился съ нимъ, съ его подъячимъ и съ Выговскимъ въ отдѣльную комнату. Прочie были собраны въ домѣ Хмельницкаго лишь для того, чтобы служить органомъ толковъ о царскомъ посольствѣ и пускать въ ходъ о немъ вѣсти, какія были нужны козацкимъ политикамъ.

Запершись вчетверомъ отъ своего національнаго собранія, Хмельницкій объявилъ, что не можетъ, какъ написано въ грамотѣ, послать къ панамъ-радѣ съ ходатайствомъ обѣ избраціи царя на польскій престолъ. „То дѣло мнновалось: въ Польшѣ король выбранъ. Пускай теперь государь самъ наступить на Литву, и она навѣрное предложитъ ему свою корону; а на Польшу я и Войско Запорожское помоги не просить. Польшѣ противъ настѣ и крымскаго царя не устоять, и великий государь станетъ государемъ Литвѣ и Польши. Да писать я, чтобы великий государь принялъ меня съ войскомъ подъ свою высокую руку; но въ царской грамотѣ отвѣта на это вѣть. Не наказано ли тебѣ что-нибудь обѣ этомъ?“

Унковскій отвѣчалъ: „Если дастъ Богъ, вы освободитесь отъ Польши и Литвы безъ нарушенія мира, тогда великий государь васъ пожалуетъ, велитъ вамъ быть подъ его высокою рукою“.

„Да мы и теперь свободны“ (сказалъ Хмельницкій). „Цѣловали мы крестъ служить вѣрой и правдой королю Владиславу, а теперь въ Польшѣ и Литвѣ выбранъ королемъ Янъ Казимиръ и коронованъ; однако, настѣ Господь отъ нихъ избавилъ. Короля мы не выбирали и креста ему не цѣловали, а они къ намъ о томъ не писали и не

*.) Достойно замѣчанія, что Унковскій обошелъ подаркомъ павловеческаго войска, несмотря на его видную роль въ церемоніалѣ Хмельницкаго.

присылали, а потому мы свободны. Почему же теперь государю не помочь намъ? Если онъ опасается Польши и Литвы, что въ прошлые годы причинили Московскому Государству многія бѣды и разореніе, то теперь этого опасаться нечего: безъ нашего Запорожского Войска вездѣ они будутъ худы, а и въ тѣхъ-то войнахъ были сильны лишь нашимъ войскомъ. Теперь счастье само дается въ руки государю: безъ всякаго ущерба, онъ можетъ получить большое государство и множество ратныхъ людей. А мы желаемъ поступить подъ государеву руку, потому что наша благочестивая вѣра явилась отъ общаго корня, отъ Св. Владимира, только Ляхи своими неправдами отлучили нась отъ Московскаго Государства. А я такъ думаю: на чьей сторонѣ Войско Запорожское и вся Вѣлая Русь будетъ, та сторона будетъ страшна всѣмъ непріятелямъ, потому что Войско Запорожское имѣть огромныя силы, чтѣ извѣстно и государю, и если насть великій государь не принимаетъ и отъ своей милости отгоняетъ, то намъ кажется, что мы, православные христіяне, ему негоды, и милостивымъ къ намъ быть не хочетъ“.

Здѣсь надобно упомянуть, что въ Черкасахъ Упковскій видѣлся (конечно, не случайно) съ сотникомъ Яномъ Кравченкомъ, который только что вернулся изъ Крыма и сообщилъ ему, что крымскій ханъ со всей Ордой идетъ къ Хмельницкому, и будетъ къ Троицкому дню, и говорилъ ему: „Какъ намъ Богъ поможетъ повоевать Ляховъ, тогда вы, козаки, идите съ нами воевать Москалей за ихъ неправды,—что они нынѣ во всемъ передъ прежними крымскими царями чинять намъ великія кривды, казну даютъ не сполна и пословъ напихъ безчестіемъ и по городамъ разсылаютъ, и голodomъ морятъ“.

Не смотря на клятвенное увѣреніе сотника Яна, что ханъ дѣлалъ такія угрозы, представитель крѣпкодумной Москвы отвѣчалъ на разбойное домогательство представителя днѣпровской вольницы спокойно:

„Такія рѣчи говоришь ты, гетманъ, не помня къ себѣ царской милости. Отъ вѣка прежніе гетманы и Войско Запорожское не видали такихъ милостей, какъ милость къ тебѣ. Въ прошломъ 156 (1648) году присыпали къ государю извѣстіе паны-рада польскіе и литовскіе, что Войско Запорожское отъ нихъ отложилось и войну противъ нихъ начало, а потому просили на васъ помочи ратными людьми, согласно договору; но великій государь и не подумалъ посыпать на васъ войско, а напротивъ, отвѣчалъ, чтобъ они войны и кровопролитіе прекратили. Затѣмъ, когда государь узналъ, что у васъ хлѣбъ не родился, саранча поѣла, а соли по причинѣ войны добыть негдѣ, то позволилъ

вамъ покупать хлѣбъ, соль и всякие товары въ своихъ городахъ и пріѣзжать для покупки торговымъ людямъ. Чѣмъ, еслибы великий государь запретилъ вамъ вывозить изъ своего государства хлѣбъ, соль и всякие товары? Вѣдь вы тогда всѣ умерли бы съ голода. Когда яѣхалъ сюда черкасскими городами, то народъ говорилъ мнѣ, что они всѣ молятъ Бога за эту милость государеву. Да вотъ и сейчасъ государь жалуетъ васъ новою милостью: дозволяетъ кашимъ людямъ вывозить всякие товары въ свои порубежные города безпопытно».

Гетманъ съ благодарностью объявилъ, что онъ также прикажетъ пропускать изъ Московскаго Государства торговыхъ людей со всякими товарами безпопытно же.

„А долго ли быть у васъ войнѣ съ Поляками“ (спросилъ Унковскій), „и на чёмъ вы хотите порѣшить?“

„Ну, нашей войнѣ съ Ляхами и Литвою конецъ одинъ Богъ вѣдаетъ“ (отвѣчалъ Хмельницкій). „Много они намъ бѣдъ и разореній причинили: святыя Божіи церкви сквернили, пась хотѣли неволить въ свою проклятую вѣру; но милосердный Богъ призрѣль па папи слезы и терпѣніе, не допустилъ ихъ въ конецъ настъ разорить, подавши намъ побѣду на нихъ за ихъ злодѣйство, а мнѣ, послѣднему въ человѣцѣхъ, повелѣль надъ Войскомъ Запорожскими въ войнѣ сей начальникомъ быть и надъ Ляхами побѣды имѣти. Послѣ этихъ побѣдъ Лахи и Литва присылали къ намъ пословъ и много разъ писали, чтобы намъ по-прежнему быть подъ ихъ властью на томъ условіи, что они будутъ почитать святыя Божіи церкви и православную христіянскую вѣру, не будутъ держать ляцкихъ духовныхъ и дадутъ намъ во всемъ повольность, а мнѣ, гетману, даютъ городъ Чигиринъ да еще четыре города, гдѣ я хочу, и кромѣ того кіевское воеводство: въ этомъ они готовы присягнуть. Однако, мы знаемъ, какова ихъ присяга. И прежде сні не разъ присягали, да присяга не удерживала ихъ отъ притѣсненій и кровопролитья. А теперь, какъ слышно, за нынѣшнюю войну грозятъ не оставить въ живыхъ ниодного козацкаго младенца. Я съ своей стороны предлагалъ имъ помириться на томъ, чтобы имъ, Ляхамъ и Литвѣ, до насъ, Войска Запорожскаго, и до Бѣлої Руси дѣла не было, а границы наши и Бѣлої Руси были бы тѣ же, какъ владѣли благочестивые великие князья. Если они не пойдутъ на предложенные мною условія, то война затянется Богъ знаетъ до коихъ поръ; а если согласятся помириться, то послѣ мира къ кому намъ обратиться, какъ не къ великому московскому государю? Не турскаго царя и не пѣмѣцкихъ королей призывать“.

Какъ ни бравурствовалъ, какъ ни лгалъ татарскій побратимъ передъ царскимъ посланикомъ, тотъ молча смекалъ, что у него на умѣ, и не пошелъ дальше увѣреній, выслушанныхъ Мужиловскимъ въ Москвѣ, что великий государь, его царское величество, гетмана и все Запорожское Войско *жалуетъ и милостиво похваляетъ*.

Не зная, чѣмъ импонировать видавшему виды Москалю, Хмельницкій принялъся снова хвастать и лгать: „Если, Богъ дастъ, эту войну кончимъ благополучно, тогда и царь (то-есть ханъ) со всѣмъ Крымомъ хочетъ освободиться изъ неволи отъ турецкаго султана, и меня съ Войскомъ Запорожскимъ позоветъ на помощь, а за помощь уступаетъ памъ весь турецкій полонъ и животы, какъ мы поступили ему польскимъ полономъ и животами... (въ обоихъ полонахъ православные составляли огромное большинство). Да ханъ же говорилъ мнѣ, что у нихъ мудрые люди въ книгахъ своихъ написали, что пришло время православнымъ христіянамъ освободиться отъ всѣхъ вѣръ. Въ то время, какъ папы послы были у хана, пришли къ нему послы и отъ польского короля и паповъ рады, и предлагали ему получить большую казну, съ условіемъ отступиться отъ Войска Запорожскаго. Ханъ прислая королевскій листъ ко мнѣ и спрашивалъ, какъ ему поступить. Я посовѣтовалъ ему взять ту казну, которую ему даютъ, и потому идти съ нами воевать. Онъ такъ и сдѣлалъ. Да въ прошломъ году, послѣ польской войны, ханъ предложилъ мнѣ идти съ нимъ воевать Московское Государство, но я его унялъ, пригрозивши тѣмъ, что если онъ попуститъ свое войско подъ государевы украинные города, то мы, Войско Запорожское, отступимся отъ него и пойдемъ воевать Крымъ, потому что у насъ съ Московскимъ Государствомъ единственно православная христіанская вѣра“...

Такъ ораторствовалъ Хмельницкій передъ царскимъ дворяниномъ. Но тотъ былъ себѣ на умѣ, и не пошелъ дальше милостивой похвалы Запорожскому Войску.

Слухи о спопеніяхъ Козацкаго Народа съ московскимъ царемъ давно уже тревожили правителей Народа Шляхтскаго. Еще въ „Дискурсѣ“ Конецпольскаго было высказано опасеніе, что Москва, владѣя Крымомъ, оторвутъ козаковъ отъ Польши и вѣрою, и надеждою добычи, а потомъ оторвутъ и всю Русь. Опасная межепъ въ составѣ Польского государства постоянно давала себя чувствовать его составителямъ. Не постигая духа великой нації, воспитанной православіемъ, католики вѣрили *коварнымъ* стачкамъ русскихъ государственниковъ съ русскими антигосударственниками, и не находили ничего противостоящаго въ томъ, что козаки поступились Москалиемъ Украиной

по Днѣпру, а тѣ тайкомъ обязались помочь козакамъ разорять Польшу. Имъ грезились царскія посольства въ Украину, предательскіе договоры атамана разбойниковъ съ преемникомъ Іоанновъ; а Хмельницкій, пользуясь этимъ, пускалъ въ ходъ выдумки, по давнишнему козацкому обычая. Вѣрили *тайнымъ* договорамъ его съ царемъ и козаки, такъ какъ, не смотря на всѣ ихъ злодѣйства въ Московщинѣ, послѣднимъ убѣжищемъ представлялась имъ всѣ-таки Царская Земля. Поэтому-то полученная отъ царя грамота, дважды поцѣлованная публично гетманомъ, была сообщена одному Выговскому, и переговоры съ Унковскимъ велись таинственно, только въ присутствии гетманского канцлера.

Правда факта проникала и въ папскія головы; но головъ, способныхъ отличать истину отъ вымысла, въ іезуїтѣномъ обществѣ было немногого. Такъ, по современнымъ польскимъ письменамъ, царь, осаждаемый просябами днѣпровскихъ козаковъ о наступленіи па его супостатовъ, уклонялся отъ разрыва съ Польшию, и желалъ успѣха козакамъ лишь въ такомъ случаѣ, если причиной ихъ бунта одна *только вѣра*. Но большинство паповъ, съ іезуїтской факціей и королемъ во главѣ, относились къ царской и къ гетманской политикѣ безразлично.

Королевскіе сановники знали, что Хмѣль вошелъ въ спонженія и съ другими союзами. Относительно политическихъ развѣдокъ они были дѣятельнѣе, чѣмъ въ добываніи вѣстей о непріятелѣ посредствомъ боевыхъ подъѣздовъ. Они знали, что трансильванскій князь Ракочій занескаиваетъ расположности козаковъ въ виду своей борьбы съ Габсбургскимъ домомъ, и что онъ питаетъ падежду, съ помощью Хмельницкаго, овладѣть польскимъ престоломъ, на который мѣтилъ его отецъ, и который, по смерти отца, некоторые паны во время злекціоннаго сейма, были готовы предоставить сыну. Знали королевскіе люди и то, что оба придунайскіе князья опасались, какъ бы Хмельницкій, за татарскую помощь, не отдалъ Волоховъ и Мултанъ Туркамъ въ полное подданство. У нихъ посился слухъ, что, еще до похода на Волынь, козацкое посольство было въ Константинополь и обѣжало султану всю Русскую Землю отъ Днѣстра до Люблина, съ тѣмъ чтобы козаки находились подъ покровительствомъ Турціи, какъ данники. Наконецъ, они узпали, что турецкій посланникъ отправленъ къ Хмельницкому для заключенія торгового и оборонительного договора. Венеціанская война склонялась въ пользу Турокъ. Республіка Св. Марка предлагала уже султану денежную сдѣлку. Еслибы Турція удосужилась на морѣ, тогда силы ея должны были

обратиться къ войнѣ сухопутной, и всего скорѣе—къ войнѣ съ Лехистаномъ, который пугалъ Турокъ перемириемъ съ козаками, готовыми сражаться изъ-за добычи подъ какимъ угодно знаменемъ.

Все это заставляло правительствующихъ пановъ торопиться съ отправкою къ Хмельницкому обѣщанныхъ королемъ комиссарамъ. Но произошла остановка за деньгами. Поляки, предлагавшіе хану, по увѣренію Хмельницкаго, „большую казну“, которую будто бы ханъ и получилъ отъ нихъ, не имѣли въ Коронномъ Скарбѣ и такой казны, чтобы дать на дорогу комиссарамъ!... На эту погу вѣчно хромала олигархическая республика, дававшая частнымъ лицамъ скоплять въ своихъ скарбовняхъ миллионы, и не умѣвшая пополнять недочеты государственного казначейства.

Королевскіе комиссары были набраны изъ остатковъ старорусской знати, растворившейся уже въ польщизнѣ, хотя некоторые почему-то, или для чего-то, сохраняли еще на себѣ образъ древняго русскаго благочестія, отвѣргшись его духа, духа національности. Первымъ и главнымъ членомъ новой комиссіи былъ назначенъ необходимый до конца панскому большинству Адамъ Свѣтольдичъ Кисѣль; вторымъ—его племянникъ; третьимъ—князь Четвертицкій; четвертымъ—Березовскій; пятымъ—Зеленскій. Шестаго, Войцѣха Мясковскаго, по крестному имени католика, слѣдовательно полнаго Ляха, и только по фальшивому—Русина-Недоляшка *), придали къ нимъ въ видѣ надзирателя, яко папскаго прозелита. Вмѣстѣ съ комиссарами отправилось въ Козацкую Украину болѣе двадцати человѣкъ пріоровъ, гвардіановъ и другихъ ксендзовъ, какъ бы для того, чтобы представители римской проповѣди въ польско-русскихъ областяхъ видѣли собственными глазами результаты стараній братіи своей разрушить въ Малороссії греческую церковь руками ея недавнихъ отступниковъ, и навязать римскую вѣру потомкамъ ея исконныхъ отрицателей.

Отступникъ русской вѣры и національности, Войцѣхъ Мясковскій, какъ и всѣ полонизованные Русичи, былъ чуждъ историческаго разумѣнія, того, что сдѣлала изъ богатаго и спокойнаго края римская проповѣдь вмѣстѣ съ нѣмецкимъ вѣроученіемъ, отрицательно его же порожденіемъ, да съ польскою неурядицей. Такое разумѣніе доступ-

*) Предокъ его былъ какой-нибудь Мяско. Нѣкоторые пишутъ Мясковскаго *Miaszkowskimъ*, но отъ польского *miaslo* такъ точно нельзя произвести *Miaszkowski*, какъ отъ русскаго *Бѣла*—польскаго имени *Bielski* (а Поляки желаютъ, чтобы первый, писавшій исторію ихъ по-польски (а не по-латыни), не былъ нашъ Русинъ).

но только людямъ нашего времени, если они не фанатики лахоманы и не архифанатики козакоманы. На руину чужой культуры въ родномъ краѣ Мясковскій взиралъ глазами сопутствовавшихъ ему пріоровъ да гвардіаповъ,—взиралъ глазами ихъ питомицы, олигархически господствующей, шляхты. Онъ вель дневникъ новой комиссіи изо дня въ день, и въ своемъ возврѣніи вдавался въ такія же крайности, какія, въ противоположномъ смыслѣ, были свойственны возврѣніямъ республиканцевъ-охлократовъ; но тѣмъ не менѣе сохранилъ для настѣнокъ многія черты обѣихъ борющихся республикъ. Я представлю эти черты, по возможности, его собственными словами. Пускай каждый свяжетъ ихъ въ умѣ своемъ съ общимъ выражениемъ польско-руссской жизни, стремившайся къ неразлучному сліянію въ „рускомъ морѣ“ наперекоръ всякимъ предусмотрѣніямъ и предотвращеніямъ римско-польскихъ политиковъ,—наперекоръ всѣмъ досадамъ и антипатіямъ, порожденнымъ противоположностью церковной проповѣди, и даже—различіемъ исторической жизни со временемъ отдаленныхъ.

Мясковскій могъ выѣхать изъ Варшавы едва черезъ шесть недѣль послѣ злекціи, тогда какъ у другаго правительства и шестидневная отсрочка была бы въ этомъ случаѣ медленностью непростительнуюю. Его задержали „скарбовые люди“ выдачею денегъ на издержки комиссіи. Тѣмъ и начинаетъ онъ дневникъ свой: „*dla niezychlej odprawy Skarbu*“, давая этимъ знать, что повредило второй Киселевской комиссіи со стороны правительствушихъ пановъ.

„Земскій маестатъ (*ziemska majestas*)“, по волѣ котораго „цари царствуютъ (*reges regnant*)“, и который „предь лицомъ Неба творить великихъ монарховъ (*teste coelo wielkich monarchi w krenjo*)“, какъ выражались ораторы на избирательномъ сеймѣ,—этотъ шляхетскій маестатъ сотворилъ великаго монарха изъ маленькаго Яна Казимира, но не могъ спасти его средствами даже для комиссарскаго конвоя. Великій монархъ повелѣлъ одному изъ своихъ вѣрноподданныхъ, литовскому гетману князю Радивилу, дать въ провожатые Киселю съ товарищи „200 копей“, но вѣрноподданный Литворусь-кальвицістъ далъ только десятка полтора конныхъ Татаръ (*kilkanaście tylko koni Tatarów*), найдя какую-то отговарку (*wymówił się z tej uczynnoścі*), въ родѣ той, какою онъ оправдалъ жолнерское козакованье передъ своимъ сановитымъ дѣдушкой.

Неутомимый въ миротворной дѣятельности своей Кисель пустилъ въ путь, не дождавшись денегъ. Мясковскій, выѣхавъ наконецъ съ деньгами 1 января 1649 года, догналъ его 7-го въ Кобринѣ, и вручилъ ему 10.000 злотыхъ на эту дорогу.

Комиссары, съ ассистенціей своеї, двинулись далѣе, подъ прикрытиемъ только сотни драгунъ, навербованныхъ коштомъ познанскаго бискупа, Андрея Шолдскаго. Конечно, бискупа интересовалъ поѣздка ксендзовской миссіи больше, чѣмъ кальвіниста, къ которому вовсе неистати обратился съ повелѣніемъ великой монархъ.

10 января присоединился къ нимъ кіевскій каштелянъ Бржозовскій, то-есть Березовскій (которому Оссолинскій исходотайствовалъ обѣщанную каштелянію, въ полной увѣренности, что онъ, вмѣстѣ съ Косомъ и Киселемъ, поможетъ ему устроить унію потверже Брестской).

14 января съѣхался съ ними племянникъ Киселя, новгородсѣверскій хорунжій.

16 января прибыли комиссары въ имѣніе Киселя Гощу, которую называлъ онъ Гущено въ польской перепискѣ своей. Козатчина отхлынула за Случь, оставивъ по себѣ не изгладившіеся донынѣ слѣды пожаровъ и всѣческаго разоренія. Несмотря на перемиріе, край все еще волновался, какъ море послѣ бури. По удѣлѣвшимъ остаткамъ хозяйственной культуры бродили купы козацкихъ подражателей, называемыхъ вообще гультаями. Народъ мѣстами поразительно разбогатѣлъ грабежемъ панскихъ имѣній, мѣстами терпѣлъ крайнюю бѣдность. Но каждый вдохновлялся живущею доселѣ пословицей: „Богъ не безъ милости, а козакъ не безъ щастя“. Неизвѣстно, какъ обстояло хозяйство въ Гощѣ, но жена Киселя сопровождала его вмѣстѣ съ женами нѣкоторыхъ изъ его спутниковъ, все еще не понимая, что такое собственно есть разнудзанный козакъ, и надѣясь присутствиемъ своимъ смягчить полудикихъ бунтовщиковъ.

Черезъ четыре дня комиссары гостили у князя Корецкаго въ Корцѣ, гдѣ доселѣ видны остатки его замка. Корецъ стоять надъ рѣкой Случью. Это былъ крайній пунктъ, до которого смѣли возвращаться на свои пепелища отважнѣйшіе колонизаторы нашихъ пустынь по слѣдамъ отлива руинной козатчины. Князь Корецкій, православный еще Малоруссъ, съ колонизаціонною дѣятельностью соединялъ огнекомонное козакование, необходимое для отраженія ордынскихъ и домашнихъ набѣговъ. Полувѣра и полуnedовѣра прежнимъ своимъ подданнымъ, онъ собралъ вокругъ себя болѣе 4.000 вооруженныхъ осадниковъ, изъ которыхъ одни боялись другихъ, и потому повиновались князю-осадчему. Дѣло въ томъ, что князь Корецкій держалъ поближе къ себѣ нѣсколько сотъ надежныхъ рубакъ, стрѣлковъ, копейниковъ, и съ ихъ помощью обуздывалъ такую же сбродную дружину людей ненадежныхъ, чтѣдѣлалъ, въ большихъ размѣрахъ, и самъ Хмельницкій, вѣрявшій свою палатку и свой соинъ жалдовымъ Татарамъ.

Цѣлый день провели комиссары въ Корцѣ, и 21 января, переправясь въ Звягль черезъ Случь, вступили на территорію „удѣльного княжества козацкаго“, на границу Киевскаго воеводства, существовавшаго фактически еще весною прошлаго 1648 года.

Князь Четвертинскій ъздилъ къ Хмельницкому въ Чигиринъ съувѣдомленіемъ о приближеніи королевскихъ комиссаровъ и съ приглашеніемъ въ Киевъ на комиссію. По распоряженію гетмана, на границѣ его татаро-козацкаго кочевья встрѣтили комиссаровъ полковникъ Донецъ и сотникъ Тиша, съ конвоемъ въ 400 человѣкъ.

„Въ Бышовѣ“ (пишеть Масковскій) „догналъ насъ брацлавскій подчашій Зеленскій, которому я отдалъ на эту дорогу изъ Скарба 3.000 злотыхъ“.

Къ ночи того же дня прибыла комиссія въ имѣніе Киселя, Новоселки, въ 15 миляхъ отъ Киева. Отсюда Кисѣль вновь послалъ князя Четвертинскаго къ Хмельницкому съ просьбою выѣхать въ Киевъ на комиссію, и цѣлую недѣлю ждалъ его отвѣта. Въ это время, по словамъ Масковскаго, панъ воевода и его пани претерпѣли „разные контемпты отъ хлопства“, то-есть отъ своихъ подданныхъ. „Живность“ (пишеть онъ) „затруднительна и дорога: не только зерна, но и соломы для лошадей не было. Бунты подданныхъ противъ самого пана и дѣдичной пани“.

Такъ привѣтствовала миротворца окозаченная родина, куда надежда угононить Хмеля влекла его какъ будто для того, чтобы онъ уразумѣлъ наконецъ смѣшную и печальную роль свою.

Февраля 2, въ Бѣлогородцѣ, въ трехъ миляхъ отъ Киева, комиссары испытали такое же беспокойство и недостатокъ (*niewczas i niedostatek*). Но Кисѣль и Березовскій отвели душу въ бесѣду съ православными единомышленниками своими: митрополитъ (Косовъ) и архимандричь (печерскій Тризна) выѣхали сюда для секретнаго совѣщанія (*ad secretum colloquium*)“.

Въ Киевъ козаки не впустили королевскихъ комиссаровъ, а посланцовъ Кислевыхъ, шляхтичей Гнѣздовскаго и Брышовскаго, привали тамъ съ презрѣніемъ (*znieważono*), Кисѣль одинъ ъздилъ подъ Киевъ для бесѣды съ митрополитомъ.

Изъ Гвоздова 12 (2) февраля отправилъ онъ племянника своего и „бывшаго королевскаго посла, Смяровскаго“, секретаря комиссіи, къ Хмельницкому съ убѣжденіемъ выѣхать въ Киевъ на комиссію. Хмельницкій мѣстомъ сѣѣзда назначилъ Переяславъ.

„Въ сырощупную недѣлю“ (пишеть Масковскій) „пустились мы къ лѣсникамъ на Киевъ черезъ Хотовку, мѣстечко князя Корецкаго. За-

ступили дорогу пану воеводѣ, съ которыемъ сидѣли мы въ однихъ саняхъ, тамошніе козаки съ хлопствомъ, и не пустили далѣе, держа подъ уздцы коня подъ козакомъ, который несъ за паномъ воеводою знакъ. Мы были принуждены и того козака, и самихъ себя окупить талерами, будучи въ небольшой купѣ, безъ козацкихъ и драгунскихъ хоругвей“.

Еще изъ Новоселокъ послалъ Мясковскій такую реляцію въ Варшаву, которая уничтожала всякую надежду и всѣ мирныя ожиданія, возбужденныя Хмельницкимъ. Хмельницкому было нужно пріостановить панскія вооруженія и панскія военныя распоряженія для того, чтобы довѣрчивые Ляхи дали ему время разобраться въ своихъ разнообразныхъ *lu'naх*. Это видно изъ его письма къ султану-галгѣ, о которомъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

„Пришли мы сюда подъ Кіевъ“ (писалъ въ Варшаву Мясковскій), „какъ въ пустопорожнюю непріятельскую область (*jako in hosticum solum*). Всѣ города и села полны козаковъ. Отряды ихъ ведутъ и сторожатъ насъ. Повсемѣстно враждебность (*undique hostilitas*). Съѣстные припасы добываемъ съ трудомъ и платимъ дорого. Кругомъ саранча—козаки и Татары. На зиму ничего не сбояли. Въ города непускаютъ. Кто отстанетъ или возьметъ въ сторону, тотчасъ погибнетъ, какъ это недавно случилось въ Черняховѣ, гдѣ папъ Можайскій и панъ Лютомирскій, добрый и нужный слуга, убиты съ нѣсколькими другими, а Радивиловы Татары-козаки едва ушли, рапенные и ободранные. Хмельницкій возвысясь побѣдою (*clatus victoria*), не согласенъ на конгрессъ (*congressum nie pozwala*); не даетъ отвѣта; посланцовъ задерживаетъ подъ стражею... Причиною тому іерусалимскій патріархъ, который далъ ему титулъ русскаго плюза (*titulum lucis Russiae*) и сравнялъ его съ Константиномъ Великимъ. Причиной тому и послы отъ Ракочія. Того и другаго падобно было упредить; но несчастная отправа (съ дельгами), медленная скарбовая экспедиція, какъ бы завидуя успокоенію отчизны, повергла ее въ отчаяніе (*zajrzala ojczuznie rokoju desperacuej*)... Отъ кіевскихъ чернцовъ, посредниковъ его съ Лупуломъ, узнали мы, что Хмель хотѣлъ идти на Волоховъ, но Лупуль прислалъ ему подарки и патралливастъ его на насъ. И патріархъ побѣжалъ въ Москву, чтобы царя соединить съ Лупуломъ противъ насъ. Тогай-бей господствуетъ и на Саврані, и на Чечельнику. Живность ему доставляетъ Умань, и у него уже тысяча 70. Со всѣхъ сторонъ принимается къ себѣ и вѣрующихъ, и невѣрующихъ въ Бога, всѣхъ націй и религій; тотчасъ и жолдѣ, и вооруженіе. Хмель отдалъ ему Баръ и Цацарулки, весь трактъ за Днѣпромъ, и по сю

сторону на 20 миль земли. Закаливайте колъя да сабли. Готовьтесь, сколько васъ ни есть, конные и пѣшіе (*quoniam estis, equites et pedestres*). Не жалѣйте скарбовъ и не щадите, или же—нагните шеи подъ ярмо гадкимъ хлопамъ (*albo szuje brzydkiemu chłopstwu sub jugum podajcie*). Намъ уже Турки“ (т.-е. невѣрные козаки) „и Кодакомъ грозятъ“ (т.-е. что Хмѣль комиссаровъ отправить въ Кодакъ) „п живности не хотятъ продать. Правда, у нихъ немалый голодъ. Пропадутъ и наши кони (*i tu odradniemu od koni*), если пробудемъ здѣсь дольше... Противъ договора“ (съ осажденными въ Кодакѣ), „Хмѣль перевезъ тамоплю артиллерію въ Чигиринъ... Козаки готовы съ Татарами. Сухари берутъ на коней. Недѣли въ двѣ будутъ въ Краковѣ.—Дупши намъ безъ сѣна, овса, ячменя и соломы. Козаки сами гонять лошадей въ поле, въ снѣга, (иной) коней по пятнадцати турецкихъ. А въ Кіевѣ парядовъ и другой одежды видимо-невидимо (*her liczbę*) *.—Вмѣстѣ съ нами пустилось было много кіевской пляхты; по хлопы ниодного не прияли въ ихъ собственные дома, или лучше — па пепелища. Самому пану воеводѣ не дали ни хлѣба, ни соломы.—Начинай отъ Кобрина, костели такъ разорены, что и въ Новоселкахъ не видали мы ниодного ксендза (а было, видно, ихъ довольно у православника Киселя). Шляхетскіе дворы всѣ обращены въ пепель.

Нельзя было комиссарамъ прѣѣхать въ Переяславъ на Кіевъ: они поѣхали на Хвастовъ... Хвастовъ! какія съ этимъ имѣнемъ были соединены у нихъ воспоминанія о добродѣтельномъ бискупѣ (а все таки *biskupiu*) кіевскомъ, Юзефѣ Верещинскомъ, основателѣ первой въ Українѣ типографіи, авторѣ гуманно-политическихъ брошюр, наивныхъ до поэтичности, другѣ и защитникѣ вѣрныхъ еще королю и Республике козаковъ! Бискупъ Верещинскій, окатоличенный съ колыбели Русинъ, наименовалъ было уже колонизованный имъ Хвастовъ Новыемъ Верещиномъ, въ память о родномъ Верещинѣ въ Холмской Землѣ. Онъ, вмѣстѣ съ другими энтузиастами патріотами, ревностно созидалъ „Новую Польшу“, иначе „Нижнюю Польшу“, въ Малороссіи, и не сомнѣвался въ успѣхѣ благого по его воззрѣнію дѣла... Теперь, по словамъ дпевника, козаки съ мужиками (*cum plebe*) пасѣкли и натопили въ этомъ Хвастовѣ не мало пляхты обоего пола (*utriusque*

*) Одною изъ причинъ, почему комиссаровъ не пустили въ Кіевъ, надобно пролагать нежеланіе покупать за небольшія деньги то, что было награблено у пановъ, и при этомъ разузнавать кой-что отъ московскихъ торговыхъ людей.

sexus); а нѣкоторые изъ престарѣлыхъ утопленниковъ могли еще помнить доналивайское время и знать въ лицо добродѣтельного колонизатора Хвастовской пустыни!

Черезъ Днѣпъ переправились комиссары въ Трипольѣ; оттудаѣхали на Воронковъ; отъ Воронкова сдѣлали еще 6 миль, и достигли Переяслава 19 (9) февраля (слѣдовательно, мѣсяца за полтора до выѣзда Унковскаго изъ Малороссии).

Стоять сильный морозъ. Гетманъ Хмельницкій выѣхалъ навстрѣчу королевскимъ комиссарамъ за версту въ поле, въ пѣсколько десятковъ лошадей, съ полковниками, асаулами и сотниками, съ военпою музыкой, подъ бунчукомъ и краснымъ знаменемъ. Послѣ привѣтствія и „коzацкой рѣчи“, сѣлъ онъ въ сани съ лѣвой стороны Киселля. Когда вѣѣзжали въ городъ, велѣлъ ударить изъ 20 пушекъ, можетъ быть, ваятыхъ подъ Корсуномъ или подъ Пилявцами, и пригласилъ пословъ къ себѣ (do swego dworu) на обѣдь.

Въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ панской республики, па долю королевскихъ комиссаровъ выпала самая горестная роль—являть спокойный и величавый видъ, когда въ сердцѣ у нихъ скребли мыши. Пріамово посыпаніе Ахилловой ставки не было столь мучительнымъ. Пріамъ цѣловалъ руки убийцы своего сына, но этотъ убийца былъ ему равенъ, и совершилъ свое кровавое дѣло геройски. Здѣсь пришлося выпрашивать милости у собственныхъ слугъ и рабовъ, которые восторжествовали надъ исконными панами своими предательствомъ христіянъ въ руки непріятелей Св. Креста. Разоренные козако-татарскимъ наществиемъ паны тянулись изъ послѣднихъ средствъ, чтобы одѣть свою ассистенцію и свой шляхетскій конвой сообразно достоинству Рѣчи Посполитой, для внушенія Козацкому Народу грозной по ихъ мнѣнію мысли, что прогнанные изъ Украины землевладѣльцы имѣютъ еще довольно средства для поддержанія владычныхъ правъ своихъ. Съ великимъ опасеніемъ за себя самихъ и за своихъ женщинъ-героинь, добрались они до кратера, всѣ еще колебавшаго страну бунтомъ, всѣ спѣ озарявшаго се пожарами и заливавшаго кровью. Но то, что они видѣли и претерпѣли въ дорогѣ, оказалось менѣе страшнымъ по сравненію съ тѣмъ, что предстояло имъ видѣть и испытать въ самомъ вертепѣ козацкаго Плутона. Дѣйствительность превзошла самое дикое, что ни закрадывалось въ ихъ воображеніе.

Хмельницкій былъ теперь уже не тотъ, какимъ Киселль зналъ его въ то время, когда, вмѣстѣ съ Петромъ Могилою, морочилъ козаковъ поддѣльнымъ королевскимъ письмомъ да укрощацъ евангельскими изреченіями. Ничего шляхетскаго не оставилъ въ своихъ прі-

махъ и обстаповкѣ козацкій Батько. До послѣдняго слова и движенія, превратился онъ въ запорожца, ненавистника всего панскаго и ляцкаго. Къ такому превращенію побудила его не одна мстительная политика, но и горькая необходимость.

Еще въ своемъ „вѣстовомъ письмѣ по літорѣ“ Кунаковъ доносилъ царю, что Татары, послѣ Корсунского погрома Ляховъ, остались у Хмельницкаго и „межъ себя укрѣпились, гетманъ—присягой, а Татаровъ—шерстью, что имъ другъ отъ друга не отступиться, и нынѣ де вся надежда у Богдана Хмельницкаго на тѣхъ Татаръ, которые остались у него, а *Черкасомъ не довѣриваются*“.

Въ настоящее время Козацкій Батько опасался козацкой „зрадливости“ болыше, нежели когда-либо, потому что „фортуна“ послужила ему слишкомъ усердно. Только прикидываясь простакомъ и крайнимъ непавистникомъ Ляховъ, только показывая видъ, что у него съ козаками „дѣума п вѣля единъ“, удерживалъ онъ ихъ въ повиновеніи, да и то съ помошью жалдовыхъ Татаръ. Вспомнимъ показанія плѣнныхъ козаковъ о замѣшательствѣ въ козацкомъ таборѣ подъ Пилявцами. Хотя въ инквизиціонныхъ конфессатахъ падобно видѣть всего больше то, что желали вымучить инквизиторы, но вѣсть о козацкомъ замѣшательствѣ все-таки имѣла свое основаніе. Приходъ орды, по словамъ Мужиловскаго, „печатемый“, сдѣлалъ тогда Хмельницкаго, какъ и въ Дикомъ Полѣ, изъ малаго человѣка великимъ, изъ „послѣдняго вѣ человѣчѣхъ“, какъ онъ выражался о себѣ, первымъ, и съ него все попло у козаковъ на стать. Поэтому онъ и теперь, окруженный козакотатарской ордою, вѣль себя, какъ ордынецъ, или кочевой запорожецъ, такъ что, по замѣчанію одного изъ комиссаровъ, московскій посолъ, человѣкъ почтенный и обходительный, часто бывалъ принужденъ опускать въ землю глаза во время бесѣды гетмана съ полковниками, а посолъ Ракочія, уѣзжая изъ Переяслава, не могъ удержаться, чтобы не сказать полатыни: „Каюсь, что прибылъ къ этимъ свирѣпымъ и безумнымъ звѣрямъ (*Poenitet me ad istas bestias crudelis et irrationalibes venisse*)“.

За обѣдомъ у гетмана шла такая грубая попойка, что могла напомнить знатоку козачини известные запорожскіе стихи:

Въ настѣ у Січі то и вѣровъ, хто *Очинаниї* знає:
Якъ умівесь, устѣвши въ раниці, дакъ чарки шукаде.
Чи чарка то, чи ківіть буде, не глядять переліни:
Гладко пьуть, якъ зъ лука бьуть, до ночіді тіни.

Разгораченные горилкою, гетманъ и полковники не могли воздержаться отъ сарказмовъ па счетъ князя Вишневецкаго, Александра Конецпольскаго, Чаплинскаго и всѣхъ Ляховъ. Но это было только предувѣдомленіемъ къ будущимъ бесѣдамъ съ непавистными гостями.

На другой день, 20 (10) февраля, комиссары совѣщались о томъ, когда вручить гетману булаву и знамя. Въ совѣщаніи участвовали, какъ неизбѣжное, хоть и не созываемое панами, зло, ихъ руководители, ксендзы. Совсѣмъ не слѣдовало бы имъ брать съ собой ксендзовъ сюда, въ ту среду, которая опустошила всѣ костелы, отъ Кобрина до Переяслава. Эти представители католической польщины напоминали козакамъ (а въ козакахъ были и попы *) творца Брестской унії, Скарту, и отступниковъ народной церкви Терлецкаго, Потьля, Рогозу, Рутскаго, Кунцевича.

Члены комиссарской рады разсуждали о Хмельницкомъ, какъ дѣти, или, что все равно, іезуитскіе питомцы, остающіеся до конца въ дѣтскомъ возрастѣ, и рѣшили: отдать ему знаки гетманского достоинства прежде всего (*ante omnia*), „чтобы смягчить его лудкостью и королевскою милостью“.

Этотъ многозначительный актъ Хмельницкій указалъ совершить на майданѣ передъ своимъ дворомъ, вблизи котораго квартировали (какъ написано въ дневнику Мисковскаго) послы московскій и венгерскій. Несли передъ комиссарами булаву кievskій ловчій панъ Криштовскій (это значитъ Русинъ Кротовскій, происходившій отъ Крота), а знамя—kievskій скарбникъ панъ Кульчинскій (опять какое-нибудь полонизованное имя). Ихъ торжественное шествіе возвѣщали гетманскіе трубы и бубны.

Хмельницкій ждалъ королевскихъ комиссаровъ, стоя въ кругу своихъ полковниковъ и другой старшины, въ альтембасовомъ (золото-парчевомъ) красномъ собольемъ кобенякѣ, подъ булочукомъ.

Кисель хотѣлъ произнести рѣчъ, которую сеймовые паны, безъ сомнѣнія, назвали бы *oratio disertissima*; по едва началь восхвалять короля, великаго монарха, какъ стоявшій возлѣ гетмана Джеджелій, или Джеджалы, закричалъ: „Король — яко король, алѣ вы, королята, князи, броите много, и набробили. И ты, Киселю, кість одѣ костелъ пашихъ, одщепивъсѧ еси и накладаешъ зъ Ляхами“...

*) Напримѣръ, въ статейномъ спискѣ Унковскаго говорится: „А Запорожское Войско стоить подъ Баромъ, въ Константиловѣ и въ Гощѣ, подъ начальствомъ Нечая, полковника брацлавскаго, Штепы попа да винницкаго Гавтереика“.

Свое малорусское происхождение Мяскó-Мясковский засвидѣтельствовалъ тѣмъ, что въ дневникѣ комиссии писалъ козацкія рѣчи по-малорусски не какъ иноплеменникъ.

Гетманъ (продолжаетъ онъ) сталъ говорить Джеджалѣ: „Угамуйсь, не роби колоту“ или что-нибудь въ этомъ родѣ (*wział go hamować hetman*); но онъ, пьяный уже, хотя было еще рано (*rjaję rogo gorzałka, choć raną było*) хотѣлъ еще ораторствовать, потрясалъ булавою; однакожъ, видя, что никто его не поддерживаетъ, удалился изъ круга. Вѣроятно, нашлись у гетмана такіе, которые увезли его домой, уговаривая, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ: „Коли двоє кажуть пьяный, дахъ лягай спати“.

Послѣ такой интермедіи, глава королевской комиссии, съ надлежащей торжественностью, отдалъ Хмельницкому „королевские листы“ и „комиссарскій предесъ“ (вѣрищую грамоту), которые были тотчасъ прочтены, потомъ отдалъ украшенную бирюзой булаву (*buławę turkusową*), а племянникъ его — красное знамя съ бѣлымъ орломъ и съ надписью *Iohanes Casimirus Rex Poloniae*.

То и другое принялъ Хмельницкій безъ особеннаго удовольствія (*z jaką taką chęcią*). Намъ вспоминаются при этомъ слова самовидца въ подобномъ случаѣ: „подарокъ онаго въ смѣхъ принялъ, ако тогъ человѣкъ, который и своего много имѣсть“. Булава Николая Потоцкаго и булава Доминика Заславскаго затмевали въ глазахъ Козацкаго Батька туркусовую булаву нищаго короля и цѣнностию, и значеніемъ своимъ. Онъ поблагодарилъ „козацки“, какъ выразился дневникъ Мясковскаго, и пригласилъ комиссаровъ къ себѣ (*do swojej gospody*).

Передъ обѣдомъ Кисѣль произнесъ къ нему рѣчь въ изысканныхъ выраженіяхъ (*gladkimi i wyborowymi slowy*): говорилъ о великихъ сегодняшнихъ подаркахъ, указалъ ему на амнистію прошлыхъ дѣлъ и преступлений его, потомъ на свободу стародавней греческой религіи, на увеличеніе реестроваго войска, на возстановленіе старинныхъ правъ и свободъ запорожскихъ, и наконецъ — что казалось ему всего важнѣе — что региментъ вѣренъ ему, а не кому-либо другому.

Въ иномъ положеніи дѣлъ все это было бы и величаво, и внушительно. Но Кисѣль изображалъ въ своемъ лицѣ побѣженного короля съ его Шляхетскимъ Народомъ, готовымъ, по мнѣнію побѣдителя, превратиться въ Жидовъ. Поэтому Козацкому Батьку должно было показаться и смѣшнымъ, и обиднымъ заключеніе краснорѣчивой оракулы, именно слѣдующее: подобаетъ и ему, Хмельницкому, явить себя благодарнымъ за столь великую королевскую милость; онъ долженъ, какъ вѣрный подданный и слуга его королевской милости, положить

конецъ этому замѣшательству и кровопролитію, предотвратить разливъ крови, не принимать подъ протекцію простаго хлопства, велѣть, чтобы оно повиновалось панамъ своимъ, и приступить къ трактатамъ съ го-сподами комиссарами.

„За такую великую милость“ (говорилъ Хмельницкій, иронизируя Кисели), „которую явилъ мнѣ король его милость черезъ вашу милость, что и *власти надъ войскомъ прислали* (*władzę nad wojskiem przysłał*), и прошлыи мои преступленія *прощаются*, уваженно благо-дарю. Что же касается комиссіи, то ее трудно теперь отправить. Войска пѣть вмѣстѣ, полковники и старшина далеко; безъ нихъ не могу и не смѣю ничего дѣлать: это подвергло бы мою жизнь опас-ности (*idzie o zdrowie moje*). Притомъ же я не вижу правосудія надъ Чаплинскимъ и Вишневецкимъ. Необходимо нужно, чтобы мнѣ одного выдали, а другаго покарали: ибо они причиною кровопролитія и всего замѣшательства. Виновать, пожалуй, и панъ Краковскій, что насту-паль на мѣса, что преслѣдовалъ меня, когда я, спасая жизнь мою, бѣжалъ въ днѣпровскіе вертепы (*kiedy m w lochy Dnieprowe zdgo-wie unosił*); но этотъ получилъ уже свою мзду, нашелъ то, чего ис-калъ. Виновать и панъ Хорунжій: отнялъ у меня батьковщину, Укра-ину роздалъ *ляховичкамъ*, а тѣ молодцовъ, заслуженныхъ въ Респу-бликаѣ, обращали въ мужиковъ и грабили, вырывали бороды, запрягали въ плуги. Но этотъ не столько виновать, какъ тѣ двѣ другіе. Не будеть ничего изо всего, если одного изъ нихъ не покараю, а другаго не пришлютъ мнѣ. Иначе—или мнѣ съ Запорожскими Войсками прощастъ, или погибнутъ Ляцкой Землѣ, всѣмъ сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхтѣ. Развѣ мало Лахи тому причину, что кровь христіанская льется? Литовскія войска высѣкли Мозырь и Туровъ. Яйушъ Радивилъ одного молодца посадилъ на колъ. Я послалъ туда пѣсколько полковъ, а къ Радивилу написалъ, что если опь это сдѣ-лалъ одному христіанину, то я зато сдѣлаю то же самое четыремъ стамъ (подразумѣвается *нехристиянъ*) Лахамъ, которыхъ имѣю, и воз-дамъ за свое“.

„Вотъ какой антипасть *) далъ памъ опь передъ сквернымъ сво-имъ обѣдомъ, ударивши насъ въ сердца наши жестокимъ ядомъ и бѣ-шенствомъ!“ (пишетъ Мисковскій). Отзывались и другіе, точно какіе гады изъ болота, а старый черкасскій полковникъ, Федоръ Вешнякъ, схватилъ булаву на ксендза Лентовскаго, кармелита, который пріѣхалъ

*) Иначе *przysmaczek*-возбудительная закуска.

къ нимъ вмѣсто покойнаго ксендза Мокрскаго съ королевскимъ ли-
стомъ,—за то, что сказалъ только: „Вѣсти изъ Литвы о Мозырѣ и
Туровѣ могутъ еще перемѣниться“! А онъ за булаву: „Мовчі, попе!
не твое діло брехню мені задавати“! И непремѣнно ударили бы его,
когда бы сидѣлъ ближе. Но, какъ этого нельзя было сдѣлать, то ска-
залъ: „И вѣші всѣндзы, и наші попы—усі“ (тутъ онъ ввернуль крѣп-
кое словцо) „сякие-такіе сны. Ході лишнѣ, попе, на двіръ: павчу я
тебѣ полковниківъ шанувати“! И съ этимъ ядомъ вышелъ изъ свѣтлицы“.

„Что у трезваго на умѣ, то у пьяного на языкѣ,“ говорить послово-
вица. Но Кисель, въ трезвомъ видѣ, писалъ однажды Радзѣёвскому
то же самое: „Скажемъ другъ другу правду: духовные ссорять нась
съ обѣихъ сторонъ“. Этими словами онъ высказалъ то, что старались
и стараются съ обѣихъ сторонъ игнорировать, въ ущербъ разумѣнію
былага.

Коммисары провели у Хмельницкаго вѣсколько часовъ, всяче-
ски стараясь его смагчить хорошими словами. Но ихъ краснорѣчіе
ни мало не подѣйствовало. „Съ сердечнымъ жалѣмъ и слезами“ (пи-
шетъ Мясковскій) „разѣхались мы по квартирамъ, которые были
умыилено разбросаны по городу такъ, чтобы мы затруднялись въ
своихъ сношеніяхъ“.

На другой день, въ воскресенье, ходилъ Мясковскій съ Зелен-
скимъ въ соборную церковь, и тамъ обмѣнялся учтивостями съ мос-
ковскимъ посломъ, котораго въ своемъ дневнику называетъ „особою
людскою и обычайною“. Вступить съ нимъ въ какую-либо бесѣду не
было возможности, а Хмельницкій отнялъ у нихъ эту возможность и
въ другихъ случаяхъ. Но что это былъ за московскій посолъ, ни от-
куда не извѣстно. Въ февралѣ посолъ самого Хмельницкаго, Мужи-
ловскій, находился еще въ Москве, а царскій дворянинъ Упковскій
прибылъ съ пимъ въ Чигиринъ только въ апрѣль. Хмельницкій при-
ковалъ къ пушкѣ подставнаго Кривоноса и его показали конфиденту
Киселя. Весьма возможно, что онъ сочинилъ и московскаго посла для
королевскихъ коммисаровъ.

Церковь была полна разодѣтаго въ панское добро народа. Рази-
тельную съ нею противоположность представляли нѣмые памятники
господства здѣсь иныхъ властей, иныхъ щеголей и щеголихъ. Замокъ,
сдерживающій жмайлловцевъ, тарасовцевъ, сулиминцевъ и павлюковцевъ,
теперь „былъ разоренъ и пустъ“. Козацкій Народъ строилъ только
подвижные замки изъ кованнѣхъ и босыхъ возвозъ. Мѣсто валовъ, ду-
бовыхъ тыновъ и муроанныхъ стѣнъ заступали у него фортели, въ
родѣ затоповъ и зарослей Медвѣжьихъ Лозъ. Панская фортификація

была не пригодна ни на что республикѣ помадовъ. Даже старшій братъ козака, Татаринъ, предоставлялъ цивилизованному Арабамъ Турку держать Крымъ и Буджаки подъ господствомъ крѣпостей, ограничивъ свое владычество конемъ и мечемъ. Такъ не доросъ и козакъ до сохраненія въ чѣлости того, что создала въ Украинѣ европейская цивилизациѣ, а надъ иновѣрными храмами ругался онъ еще больше изъ ненависти ко всему культурному, нежели въ отместку за ругательства надъ православными церквами и кладищами со стороны фанатиковъ панскаго владычества, Кунцевичей. „Были мы въ коллегіумѣ и въ костелѣ іезуитскомъ“ (письмо Мясковскаго). „Онъ такъ разоренъ, что не осталось ни одного алтаря и образа. Даже гробницы были открыты, и три шляхетскіе гроба опрокинуты. Гробъ покойнаго Лукаша Жовковскаго, брацлавскаго воеводы и Переяславскаго старости, достойнаго вѣчной памяти кавалера, разбитъ, военные трофеи (*insignia*) взяты, снятъ и брильянтовый перстень съ пальца“.

Это былъ родной братъ великаго Жовковскаго. Онъ жилъ съ козаками въ добромъ согласіи, постоянно давалъ имъ баптисты, мирилъ ихъ съ королевскимъ правительствомъ. По его впущенію, реестровики овладѣли кошемъ разорителя Кодацкой крѣпости, Сулиму, а самого Сулиму, съ соучастниками бунта, предали въ руки правосудія. У козаковъ и поповъ слылъ онъ *паномъ добрымъ*. Но и добрые, и злые представители римской проповѣди и римской политики должны были исчезнуть съ лица нашей родной земли передъ могучимъ дыханіемъ русскаго духа, который однажды былъ непреодолимъ для ипоzemщины и въ христіапскомъ самопожертвованіи Советователей о Благочестіи, и въ истребительныхъ подвигахъ козаковъ руинниковъ. Тѣмъ больше сдѣлался онъ сокрушителенъ для западныхъ посягателей на русскую самодѣятельность въ государственномъ строительствѣ папихъ Москворуссовъ.

Хмельницкій былъ приглашенъ Киселемъ на воскресный обѣдь, но прѣѣхалъ только вечеромъ, пьяный, съ пѣсколькими полковниками. Расточаемыя страшному гостю любезности, съ устрашеніемъ всякихъ непріятныхъ ему напоминаній, были напрасны. Хмельницкому хотѣлось быть ни въ чемъ невиноватымъ, какъ это свойственно всѣмъ злодѣямъ: онъ только и говорилъ, что о сдѣланной ему Ляхами кривдѣ. За это онъ отнималъ у нихъ не только Украину, но и всю польско-литовскую Русь. Наконецъ пьяный проповѣдникъ справедливости ввалился въ особую комнату папи Киселевой и сталъ ее увѣщевать, ее и всѣхъ пановъ единовѣрцевъ, чтобы они отреклись отъ Лаховъ и остались въ Украинѣ съ козаками, какъ сдѣлалъ Выговскій. Безъ вся-

каго сомнѣнія, присутствіе ксендзовъ среди разобщенныхъ и поссоренныхъ ими русскихъ людей раздражало не одного старого Вешняка, но и самого Хмельницкаго, насколько онъ дышалъ однимъ духомъ съ козаками. „Ляцкая Земля“ (проповѣдалъ онъ) „погибнетъ, а Русь будетъ пановать въ этомъ году, весьма скоро“... Тутъ онъ замѣтилъ въ обществѣ пани Киселевой одного изъ своихъ плѣнниковъ, пана Позовскаго (конечно, Пузовскаго), и погрозилъ ему висѣлицей. Хмѣль едва не повѣсили потомка малорусскаго Пуза *) передъ прибытіемъ комиссаровъ, и теперь закричалъ: какъ онъ смѣлъ показаться ему на глаза!

Не находя больше о чёмъ говорить съ дамами, любезный по-ко-
закски гость вернулся къ трепетавшимъ отъ его рычанья мужчинамъ,
заливалъ виномъ пылавшій въ немъ огонь злости, и только въ три
часа уѣхалъ, пьяный.

„Долго спалъ онъ“ (продолжаетъ свой горестный разсказъ Мяс-
ковский): „ибо доливалъ съ чаровницами, которые часто занимаются
досуги (*często go ławią*) и обѣщають ему счастье на войнѣ еще и въ
этомъ году“.

Таковы были слухи, доходившіе разными путями до комиссаровъ. Ихъ тревожило и безотрадное положеніе Республики, и собственное положеніе въ берлогѣ разъяренного звѣря. Когда послали на другой день къ нему человѣка, наименуя непріятнаго ему, Киселева племян-
ника, съ просьбой назначить часъ и мѣсто для бесѣды и трактатовъ,
молодой Кисѣль засталъ Козацкаго Батька уже за горилкою съ това-
риществомъ (*już go przy gorzałce zastali z towarzystwem*). По сло-
вамъ дневника, отвѣтъ его былъ скоръ и ядовитъ. Онъ отправлялъ
венгерскаго посла, и сказалъ при немъ слѣдующую орацію, которую
дневникъ сохранилъ въ малорусской версіи:

„Завтра буде справа и росправа: бо теперъ я пьяній. Съ тиѣї
комісії нічого не буде. Теперъ война, война мусить бути въ тихъ трохъ
абѣ четырехъ педіляхъ. Навчу всіхъ васъ, Ляхів: пересверні доторы
ногами и потопчу підъ ноги, а па останоектъ одамъ васъ турецькому
цареві въ неволю. Король королемъ буде, аби караївъ плихту и сти-
навъ дуки та князі. Нехай вольний буде собі. Згрішитъ князь—уріжъ
їму шию; згрішитъ козакъ—те жъ и їму вчині. Се правда, що я
малый, мизерный чоловікъ, та мені се Богъ давъ, що я единовла-
децъ и самодѣржецъ рускій. Нехай буде король королемъ, якъ воно

*) Попольски было бы Brzuch.

їмъ здаєцца. Скажи се пану воеводі и комисарамъ. Лякасте мене Швѣдами,—и ті мой будуть. Хочъ бы ихъ булъ пять сотъ и шість сотъ тысячъ, не переможутъ руськои, запорозькои и татарськои силы. Иди жъ съ тимъ, що завтра буде справа и росправа“.

23 (13) февраля поѣхали комиссары къ Хмелю на третье засѣданіе. Кисель даже плакалъ передъ нимъ, представляя, что онъ не только Ляцкую и Литовскую, но и Русскую Землю, и вѣру, и святая церкви хочетъ отдать язычникамъ. Хмельницкій, выслушавъ его до конца, отвѣчалъ то же, что вчера, съ такою прибавкой:

„Шкодѣ говорити много. Якъ шукали мене Потоцкі за Дні-промъ, тогді бувъ часъ трактувати зо мпою. По жовтоводзькій и Корсунській йграсці—бувъ часъ. Підъ Пилівцями и Костянтіновымъ—бува. На останокъ, підъ Замостімъ и якъ йшовъ я відъ Замостя шість тижнівъ—бува. Теперъ ужѣ часу нема. Доказавъ я, чого й не думавъ зъ разу; докажу й далій, що задумавъ: вибюю изъ ляцькои неволі ввесь Руський народъ; а що пірше воювавъ за мою шкоду й кривду, до теперъ воювати му за нашу православну віру. Поможе мені въ тому вся руська чернь по Люблинъ и Краківъ. Не відступлю ії: бо то наша рука правиця. Ащобъ вы не знесли ії та не вдарили на козаківъ, буде въ мене двісті, триста тысячъ своїхъ, та й уся Орда при тому. Токай-бей поблизу мене, на Саврані, мій братъ, мої душі, едіній сокіль на світі. Готовъ учинити заразъ що сходчу. Вічна зт нимъ наша козацька пріязнь; увесь світъ ії не розірве. За границю не пайду, шаблі на Турки й Татари не підійму. Доволі маю на Вкраїні й Подолі, а теперъ и на Волыні. Досить выгоды, досить достатку и пожитку въ землі и князтві моїмъ по Львівъ, Холмъ и Галичъ. А ставши надъ Віслою, скажу дальшимъ Ляхамъ: „Седіте й мовчите, Ляхи“! И дуківъ и князівъ туди зажену. А коли будуть и за Віслою брыкати, знайду ихъ тамъ певно. Не встонить у мене нога ні одного князя и шляхетки въ Україні. А коли захоче хліба котрый зъ пайменишихъ, нехай буде послушный Запорозькому Війську, а на короля не брыкає“.

Полковники вторили завзятой импровизаціи своего гетмана. Одинъ изъ нихъ, Яшевскій, сказалъ выразительно:

„Минули вже ті часы, що нась Ляхи сідлали. Надъ нашими людьми, християнами, брали вони гору драгунами. Теперъ не боимось ихъ. Дознались мы підъ Пилівцями: не онили се Ляхове, що передъ тимъ бували, Тури, Москву, Татари й Німці бивали: не Замойські, Жовковські, Ходкевичи, Хмельницкі, Конецпольські, и Тхоржевські, Заіончковські,—дітвора въ залізо повбрана. Померли відъ

стрѣху, скоро настъ побачили, та й повтѣкали, хочъ Татаръ не було зъ разу въ сїреду більшъ 3.000. Колибъ ихъ підождали до пятниці, до бѣ пі едійпій Ляхъ живцемъ не втікъ до Львова“.

„На сю войну“ (продолжалъ Хмельницкій) „благословивъ мене патриарха въ Кїеві; давъ мені зъ моєю жінкою шлюбъ, съ переступиці мойхъ мене розгрішивъ и причастивъ, хочъ я й не сповідавсь, и звенівъ мені кончати Ляхівъ. Якъ же мені єго не слухати, такого великого старшого, головы нашої и гостя любого? Оде же я вже обославъ полки, щобъ кормили коні и були готові въ дорогу безъ воївъ, безъ арматы. Знайду я те все въ Ляхівъ. А который бы козакъ уязвъ на войну воза, велю єму шию врізати. Не візьмутъ й самъ ні одного съ собою, хиба юкі та сакви“.

„Долго обѣ этомъ говорило“ (пишеть Яковский) „бѣшеное чудовище со всею фуріей,—до того, что вскачивалъ съ лавы, рвалъ на себѣ чуприну, билъ ногами въ землю. Мы, слушая, одѣпенѣли. Наши рапорти и персвазіи, чтобы онъ вспомнилъ о Богѣ, о король і, наконецъ, о томъ, какой будетъ конецъ такихъ дѣлъ и поступковъ, чтобы далъ мѣсто разуму, умѣрилъ свою завзятость,—ничто не помогло“.

На пунктъ о числѣ реестровыхъ козаковъ, чтобы ихъ было 12, а то и 15 тысячъ, Хмельницкій отвѣчалъ: „Нѣ що писати стілько й стілько? Не стане силы, буде й 100 тысячъ, буде стілько, скілько я схочу“.

Послѣ такихъ пріятельскихъ бесѣдъ, такой вкусной сессіи и сквернаго обѣда (пишеть Яковский), разошлись мы по квартирамъ, отчаявшись въ трактатахъ, въ примиреніи, въ своей безопасности и въ видачѣ плѣнныхъ. Стали мы стараться, какъ бы вывезти несчастныхъ и выбраться самимъ. По почамъ собирались мы на свѣтъ и разсуждали, отпустить ли насъ Хмельницкій, или же отоплеть на Кодакъ, ограбивши (spoliatos).

Въ тотъ же день отправилъ Хмельницкій, передъ глазами комиссаровъ, венгерскаго посла, наградивъ его и пословъ Ракочію трои парядныхъ копей и пѣсколько паръ самопаловъ. Но посолъ, по словамъ Яковского, уѣхалъ недовольный, и высказалъ полатыни приведенное выше мнѣніе свое о козакахъ.

На другой день, 24 (14) февраля, комиссары просили Хмельницкаго обѣ „отправѣ“ и о плѣнникахъ. Одни изъ этихъ плѣнниковъ были взяты на Кодакъ, при осадѣ крѣпости Конецпольскаго, съ клятвеннымъ обѣданіемъ (какое далъ въ Боровицѣ и Кисѣль) возвратить имъ свободу, другіе въ Барѣ, на такихъ же условіяхъ капитуляціи. Въ числѣ послѣднихъ былъ сынъ короннаго гетмана, Андрей. Сперва

Хмельницкій обѣщалъ освободить ихъ, но потомъ перемѣнилъ рѣшеніе, и когда комиссары говорили ему, что это королевскіе слуги, рукодайные дворянѣ короля, онъ отвѣчалъ: „Се річъ завоёвана: нехай король не здивує“. Кисѣль представлялъ ему долгъ королевскаго подданиаго и слуги, долгъ воина, получившаго отъ своего государя булаву и знамя, представлялъ забывая Боровицу, что эти плѣнники взяты не саблею, не на боевомъ полѣ, а условіями и трактатами. „Шкода про те говорити“ (отвѣчалъ Хмельницкій). „Се мені Богъ давъ. Пущу тогді, якъ не буде ніякої зачепки на войну зъ Литви і відъ Ляхівъ. Нехай підождѣ тутъ Потоцький брата свого, каменецького старосту, що мені Баръ, моє власне місто, заіхавъ, а въ моїмъ Подолью кровъ християнська ллєцце. Звенівъ я полки туды рушити и живого мені привезти“.

Въ отвѣтъ на это, комиссары припомнили Хмельницкому, что въ Киевѣ теперь христіянская кровь безъ вини льется ручьями и течеть въ Днѣпръ. Однихъ Лаховъ тоятъ, другихъ тирански рубятъ; избиваются шляхту обоихъ половъ, дѣтей, духовныхъ, ограбивъ и опустошивъ послѣдніе костели. „Ішуть Лаховъ подъ землею“ (говориль Кисѣль), „и все это—за пріводомъ брацлавскаго полковника Нечая, который говоритъ, что ему данъ такой наказъ отъ вашей милости“.

„Не велівъ я невійныхъ людей побивати“ (оправдывался Хмельницкій) „только тихъ, що не хоче до насъ пристати, або на нашу віру хреститись. Моя воля тамъ порядкувати: я воївода київський. Се давъ мені Богъ черезъ мою шаблю, а пройншетаке шкодя говорити“.

Кто бы ни былъ такъ-называемый въ Переяславлѣ московскій посолъ, только всѣ эти сцены происходили, можно сказать, передъ его глазами. Уничтоживъ передъ этимъ таинственнымъ лицомъ и короля и комиссаровъ, Хмельницкій отпустилъ его изъ Переяслава такъ, что паны не видѣли его „отправы“ и не могли сказать о ней въ офиціальномъ дневникѣ посольства ничего кромѣ четырехъ словъ: „отправлялъ безъ насъ московскаго посла (odprawował bez nas Posła Moskiewskiego), прибагивъ къ этому, что онъ „уїхаль передъ самимъ вечеромъ (odjechał przed samym wieczorem)“. Панамъ не удалось никоимъ образомъ развѣдати ни обѣ имени посла, ни о его бесѣдахъ съ гетманомъ, хотя и писали они въ офиціальномъ дневникѣ своеъ, что онъ просилъ „чрезъ пословъ“ о свиданіи съ Киселемъ (lubo i Poseł zyczył sobie tego i prosił do przez Posły). *) Но у козаковъ

*) Этими *послами*, т.-е. посланцами, могли быть козаки, удившіе въ панскихъ карманахъ талеры.

застали они, по своемъ пріѣздѣ, такую молву,—что московскій царь спрашивалъ у Хмельницкаго: дѣйствительно ли онъ поднялъ войну изъ-за одной вѣры? Конфиденты Хмельницкаго не чуждались подарковъ, какъ и панскіе: „Любать голубчики взять (*lubią piewożęta wziąć*)“ писалъ Кисѣль о козакахъ, подкупая ихъ еще въ Павлюковщину. Отъ нихъ комиссары слышали да заключали изъ словъ и самого Хмельницкаго (*z howory jego i konfidentów jego słyszceliśmy*), что московскій царь сожалѣлъ о междуусобной брани въ Рѣчи Посполитой, и увѣщевалъ Хмельницкаго остановиться въ своемъ задорѣ, не проливать больше христіянской крови, не истреблять подданныхъ своего государя, причемъ давалъ ему понять, что желаетъ остаться „любовнымъ“ братомъ короля, брата своего, и станетъ на болѣе справедливой сторонѣ со всею своею силой.

Сообщая такія успокоятельныя вѣсти, дѣйствительные или мнѣмые конфиденты Хмельницкаго могли повторять содеряніе миротворного письма, посланного царемъ въ таборъ Хмельницкаго чрезъ Василія Михайлова. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ то обстоятельство, что Хмельницкій весьма выразительно хвалился вѣчною козацкою дружбой съ Татарами, которой не разорвѣтъ и весь свѣтъ; что онъ ревѣлъ о своемъ *княжествѣ* по Львовъ, Холмъ и Галичъ; что величалъ себя *единовладникомъ и самодержцемъ* русскимъ, а Токай-бей называлъ братомъ своимъ, точно въ отвѣтъ на заявленіе царя о любовномъ братствѣ съ королемъ. Многозначительно для насъ и то обстоятельство, что въ завзятыхъ ораціяхъ Козацкаго Батька имя Москвы и Московскаго царя не было произнесено ни разу, тогда какъ изъ отправы венгерскаго посла сдѣлалъ онъ такую бурную манифестацію.

Подѣланное Хмельницкимъ, какъ это очевидно, царское посольство въ Переяславѣ украинскіе патріоты представляютъ поклоненіемъ славѣ Хмельницкаго. Но и Михайлова съ миротворнымъ письмомъ своимъ въ козацкому таборѣ, и Унковскій съ милостивой грамотой въ Чигиринѣ—являются передъ нами людьми, лакидывающими на дикаго степнаго коня узду; а бѣшенство Хмельницкаго говоритъ намъ, какъ этотъ конь чуялъ, что отъ опытной и сильной въ обузданьї руки уйти ему трудно.

Можетъ быть, впушенія такихъ людей, какъ Михайлова и Унковскій,—а такие люди могли бесѣдовать съ Хмельницкимъ и безъ посольства,—можетъ быть, ихъ бесѣды, проникнутыя чувствомъ политической степениности, и были причиной бѣшенства Хмельницкаго. Не того домогался онъ отъ Восточнаго Царя. Ляхъ по воспитанію,

Татаринъ по козацкому быту, онъ разумѣлъ московскаго самодержца чѣмъ-то въ родѣ царя перекопскаго. Въ первомъ письмѣ своемъ счастливый бунтовщикъ и титуловалъ его, какъ бы какого хана. Вида теперь, что московское христіянство представляетъ не то, чѣмъ оно было у козаковъ, Хмельницкій и боялся своихъ единовѣрцевъ, и злился на нихъ, а бѣдные Ляхи отвѣчали передъ нимъ за все.

25 (15) февраля, на просьбу комиссаровъ обѣ отправѣ, онъ отвѣчалъ, что другой отправы не будетъ, кромѣ отвѣтнаго письма. Не хотѣлъ дать ни другаго „скрипта“, ни продлить перемирия. Наконецъ, по усиленнымъ просьбамъ Киселя, вѣльѣ составить перемирные статьи и, вѣроятно, во вниманіе къ московскому царю, выдвинулу въ этихъ статьяхъ на первый планъ интересы церковные. Онъ соглашался приостановить войну на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Унії въ Кіевскомъ воеводствѣ не быть нигдѣ, нижѣ имени ея (нес поине ipsius).
2. Кіевскому митрополиту дать място въ сенатѣ.
3. Кіевскій воевода и кіевскій каштелянъ должны быть религіи греческой.
4. Римскіе костелы, которые обращены въ ничто и трупы изъ гробовъ повыброшены, ксендзы побиты, потоплены, должны оставаться такъ, какъ они есть теперь.
5. Исключаются іезуиты, которые причиною всего замѣшательства.
6. Князь Вишневецкій, яко authор второй войны, никоимъ способомъ не будетъ короннымъ гетманомъ; иначе—я жить съ нимъ и пустить въ Україну не хочу.
7. Окончаніе комиссіи на составлешіе реестровъ отложить до весны, до Зеленыхъ Святъ русскихъ, до первой травы, надъ рѣкой Русавою, чего теперь не могло быть по отдаленности полковъ и по причинѣ голода.
8. Коммиссаровъ только два.
9. До тѣхъ поръ коронныя и литовскія войска не будутъ входить въ Кіевское воеводство по рѣки Горынь и Припеть, а отъ Подольскаго и Брацлавскаго—по Каменецъ.
10. Такъ же и войска запорожскія за эти рѣки переходить не будутъ.
11. Всѣхъ плѣнниковъ обѣщаю на той комиссіи выдать, только чтобы такъ же быть выданъ тогда Чаплинскій.

Королевскіе комиссары не принали было этихъ условій. Они подали Хмельницкому свой проектъ перемирия, въ которомъ домогались, чтобы коронныя войска могли ходить по рѣки Случъ, по Баръ,

Винницу, Заславъ. Но Хмельницкій перечеркнулъ ихъ пункты и вѣльѣ имъ готовиться въ дорогу съ однимъ отвѣтнымъ письмомъ его и съ вызовомъ на войну.

„Согласились мы и на такое перемирие“ (писалъ Мясковскій), „тишь бы вырваться изъ тиранскихъ рукъ и предостеречь короля и Рѣчь Посполитую, да чтобы этимъ ненадежнымъ перемириемъ задержать Хмельницкаго у Днѣпра и вырвать у него плѣнниковъ“. Даже и для того, чтобы задержать Хмельницкаго у Днѣпра, не предлагали и не могли предлагать ему королевскіе послы ни Чигиринъ съ четырьмя другими городами, ни кіевскаго воеводства; не было рѣчи и о границахъ Вѣлкой Руси, „какъ владѣли благочестивые великие князья“, чѣмъ хвалился онъ черезъ мѣсяцъ въ Чигиринѣ царскому дворянину Унковскому *).

Коммисары посулили по 100 червонцевъ главнымъ полковничкамъ за содѣйствіе въ освобожденіи плѣнниковъ. Они были тайкомъ у войскового обозпаго, Чорноты, пробуя подкупить „жестокаго тирана“, какъ названъ Чорнота въ дневникѣ, и достойно замѣчанія, что даже въ этомъ щекотливомъ и опасномъ случаѣ не могли обойтись безъ своихъ гувернеровъ: они взяли съ собой ксендза Лентовскаго,—того самого, котораго Вешнякъ едва не ударилъ булавой за весьма осторожное замѣчаніе. Козаки даже православныхъ поповъ не допускали въ свои коши и рады: тѣмъ болѣе было противно имъ совѣщаніе съ попами католическими. Не понимали этого паны, проведя столько вѣковъ на попеченіи римскаго духовенства, и потому крайне дивились отвѣтту „жестокаго тирана“. Кисѣль отдавалъ ему даже свое

*) Основываясь на этой лжи, исторический журналъ „Кіевская Старина“ (1887 г., августъ, стр. 735) проповѣдуется: „Рѣчь, достойная великаго патріота, какимъ былъ Хмельницкій! Онъ какъ будто вовсе забылъ о причинахъ, побудившихъ его поднять козацкое возстаніе; онъ вовсе не думаетъ о своихъ личныхъ интересахъ, даже благополучіе всего войска запорожскаго не составляетъ цѣли его дѣйствій.—Цѣль эта выше, шире! Онъ мечтаетъ возстановленія (sic) Руси въ тѣхъ границахъ, какъ она была при великихъ князьяхъ“ (курсивъ журнала), „онъ смотрѣтъ на войско запорожское, какъ на неразрывную часть цѣлаго—Великой Руси, къ которой онъ поэтому всѣми силами души стремится. Велика бозацкая душа! Страннымъ даже представляется, что у простаго козака могла явиться такая идея,—идея, о которой Москва, преслѣдя свои узкіе интересы, не имѣла никакого представленія. Не могло не казаться обиднымъ Хмельницкому, что Москва не хочетъ понять его великой идеи, не имѣть мужества рискнуть побороться за свои старинныя земли, тогда какъ онъ, отказываясь отъ лично выгодныхъ условій мира, стремится осуществить эту идею“.

столовое серебро, которое цѣнилъ въ 24.000 злотыхъ. Другіе комиссары также не жалѣли „своихъ мѣшковъ“. Но козакъ отвергнулъ (sprevit) все это, и отвѣчалъ: „Не пійду до гетьмана: бо не здѣжаю: пили всю пітъ изъ гетьманомъ. Вінъ буде въ мѣне тута. Алѣ жъ не рѣдивъ я єму и не рѣджу пускати пташокъ изъ клѣтки. Та й вы самі, коли бъ я не нездѣжалъ, не знаю, якъ бы влизнули“.

Тогда комиссары отправились къ Хмельницкому „трактовать окончательно (ultimarie), просить со слезами (cum lacrymis)“. Кисель, воображая, что знаетъ чувствительныя струны козацкаго сердца, за-перся съ гетманомъ и провелъ часа полтора въ убѣжденіяхъ. „Ничто не помогало (nihil prosum)“.

Къ ужасу комиссаровъ почью съ 25 на 26 февраля весь городъ былъ оцѣпленъ стражею: козаки боялись, чтобъ комиссары не ушли и не увезли плѣнниковъ. Пойманныхъ на улицѣ топили. Топили особенно кадацкихъ драгунъ, прикованныхъ къ пушкамъ: ихъ подозрѣвали въ заговорѣ. Одинъ шляхтичъ, Шимкевичъ, усердствовавшій Киселю, погибъ за то, что спросилъ о „поташѣ“ Пана Хорунжаго“, своего господина. Комиссары и ихъ челядь провели ночь безъ сна. Комиссарскимъ конвойнымъ не дозволялось и взглянуть на козацкую армату, а кто къ ней приближался, тѣхъ жестоко били.

На разсвѣтѣ комиссары начали сбираться въ дорогу, и лишь только насталъ день, послали къ Хмельницкому сказать, что желаютъ откланяться. Онъ обѣщалъ самъ быть къ нимъ, а потомъ перемѣнилъ свое слово для сохраненія достоинства (z powagi). Комиссары пошли къ Хмельницкому; по Кисель такъ заболѣлъ хирагрой и подагрой, что его везли въ саняхъ и не поднимали въ свѣтлицу. Сѣли они съ Хмельницкимъ на подворье, которое было заперто отъ натиска шумѣвшаго поспольства. Передъ ними стояли полу живые плѣнники. Паны, перепробовавъ напрасно всѣ средства къ ихъ освобожденію, просили теперь отослать несчастныхъ къ Татарамъ.

Хмельницкій отдалъ Киселю подписанные имъ пункты, два письма, одно къ королю, другое къ канцлеру, и подарилъ ему сѣраго мерина да мѣшокъ съ 500 или 600 червоныхъ злотыхъ, которые Кисель отдалъ тутъ же плѣнникамъ, въ видѣ „отъѣзднаго“. Еще однажды комиссары просили Хмельницкаго освободить ихъ, а плѣнники пали ему въ ноги съ горѣкими слезами (sam i niebozepta pokornie do nѣg i padli i krwawe niemal byz toczyli). Но проосьбы и слезы приводили Хмельницкаго только въ ярость. Онъ обратился къ Андрею Потоцкому и сказалъ:

„Для того ще подержу тебе, що, коли твій братъ заїхавъ мій градъ Баръ, дакъ посаджу їго на тыку передъ містомъ, а тебе тутъ же въ місті, та й дивітесь одинъ па 'дногу'.

„Хорошо его утѣшилъ жестокій тиранъ!“ (пишеть Мясковскій). „Задрожали шкури на панахъ Конецпольскомъ, Гродзицкомъ, Гарнєцкомъ, Лачинскомъ и другихъ, даже на самихъ нась. Уже двѣ почі летали голоса черни по городу: „Повбивати сихъ комиссарівъ, або облупити тай одіслати на Кодакъ“! Весь городъ и козаки были подъ оружіемъ (*in armis*), а панъ гетманъ—никогда въ трезвомъ видѣ (*widzie dobre trzeźwy*)“.

Когда Кисель напомнилъ Хмельницкому о перемирії до святоокъ, обѣ успокоенії Волыніи и Подолії, онъ сказаъ: „Не знаю, якъ воно буде, коли не вдовольняцца двадцятьма або тридцятьма тисячами лей-стрівого війська та удільними, одрізними своїми князтвомъ. Побачимо. А зъ тимъ бувайте здорові!“

Полковники проводили комиссаровъ за городъ: иначе -- ихъ бы не выпустили безъ грабежа, а, можетъ быть, и безъ побоевъ.

Г л а в а XX.

Возвращение панскихъ миротворцевъ изъ Переяслава.—Встрѣча Русичей гражданственныхъ съ Русичами одичалыми.—Перевѣсъ чувства народной мести надъ правдою фактовъ.—Два противоположные способа государственного самосохраненія.—Борьба государственного права съ козацкой вольницей.—Козацкій походъ на пановъ 1649 года.

О положеніи панского общества въ это бѣдственное время можно судить по тому обстоятельству, что изреди самихъ посѣтителей Переяслава нѣсколько человѣкъ перебѣжало къ козакамъ. Даже нѣкоторыя шляхтянки и служебныя паны изъ штата супруги Киселя предпочли остаться въ козацкомъ царствѣ. Въ числѣ перебѣжчиковъ, были подкуплены Хмельницкимъ или переманены обѣщаніями—пожилой шляхтичъ, слуга самого Киселя, какой-то Соболь, хорошо знавшій положеніе панской республики, и Литвинъ панъ Ермоловичъ, передъ которымъ паны не скрывались въ своихъ совѣщаніяхъ. Хмельницкаго окружали и такие перебѣжчики, какъ павловскій войтъ, предавшій козакамъ своего державца. Мы видѣли, какую важную роль игралъ онъ въ церемоніаль пріема царскаго посланника Унковскаго. Эти люди сильно вредили теперь бывшимъ господамъ своимъ, становясь, если не юридически, то фактически на ихъ мѣста въ обладаніи краемъ.

Но и сами козаки были прошпигованы предательствомъ, такъ что не знали, на кого изъ своихъ сообщниковъ можно полагаться въ словѣ и въ дѣлѣ. Этимъ объясняется, почему вся козацкая столица была въ тревогѣ по случаю выѣзда комиссаровъ съ ихъ малочисленнымъ почтомъ. Около сотни пѣнниковъ, содержавшихся въ Переяславѣ, получили возможность переодѣться въ панскую ливрею и выбраться благополучно, въ толпѣ челяди, изъ логова Козацкаго Батька, въ томъ числѣ даже нѣсколько офицеровъ князя Вишневецкаго и нѣсколько десятковъ козацкихъ драгунъ. Несмотря на приковы къ пушкамъ и на побои за приближеніе къ арматѣ, козацкіе стражи, какъ видимъ, входили въ сдѣлку со стрегомъ, и достойная дѣтушки обманывали достойнаго батюшку исправно.

Во все пребываніе въ гостяхъ у Хмельницкаго, королевскіе комиссары не видали его трезвымъ. Окружавшій гетмана штатъ былъ также собрапіемъ грубыхъ пьяницъ не лучше и не хуже тѣхъ, которыхъ русскіе люди видали въ послѣдствіи вокругъ Стенъки Разина и Емельки Пугачова. Древній нашъ Переяславъ, сдѣлавшійся козацкою столицею, являлъ подобіе разбойничьаго притона. Среди обилія дорогихъ одеждъ, вещей, напитковъ, лошадей и всего того, что пришло сюда путемъ набѣга на культурниковъ, мѣстные продукты были такъ дороги, что комиссары за мѣрку овса платили 16 злотыхъ, а за вязанку сѣна по 2 талера. Шестьсотъ собственныхъ лошадей Хмельницкаго бродило за городомъ, добывая себѣ траву изъ-подъ снѣга, и множество козацкихъ клячъ падало отъ голода по улицамъ. Замокъ, бывшій до бунта мѣстомъ городского и земскаго суда для всей Переяславщины, стоялъ въ безобразныхъ развалинахъ, такъ точно, какъ и школа высшихъ наукъ, іезуитскій коллегіумъ съ его костеломъ. Разбитые гроба и поруганные остатки заслуженныхъ въ государствѣ людей, валяясь кругомъ, представляли еще болѣе дикое зрѣлище. Такая обстановка соотвѣтствовала почтимъ попойкамъ украинскаго Макбета съ его вѣщуньями-вѣдьмами. Опа бросала мрачную тѣнь на судьбу землевладѣльцевъ, очутившихся чужими среди народа, который они созвали па *воли* да па *слободы*, который они устроили хозяйственно и запитили отъ мусульманскаго плѣненія, котораго родную землю они сдѣлали „Землею Христіянскою“ не только по значенію креста, но и по праву меча. И папскій Римъ, раздѣлившиі нашихъ Русичей на ся ради своего господства, не давалъ теперь панамъ нити для выхода изъ этой гибельной борьбы съ козаками, изъ этого лабиринта взаимныхъ крикѣвъ и незабываемыхъ ругательствъ.

Путь королевскихъ комиссаровъ отъ границы удѣльного козацкаго княжества до его правоправящаго центра былъ преполненъ такихъ лишеній, что часто нельзя было достать не только зерна для лошадей, но даже и соломы. Голодные среди плодородной земли мужики дополняли горечь хозяйственныхъ путниковъ своими грубыми выходками. Миролюбивый Кисѣль, при всемъ своемъ православничествѣ, представлялся даже собственнымъ подданнымъ *паномъ Лахомъ*, а это звучило такимъ вредоноснымъ звѣремъ, что они тотчасъ бы его убили, когда бы не конвой. Ревнивая пропаганда противъ Лаховъ, гонителей „христіянской вѣры“, распространяемая невѣжественными въ своей нищетѣ панами да монахами среди невѣжественной черни, слилась въ темныхъ умахъ съ понятіемъ о притѣснителяхъ вообще,— и „благочестивые“ паны были у нихъ одно и то же съ панами злочести-

выми. Опустошители панскихъ имѣній, козаки вспомяли, что „паны пустошать Україну“, и люди, доведенные руиниками¹ до голода, вѣрили, что голодъстался не отъ кого другаго, какъ отъ тѣхъ же пановъ, которымъ теперь оставалось только идти по миру. Украина, покинутая бѣгущими помѣщиками въ видѣ полной чаши, привлекавшая сотни тысячъ выходцевъ изъ осадъ старинныхъ баснословною роскошью крестьянскаго быта, представляла бѣдствующимъ комиссарамъ повтореніе Батыева нашествія. Объ изчезнувшихъ панскихъ хозяйствахъ говорили въ ней только виднѣющіяся на „кучугурахъ“ печища да обгорѣлые деревья, а мужицкому хозяйству не давали проѣздѣть истребители панского—козаки и Татары. Зато про „козацкую славу“ гремѣли въ каждомъ кабакѣ пѣсни, уподоблявшія панскую колонизацію древнихъ пустынь египетской работѣ.

Каково было на душѣ у православной іерархіи подъ протекціей и карауломъ новаго Моисея, видно изъ того, что кievскій митрополитъ и архимандритъ Кіево-печерской Лавры выѣхали за 20 верстъ отъ Кієва „для секретной бесѣды“ съ Адамомъ Киселемъ. Не взирая на мирный характеръ комиссарскаго похода, козаки не только не позволили королевскимъ сановникамъ проѣхать черезъ Кіевъ, но взяли съ нихъ и на окольной дорогѣ окунѣ. Въ Хвастовѣ комиссары выѣхали мимо валявшихся шляхетскихъ труповъ обоего пола. Въ Кіевѣ, какъ объяснилъ самъ Хмельницкій, избивали безоружныхъ людей за то, что не хотѣли участвовать въ козацчинѣ, или же за то, что отказывались „креститься на нашу вѣру“. Голодъ, грабежъ, разбой и инквизиція: вотъ что представила далекимъ путникамъ съ ихъ пріорами да гвардіанами страна, прослывшая благословеннымъ краемъ въ государствѣ!

Обратный походъ искателей мира былъ еще печальнѣе. Они должны были по старому миновать Кіевъ, но для какихъ-то сношеній съ митрополитомъ отрядили небольшую партію, которая, не въѣзжая въ жилой городъ Подоль, отдала поклонъ митрополиту въ Старомъ Кіевѣ, у Св. Софії, окруженнѣй древними развалинами. „Свѣдавъ о нась“ (говорить комиссарскій дневникъ), „шляхтэнки и убогая католическая чернь (*miseris plebs catholica*) рвались къ намъ и догоняли нась на дорогѣ, кто какъ могъ. Нѣкоторые бѣжали и иѣшкомъ по глубокому снѣгу, зарослями и байраками, въ Бѣлогородку. За ними гнались козаки и многихъ настигали. Возвращая этихъ несчастныхъ всшять, ободрали до нага, били и тутъ жетопили, такъ что и мы были не безъ пасы, изъ-за нашихъ католиковъ“.

Подвигаясь далѣе обратнымъ путемъ, королевскіе комиссары паткнулись на новую бѣду. Козаки и Татары заходили, на перерѣзъ дороги, къ Звяглю, чтобъ ихъ ограбить. Пришлось дѣлать большія упражки, бросая на дорогѣ изнемогшихъ лошадей. Наконецъ явилась къ нимъ выручка. Не доѣзжая до Корца, были они встрѣчены пляземъ Корецкимъ, который выѣхалъ къ нимъ въ поле въ нѣсколько сотъ коней, оставивши въ городѣ до четырехъ тысячи ненадежныхъ подданныхъ.

Здѣсь опять вспомнимъ, для характеристики времени и страны, что изо всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ одинъ Корецкій имѣлъ столько духа и сноровки, чтобы вернуться на свое руйновище и жить въ опустошенному замкѣ своемъ. Онъ сдѣлалъ первую изъ многократныхъ попытокъ — возобновить былой компромиссъ, въ которомъ, по переходѣ нашемъ изъ-подъ Кипчакской Орды подъ орду литовскую, а потомъ подъ панованье польское,—состоали здѣсь крупные и мелкие землевладѣльцы съ рукодайными своими слугами, съ мѣщанами, козаками, всѣми вообще „служебниками“ и сельскою чернью. Но всякий компромиссъ былъ безполезенъ тамъ, гдѣ одни не признавали фактически надъ собой закона, а другие не хотѣли знать ничего, кроме жизни на чужой счетъ, безъ всякаго возмездія собственниковъ и безъ всякой заботливости о трудающихся. Строго судили козаки пановъ за ихъ дѣйствительныя и мнимыя кривды, но, принявши за панское дѣло сами, „напроказали вдвое хуже“, и кончили свое панование тѣмъ, что сдали край потомкамъ истребленной ими шляхты въ видѣ голода и пустыни, которую собственные ихъ потомки опять были принуждены обрабатывать панскимъ плугомъ. Но это произошло черезъ 120 лѣтъ взаимной рѣзни и всевозможныхъ преступленій съ обѣихъ сторонъ. Возвратимся въ XVII вѣкъ.

Какъ ни беспомощна была панская республика въ виду республики козацкой, но паны, по наслѣдственной дрессировкѣ своей у іезуитовъ, продолжали ихъ темное и губительное дѣло, воображая свои уловки спасительными. Это видно изъ ихъ тайныхъ бесѣдъ съ питомцемъ созданного польцизною митрополита-магната. Безполезны были для нихъ уроки, полученные ими въ зреющій повсемѣстнаго разоренія костеловъ и іезуитскихъ школъ заодно съ панскими замками, и крайне вредоносно было вмѣшательство римского духовенства между борющихся шляхтичей плуга, землевладѣльцевъ, и шляхтичей меча, козаковъ. Не видя проку въ руководительствѣ своихъ наставниковъ ни среди боевыхъ обозовъ, ни въ мирныхъ посольствахъ и переговорахъ, они тѣмъ не менѣе остались при своихъ римскихъ воззрѣніяхъ

до конца и по концѣ политического существованія Польши, какъ добыча ксендзовъ, завоеванная многовѣковыми подвигами ксендовства и всего, что соединено съ этимъ словомъ. Поэтому исторія смутного времени, порожденного въ Рѣчи Посполитой Польской прежде всего и больше всего римскою политикой, — для насть, пострадавшихъ отъ этой политики много, должна быть столь же интересна, какъ и все то, что мы видимъ теперь въ остаткахъ польской политической системы.

Когда королевские комиссары достигли обильной нѣкогда напитками и всякимъ угощеніемъ Гощь, панская болѣзнь Адама Киселя усилилась до такой степени, что его „вносили въ пекарню и выносили на саняхъ“. Въ Гощѣ было тревожно, какъ и всюду отъ Случи до Горыни. За два днія передъ пріѣздомъ Киселя (3 марта), 5.000 гультаевъ-хмельничанъ вторгнулись передъ разсвѣтомъ въ городъ Острогъ и „насѣкли до 400 мѣщанъ (даже Руси) и Жидовъ, а городъ ограбили. Изъ шляхты погибло только двое. Приспѣвшая изъ Межирicha надворная хоругвь князя Заславского вытѣснила гайдамакъ изъ города и положила на мѣстѣ до 150 человѣкъ. Этотъ набѣгъ сдѣлалъ по собственной волѣ Звягельскій полковникъ, *кушинъръ*^{*)} Тиша, ища въ Острогѣ пана Вонсовскаго, бывшаго Звягельскаго старосты, подобно тому, какъ нѣкогда Гренковичъ искалъ своего врага въ Межигорье.

Положеніе миротворцевъ сдѣлалось отчаяннымъ. Несмотря на то, что конвойнымъ жолнерамъ не вышелъ еще срокъ наемной службы, они не хотѣли остаться при панѣ воеводѣ въ Гощѣ, для защиты его убѣжища отъ гайдамакихъ набѣговъ. Очевидно, что дѣло козацкое находили они болѣе вѣрнымъ, чѣмъ панско. Неизвѣстно, какъ уладили свою оборону комиссары, но оставленное ими позади себя зреюще козако-гайдаматчины ужасало ихъ.

„Вся чернь“ (писалъ Мясковскій) „вооружается, полюбивъ свободу отъ работъ и податковъ и не желая на вѣки имѣть паповъ. Хмельницкій велѣлъ вербовать козаковъ по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ, кормить лошадей, и зазванные такимъ образомъ въ козаки берутъ, бьютъ, грабятъ. Но далеко большая часть простонародья молитъ Бога о мирѣ и мести надъ Хмельницкимъ и своеувольниками. (Носится слухъ, что) Хмельницкій чуетъ близкую смерть (*niedugo sobie żyć wróży*). Зарылъ въ Чигиринѣ бочечкъ 15 серебра. Тамъ же у него 130 турецкихъ коней и 24 скрини дорогой одѣжды.

^{*)} Kürschner, скорнякъ.

Пилявецкой добычи полна Украина. Больше всего покупаетъ ее Москва въ Киевѣ и по ярмаркамъ въ другихъ городахъ. Серебряныя тарелки продавались по талеру и дешевле. Одинъ кіевскій мѣщанинъ купилъ за 100 талеровъ такой мѣшокъ серебра, что мужикъ едва могъ нести. Жена полковника Тиши, кушнѣрка, угощала въ Звягль посланцовъ пана воеводы на серебрѣ, за богато накрытымъ столомъ, и браница Хмельницкаго (*laia Chmielnickiemu*), что не такъ великолѣпно (*splendide*) живеть, „коли Богъ давъ усѣго мнѣго“.. Нашимъ продавать серебра козаки не хотѣли. Даже лошадей запретилъ гетманъ продавать намъ“.

Въ силу перемѣщенія богатства и всякихъ вольностей изъ панской республики въ козацкую, сотниками гультаевъ и гайдамаковъ дѣлались весьма часто шляхтичи, даже съ такими фамиліями, какъ провѣтывающіе въ Кіевскомъ Полѣсьѣ донынѣ Горностаи. О Хмельницкомъ ходили такие слухи, что хоть бы и хотѣлъ онъ мириться съ панами, то не можетъ: чернь остервенѣлась до того, что рѣшилась испробить шляхту, или же сама погибнуть. Татары готовились къ повому нашествію, въ помощь козакамъ. Къ Хмельницкому являлись они даже пѣшкомъ изъ Крыма и Буджаковъ, и Хмельницкій спабжалъ ихъ тотчасъ лошадьми и оружіемъ. Не только ежемѣсячно, но и еженощельно (говорила молва) посылается онъ пословъ къ хану съ зазывомъ на войну и просить его не давать свободы ниодному пѣнинку. „Ты-моль хочешь ихъ выпустить, а я хочу ихъ выгубить, чтобы ниодного Ляха не было на свѣтѣ“. Даже днѣстровскіе *побережники*, славные въ шляхетскихъ походахъ противъ Буджацкихъ Татаръ, теперь дѣлались „разбойниками“, какъ увѣломляли одинъ другаго паны.

Каковы были отношенія Хмельницкаго съ Татарами, и что заставило его пріостановиться стъ „кончаніемъ Ляховъ“, открываетъ намъ слѣдующее письмо его къ первому соправителю хана—султану-галгу:

„Ясповельможный, милостивый панъ султанъ-галга крымскій, нашъ милостивый панъ и добродѣй!

„Доброго здоровья и всякихъ счастливыхъ помысловъ со всѣмъ предостойнымъ рыцарствомъ вашей царской милости, низкій поклонъ отдавая, желаемъ пользоваться имъ на многія лѣта.

„За трудъ, который ваша царская милость благоволили поднять для настъ, низкайшихъ своихъ слугъ, много и униженно благодаримъ, и, пока живы, мы и дѣти наши, за столь милостиво оказанное намъ благоволеніе готовы отслуживать. Однакожъ, во время бытности вашей царской милости, былъ бы я радъ, когда бы мы этого непріятеля нашего, побѣдивъ, уничтожили до остатка; только ваша царская

милость сами видѣли, что войско было крайне отягчено (добычею), и я уже тѣмъ удовольствовался. Но, какъ они издавна привыкли жить неправдою, такъ и теперь на насть наступаютъ своею силою, вознамѣрившись уничтожить насть, въ чемъ имъ, Господи Боже, не помоги, и на Крымъ хотятъ идти. Мы имѣемъ вѣрную о томъ вѣсть отъ его милости венгерского короля, который предостерегаетъ насть и вашихъ милостей, нашихъ милостивыхъ пановъ, что и Шведовъ на насть и на весь Крымъ вербуютъ... Умилосердись, умилосердись, милостивый панъ, чтобы мы не дали этимъ нашимъ непріятелямъ распространиться. И вторично, и третично просимъ: ибо множество Христианства нашего, душъ невинныхъ, вырѣзали бы. Умилосердись ваша царская милость: какъ началъ съ начала, такъ и до конца благоволи насть оборонять..."

Татарское милосердіе къ беспощаднымъ руинникамъ грозило Шляхетскому Народу тѣмъ большими несчастіями, что у него былъ теперь такой король, который помогъ Хмельницкому отстранить отъ гетманства единственно страшнаго для него человека. Если у Киселя было хоть немного прямой любви къ отечеству, то онъ, хворая въ Гощѣ надъ Горынью, долженъ былъ бы на досугѣ понять, какую нелѣпую и злоторную играль онъ роль въ качествѣ миротворца. Товарицъ его по комиссії, Мясковскій, изъ Млыновцевъ подъ Русскимъ Зборовомъ, отъ 28 (18) апрѣля, увѣдомлялъ краковскаго бискупу, Гембицкаго, что хапъ даль упросить себя Хмельницкому (*dał się Chmelnickiemu uprosić*); что посылаетъ впереди себя кримскихъ собакъ (*ogarów krymskich*) и самъ садится на копя. „Никогда не были мы ближе къ послѣдней гибели“ (писалъ онъ), „какъ нынѣ, въ несчастномъ будущемъ май. Это будетъ октава и года и мѣсяца, еще горшная прошлогодней, Желтоводского и Корсунского погрома. Никакой спасительной надежды нѣть; изъ Варшавы ничего утѣшительнаго..... Уже изъ Каменца бѣжитъ все живое; кто уходитъ въ Венгрію, кто—куда можетъ“.

Теперь Кисѣль зналъ, что такое Хмельницкій. Оправясь въ Гощѣ отъ своей хирагры, подъ гулъ наступающей грозы опять увѣдомилъ Ко-запкаго Батька пріятельски о своемъ разстроеннѣи здоровьѣ и, вмѣстѣ съ другими комиссарами, просилъ обѣ окончаніи комиссії, по сдѣлалъ это для того, чтобы маскировать папскія приготовленія къ войнѣ. Хмельницкій видѣлъ пана воеводу пасквозвъ, и писалъ къ нему изъ Чигирина, отъ 13 (23) мая таъль нѣжно, какъ писалъ бы мурлыка-котъ къ неосторожной мыши, желая удержать ее по сю сторону подполья:

„За письменное навѣщеніе благодарю вашихъ милостей пановъ и приверженнымъ сердцемъ желаю радоваться, видя вашмость-пана въ добромъ здоровъ. Чѣ же касается окончанія комиссіи, то всѣми силами (*totius viribus*) стараюсь, чтобы она, согласно нашему условію, получила конецъ. Одно только всѣхъ нась очень удивляетъ, что въ Коронѣ и въ Литвѣ собраны весьма великія войска. Это тревожить все наше Запорожское Войско. Оно опасается, чтобы—отъ чего сохрани Господи Боже—не такъ желали кончить комиссію, какъ въ прошломъ году: тутъ про миръ, а тутъ совсѣмъ про другое думали. Однакожъ, я, будучи другаго мнѣнія, обослалъ всѣхъ полковниковъ, чтобы посовѣтоваться, гдѣ бы всего безопаснѣе можно было отправить комиссію. Когда между собой постановимъ, я не замедлю дать знать вашимъ милостямъ какъ можно скорѣе днемъ и ночью. А вашмость-панъ и ихъ милости паны, съ своей стороны благоволите задержать жолнеровъ, чтобы не давали повода къ разорванію этой комиссіи, которая будетъ, дастъ Господь Богъ, отправляться“.

Но 22 (12) мая мозырскій подкоморій, Федоръ Михаилъ Обуховичъ, писалъ литовскому подканцлеру, Льву Сопігѣ, что Кисель ретировался уже изъ Гощи за Горынь, имѣя явныхъ доказательства враждебности Хмельницкаго (*operta hostilitatis argumenta*), такъ какъ онъ ни королевскаго послы Смяровскаго не хочетъ оттуда выпустить, ни на письма о комиссіи не отвѣчаетъ. „Отовсюду также“ (писалъ Обуховичъ) „сыплются толпы взбунтованного поспольства и наполняютъ весь трактъ между Горынью и Случью, а самъ *author et dux* этого подвига наступаетъ главною купою, окруженный огромными ордами“.

Черезъ три дня самъ Адамъ Кисель увѣдомлялъ короннаго канцлера,—что видѣлъ непріятеля собственными глазами; что Хмельницкій былъ бы радъ поймать его въ свои руки; что потому пинуть къ нему (Киселю) *штуочно*, и что теперь уже нѣть надежды па трактаты (*już nulla spes traktatów*). Такъ поумнилъ пашъ Свентольдичъ, умудренный позднимъ опытомъ.

Онъ отписалъ Хмельницкому дружески (*bona verba*), какъ будто ничего не подозрѣваетъ, и едва двинулся изъ-подъ Гощи, въ ту же минуту 600 хмельничанъ вступило въ мѣстечко, а почевало въ немъ 1.500. Прискакавшій отъ Смяровскаго въ Тайкуры *козакъ перебѣжчикъ* (*transfuga*), по фамиліи *шляхтичъ*, объявилъ, что „запорожскій *Макіавелли*“ отобралъ у королевскаго послы и его челяди лошадей и держитъ всѣхъ ихъ подъ стражею до прїѣзда комиссаровъ: тогда ихъ выпустить, а комиссаровъ задержить. Онъ же увѣдомлялъ, что

юркій монахъ, Отецъ Ляшко, конфидентъ Киселя, очутился въ татарской неволѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было донесено, что Хмельницкій заключилъ съ Москвою тайный договоръ. Основаніемъ этому слуху послужила, безъ сомнѣнія, милостивая грамота царская, изъ которой Хмельницкій сдѣлалъ умышленно тайну. Говорили также, будто бы письмо Киселя въ Москву было прислано къ Хмельницкому изъ Москвы. Но гораздо правдоподобнѣе, что онъ, перехвативъ письмо, дѣлалъ изъ московскаго царя своего сотоварища. Ему было нужно, чтобы московскій царь, во мнѣніи пановъ, былъ то же самое, чтѣ и крымскій ханъ. О Киселѣ же наперсники Хмельницкаго говорили Унковскому,— что онъ отпущенъ изъ Переяслава съ тѣмъ, что гетманъ и все Войско Запорожское и вся Киевская Русь подъ властью польского короля и пановъ-рады быть не хотятъ, и паны бы рады на Войско Запорожское и всю Русь не наступали и крови не проливали; но Адамъ Кисель съ такимъ условiemъ въ Польшу идти не рѣшился, потому что, отправляясь посломъ, хвалился Войско Запорожское на миръ привести по-прежнему, и теперь живеть въ своей маетности, въ городѣ Гощѣ, а городъ этотъ принадлежитъ Войску Запорожскому.

Каковы бы ни были виды московской политики па Русскую Землю, которая ломалась въ рукахъ у Польши, по правительство московскаго царя должно было смотрѣть на козаковъ не иначе, какъ и правительство короля польскаго; а Кунаковъ представилъ своему государю польскій взглядъ на козачину въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Великому государю, его царскому величеству, своихъ (московскихъ) украинъ годитца отъ такова гультайства обречь, чтобы не вомкнулись и шкоды какіе не учинили. А у Богдана Хмельницкаго многіе своеевольные люди козаки, и гультай, и Татаровъ; и только имъ въ королевскомъ панствѣ не удаєца, и имъ де безъ хлѣба не пробыть, и чаять ихъ промыслу и инуды“.

Такъ говорили правительствующіе паны царскому гонцу. Но, въ виду того, что они держали себя такъ гордо передъ царскимъ гонцомъ, Алексѣй Михайловичъ долго не отвѣчалъ на привезенное ими 30 марта 1649 года благодарственное письмо Яна Казимира. Зная всѣ обстоятельства польской неурядицы и видя, какой „пожарт“ пылаєтъ внутри польско-руssкихъ областей, Москва выжидала событий во всеоружії своихъ ратей, обступившихъ польскія границы.

Въ концѣ апрѣля появился въ царской столицѣ посолъ Хмельницкаго, полковникъ Федоръ Вешнякъ, тотъ самый, который такъ рыцарски вель себя за столомъ у гетмана. Несмотря на название,

данное имъ заодно и ксендзамъ и попамъ, его сопровождали — игуменъ могилевскаго Глядовскаго монастыря да „черный попъ“ (т. е. іеромонахъ) Никифоръ. Этимъ лицамъ было поручено ходатайствовать у царя, чрезъ посредство іерусалимскаго патріарха, Паисія, о принятіи Хмельницкаго и его козаковъ подъ высокую царскую руку и о „пособії“ въ войнѣ съ Поляками. „А роздѣлавшись де съ Поляками“ (докладывалъ Посольскій Приказъ), „козаки обѣщали, для царскаго счастья, идти съ Крымскими людьми на турскаго салтана. А войска де черкаскаго съ 40.000 человѣкъ да Татаръ съ 400.000“.

Но для царя не было тайною, что Хмельницкій отмѣрилъ уже Туркамъ Червенскіе Города равноапостольнаго Владимира по самый Люблинецъ. Съ этимъ опаснымъ интриганомъ надобно было вести себя крайне осторожно, не такъ, какъ этого желали бы наши кіевскіе ретрограды. Изъ его перваго положенія вытекала для царскаго правительства двойная забота: во-первыхъ, чтобы, воюя Поляковъ съ побратимами Татарами (которыхъ самъ онъ показывалъ 400.000), не очутился онъ въ рукахъ у мусульманъ со всѣмъ своимъ кочевьемъ; а во-вторыхъ, чтобы, отвергнутый царемъ, не обратилъ онъ, по старой козацкой памяти, на Москву опустошителей своего роднаго края.

Не получивъ никакого отвѣта чрезъ глядовскаго игумена, Хмельницкій написалъ, отъ 3 мая, новое письмо къ царю Алексѣю Михайловичу. Онъ просилъ принять Запорожское Войско „въ свою милость и благословить своей рати на ихъ (козацкихъ) наступцовъ и за вѣру православную наступати“. При этомъ выражалъ желаніе, чтобы московскій государь былъ надъ козаками царемъ и самодержцемъ, принялъ ихъ со всею Русью подъ свою милость и оборону.

Письмо было представлено царю полковникомъ Вешнякомъ, который не упомянуть въ прежнемъ докладѣ Посольского Приказа, и теперь изъ поповскаго провожатаго сдѣлался самостоятельнымъ посломъ: уловка, продѣланная и Мужиловскимъ. Этотъ грубый пьяница получилъ отъ своего достойнаго гетмана наказъ: „чтобъ онъ съ его царскими величествомъ“ (точно Янъ Коровченко съ крымскими ханомъ) „изустно разговорилъ и всю истину исповѣль“.

Бывши въ Переяславѣ, паны подхватили слухъ, что тонкая Москва (*subtilna Moskwa*) привыла не совсѣмъ радушно и патріарха Паисія (*male exceptus et habitus*) за его индульгенція въ Украинѣ. Тѣмъ несимпатичнѣе отнеслась она къ анти-обычайному Вешняку.

Тяжела была въ козацкомъ вопросѣ роль царя Алексѣя Михайловича, столь величаваго въ своихъ пріемахъ, столь высоко цѣнившаго достойную обстановку царственности. Верхъ русскаго обществитѣя,

олицетворяемый москвицами, и самая низкая ступень его, изображаемая запорожцами, сошлись волею историческихъ судебъ, въ общей работѣ русского возсодишенія, которую Москва производила сознательно еще въ эпоху Великаго Собирателя Русской Земли, а козачество совершило безсознательно и подъ бунчукомъ того, кто объявилъ себя русскимъ единовладникомъ и самодержцемъ. Изъ этой встрѣчи Русичей, просвѣщенныхъ новою гражданственностью въ удаленіи своемъ на Клязьму и Москву, съ другими Русичами, одичалыми въ пустыняхъ Калки и Даѣпра, подобно было царскому правительству выйти съ достоинствомъ. Такіе вѣдомые намъ представители Москвы, какъ Ушковскій и Кунаковъ, не могли смотрѣть на козатчину иначе, какъ съ отвращеніемъ. Но, съ другой стороны, воспитанные виѣ западнаго вліянія, они чуяли въ грубіяхъ козакахъ древнее русское родство больше, нежели въ малорусской шляхтѣ,—больше, чѣмъ даже въ нашемъ начальствующемъ духовенствѣ, пропитанномъ такъ или иначе антирусскою латиницей.

Въ теченіе трехъ вѣковъ политического разобщенія Руси, населеніе ливорусской части ея не переставало дѣлиться на приверженцевъ забвенной русской старины и на приверженцевъ прославляемаго латинства, или же—протестантства. Съ каждымъ поколѣніемъ оставалось у насъ меныше и меныше старовѣровъ, напоминавшихъ собою древнее наше единство съ тѣмъ Русскимъ Народомъ, который собрался въ одно сильное тѣло подъ спасительнымъ единовластіемъ Москвы. Съ каждымъ поколѣніемъ, малорусское наше старовѣрство осѣдало изъ высшихъ, богатыхъ и порядочныхъ слоевъ общества въ низшіе, убогіе, по своему быту, ордынскіе. Это было осѣданіе русской народности и обычайности, русскихъ сочувствій, русскихъ отвращеній.

Передъ началомъ Хмельницкаго иноплеменникъ нашъ, Петръ Могила, сроднилъ идеалы нашей духовной аристократіи съ идеалами латинскими, и тѣмъ осадилъ у насъ русскій элементъ ниже прежняго. Представителями этого элемента въ нашей интеллигенції, таившейся въ монастыряхъ, сдѣлались подобные Филипповичу личности, остатки подавленной *могиллянами* партіи Копинскаго, которые и по своему убожеству, и по своему ничтожному положенію въ цанскомъ обществѣ, слѣдили только издали, сквозь туманъ своихъ предубѣждений, за совершающимися въ Малороссіи событиями, пробавлялись въ политическихъ дѣлахъ только молвою прихожихъ богомольцевъ и, не видя себѣ ни откуда поддержки, взирали на козаковъ, какъ на борцовъ за вѣру, а на московскаго царя—какъ на послѣднее убѣжище въ безотрадной будущности.

Здѣсь церковь, раздѣленная съ козачествомъ діаметрально противоположными стремлѣніями, очутилась въ такомъ точно опасномъ положеніи за свою вѣрность древнимъ преданіямъ, въ какое козаки были приведены своими посягательствами на права и имущество производительныхъ классовъ малорусского населенія. Церковь, воздвигнутая изъ своего упадка творцами знаменитаго Совѣтованія о Благочестіи, проповѣдывала святое мученичество, родственное съ мученичествомъ Гермогена и Филарета московскихъ, какъ единственный способъ одолѣть своихъ отступниковъ, и въ то же время, подвергшись новому упадку въ лицѣ своихъ верховниковъ, могиланъ, чаяла какого-то спасенія отъ людей, проливавшихъ кровь, какъ воду; а общество убийцъ и грабителей, верставшихъ поповъ и ксендзовъ подъ одну стать, хваталось кровавыми руками за ея чистое знамя, лишь бы выбраться изъ той бѣды, которая грозила ему за его неслыханныя злодѣйства даже и въ моментъ его торжества надъ панами.

Всльдѣ за посольствомъ Хмельницкаго пришло къ царю и къ московскому патріарху отъ игумена Мгарского монастыря, Калистрата, съ братію письмо, умоляющее царя „принять его подъ крыла царства своего со всѣми старцы и со всѣми статки монастырскими и церковными“. Въ письмѣ къ царю Калистратъ изображалъ положеніе дѣлъ въ Малороссії такими словами:

„Нынѣшняго времени въ Землѣ Лятцкой веліе есть смятеніе и междуусобная рать зѣльная, какова не была отдавна, и нынѣ всѣ въ отчаяніи есмы и въ страсѣ великому отъ Ляховъ, и еще преодолѣваютъ нашихъ козаковъ, кому не можно намъ быти живымъ. И въ нынѣшній часъ перевозятся на сю сторону Днѣпра, Лахи, Литва съ Радивиломъ, шездесятъ тысячей сказываютъ ихъ быти“.

Въ посланіи къ московскому патріарху судьба малорусского православія представлена еще въ болѣе мрачномъ видѣ:

„Нынѣ пріиде время, еже бѣжати намъ отъ лица луку сильныхъ, глаголю же враговъ сущихъ нашей православныи и благочестивыи, съ солнцемъ восходящія вѣры и церкви нашей восточныи апостольскія ненавистниковъ, хулниковъ, гонителей, Лаховъ, кои отдавна изостиша языкъ свой, яко мечъ остръ, дышуще на ны огнемъ яности злопамятства, кои пообладаша бѣща всѣ благочестивые церкви россійскіе и монастыри, всѣхъ насъ, яко заплѣненныхъ, подъ ся покориша. И се нынѣ, Божіимъ маніемъ и попущеніемъ, оружіе пріимше, пособіемъ Божіимъ, войско наше православное козацкое Запорожское, не терпяще преизлишнихъ бѣдъ отъ Лаховъ поносити, ополчилось противу имъ сташа, еже есть слышано, яко мимошедшаго лѣта втори-

дею и третицею неизбѣжные Ляхи отъ нашихъ побѣдѣни бѣша; и се иныѣ сильнѣе первого па нашихъ вооружишась, и онѣхъ убо множество, насскихъ же въ маломъ числѣ сочести. И сего ради боимся и зѣло ужасаемся, да пе како безбожные Ляхи преодолѣваютъ козаковъ нашихъ и месть сотворять злую надъ пами, безо всякаго пощадѣнія и милосердія".

Посланцовъ Калистрата пущивльскіе воеводы не пустили къ царю. Но тѣмъ не менѣе монашескіе вопли должны были волновать въ Москвѣ общественное мнѣніе, находившееся подъ вліяніемъ духовенства. Между тѣмъ, изъ разспросовъ, сдѣланныхъ по заведенному порядку воеводами у этихъ посланцовъ, видно, что монахи писали въ Москву то, что было нужно козакамъ, все равно какъ въ прежнія времена козаки въ свои петиціи на сеймѣ включали то, что было нужно духовенству. Полковники Хмельницкаго разсылали по монастырямъ реляціи о своихъ побѣдахъ, а вернувшись изъ похода, являлись къ монахамъ съ приношеніями, которыя заставляли честныхъ отцовъ забывать увѣреніе Киселя и другихъ православныхъ паповъ, все еще продолжавшихъ созидать и благодѣтельствовать наши храмы, что война съ козаками идетъ вовсе не за вѣру, а за опустошеніе края, за предательство его Татарамъ, за нарушеніе государственного права и оскорблѣніе королевскаго величества. Такимъ образомъ козацкая и поповская истительность торжествовала надъ правдою фактовъ, и православные люди отъ береговъ Тясмина до рѣки Москвы твердили хоромъ, что въ Малороссіи идетъ война за вѣру. Великоруссы разувѣрились въ этомъ только тогда, когда Выговскій и другіе предатели, питомцы Хмельнитчины, стали поступать съ ними такъ, какъ до сихъ поръ поступали съ безбожными и злочестивыми Ляхами, а Малоруссы не стыдятся и послѣ Мазепы проповѣдывать, что „козаки были единственными борцами за православную вѣру и русскую народность“.

Оставаясь непроницаемою въ своихъ намѣреніяхъ, набожная, чинная, величавая и вмѣстѣ съ тѣмъ, по замѣчанію Поляковъ, тонкая (*subtelna*), Москва угощала чигиринскаго увальня, Бешаяка, съ обычнымъ своимъ хлѣбосольствомъ. По царскому указу, велѣно было дать ему „государево жалованье въ стола място: колачъ смѣсной въ полторы лопатки, блюдо икры черные, лещъ или стерлядь паровые, звено бѣлые рыбицы, блюдо вухи рыбы свѣжіе, зѣно бѣлужины, щуку колодку; питья: двѣ кружки вина двойнаго, двѣ кружки романѣи, двѣ кружки ренского, двѣ кружки меду вишневого, или малиноваго, полведра меду паточнаго, ведро меду цѣженаго, два ведра пива доброго“.

Царь Алексей Михайловичъ милостию принялъ присланые козацкимъ верховодомъ лошадь (оцененную потомъ въ 45 рублей) да лукъ турской, и спросилъ черезъ думпаго дьяка о здоровъ гетмана Богдана Хмельницкаго: Вешняка и четверыхъ его спутниковъ „ожаловать къ руѣ; по выслушать гетманской листъ и на тотъ листъ и на рѣчи Вешняка обѣщаль, черезъ того же думпаго дьяка, учинить указъ приказными людьми инымъ временемъ“.

Козацкому посольству было придано значеніе обыкновеннаго „прѣѣзда козаковъ къ Москвѣ для испрошениія государева жалованья“. — „Въ докладѣ“ было написано Посольскимъ Приказомъ, что „1646 году гетманъ Запорожскаго Войска, Миколай Зацвиліховскій, присыпалъ къ царю листъ да двухъ человѣкъ языковъ татарскихъ“. Сообразно съ отпущеніемъ его гонцамъ жалованьемъ, было дано жалованье полковнику (Мужиловскому) и десяти человѣкамъ козаковъ, которые привезли въ Москву іерусалимскаго патріарха Паисія, а сообразно съ этимъ жалованьемъ былъ награжденъ и Вешнякъ съ товарищи. Они получили: „отласъ гладкой, сукно лундыши*) самый доброй, камка добрые, два сорока соболей по 50 рублей сорокъ, денегъ 30 рублей; козакамъ тремъ человѣкомъ по сукну по английскому по добруму, по двѣ пары соболей по 5 рублей пара; денегъ по 10 рублей; людемъ ихъ и полковникову конюху всего 6 человѣкомъ, по сукну по добруму, по парѣ соболей, по 2 рубли пара, денегъ по 10 рублей человѣку“.

Юня 12, черезъ 8 дней по прибытіи Вешняка въ Москву, опѣ былъ отпущенъ царемъ, у котораго поцѣловалъ руку, но съ которымъ „разговорить устно“, какъ это писалъ Хмельницкій, было бы слишкомъ высокою для него почестью. На отпускѣ думный дьякъ сказалъ ему въ присутствіи царя:

„Федор! великий государь-царь и великий князь Алексей Михайловичъ, всея Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, велиль къ тебѣ сказать: Прїѣжалъ еси къ нашему царскому величеству по присылѣ запорожскаго гетмана, Богдана Хмельницкаго, съ листомъ. И мы, великий государь, тотъ гетмановъ листъ выслушали, и гетмана и все Войско Запорожское за ихъ службу, что нашіе царского величества милости ищутъ, жалуемъ — милостию похваляемъ. И противъ того гетманова листа посылаемъ съ тобою къ

*) Fein holländisch, по-польски falendysz. Изъ этого сукна козаки носили такъ-называемые жупаны-луданы.

нему, гетману, къ Богдану Хмельницкому, нашу царского величества грамоту да нашего государева жалованья три сорока соболей".

"А послѣ того" (записано въ столбцахъ) „думной дьякъ Михайло Волошениковъ, объявилъ имъ государево жалованье при государѣ, а молыль: Полковникъ Федоръ! великий государь царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русиї самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ тебя своимъ царскимъ жалованьемъ: отласъ, камка, сукно багрецъ, два сорока соболей, денегъ 30 рублей".

Такъ патріархально и вмѣстѣ такъ отчетливо велось государево хозяйство московское, вовсе непохоже на польское, въ которомъ иной разъ было разливное море для всѣхъ выдмыкублей, а иной—на королевской кухнѣ недоставало дровъ и говядины, а сенаторы-резиденты голодали вмѣстѣ съ своимъ „великимъ монархомъ", отъ иностранныхъ же пословъ, случалось, великий монархъ бѣгаль изъ Варшавы на охоту, чтобы въ нимвродовской жизни скрыть свое постыдное убожество.

Изъ пріема Вешняка явствуетъ само собой, что тайный договоръ съ козаками и пересылка сенаторскихъ писемъ къ козацкому гетману могли явиться только въ шляхетскихъ умахъ, которые показали мутъ взбунтовавшейся шляхтичъ.

Въ отвѣтной своей грамотѣ, врученной Вешняку, царь писалъ, что желаніе Хмельницкаго и обѣщаніе служить ему, великому государю, со всѣмъ Запорожскими Войсками—милостию похваляется, но что наступить царскимъ ратямъ на козацкихъ непріятелей нельзя, потому что отцомъ его, царемъ Михаиломъ Федоровичемъ, заключено съ покойнымъ королемъ Владиславомъ и съ его наследниками „вѣчное докончанье", утвержденное на обѣ стороны ихъ государскими душами, крестными цѣлованьемъ и грамотами и печатями".—"А будетъ королевское величество" (сказано въ заключеніе) „тебя, гетмана, и все Войско Запорожское учинить свободныхъ *), безъ нарушенья вѣчного докончанья, и мы, великий государь, наше царское величество, тебя, гетмана, и все Войско Запорожское пожалуемъ—подъ нашу царского величества высокую руку принятии велимъ" **).

*.) Вчерь было подписано сперва: „А будешь ты, гетманъ и все Войско Запорожское, у короля и у пановъ-радѣ учинитеся свободны".

**) Это мѣсто также вчерь было написано иначе; а именно: „А будетъ, вамъ въ чёмъ учинитца тѣснота и гоненье, и которые на нашу царского величества сторону переходить учнутъ, и мы, великий государь, для православные христіянскіе вѣры, по тому же тѣхъ принести велимъ, что послѣ вѣчного докончанья съ обѣ стороны переходить повольно".

Но польскому королю и его панамъ-рады, рабамъ римского папы, уже была дана строгая нота. Получивъ извѣстительное письмо о воцареніи Яна Казимира въ концѣ марта, Алексѣй Михайловичъ промолчалъ весь апрѣль, и только 8 мая написалъ внушеніе, что возводить человѣка въ достоинство свѣтила всего христіянства (какъ дѣлаютъ-моль паписты) *непристойно*. Подъ этимъ внушеніемъ могло скрываться и другое,—что славословить безъ всякой мѣры короля, оторвавшаго у Москвы Сѣверщину къ Польшѣ, болѣе чѣмъ неблагородзумно въ такой моментъ, когда завоеватели Сѣверщины завоевали Польшу, и готовы повергнуть ее къ ногамъ преемника Собрателей Русской Земли.

Привыкнувъ мыслить по римской логикѣ, польскіе паны взирали на Москву съ такимъ пренебреженіемъ, что даже лучшій изъ ихъ капитлеровъ, Янъ Замойскій, среди паціонального собралія своего называлъ московскаго царя Бориса *хлопомъ*. Между тѣмъ цари-хлопы, съ окружавшими ихъ просторѣковатыми боярами, хорошо запали путь политической жизни, шли по этому пути при свѣтѣ собственнаго, русскаго ума, и, въ свою очередь, присвоивали себѣ право называть пановъ *безмозглыми Лягами*. Теперь именно насталъ такой моментъ, когда двѣ системы политической жизни, два противоположные способы государственного самосохраненія—должны были доказать практически свою состоятельность. Поляки гордились *вольностью* своею, а Москали—свою *неволю*. Называя себя холопьями царя своего, бояре московскіе такимъ самоуничиженіемъ высказывали только національное уваженіе къ знамени, подъ которымъ *Русскій Народъ* (не Шляхетскій и не Козацкій) изъ падшаго сдѣлался возставшимъ, изъ раздробленнаго—единымъ, изъ малаго—великимъ. Поэтому всякое прямое или косвенное оскорблѣніе имени и достоинства царскаго прини-мали они за оскорблѣніе всего народа, надѣ чѣмъ „*безмозглые*“ смѣя-лись и послѣ Хмельнитчина, въ знаменитыхъ *Pamiętnikach Paska* *).

*) By³ tedy miêdzy ochoœnikami ch³opiec, który umia³ z Moskalami swarzyæ siê i drañniæ ich; jak oni wo³ali: „czaru, czaru“! to ch³opiec przypadlszy blisko nich, zawo³ał g³osem: „wasz czar taki a faki“! to Moskali za nim kilkunastu albo kilkudziesiat wysworowa³o siê; ch³opiec za³, na racymbach macie siedzæc, dobrze ucieka³, a wyprowadziwszy ich za soba daleko od kupu, to my, skoczywszy z boków, przerznieli¶my ich, siekac i zabierajac. Do³æ na tem, Ÿasny poslali wojewodzie ze trzydziestu jêzykow z harc³owki za powodem owego ch³opca. To znowu ch³opiec do nich porusza³ i powiedzia³ im co innego o carze, a Moskale jakoby wsciekli, (bo oni bardziej siê urazaja o krzywdę imienia carskiego, ni¿eli

Случай вымстить на Ляхахъ всю ихъ кичливость самъ по себѣ былъ искусствителъ. Хмельницкій „растопталъ“ ихъ боевые силы, растопталъ, по выражению Киселя, ихъ славу, и грозилъ перевернуть польское панство кверху ногами, — грозилъ въ глаза великимъ и полномочнымъ посламъ Рѣчи Посполитой, которыхъ третировалъ en canaille. Москали знали цѣну козакамъ еще до своего Разоренія: это у нихъ былъ народъ дикий, безбожный, предательский. Съ козаками они держали себя осторожно, какъ съ огнемъ. Но почему же имъ было не взять у Ляховъ свое, когда Ляхи станутъ кверху ногами? Связывало ихъ вѣчное докончаніе, утвержденное крестнымъ цѣлованіемъ. То не была преподанная Ляhamъ присяга словомъ, а не напи-ренiemъ. Но это вѣчное докончанье, при всей святости своей для воспитанного православіемъ сердца, не обязывало его терпѣть новаго оскорблѣнія, — и отъ кого же? отъ пановъ, попраныхъ ногами собственныхъ рабовъ, какъ они сами сознавались. Въ сердцахъ думныхъ царскихъ людей не зажили еще раны, напесенные тѣмъ самымъ Владиславомъ Жигимонтовичемъ, котораго просвѣщеніе Ляхи такъ не во времени противопоставили московскому невѣжеству, разумѣя подъ этими сіяніе польского католичества и темноту русской схизмы. Всякое при-косновеніе къ этимъ ранамъ отзывалось въ Москвѣ болѣзненно, а между тѣмъ со стороны Ляховъ это была не единственная зацѣпка.

Съ возобновленіемъ козацкихъ бунтовъ и сношеній папаго духовенства съ Москвою, польские политики стали бояться русскаго воз-соединенія больше прежняго, и, чтобы проявлявшіяся въ низшей плахтѣ симпатіи къ московской тишинѣ, къ московской безопасности, къ московскому суду и расправѣ — не возымѣли своего дѣйствія, пустили въ ходъ самое жалкое средство. При всякомъ удобномъ случаѣ, на сеймикахъ и сеймахъ, въ церковныхъ проповѣдахъ и въ печатныхъ сочиненіяхъ, они старались бросить на Московское Царство тѣнь, какъ на страну звѣрскую, коварную, и самого царя московскаго изображали — или тираномъ, или посмѣшищемъ. Такъ продолжалось дѣло до послѣдняго бунта. Хмельницкій, изыскивая средства задобрить московское правительство и вооружить Москву противъ Польши, напалъ на этотъ родникъ международной ссоры. Въ качествѣ польскаго

---

imienia boskiego), suną się za nim zapamiętale. Tak było tego wiele razy na swo-
go chłopca. I tak tedy zagnali się za owym chłopcem aż w las, chcąc go konie-
cznie dostać, aby go pewno ze skóry odarli za takie nieceny, które im wyrządzał. My zaś zawsze po nich...

шляхтича и козака, онъ питалъ къ парскому правительству меныше пріязни, нежели къ султанскому, и въ особенности—за его неуклонную строительность. Разозлясь на царя за его равнодушіе къ козацкимъ предложеніямъ, не разъ отпускалъ онъ передъ московскими людьми такія угрозы, что вотъ-моль пойду изломаю вашу Москву и все Московское Царство, да и тотъ, что у васъ на Москвѣ сидигъ, отъ меня не отсидится. Но это дѣлалъ онъ съпьяна. Проспавшись и опомниясь, посыпалъ онъ къ царю всѣ книги, въ которыхъ Ляхи дѣлали изъ него карикатуру, а московскій народъ называлъ на ступень дикихъ животныхъ. Этимъ удачнымъ въ демоническомъ смыслѣ маневромъ Хмельницкій еще больше сгустилъ густую тучу на сѣверовостокѣ польского горизонта.

Но Поляки, къ пагубѣ своей, не замѣчали грозы. Они думали, что имъ предстоитъ счеты съ однimi козаками; обо всемъ же, чтѣ взяли у Москвы съ возведенія бродяги на престолъ Собирателей Русской Земли, паны думали, какъ наши мужики: „щѣ зъ вѣза впало, те пропао“.

На послѣднемъ сеймѣ было у нихъ постановлено: собрать вновь 30.000 регулярнаго войска и дать королю право на посполитое рушеніе. Дѣленіе пановъ на коренныхъ землевладѣльцевъ и на колонизаторовъ малорусскихъ пустынь проявилось опять зловѣщамъ образомъ. Польша съумѣла применить къ себѣ Русскую Землю, или, какъ ее называли еще до церковной унії, Малую Россію, но не умѣла соединить ее съ собою неразрывно. Хотя такие люди, какъ Янъ Замойскій, читали русскія лѣтописи, по они не понимали, какъ много значили для этой Малой Россіи общія съ Великою Россіей преданія. Своими *уніями* они произвели только *дизунію*, и все, чѣмъ ихъ политика мечтала соединить на вѣки съ Польшою Русью,—а всего больше латинопольскія школы,—обратилось въ причину ихъ вѣчной несоединимости. Не помогла Полякамъ на чужой почвѣ и колонизация пустынь, которой начало положили ихъ кровные Конецпольскіе да Гаштольды.

Стародержавные паны не хотѣли теперь дать предводительства надъ войскомъ представителю пановъ новодержавныхъ, Вишневецкому, а король былъ у нихъ въ рукахъ. Да онъ и самъ не любилъ Князя Еремія, точно провидѣлъ, что его сынъ смѣнитъ шведскихъ Вазъ на Польскомъ престолѣ. Но па пановъ рады сильно вліяло въ этомъ случаѣ и требование Хмельницкаго, примиреніе съ которыми эти малодушные политики считали возможнымъ до конца. Притомъ же, по ихъ традиціонному мнѣнію, было бы несправедливо отдать великую

или малую гетманскую булаву кому-либо при жизни находившихся въ татарскомъ плѣну гетмановъ, Потоцкаго и Калиновскаго, о выкупѣ которыхъ они хлопотали настойчиво. Въ ожиданіи свободы вождей, погубившихъ уже одну армію, впустившихъ козако-татарскую орду i n viscera Reipublicae, и способныхъ только къ новымъ и новымъ промахамъ въ пользу руинниковъ, король, съ одобреніемъ пановъ рады, сдѣлалъ то, что было всего хуже и что могъ бы присовѣтовать ему только губитель Польши: онъ оставилъ гетманскія права за собою, онъ, который не съумѣлъ гетманить и однимъ полкомъ изѣхоты. Янъ Казимиръ вознамѣрился предводительствовать послопитымъ рушениемъ непосредственно, а регулярное войско вѣбрить новому тріумвирату, который состоялъ изъ белзскаго каштеляна, Фирлея, кампецкаго каштеляна, Ляпцкоронскаго, и извѣстнаго уже памъ короннаго подчашаго, Остророга. Эта послѣдняя мѣра опровергаетъ извѣстную пословицу: „*po szkodzie Lach mądry*“ (*). Она показываетъ, что Ляхъ оставался всегда однимъ и тѣмъ же Лахомъ, и что Хмельницкій не напрасно считалъ все польское войско за ничто безъ Вишневецкаго.

Притязанія Козацкаго Батька на независимое владѣніе въ русскихъ провинціяхъ королевства побуждали панское правительство вооружаться на борьбу съ нимъ всѣми своими силами. Вишневецкій совсѣтовалъ это панамъ въ самомъ началѣ бунта: онъ совсѣтовалъ гасить пожаръ на маломъ пространствѣ; но поклонники киселевскаго хитроумія дали пожару охватить большую часть государства, да и тутъ еще устранили единственное способное гасителя, по волѣ поджигателя.

Диллемма короля съ его тріумвиратомъ и съ его панами-рады состояла въ томъ: государству ли торжествовать надъ козацкой вольницей, или козацкой вольницѣ ругаться безнаказанно надъ государственнымъ правомъ? Появясь во главѣ бунтующихъ козаковъ, іерусалимскій патріархъ придалъ ксендзовской побранкѣ *Наливайкова секты* значеніе дѣйствительности, и тѣмъ усилилъ вліяніе ксендзовъ на ихъ паству, у которой еще такъ недавно были они дискредитованы своею жадностью къ овладѣнію шляхетскими имуществами. Вопросъ вѣры и церкви пересталъ теперь быть въ Польшѣ римскимъ вопросомъ: она сдѣлалася *польскимъ*, и вѣрѣ—римско-польскимъ павсегда, такъ что, чѣмъ больше теряла Польша подданныхъ, тѣмъ больше приобрѣтала Римская Курія исключимыхъ работъ среди Шляхетскаго Народа. Отъ этого пропасть, раздѣлявшая двѣ національности Сѣверной Славянини, разверзлась все шире и шире. Козацкое дѣло, проти-

---

*) Умень Лахъ послѣ шкоды (т.-е. потери).

воположное дѣлу православія, стало принимать значеніе дѣла церковнаго не только въ глазахъ Польши, но и въ глазахъ Москвы. Гибель панской республики сдѣлалась неизбѣжною.

Двинулись предводители квартнаго войска на Волынь и расположились главнымъ станомъ подъ Старымъ Константиновыемъ, гдѣ бурная волна козатчины смыла уже однажды плотину или моль панской хозяйственности. Войско было далеко не все въ сборѣ. Финансовая затрудненія и теперь, какъ всегда, составляли камень преткновенія въ панскихъ военныхъ дѣйствіяхъ. А между тѣмъ хлопская война кипѣла въ разныхъ мѣстахъ на Волыни и въ Бѣлоруссіи съ ранней весны. Собственно говоря она не прекращалась ни послѣ того, какъ Хмельницкій двинулся изъ-подъ Замостья, якобы послушанный королевскому повелѣнію, ни послѣ того, какъ опять заключилось перемиріе въ Переяславѣ. Взволнованная козацкимъ походомъ и голодная въ слѣдствіе опустошительного бунта масса простонародья не хотѣла знать никакихъ договоровъ. Несчастная шлахта дѣлала, что могла, отстаивая свои имущества, свои семейства, свои гражданственныя учрежденія; но чѣмъ успѣшнѣе отражала разбой, тѣмъ больше узаконивала въ понатіяхъ бунтовщиковъ убийства, грабежи и пасилія, совершаемыхъ надъ противниками козачества, тѣмъ шире разносилась молва о борьбѣ за христіянскую вѣру, тѣмъ свирѣпѣе ревѣль и биль въ землю ногами Козацкій Батько, заставляя дрожать шкуру на плѣнникахъ и королевскихъ послахъ.

Въ началѣ марта, за два дня до возвращенія королевскихъ комиссаровъ изъ Переяслава, какъ уже сказано выше, гайдамацкій полковникъ Тиша, по-козацки Гарасъко, овладѣлъ городомъ Острогомъ, побывавшимъ уже въ рукахъ героевъ разрушенія; но законные владѣльцы знаменитаго города снова отстояли его у противозаконныхъ. Увы! эти владѣльцы были окатоличенные потомки Князя Василія, на котораго внукахъ и правнукахъ тяготѣли вѣщія слова Іоанна Вишенскаго, объяснявшаго цѣлость панскихъ домовъ на Руси только существованіемъ среди пановъ монашествующихъ каптуроносцевъ. Теперь во мнѣніи взбунтованной козаками черни изчезло и послѣднее различіе между панами отступившими отъ предковской церкви, и панами, сохранившими вѣру отцовъ своихъ. Князь Корецкій, котораго родители были еще православными, и который держался ихъ памятью такъ, что даже конфиденты Хмельницкаго хвалились Уяковскому его готовностью помочь имъ, подвергся участіи, одинаковой съ окатоличенными давно уже наслѣдниками князя Острожскаго. Ватага мужиковъ, запорожествуя по козацкому почину, взбунтовала мѣстныхъ

гультаевъ противъ людей хозяйственныхъ, которые поладили съ вернувшимся на родное пепелище княземъ. Замокъ въ городѣ Корецѣ былъ разоренъ; шляхта и Жиды истреблены; самъ князь едва избѣгнулъ гибель отъ рукъ парода, который своимъ водвореніемъ въ этихъ мѣстахъ и своею цѣлостью былъ обязанъ его воинственнымъ предкамъ и ему самому. Сынъ зламенитаго Кривоноса поднялъ па пановъ Полѣсье. Загонъ Донца, конвоировавшаго, вмѣстѣ съ Тишею, королевскихъ комиссаровъ отъ Звягля до Переяслава, задумалъ было, вмѣстѣ съ загопомъ полковника Татаринца, овладѣть Заславомъ; но стоявшіе на Волыни жолнеры отбили у нихъ двѣ пушки, 20 значковъ, и самихъ обратили въ бѣгство. Козаки были выбиты изъ Звягля, и, вѣроятно, великолѣпная кушиѣрка перестала тогда „лаять“ Хмельницкаго за его простую обстановку, „когда Богъ далъ всего много“. Еще прежде были они выбиты изъ Бара, который Хмельницкій называлъ своимъ городомъ, едва отстояли Шаргородъ и потеряли Гусятынъ. Наконецъ, были разбиты и подъ Межибожемъ. Повсемѣстный голодъ, послѣдовавшій за козако-татарскимъ нашествіемъ прошлаго года, давалъ жителямъ Волыни надежду, что Хмельницкій теперь не соберетъ великой силы для похода на пановъ, а съ малою противъ нихъ не устоитъ. Такъ думалъ и королевскій тріумвиратъ. Но война кипѣла сама собой, безъ видимой причины и безъ всякаго разсчета.

Православный Адамъ Кисѣль съ православными и католическими своими спутниками подобно жившему въ 4 миляхъ отъ него князю Корецкому, напрасно старался утвердиться въ своемъ волынскомъ имѣніи, Гощѣ, хотя держался въ немъ до конца мая, приводя экономическая дѣла свои въ возможный при тогдашнихъ обстоятельствахъ порядокъ, другими словами—связывая выгоды подданныхъ съ выгодами панскими для противодѣйствія опустошительной Хмельниччинѣ. Въ то же время онъ посыпалъ письмо за письмомъ въ Москву, выставляя Хмельницкаго врагомъ не одной Рѣчи Посполитой, но и всякаго гражданственного общества. Хмельницкій, какъ мы знаемъ, дружески съ нимъ переписывался о способахъ успокоенія междуусобной войны, а между тѣмъ ловилъ его посланцовъ и подкрадывался къ нему самому. Находившіеся съ Киселемъ комиссары изображали себѣ довольно комически миръ среди неудержимой никакою властью войны. Повидимому, Хмель считалъ особы этихъ представителей короля и Рѣчи Посполитой неприкосновенными. Вдругъ сильный козацкій отрядъ нагрянула въ Гощу. Но Кисѣль имѣлъ конфиденцію среди козаковъ еще со временемъ Павлюка, и когтистая лапа хитраго кота сдѣлала промахъ: мышь ускользнула съ мышатами. Послѣ такой

развязки комиссарской трагикомедіи, панскія сдѣлки съ хозяйствыми подданными стали уступать мѣсто козацкимъ сдѣлкамъ съ гультайми и гайдарами.

Подобно своимъ предшественникамъ, Хмельницкій бралъ не однімъ подъучиваньемъ панскихъ подданныхъ и служебниковъ на предательство, но и терроромъ надъ людьми, мирившимися съ существующимъ порядкомъ вещей. Уже вскорѣ послѣ первого разлива козацкой славы подъ бунчуками желтоводскихъ и корсунскихъ героеvъ, слышень были ропотъ на Хмеля въ земледѣльческомъ и ремесленномъ классахъ. Самое стоянье подъ Ильявцами сопровождалось такой шаткостью въ украино-запорожскомъ войскѣ, что Хмельницкій разослалъ по всѣмъ дорогамъ команды сѣчевиковъ для истребленія новобранцевъ, расходившихся изъ табора; а захваченные въ послѣдствіи жолнерами по одинокѣ пиливецкіе побѣдители показывали на пыткѣ, что общее бѣгство козаковъ было предупреждено только бѣгствомъ самой шляхты.

Панскимъ попыткамъ удержать разливъ антихозайственной козачины экономическою дѣятельностью вредили всего больше землевладѣльцы, которые, отчаявшись въ спасеніи своихъ имѣній, дѣлали на нихъ наѣзы съ помощью квартирныхъ жолперовъ, и захваченное у крестьянъ добро отправляли въ глубину края. Добро это было приобрѣто крестьянами посредствомъ грабежа панского хозяйства, по тѣмъ не менѣе возбуждало громкіе вопли противъ „проклятыхъ Ляховъ“. Еще больше помогали Хмельницкому въ привлечениіи черни на сторону разбоя храбрые, хищные и распутные жолнеры, которые, идущи противъ русскихъ злодѣевъ, всячески обижали мирныхъ жителей и грозили вырѣзать до ноги русское племя, разогнавши козацкія купы,— грозили не оставить живыми и младенцевъ, какъ жаловался Уновскому самъ творецъ свирѣпой съ обѣихъ сторонъ трагедіи. Молва подхватывала нелѣпны угрозы въ кабакахъ и на жолнерскихъ вакханалияхъ, превращала ихъ въ совершившіе факты, какъ это было въ Тарасовщину, и гибельно для панского дѣла весь украинскій, волынскій, червонорусскій, бѣлорусскій народъ дѣлила на козаковъ, воюющихъ за православную Русь, и на Ляховъ, готовыхъ истребить ее поголовно, вплоть до московской границы, не щадя и „немовѣлѣтокъ“.

Въ силу козацкаго террора, подавлявшаго не только работящихъ мужиковъ и мѣщанъ, но и мелкую шляхту, въ составѣ такъ называемаго Запорожскаго Войска находились люди, гнушавшіеся козацкимъ промысломъ и ждавшіе только рѣшенія спорнаго вопроса: которому изъ двухъ славянскихъ государствъ владѣть Малороссіей, чтобы изъ-

подъ козацкаго самоуправства перейти подъ власть правительства монархического. Къ такимъ людямъ принадлежалъ неизвѣстный авторъ современныхъ записокъ, которымъ я далъ название „Лѣтописи Самовидца“. Онъ раздѣлялъ со множествомъ порядочныхъ людей то мнѣніе, что война па Хмельницкаго возымѣла свое начало отъ гоненія Лаховъ на православіе и отягощенія козаковъ; но ляшское *юненіе* изобразилъ только словами: „не тилко унѣя у Литвѣ, на Волынѣ, але и на Українѣ почала гору брати“; а это значило, что желавшиє единенія съ людьми господствующаго вѣроисповѣданія, какъ напримѣръ Кисель, Березовскій, Косовъ и всѣ „могиляне“, стали превозмогать старовѣровъ, которые понизились въ достоинствахъ, въ общественномъ значепіи, и со стороны которыхъ скиталецъ Филипповичъ былъ гласомъ, вопіющаго въ пустынѣ. Напротивъ, „отягощеніе козаковъ“ изобразила „Лѣтопись Самовидца“ весьма подробно и обстоятельно. По ся разсказу, Хмельницкій прежде всего „наступилъ Ордою на Запорожье“ и заставилъ стоявшее на Запорожїе войско пристать къ нему. Вызванное въ Україну бунтомъ Хмельницкаго коронное войско, по извѣстію Самовидца, распространило въ народѣ не новый уже слухъ, поддержаній, разумѣется, хмельничанами, что, по уничтоженію бунтовщиковъ, паны опустошатъ Україну, и большую часть ея населять людьми нѣмецкими да польскими. Но случилось паоборотъ: коронное войско было уничтожено бунтовщиками. Услыхавъ объ этомъ (разсказывается Самовидецъ), начали собираться въ полки не только тѣ, которые бывали козаками, но и тѣ, кто никогда не зналъ козачества. Державцы спасались изъ охваченного бунтомъ края бѣгствомъ, а курсынскіе побѣдители, вмѣстѣ съ новобранцами, принялись истреблять шляхету, Жидовъ и городскихъ урядниковъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. „Маєтности“ (пишу его языкомъ) „рабовали, костелы палили, обвалювали, ксіонзовъ забіали, дворѣ зась (же) и замки шляхетскіе и двори жидовскіе пустошили, не заставляючи жодного (ниодного) цѣлого. Рѣдкій въ той крѣвѣ на тотъ часъ рукъ своихъ не умочилъ и того грабленія тихъ добръ не чинилъ. И на тотъ часъ туга великая людемъ всякаго стану значнымъ была и наруганія отъ посполитыхъ людей, а наиболѣе отъ гультайства, то-есть отъ броварниковъ, винниковъ, могильниковъ, будниковъ, наймитовъ, пастуховъ, же любо бы (что хотя бы) якій человѣкъ значный и не хотѣлъ привязоватися до того козацкаго войска“ (какъ, вѣроятно, и самъ лѣтописецъ), „тылко мусѣль задля позбытия того насыбѣска и нестерпимыхъ бѣдъ въ побояхъ, напояхъ и кормахъ незвычайныхъ, и ты мусѣли у войско приставати до того козацтва“.

Однакожъ, положеніе бунтовщиковъ было крайне рискованное. По сказанію Самовидца, войско Хмельницкаго подъ Пилявцами было едва не въ осадѣ отъ короннаго войска; но пришла Орда „великою силою“ и испугала пановъ, не видавшихъ еще татарскихъ полчищъ. Гоня передъ собой разбѣжавшееся войско (что не совсѣмъ вѣрно), Татары не брали полона, имѣя въ виду будущій ясырь и не желая себя обременять, а всѣхъ обезглавливали. Но, расположась подъ Замостьемъ, козаки и Татары распустили загоны по самую Вислу. „И хто“ (восклицаетъ Самовидецъ) „можетъ зраховать (исчислить) такъ неопштованную (неоцѣнимую) шкоду въ людехъ, изо орды позабирали, а мастьности (изо) козаки побрали! Бо въ тотъ часъ не было милосердія межи пиродомъ людскимъ. Не тиль (только) Жидовъ губили и шляхту, але и посполитымъ людемъ, въ тихъ краяхъ живучимъ, тая же бѣда была. Многіе въ неволю татарскую пойшли, а наѣ барзѣй ремесники молодые, которые себѣ головы гозили попольску, чуприну пускаючи на верхъ головы. Але предся (но однакожъ) Русь-христіянѣ въ тихъ повѣтахъ, въ городахъ, позоставали, и ежели якого Поляка межи собою закрыли, то тотъ (остался) живъ. Костели зась (же) римскіе пустошили, склепы (подвалы) съ трупами (гробами)⁴ откоповали, мертвыхъ тѣла зъ гробовъ (гробницъ) „выкидали и обирали и въ томъ одѣллю (одѣяніи) ходили.“

Осада Львова показала намъ, какъ щадили козаки галицкую „Русь-христіянѣ“. Самовидецъ поправляетъ самъ себя, описывая то, что дѣжалось у него передъ глазами. Нѣжинцы, посланные взять Кодакъ, по его разсказу, дѣлали людемъ во время похода „великія кривды“, такъ что поднѣпряне приняли ихъ за Литву, идущую оборонять эту крѣпость, напали на пихъ между Рашевкою и Комышнимъ, и перебили нѣсколько сотень.

Новую войну Хмельницкаго, въ 1649 году, характеризуетъ Самовидецъ слѣдующими словами, показывающими, какъ и предыдущая выписка, что тогдашняя письменная рѣчь малорусская на половину сдѣлалась уже рѣчью польской:

„...усе що живо поднялося въ козацтво, же заледво (что едва) знайшоль бы въ якомъ селѣ такого человѣка, жебы (чтобы) не (и) мѣль альбо (или) самъ, альбо сынъ до войска ити; а ежели самъ не здужалъ, то слугу паробка посыпалъ. А иные, килько ихъ было, всѣ ишли зъ двора, тилько одного зоставляли, же (такъ что) трудно было о наймита (наймита). А то усе дѣялося задля того, же (что) прошлого року (года) збогатилися шарпапиною (грабежемъ) шляхетскихъ и жидовскихъ и иныхъ людей, бывающихъ па преложенствѣ

(старшинствъ), же наветь (что даже) где въ городахъ были и права майдебурскіе,—и присяглые бурмистрове, и райцы свои уряды (должности) покидали и бороды *тотили*, до того войска ишли: бо ты сеѣ зневагу держали (презрѣніе терпѣли), который бы зъ бородою неголеною у войску былъ *). Такъ дияволъ учинилъ себѣ смѣхъ зъ людей статечныхъ!*

Вотъ побужденія, управлявшія пособниками Хмельницкаго въ Украинѣ! Немудрено, что составившееся такимъ образомъ войско норовило разойтись изъ табора еще до начала боя, и геройствовало только среди беззащитныхъ. Понятно также, почему, не имѣя у себя сзади Татаръ, оно было слабосильно и малодушно массою. Хмельницкій зналъ свой народъ, эту дружину хищныхъ новобранцевъ, находившуюся подъ терроромъ „старинныхъ козаковъ“, и потому прежде всего заручился дружбою Крымцевъ, во что бы ни обошлась эта дружба родному краю. Новобранцы стояли у него между молотомъ и наковальней: имъ не оставалось иного выбора, какъ „пановати“, по-татарски, вмѣсто разогнанной шляхты, или же идти въ татарскую неволю. По свидѣтельству королевскихъ комиссаровъ, окочченные мужики въ прошлую осень ничего не сѣяли. Отъ этого-то жилища ихъ были окружены роющимися въ снѣгу лошадьми, отъ этого улицы столицы козацкой были обезображены падалью, а вязанка сѣна продавалась по 2 талера. Козацкій Батько посыпалъ въ Украину цѣлые обозы, нагруженные панскимъ добромъ, но былъ принужденъ выгнать 600 собственныхъ лошадей въ снѣга за центральный городъ козачини. Многіе козаки вернулись домой также богачами. На кievскихъ рынкахъ продавалось безчисленное множество панской одежды, цѣнныхъ принадлежностей культурнаго быта, дорогаго оружія, конской сбруи, ломаннаго и неломаннаго серебра. Но притокъ добычи не внесъ въ Украину того, что составляетъ прямое богатство страны. Посреди роскошныхъ вещей нищета высовывала обнаженные члены свои, а голодъ угрожалъ даже тѣмъ, кто владѣлъ блестящими побрякушками. Это были самые сильные союзники Хмельницкаго въ новомъ его походѣ противъ „проклятыхъ Ляховъ“, хотя они же явились въ послѣдствіи самыми грозными врагами его. Хмельниченія и началась подъ сильнымъ

*) Хмельницкій, какъ мы видѣли, жаловался въ Переяславѣ, что паны вырывали козакамъ бороды. Борода была принадлежностью почетныхъ людей. Но въ Польшѣ распросѣанилась уже шляхетская мода брить бороды, и козачина, подчиняясь вожакамъ своимъ, недовольнымъ шляхтичами, усвоила себѣ ихъ моду.

давленiemъ голода, поразившаго разомъ и козацкую Украину, и татарскій Крымъ. Зима 1647—1648 года была безснѣжная, теплая, гнилая. Наступило неурожайное лѣто, и Унковскій говорилъ правду Хмельницкому, что когда бы не подвозъ хлѣба изъ пограничныхъ московскихъ рынковъ, то козаки перемерли бы съ голоду; а новый голодъ, причиненный великимъ бунтомъ черни, былъ предвѣстникомъ тѣхъ голодовъ, которые погнали наконецъ козаковъ, точно стада, въ запасливыя царскія Україны.

Одичалая въ нашей украинщинѣ Кlio изображаетъ вторичное вторженіе Козацкаго Батька въ область хозяйственной культуры съ восторгомъ: „Поселянинъ не разсчитывалъ дорогаго времени; заброшенъ лежалъ плугъ его; орала и серпы перекованы были на оружіе... не заботился онъ, что ему ёсть и пить, надѣясь жить на счетъ Польши“ и т. д. *). По этому дикому восторгу, встрѣченному похвалами дикой критики, можно судить, какова была дикость козако-татарского нашествія, совершившагося болѣе, чѣмъ за два столѣтія до нашего времени.

---

*) Костомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, стр. 91

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

Стр.

Глава XI. Страхъ соединенія козаковъ съ азіатскими сосѣдями.—Связь между Московскимъ и Польскимъ разореніями.—Главный дѣйствующій лица въ ускореніи Польской Руины.—Спасительный планъ великаго полководца и гражданина.....	3
Глава XII. Два различные плана войны съ Турцией.—Смерть великаго воина и патріота.—Секретныя сношенія короля съ козаками.—Лады у Москвы съ Польщею.—Мечты короля о завоеваніяхъ.—Сношенія съ иностранными дворами по предположенной войнѣ.—Вооруженія короля.—Оппозиція сторонниковъ мира.....	35
Глава XIII. Польскіе сеймики и сеймы.—Возмущеніе втораго и третьяго государственныхъ сословій противъ перваго.—Король отдается въ руки своихъ подданныхъ.—Недовѣрчивость Шляхетскаго Народа къ королю.—Новый сеймъ.—Религіозныя дѣла вмѣсто политическихъ.—Сеймовая неурядица развязываетъ королю руки.....	69
Глава XIV. Пророчество о гибели Польши отъ унії.—Вопросъ церковный и вопросъ козацкій.—Вершитель козацкихъ бунтовъ.—Свиданіе короля-демагога съ козакомъ-демагогомъ.—Надежда на восстаніе Болгаріи.—Козако-татарскій союзъ противъ Рѣчи Посполитой.—Козацкія досады на украинскую шляхту.—Пограничныя сношенія Польши съ Москвою.—Панское войско идетъ противъ козацкаго..	112
Глава XV. Битва на Желтыхъ Водахъ.—Битва подъ Борсунемъ.—Строительныя дѣйствія Москвы въ виду Польскаго разоренія.—Козаки между Польшей и Москвой.—Гибель польскихъ трудовъ на русской почвѣ.—Поощдада исконныхъ враговъ со стороны московскаго царя.—Бунтъ въ Вишневетчинѣ.....	159
Глава XVI. Геройскій духъ Шляхетскаго Народа въ лицѣ ополяченного Русича.—Безсознательная работа отступниковъ русскаго элемента въ пользу Россіи.—Православный миротворецъ между панами сенаторами.—Отсутствіе патріотизма.—Безнравственный контингентъ козачини.—Соперничество магнатовъ-доматоровъ съ колонизаторами.—Каптуровый сеймъ.—Триумвиратъ.—Вопросъ о вѣрѣ. —Шляхетская Украина.—Обманувшіеся въ своихъ надеждахъ миротворцы	210

Глава XVII. Разстройство филянсовъ.—Козаки морочать пановъ надеждой на миръ.—Пышиность панского лагеря подъ Пилявцами.—Борьба между собой трехъ Русичей на гибель Польши.—Два триумвирата.—Удачная прѣба панского оружія подъ Пилявцами и перевѣсь паники.—Бѣгство пановъ изъ-подъ Пилявцевъ.—Козаки осаждаютъ Львовъ, потому Замостье, и приноуждаютъ пановъ къ избранію указанного имъ короля.....	244
Глава XVIII. Воспитаніе и характеръ короля, избраннаго по указанію козацкаго гетмана.—Монахъ-разстрѣла на польскомъ престолѣ.—Избирательный сеймъ.....	290
Глава XIX. Возвращеніе панскихъ побѣдителей въ Украину.—„Что нужно Московскому Государству“.—Царское посольство въ Чигиринѣ.—Королевское посольство въ Переяславѣ, въ 1649 году.....	326
Глава XX. Возвращеніе панскихъ миротворцевъ изъ Переяслава.—Встрѣча Русичей гражданственныхъ съ Русичами одинчальными.—Перевѣсь чувства народной мести надъ правдою фактовъ.—Два противоположные способа государственного самосохраненія.—Борьба государственного права съ козацкой вольницей.—Козацкій походъ на пановъ 1649 года.....	369

О П Е Ч А Т К И.

Авторъ просить—въ I-мъ томѣ, на стр. 10, вмѣсто XI читать XII, на стр. 110—вмѣсто XI и XII читать XIII и XIV, а на стр. 183 вмѣсто патентами читать потентатами.

Стр.	Строка.	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
3	11	себѣ	къ себѣ
5	3	вымѣстить	вытѣснить
14	37	Кулаковъ	Кунаковъ
27	29	наказовъ	наказовъ, какъ
39	37	Кубани	Кубали
47	17	страницы	страстности
50	35	десять	двадцать
62	4	ускорить	ускоримъ
64	30	должень	долженъ вступиться
67	37	и презрѣнія	прегрѣшени¤
69	19	подъ	надъ
—	29	народио	парадно
70	40	совершившимся	совершавшимся
71	14	жестокое	жесткое
72	21	иностранныго	иностранныго войска
74	12	уваженія	униженія
76	9	Петроконскій	Петроконскій
81	17	полагается	полагался
117	14	не только	не только имѣли
127	7	утѣшать	угнетать
136	22	дошины	домашнимъ
—	34	Киселя	Киселя, въ письмѣ
141	36	Tloch	I loch
142	28	и принять	принять
146	6	Хмельницкаго	Хмелецкаго
156	26	горцами	гарцами
161	30	Это	Это было
176	25	со всѣми	со своими

177	14	призывали	призвали
178	39	забронники	забродники
189	26	нерадивые	юродивые
194	32	унѣ его	унѣю
204	20	инстинкты тѣхъ	инстинкты
207	3	что	то что
238	34	было	былаго
240	35	Ляшка	Ляшко
241	30	трактата	трактата между
250	32	построена	настроена
251	3	вступила	выступила
255	9	и десятилѣтіе	а десятилѣтіе
—	29	привыкла	привыкала
259	3	совѣтовалъ	совѣтовалъ онъ
260	4	согласны	мы согласны
—	12	и псевдогосударство	псевдогосударство
—	14	и импровизированный	импровизированный
—	39	сказали	сказано
264	18	упорядочнымъ	упорядоченнымъ
—	31	чтобъ	на то, чтобъ
267	6	Лещинскому	Лещинскому
—	21	бензского	бензского
268	15	мѣсяцъ	на мѣсяцъ
271	4	но все	но вовсе
—	—	не спѣшило	не спѣшиль
—	18	привлекали	привлекли
278	6	были укрѣплениія	укрѣплія
—	28	внушали	внушили
281	31	и имѣло	имѣло
289	15	запечатанная	запечатлѣнная
290	16	больше	большее
292	31	увиличенія	самоуниженія
297	5	Она	Чернь
299	19	подаетъ	подастъ
302	40	съ особеннымъ правамъ по	по особеннымъ правамъ
304	2	Владиславъ	Владиславъ отзывался
307	36	заткнутымъ	замкнутымъ
312	11	Бобринта	Бобрина
—	14	хлобы	хлоши
315	6	плодоносной	и плодоносной
—	7	Ляницкоронскій	Ляницкоронскій
—	39	коронованный	коронованною
323	39	у меня	говорится у меня

325	19	вещественна	существенна
328	36	роня	не роняя
—	37	достоинство	достоинства
329	12	Творецъ	Творцы
332	11	такъ де	такъ до
—	20	государства	государя
340	1	не единымъ	ни единымъ
342	26	просить	просимъ
347	22	фальшивому	фамильному
352	36	пролагать	полагать
—	37	покупать	чтобъ они покупали
—	38	разузнавать	разузнавали
354	23	съ него	съ нею
—	37	перелины	перемѣны
361	13	Замостімъ	Замостьемъ
362	7	звенівъ	звелівъ
—	27	свѣтъ	сөвѣтъ
—	31	пословъ	послаль
367	4	всю пічъ	всю нічъ
374	7	Jaja	Jajac
380	1	непрѣбжные	незбожные
387	34	и вѣрнѣе	или вѣрнѣе
—	37	исключимыхъ	неисключимыхъ
389	38	конфиденцію	конфидентовъ
392	19	изо орды	що орды
—	11	изо козаки	що козаки.

